Актуальные проблемы источниковедения

Витебск 2015

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Материалы III Международной научно-практической конференции

Витебск,
8–9 октября 2015 г.

Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2015

УДК 930.2(082)
ББК 63.211я431
А43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 6 от 29.06.2015 г.

Редакционная коллегия:
А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв. ред.),
Г.Н. Яковлева (зам. отв. ред.), **А.М. Белявский,**
Е.А. Гребень, А.Б. Довнар, А.П. Косов,
А.В. Мартынюк, Д.В. Юрчак

Р е ц е н з е н т ы :
заведующий отделом истории Беларуси средних веков
и начала нового времени Института истории НАН Беларуси,
доктор исторических наук, профессор *В.Ф. Голубев*;
старший научный сотрудник Института российской истории РАН,
кандидат исторических наук *О.И. Хоруженко*

А43 **Актуальные проблемы источниковедения :** материалы III Международной научно-практической конференции, Витебск, 8–9 октября 2015 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – 342 с.
ISBN 978-985-517-502-6.

Рассмотрены широкий круг проблем теории, методологии, методики источниковедения, источниковедения историографии, а также комплексы исторических источников и отдельные источники древности, средневековья, нового и новейшего времени.

Данное научное издание может быть полезно историкам, источниковедам, архивистам, музееведам, а также всем, кто интересуется историей и источниковедением.

УДК 930.2(082)
ББК 63.211я431

ISBN 978-985-517-502-6

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ... 9

Румянцева М.Ф. К ВОПРОСУ О ДИСЦИПЛИНАРНОМ СТАТУСЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ……. 9

Лукьянов Д.В. «КОГНИТИВНОЕ» ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ …….. 11

Минц С.С. ОСОБЕННОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ КООПЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ДЕФРАГМЕНТАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОЛЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ ……. 15

Булыгина Т.А. ДИАЛОГ С ПРОШЛЫМ: СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В ИСТОЧНИКАХ МЕСТНОЙ ИСТОРИИ ……. 18

Казаков Р.Б. ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В РОССИИ И МИРЕ: К ВОПРОСУ О ДИСЦИПЛИНАРНОМ СТАТУСЕ …….. 20

Папцова А.К. ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ЕВРОПЫ НА ПРИМЕРЕ ИСТОЧНИКОВ, ОСВЕЩАЮЩИХ ПОЛИТОГЕНЕЗ У СЕВЕРНЫХ ФРАКИЙЦЕВ …… 23

Иванова Н.П. НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ НОВГОРОДСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ) …… 26

Аверьянов К.А. КОГДА ВОЗНИКЛИ ПИСЦОВЫЕ КНИГИ? ……. 29

Святец Ю.А. ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРОНОЛОГИИ И ДАННЫХ ГЕНЕАЛОГИИ ДЛЯ ДАТИРОВКИ ИСТОЧНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ СЕДЬМОЙ КНИГИ РУСЬКОЙ МЕТРИКИ) ……. 32

Ерешко А.Е. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СПИСКОВ ПОДЬЯЧИХ ИНОЗЕМСКОГО ПРИКАЗА (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА № 103 СТОЛБЦОВ МОСКОВСКОГО СТОЛА РАЗРЯДА) …….. 36

Мининков Н.А. УТРАЧЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ОПЫТ ИХ РЕКОНСТРУКЦИИ (ВОССТАНОВЛЕНИЕ Е.П. ПОДЪЯПОЛЬСКОЙ БУЛАВИНСКОГО ПОВСТАНЧЕСКОГО АРХИВА) …… 38

Павлова Е.Я. ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ……. 41

Преловська І.М. МЕТОДИ І ПРИНЦИПИ ДОСЛІДЖЕННЯ ДОКУМЕНТАЛЬНИХ ДЖЕРЕЛ З ІСТОРІї УКРАЇНСЬКОї АВТОКЕФАЛЬНОї ПРАВОСЛАВНОї ЦЕРКВИ (1921–1930) – УКРАЇНСЬКОї ПРАВОСЛАВНОї ЦЕРКВИ (1930–1939) ……... 45

Кузнецова Т.И. ИНФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ВЕРБАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ) ……. 49

Костякова Ю.Б. РЕКОНСТРУКЦИЯ ТОТАЛИТАРНОЙ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ КАК ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА …… 51

Мазур Л.Н. ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ: МЕТОДЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ …… 54

Ященко О.Г. ПРЕДМЕТЫ БЫТА ГОРОЖАН В МУЗЕЯХ БЕЛАРУСИ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОГРАФИИ ГОРОДА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА …… 57

Раздел 2. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ. АРХИВОВЕДЕНИЕ И АРХЕОГРАФИЯ ……... 61

Алеврас Н.Н. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ РАКУРСЫ …….. 61

Маловичко С.И. НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАРРАТИВ КАК ВИД ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ …… 63

Тимохин Д.М. ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОНЯТИЯ «АРМЕНИЯ» ПРИ ОПИСАНИИ ИСТОРИИ ЮЖНОГО КАВКАЗА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ …….. 66

Смолік А.І. ТВОРЧАЯ СПАДЧЫНА І.К. КАНДРАЦЬЕВА ЯК КРЫНІЦА ГІСТАРЫЧНЫХ ВЕДАЎ ……. 69
Кручак П.С. М.В. ДОЎНАР-ЗАПОЛЬСКІ ЯК КРЫНІЦАЗНАЎЦА …….. 71
Дубровский А.М. ДНЕВНИК ИСТОРИКА С.А. ПИОНТКОВСКОГО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ……. 73
Гришина Н.В. ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ ……. 75
Новікаў С.Я. НОВЫЯ КРЫНІЦЫ, АБО САВЕЦКІЯ СТЭРЭАТЫПЫ? ……. 77
Краско Г.Г. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПО БОРЬБЕ С АНТИСОВЕТСКИМ ВООРУЖЕННЫМ ПОДПОЛЬЕМ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД В РАБОТАХ БЕЛОРУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ……... 81
Макаров Л.Д. ИСТОРИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ РУССКОГО ЗАСЕЛЕНИЯ ВЯТКИ В XII–XV вв. ……... 83
Сукина Л.Б. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ЖИТИЙ РУССКИХ СВЯТЫХ: ОТ ИССЛЕДОВАНИЯ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО ДО СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ШТУДИЙ . 86
Бытко С.С. СТРУКТУРА СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СБОРНИКОВ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ……. 89
Кащенко С.Г. МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 г. ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ …….. 91
Болотина М.О. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ФОТОДОКУМЕНТОВ В РОССИИ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ……. 93
Кепин Д.В. ПАМЯТНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УКРАИНЕ ……. 96
Карач А.У. БЕЛАРУСКАЯ НУМІЗМАТЫКА: СУЧАСНЫ СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ РАЗВІЦЦЯ …….. 98
Киселева Ю.А. ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1991–2014): ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ……. 101
Белявский А.М., Захаркевич С.А. АРХИВ КАК ИСТОЧНИК – ЕЩЕ РАЗ ОБ АРХИВНОМ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ …… 104
Агеенко Т.Н. СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТАРХИВА ЦК КП(б)Б В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД ……. 107
Архипова Т.Г. МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РСФСР И ЕГО ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ……. 110
Киселев М.Ю. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ В АРХИВЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: ПРОБЛЕМЫ СОХРАННОСТИ …….. 113
Дьякова Е.В. АРХИВ КЛУБА «КРАЕВЕД» …….. 115
Некрасова Н.В. АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТВЕРСКИХ ИСТОРИОПИСАТЕЛЕЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. …… 117
Французова Е.Б. О ПОДГОТОВКЕ К ИЗДАНИЮ ПРИХОДО-РАСХОДНЫХ КНИГ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ НАЧАЛА XVII ВЕКА ……. 120
Чикалова И.Р. РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ФАБРИЧНОГО И СОЦИАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ РУБЕЖА XIX–XX вв…… 123
Раздел 3. ИСТОЧНИКИ ПЕРИОДА ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ …… 126
Марфина О.В. ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК …….. 126
Лю Янь. «КНИГА ПЕСЕН И ГИМНОВ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ ……. 128
Кулиева Н.М., Гасанов Э.Л. АНТИЧНЫЕ ГОНЧАРНЫЕ ТРАДИЦИИ ГЯНДЖИ КАК ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ …….. 131
Алиева Н.А. АРАБСКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ IX–XIII ВЕКОВ …… 133

Подберезкин Ф.Д. ВОСТОЧНЫЕ «РЕЙЗЫ» ГРАФА ЭНГЕЛЬБЕРТА ФОН МАРК: ОСАДА ПОЛОЦКА 1381 г. В ХРОНИКАХ ГЕРЦОГСТВА КЛЕВЕ …….. 136
Черкасов Д.Н. ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА XV ВЕКА В «ПУТЕШЕСТВИЯХ И ПОСОЛЬСТВАХ» ЖИЛЬБЕРА ДЕ ЛАННУА …… 139
Фомина Т.Ю. ЛЕТОПИСЬ АВРААМКИ: СОСТАВ, ИСТОЧНИКИ, ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ ……... 142
Ермалёнак В.А. МАНЕТЫ І СКАРБЫ МЁРШЧЫНЫ АД СТАРАЖЫТНАСЦІ ДА XV СТАГОДДЗЯ …….. 145
Мартынюк А.В. «МЕЙСТЕР ИОГАНН РЕЛЛАХ»: ЗАГАДКА СРЕДНЕВЕКОВОГО ИСТОЧНИКА И ЕЕ РЕШЕНИЕ …….. 149
Раздел 4. ИСТОЧНИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ …… 150
Лобин А.Н. ДОКУМЕНТЫ О СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЕ 1512–1522 гг. В АРХИВНЫХ СОБРАНИЯХ ГЕРМАНИИ, АВСТРИИ, ДАНИИ И ШВЕЦИИ …….. 150
Попель Р.И. ПЕРЕПИСКА ЖИГИМОНТА АВГУСТА С КИЕВСКИМ ВОЕВОДОЙ И МЕЩАНАМИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КИЕВСКОГО ВОЕВОДСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1550-х гг. ……..... 153
Доўнар А.Б. ДЭКРЭТ 1571 г. ПА СПРАВЕ ВІЦЕБСКІХ МЯШЧАН З ВІЦЕБСКІМ ВАЯВОДАЙ ЯК ГІСТАРЫЧНАЯ КРЫНІЦА ……... 156
Веремейчик А.Е. АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ ОБ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ НЕСВИЖСКОЙ ОРДИНАЦИИ (МАЙОРАТА) РАДЗИВИЛЛОВ ……... 159
Чореф М.М. К КАТАЛОГУ БАХЧИСАРАЙСКИХ НАДПИСЕЙ: СТРОИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ МЕЧЕТИ МОЛЛА-МУСТАФА …….. 161
Скварчэўскі Д.В. АСТРАНАМІЧНЫЯ І АСТРАЛАГІЧНЫЯ ТВОРЫ XVI–XVII стст. У АРХІЎНЫХ І БІБЛІЯТЭЧНЫХ ФОНДАХ БЕЛАРУСІ ……. 163
Солодкин Я.Г. К ИСТОРИИ ТЕКСТА СИНОДИКА «ЕРМАКОВЫМ КАЗАКАМ» (РЕДАКЦИИ 1620-х – 1630-х гг.) …….. 166
Кобринец В.А. РУССКИЕ МОНЕТЫ В ОПЕРАЦИЯХ КРЕДИТА НА РЫНКАХ МОГИЛЕВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в. …… 168
Булатый П.Ю. МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ОБ ИСТОРИИ ГОРОДА ЛЯХОВИЧИ В XVI–XVIII ВЕКАХ …….. 171
Таранеўскі В.У. «МАЁЙ ФАРТУНЫ КАРОТКІ ШЛЯХ ТАКІ…» (ПА СТАРОНКАХ «ДЫЯРЫУША» П.К. АБУХОВІЧА) ……. 173
Евстратьев О.И. «ОПИСАНИЕ ЛИВОНИИ» КАРЛА ИОГАННА ФОН БЛОМБЕРГА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК …… 175
Редин Д.А. УЧЕТНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ ГЕРОЛЬДМЕЙСТЕРСКОЙ КОНТОРЫ 1720-х гг.: КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОЧНИКОВ ……. 179
Козлова М.И. «СИЛЬНА РУКА ВЛАДЫКА» И «ОСТАВЬ ТЫ СУЕТУ…» В ФОНДЕ ЩЕРБАТОВЫХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ДРЕВНИХ АКТОВ …… 181
Новицкая О.В. ПРАВОСЛАВНЫЕ И КАТОЛИЧЕСКИЕ КРЕСТЫ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ «ЗАМКОВЫЙ КОМПЛЕКС “МИР”» …….. 184
Дианова Е.В. КОЛЛЕКЦИИ БОН И МОНЕТ В МУЗЕЯХ КАРЕЛИИ ……... 187
Болотина Н.Ю. СЕНАТОРСКАЯ РЕВИЗИЯ ГРАФА А.Р. ВОРОНЦОВА И А.В. НАРЫШКИНА 1785 г.: КОРПУС ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И СУДА В МОГИЛЕВСКОЙ И ПОЛОЦКОЙ ГУБЕРНИЯХ ……. 189
Фельдман Д.З. ДОКУМЕНТЫ РГАДА ПО ИСТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ЕВРЕЕВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в.: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ …… 192
Анофранка Н.В. КРЫНІЦЫ ВЫВУЧЭННЯ САЦЫЯЛЬНА-ПРАВАВОГА СТАТУСА І ГРАМАДСКАЙ АКТЫЎНАСЦІ ДВАРАНАК БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКІХ ГУБЕРНЯЎ КАНЦА XVIII – ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XIX ст. ……. 195

Посохов С.И. «АКТОВЫЕ РЕЧИ» ПРОФЕССОРОВ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ПАМЯТНИК КУЛЬТУРЫ ……... 197
Емельянова А.В. МЕМУАРЫ О РОЛИ ДОМАШНЕГО ЧТЕНИЯ В ВОСПИТАНИИ ДВОРЯНСКИХ ДЕТЕЙ В РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII в. …… 200
Лякишева С.И. КНИГИ МЕМОРИАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ИЗУЧЕНИИ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ …… 203
Ермакова О.К. КОНТРАКТЫ С ИНОСТРАННЫМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. КАК ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА …… 205
Сакольчык А.Э. КРЫНІЦЫ ПА КАНФЕСІЙНАЙ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ КАНЦА XVIII – ПАЧАТКУ XX ст. ……... 208
Литвинчук Ю.С. КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX В. ИЗ ФОНДОВ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ … 211
Кожевникова М.В. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПРЕСТУПНОСТИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. В АРХИВЕ МОСКОВСКОЙ УПРАВЫ БЛАГОЧИНИЯ …… 213
Луговцова С.Л. УЕЗДНЫЕ СПИСКИ ДВОРЯНСТВА БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК …….. 215
Алентьева Т.В. ПРОИЗВЕДЕНИЕ РИЧАРДА ХИЛДРЕТА «БЕЛЫЙ РАБ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК …… 218
Белецкая Е.М., Великая Н.Н. ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ О КОМАНДИРЕ СУНЖЕНЦЕВ Н.П. СЛЕПЦОВЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕНТАЛЬНОСТИ ЧЕЧЕНЦЕВ И ЛИНЕЙНЫХ КАЗАКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА …….. 221
Власова Н.В. ВИТЕБСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ ПРОКУРОР Н.Ф. ДУБЕНСКИЙ: ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ …… 223
Загороднюк Н.И. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 гг. ГЛАЗАМИ УНТЕР-ОФИЦЕРА А.А. ДУНИНА-ГОРКАВИЧА …… 227
Антановіч З.В. ВЫДАЧА ВЫПІСАЎ З МЕТРЫЧНЫХ КНІГ КАСЦЁЛАЎ МАГІЛЁЎСКАЙ РЫМСКА-КАТАЛІЦКАЙ КАНСІСТОРЫЯЙ У XIX – ПАЧАТКУ XX ст. (ПАВОДЛЕ МАТЭРЫЯЛАЎ НГАБ) …… 230
Новик Н.Е. ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛАРУСИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в. …….. 233
Амбарцумян К.Р. ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КАВКАЗСКИХ ЭТНОСОВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ …….. 235
Карпекін К.Р. ПАМЯТНЫЯ КНІЖКІ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ ЯК КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ІЎДЗЕЙСКІХ АБШЧЫН У СЯРЭДЗІНЕ XIX – ПАЧАТКУ XX стст. …… 238
Моторова Н.С. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В 1875–1917 гг. В АРХИВАХ БЕЛАРУСИ ……... 241
Кухаренко А.А. ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ …… 243
Юрчак Д.В. К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЙ ПОРОГОВ, ОСТРОВОВ И ОТМЕЛЕЙ, УКАЗАНЫХ В КНИГЕ А.П. САПУНОВА «РЕКА ЗАПАДНАЯ ДВИНА» …… 246
Мыслівец Г.М. «ПОЛАЦКІЯ ЕПАРХІЯЛЬНЫЯ ВЕДАМАСЦІ» ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ШАНАВАННЯ ЕЎФРАСІННІ ПОЛАЦКАЙ …… 248
Рымко В.Г. ЛІТОЎСКІЯ І ГРОДЗЕНСКІЯ ЕПАРХІЯЛЬНЫЯ ВЕДАМАСЦІ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XIX – ПАЧАТКУ XX ст. ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ЗАМОЙСКАГА САБОРА 1720 г. ……... 251

Шандра И.А. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНЫХ ГУБЕРНИЙ) …….. 254

Мяньчэня С.В. КАРЭСПАНДЭНЦЫЯ І ДАНЯСЕННІ ЧЛЕНАЎ ПАПЯЧЫЦЕЛЬСТВАЎ АБ НАРОДНАЙ ЦВЯРОЗАСЦІ ЯК КРЫНІЦЫ ПА ВЫВУЧЭННІ КУЛЬТУРЫ СПАЖЫВАННЯ АЛКАГОЛЯ Ў БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ XIX – ПАЧАТКУ XX ст. …….. 256

Півавар М.В. «СПРАВАЗДАЧЫ АБ ДЗЕЯННЯХ ТАВАРЫСТВА ВІЦЕБСКІХ СЕЛЬСКІХ ГАСПАДАРОЎ» ЯК КРЫНІЦА ПА ВЫВУЧЭННІ ВІЦЕБШЧЫНЫ …… 258

Яковенко Г.Г. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ПОДГОТОВКЕ ДОМАШНИХ УЧИТЕЛЬНИЦ В ЖЕНСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ УЧИЛИЩАХ …….. 260

Сидоренко Б.И. «ВЕСТНИК МОГИЛЕВСКОГО ЗЕМСТВА» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ЛЕТО 1914–ЛЕТО 1915) …… 263

Кравченко Е.В. ПИСЬМА ДЕТЕЙ-БЕЖЕНЦЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ……. 265

Ключарева А.В. КОЛЛЕКЦИЯ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ФОНДАХ «МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ Л.Н. ТОЛСТОГО “ЯСНАЯ ПОЛЯНА”» …… 268

Раздел 5. ИСТОЧНИКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ……. 271

Тетерин В.И. МЕСТНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ЗЕМСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ (ФЕВРАЛЬ 1917 – МАРТ 1918) ……... 271

Назарова Е.Л. ГАЗЕТА «KRIEVIJAS CĪŅA» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЛАТВИИ 1918–1920 гг. …… 273

Бароўская В.М. БЕЛАРУСКАЕ ПЫТАННЕ ПАДЧАС ПОЛЬСКА-САВЕЦКАЙ ВАЙНЫ 1919–1920 гг. НА СТАРОНКАХ “KURJER POLSKI” …….. 276

Яковлева Г.Н. РЕКЛАМА И ОБЪЯВЛЕНИЯ В ГАЗЕТАХ г. ВИТЕБСКА КАК ИСТОЧНИК ПО ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ 1920-х гг. ……. 278

Казак Т.В. ГАРАДСКАЯ ГАЗЕТА ЯК КРЫНІЦА ПА ВЫВУЧЭННЮ ШТОДЗЁННАГА ЖЫЦЦЯ ГАРАДЖАН (НА ПРЫКЛАДЗЕ ПОЛЬСКАГА ПЕРЫЯДЫЧНАГА ДРУКУ ГРОДНА 1919–1939 гг.) …….. 282

Мазур Л.Н., Горбачев О.В. ВСЕРОССИЙСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1922–1924 гг. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЕМЬИ ……. 285

Ерешко А.Е., Ефимова Е.А., Чернышов А.В. ОБЗОР ФОТОМАТЕРИАЛОВ ПО АРХИТЕКТУРЕ И СТРОИТЕЛЬСТВУ В АРТЕКЕ В ФОНДАХ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ДЕТСКОГО ДВИЖЕНИЯ (1920–1930-е гг.) ……. 288

Валуев Д.В. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СМОЛЕНСКА В ЭПОХУ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК ……. 291

Кривчиков В.М. ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ О МАТЕРИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ КРАСНОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ …….. 294

Дулов А.Н. ОККУПАЦИОННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГЛАЗАМИ ПОДПОЛЬЩИЦЫ: ВОСПОМИНАНИЯ АННЫ КИТАШЕВОЙ …….. 296

Гребень Е.А. МАТЕРИАЛЫ ВИТЕБСКОЙ ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ КАК ИСТОЧНИК О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ …….. 301

Кулинок С.В. ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ РАЗОБЛАЧЕННЫХ АГЕНТОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА БШПД) ……. 304

Ефимова Е.А. ДОКУМЕНТЫ ЦОА УСО г. МОСКВЫ О РАБОТЕ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ДОМА ПИОНЕРОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ …….. 307

Ханипова И.И. БУДНИ ДЕТДОМОВЦЕВ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ В ДОКУМЕНТАХ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА …… 309

Ермацане И.С. АРХИВНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА НКВД КАК ИСТОЧНИК О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 201-й (43-й ГВАРДЕЙСКОЙ) ЛАТЫШСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ КРАСНОЙ АРМИИ …….. 312
Николаева И.В. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ВИТЕБЩИНЫ В ПОСЛЕОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ОСЕНЬ 1943 – ВЕСНА 1945 г.) ……. 315
Давідоўская В.М. ВІЦЕБСК У 1945 ГОДЗЕ: АГЛЯД ФОТАДАКУМЕНТАЎ СА ЗБОРУ ВІЦЕБСКАГА АБЛАСНОГА КРАЯЗНАЎЧАГА МУЗЕЯ …….. 317
Фридман Александр. ДОКУМЕНТЫ ПОСОЛЬСТВА ВЕЛИКОГО ГЕРЦОГСТВА ЛЮКСЕМБУРГ В СССР КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК …… 322
Суслов А.Ю. РОССИЙСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В ЭМИГРАЦИИ (1920–1950 гг.): ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ …… 325
Разуванава К.С. МАТЭРЫЯЛЫ ПА ГІСТОРЫІ ДЗЕЙНАСЦІ БЕЛАРУСКАГА ІНСТЫТУТА ГАСПАДАРКІ І КУЛЬТУРЫ Ў АРХІЎНЫХ ФОНДАХ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ …… 327
Косов А.П. ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ОБЗОР РОССИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ …….. 330
Вовк О.И. БЕЛОРУССКИЕ УРБАНОНИМЫ НА КАРТЕ ХАРЬКОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УКРАИНО-БЕЛОРУССКИХ ОТНОШЕНИЙ …….. 332
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ……. 336

Раздел 1
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Румянцева М.Ф.

К ВОПРОСУ О ДИСЦИПЛИНАРНОМ СТАТУСЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

В условиях нарастания междисциплинарности / полидисциплинарности исторического знания становится актуальным определение (переопределение) статуса дисциплин, вступающих в междисциплинарные взаимодействия. Дисциплиной (субдисциплиной) исторической науки, наиболее активно задействующей междисциплинарные контакты, несомненно, является источниковедение, хотя бы в силу того, что *объект* и *предмет* источниковедения – исторический источник, понимаемый как объективированный результат творческой деятельности человека и вместе с тем как продукт культуры [9, с. 199–200], выступает одновременно как объект других гуманитарных наук.

Настоящий доклад развивает и уточняет один из аспектов проблемы конституализации источниковедения как научной дисциплины, заявленной на Витебской конференции 2013 г. [1, с. 16–20]. Базовый тезис доклада восходит к идее Т. Куна, развитой в знаковой работе «Структура научных революций» (1962) [6, с. 23–34]. Для краткости сформулируем его так: дисциплина конституируется через конструирование ее истории путем отбора фактов, работающих на объяснение актуального состояния и научного статуса дисциплины.

Историографическими источниками, релевантными данной проблеме, на мой взгляд, являются, по преимуществу, учебные пособия университетского уровня, поскольку, имея целеполагание целостно представить научную дисциплину, как я уже отмечала, они представляют собой (или должны представлять) высшую форму концептуализации знания.

Воспользовавшись идеей Куна в качестве рабочей гипотезы, попытаемся нащупать момент утверждения источниковедения в качестве исторической дисциплины (субдисциплины).

Если не принимать во внимание изыскания Лоренцо Валла (1407–1457), которые чаще относят к области палеографии и дипломатки, и проигнорировать размышления лорда Болингброка (1678–1751) о необходимости критического отношения к информации исторического источника, то «основоположником» источниковедения чаще всего оказывается И.Г. Дройзен (1808–1884) – автор знаменитой «Историки», затем дисциплинарная линия продолжается через Э. Фримана (1823–1892) – Э. Бернгейма (1850–1942) – Ш.-В. Ланглуа (1863–1929) и Ш. Сеньобоса (1854–1942) к авторам пропедевтических работ по теории исторического познания конца XX в. [см. напр.: 8].

В докладе 2013 г. я отмечала, что источниковедение как область знания оформляется в Германии в 1830–1840-е гг. (нем. *Quellenkunde*), а в России этот термин впервые употребил А.А. Куник в 1841 г., заимствовав его из немецкой историографии. Уточним, что здесь речь идет все-таки не о дисциплине в строгом науковедческом понимании, поскольку под источниковедением понимается обзор исторических источников без специальной рефлексии их природы, в этом качестве источниковедение сохраняется и по сию пору в немецкой и англоязычной историографии (англ. *source study*). Мы же попытаемся прояснить, с какого момента, источниковедение становится научной дисциплиной в строгом смысле слова, взяв в качестве критерия вычленение специального объекта исследования, который в рамках данной дисциплины изучается как самостоятельный исторический феномен, а не исключительно в качестве источника исторических данных, используемых для конструирования исторического факта.

Если мы присмотримся к вышеупомянутым классическим работам, то заметим, что их авторы вообще не пользуются понятием *источниковедение*, а часто даже не задействуют понятие исторический источник, используя более широкое – *исторические материалы*. В частности, И.-Г. Дройзен в курсе *историки* (теории исторического знания), который он читал с 1857 г. («Энциклопедия и методология истории» на его основе была опубликована только в 1936 г., но конспект курса был напечатан на правах рукописи в 1858 и 1862 гг., а затем издан в 1867, 1875, 1881), приводит для определения эмпирической базы исторической науки именно понятие *исторические материалы*, используя понятие *источник* для обозначения только одной их группы [4, с. 84–145, 467–470]. В 1889 г. Э. Бернгейм публикует «Учебник исторического ме-

тода и философии истории», ставший классическим и неоднократно издававшийся, в том числе и в переводе на многие языки, а в 1907 г. – «Введение в историческую науку», являющееся сокращенным вариантом «Учебника…». Представления Бернгейма об исторических источниках лежат в русле концепции И.Г. Дройзена. Бернгейм так же, как и Дройзен, не дает дефиниции понятия «исторический источник», а определяет источники описательно, оперируя понятием *материал*: «Материал, из которого почерпаются сведения нашей науки, называется “источниками”. Материал этот в огромном большинстве случаев *не является, как в других науках, в то же время и непосредственным предметом познания* [выделено мной – *М.Р.*], так как предметом истории являются ведь человеческие деяния…» [2, с. 34].

Эдвард Фриман обобщает свой богатый исследовательский опыт в лекционном курсе «Методы изучения истории» (1886). Английский историк избегает строгих формулировок, он словно приглашает слушателей к совместным размышлениям. Несмотря на то, что Фриман анализирует специфику исторических свидетельств, обращая внимание на их субъективный характер, обусловленный «человеческим», а не «природным» происхождением, его отношение к источнику сохраняет прикладной характер: автор акцентирует внимание на отличии «оригинальных источников» от произведений историков и нацеливает исследователей на работу именно с первыми [11, с. 75–118].

Так называемая позитивистская парадигма в источниковедении наиболее последовательно разработана в труде Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» (1898), в основу которого положен также курс лекций, прочитанный ими в Сорбонне в 1896/97 учебном году. Труд Ланглуа и Сеньобоса начинается формулой, с течением времени ставшей афоризмом: «История пишется по документам. Документы — это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей <…>. Всякая же мысль и всякий поступок, не оставивший прямого или косвенного следа, или видимый след которого исчез, навсегда потерян для истории, как если бы он никогда и не существовал <…>. Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории» [7, с. 49]. И далее, размышляя о специфике исторического познания, Ланглуа и Сеньобос пишут: «Факты прошлого известны нам только по сохранившимся от них следам <…> эти следы, называемые историческими документами, историк наблюдает непосредственно <…>. Документ служит ему точкою отправления, а факты прошлого — конечною целью исследования» [7, с. 83].

В конце XX в. французский историк Антуан Про, постоянно апеллируя в своем пропедевтическом курсе (1996) к «Введению в изучение истории» Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, фактически признает, что во французской историографической традиции проблема исторического источника на протяжении всего XX столетия не разрабатывалась [8, с. 57 и др.]. С некоторой осторожностью, но все же можно утверждать, что аналогичным образом дело обстояло и в других западных историографиях. И хотя Ан. Про утверждает, что «до самого конца 1980-х годов методологическое осмысление истории считалось во Франции бесполезным» [с. 6], совершенно невозможно предположить, что методология истории была заморожена на целое столетие. Но нельзя и не признать, что произошел разрыв между эпистемологией (в структуре философии) гуманитарного знания и практиками исторических исследований. Эпистемология развивалась на философской основе неопозитивизма и аналитической философии (наиболее фундаментальное исследование в этой области – книга Артура Данто «Аналитическая философия истории» (1965)); во второй половине XX в., – после лингвистического поворота, – в европейской исторической науке акцент был сделан на теории исторического нарратива, теории дискурса и проблеме деконструкции текста. Практики исторических исследований, по-видимому, сохраняли, по преимуществу, неокантианскую (в баденской версии) методологическую основу, обогащенную идеями исторического синтеза, развиваемыми *новой исторической наукой.* Один из ее основоположников Л. Февр выступил с критикой классической формулы Ланглуа и Сеньобоса, охарактеризовав ее как «опасную» – именно с точки зрения исторического синтеза, поскольку «…она как бы противостояла общему направлению различных, но действующих заодно гуманитарных дисциплин» (1933) [10, с. 11]. Но дальше критики дело не пошло. Мы видим, что критика сложившихся в историческом познании XIX в. подходов ограничивалась преимущественно сферой обращения с историческими фактами, «добытыми» из исторических источников путем их так называемой критики, но почти не затрагивала методы изучения самих исторических источников, не влекла за собой рефлексию по поводу их природы. И только на рубеже

1980–1990-х годов Жорж Дюби (1919–1996), обозревая развитие исторической науки во Франции во второй половине XX в., отметил в качестве новой тенденции нарастание интереса историков к «материалу» истории: «Вопреки установившемуся представлению у меня сложилось впечатление, что в современной французской историографии наиболее плодотворное и новаторское начало состоит не в обновлении проблематики, не в борьбе идей по вопросу о смысле истории и не в состязании различных исторических школ (как это было 30 лет назад). Новаторские тенденции связаны с самой скрытой частью нашей исследовательской работы, с нашей лабораторией, с методами обработки используемых материалов» [5, с. 58]. Примечательно, что и Ж. Дюби оперирует понятием *материал*, не придавая ему строгого терминологического значения. Аналогичным образом поступает польский историк-методолог Ежи Топольский (1928–1998), вводя вместо понятия «исторический источник» понятие «базовая информация», которая обеспечивает контакт историка с прошлой реальностью [подробнее см.: 3, с. 230–234].

В советской исторической науке разрыв методологии истории и историографических практик также наблюдался, но имел иную природу. Этот разрыв был обусловлен как социокультурными / социополитическими, так и теоретико-познавательными факторами. Как я уже отмечала в докладе 2013 г., в условиях идеологического господства т.н. марксистско-ленинской методологии конституализацию источниковедения как научной дисциплины с теоретико-познавательной точки зрения обеспечила русская версия неокантианства с ее специальным вниманием к объекту исторического познания – историческому источнику и дальнейшее развитие теории объекта: от исторического источника – к системе видов исторических источников как проекции культуры – и далее к понятию *эмпирической реальности исторического мира*. Таким образом, специальное внимание к объекту исторического познания, превращение его в предмет самостоятельного научного интереса и позволяют говорить об оформлении источниковедения как научной дисциплины.

1. Актуальные проблемы источниковедения : материалы международной научно-практической конференции к 135-летию со дня рождения В.И. Пичеты. Минск–Витебск, 9–11 октября 2013 г. / редкол. А. Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – 322 с.

2. Бернгейм, Э. Введение в историческую науку / Э. Бернгейм ; пер. с нем. В. А. Вайнштока ; под ред. В. В. Битнера. – Изд. 2-е. – М. : URSS, 2011. – 71 с.

3. Вжосек, В. Культура и историческая истина / Войцех Вжосек. – М. : Кругъ, 2012. – 336 с.

4. Дройзен, И. Г. Историка: лекции об энциклопедии и методологии истории / Иоганн Густав Дройзен. – СПб. : «Владимир Даль», 2004. – 583 с.

5. Дюби, Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года / Жорж Дюби // Одиссей. Человек в истории: культурно-антропологическая история сегодня. 1991. – М., 1991. С. 48–59.

6. Кун, Т. Структура научных революций : пер. с англ. / Томас Кун ; сост. В. Ю. Кузнецов. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 [3] с. – (Philosophy).

7. Ланглуа, Ш.-В. Введение в изучение истории / Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос ; пер. с фр. А. Серебряковой. – Изд. 2-е. – М. : Гос. публ. Историческая библиотека России, 2004. – 305 с.

8. Про, Ан. Двенадцать уроков по истории / Антуан Про ; пер. с фр. Ю.В. Ткаченко. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 334 с. – (История и память).

9. Теория и методология исторической науки : терминол. слов. / отв. ред. А.О. Чубарьян ; РАН. Ин-т всеобщей ист. – М. : Аквилон, 2014. – 575 с.

10. Февр, Л. Бои за историю / Люсьен Февр. – М. : Наука, 1991. – 629 с.

11. Фриман, Э. Методы изучения истории / Э. Фриман ; пер. с англ. П. Николаева. – Изд. 2-е. – М. : URSS, 2010. – 197 с.

Лукьянов Д.В.

«КОГНИТИВНОЕ» ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

На фоне отсутствия в профессиональной историографии единства представлений о критериях выявления новых эпистемологических направлений в исторической науке [1] и при «произвольном установлении режима определения новизны» [6, с. 243] в современных исторических исследованиях когнитивная парадигма истории заслуживает особого анализа, поскольку со всей очевидностью претендует на статус если не новой онтологии истории, то принципиально новой концептуальной стратегией генерализации истории как науки. В этом смысле наряду с тем, что В.В. Согрин обозначил как «современная историографическая революция» [7], рецензируя книгу лекций по историографии Б.Г. Могильницкого, нам хотелось бы остановиться на историографическим анализе книги О.М. Медушевской, которая по странному совпадению в один и тот же год с томским историком совершила еще одну «революцию» в российской исторической науке – когнитивную.

В целом и главном монография О.М. Медушевской представляет собою системное и систематизированное видение «когнитивного репертуара» современной исторической науки с точки зрения непосредственной исследовательской практики историка-источниковеда.

В контексте существования в профессиональном сообществе различных представлений о статусе исторической эпистемологии и формах исторического знания в «ситуации смены парадигм» в книге представлена исключительная в современной российской историографии историко-философская позиция построения «парадигмы истории как строгой науки» [5, с. 16]. Последняя предполагает, что обеспечение фундаментальной идеи единства строгого научного знания, которая направлена на выявление системных свойств исторической реальности, не может обойтись без «философской концепции теории и методологии истории как науки о человеке». Таким образом, в качестве главной интеллектуальной предпосылки выстраивания системы представлений об объекте и предмете когнитивной истории выступает понимание того, что исходным теоретическим основанием является философия истории: «Когнитивная история – это прежде всего философия истории, философия человеческого бытия в истории. Поэтому проникновение философского подхода в исторический профессионализм в каждом своем проявлении есть событие становления когнитивной истории» [5, с. 163].

Для развития когнитивной истории, пишет О.М. Медушевская, «решающим историографическим фактом» стали феноменологическая философия и феноменологический подход к рассмотрению исторических явлений, разработанные в трудах А.С. Лаппо-Данилевского. Главные возможности феноменологической парадигмы, считает исследовательница, заключаются в использовании инновационного потенциала «когнитивно-информационной модели», которая своей фундаментальностью задает новые оптимальные и системообразующие параметры всему современному проекту гуманитарного знания и образования.

Основной тезис рассматриваемой книги можно сформулировать достаточно кратко: нет, и не может быть никакой другой истории кроме истории человеческого мышления (когнитивной истории), постижение которого и его опыт на всем протяжении существования человечества является главнейшей проблемой науки. Мышление деятельно и интенционально по своей природе («универсальное априори» человека), поэтому эмпирическим объектом актуальной (когнитивной) истории является вся совокупность целенаправленно созданных в ходе исторического процесса человеческим мышлением продуктов интеллектуальной деятельности, через которые человек «ежеминутно формирует свою рукотворную, человеческую новую реальность» [5, с. 18]. Исследование возможностей и пределов человеческого мышления входит в представление о предмете когнитивной истории, поскольку представляется возможным изучить человеческий познавательный процесс по его осязаемым, вещественным и осознанным результатам. Таким образом, все исторические артефакты мышления (общая конфигурация «зафиксированных» источников, произведенных в результате творческой и познавательной деятельности) и исследовательская стратегия когнитивиста-историка, направленная на рассмотрение проблемы «мышления о мышлении» той или иной эпохи, – по определению, обратимы.

Логика автора теории и методологии когнитивной истории выстраивается на утверждении господства в ней различного рода всеобщностей, которые, с одной стороны, обусловливают единство назначения, структуры и функционирования «информационного ресурса» общественного сознания и исторического знания в социуме на каждый момент истории, а, с другой, – призваны показать, что исторический процесс по-прежнему остается познаваемым, телеологичным и в целом открытым и доступным для рационального осмысления.

«Когнитивная история в своих основаниях претендует на системный подход» [5, с. 270], – пишет О.М. Медушевская и особенно подробно обосновывает данную научную позицию в четвертой главе своего трактата. Системными качествами обладают и все базовые понятия концепции когнитивной науки, используемые автором в книге, что само по себе артикулирует в поле научной истории актуальнейшие проблемы современной философии науки.

Обычно под системой подразумевается нечто такое, что способно отличать себя от внешней среды и постоянно воспроизводить эту границу на структурно-функциональном уровне взаимодействия своих подсистем, это считается уже общим местом в современной системной теории, вне зависимости от научной специализации [3]. О.М. Медушевская тематизирует данный подход применительно к исторической науке следующим образом: «В центре современных размышлений научного сообщества – целостность и системность исторического процесса, его

системные качества как части мирового целого, принципы организации эволюционного и коэкзистенциального исторического целого, перспективы и возможности исторического познания» [5, с. 189]. Это наиболее лаконичная формулировка, в которой звучит авторская позиция, поэтому попытаемся ее понять, привлекая аргументацию автора, встречающуюся на других страницах книги.

Исходно системный объект когнитивной парадигмы истории «мыслится как адекватный человечеству», в частности, представляет собою универсальную систему человеческого мышления и поведения (деятельности), которая «ограничена» возможными пределами времени и места протекания исторического процесса. Историческая наука, выступая в качестве когнитивной «подсистемы», наблюдает единство исторического процесса как эпифеномен деятельности мышления индивидов, который представляет собою «воплощенный в материальный объект набор идей» и предстает как «информационный ресурс реальных продуктов целенаправленной человеческой деятельности». Последний выступает для науки в качестве «макрообъекта», единицы которого (интеллектуальные продукты как материальные образы идей их авторов) наделены универсальными свойствами однородной общей совокупности сознаний индивидов, что позволяет идентифицировать этот общий информационный ресурс как реальные феномены человеческого мышления «в его состоявшихся в истории проявлениях». Поэтому информационная система общества, – пишет О.М. Медушевская, – «фундаментальное понятие для исследования способов самоорганизации человеческих сообществ в их статике и динамике» [5, с. 284]. В итоге, факт мышления сближается с понятием вещественно существующего объекта, данная «вещь» становится адекватным выражением мыслительной «деятельности человека в формах реализованного интеллектуального продукта», выступает как базовая процедура «схватывания механизма функционирования целого» и, наконец, является «точкой доступа в замкнутую систему общечеловеческой информационной опосредованной коммуникации» [8, с. 440].

О.М. Медушевская пишет, что в «теории произведения ключевое значение имеет момент сознательного целеполагания», т.е. возникновение интеллектуальных продуктов «имело свои рациональные основания» и поэтому, считает исследовательница, при всем разнообразии и даже уникальности их индивидуальных свойств в основе своей они «имеют типологические модели, определенные структуры». Поскольку человеческое мышление исторично, а его атрибуцией служит «системообразующая составляющая» целеполагания, то оно способно указать сущностное содержание, процессуальную форму и смысл истории. В аспекте целеполагания мышление обладает единой рациональной структурой (под структурой автор монографии полагает «устойчивые связи элементов в системе целого»), индивид «создает некий продукт по универсальной “схеме” <…> благодаря чему возникает возможность понять другого по аналогии с самим собой» [5, с. 225]; психика не отражается на реальности продукта (видимо, ее трудно изучать как «вещь»), поскольку он – результат именно человеческой деятельности, которая социально определена конкретно историческими условиями, но это не мешает автору заметить, что в своих человеческих механизмах психика, тем не менее, «типологически однородна». В итоге, на основании тезиса о том, что «единство сознания индивида проявляет себя в создании интеллектуального продукта, – заключает О.М. Медушевская, – можно построить научную гипотезу интерпретации», которая строится в обратном порядке: «от продукта к замыслу, для реализации которого продукт и был целенаправленно структурирован» [5, с. 292].

Гносеологические возможности истории как когнитивной науки находят свое полное развитие в вопросе об эмпирическом объекте наблюдения в гуманитарных науках. Согласованность представлений сообщества «прежде всего о своем объекте» О.М. Медушевская считает признаком парадигмальным, поскольку она «позволяет далее применять общие критерии истинности и доказательности в оценке новых научных результатов». Феноменологический тезис о «целостности и системности окружающего мира» и принципиальной возможности выявления «универсальных свойств в эмпирике конкретных объектов» создает перспективу возможного складывания «метадисциплинарных связей» в системе когнитивных наук, в которых, однако, «источниковедческое направление выступает как все более значимое, актуальное, а в конечном счете как самодостаточное» [5, с. 186]. Из этого следует, что фундаментальной когнитивно-информационной моделью гуманитарного познания является использующая источниковедческий подход феноменологическая «история как наука наблюдения», а под моделью образо-

вательной – автор исключительно «имеет в виду образовательную модель историко-архивоведения» [5, с. 313].

Проблемы, рассматриваемые в книге О.М. Медушевской и сформулированные в ходе ее обсуждения в научной периодике, затрагивают общую позицию историков в отношении к содержанию современной философско-методологической рефлексии над исторической наукой, а также приглашают к дискуссии вокруг возможностей применения оптимальных форм строгой рациональной репрезентации исторической реальности в современном историческом образовании. Думается, некоторые промежуточные результаты обсуждения проблем когнитивистики применительно к гуманитарному знанию можно уже сейчас представить «на высоте возможностей» исторической эпистемологии и оценить характер притока инноваций в историческую науку, которые становятся для нас значительно более понятными и созвучными современности в контексте развития историографического процесса последних лет.

Человеческое мышление и сознание, таким образом, редуцируется когнитивистами к представлению о гуманитарном знании и познании, в которых точность, строгость и доказательность являются определяющими критериями, отделяющими науку от не(до)науки. В результате из поля зрения историка-когнитивиста ускользает огромный пласт работы ценностно-целевых установок в человеческом познании [2, с. 132–151]. «Социальное конструирование реальности как реальности индивида, стремящегося исключительно к потреблению, не плодотворно», – пишет О.М. Медушевская [5, с. 43], однако за этим как раз и видится «отнесение к ценности», которое выступает «извне» систематизации человеческого мышления и деятельности только как целенаправленных и осознанных совокупных интеллектуальных продуктов. Настаивая на том, что информационный ресурс представлен в овеществленной форме и позволяет понять цели, средства, способы создания и функционирования человеческого мышления, историк-когнитивист, тем не менее, не отказывается от понимания источника как продукта целенаправленной деятельности человека и ее познания, используя принцип «признания чужой одушевленности». Но в данном аспекте мы возвращаемся к идеям всеединства, когда предметом истории мыслилось «социально-психическое развитие всеединого человечества» [5, с. 98]. В «душевности» представители всеединства не видели «пространственной разъятости» и рассматривали человечество в единстве «его духовно-душевной деятельности» [5, с. 97–98], которая не конструировалась носителями данных идей из элементов («материальное» измерение человечества воспринимались лишь как средства и факты), но признавалась ими существующей изначально, констатация единства психики человечества была исходным моментом исследования.

Выявить имманентный порядок вещей становится вполне решаемой задачей научного метода когнитивной истории, обеспечивающего «строгую научность» исторического знания, человечество как объект исторической науки и как часть мирового целого «на основе осмысления абсолютных ценностей все больше влияет на мировое целое» как «великая индивидуальность» [4, с. 53]. Картина исследовательской реальности выстраивается в теории и методологии когнитивной истории из представления о ее фундаментальном объекте (человеческом мышлении), в соответствии с ним полагаются и все другие типологии изучаемых объектов, выявляются общие закономерности их взаимодействия и пространственно-временная структура реальности, – все они подробно обосновываются О.М. Медушевской в постулатах «дисциплинарной онтологии» источниковедения.

Центральной проблемой в гуманитарном познании остается соотношения субъекта и объекта: в работе историка-когнитивиста данное соотношение образует особый полифонический строй, особую социальную систему, которая, с одной стороны, сама себя наблюдает и идентифицирует как часть универсума (отдифференциация человечества как «живой системы»), а с другой – самоорганизует и воспроизводит данную систему изнутри на структурно-функциональном уровне, через построение иерархии различных познавательных подсистем. Источниковедение как «самодостаточное <…> пространство исследований» [5, с. 101–102] решает задачу «воссоздания системного целого» на структурном уровне изучения продуктов прошлого и создает адекватное представления о структуре мышления не только изучаемой эпохи в прошлом, но и, что особенно важно – современности. Преимущества системного подхода в когнитивной истории очевидны, когда «глобальная история совершается в режиме настоящего, единого времени», и в источниковедческих интерпретациях предстает не «диахрон-

ный (собственно исторический, уходящий вглубь веков), но синхронный тип исследования» [5, с. 240] современности.

Итак, что нового для современного исторического познания скрывается за выходом рассматриваемой монографии О.М. Медушевской? Во-первых, «когнитивизм» в исторической науке возвращает ученых к проблематике изучения современности, исходя из наблюдения за ней самой (подвергая при этом принцип историзма неумолимой критике как индикатора «традиционной» парадигмы «нарративизма»), – подвигает к изучению саморазвивающейся системы с четкими структурами и функциями произведенных мышлением человека интеллектуальных продуктов, к способу наблюдения и возможностям упорядочивать компаративно и целостно информационную картину современности, получая фундаментальное, философски ориентированное знание. Во-вторых, позволим себе высказать предположение, что представление и активное обсуждение в профессиональном сообществе историков идеалов и норм когнитивной истории является «историографическим фактом» и знанием, выявляющим какие-то системные свойства самой окружающей ученых реальности: как появление источниковедения в XIX в. было обусловлено «становлением национально-государственной идентичности Нового времени» [5, с. 150], так и появление теоретико-методологического трактата О.М. Медушевской «в снятом виде» обусловлено социокультурными детерминантами настоящего времени, которое предполагает в перспективе системный подход к изучению структур и функций конкретного типа информационного общества в условиях преодоления т.н. когнитивного диссонанса.

Книга О.М. Медушевской в качестве базового инструментария предлагает нам теорию и методологию когнитивной истории. Будет ли это воспринято профессиональным сообществом в качестве единого проекта «модели потребного будущего» (Н.А. Бернштейн) современной российской исторической науки, покажет ближайшее время.

1. Кукарцева, М. Предисловие переводчика / М. Кукарцева // Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – С. 11–68.
2. Максимов, Л. В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли / Л. В. Максимов. – М. : РОССПЭН, 2003. – 160 с.
3. Матурана, У. Древо познания / У. Матурана, Ф. Варела. – М., 2001. – 224 с.
4. Медушевская, О. М. Методология истории : учеб. пособие / О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М. : РГГУ, 1997. – 72 с.
5. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М. : РГГУ, 2008. – 358 с.
6. Савицкий, Е. Е. «Откуда ждать нового?»: О критериях новизны в современной историографии / Е. Е. Савицкий // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век : мат-лы междунар. науч. конф. – М. : ИВИ, 2008. – С. 241-243.
7. Согрин, В. В. Современная историографическая революция / Согрин В. В. // Новая и новейшая история. – 2009. – № 3. – С. 99–106.
8. Юрганов, А. Л. Категории русской средневековой культуры / А. Л. Юрганов. – М. : МИРОС, 1998. – 468 с.

Минц С.С.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ КООПЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ДЕФРАГМЕНТАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОЛЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Классическое историческое знание отличалось тяготением к осознанию своей специфики и качественной целостности. В отличие от него, историческое знание эпохи постмодерна пока более активно стремится к дезинтеграции исследовательского поля, к поиску специфики предмета своего исследовательского интереса, к институализации внутри весьма узких как познавательных, так и социокультурных границ.

Активное появление замкнутых предметных областей внутри некогда единого поля исторического знания связано с перераспределением функций исторического знания в социумах разной степени устойчивости, с изменением положения исторических знаний в системе идентичностей, склонных к кризисным состояниям, с особенностями положения институализированного исторического знания внутри формальной и неформальной структур организации различных интеллектуальных сообществ. Изменение геополитических реалий в современном мире разрушает не только устойчивые связи мировой экономики и политики. Оно оказывает свое действие и на историческое сознание, порождая устойчивый социальный заказ с одной стороны на мифологизированное историческое знание, с другой – на более активные поиски средств верификации исторических конструктов.

Выделяющиеся области разрабатывают свой научно-терминологический аппарат. При стремлении к ускоренной конституализации он нередко имеет тяготение к цеховой замкнутости. Тогда в нем появляются признаки «птичьего языка» (о чем, скажем, незадолго до своей кончины нередко говорил известный философ и социолог И.С. Кон). Эти перегибы имеют ярко выраженные идентификационные функции и эффективно разрушают устойчивые горизонтальные связи, позволяют рождающемуся и пока слабо сплоченному сообществу достаточно быстро осознавать свое единство.

С потребностью самоактуализации связана такая черта появляющихся научных сообществ, как акцентуирование (аналогия с термином «акцентуация», он широко используется в психологии личности; подробнее об этом: К. Леонгард или А.Е. Личко [1–3]). Чрезмерная концентрация научного сообщества на своей особости или исключительности порождает почти болезненное отношение к другим исследовательским интересам или интерпретациям похожих проблем. Состояние временное, остро переживаемое как внутри профессионального сообщества, так и вне него. Именно оно порождает уверенность в преобладании кризисной ситуации в историческом познании в целом. Собственная профессиональная ассоциация, независимо от степени ее институализации, кажется островком стабильности в море изменяющихся симулякров.

Самоопределяющиеся области настаивают на самостоятельности своей источниковой базы, создают свой теоретико-методологический аппарат, что, в общем-то тоже сначала связано с потребностями личностной и коллективной идентичности, а уж во вторую, а то и в третью очередь – с необходимостью расширять и углублять поле исторического знания в целом. Теоретико-методологические поиски в каждой из выделяющихся областей ведутся по линии междисциплинарной кооперации.

Множащиеся сегменты исторического знания требуют новых источников. Обращает на себя внимание комплексный характер тех из них, которые приобретают общеизвестность среди историков разных направлений и предметных областей.

Возьмем, например, биографический метод, родившийся внутри общего предметного поля исторического знания. На фоне тяготения исторического знания начала – первой трети XX в. к осознанию роли среднестатистической личности в социальных катастрофах и историческом движении [см., напр.: 7, 9] росла потребность ученых в осознании роли личности индивидуальной. Этой потребности, заметно реализовывающей себя в работах второй-третьей третей XX в., биографический метод и обязан своим победительным шествием в исторических исследованиях. Его функции – подчеркнуть внимание историка к личности исторического героя, обозначить место и функции актора истории в пересечении объективных закономерностей, казалось бы, свободных от влияния индивидуума [см., напр.: 10]. Операциональной оригинальности биографический метод не имеет. Потребность собрать как можно больше документов, характеризующих изучаемый объект, – его положительное свойство, но отнюдь не его привилегия.

Популярность биографического метода среди историков, антропологов, социологов, этнологов, специалистов по истории детства, семьи и т.д. и т.п. породила новое понятие для обозначения видовой принадлежности исторических источников – «эго-источники». В отечественной источниковедческой традиции этот термин, как отмечают специалисты, носит маргинальный характер, поскольку его употребление связано не с исследовательской необходимостью, а с потребностью исследователя определить свое положение по отношению к «официозу», «переоценке устоявшихся классификационных схем», «переосмыслению проблематики» и т.д. [подробнее об этом: 6, с. 230–235]. То есть перед нами все те же проблемы, рождённые сознанием исследователя и проблемами его профессионального самоопределения.

Казалось бы, биографический метод и эго-источники должны стать основой теоретико-методологической базы такой сферы исторических знаний, как историческая биографика. Так и было заявлено, когда эта исследовательская область стала обозначать собственную самостоятельность. Но если мы возьмем те работы, где проблема междисциплинарной кооперации присутствует не как глубинная мало осознаваемая потребность, а осознается как специально поставленная научная задача, то мы увидим, что вместо абстрактного биографического метода авторы четко заявляют использование конкретных полидисциплинарных технологий. Одни это делают, не вписывая свои исследования в массу слабо осознающих себя малых пограничных исследовательских сфер. Как правило, это происходит на начальной стадии введения в исследовательскую практику новой проблематики. Другие, как например, И.Ю. Николаева,

О.Н. Мухин [5, 4], четко показывают место полидисциплинарного анализа в иерархии сложившихся возможностей междисциплинарной кооперации. При обоих способах определения методологического потенциала выполняемого исследования технологии, заимствованные из разных областей знаний, попадают в контекст исторического исследования, частично видоизменяются с учетом специфики конкретной источниковой базы и не противоречат друг другу, а, напротив, помогают верифицировать полученное историческое знание, превращают его из предположения или размышлений по поводу фрагмента текста источника в систему доказанного исторического знания.

Международное сотрудничество, необходимость переводить вводимые термины с языка на язык и объяснять их, ускоряет тренды к объединению научного опыта. Через кажущуюся дезинтеграцию исследовательского поля готовится кооперация иного уровня, другой логической емкости и, что более важно, более сложной системы связей.

Современное поле знаний напоминает сеть перевернутых пирамид. У их основания – узкие предметные поля, которые работают как точки притяжения. Снизу, от тематики исследования, они втягивают в расширяющуюся воронку проблематику и достижения смежных дисциплин, постепенно выводят исследуемый предмет на более высокий уровень, за рамки предметного поля первоначального конкретного исследования.

Полидисциплинарная природа новых областей исторического (и шире – социогуманитарного) знания стимулирует потребность в метанаучном знании и метатеориях типа «социальной истории» или «новой научной истории». В современном дезинтегрированном поле они становятся опорами его новой конфигурации. В науке рубежа XX–XXI вв. такую структурирующую роль выполняют теория формаций, теория цивилизаций, модернизационная теория, глобализационная теория и так называемая альтернативная история, позволяющая проигрывать различные варианты возможного исторического выбора на имитационных моделях [8, с. 199–283]. Пока такие метатеории не отсепарированы в обилии переходного новояза, социогуманитарное знание находится в состоянии исчезающего равновесия.

Выделенные научной рефлексией точки бифуркации со временем обозначаются как «повороты» в научном знании. В современной социогуманитаристике чаще всего говорят о «лингвистическом повороте» в истории и «историческом повороте» в социологии. Но гораздо раньше были «социологический поворот» в философии (придание статуса метатеории марксизму), «культурно-исторический» в психологии (конституализация культурно-исторической теории Л.С. Выготского), «социально-психологический» в культурологии (выделение из массы воззрений на цивилизации взглядов А. Тойнби как целостной теории, достойной преимущественного цитирования), «историко-психологический» в искусстве и т.д. Междисциплинарные «повороты» – способ развития и усложнения научного знания, залог его стадиальной целостности в условиях любой самой множественной фрагментации познавательного поля.

1. Леонгард, К. Акцентуированные личности / К. Леонгард. – Ростов н/Д. : Феникс, 2000. – 544 с.
2. Личко, А. Е. История глазами психиатра: Иван Грозный, Сталин. Гитлер и другие / А. Е. Личко. – Б/м : Адиты, 1996. – 135 с.
3. Личко, А. Е. Психопатия и акцентуализация у подростков / А. Е. Личко. – СПб. : НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2010. – 256 с.
4. Мухин, О. Н. Личность Петра I в контексте специфики процессов российской модернизации: историко-психологический анализ / О. Н. Мухин. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. – 448 с.
5. Николаева, И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного / И.Ю. Николаева. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – 302 с.
6. Суржикова, Н. В. Это странное слово «эго-документы»: интеллектуальная мода или осознанная необходимость / Н. В. Суржикова // Документы личного происхождения в теории и практике научных исследований / отв. ред. Н. В. Середа. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2014. – С. 230–235.
7. Франк, С. Л. По ту сторону «правого» и «левого» / С. Л. Франк // Новый мир. – 1990. – № 4. – С. 226–233.
8. Хут, Л. Р. Теоретико-методологические проблема изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI веков: монография. – М. : Прометей, 2010. – 704 с.
9. Шелер, М. Ресентимент в структуре моралей // Макс Шелер и Россия. Информационная система [Электронный ресурс] М. Шелер. – Режим доступа: http://www.max-scheler.spb.ru/content/view/86/37/.
10. Zelnik, R. E. Law and disorder on the Narova River: The Kreenholm Strike of 1872 / R. E. Zelnik. – University of California, 1995. – 332 p.

Булыгина Т.А.

ДИАЛОГ С ПРОШЛЫМ: СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В ИСТОЧНИКАХ МЕСТНОЙ ИСТОРИИ

Диалог, который ведет исследователь с источником, начинается со знакомства с автором, какой бы статус он ни имел – безымянный, коллективный, конкретная личность. Через автора исследователь выходит на эпоху, в которую был создан источник, погружается в нее, чтобы понять прошлое. Обращаясь к Ю.М. Лотману, мы можем говорить о диалоге через такую универсалию как граница, т.е. черта, «на которой кончается периодичная форма». По мнению ученого, части семиосферы на временной оси организованы в системе «прошедшее – настоящее – **б**удущее», а между ними находится граница [4, с. 175, 178]. Через нее происходит мощная циркуляция текстов через диалог как асимметрию приема и передачи информации [4, с. 193, 204].

Практикующий историк непременно сталкивается с необходимостью пересекать множество личностных и временных границ посредством диалога с источниками, благодаря чему только и возможно вживание, о котором писал М.М. Бахтин. Он считал, что только так можно понять человека прошлого, «ценностно увидеть изнутри его мир так, как он его видит, стать на его место» [2, с. 106]. Характер информации, которую добывает из источника исследователь, в значительной степени зависит от его вопрошания к авторам этих документов. Поэтому, на наш взгляд, нет специальных источников по социальной истории, по истории повседневной жизни, а есть умение историка перейти временную границу и «вжиться» в мир источника. По П. Рикёру, источники представляют собой «сферу коммуникации сознаний», «сферу диалога, где «другой» отвечает на вопрошание», «сферу всегда открытую и ведущую спор» [6, с. 45].

Обратимся к источникам региональной истории, которые могут раскрыть слабо изученные стороны жизни локального сообщества одной из частей северокавказского региона – Ставрополья. Как известно, подходы к источникам региональной истории могут осуществляться в контексте различных исследовательских парадигм [5]. В данном случае мы попытаемся поговорить об источниках ставропольской истории 1917–1964 гг. с позиций такого предметного поля, как «новая локальная история». Во-первых, мы исходим из активной роли познающего субъекта; во-вторых, отметим междисциплинарность, социокультурный вектор изучения и множественную контекстность локальной истории.

При обращении к таким источникам, как официальные письма граждан и организаций во власть в 1920-е гг., главным для исследователя является анализ коммуникативных практик представителей самых разных групп местного социума – от общественных организаций до локальных сообществ и отдельных личностей. Интересен процесс эволюции социальной репрезентации различных групп населения, изменения в самоидентификации индивидуумов, а также появление новых маркеров принадлежности к советскому социуму. Говоря об источниках социальной истории местных сообществ, не надо забывать, что местная власть – это не только абстракция. За этой метафорой стоят реальные люди прошлого, составлявшие одно из микросообществ региона. В социокультурном контексте историка интересуют такие вопросы, как характер самосознания местной номенклатуры, особенности ее интерпретации политики Центра, представления людей из местной власти о новом обществе и месте различных социальных страт в строительстве этого общества.

В частности, многие архивные документы из истории хозяйственной повседневности доказывают многомерность их информации для исторического анализа. Например, в распоряжениях местной власти о замене труда военнопленных трудом отечественных безработных проявляется наивность, упрощенное представление о решении проблем безработицы. С другой стороны, еще не напуганные массовыми репрессиями местные работодатели проявляли сопротивление этому приказу, т.к. многие из военнопленных знали «всю работу», а безработные были случайными людьми. Кроме того, за труд военнопленных платили гораздо меньше [3, с. 34]. Безработные тоже не были молчаливой жертвой обстоятельств, а громко заявляли свои права на работу, выполняемую военнопленными. Материальная нужда способствовала превращению обращений во власть в доносы [3, с. 36]. В одном из источников в марте 1920 г. слышны отзвуки гражданской войны и военных реквизиций, которые не пощадили и классового союзника большевистской власти – бедных крестьян. Многие из них – жители окраинного Каменолом-

ского района лишились единственной лошади по «мобилизации» и остались без средств к существованию. Язык обращений крестьян несет на себе печать дореволюционных традиций, коммуникативных практик «подданный – власть». Об этом свидетельствует уже тот факт, что заявление именуется по-прежнему «прошением» [3, с. 36].

Не менее существенную информацию по социальной истории Ставрополья содержат документы, связанные с налогообложением и землеустройством. Так, жители хутора Белокопского, что располагался около села Дербетовки, просят отделиться от села для организации самостоятельного «приселка», т.к. разверстка на село ложится в основном на плечи хуторян. Резолюция на этом заявлении председателя уездного исполкома демонстрировала доминирование в сознании местных управленцев классового характера отношений власти с жителями. Исполком потребовал для решения вопроса предоставить сведения «о рабочих и не рабочих» на хуторе, об имущественном положении населения, которое определялось числом лошадей и скота [3, с. 47].

Новые хозяйственные отношения разрушали общинное сознание местного крестьянства. В частности, в заявлении части крестьян села Тугулукского 1926 г. высказывалась просьба не проводить землеустройство, т.к. это разрушит общину. Уполномоченный от имени членов общины называл жителей села, желавших землеустройства и раздела земли, «группой», хотя эта группа численно была гораздо больше общины. Проблема межевания вскрывала сложность социальных отношений в отдельном локальном сообществе, проецируя общие социальные тенденции на жизнь конкретных местных жителей [3, с. 142–143].

Архивные документы 1920-х гг., сохраненные в местных архивах, представляют социальные институты, элементы властных структур Ставрополья не в виде застывших форм, а в богатстве их динамики и взаимоотношений в контексте повседневной жизни локальных сообществ. Исследователю необходимо раскодировать символы, содержащие как антропологическую, так и социальную информацию, чтобы «раскрыть эти причастные и напластованные смыслы, чтобы выявить позицию, занятую различными сознаниями в отношении значений, вложенных в их действия» [1, с. 15]. В этих текстах начинают проступать осязаемые контуры образов таких абстракций, как «продовольственная разверстка», «нэп». Они приобретают человеческую конкретность с людскими интересами, горизонтами ожидания, эмоциями и настроениями. В заявлении работника губернского профсоюза о снабжении бойца продовольственного отряда «снабжение» приобретает осязаемый смысл и свидетельствует о характере этого снабжения. Потребление различных групп населения вовсе не было таким уж уравнительным. С другой стороны, то обстоятельство, что вместо имени продотрядника был указан его номер, свидетельствует о нарастании таких признаков новой социальности, как нивелировка личности и секретность функционеров власти. Конкретная ситуация приоткрывает реальные конфликтные отношения продовольственных отрядов с местными жителями, т.к. для безопасности бойцов надо было скрывать их имена [3, с. 44].

Интересный материал для реконструкции психологии локального сообщества и образов массового сознания эпохи 1920-х гг. дают язык обращений, оговорки и ошибки. К примеру, в протоколе 60 жителей села Донского за 18 октября 1920 г., составленном местным начальством по образцам газетной риторики: «горя пламенем желания», «пойти навстречу голодающим», «рабоче-крестьянское правительство», встречаются и совсем иные замечания. Дело в том, что начальники были местными жителями, а, значит, носителями локальной социальности. Поэтому среди пропагандистских лозунгов типа «укрывателям хлеба места нет» бессознательно вырвалось «оторвать от своего рта по четыре пуда». Последняя же приписка к протоколу вообще вступает в противоречие с общим тоном документа и фактически перечеркивает его смысл, раскрывая истинную причину собрания: «После выполнения нами этого постановления просим освободить наших заложников» [3, с. 57].

Сутью частных и официальных обращений и иных документов является коммуникация, прямая и опосредованная направленность «другому». Они раскрывают сложность социальных связей и отношений, включая образ мысли, стереотипы поведения, желания и интересы как отдельных индивидуумов, так и локальных сообществ региона. При таком подходе «рассказчиком» становится и сухой реестр. Так, акт комиссии по реквизиции и конфискации вещей 72 граждан Ставрополя, которые были признаны «буржуями», реконструирует как прошлый быт горожанина, начисто разрушенный социально-политическими катаклизмами, и потери горожан при новой власти, так и горизонт ожидания «конфискаторов» [3, с. 59].

В 1917–1919 гг. формы и механизм общения низов с властью четко остаются традиционными, т.к. руководители Белого движения старались не выходить за рамки дореволюционных норм жизни. Форма, адресанты и адресаты в это время остаются прежними. Несколько меняется риторика обращений с учетом событий в Петрограде, но она в этот момент не несет признаков изменения массового сознания. Обращение служащих почтово-телеграфного отделения Ставрополя председателю КОБ содержат лексику либеральной прессы: «братья-солдаты», «чтобы и нас в лице народа считали товарищами», «во имя народного блага и родины». Главная же их забота – участие в общественной жизни города, причастность к новым политическим реалиям. Очевидна попытка части местного общества приобщиться к новой социальности и успеть занять в новом социуме комфортное место [3, с. 186].

Анализ данной группы источников свидетельствует, что и в недолгие месяцы первого прихода к власти большевиков в 1918 г. в Ставропольской губернии механизм общения жителей с местной властью оставался прежним. Только после окончательного утверждения большевистской власти в регионе весной 1920 г. наблюдается переход к новым формам обращения народа во власть, которые вырабатывались под влиянием целого комплекса факторов. Речь идет и об опыте революционных месяцев, и о влиянии Гражданской войны, и о действии официальной советской идеологии через устную и печатную агитацию и пропаганду. Это свидетельствовало об изменениях в массовом сознании местного сообщества. Заявление жителей села Сухая Буйвола в мае 1925 г. уже не содержит старой лексики, да и по содержанию соответствует новым идеологическим установкам, воспользовавшись которыми, беднейшая часть жителей решила обеспечить себе благоприятные условия хозяйствования. Так, крестьянин из этого села требовал от мелиоративного товарищества вернуть членские взносы и деньги для землеустройства, т.к. он выбыл из товарищества. Здесь уже звучат фразы, демонстрировавшие социальный и материальный статус заявителя, категоричный характер обращения: «у меня 5 душ и самообложение уплатил 80 коп.», «прошу разобрать дело», «прошу принять меры» [3, с. 186].

Социальная история предстает в этих источниках как разнообразие интересов, повседневных, коммуникативных и поведенческих практик. Данные источники предоставляют реальные возможности для освещения местной истории с позиций «новой локальной истории». Социальные процессы общенационального характера представлены в архивных материалах, опубликованных в сборнике «Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1917–1929 годах», через жизнь отдельных индивидуумов, через бытие конкретных семей, жителей деревень и городов Ставрополья в 1920-е годы.

1. Арон, Р. Избранное: Измерения исторического сознания / Р. Арон. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), – 2004. – 528 с.

2. Бахтин, М. М. Собр. соч. : в 7 т. / М. М. Бахтин. – М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. – Т. 1 : Философская эстетика 1920-х годов. – 321 с.

3. Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1917–1929 годах : сб. док. – Ставрополь : ОАО Издательско-полиграфическая фирма «Ставрополье», 2009. – 711 с.

4. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

5. Маловичко, С.И. История локуса в классической, неклассической и постнеклассической моделях исторической науки. Статья вторая / С.И. Маловичко, М. Ф. Румянцева // Регіональна історія України : зб. науков. ст. / голов. ред. В. Смолій ; Ін-т іст. України НАН України. – Київ, 2013. – Вип. 7. – С. 39–54.

6. Рикёр, П. История и истина / П. Рикёр. – СПб. : Алетейя, 2002. – 397 с.

Казаков Р.Б.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В РОССИИ И МИРЕ: К ВОПРОСУ О ДИСЦИПЛИНАРНОМ СТАТУСЕ

Историческая библиография 1) как библиография отраслевая и 2) как вспомогательная историческая дисциплина преподавалась в СССР, начиная с 50-х гг. XX в. [3, 4, 8, 9]. Анализ интернет-ресурсов показывает, что курс «Историческая библиография» (или курсы близкой проблематики) в 2010-е гг. существует в Кемеровском (библиографическая практика бакалавров), Кубанском (Краснодар), Санкт-Петербургском (курс «Библиография новейшей истории России» и очень сильно отличающийся по проблематике курс «Историческая эвристика»), Тульском (курс «Историческая эвристика») [6], Южном федеральном (Ростов-на-Дону), Ярославском университетах. В практиках преподавания в этих вузах есть несколько общих проблем, стабильно

входящих в состав дисциплины: обзор справочных и информационных изданий по истории, а также социальным и гуманитарным дисциплинам, обзор деятельности крупнейших библиографических центров и их продукции, основы библиографического описания изданий, а также навыки корректного оформления научно-справочного аппарата учебных научных квалификационных работ.

Примеры преподавания дисциплины «Историческая библиография» или близкой ей в современной мировой практике, видимо, немногочисленны. К. Спадони, руководитель отдела архивов и научно-исследовательских коллекций библиотеки Университета МакМастера (Канада), отмечал, что библиография как дисциплина преподавания «едва сохраняет свои позиции» на факультетах библиотековедения и информатики британских университетов. Среди заметных исключений – Университет Торонто, где «библиография продолжает процветать». А преподаватель университета в Лафборо (Великобритания) В. ван Мирло в 2010 г. говорил «с сожалением» не только об исчезновении исторической библиографии из практики преподавания в течение последних десятилетий, но и вообще о смерти исторической библиографии [14, p. 8; 11].

На факультете информатики Университета Торонто читаются магистерские и аспирантские курсы библиографии (аналитической библиографии). Университетский колледж Лондона (Университет города Лондона) предлагает магистерскую дисциплину «Историческая библиография». В центре этих курсов – история рукописной и печатной книги как материального объекта, особенности передачи текста, на которые влияют материалы и орудия письма и изготовления книги, практики библиографического описания книги как физического объекта [10, 15]. Известно о преподавании «Исторической библиографии» на китайском языке.

Авторы учебного пособия «История и теория источниковедения» включили подраздел «Библиографическая эвристика» в главу «Источниковедческая эвристика» и дали обзор основных видов справочных и информационных изданий по истории и историческим наукам [7, с. 98–127].

Анализ проблематики пяти Международных конференций по европейской исторической библиографии (International Conference on European Historical Bibliographies, 2007–2013 гг.) показывает, что под исторической библиографией понимается прежде всего совокупность библиографической продукции по истории и историческим наукам в странах Европы. В пленарном докладе 5-й конференции (тема «Историческая библиография как важнейший источник для историографии») «Размышления историка об исторической библиографии» Я. Панек, известный чешский историк, вице-президент Чешской АН, характеризовал новые вызовы исторической библиографии как дисциплины, направления и перспективы взаимодействия историков и библиографов в условиях глобальной информационной революции, открывшей доступ к огромным массивам информации. Автор видит перспективы взаимодействия в более тщательной подготовке библиографических пособий хорошо известных видов изданий в бумажной форме и масштабных работах по подготовке открытых библиографических мегабаз в интернете [12]. Очевидно, что историческая библиография понимается автором как библиографическая дисциплина, обслуживающая нужды историков.

Историческая библиография как вспомогательная историческая дисциплина в полном смысле слова сложилась в Историко-архивном институте на кафедре вспомогательных исторических дисциплин, начиная с 50-х гг. XX в. Л.Н. Простоволосова отмечала, что историческая библиография ставилась и развивалась источниковедчески. Ключевым моментом построения курса было представление о том, что любое библиографическое пособие – это исторический источник, имеющий свою уникальную «биографическую» предысторию, историю создания в определенных социокультурных условиях, использования и бытования в культуре. «Четко и ясно эту мысль выразил И.И. Полосин. На кафедре настойчиво ставился вопрос о курсе исторической библиографии, поборником введения которого был А.А. Зимин» [5, с. 175].

В 90-е гг. XX в. уже в РГГУ курс «Исторической библиографии» был преобразован в систему курсов «Информационная эвристика» – «Историческая эвристика». У истоков преподавания «Информационной эвристики», обращенной уже ко всему комплексу социальных и гуманитарных наук, стояли А.О. Астапович, В.И. Гульчинский, Р.Б. Казаков, Л.Н. Простоволосова. «Информационная эвристика» оказалась востребована в ситуации, когда стали актуальны строгие исследовательские методологии, способные привести к получению гуманитарного знания, систематизированного, проверенного и градуированного по степени точности [1]. Система курсов

«Информационная эвристика» – «Историческая эвристика» характеризуется представителями Научно-педагогической школой источниковедения как необходимый элемент в преподавании системы дисциплин «вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории» [2]. А комплекс справочных и информационных изданий, созданных в рамках исторической библиографии, рассматривается в качестве специфической системы разновидностей историографических источников. В 2011 г. практика преподавания курса «Информационная эвристика» в РГГУ прервалась.

Ситуация перехода науки к постнеклассической и неоклассической моделям развития корректирует место исторической библиографии как вспомогательной исторической дисциплины в системе наук истории и ее взаимосвязи с другими дисциплинами исторической науки.

Представляется, что изменяется нормативная роль тех разделов исторической библиографии, в которых идет речь об основах библиографического описания изданий и оформления научно-справочного аппарата научных работ (особенно работ квалификационных и учебно-методических). Профессиональные компетенции, формируемые исторической библиографией, приобретают еще и нормативно-правовое измерение.

Изменяется иерархия дисциплин и взаимодействие предметных областей исторической библиографии и источниковедения. Так, методическое пособие по использованию первичных ресурсов в Государственной библиотеке и архиве штата Теннеси (США) формулирует в первую очередь определение исторического источника (Primary Sources), устанавливает его отличие от исследовательской литературы (Secondary Sources), а затем предлагает читателю библиотеки определиться с теми разновидностями источников, которые ему нужно разыскать в библиотеке, приводя алфавитный список групп источников (публикаций источников). Методическое пособие выстроено так, чтобы исследователь различал в собственном библиографическом поиске публикации источников и публикации исследовательских работ. Авторы приводят определение исторического источника: «Первичные источники фиксируют непосредственно, из первых рук (first-hand accounts) различные события, жизнь, моменты времени. Они представлены в своем первоначальном виде (дневники, письма, фотографии и т.д.) и, как правило, не содержат объяснений или интерпретации их информации» [16]. Авторы пособия воспользовались фрагментами справочника М.Л. Рамполла, где дается такое определение исторического источника (первичного источника, по терминологии автора): «Первичные источники – это материалы, изготовленные людьми или группами людей, непосредственно вовлеченных в события исследуемой проблематики в качестве участников или в качестве свидетелей. Они [первичные источники. – *Р.К.*] обеспечивают доказательства для историков, занимающихся описанием и интерпретацией прошлого» [13, p. 6–7]. Ключевым моментом этих определений является то, что под источниками понимаются произведения человека.

Определение исторического источника предстает выводным знанием и никак не аргументируется, но именно это определение положено в основу практической работы историка и библиографа.

1. Информационная эвристика: вводный курс : программа курса для студентов / сост.: Л. Н. Простоволосова, Р. Б. Казаков // Источниковедение : учеб.-метод. модуль. Программы курсов и планы семинарских занятий. – М. : РГГУ, 2004. – С. 228–253.

2. Казаков, Р. Б. Информационная эвристика в системе курсов научно-педагогической школы источниковедения Историко-архивного института / Р. Б. Казаков // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления : материалы XVIII науч. конф. – М. : РГГУ, 2006. – С. 452–456.

3. Парфенов, И. Д. Основы исторической библиографии / И. Д. Парфенов. – М. : Высш. шк., 1990. – 111 с.

4. Парфенов, И. Д. Предмет и содержание курса исторической библиографии / И. Д. Парфенов // Вопросы истории. – 1983. – № 11. – С. 108–112.

5. Простоволосова, Л. Н. Историческая библиография в Историко-архивном институте / Л. Н. Простоволосова // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации : тез. докл. и сообщений науч. конф. – М. : РГГУ, 1994. – С. 174–175.

6. Самарцева, Е. И. Историческая эвристика : учеб.-метод. пособие / Е. И. Самарцева. – Тула : Изд-во ТулГУ, 2005. – 687 с.

7. Ходин, С. Н. История и теория источниковедения / С. Н. Ходин, В. П. Грицкевич, С. Б. Каун. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. – 254 с.

8. Черемисина, Н. М. Курс исторической библиографии / Н. М. Черемисина // Вопросы истории. – 1986. – № 5. – С. 93–95.

9. Черемисина, Н. М. О преподавании курса «Историческая библиография» в Московском государственном институте культуры / Н. М. Черемисина // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации : тез. докл. и сообщений науч. конф. – М. : РГГУ, 1994. – С. 150–151.

10. INSTG012 Historical Bibliography [Electronic resource] / University College London. – Electronic text data. – London, cop 1999–2014. – Mode of access: http://www.ucl.ac.uk/dis/taught/pg/INSTG012 (30.04.2015).

11. Mierlo, W. van. Historical Bibliography Is Dead; Long Live Historical Bibliography [Electronic resource] / Wim Van Mierlo. – Electronic text data. – S. l. : Academia, cop 2015. – Mode of access: http://www.academia.edu/1672246/Historical_Bibliography_Is_Dead_Long_Live_Historical_Bibliography (30.04.2015).

12. Pánek, J. A Historian's Reflections on Historical Bibliography [Electronic resource] / Jaroslav Pánek. – Electronic text data. – Prague, 2013. – 10 p. – Mode of access : http://www.histbib.eu/Conferences/5th_Conf_Panek.pdf (30.04.2015).
13. Rampolla, M. L. A Pocket Guide to Writing in History / Mary Lynn Rampolla. – 7th ed. – Boston : Bedford/St. Martin's, 2012. – 176 p.
14. Spadoni, C. How to Make a Soufflé; or, What Historians of the Book Need to Know about Bibliography / Carl Spadoni // History of Intellectual Culture [Electronic resource]. – Electronic text data. – 2007. – Vol. 7, № 1. – 9 p. – Mode of access : http://www.ucalgary.ca/hic/files/hic/Spadoni%20on%20souffle.pdf (30.04.2015).
15. 20141INF2159HSLEC0101 Analytical and Historical Bibliography I [Electronic resource] / University of Toronto, Faculty of Information. – Electronic text data. – Toronto, cop 2014. – Mode of access : http://current.ischool.utoronto.ca/courses/20141inf2159hslec0101 (30.04.2015).
16. Using Primary Resources : Teaching Guides from the Tennessee State Library and Archives [Electronic resource] / Tennessee State Library and Archives. – Electronic text data. – Nashville, TN (USA), cop 2009. – Mode of access : http://www.state.tn.us/tsla/educationoutreach/PrimarySourcesNew.pdf (30.04.2015).

Папцова А.К.

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ЕВРОПЫ НА ПРИМЕРЕ ИСТОЧНИКОВ, ОСВЕЩАЮЩИХ ПОЛИТОГЕНЕЗ У СЕВЕРНЫХ ФРАКИЙЦЕВ

Появление новых суверенных государств на карте Европы сопровождалось формированием образа прошлого каждого из них. Образ прошлого не просто отражает особенности исторического развития страны, региона, этноса, а выступает в роли памяти об истории. Он определяет значение тех или иных событий в контексте национальной истории, содержит обоснование исторической миссии этноса или региона, аксиологически окрашивает пространство, соседей, персонажи исторических событий, указывает культурных героев [14, с. 96]. В этих рамках интерпретация исторических событий подчинена метаконцепции данного образа. Эпоха древности имеет особое значение для образа прошлого: такова логика его развития, проявляющаяся еще со времен создания первых известных нам образцов. Так, формирование античной цивилизации Древней Греции потребовало установление связей с Микенской цивилизацией, и Троянская война органично вошла в образ прошлого эллинов. В свою очередь, римляне, уже завоевав Грецию, присвоили себе часть образа ее прошлого, пересказав его в нужном для себя ключе. В итоге, в римском образе прошлого также появляется Троянская война, а происхождение Ромула возводится к легендарному Энею.

Эта особенность формирования образа прошлого актуализирует значение древности для новых европейских исторических школ, обращая их к изучению племенного мира Древней Европы. Поскольку формирования «классических» государств в этом пространстве не происходило, внимание исследователей обращается к процессам политогенеза, изучаемого в рамках политической антропологии.

Процесс политогенеза можно представить как процесс усложнения политической структуры того или иного древнего общества, ставший следствием широкого комплекса факторов – как внешних, так и внутренних. Важнейшим потенциалом, способным не только поддерживать состояние гомеостаза, но и создавать возможности усложнения разного рода структур обладает культура, представляющая собой, – в соответствии с определением Ю.М. Лотмана, – совокупность всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения [11, с. 395]. С появлением письменности эта ненаследственная информация получает большие возможности для автономного хранения и бесконечного умножения. Но применительно к племенному миру Древней Европы возможности данного вида источников невелики: письменные свидетельства оставляли не сами изучаемые народы, а их соседи.

Интерпретация же вещественных источников требует особых исследовательских процедур.

Можно предположить, что появление ряда культурных объектов служит индикатором потенциала для усложнения структуры общества, а значит, может свидетельствовать о процессе политогенеза. Такого рода свидетельства чрезвычайно важны в связи с тем, что интерпретация археологического материала – сложная методологическая задача.

Попытку обозначить набор археологических признаков для определения уровня развития, которое можно было бы назвать цивилизацией, предпринял Н.Н. Крадин. Он обобщил опыт подобной классификации, предпринятый исследователями XX в., в частности В.Г. Чайльдом. В.Г. Чайльд выделил десять археологических критериев сложно организованного общества, называемого им цивилизацией, но, как показали дальнейшие исследования, даже наиболее развитые цивилизации не всегда могут предъявить полный набор данных критериев. Дж. Мердок и

К. Провост также выбрали десять признаков, к числу которых отнесли письменность, оседлость, земледелие, урбанизацию, технологическую специализацию, транспорт, деньги, плотность населения, политическую иерархию и социальную стратификацию и ввели шкалу для оценки переменных для рассматриваемых ими 186 обществ. Полученные данные позволили судить о корреляции указанных признаков. Обе эти классификации все же применимы к тем ситуациям, когда процесс политогенеза достиг уровня создания «образцового государства». Гораздо сложнее интерпретировать источники тех обществ, политогенез которых протекает под культурным влиянием цивилизационных центров. Многие военно-политические процессы могут ускоряться, но в силу инерции социокультурного развития, исследование которого затрудняется в связи с отсутствием собственных письменных источников, возникающие государственные образования имеют непрочную структуру. Н.Н. Крадин считает, что обязательными, хотя и недостаточными критериями обществ высшей сложности являются развитая (не менее чем трехуровневая) классовая структура, постоянная оседлость, земледельческое хозяйство как основа экономики, обработка и использование металлов (например, для престижного потребления). Важным для осмысления процесса политогенеза является вывод исследователя о наличии корреляции между развитием социальной организации и политической интеграции. Причем трехуровневая классовая структура является более надежным критерием, чем иерархия и государство, а для ее создания необходима постоянная оседлость, земледельческое хозяйство как основа экономики, разнообразные ремесла с обязательной обработкой металлов [8, с. 196].

Ю.Е. Березкин выделяет несколько категорий данных, отличающих культуры, достигшие более высокого уровня: крупные общественно-культовые сооружения; наличие изделий, производство или доставка которых объективно дороги; крупные поселения. Жизнь в них имела очевидные неудобства по сравнению с жизнью в небольших деревнях и хуторах близ сельскохозяйственных и промысловых угодий. Преимущества совместного проживания могли быть связаны с влиянием двух независимых факторов. Первый – это особенности социо-политической организации, требовавшей общения членов коллектива друг с другом. Второй – внешняя угроза и нужды. Оба фактора являются также факторами политогенеза, поэтому наличие крупных поселений – важный его индикатор. Еще одним индикатором является иерархия поселений по размеру и различия между ними в типах сооружений. Подобные данные собирались специально, так как для изучения политогенеза этот признак очень значим, некоторые даже считают его основным [1, с. 194]. Ю.Е. Березкин указывает, что четырехуровневая иерархия свидетельствует о возникновении государства, трехуровневая – о наличии сложных, а двухуровневая – простых вождеств [1, с. 194]. Однако реальные различия между вождествами и государствами – тоже методологическая проблема.

Ю.Е. Березкин придает особое значение контролю над тайным знанием, воплощенным в текстах и ритуальных практиках. Ценность этих знаний условна, но до тех пор, пока общество ее признает, люди сохраняют лояльность определенной элите. В этой связи особое значение приобретает версия о возникновении культа Залмоксиса, приведенная Геродотом (История, IV, 95) [4]. Если задача элиты состоит в том, чтобы регулярно убеждать общество в своей уникальной способности контролировать сакральные тексты и ритуалы, то механизм этой деятельности описан Геродотом. Религиозные аспекты свидетельства Геродота рассмотрены многими авторами, в частности М. Элиаде, который посвятил ему особый труд, а также множество глав в других сочинениях. М. Элиаде отмечает, что сведения Геродота указывают на мифоритуальный сценарий «умирания» (сокрытия) и «возвращения на землю» (эпифании), и подчеркивает сближение культа, установленного Залмоксисом, с греческими и эллинистическими мистериями [20, с. 151]. Комментируя описанный Геродотом ритуал отправления гонца к Залмоксису, когда избранного по жребию человека подбрасывали, подставляя снизу копья (История, IV, 94), М. Элиаде указывает, что жертвоприношение и посылка гонца представляли собой в некотором роде символическое (либо ритуальное) повторение установления культа; вновь совершалась эпифания Залмоксиса после трехгодичного пребывания под землей – со всем, что она несла: с подтверждением веры в бессмертие и блаженство душ [20, с. 151]. Важно то, что если задача элиты состоит в том, чтобы регулярно убеждать общество в своей уникальной способности контролировать сакральные тексты и ритуалы, то Геродот подчеркивает активность гетской элиты в конструировании такого знания. Подтверждение наличия такой тенденции можно найти при анализе и других культурных объектов. В частности, отражение структурных

изменений во фракийских сообществах исследователи пытаются увидеть в образцах изобразительного искусства, находя в них свидетельство того, что общая мифология фракийских племен быстро трансформировалась в идеологическую доктрину, назначение которой состояло в легитимации царской власти [16, с. 19].

Археологический материал, столь значимый для анализа культурных факторов политогенеза у северных фракийцев, в конце XX в. был систематизирован и интерпретирован, важнейший вклад в его изучение внесли И.Т. Никулицэ [13] и Д. Берчу [2]. А.И. Мелюкова рассмотрела связи фракийского мира со скифским [12], а С.М. Крыкин – с античным Северным Причерноморьем [9]. В начале XXI в. различные аспекты культурного взаимодействия скифов и фракийцев были рассмотрены И.В. Бруяко [3]. Лишь некоторые из найденных материалов, например, монеты, могут достаточно прямолинейно свидетельствовать об изменениях в структуре исследуемых обществ. Но интерпретируются и косвенные данные.

Важным индикатором и фактором развития является переход к металлургии железа в Балкано-Дунайском регионе и в Днестровско-Карпатских землях. В Днестровско-Карпатских землях переход к металлургии железа произошел в IX–VII вв. до н.э. [7, с. 20].

Население обширного припонтийского (причерноморского) региона в раннем железном веке было крайне пестрым по своему этническому состав, представляя собой, по образному выражению Цицерона (О государстве, II, 4, 9) [19], варварское поле.

В Румынии культура раннего железа VII в. до н. э. получила название «фракийского гальштата» в связи со своеобразием развития фракийских областей в раннем железе. Одной из наиболее известных культур фракийского гальштата является культура басарабь (на юго-западе Олтении у с. Басарабь). Формирование гальштатских культур началось сразу в трех регионах: Добрудже, Юго-Западной Румынии и в Северо-Восточной Венгрии [16, с. 126]. Гальштатская культура в нескольких вариантах известна во многих районов Румынии. Для нее характерны бронзовое оружие и орудия труда, но в ней присутствует много железных предметов. Во второй половине V – начале V в. до н.э. в Молдове и Северной Олтении существовала культура Бырсешти-Фериджиле, отмеченная иллирийским и скифским влиянием [2, с. 147]. Исследование поселений культуры Басарабь выявили наличие их иерархии, а различия в погребальном обряде являются индикатором социальной стратификации.

Античные письменные и нумизматические источники VI–V вв. до н.э. сообщают названия многих фракийских племен и дают некоторое представление об их расселении. Северофракийские племена населяли территорию между Балканами и нижним Дунаем [13, с. 19].

Политическую ситуацию в Западном и Северном Причерноморье изменил скифский поход Дария I [6, с. 376]. События скифского похода изложены Геродотом (История, IV, 83–142) и Страбоном (География,VII, 3, 14) и это один из немногих случаев, когда можно прибегнуть к анализу нарративных источников. Однако расхождения в изложении событий похода уже на данном этапе обуславливают необходимость обращения к вещественным источникам.

Хотя скифский поход Дария не имел успеха, но способствовал активизации процесса политогенеза у фракийцев и скифов. Фрако-скифская конфронтация в еще большей степени активизировала процесс политогенеза: в начале V в. до н.э. сложилось единое Фракийское царство во главе с племенем одрисов. О невысокой степени централизации данного государственного образования говорит существование института соправителей, так называемых парадинастов. Они осуществляли царский контроль над отдельными областями страны, пользовались достаточно широкой автономией в своих действиях, о чем свидетельствует их право чеканить монету со своим именем.

Политическая ситуация в Дунайско-Балканском регионе коренным образом меняется около сер. IV в. до н.э., когда происходит возвышение Македонии. Восточный поход Александра перенес центр тяжести складывавшейся державы на восток и это активизировало процессы политогенеза в Причерноморье. В первой половине III в. до н.э. можно говорить о существовании во Фракии небольших государственных образований, которые во многом еще сохраняли черты племенных союзов. Каждому фракийскому племенному вождю хотелось предстать в глазах соплеменников и греков наиболее могущественным (Полибий, IV, 45, 46) [15].

Но политическая консолидация фракийцев, после распада македонской державы Лисимаха только начинавшая набирать силу, была прервана вторжением кельтов. В III в. до н. э. в результате передвижений кельтских и германских племен в Средней Европе на правобережье Дуная вновь оказываются скифы и прочно оседают в Добрудже, образуя собственное государство.

К концу III в. до н. э. господство скифских царей в Добрудже было поколеблено ростом влияния гетских царств и проникновением бастарнов. Археологические материалы свидетельствуют, что фракийское влияние в памятниках материальной культуры населения Добруджи, в частности в погребальном обряде, гончарном ремесле, преобладало над иранскими традициями.

К концу III в. до н.э. в ситуацию в регионе активно вмешивается Рим. Активное продвижение римлян в области Нижнего Дуная начинается в I в. до н.э. [6, с. 511]. В I в.до н.э. Рим раздирают гражданские войны, некоторое время острие их атак направлено на Северо-Запад, и на время процесс политогенеза у фракийцев активизируется. Государственное образование Буребисты не просто было успешным в военном отношении, но и выступило в качестве символического начала готского государства в сочинении Иордана [5].

В истории племен на Нижнем Дунае большую роль начинают играть в I в. до н.э. племена даков. Рим постепенно захватывал земли Причерноморья и война с даками была вопросом времени. В правление Траяна завоевание Дакии было доведено до конца. Децебал был вынужден покончить жизнь самоубийством [6, с. 608]. В честь победы над даками в Риме была построена знаменитая колонна Траяна, воспроизводившая события этой войны. Но процесс складывания собственно фракийского государственного образования был окончательно прерван.

В итоге можно сделать следующие выводы: изучение процесса политогенеза требует обращения к различным типам источников. Однако реконструкция социально-политических процессов по археологическим источникам является сложной методологической проблемой.

1. Березкин, Ю. Е. Варианты политогенеза в догосударственную эпоху и подходы к их изучению / Ю. Е. Березкин // Антропологический форум, 2014. – № 20. – С. 187–217.
2. Берчу, Д. Даки. Древний народ Карпат и Дуная / Д. Берчу. – М. : Центрполиграф. –2008. – 192 с.
3. Бруяко, И. В. Ранние кочевники в Европе X–V вв. до Р.Х. / И. В. Бруяко. – Кишинев, 2005. – 358 с.
4. Геродот. История / пер. Г. А. Стратановского / Геродот. – Ленинград : Наука, 1972. – 600 с.
5. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Гетика / пер. Е. Ч. Скржинской / Иордан. – СПб : Алетейя, 2000. – 512 с.
6. История Европы. – Москва : Наука, 1988. – Т. 1. – 704 с.
7. История Молдавской ССР. – Кишинев : Штиинца, 1984. – 552 с.
8. Крадин, Н. Н. Археологические признаки цивилизации / Н. Н. Крадин // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / под ред.: Л. Е. Гринина [и др.]. – Волгоград : Учитель, 2006. – С. 184–211.
9. Крыкин, С. М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье / С. М. Крыкин. – М. : Прометей, 1993. – 332 с.
10. Ливий, Тит. История Рима от основании города / Тит Ливий. – Москва : Наука, 1993. – Т.3. – 770 с.
11. Лотман, Ю. М. Культура и информация / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб : Искусство-СПб, 2010. – 704 с.
12. Мелюкова, А. И. Скифия и фракийский мир / А. И. Мелюкова. – М. : Наука, 1979. – 256 с.
13. Никулицэ, И. Т. Геты IV–III века до н.э. в Днестровско-Карпатских землях / И. Т. Никулицэ. – Кишинев : Штиинца, 1987. – 276 с.
14. Папцова, А. Образ прошлого как социокультурный капитал этнорегионального развития / А. Папцова // Conferinţa ştiinţifică internaţională „Politica de stat faţă de minorităţile naţionale şi securitatea în bazinul Mării Negre” / «Государственная политика в отношении нацменьшинств и безопасность Черноморского региона» (Chişinău / Comrat, 12–13 mai 2014). – Кишинев : Pro Moldova, 2014. – С. 99–102.
15. Полибий. Всеобщая история / Иордан. – Москва : АСТ Мидгард, 2004. – Т. 1. – 765 с.
16. Поп, И. А. История Румынии / И. А. Поп, И. Болован. – Москва : Весь мир, 2005. – 680 с.
17. Страбон. География / пер. Г. А. Стратановского / Страбон. – Ленинград : Наука, 1964. – 944 с.
18. Фукидид. История / пер. Г. А. Стратановского / Фукидид. – Москва : Наука, 1981. – 543 с.
19. Цицерон. Диалоги / Цицерон. – Москва : Наука, 1966. – 224 с.
20. Элиаде, М. История веры и религиозных идей : в 3 т. Т.2. От Гаутамы Будды до триумфа христианства / М. Элиаде. – М. : Критерион, 2002. – 504 с.

Иванова Н.П.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ НОВГОРОДСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ)

Традиционно для изучения нарративных источников, таких как летописи, литературные источники, житийная литература и другие, в исторической науке использовались в основном текстологические методы. Они считались наиболее эффективными для критики такого рода источников. В последние годы наметился перелом в этом вопросе. Все чаще при изучении нарративных источников используются методы, которые раньше применялись в основном для массовых или хорошо формализованных источников. Например, такие методы, как формулярный анализ, статистические методы, использование информационных методов, в частности, технологии баз данных, методы метаразметки, морфологической и грамматической разметки текстов и другие [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]. Благодаря использованию новых методик и подходов, источниковедение, занимающееся источниками эпохи средневековья, выходит на новый уровень. Новые

методы позволяют уточнить, подтвердить или опровергнуть многие устоявшиеся в исторической науке суждения.

Так, если вести речь о летописях, то некоторые из новых методик способны уточнить, например, границы летописных сводов, подтвердить принадлежность разных фрагментов летописи одному автору или летописному центру, установить время создания того или иного летописного свода. Продемонстрируем возможности использования технологии баз данных на материалах трех новгородских летописей: Новгородской первой летописи (Синодальный, комиссионный список), Новгородской четвертой летописи и Софийской первой летописи [8, 9, 10].

При создании базы данных «Хронология новгородского летописания IX - середины XV вв.» мы предполагали использовать ее для практических целей. Во-первых, для реконструкции хронологической последовательности событии, зафиксированных в новгородских летописях с переводом древних дат на современную систему счета времени. Несмотря на то, что многие даты прошлого являются хрестоматийными (незыблемыми), тем не менее, время от времени в научной среде возникают споры и даже разворачиваются целые дискуссии по поводу тех или иных дат, особенно накануне празднования очередного юбилея какого-либо события (например, дискуссии о дате основания Москвы, празднования тысячелетия крещения Руси и др.). Историкам хорошо известно, что даты, зафиксированные в разных летописях, бывают противоречивы (нарушена хронологическая логика и последовательность событий), и перевести их на современную времяисчислительную систему не так-то просто. Летописцы в своих сочинениях не указывали, какую именно эру, и какой календарный стиль они использовали для датировки события. В Древней Руси вплоть до середины XIV в. имело место одновременное использование в разных местах четырех эр летоисчисления (константинопольской, византийско-болгарской, антиохийской, древнерусской) и трех (некоторые исследователи доказывают существование и четверного [11, с. 216–218]) календарных стилей. Все это создает дополнительные сложности для исследователей, производящих редукцию древних дат. База данных, разработанная автором данной публикации, безусловно, должна помочь в разрешении всех этих противоречий, поскольку в ней все события выстроены в соответствии с современной времяисчислительной шкалой, однако учитываются и варианты датирования, приведенные в разных летописях (по крайней мере, в пределах одной летописной традиции – новгородской).

Во-вторых, база данных может быть использована для восстановления истории сложения (или заимствования) и функционирования на Руси древних систем счета времени. С помощью технологии баз данных возможно отследить этапы появления и исчезновения в летописях «необычных» (как например, византийско-болгарская или древнерусская эры) времяисчислительных систем, причины и пути их проникновения на Русь.

В ходе работы с базой данных мы обнаружили возможность дополнения ее другими характеристиками событий, такими категориями, как «Тема» и «Ключевые слова», которые позволили прикрепить каждое известие летописи к конкретной теме и снабдить его ключевыми словами. Категория «Темы» позволила разбить все известия новгородских летописей на несколько больших тем таких, как: внутригородская жизнь Новгорода (события, связанные с жизнью и деятельностью именитых новгородцев, мятежи, восстания, конфликты с князьями и т.п.); временные интервалы (перечни князей, (архи)епископов и проч.); знамения (в Солнце, в Луне, кометы и др.), необычные природные явления (наводнения, течение Волхова вспять) и бедствия (мор, голод, пожары); поездки церковных иерархов (митрополитов, (архи)епископов); политические и военные события (включая смены князей на престолах, походы, смерти князей и их поездки в Орду и т.д.); смена церковных иерархов (рукоположения, отречения); события в жизни княжеской семьи (рождения княжичей и княжен, постриги, смерти княгинь и княжен); события византийской истории; строительство (в том числе церковное строительство); церковные обряды, чудеса (перенесение мощей, исцеления, мироточения); повести, легенды, рассказы, жития (цельные вставные рассказы). Было выделено 11 таких тем.

Категория «Ключевые слова» представляет отдельный справочник с самой разнообразной тематикой (имена собственные, топонимы, астнономические явления, природные явления, бедствия и т.д.), в нем на настоящее время условно выделено около 130 подтем, однако этот справочник характеризуется большой подвижностью, и количество подтем может меняться в зависимости от исследовательских задач. Так, если исследователя будут интересовать все упоминания Литвы в новгородских летописях, то все известия, в которых так или иначе упомина-

ется Литва или ее князья, будут сформированы в отдельную подтему. Такие же действия могут быть произведены с любым ключевым словом (словосочетанием), внесенным в данный справочник. База данных позволяет проследить и распределение тем и ключевых слов по векам, что дает возможность выявить смену интересов летописцев во времени, исчезновение одних тем/подтем, появление новых.

Еще одна характеристика известий новгородских летописей, которую мы выделили в ходе работы над базой данных это «Происхождение». Справочник «Происхождение» событий представляет собой таблицу со списком вероятных мест происхождения любого известия новгородских летописей. Под «происхождением» понимается значение данного известия для определенного региона (например, московские известия, литовские, псковские, общерусские и т.д.). Данный справочник позволяет выявить преобладание или исчезновение в те или иные исторические периоды известий определенного региона и показать интерес к нему летописцев.

Таким образом, разработанная автором данной публикации база данных позволяет производить поиск и фильтрацию известий и событий по различным основаниям: по происхождению события, по ключевым словам, по тематике, по времяисчислительным системам (года от Сотворения Мира или Рождества Христова, юлианская дата, месяцесловные, пасхальные отсылки, время суток и т.д.). Все это позволяет получать сводные таблицы на всем хронологическом отрезке и на их основе делать аналитические обзоры по разным направлениям. Разработанная база данных «Хронология и времяисчисление новгородского летописания IX – середины XV вв.» будет способствовать, с одной стороны, разработке новых методик в исследованиях летописей, с другой, – откроет новый информационный пласт для исследователей новгородского летописания.

Использование технологии баз данных открывает новые горизонты для исследования летописей, во-первых, возможность применения статистического анализа и информационных методов, считавшихся мало применимыми для нарративных источников, таких как летописи. Во-вторых, позволяет взглянуть на летописи шире: определить уровень хронологических, астрономических и математических знаний новгородских летописцев; выявить круг их интересов, выбор сюжетов, их смену в свете темпорально-географического распространения; установить статус и роль летописи в средневековом обществе. Наконец, новгородское летописание, в силу хорошей сохранности его материалов, может служить прекрасным объектом сравнительно-исторических параллелей с другими центрами летописания. Если в дальнейшем продолжить данное исследование, распространив его на другие летописные традиции (северо-восточное, южнорусское летописание и пр.), возможно будет проводить сравнительный анализ времяисчислительных систем и тематических предпочтений разных региональных центров летописания и выходить на более широкие обобщающие выводы по развитию хронологии и летописания в Древней Руси.

1. Архангельский, Т. А. Система электронной грамматической разметки древнерусских и церковнослявянских текстов и ее использование в веб-ресурсах / Т. А. Архангельский, Е. А. Мишина, А. А. Пичхадзе // Письменото наследство и информационните технологии, El'Manuscript–2014» (Варна, 15–20 септември 2014 г.) : мат-лы от V международна науч. конф. / отв. ред. В. А. Баранов, В. Желязкова, А. М. Лаврентьев. – София ; Ижевск, 2014. – С. 102–104.

2. Гимон, Т. В. Опыт формулярного анализа летописных известий о церковном строительстве (Новгород, XII – начало XIII века) / Т. В. Гимон // Ad Fontem – У источника : сб. статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. – М. : Наука, 2005. – С. 187–204.

3. Гимон, Т. В. Новгородское летописание XI – середины XIV в. как социокультурное явление : автореферат дис. д-ра ист. наук / Т. В. Гимон. – М., 2014. – 32 с.

4. Гиппиус, А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи / А. А. Гиппиус // Новгородский исторический сборник. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. – Вып. 6(16). – С. 3–72.

5. Иванова, Н. П. Использование технологии баз данных в изучении хронологии новгородского летописания / Н. П. Иванова // Известия Алтайского государственного университета: Серия История, политология. – 2014. – № 4/1(84). – С. 101–105.

6. Иванова, Н. П. База данных «Хронология новгородского летописания XI – середины XV вв.» как инструмент исследования времяисчислительных систем северо-Западной Руси / Н. П. Иванова // Материали от V международна кауч.конф… – С. 53–57.

7. Иванова, Н. П. Возможности применения технологии баз данных для выявления и анализа тематики новгородских летописей (по материалам новгородского летописания) / Н. П. Иванова, С. В. Цыб // Известия Алтайского государственного университета. Серия. История, политология. – 2014. – № 4/2(84). – С. 109–120.

8. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. : Языки русской культуры, 2000. – XI, 692 с. : ил., [5] л. ил. – (Полное собрание русских летописей. Т. 3).

9. Новгородская четвертая летопись. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 738 с. – (Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1).

10. Софийская первая летопись старшего извода. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 312 с. – (Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1).

11. Цыб С. В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет» / С. В. Цыб. – Изд-е 2-е, испр. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. – 317 с.

Аверьянов К.А.

КОГДА ВОЗНИКЛИ ПИСЦОВЫЕ КНИГИ?

В науке нередко возникают парадоксальные ситуации, когда несколько поколений исследователей занимаются той или иной проблемой, но при этом проходят мимо, казалось бы, самых очевидных и простых вещей. Все это можно отнести к вопросу о времени возникновения писцовых книг. Несмотря на то, что их изучают на протяжении уже более полутора столетий, в центре внимания историков оказывались совершенно иные проблемы – степень достоверности писцового материала, методы составления писцовых книг, писцовое делопроизводство, характеристика землевладения по данным писцовых описаний и т.п. Вопрос о том – когда, и самое главное, почему возникли писцовые книги? – всегда оставался где-то в стороне. Между тем без его решения невозможно понять место писцовых книг среди других подобных массовых описаний: переписных книг, ревизий, материалов Генерального межевания, сельскохозяйственных переписей и т.п.

Когда же появился этот вид источников? Н.Ф. Демидова в соответствующей статье в «Советской исторической энциклопедии» по этому поводу пишет: «Писцовые книги – сводные документы хозяйственных описаний, систематически проводившихся в России в XV–XVII вв. Наиболее ранними из сохранившихся являются новгородские писцовые книги конца XV в. Регулярно начали составляться с XVI в., когда появился и сам термин» [3].

Схожей позиции придерживалась Е.И. Колычева, отмечавшая, что рубеж XV–XVI вв. явился важным этапом в истории Русского государства. Княжение Ивана III (1462–1504) стало переломным моментом в создании единого централизованного государства. В 1480 г. было окончательно ликвидировано татаро-монгольское иго. Уходила в прошлое былая феодальная раздробленность – в 1478 г. под власть Москвы переходят огромные земельные владения Великого Новгорода, в 1485 г. уничтожается независимость когда-то могущественного Тверского княжества. К началу XVI в. объединение всех русских земель вокруг Москвы было практически завершено. Формально независимыми оставались лишь Псков и Рязанское княжество, но и они уже со второй половины XV в. прочно вошли в орбиту московского влияния, а окончательно были присоединены уже при сыне Ивана III – Василии III. В этих условиях на первый план выходит необходимость проведения всеобщего «валового» описания земель – с одной стороны государству важно было знать всю совокупность доходов, на которую оно могло рассчитывать, с другой стороны требовалось выработать единый принцип обложения земель, поскольку уровень сбора доходов с определенного количества земли в одном районе мог резко отличаться от других. Все это привело к тому, что на рубеже XV–XVI вв., точнее: в 1497–1504 гг. проводится первое генеральное описание Русского государства. По ее данным, за этот период были описаны следующие уезды: Бежецкий, Белозерский, Владимирский, Вологодский, Галичский, Гороховецкий, Дмитровский, Каширский, Коломенский, Костромской, Можайский, Московский, Нижегородский, Переяславль-Залесский, Пошехонский, Ростовский, Радонежский, Суздальский, Угличский, Юрьев-Польский, Ярославский, Вятская земля, а также бывшие владения Новгорода Великого [6, с. 7–12].

Вместе с тем, исследовательница не ответила на вопрос: проводились ли подобные описания в более ранний период? – хотя и привела свидетельство того, что они существовали. Речь идет о духовной грамоте 1461/62 г. великого князя Василия Темного, который предусматривал: «А как почнут дети мои жити по своим оуделом, и моя княгини, и мои сынъ Иван, и мои сынъ Юрьи, и мои дети пошлют писцев, да оуделы свои писци их опишут по крестному целованью, да по тому письму и обложат по сохам и по людем, да по тому окладу моя княгини и мои дети и в выход оучнут давати сыну моему Ивану съ своих оуделов. А переменит Богъ Орду, и моя княгини и мои дети возмут дань себе съ своих оуделов, а сынъ мои Иванъ в то не въступается» [5, № 61, с. 197].

О том, что в середине XV в. выражения «писец», «письмо» не являлись чем-то новым, свидетельствует наблюдение А.Г. Авдеева, обратившего внимание на житие Паисия Галичского, в котором излагается содержание жалованной грамоты, выданной Паисию великим князем Василием Темным во время его пребывания в Москве, где находим упоминание писцовых книг [1, с. 14]. Термин «писцы» встречается и в докончании 1447 г. великого князя Василия Темного и князя Михаила Андреевича Верейского. Приведем из него отрывок: «А что мя еси, господине,

пожаловал, дал ми еси в вотчину и в вудел половину Заозерья, отчины заозерьских князеи половина, и съ селы, и со всемъ с темъ, как было за отчичи за князми, да к тои половине придал ми еси, господине, исъ своее половины того жо Заозерья сто деревень, а что, господине, Кубена на сеи стороне, и противу, господине, половины Кубены велети ти, господине, мне отписати Заозерьских деревень по пригожу, вместо половины Кубены, исъ своее половины, а отписати ти, господине, велети мне, своему брату, тое отчины своему писцю, а моему, господине, писцю быти с твоимъ писцем, а отписати, господине, твоему писцю мне та сторона, которая пришла к моей отчине к Белуозеру… А коли, господине, князь велики, придет посолъ татарьской в Ярославль, и мне, господине, с тое отчины з Заозерья давати ярославьским княземъ в выход и во все пошлины, в ординьские проторы, по старине, как давали заозерские князи ярославьским княземъ» [5, № 44, с. 128].

Таким образом, из названных источников со всей очевидностью вытекает то, что к середине XV в., судя по всему, традиция проведения писцами хозяйственных описаний насчитывала уже не одно десятилетие. Насколько далеко она уходила в глубь столетий? Определенные указания находим в одной из статей составленного около 1472 г. договора Ивана III с его братом – удельным князем Андреем Васильевичем Углицким: «А коли, господине, князь велики, пошлешь своих писцов…[здесь в источнике лакуна размером около шести букв, видимо надо: “с моими” – К.А.] Москвы писати и Московскых станов, а мне, господине, послати своих писцов с твоими вместе, как было при нашом прадеде, и деде, и отцы нашом, великих князеи. А что наши данщики зберут, тому ити в твою казну, великого князя, а тобе, великому князю, давати та дань в выход. А с моего, господине, оудела имати ти оу меня выход по крестному целованью. А ци переменит бог Орду, коли будет с великого княженья выхода не дати, тогды и мне своего оудела не дати» [5, № 66, с. 215]. Прадедом Ивана III и Андрея Васильевича Углицкого, как известно, являлся Дмитрий Донской. Поскольку процитированная ссылка на старину в этом докончании восходит ко второй половине XIV в., можно предположить, что писцовые описания проводились по крайней мере уже с этого времени.

Что же послужило исходным толчком для их составления? Во всех процитированных выше источниках XV в. наше внимание привлекает важное обстоятельство – упоминания писцов идут в одном контексте с ордынским выходом. Любопытным представляется и другое – именно ко времени княжения Дмитрия Донского, к которому восходят наиболее ранние свидетельства о проведении писцовых описаний, относятся данные о раскладках денежных сумм, следовавших великому князю с отдельных волостей и уделов в счет дани, платившейся в Орду.

Так из договора от 25 марта 1389 г. между Дмитрием Донским и князем Владимиром Андреевичем Серпуховским узнаем, что последний должен был платить со своих владений 320 рублей в счет общей суммы ордынского выхода в 5000 рублей: «а ординьская тягость, также и проторъ, дати ти мне, брату своему стареишому и отцю, и сыну моему, князю Василью, съ своего оудела и со княгинина оудела Оульянина, съ твое трети, в пять тысячь руб. триста рублевъ и двадцать руб.» [5, № 11]. Из духовной грамоты князя Владимира Андреевича Серпуховского узнаем, что дань в 5000 рублей собиралась только с одного Московского княжества, а подобные раскладки сумм, платившихся в Орду, существовали и в других княжествах: «А коли выидет дань великого князя ко Орде в пять тысяч рублев, имется дани детем моим и княгини моеи и их уделом триста рублев и дватцать рублев, опринсь Городца и Углеча поля… а сын, князь Семен, князь Ярослав, возмут дани з Городца и з Городецских волостеи в новогородцскои выход [т.е. Нижнего Новгорода – К.А.], в полторы тысячи рублев, возмут сто руб. и шестьдесят рублев» [5, № 17, с. 49].

Означает ли это то, что писцовые описания возникли вследствие необходимости уплаты дани в Орду? В литературе высказывались определенные соображения по этому поводу. В частности, исследователи обратили внимание на то, что, судя по сохранившимся писцовым описаниям, земля измерялась в сохах, которые являлись основной окладной единицей для государственных налогов и повинностей. Так, Е.И. Колычева указывала, что древнейшим упоминанием сохи в качестве окладной единицы принято считать приведенное В.Н. Татищевым известие об уплате в 1273 г. дани татарам. Великий князь Василий Ярославич доставил в Орду «дань урочную со всея земли по полугривне с сохи, а в сохе числиша по два мужи работники… И хан… рече: ясак мал есть, а люди многи в земле твоей, почто еси не от всех даеши? Князь же великий

отымался числом баскаков прежних. И хан повеле послати новы численники во всю землю Русскую» [9, с. 51; 6, с. 7].

В этом сообщении наше внимание привлекает термин «численники». В общерусских летописях он упоминается под 1255 г., когда вскоре после монголо-татарского нашествия власти Золотой Орды решили упорядочить сбор дани с покоренных русских земель и провели первую известную нам перепись податного населения: «Тое же зимы приехаша численици ис татар и сочтоша всю землю Русскую и поставиша десятники и сотники, толико не чтоша игуменов и попов и черьнцев, хто служит святымъ церквам. Се же все бысть на Русской земли грех ради наших» [7, с. 142–143].

Означает ли это то, что писцовые описания возникли в середине XIII в. и были связаны с выплатой ордынской дани? Можно было бы согласиться с этим казалось бы логичным выводом, если бы не одно обстоятельство.

Известно, что самой древней и наиболее архаичной формой управления княжеством являлась система полюдья: для сбора дани и других доходов, а также отправления правосудия князь объезжал подвластную территорию из года в год по одному и тому же пути, останавливаясь в заранее определенных пунктах, позднее получивших название станов (в смысле – остановка). Станом позднее стала называться и территория вокруг стоянки князя, с которой собирались дань и доходы. Места княжеских остановок иногда находились в каком-либо селе, но очень часто и вне селений, в зависимости от удобства для окрестных жителей и дальнейшего следования княжеской дружины. Княжеские объезды были приурочены, как правило, к большим церковным праздникам – Рождеству, Пасхе, Петрову дню. Эта система управления не была чисто русской особенностью: ее проявления видим и на западноевропейском материале. При больших размерах малонаселенных княжеств такие регулярные объезды были наиболее целесообразной формой управления, сбора дани, прокормления дружины, суда и управы.

Расцвет этой системы управления приходился на домонгольский период. Имеющиеся в нашем распоряжении грамоты XIV–XV вв. в чистом виде эту систему уже не застают, хотя продолжают фиксировать отдельные ее следы. Об этом говорит духовная грамота московского князя Ивана Красного середины XIV в., когда упоминает о праве князей «ставити коней по станом». К этому добавим упоминание в источниках «путных бояр», изначальной обязанностью которых, очевидно, являлся как раз объезд отдельных территорий, подвластных князю. Из нескольких жалованных грамот середины XV в. становится известным о существовании «проездного суда», когда виновных в тех или иных преступлениях князь судил не в своем стольном городе, а во время остановки на станах. Уставные грамоты XV в. сохранили некоторые черты этой системы управления. Судя по ним, одной из статей княжеских доходов были «кормы». Со времен древнейшей Русской Правды, уставные грамоты, перечисляя доходы в пользу князя, всегда указывают хлеб, мясо и др. вместе с сеном и овсом для лошадей. Это свидетельствует о том, что «кормы» были рассчитаны именно на разъезжающего человека.

Следует полагать, что еще до проведения полюдья князю заранее необходимо было знать какую сумму можно было собрать с той или иной подвластной ему территории. Это же нужно было и непосредственным плательщикам дани. Разумеется, порой у князей и их данщиков возникал соблазн взять больше установленного или просто грабежа того, что плохо лежит. Об этом, к примеру, свидетельствует известный рассказ Начальной летописи о сборе дани с древлян киевским князем Игорем и связанных с этим злоупотреблениях, кончившихся его гибелью, или сообщение под 1187 г. в Новгородской первой летописи о том, что новгородские сборщики дани были перебиты на Печоре, Югре и за Волоком [8, с. 19]. Но это были исключения. Князья предпочитали иметь стабильный и гарантированный доход. Если это так, то мы вправе допустить, что для определения размеров собираемой дани проводились соответствующие описания.

О том, что они существовали, свидетельствует единственная уцелевшая из всего множества подобных документов уставная грамота 1136 г. смоленского князя Ростислава Мстиславича. Она была составлена в связи с учреждением в Смоленске епископской кафедры, на содержание которой князь обязался выделить одну десятую дани, собираемой с местного населения. Именно благодаря этому обстоятельству эта грамота дошла до нас в списке позднейшего времени. Ее изложение идет по отдельным волостям и населенным пунктам: «А в Торопчи дани четыреста гривен, а епископу с того взяти 40 гривен. А в Жижци дани 130 гривен, а с того епископу взяти 13 гривен. А в Каспли 100 гривен, а ис того епископу взяти 10 гривен... » [4, с. 141–145].

Заранее установленные размеры сборов показывают, что для этого предварительно была проведена соответствующая их оценка. К сожалению, у нас нет данных – проводилась ли она специально назначенными писцами, либо же писец и данщик являлись одним и тем же лицом.

Что же служило критерием для установления размеров сумм, собиравшихся в пользу князя? Им являлось количество семей, проживавших на той или иной территории. Судить об этом можно по сохранившейся жалованной данной и тарханной грамоте 1371 г. великого рязанского князя Олега Ивановича Ольгову монастырю на село Аристовское. Для нас важен имеющийся в ней пересказ прежних грамот: «А возрев есмь въ давныи грамоты съ отцемь своимь съ владыкою с Васильемь и съ бояры, коли ставили по первых прадеди наши святую Богородицю, князь великии Инъгварь, князь Олег, князь Юрьи, а с ними бояръ 300, а мужи 600, тогды дали святои Богородици дому 9 земль бортных, а 5 погостов: Песочна, а в неи 300 семии, Холохолна, а в неи полтораста семи, Заячины, а в неи 200 семии, Веприя 200 семии, Заячков 100 и 60 семии; а си вси погосты съ землями с бортными и с поземом, и с озеры, и с бобры, и с перевесьищи, с резанками, и с шестьюдесят, и с винями, и с поличным, и со всеми пошлинами» [2, т. 3, № 322, с. 351]. Самым важным для нас является то, что «старина» этого свидетельства восходит ко времени до нашествия Батыя, поскольку упоминаемые в нем рязанские князья Ингварь (ум. 1252) и его братья Олег (ум. 1258), Юрий (ум. 1237) жили именно в эту эпоху, а основание ими церкви Богородицы относится к 20–30-м годам XIII в.

Как долго число семей являлось главным объектом обложения? Когда произошла его замена на количество земли? На этот счет можно высказать лишь общие соображения. Судя по тому, что в духовных и договорных грамотах московских князей рубежа XIV–XV вв. указываются суммы дани, следующие с той или иной волости или удела, следует полагать, что главным критерием для определения размеров доходов, собиравшихся в пользу князя, по-прежнему служило число семей. По многочисленным свидетельствам источников, XV в. стал временем интенсивной распашки пахотных земель на Руси. В условиях существования больших патриархальных семей каждая из них стала обрабатывать больше пространства, а, следовательно, получать больше доходов. Разумеется, это не могло укрыться от княжеской власти, и данное обстоятельство в итоге привело к тому, что в основу налогообложения вместо прежнего был положен новый принцип – по величине обрабатываемой площади. С большой долей уверенности можно предположить, что этот переход произошел в княжение Ивана III. Завещание его отца Василия Темного 1461/62 г. еще предусматривало обложение «по сохам и по людем», а в первых дошедших до нас писцовых описаниях рубежа XV–XVI вв. мы уже видим принцип обложения по земле.

1. Авдеев, А. Г. Галичская земля в XII – XV вв. (по житию преподобного Паисия Галичского) : автореферат канд. ист. наук / А.Г. Авдеев. – М., 2001.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – М. : Издательство АН СССР, 1852–1964. – Т. 1–3.
3. Демидова, Н. Ф. Писцовые книги / Н. Ф. Демидова // Советская историческая энциклопедия. – М., 1968. – Т. 11. – Стб. 167.
4. Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. – М. : Наука, 1976. – 240 с.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. – М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1950. – 585 с.
6. Колычева, Е. И. Аграрный строй России XVI века. / Е. И. Колычева. – М. : Наука, 1987. – 233 с.
7. Московский летописный свод конца XV века. – М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1949. – Т. XXV. – 464 с. – (Полное собрание русских летописей. Т. 25).
8. Новгородские летописи – СПб., 1841. – 308 с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 3).
9. Татищев, В. Н. История Российская / В. Н. Татищев. – М.; Л., 1965. – Т. V. – 343 с.

Святец Ю.А.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРОНОЛОГИИ И ДАННЫХ ГЕНЕАЛОГИИ ДЛЯ ДАТИРОВКИ ИСТОЧНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ СЕДЬМОЙ КНИГИ РУСЬКОЙ МЕТРИКИ)

Комплекс актов (свыше 3,5 тыс. документов) Руськой (Волынской) метрики (далее – РМ) является мощной информационной базой для выяснения различных аспектов целого столетия украинской истории (1569–1673). Книги метрики, с одной стороны, стали вместилищем фактических данных из жизни людей, бывших действующими лицами событий на просторах Волынского, Киевского, Браславского, Черниговского воеводств, а, с другой стороны, – ценными артефактами, дающими представление об интеллектуальном и технологическом уровнях развития общества. На информационную ценность книг РМ обратил внимание еще в советский период

исторической науки известный украинский источниковед профессор Николай Павлович Ковальский.

Седьмая книга РМ содержит комплекс актов, записанных в нее в 1582–1583 гг. Основная часть этих актов появились как результат королевских судебных решений (декретов) Стефана Батория. Другая часть книги содержит «прєписы альбо видимусы з листовъ, которыє въ скаръбє нашомъ суть» [8], выданные князьям Стефану Андреевичу и Янушу Миколаевичу Корыбутовичам Збаражским. Документы этого комплекса принадлежат к категории частноправовых актов, в которых отражены «траектории перемещения» волынских владений княжеского рода Збаражских. Речь идет о купчих, дарственных, духовных (тестаментах) и делчих актах.

Акты, копии которых были выданы князьям Збаражским в июне 1583 г., содержат датировки как по византийской, так и по христианской эре. Применялся также и старовизантийский счет времени по индиктам. Следует обратить внимание на то, что в записях в книге РМ ряд актов датирован нечетко или ошибочно. Например, в акте «Позволєнє кнєгини Ровєнскои на продажу Хотѣня» вписан подтвердительный привилей короля Казимира IV записи княгине Марии Ровенской от ее матери и отчима Олизара Федька Шиловича на Хотин [4]. Этот видимус значится под неполной датой: «Писан в Луцку в лєто [вместо года в рукописи пропуск. – *Ю.С.*] м(єся)ца ноября пєрвонадцать дня, инъдыкта шостого» [4]. Ориентиром для определения даты данного акта можно с учетом интитуляции «Казимєръ, Божєю милостью корол полскии…» [4], т.е. событие могло произойти между 1447 и 1492 гг. Однако на этот период приходятся три года (1458, 1473, 1488), которые соответствуют шестому индикту. Речь идет о том, что акты содержат указания на даты, определить или уточнить которые исходя лишь из наличных в самих документах данных, не представляется возможным.

Историческая хронология дает знание о соотношении старовизантийского, византийского и христианского способов измерения времени, которые могут быть выражены простыми арифметическими выражениями. Однако применение формул также дает не окончательный результат, а лишь представление о возможных вариантах дат. Другими словами, формируется коллизия: какую из дат признать адекватной? Ответ на такой вопрос может опираться на знания о годах жизни и деятельности, датах продвижения по службе, хронологии участия в известных событиях, родственных отношениях и т.п. Иначе говоря, помочь могут сведения, которые предоставляют генеалогия и биографистика. С другой стороны, эти знания опираются на сведения исторической хронологии и актового источниковедения.

Итак, для того, чтобы определить год выдачи акта «Позволєнє кнєгини Ровєнскои на продажу Хотѣня», необходимо обратиться к генеалогическим сведениям о названных в акте персонажах. Так «староста луцъкии, маръшалокъ Волыньскоє зємли, п(а)нъ ѾЛизаръ Шиловичъ», который жене своей и падчерице Марии Ровенской «далъ и записалъ по животє п(а)нєє своєє имєньє на имя Хотинь с присєлъки и со всими приходы» [4] умер около 1485 г. (позже его имя в известных на сегодня источниках не упоминается). Поскольку о подтверждении привилея на «тоє имєньє на имя Хотин дати и записати дочцє своєи, кнєгини Сємєновои Ровєнъскои, кнєгини Маръи» [4] просила короля вдова Олизара Шиловича, то наиболее вероятной датой выдачи королем Казимиром IV данного акта является 1488 г. Дополнительным аргументом адекватности такой даты может служить наличие в качестве свидетеля такого персонажа как «маршалокъ нашъ и намєстъникъ слонимъскии, панъ Солтанъ Алєксандровичъ» [4], который как слонимский наместник упоминается в источниках с 1483 г. [1; 3; 12]. Пребывал он при этой службе не дольше, чем до 1492 р., с которого там находился уже Иван Богданович Хребтович «Литавор» («Ивашко Литаворъ Богдановичъ Грєбтовича» [4]), который также назван в данном акте как свидетель. Таким образом, король Казимир IV выдал привилей на продажу Хотина в 1488 р.

Ошибочная датировка еще одного видимуса выявлена в акте «Тєстамєнтъ кн(я)зя Солтана Збаразского» [9], где указано, что завещание записано «Лєт[а] шєсть тисєчъ сємъсотъ ѡсмъдєсятъ пєрвого, инъдикътъ шостыи, ѡктєбръ трєтии» [9, л. 234]. Году 6781 по византийской эре соответствует 1273 год христианской эры. Но «кнѧзь Сємєнъ Василєвичъ Солътанъ, ѡтчичъ Збаразскии» – родной брат князя Семена Васильевича Несвецького, то есть персонаж XV ст. То есть выявлена ошибка в два столетия, типичная для комплекса копий документов, выданных князьям Стефану и Янушу Корыбутовичам Збаражским. Не случайно позже на поле листа книги вписана маргиналия «$\frac{6981}{1473}$» [9, л. 234]. И в самом деле: 6981 – 5508 = 1473. Эти

годы соответствуют указанному в датации шестому индикту: 6981 = 15 х 465 + **6**. Интересно, что обычно в исторической литературе год смерти князя Солтана (Семена II) Васильевича Збаражского указывают как 1472 [2; 11]. Однако, если верить записи акта в седьмой книге РМ, то тестамент датирован 1473 г.

Требует хронологического уточнения и «Роздєлок мєжи кн(я)зи Збаразскими дєлницєю кн(я)зя Солтановою» [7], в котором изложено рассмотрение жалобы князя Михаила Васильевича Збаражского на его дядю князя Семена Васильевича Несвецького, Збаражского и Колоденского касательно прав на часть наследства другого дяди, князя Солтана Васильевича Збаражского (†1473). Король Казимир IV назначил комиссаров для разрешения этого конфликта и справедливого распределения наследия князя Солтана Васильевича между претендентами. В состав комиссии вошли князь Александр Сангушкович, староста луцкий Михайло Монтовтович и маршалок земли Волынской, староста владимирский Олизар Шилович [7, л. 235 об.]. В результате рассмотрения дела «кнѧзь Михаило взѧлъ Вишнєвєцъ, Городок зо всими присєлки, што к тому слушаєть, и к тому єщо Таражъ. А кнѧзь Сємєнъ Городок узѧлъ а Манєвъ со всими присєлки, што к тому здавна слушало и тѧгло, к тому єщє Лапушная» [7, л. 236]. Приведенная цитата из делчего акта содержит ценную информацию о факте «зачинания» рода князей Вишневецких в лице Михайла Васильевича Збаражского, унаследовавшего владение имением Вишневец. В каком же году состоялось это историческое событие? Акт датирован нечетко: «Писанъ у Луцку, июля чєтвєртого, инъдыкта ѡсмого» [7, л. 236]. На левом поле листа в книге записана более поздняя маргиналия «1475» [7, л. 236]. Для того, чтобы выяснить, корректно ли этот год принять как дату выдачи этого акта, следует прибегнуть к генеалогическим сведениям о роде князей Збаражских. Событие раздела наследия князя Солтана Васильевича происходит после смерти князя Василия Васильевича Несвецкого – отца Михайла Васильевича Вишневецкого, который предъявил свои права наследования «ѡ дєлницу дѧди своєго, кн(я)зя Солтана, иж єго ѡтцєм, кн(я)зя Василємъ, дєл имєл» [7, л. 235 зв.]. То есть между родными братьями Василием и Солтаном был договор о наследовании имений последнего. В исторической литературе дата смерти князя Василия Васильевича Несвецкого указана 1474 годом [2; 11]. Другой его брат, князь Семен Васильевич Несвецкий, Збаражский и Колоденський, дожил до 1481 г. [2; 11]. Князь Михайло Васильевич Вишневецкий и Збаражский (†1517) пережил своего дядю [2;11]. Итак, делчий акт был выдан между 1474 та 1481 гг. В этом интервале только один (1475) год соответствует восьмому индикту: **1475** + 5508 = 6983 = 465 х 15 + **8**. Следовательно, историческое событие наследования князем Михайлом Васильевичем Збаражским имения Вишневец состоялось в 1475 г.

Владения князя Солтана Васильевича Збаражского его наследники распределяли еще несколько раз. В седьмой книге РМ содержатся несколько делчих актов. В частности в документе «Роздєлок пєнных добръ мєжи кн(я)зи Збаразскими» [6] вписан лист договора между сыновьями Василия Васильевича Несвецького – Михайлом Васильевичем Збаражским и Вишневецким, с одной стороны, и Семеном Васильевичем Збаражским Маневським, с другой, в присутствии Федора (Федька) Васильевича Збаражского и Порицкого. Братья согласились с таким распределением имений: «кн(я)зю Сємєну Збаразскому, брату моєму мєньшому, достал ся Квасовъ а Яньковъцы, а Ѡбарынцы, а Млиновцы, а Мєлная, а Воловая» [6, л. 246 об.], а «кнѧзю Михаилу Василєвичу Збаразскому, достало ся напродъ Вишнєвєц из мєстєчкомъ и с тымъ сєломъ, што под мєстєчком, из млыномъ вишнєвєцъкимъ, а къ городу, къ Вишнєвцу достали ся тыє сєла на имє Ѡлєксинцы, а Ѡстровєцъ, а Таражи, а Бакота, а Бутич, а Конаховичи, а Лозы, а Бодаки» [6, л. 247]. В датировании этого делчего акта выявлены некоторые несоответствия: «писанъ у Вишнєвъцы, в лєтъ шєстъ тисєчъ дєвѧтьсотъ ѡдиннадцатого, м(єся)ца ноября чєтвєрътого дня, инъдыктъ пєрръвыи» [6, л. 247 об.]. Году 6911 «от сотворения мира» соответствует 1403 г. христианской эры. Но названные братья князья Збаражские жили во второй половине XV – в начале XVI в. К тому же 6911 г. соответствует (6911 = 460 х 15 + 11) 11 индикт, а не первый. На левом поле листа книги позже была помещена маргиналия «$\frac{6911}{1403}$ ... 1443» [6, л. 247 об.]. Такая «подсказка» мало чем может помочь в определении даты. Учитывая, что младший брат Михайла Васильевича именованный в акте «кн(я)зємъ Сємєном Збаразским Манєвъским», этот документ мог быть подписан после того, как Семен Младший получил Манев во владение. Данный акт не дает нам представления об этом событии.

В этой же книге вписан еще один делчий лист между братьями князьями Збаражскими, сыновьями князя Василия Васильевича Несвецкого: «Та*к*же ро*з*де*л*о*к* пєнны*х* добръ мєжи тыми жъ князми» [10]. Речь в нем шла о том, что «дєлили ся єсьмо ѡтъчизною своєю кн(я)зѧ Солътана, нєбожъчика» [10, л. 248], поскольку сыновья князя Василия Несвецкого считали легитимным унаследование владений их дяди Солтана Збаражского по договору покойного с их отцом [7]. Поэтому братья и решили распределить фактически наследство своего отца между собой. Согласно этому документу «дєльницєю достало сѧ кн(я)зю Сємєну Манєвъ дворъ зо всими тыми сєлы и присєлки, што к тому двору здавна тѧгнєть, а к тому Манєву єщє сєло Лопушноє, а єщє кн(я)зю Сємєну дворъ Городокъ зо всими тыми сєлы, што к тому двору здавна тѧгнєтъ, а єщо к тому сєльцо Студъковцы со всимъ с тымъ, што к тому сєльцу зда*в*на тѧгнєтъ» [10, л. 248]. То есть князю Семену Васильевичу Збаражскому Младшему отошел Манев. Датировано это распределение также с ошибкой в два столетия: «В лєто шєсть тисєчъ сє*м*сотъ ѡсмъдєсѧ*т* трєтєго, инъдыкта ѡсмого» [10, л. 248 об.]. На правому поле листа помещена маргиналия «девятсотъ» [10, л. 248 об.]. И в самом деле, 6783 год по византийской эре – это 1275 год от Рождества Христова. Адекватной датировкой может быть 6983 г. от «сотворения мира», что соответствует 1475 г. христианской эры и восьмому индикту.

Похоже их дядя, князь Семен Васильевич Несвецкий, Збаражский и Колоденский, не согласился на право наследования детей его умершего брата Василия Васильевича Несвецкого на наследство князя Солтана Васильевича Збаражского. Поэтому был еще один делчий лист между князем Семеном, с одной стороны, и вдовой князя Василия и их детьми, с другой. В седьмой книге РМ такой видимус вписан в акте «Роздєло*к* имєнє*и* части кн(я)зѧ Солтановы мєжи кн(я)зи Збаразскими» [5]. В этом видимусе названы все участники этого мирового соглашения: «Я, кня*з* Сємєнъ Васи*л*єви*ч* Збара*з*ски*и*, и я, кнєгини Васи*л*єваѧ Збаразскаѧ, и*з* сынми своими, посполитою рукою со кн(я)зє*м* Миха*и*ло*м* и с трєми кн(я)зи Сємєны и со кн(я)зє*м* Ѳєдоро*м* сознава*м* симъ наши*м* листо*м* вси посполитою рукою: и*з*садили ся єсмо и*з* дєвє*р*ємъ и*з* свои*м*, со кн(я)зє*м* Сємєно*м*, и дєти мои и*з* дя*д*комъ свои*м*, ѡ кн(я)зѧ Солтанову дєлницу упоровнали и подєлили єсмо наполы» [5, л. 256 об.]. В соответствии с этим актом «достала сѧ дєвєру моєму, кн(я)зю Сємєну, и дѧ*д*ку нашому, … сє Манєвъ зосталъ со всими присєлки и сєлищи, што к тому двору здавна слушало» [5, л. 256 об.]. То есть Манев, который наследники князя Василия Васильевича Несвецкого сначала предоставили во владение младшему брату Семену Васильевичу, в соответствии с процитированным тут соглашением пришлось вернуть его тезке дяде. Этот акт, как и другие, выданные наследникам князьям Збаражским, также содержит ошибку в датировке в 200 лет: «Писанъ у Манєвє, м(є)*с*(я)ца июня второ*го* дня по*д* лєты Божого нарожєнья в лєто ш*єст* тися*ч* сє*м*со*т* ѡсмъдєсѧ*т* шостого, инъдыкта пє*р*вогона*д*ца*т*» [5, л. 256 об.]. Адекватным годом может быть 6986 по византийской эре, что соответствует 1478 г. от Р.Х. и одиннадцатому индикту. Итак, князь Семен Васильевич Збаражский Младший мог титуловаться Маневским лишь после смерти его тезки дяди, когда б Манев перешел ему в наследство. Историческая литература указывает 1481 год как дату смерти князя Семена Васильевича Несвецкого, Збаражского та Колоденского [2; 11].

Тогда, возвращаясь к акту раздела имений между братьями князьями Михайлом Вишневецким и Семеном Маневським, ошибочно датированным 6911 г. от «сотворения мира», что соответствует 1403 г. христианской эры, имеем ориентир, что наиболее вероятно это соглашение стало возможным после 1481 г. Самым близким к этому году, который соответствует первому индикту, есть 1483 г. или 6991 г. по византийской эре. Из исторической литературы известно, что князь Михайло Васильевич Збаражский и Вишневецкий ушел из жизни в 1517 г. [2; 11]. Тогда до дня его кончины были еще два хронологических пункта (1498, 1513 гг.), соответствовавшие первому индикту. При таких вариантах акт был бы датирован 7006 или 7021 гг. византийской эры. С другой стороны сведения о князе Семене Васильевиче Меньшем Збаражском и Маневском в источниках в последний раз датируются 1489 г. [2; 11]. А значит наиболее соответствующей датой делчего акта между братьями князьями Михайлом Васильевичем Вишневецким и Семеном Васильевичем Маневським следует считать именно 1483(6991) год.

Итак, методики исторической хронологии, а также сведения генеалогии, позволяют выявить и исправить ошибки датирования в актах, вписанных в седьмую книгу Руськой метрики.

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. – СПб., 1846. – Т. 1: 1340–1506. – С. 101.

2. Войтович, Л. Княжа доба: портрети еліти / Л. Войтович. – Біла Церква : Видавець Олександр Пшонківський, 2006. – С. 652.
3. Литовская метрика. Отдел I. Ч. I. Книга записей. Т. I // Русская историческая библиотека. – СПб., 1910. – Т. 27. – С. 375, 383, 392–393.
4. Позволенє кнєгини Ровєнскои на продажу Хотѣня // РГАДА. – Ф. 389. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 224.
5. Роздєлок имєнєи части кн(я)зѧ Солтановы мєжи кн(я)зи Збаразскими // РГАДА. – Ф. 389. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 256–257.
6. Роздєлок пєнных добрь мєжи кн(я)зи Збаразскими // РГАДА. – Ф. 389. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 246–247 об.
7. Роздєлок мєжи кн(я)зи Збаразскими дєлницєю кн(я)зя Солтановою // РГАДА. – Ф. 389. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 235 об. – 236.
8. Сознанє кн(я)зя воєводы києвского, которыє листы зъ скарбу короля, єго милости, Жикгимонта Августа взялъ // РГАДА. – Ф. 389. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 206 об.
9. Тєстамєнтъ кн(я)зя Солтана Збаразского // РГАДА. – Ф. 389. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 233–234.
10. Такжє роздєлок пєнных добрь мєжи тыми жъ князми // РГАДА. – Ф. 389. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 247 об. – 248 об.
11. Яковенко, Н. М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна) / Н. М. Яковенко. – К.: Наук. думка, 1995. – С. 298.
12. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Metryka Litewska. — Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų 1-kla, 1994. – Kn. 4 (1479–1491): Užrašymų knyga 4 / Lietuvos istorijos institutas ; [parengė Lina Anužytė]. – Vilnius : Žara, 2004. – C. 110, 117.

Ерешко А.Е.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СПИСКОВ ПОДЬЯЧИХ ИНОЗЕМСКОГО ПРИКАЗА (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА № 103 СТОЛБЦОВ МОСКОВСКОГО СТОЛА РАЗРЯДА)

Основной источник по истории приказных подьячих XVII в. – списки подьячих по приказам, отложившиеся в Разряде. Их данные используются в научных работах, но сами они не удостоились ни одного специального исследования. Поэтому, иногда, бывают не понятны ни обоснование гипотезы, ни датировка событий учеными, скупо отсылающими читателя к номеру фонда, дела и листа, за которыми скрывается очередной «безликий» список подьячих. Все эти списки делятся, с одной стороны, на черновые, рабочие, испещренные многочисленными правками, и беловые. С другой, – на единые по всем приказам за определенный год, различной степени полноты и сохранности, и на списки-ответы отдельных приказов на запросы Разряда. Но какими бы списки ни были, особую важность имеет время их создания. Поэтому пристального внимания заслуживает анализ недатированных списков. Именно к таким относятся рассматриваемые нами в данной статье списки подьячих Иноземского приказа из дела № 103 Столбцов Московского стола Разряда [7].

Столбцы Московского стола за номером 103 представляют собой разрозненные списки подьячих разных приказов за 1626–1645 гг. [4, Московский стол, с. 53] на 482 л. Списки рассматриваемого нами приказа встречаются в деле то под названием Панского, то Иноземского девять раз. Из них имеют точную датировку – только два: 1627/28 г. [7, л. 57, 64–65] и 1633/34 г. [7, л. 83, 93–94].

Первая группа недатированных списков по составу подьячих близки к списку 1627/28 г. [7, л. 231, 370, 442]. Причем в первом (л. 442) значится Тимофей Ульянов, во втором (л. 370) – напротив него помета «умре», а третий (л. 231), как и датированный список, его вовсе не содержит. Учитывая, что Тимофея Ульянова «не стало в 135 г. в феврале месяце» [11, л. 202], и что список располагается между двумя другими – с датами 8 и 9 ноября 1626 г. [7, л. 441 об., 443], то список подьячих Иноземского приказа на л. 442 можно датировать 8-9 ноября 1626 г.

Список с л. 370 отличается от списка с л. 231 упоминанием смерти Ульянова, размером денежного оклада подьячего Ивана Белышева и отсутствием подьячего Федора Постникова. Денежный оклад Белышева в первом случае равен 7 рублям, а во втором – несколько раз редактировался – с 10 на 12, и с 12 на 13 рублей. По другим источникам известно, что ему подняли денежный оклад до 10 рублей 18 января 1628 г. [5, л. 327 об.], а с 10 до 13 рублей – в январе 1629 [11, л. 355–356]. Постников был принят в Иноземский приказ на место Ульянова 13 февраля 1628 г. [11, л. 202]. В начале 1629 г. назначен во Владимир, куда уехал в апреле [7, л. 273] (в списке с л. 231 напротив него как раз стоит помета «послан в Володимер»). 23 марта 1629 г. на его место бьет челом другой подьячий Яков Львов [11, л. 202]. Поэтому, список подьячих с л. 370 относится к первой половине 1627 г., а список с л. 231 – к первой половине 1629 г.

Наш анализ списков второй половины 20-х гг. XVII в. рассматриваемого дела не противоречит материалам, приводимым в справочнике Н.Ф. Демидовой, где «данные, на основании которых было проведено уточнение датировки, в каждом конкретном случае не приводятся», а хронологию списков возможно выявить по ссылкам на них, расположенным в хронологическом порядке [1, с. 6, 10]. Но имеются и различия: список на л. 231 датируется большим промежут-

ком времени – 1627–1630 гг., а на листах 64–65 – разделен на три отдельные ссылки (списка?!) [1, с. 484, 619, 681].

Самым сложным для анализа является список подьячих Иноземского приказа, помещенный в начале дела 103, где, по причине плохой сохранности, много лакун. Рассмотрим материалы с л. 7–12 об. Начала седьмого листа нет и первая, читающаяся в нем фраза, звучит как «Иноземсково приказу». Края оборваны, конец листа отсутствует. Датировать список можно только по косвенным данным – напротив Степана Чицына стоит помета «139 год умре». После седьмого листа на испещренных правкой и лакунами л. 8–11 перечислены совершенно не связанные с Иноземским приказом люди. При сверке со списками других лет выяснилось, что это подьячие Приказа Большого Дворца. Стык л. 11–12 тоже оборван: если последние фразы одиннадцатого листа заканчиваются словами «по 4 рубли Михалко Сакретишов…», то двенадцатый содержит следующий текст: «…8 рублев Исачко Ртищев [имя и фамилия зачеркнуты – А.Е.] 11 руб. Исай Ртищев. 10 рублев Степанко…»; и на обороте: «Мишка Шарапов, Ивашко Бурцов, Овдокимко Яковлев, Баженко Желятин». Не оставляет сомнений, что и та, и другая части л. 12 относятся к подьячим Иноземского приказа. Ведь Исайя Ртищев за всю свою подьяческую карьеру служил только в этом приказе, а подьячие, упомянутые на обороте листа, в полном составе с окладом 3 рубля встречаются в других списках рассматриваемого нами приказа за первую половину 1630-х гг. [7, л. 94, 141, 303]. Нет никаких данных о том, является ли список подьячих л. 12 прямым продолжением л. 7 (конечно, если учесть утраты части и того, и другого листа) или составляют единый список. Мы считаем, что в определенный момент несколько листов были перепутаны и список подьячих Приказа Большого Дворца попал в середину списка Иноземского приказа, при этом был утерян средний лист списка Иноземского приказа.

Однако в справочнике Н.Ф. Демидовой данные этих листов интерпретируются несколько по-другому. Во-первых, материалы, указанные под двумя идентификационными номерами, отсылают на л. 7–8 и 12 об. – 15 [1, с. 681]. Но, судя по тексту, используются и л. 7–12 об. со ссылкой на л. 7–8 [1, с. 67, 93, 442, 487, 626, 647]. Н.Ф. Демидова тоже относит списки с л. 7–8 и 12 об. – 15 к 1630/31 г. При этом, во-первых, не упоминает этот список в биографиях ряда подьячих, в нем указанных, таких как Василий и Исай Ртищевы, Степан Чицын, Савин Васильев [1, с. 105, 484, 619]. Во-вторых, утверждает, что Степан Бессонов и Иван Бурцов служили в приказе Большого Дворца, а Михаил Шарапов и Евдоким Яковлев – в Иноземском приказе, причем всех их наделяя окладом в 4 рубля [1, с. 67, 93, 626, 647]. Если первое можно объяснить тем, что исследователь упустил содержание первой половины сохранившегося л. 12 (это подтверждает размер их оклада, который указывает исследователь), то второе не поддается, на наш взгляд, логическому объяснению. Единственный, кого упоминает Н.Ф. Демидова в Приказе Большого Дворца до рассматриваемого нами списка, – Степан Бессонов [1, с. 67; 10, л. 81–87]. Мы не изучали документ, на который дает ссылку исследовательница, но настораживает, что год – 1629 – стоит предположительно. Вполне возможно, что страница биографии Степана Бессонова, связанная с приказом Большого дворца, основана только на рассматриваемом нами документе. С уверенностью можно утверждать только, что в начале 1629 г. этого подьячего не было в Иноземском приказе [7, л. 231; 11, л. 356].

Следующие два списка подьячих (на л. 140–141 и 302–303) очень близки списку 1633/34 г. Ни один из них не может быть составлен позже 1633/34 г., поскольку Василий Ртищев во всех них значится подьячим, а он получил дьяческий чин 24 января 1634 г. [2, с. 549]. В списке 1633/34 г. Иван Исаков назван посланным в Швецию – в двух других этих данных нет. Зато рассматриваемые списки содержат подьячего Емельяна Полуектова, который, наоборот, не значится по списку 1633/34 г., и отличаются от плохо сохранившегося списка за 1630/31 г. (денежный оклад Василия Ртищева, присутствие Ивана Исакова). Исходя из этого, считаем достаточно обоснованным датировать эти списки 1631/32–1632/33 гг. Отличаются ли они между собой? Отчасти да, а отчасти и нет. В списке на л. 302-303 под окладом в 15 рублей есть зачеркнутое имя подьячего Василия Толмачева, по другим спискам в Иноземском приказе неизвестного. Если допустить, что он недавно выбыл из приказа, то этот список надо признать более ранним из двух.

В справочнике Н.Ф. Демидовой датировка первого из этих двух списков (л. 302–303) противоречива. В статье о Федоре Чицине он датируется 1631 г. [1, с. 619]; об Исайи Ртищеве – интервалом в 1631–1633 гг. [1, с. 484]; в статье об Емельяне Полуектове – идет до списка 1631 г.

(л. 7, 12–12 об.) [1, с. 442], а об Андрее Русакове – после [1, с. 487], хотя списки в статьях должны идти в хронологической последовательности [1, с. 10]. Второй список (л. 140–141) мало отличается от нашей датировки [1, с. 67, 93, 105, 442, 484, 619, 626].

Структурная близость списков 1631/32–1632/33 гг. к списку 1633/34 г. позволяет реконструировать утраченную часть последнего с л. 93, который обрывается на фразе «14 рублев», а следующий лист начинается со слов «по 12 рублев». 14 рублей по спискам 1631/32–1632/33 гг. получал только Богдан Раковский, служащий в Иноземском приказе в 1626/27–1652/53 гг. [7, л. 370; 8, л. 462], как раз в списке 1633/34 г. отсутствующий. Были ли еще какие-либо данные на месте этой лакуны? Вероятнее всего, нет: утеряна небольшая часть листа, фраза «14 рублев» означает, что только один подьячий получал денежный оклад такого размера, и в списках за 1631/32–1632/33 гг. нет других подьячих с окладами в интервале 12–14 рублей.

Список подьячих с л. 176–177 сильно отличается от остальных, содержащихся в деле 103, по составу подьячих. Он практически идентичен списку 1643/44 г. [9, л. 340]. Но в последнем подьячий Юшка Васильев относится к Иноземскому приказу, а в списке с л. 176-177 после написания был вычеркнут. Поскольку Юшка Васильев встречается в Иноземском приказе, то вычеркнут он мог быть из списка подьячих только после того, как выбыл из приказа. Тем более что состав подьячих за 1641/42 г. отличается от рассматриваемого списка [6, л. 2 об.]. Но список с л. 176–177 не мог быть составлен позже 23 апреля 1647 г., когда упоминающийся в нем подьячий Смирной Богданов был пожалован в дьяки [3, с. 361]. Поэтому, вероятнее всего, этот список может быть отнесен к 1644/45–1645/46 гг. Но не только в датировке списка с л. 176–177 Н.Ф. Демидова допустила, полагаем, неточности. Еще одна ошибка связана с подьячими Емельяном Полуектовым и Евдокимом Яковлевым. Они значатся в справочнике Н.Ф. Демидовой, со ссылкой на список с л. 176–177, как подьячие Иноземского приказа до 1645 г. [1, с. 442, 647]. На самом деле, их там нет [7, л. 176–177], что сокращает достоверно известную их службу в приказе до 1633 г. и 1634 г. соответственно.

Итак, несмотря на достаточно хорошую общую сохранность списков подьячих, возникают значительные разночтения в интерпретации текста. Отличия в прочтении источника – обычное дело, главное – понять, чье прочтение более обосновано, непротиворечиво и убедительно. В настоящей статье мы постарались проанализировать все списки подьячих Иноземского приказа дела № 103 Столбцов Московского стола Разряда, отнести каждый из них к определенному году и рассмотреть некоторые связанные с ними спорные вопросы.

1. Демидова, Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700) : биографический справочник. – М. : Памятники исторической мысли, 2011. – 720 с.
2. Записная книга Московского стола Разрядного приказа 7142 года // Русская историческая библиотека. – СПб., 1884. – Т. IX.
3. Записная книга Московского стола Разрядного приказа 7155 года // Русская историческая библиотека. – СПб., 1886. – Т. X.
4. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. – М., 1899. – Кн. XI : Документы Разрядного приказа. Столбцы разрядных столов.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 210. Разряд. Книги Московского стола. Кн. 40.
6. РГАДА. – Ф. 210. Разряд. Книги Московского стола. Кн. 50.
7. РГАДА. – Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. Д. 103.
8. РГАДА. – Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. Д. 320.
9. РГАДА. – Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. Д. 594.
10. РГАДА. – Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. Д. 881.
11. РГАДА. – Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. Д. 905.

Мининков Н.А.

УТРАЧЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ОПЫТ ИХ РЕКОНСТРУКЦИИ (ВОССТАНОВЛЕНИЕ Е.П. ПОДЪЯПОЛЬСКОЙ БУЛАВИНСКОГО ПОВСТАНЧЕСКОГО АРХИВА)

Массовые народные движения являлись событиями, которые служили основанием для появления новых документов, формирования и пополнения архивных фондов. Это в полной мере относится к Булавинскому восстанию. В нынешнем году исполняется 120 лет со дня рождения крупнейшего исследователя этого восстания, Е.П. Подъяпольской. В ее фундаментальной монографии об этом восстании [3] существенное внимание уделяется источниковедению восстания, и, в частности, документам, исходившим от восставших.

Некоторые документы булавинцев были известны до появления труда Е.П. Подъяпольской. В сборнике документов «Булавинское восстание (1707–1708 гг.) было издано пятнадцать документов под общим заголовком «Прокламации и обращения булавинцев» [1, с. 450–467].

Проблемы Булавинского восстания вызвали интерес Е.П. Подъяпольской в связи с ее участием в работе над публикацией «Писем и бумаг императора Петра Великого». Этому также способствовало изучение ею шифровок в правительственной переписке петровского времени. Она обратила внимание, что в ней К. Булавин обозначался, как и гетман И. Мазепа, знаком виселицы [4, с. 329].

К исследованию истории восстания Е.П. Подъяпольская подошла как историк и источниковед. По мере ознакомления с материалом ей стало ясно, что повстанческих документов было значительно больше, но они не сохранились. Однако изложение содержания многих из них, в том числе весьма подробное, имеется в переписке лиц, участвовавших в подавлении восстания, военных и администраторов.

Оценивая существовавшие к тому времени публикации, Е.П. Подъяпольская отмечала их недостатки. Так, было опубликовано письмо атамана Л. Хохлача стольнику С. Бахметеву [1, с. 230]. В записках современника, И. Желябужского, имелось краткое изложение письма Бахметеву [2, с. 116–117]. Но в публикации сказано об этом не было [4, с. 24–25]. Е.П. Подъяпольская предположила, что писем атамана стольнику могло быть больше, одно из них изложено Желябужским.

Е.П. Подъяпольская обращала внимание, что в историографии Булавинского восстания ничего не было известно о письмах 1707 г., когда восстание только началось и когда К. Булавин писал разным адресатам. За этот год он, по словам историка, «разослал не один десяток писем». Содержание их известно, однако сами письма не сохранились. Е.П. Подъяпольская приводила сообщение острогожского полковника И. Тевяшова, в котором сообщалось об этих письмах. В них сообщалось о жестоких мерах карателей полковника Ю. Долгорукого по розыску беглых на Дону и об убийстве его восставшими казаками. В них Булавин также призвал «побить до смерти» карателей из полка Долгорукого, которые были направлены по разным рекам Донской земли. Она указывала на существование булавинского письма войску Донскому, в котором он звал казаков и старшин присоединиться к восстанию. Когда в декабре 1707 г., после поражения под Закотным городком, Булавин ушел в Запорожье, от него были направлены письма к запорожцам, а также к гребенским казакам, где он предлагал присоединиться к восстанию. Всего, по данным Е.П. Подъяпольской, им было написано около 30 писем [4, с. 27–28].

За 1708 г., как отмечала Е.П. Подъяпольская, уцелела очень незначительная часть повстанческой переписки, «в пределах двух десятков» писем. Отдельные повстанческие письма, которые не сохранились, излагались в сокращенном, а иногда даже в полном виде, в переписке участников подавления восстания. При наличии материала, позволявшего проводить сравнительное исследование повстанческих документов и документации, исходившей от противников восстания, Е.П. Подъяпольская поставила вопрос о степени точности отражения повстанческих документов в этой документации. Она сравнила текст указа повстанческого войска «“по всем рекам и речкам” о походе против московских полков» в письме булавинского атамана С. Драного в Запорожскую Сечь от 26 мая и его изложение в двух правительственных документах. Один из них – грамота из Малороссийского приказа от 15 июня гетману И. Мазепе, другой – донесение из Разряда в Ближнюю канцелярию от 9 июня. В последнем войсковой указ излагался по тексту из письма киевского губернатора князя Д.М. Голицына. Е.П. Подъяпольской были сопоставлены два текста – из письма атамана С. Драного и по письму князя Д.М. Голицына. Сопоставление давало основание Е.П. Подъяпольской сделать вывод о том, что «степень передачи повстанческих документов в правительственной переписке» была достаточно точной. Вместе с тем она подчеркнула, что войсковой указ не был пересказан непосредственно «по повстанческому документу», но «является пересказом с пересказа» [4, с. 36]. Такая оценка оставляет впечатление не вполне однозначного отношения Е.П. Подъяпольской к степени достоверности передачи в правительственной документации повстанческих документов, в частности, войскового указа «о походе против московских полков».

Е.П. Подъяпольская привела еще один документ – письмо азовского губернатора И.А. Толстого, пересказанное в донесении Разряда. Губернатор пересказывал пришедшее к нему письмо К. Булавина от 17 июня, которое в подлиннике не сохранилось. По мнению исследо-

вательницы, пересказ Толстого «производит впечатление текста, близкого к подлиннику». В отличие от предыдущего булавинского документа, при характеристике этого документа Е.П. Подъяпольская не выразила ни малейшей доли сомнения в его подлинности. Напротив, она подчеркивала, что имеется основание «включить отписку Булавина от 17 мая 1708 г. в число повстанческих документов» [4, с. 38].

Вместе с тем Е.П. Подъяпольская обратила внимания на случаи неизбежного искажения повстанческих документов в документации, вышедшей из властных структур. Такой случай, считала Е.П. Подъяпольская, возникал, когда повстанческий документ переходил из одной государственной инстанции в другую. Одно из булавинских писем первым излагал строитель Успенского монастыря Иона, по словам Е.П. Подъяпольской, «корреспондент и осведомитель» острогожского полковника И. Тевяшова. Тот, в свою очередь, направил письмо Ионы командующему всеми правительственными силами, подавлявшими восстание, В. Долгорукому, который изложил письмо в своем донесении в Разрядный приказ. Из Разряда письмо с изложением содержания булавинского письма было направлено в Ближнюю канцелярию. Сопоставляя первую инстанцию передачи письма в письме Ионы Тевяшову с последней – из донесения в Ближнюю канцелярию, Е.П. Подъяпольская сделала вывод о том, что в данном случае в целом «многочисленные инстанции не исказили основного содержания письма». Однако они затруднили датировку первоначального булавинского документа. Поскольку письмо Ионы было написано до 30 июня, булавинский документ, делала вывод Подъяпольская, можно датировать июнем [4, с. 38–39].

Этот вывод не лишен гипотетичности. Впрочем, Е.П. Подъяпольская, как опытный источниковед, вполне понимала, что для усиления достоверности вывода о содержании повстанческих писем желательно сравнивать их «с уже известными письмами или с отрывками из них». Такое использование сравнительно-исторического метода в источниковедении было, как отмечалось историком, весьма перспективно. Оно может вести «к неожиданным находкам» и даже «иногда помогает установить более или менее четко содержание письма». Это было прослежено исследовательницей на материалах донесения из Разряда в Ближнюю канцелярию о мерах, предпринимавшихся К. Булавиным для освобождения его жены Анны Семеновны и малолетнего сына, арестованных бывшим войсковым атаманом Л. Максимовым и отправленным в Валуйку. В этом донесении от 9 июня 1708 г. было приведено три письма К. Булавина по этому вопросу киевскому губернатору Д.М. Голицыну. Эти письма удалось сравнить с опубликованными ранее документами – еще одним письмом К. Булавина Д.М. Голицыну и войсковым письмом в казачьи городки по Северскому Донцу с указанием помочь возвращению его жены и обеспечить передачу письма киевскому губернатору. Это позволило сделать вывод о достоверности содержания приведенных в донесении из Разряда булавинских писем.

В связи с наличием в документации, исходившей от правительственных сил, отрывков из булавинских писем Е.П. Подъяпольская ставила вопрос о возможности использования этих отрывков в качестве источников по истории восстания. Она подчеркивала, что для этого недостаточно знания отрывка. Необходимо было, указывала она, знать район, куда оно было направлено, или лицо, которому было адресовано, а также его датировку. Это относилось к отписке тамбовского воеводы, где сообщалось о наличии «воровских прелестных писем» от булавинцев в тамбовских селах. Анализируя краткие сообщения о содержании этих писем, Е.П. Подъяпольская сделала вывод о том, что в первой половине марта 1708 г. в Тамбовском уезде повстанцами «велась агитация», а во второй половине месяца под влиянием агитации «население присоединилось к повстанцам». Особый интерес этих писем состоял в том, что, как отмечала Е.П. Подъяпольская, в них не только велась агитация. Работным людям на тамбовских лесозаготовках повстанцами ставилась задача прекращения работ по изготовлению плотов и отправке этих плотов вниз по Хопру и Дону в Азов [4, с. 42–43].

К сложным проблемам исследования повстанческих документов Е.П. Подъяпольская относила их датировку. Говоря об одном из ранних прелестных писем, относившихся к 1708 г. и начинавшемуся обращением: «Атаманы-молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники» [4, с. 46], она указывала, что это письмо датировалось неопределенно. Так, в сборнике документов «Булавинское восстание» оно датировано февралем-мартом. С такой датировкой Е.П. Подъяпольская не соглашалась. Отрицая, что письмо было написано не среди близких к К. Булавину лиц, а от какой-то группы казаков-повстанцев, она указывала, что письмо было написано в крепости Кодак на Днепре. В той крепости находился сам К. Була-

вин и несколько близких к нему лиц, в том числе атаман Н. Голый. Она допускала, что вышло оно «возможно от Голого» и было направлено на привлечение к восстанию новых сил. Датировала его Е.П. Подъяпольская не февралем-мартом, а январем [4, с. 48]. Не менее сложным было, по мнению Е.П. Подъяпольской, установление дат в отрывках из повстанческих писем.

Е.П. Подъяпольская предложила классификацию повстанческих документов. Первой группой она указала «прелестные письма, воззвания или прокламации», которые были адресованы населению России или населению, не входившему в ее состав. Ко второй группе относились обращения или отписки, направлявшиеся Петру I или представителям разных ступеней администрации страны. Но отметила при этом, что «грамоты и отписки к царю и царским воеводам составляли почти половину письменного наследства повстанцев». Наконец, в третью группу входили документы переписки повстанческих предводителей друг с другом и письма к ним участников восстания. Что касается датировки, то она отметила существование «нескольких десятков писем за последние три месяца 1707 г. и до 150 писем за 1708 г.» [4, с. 51].

Е.П. Подъяпольская указала на большое значение реконструкции повстанческого архива для общего исследования Булавинского восстания, без которого, по ее словам, «невозможно дать достаточно полные и четкие ответы» на вопросы, связанные с исследованием этой крупной проблемы истории России начала XVIII в.

Реконструкция булавинского архива была важнейшим источниковедческим итогом исследования Е.П. Подъяпольской истории восстания. Ею был сделан вывод о существовании примерно двух сотен документов, исходивших от повстанцев. Она доказала возможность использования переписки командующих карательными силами для выявления повстанческих документов и дала убедительную классификацию этих документов.

1. Булавинское восстание (1707–1708 гг.). – М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. – 528 с.
2. Дневные записки // Русский архив. 1910. – Кн. 3.
3. Подъяпольская, Е. П. Восстание Булавина. 1707–1709 гг. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 216 с.
4. Подъяпольская, Е. П. Шифрованная переписка в России первой четверти XVIII в. // Проблемы источниковедения. – М., 1959. – С. 314–341.

Павлова Е.Я.

ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ

В современном источниковедении с началом XXI в., наблюдается возрастающий интерес к ранее не востребованным группам источников. Одной из таких групп являются открытки. Открытка представляет собой социально значимый объект, так как порождена социальной потребностью. Эти источники соединяют в себе черты письменных, вещественных и изобразительных источников.

Только в течение последних 5–7 лет белорусскими музеями было организовано порядка десяти выставок с использованием открыток. Одной из причин такой активности можно назвать значительные собрания открыток хранящихся в музеях и частных коллекциях. Тем не менее, приходится констатировать, что основную работу по изучению открыток по-прежнему проводят коллекционеры. Прежде всего, следует отметить деятельность лауреата премии «За духовное возрождение» В. Лиходедова и В.М. Целеша.

Термины «открытка», «открытое письмо» и «почтовая карточка» в литературе зачастую употребляются как синонимы. Современная российская исследовательница М.В. Самбур предлагает использовать термин «открытка» дает свою трактовку этого понятия. Открытка представляет собой бланк, на лицевой стороне которого может располагаться изображение, а оборотная сторона предназначена для написания адресовполучателя и отправителя, а также для почтовой марки; для размещения какой-либо информации. Таким образом, к открыткам можно относить как традиционные почтовые карточки, так и открытки, не предназначенные для использования в системе связи [6, с. 3]. Исследователи, изучающие открытку, давно отметили ее огромный информационный потенциал. В зависимости от научно-исследовательских задач, одна и та же открытка будет изучаться по-разному. В качестве примера можно привести свежую ситуацию с приобретением Глубокским историко-этнографическим музеем открытки, от-

правленной из Глубокого в Минск в 1915 г. Для сотрудников музея интересна информация внешней стороны: вид на костел через озеро. Тогда как для коллекционера Г. Сухоцкого важность представляла именно текстовая информация [5].

На этапе выявления и первичного ознакомления с собранными открытками исследователю необходимо фиксировать все сведения, выявленные на лицевой и оборотной стороне открытого письма. Важной частью полноценной работы с открытками является атрибуция почтовой карточки: определение издателя, и, если это возможно – фотографа для видовых документальных открыток. Имя фотографа, зачастую, остаётся тайной из-за большего перечня причин.Так, в книге В. Целеша автор-фотограф указан лишь однажды – А.Н. Павлович, сделавший снимки г. Орши [8, с. 274]. Для определения даты издания открытки необходимо учитывать особенности оформления почтового бланка в различные хронологические периоды, даты, проставленные на штемпелях, изображения, размещенные на лицевой стороне.

Вторым важным этапом исследования филокартических источников является их группировка: систематизация и классификация. Филокартисты используют два принципа группировки открыток: тематический и серийный. Чаще всего за основу берутся внешние факторы, так как открытые письма рассматриваются, прежде всего, именно в качестве изобразительного источника: время и место издания, издательство, техника печати.

Э. Файнштейн разделил открытки на обыкновенные почтовые карточки, не имеющих никакого изображения и иллюстрированные, содержащие изображение на одной или двух сторонах, которые в свою очередь подразделяются на художественные (репродукции художественных произведений и оригинальные открытки – изображения специально созданные для открытки) и документальные открытки: фотооткрытки различной тематики [7]. А.Н. Ларина в своем диссертационном исследовании подразделяет документальные фотооткрытки на открытки с оригинальной фотографией и фотографией-репродукцией [4].

М.В. Самбур предложено деление всего массива открыток по трем принципам: по типу бланка, по назначению и по типу изображения. Классификация по типу бланка делится на: а) не иллюстрированные и б) иллюстрированные. Классификация по наличию текста делится на: а) с текстом и б) без текста. Таким образом, открытки можно рассматривать и как изобразительный и как письменный источник. Классификация по типу изображения выделяет открытки: а) художественные и б) натуральные. Такое разделение зависит от способа отражения или воплощения действительности. К натуральными открытками относятся открытки, изображением для которых послужила документальная фотография. Группа художественных открыток включает открытки, выполненные художественным способом, а также художественная фотография.Группировка по назначению включает в себя поздравительные, рекламные, сувенирные, образовательные, политико-агитационные, эротические открытки. [6, с. 75–89].

Коллекции открыток хранятся в ведущих белорусских архивах (БГАКФФД в г. Дзержинске – виды городов Беларуси начала XX в.; БГАМЛИ – открытки М.Богдановича в «Нашу Ниву», БГАНТД – поздравительные открытки белорусских архитекторов и т.д.). Значительные собрания филокартии находятся и музейных учреждениях. Коллекция открытых писемв Национальном историческом музее РБ насчитывает около 9,5 тыс. единиц хранения. Историческую ценность представляют открытки начала XX в. с видами городов и местечек Беларуси. Из современных открыток в коллекции НИМБ интерес представляют авторские работы минчанина Владимира Сутягина, выполненные фотоспособом на протяжении 1984–1996 гг., так как основная их тема – состояние памятников архитектуры Беларуси [11]. Коллекции открыток имеются также в фондах Национальной библиотеки, Витебского областного краеведческого музея, Полоцкого музея белорусского книгопечатания, Детского музея в Полоцке, Гродненского историко-археологического музея, Вилейского краеведческого музея, Музея обороны Брестской крепости.

Обращаясь к изучению отечественных собраний открыток, необходимо иметь в виду, что на территории Беларуси открытки появились в конце XIX в. Значительная их часть представляла собой карточки с видами крупных населенных пунктов. В начале XX в. на документальных открытках появляются и уездные города: чаще всего снимали, центральные и рыночные площади, учебные заведения, культовые сооружения, мосты и набережные, центральные улицы. Безусловно, сохранились и открытки с изображением главных почтовых офисов в белорусских городах.Почти не издавались открытки с видами окраин. Хотя в книге В. Целеша можно найти открытку с изображением деревни Сириловка, вошедшей в состав г. Бобруйска только в 1968 г.

Изданием открыток занимались владельцы частных издательств, книжных магазинов, фотоателье и типографий, фалимии которых могли быть указаны на лицевой стороне (Юхнин, Ц. Сыркина, Д. Висун, Л. Шик, Абрамович, Добрый, М. Голощекин, М.Г. Нейман и др.). Выходили открытки и в крупных издательствах Вильно, Белостока, Берлина, Москвы, Петербурга, Стокгольма и т.д. Издавались и черно-белые, и цветные открытки. В конкурентной борьбе за покупателя издатели использовали ретушь, виньетки, коллажную технику, занимали под фото не всю лицевую сторону с целью оставить дополнительное место для сообщения [8].

Почтовые открытки с достопримечательностями стали неотъемлемым атрибутом туристической рекламы. На открытках печатались достопримечательности того или иного края, которые каждый путешественник должен был обязательно посмотреть. Как особый вид рекламных открыток следует отметить открытки«Привет с дороги» для туристов, путешествующих на поезде. Изданные фотоальбомы содержат такие туристско-рекламные открытки Рига-Орловской железной дороги, проходившей через Витебск, Московско-Брестской железной дороги. На таких открытках изображалась карта железной дороги указанного направления, размещались виды населенных пунктов, через которые проходил маршрут [8, с. 88, 118]. Кроме того, были распространены открытки-приветы с изображением фотографа или почтальона [8, с. 26].

Уникальными являются открытки Белорусского издательского Общества в Петербурге «Заглянесонцаи ў наша ваконца» (1906–1913) с портретами белорусских писателей и поэтов, фотографиями этнографического характера «Янка Лучина», «Франтишек Богушевич», «Белорусский дударь», «Ярмарка в Пуховичах» и др. Именно на этих открытках впервые появились надписи на белорусском языке [11]. Известна открытка «Белорусы» из серии «Народы России», выполненная знаменитой в то время русской художницей Лизаветой Бем в модном русском стиле.

Сохранились и собрания изданных за рубежом белорусских рождественских открыток. Часть открыток – в собрании Белорусского института науки и искусства в Нью-Йорке, другая – в лондонской Белорусской библиотеке имени Скорины. Всего в эмиграции было издано более 50 рождественских открыток. Впервые белорусские рождественские открытки на Западе в послевоенное время появились в 1947–1948 гг. в лагерях для перемещенных лиц в Германии. В 1955 г. мюнхенское белорусское издательство «Бацькаўшчына» издало серию качественных рождественских открыток с изображениями зимних пейзажей и строками из белорусской поэзии (З.Бядуля, Я. Купала). В 1950-х главный центр издания рождественских открыток переместился из Германии в США. Больше других этим занималось объединение белорусской молодежи в Кливленде. Для открыток они иногда использовали интернациональные сюжеты, но на развороте всегда давали белорусский текст.Выпускались рождественские открытки с использованием гравюр из белорусских изданий XVI–XVII вв. Отдельно стоит выделить открытки Ивонки Сурвиллы [2].

Период, когда почтовые открытки вошли в моду, совпал с периодом стремительного развития и прогресса транспорта. Неудивительно, что железнодорожный транспорт, а позже автомобили стали любимой тематикой почтовых открыток. Кроме того, на открытках постоянно изображали вокзалы, которые прозвали «соборами нового века» (Барановичи, Бобруйск, Витебск, Минск начала XX в. и т.д.). Благодаря открыткам можно узнать о существовании интересных маршрутов для автомобильных гонок начала XX века: Санкт-Петербург – Москва – Гомель – Киев – Санкт-Петербург или Санкт-Петербург – Москва через Барановичи [8, с.62, 136].

Содержание и оформление открытого письма дают возможность больше узнать о бытовой культуре, архитектурных предпочтениях людей (дома и дачи предпринимателей и т.д.). Большой интерес представляют открытки, изданные в период Первой мировой войны странами-участниками военных действий: Россией, Германией, Францией, Австрией и др.Эти открытки издавались с подписями на русском, немецком, польском и французском языках. Изданные в период Первой мировой войнынемецкие открытки с видами белорусских городовсодержат богатейший информационный потенциал. Само их издание наводит на мысль, что руководство Германской империи рассматривало эти территории как свои. Подписи на открытках уникальны. Так, одна из открыток с видом г.Барановичи имеет две подписи: на немецком языке – KaiserWilhelmstrasse, на русском – улица Александровская [8, с. 55].

Одной из наиболее популярных тем среди коллекционеров и собраний музейных учреждений являются праздничные новогодние и рождественские открытки, наиболее широко представленные на белорусских музейных выставках в последние годы. Как установили сотрудники

Гродненского историко-археологического музея, в XIX в. рождественские открытки в Беларусь завозили из Германии, Италии и России. При этом старались закупать карточки без надписей и уже в Беларуси печатали на них: Wesołychświąt!, или «С Рождеством!» в зависимости от вероисповедания большей части жителей региона. Собственное производство в Беларуси появилось в 1898 г. На открытках XIX в. представлены традиционные новогодние и рождественские сюжеты. С началом XX в. в моду вошел русский стиль. В 1900-х гг. стали популярными открытки-фотографии. После начала Первой мировой войныв сюжетах колядных открыток появляется военная тематика. Выпуск поздравительных открыток после революции 1917 г. был полностью остановлен. И все же люди все равно поздравляли друг друга, используя для этих целей почтовые карточки с похожими сюжетами [3; 9]. Традиция новогодних открыток возвращается только в годы Великой Отечественной войны. Власти поняли, что они могут стать отличным агитационным оружием [10].

Следует отметить ряд особенностей современной ситуации с изучением открытых писем. Необходимо констатировать, что в российских и отечественных учебных изданиях по источниковедению до сих пор отсутствуют отдельные параграфы об открытках. Между тем, открытое письмо вполне можно выделить в особую группу источников, как это было сделано с периодической печатью. В РФ за последние годы открытки становились предметом нескольких диссертационных исследований, преимущественно культурологической и музейной направленности. В Беларуси этого пока не произошло. За весь период существования изданий «ЖУК. Журнал любителей открыток» и «Филокартия» публикации белорусских авторов появились лишь дважды. Важной особенностью экспонирования и предшествующего ему изучения открыток отечественными музейными учреждениями является тот факт, что приоритет отдаётся открыткам с видами городов и военным открыткам первой половины XX в., рождественским, новогодним и посвященным Дню 8 марта. Необходимо признать, что в изданных фотоальбомах акцент сделан на исторический аспект объектов, изображенных на открытках, источниковедческая критика (как внешняя, так и внутренняя) отсутствует. Однако, среди прошедших за последние годы выставок только на выставке «PostScriptum» в Музее истории белорусского кино был представлен весь спектр открыток – от конца XIX в. до современности.

Открытки, выпущенные до революции и в советское время, являются богатейшим историко-культурным наследием, государство предпринимает активные усилия для сохранения его на территории своей страны. Так, в 2010 г. Белорусская таможня обнаружила и воспрепятствовала вывозу за территорию Беларуси более 200 открыток и фотографий 1911 и 1912 гг. Для пополнения своих фондов предметами филокартии через современные электронные аукционы начала XX в. белорусские региональные музеи активно привлекают местную общественность [5].

Открытки остаются ценным свидетельством массовой культуры конца XIX–XX в. Отправление открыток вплоть до 1990-х гг. было излюбленным способом поддержания связей на дальних расстояниях по всему миру [9]. Несмотря на то, что в большинстве случаев открытки сейчас не пересылаются по почте, а вручаются в специально оформленных конвертах, открытое письмо продолжает оставаться культурным феноменом. Появились корпоративные открытки. Активно функционируют рекламные открытки. Остаются актуальными иллюстрированные открытки с изображением достопримечательностей и сувенирные открытки к знаменательным событиям (например, к чемпионату мира по хоккею 2014 г.). Развивается искусство ручной традиционной и электронной открытки. Национальный художественный музей Беларуси совместно с Белпочтой возобновили выпуск почтовых открыток с репродукциями произведений белорусских мастеров. Издаются также открытки из коллекции Национальной библиотеки. И через столетие сегодняшние открытки будут также востребованы исследователями, как сегодня – источники начала XX в. Все это говорит о том, что многогранный потенциал открыток очень широк и заслуживает тщательного изучения.

1. Карлюкевич, А. Почтовая открытка: диалог с прошлым / А. Карлюкевич // Банкаўскі веснік. – № 1. – 2009. – С.62–65.

2. Гордиенко, Н. Белорусские рождественские открытки на Западе / Н. Гордиенко // Наша Нива [Электрон. Ресурс] / Режим доступа: http:/ nn.by/?c=ar&i=102360&lang. – Дата доступа: 07.06.2015.

3. Комягина, О. Белорусские рождественские открытки в XIX веке печатали в Германии / О. Комягина // Комсомольская правда в Беларуси. – 2014. – 24 дек. – С. 6.

4. Ларина, А. Н. Документальная открытка конца XIX – начала XX века как источник по истории и культуре Москвы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / А. Н. Ларина. – М., 2004. – [Электрон. Ресурс] / Режим доступа: http://www.dissercat.com/. – Дата доступа: 07.06.2015.

5. Партолина, Н. Жители Глубокого вскладчину купили для музея уникальную открытку с видом города // Комсомольская правда в Беларуси / Н. Партолина. – 2015. –17 янв. – С. 6.
6. Самбур, М. В. Открытка в контексте культуры: атрибуция, научное описание, экспонирование: дисс. ... канд. ист. наук: 24.00.03 / М. В. Самбур. – М., 2014. – 178 с.
7. Файнштейн, Э. Первые русские художественные открытки / Э. Файнштейн // Советский коллекционер. 1965. – Вып. 3. – С. 116–124.
8. Целеш, В. Гарады беларусі на старых паштоўках. – Мінск : Беларусь, 2014 – 335 с.
9. Чапкина, М. Я. Привет из столицы. Советская поздравительная открытка 1917–1991 / М. Я. Чапкина. – М., 2013.
10. Шульгин, П. М. Почтовые открытки 1941 – 1945 гг. как исторический источник / П.М. Шульгин // Исторический архив. – 2010. – № 2. – С. 58–73.
11. Национальный исторический музей Беларуси [Электрон. Ресурс] / Режим доступа: http://www.histmuseum.by/collections. – Дата доступа: 07.06.2015.

Преловська І.М.

МЕТОДИ І ПРИНЦИПИ ДОСЛІДЖЕННЯ ДОКУМЕНТАЛЬНИХ ДЖЕРЕЛ З ІСТОРІЇ УКРАЇНСЬКОЇ АВТОКЕФАЛЬНОЇ ПРАВОСЛАВНОЇ ЦЕРКВИ (1921–1930) – УКРАЇНСЬКОЇ ПРАВОСЛАВНОЇ ЦЕРКВИ (1930–1939)

Українське історичне джерелознавство як наука склалося у другій половині XIX століття, коли було вироблено і теоретично обґрунтовано цілісну систему знань про історичне джерело, сформовано уявлення про періодизацію українського джерелознавства [4, с. 119–179; 10]. Виходячи формулювань визначень історичного джерелознавства слід сказати, що той комплекс документальних джерел, що утворився внаслідок діяльності УАПЦ впродовж 1920–1930-х рр. в Україні, нещодавно потрапив до уваги вітчизняних дослідників [4; 6; 9; 10; 14; 16].

Джерела УАПЦ утворилися і функціонували впродовж церковно-визвольних змагань 1917–1921 рр., в роки діяльності цієї Церкви, а потім згортання її служіння внаслідок політичних репресій з боку радянської влади і припинення існування УАПЦ. Цим викликано необхідність поєднання дослідження джерел церковного походження та джерел, які складали комплекс таємних документів органів державної безпеки в УРСР.

Потреби суспільного розвитку спонукають до вивчення різних груп джерел та пошуку нових, що стимулює розвиток історичної науки, її теорії та методології. Тому з початком демократичних перетворень в СРСР і з проголошенням незалежності Української держави у 1991 р. відбулася зміна суспільних пріоритетів.

Після тривалого періоду панування усталених і жорстко обмежених компартійною ідеологією та режимом надзвичайної секретності історичних стереотипів на початку 1990-х рр. виникла проблема перегляду всіх напрямів історичних досліджень.

Під впливом суспільно-політичних змін в СРСР, появи закордонних видань, в т. ч. з середовища тієї Церкви, яка зберігала ідейну тяглість з УАПЦ формації 1921 р., відбувся перехід академічної науки в Україні на інші методологічні позиції, що зумовило появу нових напрямів у джерелознавстві.

У процесі архівних пошуків та досліджень поступово випрацьовано методику роботи з цим видом документальних джерел, опрацьовано архіви, визначено пріоритетні напрями подальших джерелознавчих досліджень.

Об’єктом джерелознавства історії УАПЦ 1920–1930-х рр. є історичні джерела, які містять інформацію про події, пов’язані з існуванням цієї Церкви. Джерелознавство історії УАПЦ 1920–1930-х рр., його теоретичні і практичні завдання, є складовою частиною загального джерелознавства історії України, оскільки процеси в церковному середовищі невіддільні від загальноісторичних, політичного, соціального, культурного життя суспільства.

Джерела з історії УАПЦ 1920–1930-х рр. мають свою специфіку, зумовлену тим, що Православна Церква в Україні була примусово свключена до складу Російської Церкви у 1686–1917 рр. і тому можливе застосування загальних методик дослідження джерел з історії Православної Церкви XX століття, в т. ч. щодо утворення рухів за оновлення Церкви, та репресій проти церковних діячів.

Неодмінною складовою є національне спрямування цих процесів, що зумовило появу специфіки джерел. Проголошення українізації, як однієї з головних складових боротьби за національну Церкву, призвело до утворення масиву джерел, які потребують вивчення у системі українознавства. Процес згортання українізації та коренізації наприкінці 1920-х рр. в УСРР збігся з ліквідацією «петлюрівщини» в УАПЦ і процесом «СВУ».

При дослідженні джерел з історії УАПЦ 1920–1930-х рр. слід враховувати обставину перебування цієї Церкви в опозиції до Українського Екзархату Московського Патріархату та Обновленської Церкви в Україні, що зумовило появу полемічних джерел, як складової джерел з історії Православної Церкви ХХ століття, наклало свій відбиток на лексику, діловодні форми, спосіб тиражування масових документів.

Серед теоретичних завдань джерелознавства історії УАПЦ 1920–1930-х рр. є розробка загальних теоретичних положень про джерела з історії УАПЦ 1920–1930-х рр., предмет та структуру джерелознавства, впорядкування понятійно-термінологічного апарату цього напряму досліджень з урахуванням загальних процесів українізації, впливів комуністичної та соціал-демократичної ідеологій, революційного піднесення широких мас народу, обставин марксистського експерименту в Україні та ін.

До практичних завдань джерелознавства історії УАПЦ 1920–1930-х рр. слід віднести ті ж самі напрями дослідження, що й до джерелознавства історії України [4, с. 9]. Це стосується здійснення на державному рівні нової політики пошуку, збереження та використання джерел, здійснення масштабної акції повернення з інших країн матеріалів та документів. Необхідно створити загальноукраїнський комп'ютерний ресурс історичних пам'яток, де мала б бути подана систематизована інформація щодо джерел з історії Православної Церкви в Україні, в т.ч. УАПЦ [14].

Ідеологічні складові методології дослідження документальних джерел з історії УАПЦ. Багатолітня залежність українських земель від іноземних політичних і церковних центрів зумовила специфіку розвитку історико-церковного джерелознавства в Україні у ХХ столітті. Ця обставина спричинила відповідний розподіл на основні етапи утворення джерел і подальшого їх дослідження.

Очевидно, що до 1917 р. ніяких спеціальних джерелознавчих студій з історії Української Церкви не було, оскільки тогочасні провідні вчені історики і джерелознавці вивчали виключно українські церковні старожитності. Дореволюційна історіографія могла розвиватись виключно на засадах монархізму і російського Православ'я. Тому навіть дослідження з церковної історії України були можливі тільки в контексті історії Російської держави. Всі інші напрями кваліфікувались як політичний і церковний сепаратизм і визнавались небезпечними, а їх автори – неблагонадійними особами.

Ідеологічними засадами УАПЦ 1920–1930-х рр. були проголошені автокефалія, українізація та соборноправність, як наслідок протистояння між прихильниками проголошення автокефалії Української Церкви та прибічниками ідеї нерозривності стосунків з Московським Патріархатом. Ці положення згодом визнала засадничими і УАПЦ (Соборноправна), яка інституалізувалась у 1947 р. Дослідженням і публікацією джерел в США у 1950–1980-ті рр. опікувалось Українське Православне Братство ім. митрополита Василя Липківського, яке також стояло на засадах збереження і публікації всієї спадщини УАПЦ формації 1921 р. Ідеологічними засадами, на яких ґрунтувалися усі публікації джерел, здійснених Братством, були український націоналізм, абсолютна глорифікація УАПЦ та її діячів, антирадянська налаштованість.

Марксистсько-ленінська радянська методологія в принципі заперечувала необхідність джерелознавчого вивчення історії Церкви і УАПЦ зокрема. Вчення К. Маркса і Ф. Енгельса про класову боротьбу та діалектичний метод було проголошено В. І. Леніним вищим науковим надбанням [11, с. 34]. На початку 1920-х рр. в оцінках і підходах до УАПЦ застосовувався організований масовий вплив атеїстичної пропаганди, який ґрунтувався на працях О. М. Ярославського (М. І. Губельмана), В. Д. Бонч-Бруєвича, А. В. Луначарського, І. І. Скворцова-Степанова та ін. Програмними були роботи В. І. Леніна, зокрема стаття «Про значення войовничого матеріалізму» з тезами про виховання трудящих в дусі матеріалістичного світорозуміння.

Але весь ідеологічний арсенал у вигляді лекцій, відкритих диспутів, виступів пропагандистів, усіляких галасливих заходів на кшталт «комсомольського Різдва», антирелігійних збірників і періодичних видань («Безбожник», «Безбожник у станка», «Безвірник»), виступів по радіо, виявився безсилим переконати українського селянина не відвідувати богослужіння українською мовою і не ходити до церкви. До того ж сама по собі

богослужбова діяльність єпископів і духовенства УАПЦ не суперечила радянському законодавству і не могла бути прямою причиною для репресій і припинення їхньої діяльності.

З середини 1920-х рр. обрано інший шлях боротьби з УАПЦ, який дозволяв воювати з нею не ідеологічними методами, а політично-кримінальними, перекваліфіковуючи богослужбову діяльність УАПЦ не тільки як «затемнення народних мас», але й як різновид антирадянської пропаганди, а церковних ієрархів, духовенство і активістів представляючи як ворогів радянської влади.

Ця тактика виявилась набагато результативнішою, оскільки дозволяла не просто проводити епізодичні арешти діячів УАПЦ, а розгорнути планомірне знищення прошарку суспільства під претекстом покарання за «петлюрівське минуле». Така форма боротьби чудово вписувалась у реалізацію теорії класової боротьби на практиці, даючи «аргументи» у «підтвердженні» її загострення. У практичній площині це викликало появу кримінальних справ, де і було застосовано такі формулювання як офіційні звинувачення.

У документах ДПУ УСРР діяльність УАПЦ було представлено як складову частину «українського сепаратизму», який кваліфіковано як вияв класової боротьби української буржуазії під націоналістичними прапорами [17, с. 254–267]. Для органів безпеки інтерес становили усі, хто були причетні до роботи в керівних органах УАПЦ (УПЦ). Методологічно цей аспект проблеми досліджено у джерелознавчій праці С. І. Білоконя [3].

В. М. Даниленко в передмові до видання щотижневих зведень секретнього відділу ДПУ УСРР, зауважив: «Поділивши українську людність за класовими ознаками, співробітники секретних підрозділів ДПУ, згідно з компартійними вимогами, аналізували становище, настрої і потаємні плани робітників, інтелігенції, радянських службовців, сільського населення. У секретному відділі готувалась докладна інформація про агентурні розробки представників колишніх політичних партій, діячів науки, освіти, культури, духовенства, студентів» [8, с. 28].

«Процес СВУ» 1930 р. у сенсі методології дослідження радянського терору як засобу побудови нового суспільства ще довго буде залишатись в центрі уваги дослідників. Для розуміння причин організації цього процесу цікавою є праця прозаїка, вченого і розвідника В. Петрова-Домонтовича «Українські культурні діячі УРСР, жертви більшовицького терору» [12]. Востаннє перший варіант цього передруку опубліковано з археографічною розвідкою В. Брюховецького [5].

У своїх міркуваннях про причини розгортання нищівного терору проти української інтелігенції В. Петров-Домонтович спирався книжку С. Мельгунова (Берлін, 1924 р.), де той цитував статтю О. Лациса, що мала настановчий характер і визначила основний зміст завдань та методів роботи ЧК [12, с. 80]. У цій інструкції було чітко визначено критерій відбору тих людей, які підлягають знищенню на підставі класового підходу, тобто масовому знищенню класових ворогів: це мали бути не «слова» і «діла», а «освіта» і «фах» [12, с. 80].

У методичному плані програмною для дослідження причин, політичних мотивів і організації процесу арештів церковних діячів в ході операцій органів безпеки впродовж 1937 р. є стаття О. Бажана, де на основі оперативної та звітної документації органів держбезпеки досліджено масштаб радянської репресивної політики щодо «церковників та сектантів» у часи «Великого терору» 1937–1938 рр. в УРСР [2].

Автором запропоновано документально обґрунтовані хронологічні межі цих операцій: 1 серпня 1937 р. – листопад 1938 р., коли остаточно було зруйновано основні церковні структури в УРСР, досліджено процес «накладання» кількох операцій: «“Вилучення” священнослужителів та віруючих із радянського соціуму відбувалося під час так званої польської операції НКВС за № 00485 від 11 серпня 1937 р., яка мала покласти край “фашистсько-повстанській, шпигунській, диверсійній та терористичній діяльності польської розвідки в СРСР”. На здійснення “польського” наказу відводилось 3 місяці – з 20 серпня до 20 листопада 1937 р. [2, с. 136]. У методичному плані це пояснює зацікавленість слідчих під час допитів діячів УПЦ їхніми зв’язками щодо польського питання.

Результатом виконання цих наказів стало утворення масиву архівно-кримінальних справ репресованих діячів у 1920–1930-ті рр. в Україні, серед яких можна виокремити 2 групи: 1) кримінальні справи репресованих діячів УАПЦ (1921–1930) і 2) кримінальні справи репресованих в період існування УПЦ (1930–1939).

Збірник публікацій, присвячений науково-методичним аспектам дослідження архівно-кримінальних справ репресованих, оприлюднено спільними зусиллями Головного Архівного Управління при Кабінеті Міністрів України, ЦДАГО України, УДНДІАСД та ГДА СБ України [1]. У передмові зазначалось, що архівно-слідчі справи репресованих – унікальне, надзвичайно цінне історичне джерело, документальне свідчення епохи радянського, більшовицького тоталітаризму, негативні наслідки якого тривалий час доведеться долати українському суспільству.

Проблема використання у радянських джерелах терміну «фашизм» щодо УАПЦ вже почасти розглянута в попередніх публікаціях автора [13]. Термін «фашизм» у джерелах нецерковного походження супроводжував УАПЦ з початку її діяльності аж до появи звинувачення у приналежності до «організації фашистського типу» в архівно-кримінальних справах церковних діячів.

Таким чином, існує специфіка проблеми використання цього терміну стосовно православних церков в УСРР (УРСР) напередодні Другої світової війни. По закінченню війни і Нюрнберзького трибуналу 1945–1946 рр. значення терміну «фашизм» дещо змінилося, особливо його смислове навантаження в радянських джерелах.

Таким чином, методи, методики і принципи наукового дослідження джерелознавства історії УАПЦ 1920–1930-х рр. є загальноприйнятими для цього періоду утворення та існування джерел з урахуванням специфіки обставин заснування цієї Церкви та її подальшого існування в підрадянській Україні.

Джерелознавче дослідження підтвердило, що з початку автокефального руху 1917–1921 рр. ідеологічними засадами УАПЦ 1920–1930-х рр. були проголошені автокефалія, українізація та соборноправність, як наслідок протистояння між прихильниками проголошення автокефалії Української Церкви.

Натомість ідеологічні засади радянської держави, ґрунтовані на марксистсько-ленінінських ідеях і творах, спричинили фатальні наслідки для існування УАПЦ відразу з кількох причин. Органи влади дійсно втілювали марксистські принципи побудови комуністичного суспільства на практиці. Це призвело до знищення церковного життя в УСРР, але стосовно УАПЦ цей процес мав певні особливості, зокрема використання цієї Церкви для розколу Російської Церкви в Україні, а також певний час дозволяючи її діяльність в контексті процесів українізації та коренізації.

Джерелознавче дослідження виявило особливості судово-слідчих документів репресованих діячів УАПЦ (УПЦ). Попри використання загальних принципів і документальних форм, характерних для ведення справ в органах держбезпеки 1920–1930-х рр., архівно-кримінальні справи репресованих діячів УАПЦ мають свої особливості. У 1920-ті рр. звинувачення стосувались змісту проповідей і виступів на церковних зібраннях. У випадку недостатньої доказової бази для передачі в суд чекісти спрямовували такі справи до органів влади СРСР у Москві для остаточного вирішення терміну і виду покарання.

Ключовим моментом у справі організації подальших масових репресій проти УАПЦ (УПЦ) був процес «СВУ», а також низка наказів партійних очільників та наркомів НКВС СРСР та УСРР у подальші роки щодо викорінення «антирадянських елементів» з усіх сфер життя, навіть якщо вони зреклися релігійної і церковної діяльності. Найбільша кількість утворення такого виду джерел, як архівно-кримінальні справи, припадає на 1937–1938 рр. Після цього їх провадження практично припиняється і поповнення відбувається тільки за рахунок листування з питань надання інформацій родичам у контексті кількох хвиль реабілітацій.

1. Архівно-слідчі справи репресованих: науково-методичні аспекти використання: зб. наук. праць / ред. кол. Р. Я. Пиріг (голова) [та ін.]. – Київ, 1998. – 161 с.

2. Бажан, О. Г. “Шпигуни в сутанах”: до питання про масштаби політичних репресій серед духовенства та віруючих в УРСР у 1937–1938 рр. / О. Г. Бажан // Сумський історико-архівний журнал. – Суми, 2010. – № X–XI. – С. 135–154.

3. Білокінь, С. І. Масовий терор як засіб державного управління в СРСР (1917–1941 рр.). Джерелознавче дослідження / С.І. Білокінь. – Київ, 1999. – 448 с.

4. Богдашина, О. М. Джерелознавство історії України: питання теорії, методики, історії: навчально-методичний посібник. – 3-е вид., доп. та переробл. / Олена Богдашина. – Харків : «Видавництво Сага», 2008. – 214 с.

5. Брюховецький, В. Рукописи таки не горять, але ховають загадки / В. Брюховецький // Слово і Час. – 2010, жовтень. – № 10 (598). – С. 77–79.

6. Варшавчик, М. Джерелознавство історичне / М. Варшавчик // Українська архівна енциклопедія. Д–М. Робочий зошит. – С. 106–107.

7. Галузевий Державний архів СБУ: Путівник / ГДА СБУ. Автори упоряд. В. М. Даниленко (відп. упоряд.) та ін. – Харків : «Права людини», 2009. – 136 с.

8. Українська інтелігенція і влада: Зведення секретного відділу ДПУ УСРР 1927–1929 рр. / упоряд.: В. М. Даниленко. – Київ : Темпора, 2012. – 756 с.
9. Калакура, Я. С. Джерелознавство / Я. С. Калакура // Українська архівна енциклопедія. Д-М. Робочий зошит. – Київ : Держкомархів України, 2006. – С. 105–106.
10. Ковальчук, О. О. Українське історичне джерелознавство доби романтизму: [Монографія] / О. О. Ковальчук. – Київ, 2011. – 324 с.
11. Мельник, Л. Г. Предмет і методологія історичної науки / Л. Г. Мельник. – Київ: Вища школа, 1977. – 134 с.
12. Петров, В. П. Українська інтелігенція – жертва більшовицького терору / В. П. Петров // Слово і Час. – 2010, жовтень. – № 10 (598). – С. 79–99.
13. Преловська, І. Проблема використання у архівно-кримінальних справах терміну «фашизм» щодо Української автокефальної православної церкви (1921–1939) у міжвоєнний період / І. Преловська // Церква – наука – суспільство: питання взаємодії. На пошану київського митрополита Євгенія (Болховітінова). Матеріали Дев'ятої Міжнар. наук. конф. 25–27 травня 2011 р. – Київ : НКПІКЗ, 2011. – С. 158–160.
14. Преловська, І. Деякі проблеми джерелознавства історії Української автокефальної православної церкви (1921–1938) / І. Преловська // Церква – наука – суспільство: питання взаємодії. На пошану київського митрополита Євгенія (Болховітінова). М-ли Х Міжнар. наук. конф. (30 травня – 1 червня 2012 р.). – Київ, 2012. – С. 140–144.
15. Преловська, І. М. Методи і принципи дослідження документальних джерел з історії Української автокефальної православної церкви (1921–1930) – Української православної церкви (1930–1939) / І. Преловська // Український Археографічний щорічник. Нова серія. Вип. 18. Український Археографічний Збірник. Том 21. – Київ : Український письменник, 2013. – С. 63–100.
16. Ульяновський, В. І. Історія церкви та релігійної думки в Україні: Навч. посібник : у 3 кн. Кн. 2. Середина XV – кінець XVI століття / В. І. Ульяновський. – Київ : Либідь, 1994. – 254 с.
17. Шаповал, Ю.І. ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи / Ю. І. Шаповал, В. І. Пристайко, В. А. Золотарьов. – Київ : Абрис, 1997. – 608 с.

Кузнецова Т.И.

ИНФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ВЕРБАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ)

Понимание того, что есть исторический источник и его информативный потенциал, напрямую связано с представлением о предмете исторической науки. Таковым является человек во времени и пространстве или человеческая деятельность [1, с. 8] или социальная реальность, точнее социально-природная (для архаических обществ – природно-социальная), которая созидается разнообразным по характеру и уровням общением людей и включает в себя не только физические действия человека в различных сферах его жизни и дятельности, но и его эмоционально-ментальный мир, в том числе – мир воображаемого [см. 3, с. 7; 5, с. 22]. Такое понимание предмета исторической науки побуждает акцентировать роль текста, который, с нашей точки зрения, есть любого характера внешнее выражение человека, в силу этого являющееся актом и результатом коммуникации. Поэтому текст можно определить как узел разнохарактерных и разноуровневых социальных связей, распутывая который историк обретает возможность увидеть через фрагмент целое, осмыслить его, понять, реконструировать. Ядро текста – это воплощенная в нем, в его структурных компонентах определенная картина мира, которая превращает текст из творения в творца и сказывается на его социальном созидательно-разрушительном потенциале. Таким образом, текст является составной частью социальной реальности, и сама реальность предстает как сложная система разного рода текстов, на исследовании, анализе которых концентрируется работа историков. При этом крайне важно осознать, что содержание информации текста не тождественно реальности и содержательной является форма текста. Те тексты, кои попадают в поле зрения представителей этой отрасли науки, становятся историческими источниками. Отсюда очевидно, что потенциальный их круг почти бесконечен, ибо ограничивается лишь возможностями внешнего выражения человека и сохранностью, доступностью возникающих в процессе человеческой коммуникации текстов.

Информация же, извлекаемая из исторических источников, зависит как от понимания историком предмета своей науки и соответственно поставленной им для решения проблемы, так и от жанра отобранных для анализа текстов, от аналитических навыков исследователя, равно как и от представлений его об информативном потенциале источников. Его характеристика может быть двоякой, опирающейся на два критерия. Первый из них – это способ подачи информации, согласно которому источниковая информация является прямой, намеренной и косвенной, ненамеренной; и второй – содержание, обнаруживаемое в трех взаимопроницаемых сферах – жизненных реалий, представлений о разнообразных явлениях мира и человеке (причем представления могут быть формируемыми и наличными, осознанными и бессознательными) и способа мировосприятия/мышления. Дабы в полной мере раскрыть информативный потенциал различного рода источников, необходим анализ разного уровня структурных элементов любого

текста, используемого как исторический источник – начиная с формы его бытования и до, например, внутренней формы слова. Так, в 30-е гг. XX в. значимым компонентом информационного пространства были публикуемые для широкой аудитории речи политических лидеров. Осмысление этого феномена позволяет выявить ряд транслируемых актом публикации устного слова лиц, наделенных властными полномочиями, представлений о роли подобного слова, о его авторе, о времени, о власти и ее носителе. Акт публикации речей представителей правящей верхушки, во-первых, утверждает мироустроительный смысл устного слова и потому представляет его автора в качестве демиурга, во-вторых, ситуативно-конкретное возводит в ранг надвременного, являясь, таким образом, способом преодоления времени. Факт публикации речи фиксирует момент превращения некоего настоящего (ситуативный контекст речи) в прошлое и введение его в новое настоящее в качестве инструмента и материала построения настоящего и будущего. Так опубликованный текст стягивает времена, ибо с момента его издания и распространения он становится частью любого грядущего настоящего. В-третьих, публикуемая речь, например, главы правительства/государства актуализует его личные прямые связи с аудиторией и тем самым умаляет публичный характер власти.

Не менее семантически значим характер публикации текстов. Так, например, в 1934–1935 гг. в Латвии увидело свет двухтомное собрание сочинений статей и речей Карлиса Улманиса, который в мае 1934 г. совершил в стране государственный переворот, распустив сейм и политические партии. Сам факт появления этого двухтомника после переворота свидетельствует о придании сим текстам статуса идеологического основания общества. Второй том данного собрания [7] содержит 93 речи К.Улманиса, причем 69 из них относятся ко времени после 15 мая 1934 г., что неявно, но реально закладывало в подсознание читателя представление о наибольшей значимости настоящего и о предшествующем периоде лишь как о подготовительном этапе, т.е. в определенной степени не обладающем самоценностью.

Все подобранные в данное издание речи объединены в три раздела, каждый из которых имеет особым образом оформленное название. Крупным шрифтом выделено *Runas par*/*Речи о –*, затем следует вне языковой нормы поставленный знак тире – и далее – краткое описание содержания речей соответствующего раздела. Ненормативная постановка знака препинания уравнивает в значимости акт речи и ее содержание. Более того, приоритет отдается именно акту речи, на что указывает избранный для написания самого слова *runas*/*речи* особо крупный шрифт. Таким образом, манифестируется демиургический характер звучащего слова и формируется представление о том, что именно оно определяет содержание исторического процесса. Правда, это справедливо преимущественно в отношении только слова вождя и объединителя латышского народа К. Улманиса. Исключительная роль его слова подчеркивается и наличием эпиграфов к каждому разделу указанного сборника, ибо они представляют собою выдержки из какого-либо высказывания самого К. Улманиса, что позиционирует его как миротворца, а его слово как всеобъемлющее. Наличие подобных эпиграфов к тому же изобличает невостребованность диалога с другими и задает представление об унифицированном мире, в котором исключается разнообразная множественность.

В отсутствии или наличии названий текстов, исследуемых в качестве исторических источников, проявляется самосознание, мироощущение их авторов, отношение к возможной аудитории и представление о ней. Так, если многие стихи О. Мандельштама названий не имеют (в книге стихов *Камень* 69 текстов, из них 47 без названий и в них часты личные местоимения *я* и *ты* [4]), то поэтические тексты Н.Гумилева [2] отличаются всегда имеющимися названиями, которые указывают на конкретное ли явление, предмет ли, лицо. И это говорит о различном видении этих людей себя в мире. Один из них ощущает себя предстоящим миру и устанавливающим диалог с ним в его многообразных проявлениях, второй же утверждает себя в качестве завоевателя, того, кто осваивает и присваивает.

Формулирование названий текстов, выбор слов, конструирование фразы дают возможность обнаружить наличные, не всегда осознаваемые, и внушаемые аудитории представления о феноменах социально-природного мира. Так, например, анализ названий юбилейных изданий, выходивших в свет в первой Латвийской республике (1918–1940) позволяет выявить официально транслируемые представления о государстве. Первое юбилейное издание, которым были отмечены пять лет со времени провозглашения Латвийского государства появилось в 1923 г. и называлось *Valsts pieci gadi/Пять лет государства* [8]. Название построено так, что формирует

представление о государстве как о растущей личности. Персонификация государства была продолжена в 1928 г. и нашла свое отражение в самом многотиражном издании (180 тыс. экземпляров) *Latvijas brīvības* cīņas *un sasniegumi*/*Борьба Латвии за* свободу *и ее достижения* [6]. Надо сказать, что оборотной стороной персонификации государства является игнорирование значимости индивидуального *я* и соответственно деперсонализация истории как пространства взаимодействия людей. Это подтверждается, в частности, редкостью упоминания личных имен в указанных изданиях.

Представление о человеке и его соотношении с людской общностью вычитывается, например, из грамматических форм слов. Так, ведущей политической партией в Латвии в 1920–1934 гг. был *Латышский крестьянский союз*/*Latviešu Zemnieku savienība*. Если сохранять свойственное ментальности латышей выраженной и формируемой языком, то следовало бы это название политической организации переводить как *союз латышей крестьян*, однако такая вербальная конструкция не отвечает нормам русского языка, равно как и ментальности русских. Латышское название, в котором употреблены существительные, указывает на общность, состоящую из индивидов, кои не исчезают в ней, подобно множеству спичек в коробке. Русское же название, составными частями которого являются прилагательные, также указуя на общность, акцентируют ее качественную определенность, дарованную растворившимися в ней индивидами.

И, наконец, самый глубокий уровень структуры вербального текста – внутренняя форма слова, значение которой рассмотрим на примере слова *zemnieks*/*крестьянин*, предложенного вышеназванной политической партией в качестве модели самоидентификации для ее потенциальной аудитории. Внутренняя форма этого слова подчеркивает принадлежность индивида земле, так как данная грамматическая форма с суффиксом – *nieks* выражает не столько действия субъекта, как в слове *zemkopis*/*земледелец*, сколько взаимное расположение на одной плоскости земли и человека. Кроме того, *коннотации* привносит указанный суффикс, ассоциативно связанный с существительным, обозначающим *пустяк, безделица*, а также корень *zem* от *zeme*/*земля*, коррелирующий с предлогом *zem*, т.е. *под*. В результате насаждаемое официальными установками слово *zemnieks*/*крестьянин* в известной степени умаляло значение человека как субъекта, проявляющего себя в самостоятельном смысло-и- целеполагании и инициативе. Следует отметить, что, судя по беседам со студентами и преподавателями ДУ, сниженное значение слова крестьянин ощущается и современными латышами.

Подобное чтение, в данном случае вербальных исторических источников (однако это справедливо по отношению к любого характера текстам), открывает возможность неодномерного, углубленного понимания исторического процесса как сложной системы человеческого взаимодействия во всех сферах жизнедеятельности людей.

1. Блок, М. Апология истории / М. Блок. – М. : Наука, 1986. – 254 с.
2. Гумилев, Н. Собр. соч. в 4-х тт. Т.1 / Н. Гумилев. – М. : Терра-Terra, 1991. – 416 с.
3. Ле Гофф, Ж. Средневековый мир воображаемого / Ж. Ле Гофф. – М. : Прогресс, 2001. – 439 с.
4. Мандельштам, О. Камень /О. Мандельштам. – Л. : Наука, 1990. – 398 с.
5. Пастуро, М. Символическая история европейского средневековья / М. Пастуро. – СПб. : Alexandria, 2013. – 448 с.
6. Latvijas brīvības cīņas un sasniegumi. – Rīga : Brīvā Zeme, 1928. – 32.lpp.
7. Ulmanis, K. Sabiedriskie raksti un runas II sēj., Ii sēj. / K.Ulmanis. – Rīga : Zemnieka Domas, 1935. – 535.lpp.
8. Valsts pieci gadi. – Rīga : Izglītības ministrijas izd., 1923. – 32.lpp.

Костякова Ю.Б.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТОТАЛИТАРНОЙ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ КАК ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Материалы средств массовой информации советского периода являются, на наш взгляд, социокультурным феноменом, возникшим под влиянием не только технического, экономического, но, прежде всего, политического фактора. Своей совокупностью они формировали у аудитории искаженные представления о действительности, то есть своеобразную медиареальность, основу которой составляли политические установки высшего руководства партии и мифологизированные стереотипные представления о действительности.

В отличие от картины и модели мира, под которыми в первом случае подразумевается детализированная система представлений человека о мире, а во втором – своеобразный набор сведений о действительности, медиареальность представляет искусственно конструируемый куль-

турный мир, в создании которого непосредственное участие принимают СМИ. Формируемая ими медиареальность значительно политизирована, а процесс ее конструирования всегда находится под контролем определенных политических сил, степень влияния которых зависит от государственного строя, характера проводимой политики, главенствующей идеологии и т.д. Наиболее наглядно данное утверждение можно проиллюстрировать на примере СССР периода с конца 1920-х гг. и до середины 1950-х гг.

Создание медиареальности в условиях «культа личности» И.В. Сталина имело особое значение, поскольку позволяло легитимизировать власть и любые проводимые ею мероприятия, контролировать настроения и поведение граждан, эффективно и в короткие сроки проводить массовые кампании, решать и другие партийно-государственные задачи. Такая реальность, создававшаяся в интересах власти системно и целенаправленно, с использованием различных, не только медийных средств воздействия на граждан, на базе главенствующей во всех сферах моноидеологии, может, на наш взгляд, называться тоталитарной медиареальностью, поскольку, в отсутствие альтернативных (неподконтрольных партии) СМИ она являлась единственной и насильственным образом внедрялась в сознание людей.

Технология формирования медиареальности, на наш взгляд, разрабатывалась в 1920-е гг., а к началу 1930-х гг. были в целом созданы и основы реализации такой технологии. Политическая основа заключалась в монополизации партией каналов распространения массовой информации и создании разветвленного цензурного аппарата. Суть экономической основы составляла финансовая зависимость СМИ. Практические все периодические издания, особенно местные, являлись убыточными, поэтому распределение дотаций и определение их размера позволяло контролировать все аспекты существования и деятельности прессы. Государственное финансирование и использование мощного административного ресурса обеспечивало техническую основу реализации технологии, то есть создание и модернизацию типографий, формирование системы массового радиовещания, что позволило прессе и радио охватить своим влиянием практически всех граждан страны.

Культурной основой для формирования медиареальности стала ликвидация массовой неграмотности населения страны, развитие системы образования, сети учреждений культпросвета и политпросвета. В процессе обучения и просвещения активно использовались пресса и радио, что способствовало выработке у людей привычки к чтению газет и радиослушанию, то есть к получению сведений из СМИ. В этих условиях удавалось достичь значительного эффекта в реализации технологии конструирования тоталитарной медиареальности. Под технологией мы в данном случае понимаем совокупность методов, приемов и операций, использование которых позволяет добиваться поставленной цели. Она реализовывалась поэтапно: установка – реализация – подтверждение – поддержка – закрепление – контроль.

В создании тоталитарной медиареальности главным являлась идеологическая основа ее содержания. Поэтому в качестве установки использовались основные идеи, содержащиеся в трудах классиков марксизма-ленинизма, в программных документах ВКП(б)-КПСС, резолюциях партийных съездов и конференций, выступлениях И.В. Сталина.

На следующем этапе этим установкам (идеям) придавалась форма медиаматериалов (передовые статьи, тексты выступлений высших руководителей страны), в которых многократно повторялась идея, например, в виде прямых цитат или устойчивых словосочетаний («враги народа», «оплот мира» и т. д.). Эти материалы публиковались в центральных газетах и перепечатывались в местной прессе, зачитывались по радио, что позволяло донести основную идею практически до каждого жителя страны. Далее в региональных СМИ истинность установки (идеи) подтверждалась местными примерами или авторитетом выступавших в ее поддержку партийных работников, передовиков производства, депутатов, деятелей культуры.

На следующем этапе организовывалась массовая поддержка идеи за счет публикации писем, резолюций митингов и собраний, подписанных сотнями участников, что должно было свидетельствовать о единодушной и повсеместной поддержке идеи. Полученная из СМИ информация закреплялась на политзанятиях в школах, вузах, трудовых коллективах. На этом этапе установка (идея) также получала свое художественное воплощение в песнях, фильмах, плакатах, то есть приобретала образность, становилась частью культуры.

Последним в формировании медиареальности был этап контроля. Каждый человек на различных этапах учебы, общественной и трудовой деятельности подвергался проверкам на поли-

тическую зрелость. Такой контроль позволял определить не только степень усвоения идеи, но и то, насколько искренне человек верил в реальность виртуальной действительности. Людей, обладавших критическим восприятием получаемой информации, физически устраняли из активной общественной жизни, что позволяло поддерживать атмосферу страха, находясь в которой граждане охотнее верили в предлагаемые властью идеалы и перспективы светлого будущего.

Медиареальность, в том числе, и тоталитарную, можно рассматривать как часть социальной реальности. Следовательно, реконструкция процесса ее формирования, содержания, особенностей воздействия на сознание граждан в исторической перспективе есть процесс комплексного исследования деятельности людей и результатов этой деятельности, нашедших воплощение в источниках различных типов и видов. Критический отбор и научное осмысление исторических источников позволяет создать модель тоталитарной медиареальности, как фрагмента прошлого.

Основную часть источниковой базы такого исследования составляют письменные источники, среди которых публикации СМИ играют важную роль, поскольку в них содержатся не только сами идеологические установки, облеченные в форму различных публикаций, но и косвенное описание всех этапов формирования тоталитарной медиареальности. Но, поскольку основу содержания тоталитарной медиареальности составляли политические установки высшего руководства партии, то в качестве главных исторических источников мы предлагаем рассматривать документы ВКП(б)-КПСС: материалы высших органов партийной власти (решения съездов, конференций, пленумов), определявшие генеральную линию партийно-государственной политики. Большими информационными возможностями обладают и тексты публичных выступлений лидеров партии, в которых можно обнаружить идеологические установки, облеченные в форму отдельных лексем, словосочетаний, синтаксических конструкций («война малой кровью», «политические слепцы», «беспечность – идиотская болезнь» и проч.), а также примеры, позволявшие правильно трактовать данные установки. Сопоставительный анализ текстов таких выступлений и других газетных публикаций дает возможность судить о том, как быстро подобные установки входили в лексикон и как долго сохранялись, на протяжении какого времени и насколько сильное влияние они оказывали на формирование представлений людей об окружающем мире.

Научной значимостью при реконструкции тоталитарной медиареальности обладают речи и доклады региональных партийных руководителей, опубликованные в прессе и в виде брошюр, сохранившиеся в стенографических отчетах. В этих документах находило отражение то, как общие идеологические установки адаптировались к региональным, в том числе, национальным условиям, на каких местных примерах докладчики проводили разъяснение этих установок и доказывали их истинность.

Среди делопроизводственных материалов ВКП(б)-КПСС интерес представляет распорядительная документация (решения, резолюции, приказы, распоряжения партийных органов), в которой можно обнаружить сведения о реализации в стране и на местах различных постановлений партии. Ценным дополнением к данным документам служат протоколы бюро региональных комитетов партии. Они являются своеобразным источниковым комплексом, поскольку содержат тексты решений и постановлений, обзоры содержания и анализ агитационно-пропагандистской деятельности СМИ, разнообразную дополнительную информацию (планы, отчеты, справки), включенные в приложения. Анализ таких комплексов документов позволяет реконструировать технологию внедрения политических установок в сознание граждан с использованием методов медийного (через СМИ) и немедийного воздействия на людей, определить особенности использования в этом процессе как коммуникационного потенциала СМИ, так и административного ресурса, влияние человеческого фактора на темпы, сроки и масштабы такой деятельности.

В привлекаемый круг источников необходимо включать стенограммы партийных мероприятий (конференций, собраний партийного актива, совещаний, встреч с интеллигенцией и проч.), региональных и зональных совещаний редакторов периодических изданий и телерадиокомитетов, слетов и съездов рабочих и сельских корреспондентов. Изучение таких документов дает представление о том, как и какое оказывалось воздействие на лидеров общественного мнения с целью их вовлечения в процесс распространения идеологических установок, в том числе, и с помощью СМИ.

Одним из аспектов реализации контроля ВКП(б)-КПСС за деятельностью СМИ являлось составление и представление редакциями в партийные органы справок, докладных записок, объясни-

тельных и прочей контрольной делопроизводственной документации. Такие источники обладают высокой информативной ценностью, поскольку дают достаточно полное представление о различных сторонах функционирования средств массовой информации, их взаимодействия с аудиторией и внештатными авторами, например, при организации «откликов» читателей и радиослушателей в связи с принятием важного партийного документа, выступлением лидера страны, политически-важным событием или проведением очередной идеологической кампании.

Представляют научный интерес и такие источники, как письма в редакции СМИ, которые служили не только источником сведений о достижениях и недостатках, но и должны были свидетельствовать о народном характере советских средств массовой информации, выступавших от имени и в интересах народа, выражавших его мысли, надежды и чаяния. Таким образом повышался авторитет самих СМИ и воздействие на сознание граждан создаваемой ими тоталитарной медиареальности.

Сложным является вопрос о формировании источниковой базы, которая позволила бы получить представление о реальных чувствах, мыслях и чаяниях советских граждан, их понимании действительности, восприятии (неприятии) транслируемых идеологических установок. Отчасти такую информацию можно получить в результате анализа документов, отложившихся в личных архивах, воспоминаний журналистов и других очевидцев изучаемой эпохи. Эти источники помогают оценить прошлое через восприятие его современников, восстановить ход событий, объяснить мотивацию поступков действующих лиц, выявить важные детали деятельности средств массовой информации в формировании тоталитарной медиареальности, особенности организации массово-коммуникационного обмена в различные периоды времени. Однако главный недостаток мемуаров как источника, а именно субъективизм авторов в изложении и оценках различных событий, заставляет в большей степени учитывать не фактологическую составляющую этих источников, а эмоции респондентов, их ощущения по поводу тех или иных событий, явлений действительности, личные реакции на деятельность СМИ и их роль в обществе.

Ценными в этом плане могут быть коллективные и индивидуальные письма граждан в комитеты партии, содержащие их реакции на сообщения СМИ, мнения, отклики на события в стране и регионе, деятельность организаций и отдельных представителей власти. Но такие источники являются косвенным свидетельством отношения граждан к транслируемым в медиареальности идеологическим установкам.

Отметим, что созданная СМИ тоталитарная медиареальность не отражала реалий жизни страны и мира, не удовлетворяла насущные информационные потребности и запросы людей. Ее формированию способствовали односторонность информирования аудитории, тщательный редакционный отбор писем читателей и цензурный контроль всего медиасодержания. Главной задачей такой реальности было укрепление у жителей страны Советов уверенности в политической и экономической стабильности, незыблемости устоев государства и всенародной поддержке всех решений и мероприятий власти. Но итогом этого воздействия было то, что граждане СССР существовали в атмосфере постоянных противоречий между официальными «образами» действительности, изображаемыми СМИ, сведениями о мире, получаемыми из неофициальных источников, и реальностью, воспринимаемой лично. Поэтому, как мы считаем, в представлениях советских граждан тесно переплетались стереотипы и мифы, создававшиеся официальной пропагандой, и результаты непосредственного или опосредованного восприятия людьми действительности.

Мазур Л.Н.

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ: МЕТОДЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

В конце XX в. источниковая база исторических исследований существенно расширилась за счет вовлечения в научный оборот новых типов технотронных документов, в первую очередь аудиовизуальных источников (фото-,кино-, видеодокументов). Характеристике их родовидовых свойств посвящены исследования Е.М. Евграфова, В.М. Магидова и др. [4, 9, 6, 8].

* Тема поддержана грантом РГНФ № 14-01-00352 «Визуальные репрезентации советской деревни в художественном кинематографе 1920–1980-х гг.: источниковедческое исследование».

Реже встречаются работы, использующие художественные фильмы в качестве исторического источника [5, 2, 3, 14]. Еще реже появляются труды, в которых обсуждаются методологические аспекты изучения художественного кино, в частности проблемы достоверности [13, с. 26; 11, 16]. Между тем методологические и методические аспекты изучения фильмов сегодня очень актуальны, поскольку интерес к ним постоянно растет. Целью данной статьи является рассмотрение информационной структуры художественного кино, которая существенно отличается от структуры привычных письменных источников и требует разработки особой методики анализа.

Кино представляет собой сложное общественное явление – это и производство, и творчество, и масс-медиа. Его относят к категории искусств. В искусствоведческой литературе все искусства принято подразделять на три группы [7]. В первую входят пространственные или пластические виды искусств, для которых большую роль в создании образа играет пространство (изобразительное искусство, декоративно-прикладное искусство, архитектура, фотография), а основной канал передачи информации связан с процессом «видения». Ко второй группе относятся временн*ы*е (динамические) виды искусств (музыка, литература), поскольку построены на композициях, развертывающихся во времени. Для них важен звуковой канал передачи информации, связанный со «слушанием». В третью группу включены синтетические пространственно-временные виды искусств, прежде называемые «зрелищными» (хореография, театр, цирк, эстрада, кино). Синтетические искусства занимают промежуточное положение между первой и второй группой. Они вобрали в себя черты пространственных и временных видов искусства и опираются на оба информационных канала (визуальный и звуковой). Для театра и кино важен еще канал «текст», поскольку эти искусства имеют сценарную основу.

Таким образом, кино, как синтетический вид искусства, характеризуется сложной информационной структурой, которая включает: 1) визуальный ряд; 2) текст (сценарий, диалоги); 3) звуковое сопровождение (естественно-шумовое и музыкальное).

Если все информационные потоки гармонизированы, не находятся в семантическом и эстетическом конфликте, это позволяет достичь эффекта «впечатления», воздействовать на зрителя.

Визуальный ряд составляет информационное ядро фильма. На его создании сосредоточен весь творческий арсенал кинематографа, в том числе работа режиссера и оператора, сценариста, актеров, декораторов и гримеров, призванная создать убедительную «картинку», отвечающую творческому замыслу. Изображение обладает самостоятельной ценностью, поскольку позволяет визуализировать отдельные аспекты исторической реальности – ландшафты, архитектурные пейзажи, интерьеры, моду и прочие материальные объекты. Причем кино не просто их фиксирует, но включает в повседневность, позволяет определить место вещи в жизни человека и общества. Аутентичность интерьеров, костюмов, причесок и макияжа используется для достижения эффекта «правды», но не является самоцелью. Для того, чтобы вычленить в структуре фильма эти элементы реальности, необходимо владеть навыками экранной диагностики, учитывающей различные способы съемок: по месту проведения (натурные, павильонные, естественно-интерьерные); виду съемки (обычная, комбинированная, со спецэффектами); характеру освещения (искусственное; естественное; смешанное). В совокупности эта информация позволяет судить реальный или павильонный интерьер представлен в кадре, показаны декорации или натуральный пейзаж.

Многие фильмы позднесталинского времени («Кубанские казаки», реж. И. Пырьев, 1949; «Кавалер Золотой Звезды», реж. Ю. Райзман, 1950; «Свадьба с приданым», реж. Т. Лукашевич, Б. Равенских, 1953) дают нам пример полностью конструируемого предметного мира, который только частично можно считать достоверным. И, напротив, эстетика натурализма, представленная, например, в фильме А. Кончаловского «История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж» (1967), предполагает полный отказ от декораций и других кинематографических приемов создания кадра. Фильм снимался в полудокументальной манере с синхронной записью звука в селе Безводное Горьковской области, в большинстве ролей были заняты жители села. Такой вариант визуальной репрезентации отличается наиболее высоким уровнем достоверности.

Помимо визуального ряда, большую смысловую нагрузку несет *сценарий*, который должен выступать в качестве самостоятельного объекта анализа. Сценарно-литературная основа кинематографа придает кинодокументу черты текста, который имеет диалоговую форму и непосредственно связан с сюжетом и образами героев фильма, позволяет уточнить их поступки, мотивацию, систему ценностей, ролевую нагрузку в сюжете. Задачами анализа сценария выступа-

ет уточнение его литературной основы (оригинальный текст или экранизация литературного произведения), жанровой специфики, авторства. Поскольку сценарный текст опирается, как правило, на дискурсивные обыденные практики, он должен соответствовать требованиям историко-временной, социальной и национальной идентичности. Наиболее достоверными в этом отношении являются сценарии, написанные на «современные темы», т.е. отражающие знакомую автору реальность. Сценарии на исторические темы часто грешат анахронизмами. Даже в случаях качественных исторических кинореконструкций, чтобы быть понятным зрителю, необходимо модернизировать язык эпохи. Поэтому мы всегда имеем дело с текстом, адаптированным под современного зрителя.

Дискурсивный анализ диалогов выступает в качестве основного метода изучения кинотекста и позволяет существенно расширить и дополнить характеристику визуального ряда, а в некоторых случаях декодировать его. Оценка достоверности диалогов осложняется тем, что традиционный источниковедческий анализ текста должен дополняться литературоведческим, поскольку он обусловлен не только макрофакторами создания сценария как текста, но и внутренними законами литературного жанра – композицией, сюжетом, типажами героев.

Звуковое сопровождение также может представлять интерес для исторического исследования, особенно если для озвучивания используется запись естественного звукового фона или речей исторических деятелей, радио или телепередач, а также музыкальные произведения, аутентичные историческому времени. С момента рождения звукового кино, уже в 1930-е гг. произошло условное разделение звукового сопровождения на *внутрикадровое озвучивание*, т.е. конкретное, мотивированное, оправданное звучание изображаемого в кадре инструмента, радиорепродуктора, пение действующего лица и т. д., и *закадровое музыкальное оформление*, которое является авторским и условным. Закадровая музыка, несмотря на известную отстраненность от экранного действия, эмоционально окрашивает и характеризует события фильма, в некоторых случаях выражает основную идею сюжета. Используемая в фильме музыкальная и песенная культура может стать самостоятельным объектом исследования, поскольку «музыка кино» оказала сильное влияние на песенную традицию общества: многие песни пришли с экрана и остались в культуре народа, пережив экранную судьбу фильма («Песня о веселом ветре», «Подмосковные вечера» и др.).

Таким образом, при оценке информационного потенциала кинодокумента как исторического источника основное внимание должно быть сосредоточено на изучении и верификации визуального ряда и текста. А основная задача анализа – выделить те информационные элементы, которые можно использовать для исторических реконструкций.

К основным проблемам методики изучения фильмов можно отнести следующие.

1. Проблема отбора фильма/фильмов для изучения. В этом вопросе принципиально важным является соблюдение принципа историчности по отношению к кинодокументам. Фильмы условно можно разделить на две категории: первая – фильмы, снятые на «современную тему» и отражающие образы «настоящего»; вторая – ретроспективные фильмы, объектом отражения которых выступают образы прошлого. Последние интересны с историографической точки зрения. Помимо характера отражения реальности, при отборе фильмов неизбежно возникают проблемы качества кино: какие фильмы изучать в первую очередь? Те, которые стали классикой или остались рядовым событием для кинематографа? Массовое кино может быть более информативным для изучения стереотипов, стандартных ситуаций, текущих проблем. Сила «высоких» произведений искусства в умении создать такие образы, которые отражают сущность эпохи и обращены к вечным проблемам. Сочетание количественного анализа фильмов с феноменологическим здесь представляется очень важным.

2. Проблема оценки достоверности. Решается путем сочетания приемов источниковедческого анализа кинотекстов [1] с элементами киноведческого анализа. Важно иметь представление о создателях фильма, его целях, времени и условиях создания, общественном резонансе и прочее.

3. Проблема изучения информационной структуры фильма на микроуровне, в том числе анализ визуального ряда, текста и звукового сопровождения. Для каждой категории информации требуется использование разных методов: для визуальной – метода наблюдения; текстовой – дискурсивного анализа; звуковой – феноменологического анализа. Результатом применения этой комплексной методики является выделение образов, сюжетов, кадров, несущих наиболее ценную информацию с точки зрения изучаемой проблемы [12]. Особую сложность представляет ис-

пользование метода наблюдения, поскольку он основан на реализации процедуры «видения», имеющей сложные психологические механизмы, отмеченные А. Усмановой [15]. Наиболее эффективным для сбора визуальной информации является метод структурированного, контролируемого наблюдения, который включает неоднократный просмотр фильмов с обязательной фиксацией наблюдаемой информации в форме записей с уточнением минуты просмотра, контекста и роли наблюдаемого эпизода в сюжете [10, с. 235–241].

4. Интерпретация сведений кино и реконструкция исторической реальности с учетом их *образной репрезентации*. Интерпретация визуальных источников нуждается в обязательной верификации путем сравнения с другими источниками информации.

5. Оценка степени влияния фильма на аудиторию, которая оценивается через достижение зрителями состояния мимезиса (греч. Μίμησις – подражание) – потребности следования экранным образцам. В этом смысле кинематограф может рассматриваться как инструмент социального программирования. Эффект мимезиса в обществе может достигаться не только благодаря высоким художественным достоинствам фильма, но и через повторяемость образов и сюжетов в разных картинах.

Таким образом, кино представляет собой особый способ отражения реальности через эмоционально-образное восприятие окружающего мира. При помощи технических и художественных средств кинематограф выражает свое отношение к определенным явлениям, событиям и влияет на огромную аудиторию, создавая образцы для подражания.

1. Баталина, В. А. Некоторые особенности источниковедческого анализа игрового кино / В. А. Баталина // Технотронные архивы в современном обществе: наука, образование, наследие : мат-лы науч.-практической конф., посвященной 10-летию факультета технотронных архивов и документов. – М. : РГГУ, 2004. – С. 61–64.

2. Волков, Е. В. Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти / Е. В. Волков, Е. В. Пономарева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. – Челябинск, 2012. – Вып. 10(269). – С. 22–25.

3. Волков, Е. В. «Колчаковщина» в советском игровом кино / Е. В. Волков // Новый исторический вестник. – 2013. – Вып. 35. – С. 84–105.

4. Евграфов, Е. М. Кинофотодокументы как исторический источник : учеб. пособие / Е. М. Евграфов. – М. : М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, 1973. – 46 с.

5. История страны // История кино / ред., сост., автор предисловия С. С. Секиринский. – М. : Знак, 2004. – 496 с.

6. Кабанов, В. В. Источниковедение истории советского общества : курс лекций / В. В. Кабанов. – М. : РГГУ, 1997. – 385 с.

7. Каган, М. С. Морфология искусств. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.twirpx.com/file/254738/

8. Красинский, А. В. Кинодокумент и образ времени / А. В. Красинский ; ред. Е. Л. Бондарева. – Минск : Наука и техника, 1980. – 168 с.

9. Магидов, В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания / В. М. Магидов. – М. : РГГУ, 2005. – 448 с.

10. Мазур, Л. Н. Методы исторического исследования : учеб. пособие / Л. Н. Мазур. – 2-е изд. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 608 с.

11. Огнев, К. К. Реалии истории в художественной системе фильма (основные типологические модели на материалах мирового кинематографа) : автореф. дисс. … д-ра искусствоведения / К. К. Огнев. – М. : Б.и., 2003. – 48, [1] с.

12. Сальникова Е. Эволюция визуального ряда в советском кино, от 1930-х к 1980-м / Е. Сальникова // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. – М. : ООО «Вариант», СЦПГИ, 2009. – С. 335–359.

13. Сыров, В. Н. Кино как исторический источник или некоторые размышления по поводу статьи О.Г. Усенко // Человек – текст – эпоха : сб. научных ст. и мат-в. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. – Вып. 2: Современные проблемы источниковедения / под ред.: В. П. Кулемзина, Е. Е. Дутчак. – С. 26–41.

14. Трофимов, Е. А. Игровой фильм как исторический источник на примере изучения кинодокументов по истории Алжирской войны. 1954–1962 гг. / Е. А. Трофимов // Вестник архивиста. – 2012. – № 1 – С. 52–63.

15. Усманова, А. Научение видению: к вопросу о методологии анализа фильма / А. Усманова // Визуальная антропология : новые взгляды на социальную реальность. – Саратов : Научная книга, 2007. – С. 183–204.

16. Chatman, S. Story and Discourse. Narrative Structure in Fiction and Film / Seymour Chatman. – Ithaca : Cornell Univ. Press, 1978. – 288 p.

Ященко О.Г.

ПРЕДМЕТЫ БЫТА ГОРОЖАН В МУЗЕЯХ БЕЛАРУСИ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОГРАФИИ ГОРОДА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Городской быт населения Беларуси конца XIX – начала XX в. нашел отражение в значительном объеме разнообразных письменных источников, степень их изученности достаточно высокая. Вместе с тем другие материалы, характеризующие бытовую культуру различных сословных, профессиональных, конфессиональных, половозрастных и иных групп городских жителей, в первую очередь предметы материальной культуры из фондов отечественных музеев, описаны и интерпретированы в гораздо меньшей степени. Однако роль подобных вещественных памятников в раскрытии сюжетов о повседневной жизни горожан белорусских губерний

Российской империи значительная, что объясняет целесообразность обращения к данной теме. Востребованность исследования предметов быта горожан как источника обусловлена также их широкой вовлеченностью в практическую сферу по реконструкции городской культуры музеями Беларуси. Сегодня воссоздание городского быта уже стало неотъемлемой частью музейных экспозиций не только в возникших на постсоветском пространстве музеях города, но и в других музейных учреждениях. Несмотря на относительно недавний специальный интерес к этой теме, здесь фигурирует заметное количество музейных предметов, представлены самые разные вещи бытового назначения, очевидна аттрактивность многих из них для посетителя. Это обстоятельство в свою очередь позволяет признать актуальным вопрос об анализе предметов городского быта как источника по этнографии города на Беларуси конца XIX – начала XX в.

Цель данного исследования – обозначение потенциала предметов быта горожан как источника по истории городской культуры Беларуси конца XIX – начала XX в.

Учитывая многообразие вещей, находившихся в использовании в домашнем обиходе городских жителей в указанный отрезок времени, были изучены те группы предметов, которые более часто находили применение в повседневности. Они могут быть проанализированы на основании коллекций, сформированных музеями Беларуси. К их числу принадлежат музейные предметы из фондов ГИКУ «Гомельский дворцово-парковый ансамбль», Музея истории города Гомеля, Музея истории города Минска, Национального исторического музея Республики Беларусь и др. Часть вещей, подлежавших анализу, отражена на фотографиях, опубликованных во 2 томе издания «Нарысы гісторыі культуры Беларусі» [1–3]. Значительный вклад в характеристику городского быта конца XIX – начала XX вв. внесли белорусские этнографы (В.Н. Белявина и др.) [4], его разные ракурсы в своих работах раскрыли российские исследователи на примере в основном столичных центров, но также и отдельных провинциальных городов [5; 6].

Число вещей, относящихся к городской повседневности, установить достаточно сложно, поскольку они, как правило, относятся к разным коллекциям, и в отдельные группы выделяются реже. Среди таких музейных предметов имеются уникальные, но большинство имеют сохранившиеся аналогии, поскольку для бытового использования посуда, столовые приборы, утюги, предметы освещения и другие изготавливались мануфактурным или фабричным способом по схожим шаблонам и при этом для удовлетворения спроса городских жителей в значительных количествах, вещи ремесленного или ручного изготовления также имели целью применение в практических целях, вследствие этого и они типологически близки друг другу.

Типичные подходы к формированию коллекций, связанных с бытом горожан, в отечественных музеях – это дарение, покупка у потомков владельцев и коллекционеров. История вещей в ряде случаев прослеживается довольно четко, этому способствует мемориальная память горожан и интересные истории, воспроизводившиеся из поколение в поколение в семьях в связи с некоторыми предметами. Положительным фактором часто выступает высокая стоимость предмета в момент его приобретения и бытовой эксплуатации, что приводило к стремлению бережно использовать и сохранять вещь, передавать в целостном виде детям (часы, музыкальные инструменты, дорогая столовая посуда и пр.) и описывать обстоятельства, которые с данными предметами были связаны. Ряд музейных предметов имеет информационные надписи, которые способствуют воссозданию их конкретных историй. Потомки называют имена и даты рождения владельцев, отмечают пути смены хозяев, вносят дополнительные сведения о характере использования предмета и даже подробно описывают место либо места нахождения вещи. Имеются комплексы вещей (например, мебели), наборы вещей (парадные сервизы), которые изначально поступают в музеи от одного владельца и имеют развернутое историческое сопровождение. К сожалению, в то же время «биографии» целых рядов музейных предметов уже не могут быть восстановлены, утрачены свидетельства об их принадлежности, часты случаи, когда даже их отношение к тому или городу не представляется возможным восстановить доказательно. Сдатчики указывают на частые переезды семьи, отстутствие информации, на каком этапе стала фигурировать вещь в домашнем быту их предков, была ли она новой или это уже имела хождение до этого и т.д.

Вопрос о датировке и подлинности предметов городского быта имеет широкую амплитуду – от точного определения по надписям, клеймам, способу изготовления, биркам, типам, фабричным номерам и пр. до крайне сложного ответа. По причине постоянной бытовой эксплуатации

многие вещи утратили свою целостность, несколько раз ремонтировались, перешивались, склеивались из разных элементов. Некоторые их компоненты были созданы позднее первоначальных, например, хронологически могут различаться корпус часов и их механизм, детали платья и его отделка (ткань и вышивка сорочки, блузки созданы вручную первоначально при пошиве, а кружево фабричного производства и пуговицы появились гораздо позднее и были прикреплены уже другими обладателями вещи). Научная интерпретация таких предметов затруднена.

Городской быт конца XIX – начала XX в. в выше названных музеях Беларуси представлен как специфическими вещами, относящимися исключительно к культуре городской элиты – изделия из драгоценных металлов, рояли, часы с высокохудожественным оформлением, стильная мебель знаменитых европейских фирм и т.д.; это также были предметы материальной культуры специального предназначения в узком социальном кругу – карточные столики, театральные монокли, изящные женские украшения, красивые наборы канцелярских приборов и другие, редкие книги и гравюры, статуэтки для оформления интерьера. В музейных коллекциях находятся на хранении и общеупотребительные вещи, использовавшиеся в домах мещан, ремесленников и малоимущих горожан – просто оформленные дверные ручки, недорогие подсвечники, домашняя утварь для приготовления пищи и пр. Эти группы вещей имеют схожесть с теми, которые были свойственны не только городскому, но и крестьянскому быту – глиняные кувшины, полотенца, дверные ручки грубого изготовления, они находились в использовании городских жителей недостаточного имущественного положения и обитателей городских окраин, многие из их числа были выходцами из сельской местности.

Особенности функционирования бытовых предметов привела к тому, что значительная часть из них, хранящаяся в музеях, имеет невысокую степень сохранности требует реставрации. Такие вещи повседневного использования, как одежда, посуда, предметы ухода за домом и пр., имеют потертости, сколы, царапины, трещины, пятна и т.д. Они находились в повседневном обиходе и поэтому неоднократно ремонтировались хозяевами, переделывались и пр.

Музеи Беларуси обладают большим разнообразием предметов быта горожан, что позволяет оценить уровень комфортности проживания в городской среде и определить шкалу запросов и понимание престижности в разных социально-профессиональных и этнокультурных срезах. Для установления шкалы бытового комфорта имеют значение как сами предметы, так и их их фрагменты, декоративные детали, отделка, качество изготовления, стиль. Такие выводы могут быть сделаны на основании характеристики предметов освещения, отопления, связи, транспорта (фонари, канделябры, часы, столовая посуда, одежда, мебель, инструменты и оборудование, которые применялись в домашнем быту и пр.). Здесь уместно назвать новинки городского быта, которые стали входить в обиход городского обывателя именно на рубеже конца XIX – начала XX вв. – различные инструменты для измерения, телефонные аппараты, швейные машины фирм «Zinger», «Naumann», велосипеды, приборы для воспроизведения музыкальных произведений. Примером может служить подборка швейных машин, выставленная для обозрения в Музее истории города Гомеля.

В экспозициях музеев более широко выставляются напоказ те экспонаты, которые в большей степени отражают черты городской культуры и являются более привлекательными для посетителя. Наряду с ними значительный источниковый потенциал имеют музейные предметы в фондах, которые еще не выставлялись или использовались ограниченно только для создания временных выставок. Часть из них относится к новым поступлениям. В совокупности они еще недостаточно исследованы и соотнесены с письменными источниками с целью целостной характеристики развития городского образа жизни на Беларуси.

К числу распространенных предметов, которые позволяют воссоздать домашний уклад жизни горожан и имеются практически во всех изученных музейных собраниях, относятся утюги и дешевые подсвечники, простые наборы столовых принадлежностей, вешалки для одежды, подставки, подносы, банки и коробки, упаковки продуктов и папирос, стеклянная посуда для напитков (стаканы, бутылки разной формы), фарфоровые изделия (тарелки, чашки, блюдца), декоративные вещи (статуэтки, вазочки), аптечная посуда, флаконы для парфюмерии. Более редки коллекции тканей – нательной, повседневной рабочей одежды, их малочисленность объясняется износом, невысокой ценой, утилизацией самими хозяевами. Чаще в музеях представлены салфетки, покрывала, скатерти, отношение к которым в быту было более бережным. В этой

связи костюмы горожан в музеях чаще представлены реконструкциями, поэтому их использование для исследовательских целей ограничено либо невозможно. Более ценными в этом плане остаются украшения и аксессуары горожан и горожанок (пуговицы, фрагменты кружева, медальоны, флаконы духов, цепочки, кольца, карманные часы, дамские сумочки, зонтики, трости). Они содержательны и разнообразны, могут быть широко привлечены к исследованию городского быта. Также полновесными для источниковедческого анализа выступают группы музыкальных инструментов (пианино, рояли, скрипки, флейты и гитары), колеекции книг, имеющие пометки читателей на полях и иные надписи, свою известную историю. Удачно показана большая подборка музыкальных инструментов в экспозиции городского быта в Национальном историческом музее Республики Беларусь. Наряду с пианолами, граммофонами, они имеют достаточно точные сведения о фирмах изготовителях, хорошую сохранность, видовое разнообразие. В большинстве музеев имеются ценные для понимания своеобразия городского быта на Беларуси предметы религиозного культа (иконы, кресты, атрибуты религиозных церемоний, книги религиозного содержания и пр.). Они предназначались для осуществления обрядов представителями православия, католицизма, иудаизма и др. конфессий, сопровождаются известными информационными пояснениями, часто происходят из конкретных городских семей.

Таким образом, вещественные памятники, возникшие более столетия назад в городской среде и (или) использовавшиеся в повседневной жизни горожан, обладают весомыми содержательными характеристиками, что повышает их ценность в связи с исследованием культурных традиций города на Беларуси. Объективная оценка потенциала предметов быта городских жителей белорусских губерний конца XIX – начала XX в. также позволит более широко привлекать их для создания новых и обновления уже существующих музейных экспозиций и проведения тематических выставок по истории городской культуры Беларуси.

1. Яшчанка, А. Р. Побыт гараджан Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. / А. Р. Яшчанка // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. Т. 2. Культура гарадоў X – пачатку XX ст. / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы; А.І. Лакотка [і інш.] ; А.І. Лакотка (гал. рэд.). – Мінск : Бел. навука, 2014. – С. 152–205.

2. Яшчанка, А. Р. Добраўпарадкаванне і сфера паслуг ў канцы XIX – пачатку XX ст. / А. Р. Яшчанка // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. Т. 2. Культура гарадоў X – пачатку XX ст. / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы ; А. І. Лакотка [і інш.] ; А. І. Лакотка (гал. рэд.). – Мінск : Бел. навука, 2014. – С. 206–235.

3. Яшчанка, А. Р. Адукацыя ў гарадах Беларусі ў XIX – пачатку XX ст. / А. Р. Яшчанка // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. Т. 2. Культура гарадоў X – пачатку XX ст. / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы ; А. І. Лакотка [і інш.] ; А. І. Лакотка (гал. рэд.). – Мінск : Бел. навука, 2014. – С. 292–319.

4. Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / В. К. Бандарчык [і інш.] ; пад рэд. В. К. Бандарчыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 248 с.

5. Беловинский, Л. В. История русской материальной культуры / Л. В. Беловинский. – М. : Вузовск. книга, 2008. – 424 с.

6. Беловинский, Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории / Л. В. Беловинский. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 912 с.

Раздел 2
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ. АРХИВОВЕДЕНИЕ И АРХЕОГРАФИЯ

Алеврас Н.Н.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ РАКУРСЫ

В первые десятилетия XXI в. в историографическую лексику вернулись, получив смысловое обновление, понятия *источниковедение историографии и историография источниковедения*. Своеобразная игра слов двух понятийных конструкций выражает междисциплинарную общность историографии и источниковедения, их принадлежность к области исторической эпистемологии, что определяет особенности этой коммуникации. Обозначенные субдисциплинарные модификации, задавая два актуальных ракурса – источниковедческой и историографической природы, – подчеркивают пересечение их предметных полей в сегменте, актуализирующем проблему источника как базового компонента методологии истории.

Оба понятия утвердились еще в 1970-е гг., ставшие временем подъема исследовательской активности в сфере как источниковедения, так и историографии. Однако специальных задач теоретического обоснования смысла двух субдисциплин и легитимации вводимых понятий в то время не ставилось. Ситуация стала меняться на рубеже XX–XXI вв., положившем начало разрыва с традиционной методологией и вытеснения доминировавшего в XX в. классического типа рациональности. В современной ситуации поисков «строгих научных оснований истории историографии» [8, с. 115] творческими усилиями представителей Научно-педагогической школы источниковедения, у основ которой стояла О.М. Медушевская, закладываются основы неоклассической парадигмы источниковедения, базирующейся на идеях когнитивной истории и феноменологическом подходе [11]. Ожидаемым стало переосмысление теоретических основ и предмета обозначенных субдисциплин.

В частности, началось утверждение нового понимания смысла *источниковедения историографии* [см.: 8, с. 114–117]. Терминологически данное понятие означает специфический междисциплинарный ракурс, ориентированный на поиск обоснований феномена «историографический источник» и его дефиниции. Инструментально этот подход базируется на методе источниковедения, предметом которого, по мысли О.М. Медушевской, является изучение «макрообъекта исторической науки», выступающего в виде «совокупности интеллектуальных продуктов, созданных в ходе различных видов и форм целенаправленной человеческой деятельности» [11, с. 352–354]. В этом контексте историографический источник можно воспринимать как элемент/часть макрообъекта в виде произведений ученых-историков. Попытки обоснования и определения объектно-предметной сферы данной субдисциплины представлены М.Ф. Румянцевой и С.И. Маловичко в ряде статей [см., напр.: 4, с. 131–142; 143–157] и новейшем терминологическом словаре исторической науки. В нем авторы определили предмет источниковедения историографии как «порождение и функционирование историографического источника в научном познании и иных социальных практиках» [7, с. 203–204]. Им же принадлежат первые попытки реализации выдвинутых теоретических посылов в исследовательской практике [6].

В меньшей мере в современном теоретико-методологическом опыте из обозначенной дихотомической пары понятий апробируется другой понятийный конструкт – *историография источниковедения* и определяется его предметное поле. Хотя у него складывались своя история и исследовательский опыт. С процессом формирования данного ракурса в исторической науке XX в. был связан замысел издания «Источниковедение отечественной истории» (1973–1989; в 7-ми вып.). Начиная с первого и в ряде последующих выпусков, это издание содержит специальную рубрику «Историография источниковедения». Параллельно рассматриваемому изданию возникали другие близкие к типологии этого жанра проекты [см., в частности: 1, 13] .

Характерный для того времени способ описания историографических ситуаций был подчинен задачам «классового подхода» к анализу научных взглядов и инструментария источникове-

дов. Попытки разложить историографический процесс на периоды и внутреннюю проблематику для «подведения историографических итогов» и «размышлений о задачах на будущее» [см., напр.: 1, с. 3–6] заменяли изучение трансформаций в сфере выработки теории и методов источниковедения мало продуктивным подходом описания и «инвентаризации» научных идей и концептуальных версий.

Определенным выражением обновления смысла понятия *историография источниковедения* стали работы О.М. Медушевской и созданные ею специальные разделы известного учебного пособия по источниковедению (1998, 2000, 2004) [см.: 9, 10], нацеленные на создание истории становления и развития источниковедения, в том числе с учетом изучения его теоретико-методологического опыта. Проекты по источниковедческой проблематике с инкорпорированными сюжетами из историографии источниковедения [см.: 3, 12], специальная конференция по проблемам историографии источниковедения и вспомогательных дисциплин, организованная кафедрой источниковедения в 2010 г. [5], как мне представляется, продолжили эту линию.

Организаторы конференции, правда, не были вполне удовлетворены содержанием присланных материалов: не все авторы реализовали ожидаемые попытки «экспликации историографической проблематики» и изучения «историографических исследований в сфере источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин» [5, с. 13]. Тем не менее, конференция, обозначив перспективную линию междисциплинарной коммуникации в избранном ракурсе, задала тему, теоретико-методологическое обоснование которой еще впереди. А вот практический опыт историографии источниковедения последних лет дает основание видеть в нем поворот к обновлению этой субдисциплины.

Изучение источниковедческих практик в историографическом ракурсе убеждает, что реализация проектов, выполненных в этом научном жанре, оптимально ориентирована на видовой принцип. При этом актуальность и целесообразность такого рода исследований связана с теми видовыми группами источников, по изучению которых накоплен нетривиальный методологический опыт, позволяющий формировать представление об истории и логике развития научного знания об источнике. Более всего новый облик историографии источниковедения был задан изучением историографии летописания. Обозначу несколько оригинальных типов исследований последних десятилетий, авторы которых, представляя различные научные центры, так или иначе, реализовали возможности историографии источниковедения.

Монография московского историка И.Н. Данилевского [3], хотя и не является по замыслу историографическим трудом, но привлекательна для данной темы. Историографические сюжеты пронизывают контекст исследования. Анализируемый автором источниковедческий опыт изучения Повести временных лет включает в предметное поле исследования теоретические основы представлений ученых о природе и «структуре информации о прошлом» изучаемого источника как «психического продукта» и «результата человеческого творчества» и их отношение к тому, «*что* и *как* отображает исторический источник» данного вида [3, с. 4–5]. Исследовательская позиция автора в ситуации кризиса исторической науки рубежа XX–XXI вв. ориентирована на использование историографического анализа как инструмента для аргументации собственного (оригинального и плодотворного) поиска новых – герменевтических – подходов к анализу летописного материала.

Фундаментальной и непосредственно сопрягающейся с задачами жанра историографии источниковедения предстаёт монография петербургского историка В.Г. Вовиной-Лебедевой [2]. Схоларный подход, выраженный названием и принципами структурирования текста, вносит новые мотивы в историографию летописания. Автору, проникшему в мир научных коммуникаций и особенностей индивидуального творчества ученых-источниковедов (историков и филологов), впервые удалось подвергнуть конструированию облик целой системы источниковедческих школ в гуманитаристике, а также обогатить представления современной историографии о типологиях научных консолидаций и способах межпоколенческой трансляции источниковедческого опыта. В каждой исторической эпохе науки, порождавшей научное знание о летописях и летописании, автор книги выявляет самобытные научные культуры, формировавшие источниковедческие версии на базе достигнутого уровня понимания задач и приобретенного методологического опыта источниковедения.

Отмечу также книгу киевского историка А.П. Толочко [14], выполненную в жанре биоисториографии и посвященную опыту изучения и использования летописей В.Н. Татищевым. Привлека-

тельным в ней можно было бы считать задуманный подход. Автор, как можно интерпретировать часть замысла, был нацелен на создание оригинальной и сложносоставной историографической конструкции, элементами которой выступают, с одной стороны, индивидуальный научный опыт историка XVIII в., с другой – пласты историографических оценок такого явления в истории науки как «татищевские известия». И в том, и другом случае историографическая позиция А.П. Толочко актуализирована проблемами интерпретации и методологии изучения источника. Избранный биографический жанр исследования давал привлекательную возможность взглянуть на труд Татищева как на историографический источник. Но автор увлекся «разоблачением» историка. Не погружаясь в область критико-полемических оценок исследования Толочко, замечу всё же, что авторская ориентация на создание образа Татищева как историка-«мистификатора» и «лгуна» выглядит эпатажно, но не убедительно. Татищев и «татищевские известия», при всей противоречивости и проблематичности оценок взглядов и методов историка, относятся к категории историографического феномена, который мог возникнуть в условиях зарождения и первых опытов изучения исторических источников (в данном случае – летописей) в целях создания первой панорамной картины истории России. Труд Татищева, выступая объектом изучения, требует понимания стартовых условий формирования российской исторической науки, особенностей психологии научного творчества человека эпохи Просвещения, особенностей замысла работы и специфики методологических представлений автора в контексте особого – «прагматического» периода отечественной историографии.

Можно полагать, опираясь и на опыт упомянутых исследований, что объектом историографии источниковедения являются научные труды источниковедов, предметом – источниковедческий опыт ученых-гуманитариев.

1. Буганов, В. И. Отечественная историография русского летописания (обзор советской литературы) / В. И. Буганов. – М. : Наука, 1975. – 343 с.

2. Вовина-Лебедева, В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. / В. Г. Вовина-Лебедева. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. – 928 с.

3. Данилевский, И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов / И.Н. Данилевский. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.

4. Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Професійна етика історика у міждисциплінарному просторі : [міжвуз. зб. наук. праць] / ред. кол.: : О. І. Журба (відп. ред.) [та ін.]. − Дніпропетровськ : ЛІРА, 2014. − 384 с.

5. Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин : материалы XXII междунар. науч. конф. Москва, 28–30 янв. 2010 г. / редкол.: М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – М. : РГГУ, 2010. – 434 с.

6. Маловичко, С. И. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева. – Орехово-Зуево : МГОГИ, 2013. – 252 с.

7. Маловичко, С. И. Источниковедение историографии / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева // Теория и методология исторической науки : терминол. слов. / отв. ред. А.О. Чубарьян ; РАН. Ин-т всеобщей ист. – М. : Аквилон, 2014. – С. 203–204.

8. Маловичко, С. И. Источниковедение историографии с точки зрения Научно-педагогической школы источниковедения / С.И. Маловичко // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ : материалы всерос. науч. конф. / отв. ред. Л. П. Репина – М. : ИВИ РАН, 2012. – С. 114–117.

9. Медушевская, О. М. Источниковедение: теория, история и метод / О. М. Медушевская. – М. : РГГУ, 1996. – 80 с.

10. Медушевская, О. М. Становление и развитие источниковедения / О. М. Медушевская // Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М. : РГГУ, 1998. – С. 35–121.

11. Медушевская, О .М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М. : РГГУ, 2008. – 358 с.

12. Румянцева, М. Ф. Теория истории : учеб. пособие / М. Ф. Румянцева.– М. : Аспект-Пресс, 2002. – 319 с.

13. Советское источниковедение Киевской Руси : историографические очерки / отв. ред. В.В. Мавродин. – Л. : Наука, 1979. – 263 с.

14. Толочко, А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия / А. П. Толочко. – Киев : Критика ; М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 544 с.

Маловичко С.И.

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАРРАТИВ КАК ВИД ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ*

«Горе нам! профессиональные историки, студенты-историки, учителя истории, если мы не видим написанный кровью умирающей цивилизации Европы ужасный результат раздутого национализма, изложенного в национальных историях некоторых самых красноречивых историков девятнадцатого века. Можем ли мы надеяться, что это будет всего лишь мимолетная фаза историописания…», – эти отчаянные слова о роли национальных историографий в развя-

* Работа выполнена в рамках проекта «Историческая память как фактор национальной идентичности: опыт сравнительно-исторического исследования» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

зывании Первой мировой войны написал в 1916 г. американский историк Г.М. Стивенс [10, p. 236]. Историографический фактор, влиявший на складывание европейского национализма стали выделять ученые, работавшие в рамках формирующейся в социальных науках с середины XX в. проблемной области nationalism studies. При этом, национальные истории XVIII в. исследователи отделили от «националистических историй» XIX в. Например, в работе «Идея национализма» (1944) социолог и историк Х. Кон обратил внимание на разницу в национальной истории М.М. Щербатова и «Истории государства российского» Н.М. Карамзина. Последняя, по его мнению, является примером перехода к «бездушному национализму» [6, s. 546].

Историки актуализировали проблему «национальной истории» лишь в конце XX в. под влиянием, с одной стороны, эпохи «после крушения Берлинской стены», с другой стороны, наметившейся «второй жизни» (казалось бы, уже умиравшей) национальной истории [4, p. 3]. Заданный nationalism studies тон изучения национальной истории в контексте национализма (национализмов) или национализма в историописании повлиял на историков, которые плодотворно исследуют практику национального историописания как практику национализма (появилось понятие «historiographic nationalism» [4, p. 3]). Действительно, изучение истории национализма актуально особенно в Восточной Европе, но такая исследовательская практика, к сожалению, пока оставляет в стороне сугубо историографическую проблему – анализ не столько национализма, сколько самой национальной истории как (не)научного вида (видов) историописания.

В современной историографии нарратив о национальном прошлом традиционно называют «*национальной историей*» [9, p. 77–78]. Однако, как оказывается, такое понятие не обладает признаком строгости для проведения историографического анализа. Дело в том, что «национальной историей» называют не только исторические сочинения XIX–XX вв., но и работы европейских историков XVIII в. о национальном прошлом (при этом отмечая, что национальная история, повествующая об особой роли своего государства и народа, появляется только в XIX в. [см., напр.: 5, p. 1]) и даже практики обращения к прошлому XIII–XVI вв. в совершенно иных восточных традициях историописания (Китай, Вьетнам) [11, p. 326, 29–121]. Но это совершенно не согласуется с выводами историков о том, что расцвет национальной истории происходит в европейской модели историописания XIX в. и такая форма конструирования прошлого будет лишь потом принята в Восточной Азии [12, p. 75].

Не все историки согласны с расширительным толкованием понятия «национальная история», а значит, с отсутствием строгости в его употреблении. По крайней мере, совсем недавно А. Лиакос назвал нарративы о национальном прошлом XVIII в. «пред-национальной историей», отличающейся от национальной истории XIX–XX вв. [7, p. 316]. Выражая согласие с Лиакосом (с желанием разграничить виды историописания, а не с приведенным им понятием), позволю себе уточнить, что в классической модели европейской исторической науки XIX века т.н. «национальная история», не представляла из себя однородный монолит – один вид историописания. Разве можно не различать «Zwölf Bücher Preussischer Geschichte» («Двенадцать книг прусской истории» в 5 т. (1874)) Л. фон Ранке и его научные работы, в которых изучались вопросы национальной истории, или «Историю России с древнейших времен» в 29 т. (1851–1879) С.М. Соловьева и научные диссертации историка (изданные в виде монографий)? На формирование национальной памяти большое влияние оказывали исторические нарративы, последовательно рассказывавшие о героическом прошлом своих народов и преследовавшие отнюдь не научную цель. Значит, этот вид историописания надо отличать от иных видов.

В исторической науке кроме понятия «национальная история» присутствуют иные, позволяющие более корректно проводить историографический анализ практик историописания. Конечно, он будет бессмысленным занятием, если мы воспользуемся утвердившимся в российской историографической практике концептом «отечественная история», который распространяется на квалификационную специальность профессиональных историков, на образовательную и научную деятельность в области истории России и т.д. Но есть понятие – «национально-государственный нарратив» [1, с. 324–325].

Мне представляется, что проведение историографического анализа национального историописания, в том числе, компаративного анализа европейской практики создания нарративов по национальной истории, возможно в предметном поле актуального исторического знания – *источниковедении историографии*, которое востребует метод источниковедения для изучения истории исторического знания. Источниковедение историографии позволяет проводить видо-

вую классификацию произведений историков. Научно-педагогическая школа источниковедения – сайт Источниковедение.ru [2] предлагает разделять виды историографических источников по типу презентируемого исторического знания на две группы: 1) виды историографических источников научной истории и 2) виды историографических источников социально ориентированного историописания. При изучении соотношения разных типов исторического знания вполне работает базовый принцип источниковедения, применяемый при определении видовой природы исторического источника, – *целеполагание*. Поэтому сосредоточение внимания на типах исторического знания – научном и социально ориентированном – способствует выявлению специфики их сосуществования и помогает вырабатывать критерии, позволяющие в историографическом исследовании (в частности, в поле источниковедения историографии) отличать *научное исследование* от *социально ориентированного историописания*.

На наш взгляд, большую роль в формировании национальной/государственной и местной/локальной идентичностей играло социально ориентированное историописание и в этой группе видов историографических источников мы выделили *национально-государственные нарративы* [3, с. 544]. Как вид историографических источников национально-государственный нарратив ранее не выделялся, четкое определение данного вида историографических источников пока еще отсутствует.

Национально-государственный нарратив как вид историописания возник в классической европейской модели исторической науки, получив наибольшее распространение в XIX в. Он включает в себя всю известную историю того или иного народа-государства, или значительную часть этой истории, выстраиваемую в линейной перспективе. Хронологически организованный рассказ об истории государства построен как четкая последовательность логически выявляемых периодов, имевших в своей структуре набор княжеских, королевских, царских и т.д. династий, войн, завоеваний, перемен в структуре управления государством и пр. Субъектом истории здесь выступает государство, представленное как единое целое с коллективным героем – народом (нацией).

В XIX в. по национальной истории писалось много работ, относящихся к группе видов историографических источников *научной истории*: диссертации, монографии, статьи др., в которых изучались отдельные проблемы. Национально-государственные нарративы отличались от научных работ описательностью и своим целеполаганием. Появившаяся в XIX в. практика использования прошлого, целенаправленно подавляла или актуализировала нужные события, являясь «специальным интерпретационным способом изучения истории», и различалась целью и методом с научной практикой. Такая способность «проникновения» в прошлое была принята в Германии, Франции, Италии, России, Швейцарии, а затем в Англии [см., напр.: 9, p. 32–33, 44]. Кроме того, стоит учитывать, что в европейских университетах не была распространена практика защиты диссертаций, представленных в виде национально-государственных нарративов.

Современные историки, обратившие внимание на проблему «национальной истории», предлагают ряд критериев, характеризующих такой вид историографических источников как национально-государственный нарратив:

1) предназначен для широкой читательской аудитории (в отличие от большинства научных работ) [7, p. 316];

2) христианство позиционируется в качестве европейской универсалии [7, p. 321];

3) присутствует рефлексия о «европейском каноне» истории в виде объясняющих концептов: «европеизация», «отставание», «наверстывание», «анти-вестернизация» и др. (в первую очередь, в историописании Центральной и Восточной Европы, а также Балкан и Испании) [7, p. 317–334];

4) наличие «исключительности» [12, p. 87–89; 7, p. 78];

5) слияние национальной истории и истории империи (в историописании Великобритании, России, Пруссии (в пределах немецких земель), Голландии (в Нидерландской республике)) [8, p. 77–78].

Следует добавить, что национально-государственный нарратив способен презентировать историческое знание лишь в виде «классической» линейной истории. Научно-педагогическая школа источниковедения – сайт Источниковедение.ru считает, что в историографическом исследовании применим тот же принцип, что в источниковедении источников иных видов – *принцип целеполагания*. Такая практика дает возможность выявлять другой – иной по

отношению к научной истории – тип исторического знания – социально ориентированное историописание, к нему относятся национально-государственные нарративы, целью которых является конструирование национальной и государственной идентичности, удовлетворение потребностей общества в нужном знании и контроль над социальной памятью.

1. Добровольский, Д. А. Национальная история / Д. А. Добровольский // Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. – М. : Аквилон, 2014. – С. 324–325.
2. Источниковедение.ru: страница науч.-пед. школы [Электронный ресурс] / редкол.: Д. А. Добровольский [и др.]. – Электрон. дан. – М., сор 2010–2015. – Режим доступа: http://ivid.ucoz.ru/, свободный.
3. Маловичко, С. И. Источниковедение историографии / С. И. Маловичко // Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский [и др.] ; отв. ред. М. Ф. Румянцева. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 505–559.
4. Berger, S. Apologias for the Nation-State in Western Europe since 1800 / Stefan Berger, Mark Donovan, Kevin Passmore // Writing national histories : Western Europe since 1800 / eds by S. Berger, M. Donovan, K. Passmore. – L. : Routledge, 1999. – P. 3–14.
5. Carvalho, S. Introduction / Susana Carvalho, François Gemenne // Nations and their Histories : Constructions and Representations / eds by S. Carvalho, F. Gemenne. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009. – 311 p.
6. Kohn, H. Die Idee des Nationalismus : Ursprung und Geschichte bis zur Französischen Revolution / Hans Konh. – Hamburg : S. Fisher, 1962. – 576 s.
7. Liakos, A. The Canon of European History and the Conceptual Framework of National Historiographies /Antonis Liakos // Transnational Challenges to National History Writing // eds by M. Middell, L. Roura. – N.Y. : Palgrave Macmillan, 2013. – P. 315–342.
8. Lorenz, C. Unstuck in time. Or : the sudden presence of the past / Chris Lorenz // Performing the Past : Memory, History, and Identity in Modern Europe / eds by K. Tilmans, F. van Vree, J. Winter. – Amsterdam : Univer. Pr., 2010. – 369 p.
9. Said, E.W. Culture and Imperialism / Edward W. Said. – N.Y. : Vintage Books, 1994. – 408 p.
10. Stephens, H.M. Nationality and History / H. Morse Stephens // The American Historical Review. – 1916. – Vol. 21. – No. 2. – P. 225–236.
11. The Oxford History of Historical Writing : in 5 vols. – N.Y. : Oxford Univ. Pr., 2011–2012. – Vol. 3 : 1400–1800. – 750 p.
12. Woolf, D. Of Nations, Nationalism, and National Identity : Reflections on the Historiographic Organization of the Past / Daniel Woolf // The Many Faces of Clio Cross-cultural Approaches to Historiography / eds by Q.E. Wang, Fr. Fillafer. – N.Y. : Berghahn Books, 2006. – P. 71–103.

Тимохин Д.М.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОНЯТИЯ «АРМЕНИЯ» ПРИ ОПИСАНИИ ИСТОРИИ ЮЖНОГО КАВКАЗА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История Южного Кавказа в первой половине XIII в. была подробнейшим образом описана в исторических источниках, поскольку этот регион переживает сразу две волны вторжений извне. Удары монгольских и хорезмийских войск оказали решительное влияние на дальнейшее развитие Южного Кавказа, что предопределило интерес со стороны исследователей как к истории этих двух военных кампаний, так и к недолгому периоду хорезмийского доминирования в регионе [1; 2;10; 13; 16; 24]. Обширная отечественная историография истории Южного Кавказа первой половины XIII в. в большинстве случаев сводится к изучению именно этих указанных выше проблем. В этом докладе хотелось бы обратиться к проблеме интерпретации источников по истории Южного Кавказа в первой половине XIII в. и в том числе хорезмийского государства Джалал ад-Дина Манкбурны в отечественной историографии. Ниже будут указаны основные исторические источники, на которые опирались отечественные исследователи в своих работах, а затем приведем пример проблемы интерпретации источников.

При описании истории Южного Кавказа в первой половине XIII в. отечественные востоковеды чаще всего обращались к трудам Ибн ал-Асира [15; 28], ан-Насави [5], Джувейни [14], Рашид ад-Дина [24], Хамдаллаха Казвини [29] и Мирхонда [30]. Из армяноязычных исторических сочинений отметим труд Киракоса Гандзакеци [11–12], «Летопись» епископа Степаноса и «Летопись» Себастаци [7], а также сочинения Григора Акнерци (инока Магакии) [20], Вардана Вардапета [7] и ряд других. Среди грузинских исторических памятников отечественные исследователи выделяли «Картлис Цховреба» или «Историю Грузии», где особое значение для нашего исследование имеет «Столетняя хроника» или «Хронограф» XIV в. [26; 6]. Из более поздних грузинских исторических сочинений следует указать труд Парсадана Горгиджанидзе «История Грузии» [22], где особенно важна вторая часть, доведенная автором до начала XIV в., главным источником которой стала, по всей видимости, «Картлис Цховреба».

Очертив круг исторических источников, использовавшихся учеными при изучении истории Южного Кавказа первой половины XIII в., перейдем к тем проблемам в интерпретации исторических источников в отечественной историографии. В качестве примера приведем цитаты из нескольких армяноязычных памятников. Епископ Степанос пишет о появлении хорезмшаха и

его армии: «В году 674 (1225) не было царя. В этом году страна наша подвергалась бесчисленным грабежам, безмерным страданиям, ибо с юга воспламенялся огонь гнева, который поглощал красу нашей страны. Появился из Хорасана султан Джелал-ад-дин, сын хорезмского шаха. Он бежал от преследования народа стрелков. Разрушая и истребляя страну персов, он вторгся в страну армянскую, предал ее огню и мечу, разрушил и разорил страну» [7, с. 34]. Похожую формулировку можно обнаружить и у Киракоса Гандзакеци. «Вышеупомянутый северо-восточный народ, именуемый татарами, довел до крайности хорезмийского султана Джалал ад-Дина, разбил его войско и ниспроверг его страну. Его [самого] обратили в бегство в Агванк: он пришел в город Гандзак и захватил его. [Султан] собрал бесчисленное войско из персов, мусульман и тюрок и вторгся в страну армян» [12, с. 149]. В «Летописи» Себастаци при описании хорезмийского вторжения так же можно найти упоминание «страны армянской»: «собрав двухсоттысячное войско, он (Джалал ад-Дин – прим. автора) вторгся в страну армянскую» [7, с. 23].

При описании событий первой половины XIII в. на Южном Кавказе арабо-персидские историки практически не используют понятие «Армения» [5; 14; 15; 24], а грузинские авторы делают это редко и исключительно в территориальном и географическом смысле [26, с. 112–128]. С армяноязычными авторами ситуация совершенно иная: большинство из них при описании и монгольского, и хорезмийского вторжения в пределы Южного Кавказа, постоянно выделяют и подчеркивают понятие «Армения» или «страна Армянская». Приведем еще одну цитату Киракоса Гандзакеци: «В 669 (1220) году, когда грузины еще гордились победой, одержанной над мусульманами, у которых они отторгли множество армянских гаваров, нежданно-негаданно появилось огромное множество войск в полном снаряжении и, пройдя быстрым ходом через Дербентские ворота, пришло в Агванк, чтобы проникнуть оттуда в Армению и Грузию» [12, с. 137]. Согласно изложенному Киракосом Гандзакеци с одной стороны существуют армянские территории, которые находились под властью мусульман, а затем были отбиты грузинами, однако при этом существует и «Армения», чье политическое значение продолжает оставаться для нас загадкой, исходя из текста источника. Кажется, что для средневекового историка нет никакого противоречия в том, что существуют армянские земли, не обладающие политической самостоятельностью, и то, что он называет «Арменией».

Определенные вопросы вызывают не только сами тексты армяноязычных памятников, но даже публикации их переводов на русский язык. В частности, труд Киракоса Гандзакеци в 1946 г. в переводе Т.И. Тер-Григоряна называется «История» [11], а в варианте 1976 г. Л.А. Ханларян именует его не иначе как «История Армении» [12]. При этом один из наиболее ранних вариантов перевода данного источника на русский язык, пусть и не полный, сделанный К.П. Патканов, так же именуется «Историей» [21]. Совершенно непонятно, как один и тот же исторический источник может обретать разные названия и при этом никаких объяснений данному факту издатели и переводчики памятника не дают совершенно.

Эта тенденция получила развитие в работах отечественных исследователей. Уже К.П. Патканов пишет следующее: «Армянские историки застают Монголов в первую эпоху их вторжения в Армению в 1220 г., и доводят историю до начала царствования ильхана Газана, следовательно рассказы их обнимают первый и блестящий период господства персидских Чингизидов в течение 70–80 лет» [22, вып. 1, с. V–VI]. Так же как и в армяноязычных исторических источниках остается лишь догадываться, что именно имеет в виду К.П. Патканов, приводя термин «Армения». В дальнейшем эта традиция находит свое продолжение в трудах других отечественных востоковедов. В сборнике «Татаро-монголы в Азии и Европе» А.Г. Галстян в своей статье следующее. «В результате монгольского завоевания коренным образом изменился ход развития политической и экономической жизни Кавказа, в частности Армении» [10, с. 166; 2]. Как видно из последней цитаты в ней автор привязывает понятие «Армения» к Южному Кавказу первой половины XIII в. Ничуть не поменялась ситуация в отечественной историографии в постсоветский период: «Поначалу вторжения монголов на Кавказ были вызваны борьбой с хорезмшахом Джелал ад-Дином, но после его гибели в августе 1231 года задачей корпуса Чормагуна и присоединившихся к нему нескольких туменов Чагатая стало окончательное завоевание Грузии, Армении и Азербайджана» [25, с. 340]. В качестве еще одного примера подобной тенденции можно так же привести исследование А.К. Шагиняна [27, с. 172].

Итак, в средневековых исторических сочинениях, а вслед за этим и в современных исследованиях при описании монгольского и хорезмийского завоевания Южного Кавказа используется

понятие «Армения», чья значение остается невыясненным. Если речь идет о государственном образовании, то возникает вопрос о том, где оно располагалось в рамках Южного Кавказа в указанный исторический период. На тот момент в этом регионе существуют лишь Грузинское царство, государство атабеков Азербайджана, государство Ширваншахов и полунезависимый Арран [3–4; 8–9; 13; 16–17; 19]. В связи с этим вспомним любопытное высказывание А.Г. Галстяна о начале хорезмийской кампании на Южном Кавказе: «Собрав большое количество людей для войны с монголами, он (т.е. Джалал ад-Дин Манкбурны – прим. автора) в 1225 г. захватил Тебриз, быстро завоевал ряд областей Азербайджана, через Атрапатакан вторгся в Армению и взял ее столицу – Двин» [10, с. 168]. Однако уже в самом начале XIII в. и Двин, и Ани с прилегающими к ним территориями входили в состав Грузинского царства, о чем свидетельствуют как современная историография [19, с. 200–202], так и источники того времени [26, с. 120–121]. О данном факте А.Г. Галстян не мог не знать, однако же в своей работе тем не менее указывает Двин в качестве столицы, не давая при этом никаких объяснений.

Использование термина «Армения» в политическом смысле в качестве самостоятельного государства со столицей и прочими атрибутами применительно к Южному Кавказу в первой половине XIII в. безусловно ошибочно. Если же все-таки понятие «Армения» имеет в указанных выше исследованиях несколько иное, не политическое, значение, то остается предполагать, что исследователи имели в виду. Как видно из этого примера отечественные исследователи в ряде случаев не обращают внимания на использование средневековыми авторами терминов, содержание которых требует как минимум пояснения. Такой некритичный подход к информации из источников приводит, как и было нами показано, к дублированию этой же терминологической проблемы, но уже на новом уровне – исследовательском.

1. Аветисян, В. Монгольское нашествие на Армению (XIII в.) / В. Аветисян // Московский институт востоковедения. Труды. Сб. № 1. – М., 1939. – С. 125–143.
2. Али-Заде, А. А. Монгольские завоеватели в Азербайджане и сопредельных странах в XIII–XIV вв. / А. А. Али-Заде // Вопросы истории. – 1952. – № 8. – С. 59–65.
3. Али-Заде, А. К. Из истории государства Ширваншахов в XIII–XIV вв. / А. А. Али-Заде // Известия АН Азербайджанской ССР. – 1949. – № 8. – С. 78–110.
4. Али-Заде, А. К. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. / А. А. Али-Заде. – Баку, 1956. – 420 с.
5. Ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Ан-Насави ; пер.: З. М. Буниятов. – Баку, 1973. – 450 с.
6. Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века / пер.: Г. В. Цулая. – М., 2005. – 152 с.
7. Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII–XIV вв. / пер.: А. Г. Галстян. – М., 1962. – 190 с.
8. Ашурбейли, С. Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.) / С. Ашурбейли. – Баку, 1983. – 306 с.
9. Буниятов, З. М. Государство атабеков Азербайджана (1136–1225 гг.). / З. М. Буниятов. – Баку, 1978. – 271 с.
10. Галстян, А. Г. Завоевание Армении монгольскими войсками / А. Г. Галстян // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М., 1977. – С. 166–186.
11. Гандзакеци Киракос. История / Киракос Гандзакеци ; пер. с древнеарм. Т. И. Тер-Григоряна. – Баку, 1946. – 302 с.
12. Гандзакеци, Киракос. История Армении / Киракос Гандзакеци ; пер.: Л. А. Ханларян. – М., 1976. – 355 с.
13. Гусейнов, Р. А. Иракские Сельджукиды, Ильдегизиды и Закавказье / Р. А. Гусейнов // Палестинский сборник. Л., – 1970. – Вып. 21: Ближний Восток и Иран. – С. 185–198.
14. Джувейни. Чингиз-хан. История завоевателя мира / пер.: Е. Е. Харитонова. – М., 2004. – 690 с.
15. Ибн ал-Асир. «Ал-Камил фи-т-тарих» «Полный свод по истории». Избранные отрывки / пер.: П.Г. Булгаков, Ш.С. Камолиддин. – Т., 2006. – 560 с.
16. Ибрагимов, Д. К истории государства Ширваншахов Азербайджана (1072–1382) / Д. Ибрагимов // Азербайджанский государственный университет. История и философия. 1964. – Вып. 4. – С. 17–30.
17. История Азербайджана / ред. И. А. Гусейнов. – Баку, 1958. – Т. 1. 423 с.
18. История Армении. Ереван. – 1985. – Т. 1–2.
19. История Грузии. С древнейших времен до 60-х гг. XIX в. / сост. Н. А. Бердзенишвили [и др.]. – Тбилиси, 1962. – Т. I. – 510 с.
20. История монголов инока Магакии / пер. К. П. Патканов. – СПб., 1871. – 96 с.
21. История монголов по армянским источникам / пер.: К. П. Патканов. – СПб., 1873. Вып. 1. – 106 с.
22. Кикнадзе, Р. К. Очерки по источниковедению истории Грузии: Парсадан Горгиджанидзе и «Картлис Цховреба» / Р. К. Кикнадзе. – Тбилиси, 1980. – 201 с.
23. Петрушевский, И. П. Из героической борьбы Азербайджанского народа в XIII–XIV веках / И. П. Петрушевский. – Баку, 1941. – 64 с.
24. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер.: А. К. Арендс [и др.]. – М., 2002. – Т. 1–2.
25. Храпачевский, Р. П. Военная держава Чингиз-хана / Р. П. Храпачевский. – М., 2004. – 557 с.
26. Цулая, Г. В. Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции / Г. В. Цулая // Летописи и хроники. 1980 г. – М., 1981. С. 112–128.
27. Шагинян, А. К. Армения, Азербайджан и Южный Кавказ в древности и средние века : учебник / А. К. Шагинян. – СПб., 2012. – 214 с.
28. Al-Asir ibn. Al-Kamil fi-t-tarih // Journal Asiatique. – Paris, 1849–1850. – T. XIII – XV.
29. Kazvini Hamdallah. Tarih-e gouzide. – Tehran, 1960. – 816 s.
30. Mirhond. Histoire de sultan du Kharezm. Le texte persian. – Paris, 1841. – 113 s.

Смолік А.І.

ТВОРЧАЯ СПАДЧЫНА І.К. КАНДРАЦЬЕВА ЯК КРЫНІЦА ГІСТАРЫЧНЫХ ВЕДАЎ

Літаратурная творчасць пісьменніка, паэта, драматурга, перакладчыка Івана Кузьміча Кандрацьева (1849–1904) супала з перыядам фарміравання гістарычнай думкі ў Расіі і Беларусі. У XIX ст. многія гісторыкі лічылі сэнсам сваёй дзейнасці ўзвышэнне сваёй нацыі, узвядзенне ўласна славянскай гісторыі да глыбокай старажытнасці. З гэтай мэтай са старажытнасці імі адбіраліся выключна неабходныя, кампліментарныя для нацыянальнай самасвядомасці факты. Гэта былі такія гісторыкі і пісьменнікі як І. Лялявель, І.І. Грыгаровіч, М.І. Балінскі, П.В. Баброўскі, Т.Я. Нарбут, Ю.І. Вянелін, А.Ф. Вельтман, Ю.І. Крашэўскі, Д.І. Ілавайскі, М.В. Доўнар-Запольскі і інш. Прадстаўніком тагачаснай гістарычнай думкі з'яўляўся і І. Кандрацьеў. Сведчаннем таму грунтоўныя аб'емныя працы па гісторыі Маскоўскага Крамля, гісторыі Масквы і яе навакольных населеных пунктах, гістарычныя апісанні Кіева-Пячэрскай лаўры, Валаамскага і Старажоўскага манастыроў, шэраг гістарычных раманаў, авовесцей і паэм.

Наш суайчыннік прыйшоў да высновы аб тым, што лепшай формай, з дапамогай якой магчыма азнаёміць народ з яго гісторыяй, з'яўляецца форма гістарычнага рамана. Гістарызм кандрацьеўскай мастацкай думкі адчуваецца ўжо ў гістарычных драмах «Быль на Волге» і «Пир Стеньки Разина», дзе адлюстраваны падзеі сялянскага паўстання пад кіраўніцтвам С. Разіна. Назіраемая, ахопліваемая розумам рэчаіснасць адкладавалася ў памяці, дзе спела шмат тэм і сюжэтаў, каб праз пэўны час увасобіцца у вобразах не толькі навелістычных, але і раманных аповядаў.

Першы гістарычны раман вялікага памеру «Гуны» І. Кандрацьеў апублікаваў у 1878 г. [1]. У якасці канцэптуальнай асновы аўтар выбраў тэорыю славянства гунаў, якую адстойвалі І.Ю. Вянелін і Д.І. Ілавайскі. Гуны, па іх меркаванню, з'яўляюцца супольнасцю, якая склалася ў II–IV стст. н.э. у Прыўраллі з цюркамоўных хуну і мясцовых уграў і сарматаў. Гуны падначалілі шэраг германскіх і іншых плямён, стварылі магутны саюз плямён, які неаднаразова рабіў спусташальныя паходы ў многія краіны. Найбольшай магутнасці дасягнулі пры Аціле. Пасяля яго смерці ў 453 г. саюз плямён пачаў распадацца. Выбудоўваючы раман «Гуны» як эпічны жанр аб заваяваннях готаў і гунаў пісьменнік суадносіць кампазіцыю з іх хронікай.

Важнейшым крытэрыям, накіроўваючым арыенцірам, якіх прытрымліваецца І. Кандрацьеў, на працягу сваіх гістарычных раманаў выступаюць сацыяльныя рэаліі, псіхалагічныя дэталі, побытавыя дробязі ўзнаўляемай эпохі. Дакладнасць іх апісання становіцца нормай аповяду. Сюжэт рамана «Гуны» зададзены гісторыяй і геаграфіяй заваявальніцкіх паходаў готаў, гунаў. Пісьменнік дакладна вызначае межы дзяржавы караля Эрманрыка, якая займала прастору ад берагоў Дона і ўсю Паўночную Еўропу. Венеды (славяне) рассяліліся на Балтыйскім узбярэжжы, па Вісле, Паўночнай Дзвіне, Нёмане [1, с. 7]. І. Кандрацьев імкнецца прытрымлівацца дакладна ўстаноўленых фактаў, дат, падзей, якія зафіксаваны ў пісьмовых крыніцах. З гэтай мэтай у мастацкі тэкст ён уводзіць звесткі вядомых еўрапейскіх і расійскіх гісторыкаў. Для вызначэння гісторыі старажытнага Кіева, які называе сталіцай гунаў, творца прыцягвае працы Саксона Граматыка, Адама Брэменскага, І.Я. Забеліна, П.Й. Шафарыка, Д.І. Ілавайскага і інш. У асобных выпадках празаік абапіраецца на паўночныя сказанні і сагі. Такія крыніцы былі выкарыстаны ім пры вызначэнні тэрыторый, якія заваявалі готы: «По северным сказаниям, или сагам, готы, теснимые из Азии, под владычеством Сиггэ Фридульфзона, т.е. Одена, пришли первоначально в Квенландию, в страну квенов, стало быть, в восточную часть Финнии, жители которой и по настоящее время называются квенами. В то время вся нынешняя Финляндия носила название Квенланд. Оттуда готы начали распространяться до Карпат и Дуная. В придунайских племенах, отстаивавших свои границы от побед Рима, готы нашли и собственную ограду и даже поборников против общего врага – римлян» [1, с. 4]. У рамане створана цэлая галерэя мастацкіх вобразаў, якія рэальна дзейнічалі ў дадзеную гістарычную эпоху: Аціла, Атанарык, Балемір, Будлі, Эрманрык і інш.

Айчынная вайна 1812 г. была самай значнай гістарычнай падзеяй пачатку XIX ст., якая ўзрушыла жыццё не толькі рускага, але і беларускага народаў. 1812 г. знайшоў таксама ўсебаковае адлюстраванне ў рамане «Великий разгром» [2] і аповесці «Божье знамение» [4]. Падзеі Айчыннай вайны 1812 г., якія па-мастацку адлюстроўвае пісьменнік, разгортваюцца на тэрыторыі нашай краіны. Таленавіты творца ў іх разглядае ўсё тагачаснае грамадства зверху данізу, адносіны розных сацыяльных груп да драматычнага эпізода ў айчыннай гісторыі.

Пісьменнік гістарычна праўдзіва ўзнаўляе псіхалагічныя рысы народнага патрыятызму: «Народ чутко отозвался на клич своего государя, и это было не мимолетной вспышкой возбужденного патриотизма, не всеподданнейшим угождением воле и требованиям государя, нет – это было проявление сознательного сочувствия между царем и народом» [4, с. 47]. У рамане і асабліва ў аповесці І. Кандрацьевым створана галерэя вобразаў герояў Айчыннай вайны: М. Кутузава, П. Баграціёна, Барклая де Толі, Ф. Растапчына і інш. Яны выведзены І. Кандрацьевым вельмі станоўча. У апісанні іх учынкаў, думак адчуваецца глыбокая сімпатыя аўтара да гэтых герояў. Імператар Францыі паказаны як нахабны і жорсткі захопнік, дзеянні якога не толькі не апраўданы ні гісторыяй, ні патрэбамі французскага народа, але супярэчаць маральнаму ідэалу чалавецтва: «Человека этого сделала мировым гением грубость, неразборчивость и посредственность, которыми он обладал в более высокой степени, чем грубость, неразборчивость и посредственность» [4, с. 14–15].

Такім чынам, у рамане і аповесці чытачу адкрываюцца старонкі гісторыі Айчыннай вайны 1812 г., тагачаснага побыту. Эпізоды вайннага жыцця вельмі маляўнічыя, захапляючыя, жывымі паўстаюць і сапраўдныя, і літаратурныя героі. І. Кандрацьеву ўдалося ўзнавіць свет вайны, нават больш аб'ёмны, чым сапраўднае жыццё, што дасягаюць далёка не ўсе мастакі слова. Тагачасны расійскі чытач, як паказвае крытыка, сустрэў раман і аповесць станоўча. Так, літаратурны крытык часопіса «Дело» пісаў: «Прошедшее восстает перед нами во всем блеске своего величия. Картины превосходны, а блестящий, образный, энергичный язык автора – верх совершенства и в этом отношении у него только один достойный соперник – Виктор Гюго» [7, с. 252–253].

Наступствы акупацыі французамі Масквы знайшлі адлюстраванне ў гістарычным даведніку «Седая старина Москвы», напісанным І. Кандрацьевым у 1894 г. Пры апісанні помнікаў культуры Крамля, Кітай-горада, Белага і Землянога горада, славутасцей ваколіц Масквы І. Кандрацьеў не прамінае сказаць аб стане таго ці іншага артэфакта культуры ў час вайны. З болем распавядае ён аб поўным разрабаванні французамі царквы св. Канстанціна і Алены, пашкоджанні Званіцы Івана Вялікага, знішчэнні Арсенала, Маскоўскага універсітэта з усімі навуковымі скарбамі, з бібліятэкай у 20 тыс. тамоў. Аўтар прыходзіць да высновы, што нашэсце Напалеона было самым страшэнным бедствам, якое выпала на долю масквічоў: «Все тогда гибло в пламени: церкви, дома, великолепные здания, сады, и обгорелые их остатки представляли унылый вид опустошения» [5, с. 31]. Сучасны расійскі гісторык Г. Міронаў так ацэньвае кнігу І. Кондрацьева «Седая старина Москвы»: «Если чадо аристократов и буржуа, обучавшиеся истории отечества в классических гимназиях или дома у гувернеров, читали Кондрацьева для души, наслаждаясь его образной речью, то другие россияне получали из его книг зачастую первую, а то и единственную информацию об истории страны, "достопамятностях" Москвы» [6, с. 5].

Хвалявала І. Кандрацьева праблема марнасці, бездухоўнасці тыраніі, дэспатызму ў феадальным грамадстве. Асабліва грунтоўна дадзеная праблематыка ўвасоблена ў гістарычным рамане «Салтычыха» [3]. Пісьменнікам створаны вобраз вылюдка чалавечага, для якога бязлітаснае мучэнне безабароннай ахвяры з'яўлялася найвышэйшай асалодай. Пісьменнік імкнецца зразумець чаму стала магчымым беспакараннае забойства 75 нявінных ахвяр? Пры гэтым аўтар твора падкрэслівае, што здзекі адбываліся не ў глухім уездзе, Салтычыха пражывала ў Маскве. Самае жудаснае ў гэтай сітуацыі, што на бок вылюдка станавіліся стацкія саветнікі, начальнік паліцмейсцерскай канцылярыі і іншыя чыноўнікі, якія за хабар нават каралі бізуном мужыкоў, што прыходзілі скардзіцца на лютую памешчыцу. З абурэннем піша аўтар: «Из имений Салтыковай тянутся подводы с сеном, мукой и разной живностью – гусями, утками, поросятами – на дворы сговорчивых чиновников» [8, с. 14]. Таму двадцаць адзін раз пачыналася дазнанне аб жудасных справах памешчыцы і кожны раз яна з дапамогай падкупленых чыноўнікаў выходіла сухой з вады і з яшчэ большай вытанчаннасцю працягвала здзекавацца над сваімі прыгоннымі. І. Кандрацьеў прыходзіць да высновы, што ў існаванні такой атыгуманнай з'явы павінен сацыяльна-эканамічны лад, прыгоннае права.

Гістарычная проза І. Кандрацьева адметна жанравай разнастайнасцю: раманы («Ермак – завоеватель Сибири», «Лютая година», «Казнь Верещагина», «Раскольничьи гнезда»), аповесці, гісторыка-культурныя даведнікі, гістарычныя апісанні манастыроў, тэксты для дзіцяга чытання («Искра Божья»). У іх пісьменнік сабраў і сістэматызаваў велізарнейшы гістарычны матэрыял, які адлюстроўвае важнейшыя старонкі гісторыі Расійскай імперыі, у склад якой уваходзіла і Беларусь. Напісаныя лёгка і займальна, яны з'яўляюцца каштоўнейшай крыніцай гістарычных ведаў.

Шэраг крытыкаў спрабавалі абвінавачваць І. Кандрацьева ў недакладнасці пэўных гістарычных фактаў, якія ўведзены ў тэкст твораў. Не аспрэчваючы гэта, неабходна, тым не менш, заўважыць, што пісьменнік не гісторык, ён не стварае новыя гістарычныя канцэпцыі, а толькі дае белетрыстычную рэканструкцыю падзей далёкага мінулага на падставе высноў, запазычаных з навуковых прац.

1. Кондратьев, И.К. Гунны. Эпоха великого переселения народов: ист. роман из жизни славян IV-го и V-го столетий / И.К. Кондратьев. – Москва : Тип. Э. Лииснер и Ю. Роман, 1878. – 184 с.
2. Кондратьев, И. К. Великий разгром: ист. роман из эпохи кровавых драм и великих смятений / И. К. Кондратьев. – Москва : Издание А. Земского, 1887. – 227 с.
3. Кондратьев, И. К. Салтычиха / И. К. Кондратьев. – М. : И.Я.Поляков, 1895. – 245 с.
4. Кондратьев, И. К. Бич божий. Божье знамение / И. К. Кондратьев ; послесл. К. Новикова. – М. : Панорама, 1994. – 255 с.
5. Кондратьев, И. К. Седая старина Москвы / И. К. Кондратьев. – М. : АСТ, Хранитель, 2008. – 764 с.
6. Миронов, Г. Е. Старая Москва – далекая Москва / Г. Е. Миронов // Кондратьев, И. К. Седая старина Москвы / И. К. Кондратьев. – М. : Воениздат, 1996. – 764 с.
7. Новиков, К. О творчестве Ивана Кондратьева / К. Новиков // Кондратьев, И. К. Бич божий, Божье знамение (часть 2) : повесть / И. К. Кондратьев. – М. : Панорама, 1994. – С. 247–254.
8. Опочинина, Л. Е. Салтычиха «мучительница и душегубица» / Л. Е. Опочинина. – М. : Красная новь, 1923. – 23 с.

Кручак П.С.

М.В. ДОЎНАР-ЗАПОЛЬСКІ ЯК КРЫНІЦАЗНАЎЦА

Адным з найважнейшых напрамкаў дзейнасці знакамітага беларускага вучонага Мітрафана Віктаравіча Доўнар-Запольскага з'яўлялася крыніцазнаўства. Пачатак крыніцазнаўчай дзейнасці вучонага прыпадае на сярэдзіну 1890-х гг., калі пасля заканчэння гісторыка-філалагічнага факультэта Кіеўскага ўніверсітэта ён быў камандзіраваны ў маскоўскія архівы з мэтай збору матэрыялаў для напісання магістарскай дысертацыі. Тут, працуючы на пасадзе памочніка архіварыюса ў маскоўскім архіве міністэрства юстыцыі, ён разгарнуў актыўную дзейнасць па апрацоўцы і публікацыі гістарычных крыніц, які адносіліся да гісторыі Вялікага Княства Літоўскага, і, перш за ўсё, дакументаў Літоўскай Метрыкі.

У 1897 г. выйшаў першы зборнік дакументаў пад рэдакцыяй М. Доўнар-Запольскага – «Дакументы маскоўскага архіва міністэрства юстыцыі». У зборнік былі ўключаныя дакументы па гісторыі служылага землеўладання, гаспадаркі і побыту сялянства, таксама гісторыі сейма ВКЛ. Асаблівае месца ў зборніку займалі матэрыялы рэвізій, якія праводзіліся на дзяржаўных землях ВКЛ у гады праўлення Жыгімонта Аўгуста. М. Доўнар-Запольскі лічыў гэтыя матэрыялы найважнейшай крыніцай па сацыяльна-эканамічнай гісторыі княства ў XVI ст. Вучоны распрацаваў прыблізную схему, па якой павінен праводзіцца аналіз матэрыялаў рэвізій як гістарычных крыніц. Ён вылучыў у гэтай схеме наступныя пункты:

1. Вызначэнне прычын і мэты правядзення рэвізіі;
2. Вызначэнне аб'екта рэвізіі;
3. Вызначэнне парадку яе правядзення;
4. Ацэнка навуковай значнасці крыніцы.

Менавіта такой схемы і прытрымліваўся сам М. Доўнар-Запольскі пры напісанні большасці сваіх работ. У прыватнасці, на прыкладзе рэвізіі Берасцейскага староства ён паказаў навуковую каштоўнасць гэтых матэрыялаў. Вучоны падкрэсліваў, што яны ўтрымліваюць важныя звесткі па тэрыторыі староства, колькасці і шчыльнасці яго насельніцтва, аб'ёме і размеркаванні павіннасцяў і, наогул, дазваляюць характарызаваць сацыяльна-эканамічнае жыццё асобных тэрыторый і княства ў цэлым [3, с. 6].

У 1898 г. М. Доўнар-Запольскі выпусціў другі зборнік дакументаў «Літоўскія упоминки татарскім ордам». У зборнік ўвайшлі дакументы Літоўскай Метрыкі, якія датычацца розных бакоў адносін паміж ВКЛ і татарскімі ордамі. Гэтыя дакументы дазвалялі прасачыць за тым, якое месца займала паўднёвы накірунак у знешняй палітыцы дзяржавы [5].

У 1899 г. М. Доўнар-Запольскі падрыхтаваў да выдання яшчэ адзін зборнік дакументаў «Акты Літоўска-рускай дзяржавы». У зборнік былі ўключаныя дакументы па гісторыі дзяржаўнай гаспадаркі і знешняга гандлю ВКЛ. У прадмове да выдання аўтар ўмоўна падзяліў усе матэрыялы на пяць вялікіх груп:

1. Дакументы па гісторыі мясцовых і карчэмных збораў, якія складалі важную частку дзяржаўных даходаў.

2. «Лічбы» і «Квітанцыі» – пацверджанні вялікага князя мытнікам аб атрыманні ад іх арэнднай платы і аб разліках з імі (на думку вучонага, гэтыя матэрыялы дазваляюць даследаваць механізм кіравання скарбам, вызначыць крыніцы папаўнення дзяржаўнага бюджэту, а таксама вызначыць аб'ём і характарыстыку тавараў, праходзячых праз тую ці іншую мытню).

3. Крыніцы, якія характарызуюць прамыя і ўскосныя падаткі.

4. Дакументы, якія адлюстроўваюць цяглавых і службовыя адносіны асобных груп насельніцтва.

5. Крыніцы па гісторыі Магдэбургскага права, якія характарызуюць адносіны дзяржавы да гарадоў [1, с. IV–V].

Такім чынам, зборнік уключаў у сябе цэлы шэраг дакументаў па эканамічнай гісторыі Вялікага княства Літоўскага, пераважная большасць якіх былі ўведзены ў навуковы абарот ўпершыню.

Акрамя зборнікаў дакументаў М. Доўнар-Запольскі падрыхтаваў і выдаў такую цікавую крыніцу па гісторыі Беларусі як Баркулабаўскі летапіс. Да таго ж ён правёў аналіз гэтай гістарычнай крыніцы. У першую чаргу навуковец адказаў на пытанне пра аўтара гэтага летапісу. На думку М. Доўнар-Запольскага, ім з'яўляецца святар Баркулабаўскай царквы і духоўнік князёў Саламярецкіх Ф. Філіповіч. Вучоны падкрэсліваў, што летапіс, які пачаў пісацца ў 90-я гг. XVI ст., змяшчае цэлы шэраг найцікавейшых звестак па гісторыі грамадска-палітычнага і рэлігійнай жыцця ВКЛ у канцы XVI – пачатку XVII ст. Акрамя таго, М. Доўнар-Запольскі прапанаваў вылучыць у асобную групу з ліку заходнерускіх летапісаў менавіта беларускія летапісы. На яго думку, у гэтую групу павінны ўвайсці акрамя Баркулабаўскага летапісу Віцебскі летапіс і так званы летапіс Трубніцкага [2, с. 5].

Варта адзначыць, што ў другой палове XIX ст. у Расіі актывізавалася праца па выданні гістарычных крыніц. Толькі на выданні дакументаў па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага спецыялізаваліся тры ўстановы – Кіеўская і Віленская археаграфічныя камісіі, а таксама Віцебскі цэнтральны архіў. Аднак якасць гэтых выданняў заставалася вельмі нізкай. Да таго ж адсутнічала адзіная методыка апрацоўкі, падрыхтоўкі да публікацыі і выдання крыніц. Гэта ў сваю чаргу адбівалася і на якасці гістарычных даследаванняў.

У гэтых умовах М. Доўнар-Запольскі зрабіў спробу сістэматызаваць прынцыпы і метады апрацоўкі і публікацыі гістарычных крыніц. Галоўным прынцыпам, якім, на яго думку, павінен кіравацца выдавец, павінен быць прынцып максімальна дакладнай перадачы тэксту арыгінала дакумента. З гэтай мэтай ўсе копіі павінны быць максімальна вывераны. Пры гэтым публікацыя дакумента павінна праводзіцца не больш чым па копіі трэцяга парадку. У выданні павінны быць захаваны ўсе палеаграфічныя асаблівасці тэксту. Незразумелыя і нават памылковыя месцы не павінны выпраўляцца, а пры неабходнасці тут жа ў тэксце асобным шрыфтам трэба рабіць заўвагі [1, с. 10].

На думку М. Доўнар-Запольскага, выданне павінна максімальна палегчыць працу даследчыка. Тут мае значэнне ўсё – пачынаючы з пунктуацыі і загалоўкаў асобных дакументаў, і заканчваючы групоўкай матэрыялаў і заўвагамі ў тэксце.

Вялікую ўвагу М. Доўнар-Запольскі надаваў публікацыі рэестраў і вопісаў асобных архіўных фондаў. Галоўным патрабаваннем да такога роду выданняў было, каб рэестры і вопісы пры ўсёй неабходнай сціслацці давалі яснае ўяўленне пра змест дакумента і дапамагалі даследчыку арыентавацца ў шматлікім матэрыяле. Пры гэтым вучоны лічыў магчымым змяняць і дапаўняць назвы дакументаў, для таго каб загаловак максімальна адпавядаў яго зместу [4, с. 8].

Такім чынам, распрацоўка методыкі апрацоўкі і выдання гістарычных крыніц, комплексны падыход да публікацыі дакументаў, увядзенне ў навуковы ўжытак велізарнай колькасці новых крыніц па гісторыі Беларусі – усё гэта стала найважнейшым укладам Мітрафана Віктаравіча Доўнар-Запольскага у развіццё айчыннага крыніцазнаўства.

1. Довнар-Запольский, М. В. Акты Литовско-русского государства / М. В. Довнар-Запольский. – М. : МАМЮ, 1899. – 23, 570 с.

2. Довнар-Запольский, М. В. Баркулабовская летопись (Исследование) / М.В. Довнар-Запольский. – Киев, 1908. – 38 с.

3. Довнар-Запольский, М. В. Берестейское староство в XVI в. / М. В. Довнар-Запольский // Киевские университетские известия. – 1899. – № 12. – С. 1–38.

4. Довнар-Запольский, М. В. Старинные описи Литовской Метрики / М. В. Довнар-Запольский. – СПб. : тип. Академии наук, 1901. – 9 с.

5. Довнар-Запольский, М. В. Литовские упоминки татарским ордам / М. В. Довнар-Запольский. – Симферополь : тип. Спиро, 1898. – 91 с.

Дубровский А.М.

ДНЕВНИК ИСТОРИКА С.А. ПИОНТКОВСКОГО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Сергей Андреевич Пионтковский был не вполне типичным «красным профессором». Он не знал нужды в детстве, как А.М. Панкратова, не был рабочим, как А.В. Шестаков, не служил комиссаром во время гражданской войны, как И.И. Минц. Сын профессора, выпускник Казанского университета, в гимназические и студенческие годы он участвовал в различных кружках и в партию вошел только в 1917 г. Он не был учеником М.Н. Покровского, как многие «красные профессора». В Москве он оказался в 1920 г., куда приехал по приглашению Покровского для разработки источников по истории Октябрьской революции. Здесь же он опубликовал главнейшие свои труды.

Пионтковский вел дневник; сохранился и опубликован его текст с записями, относящимися к 1927–1934 гг. Поскольку Пионтковский был репрессирован, его дневник оказался в руках следователей. Дневник был перепечатан, рукопись, видимо, уничтожена, и до наших дней сохранились только ее машинописные копии. А.Л. Литвин, биограф Пионтковского и публикатор его дневника, предполагал, что рукопись была перепечатана полностью. Уточняя и дополняя наблюдения исследователя, необходимо указать на одно высказывание Пионтковского. 19 декабря 1929 г. он сделал такую запись: «В конце июня я поехал в Кисловодск. Здесь недели две читал газеты, а потом стал вести дневник» [1, с. 269]. И ниже: «В середине июля я стал записывать свои и чужие настроения и запись эту я тянул до конца августа. Последние записи я делал уже дома, после того как обскакал Тифлис, Аббас-Туман, Ереван, Батуми, Одессу, но начал я писать честно в Кисловодске» [1, с. 271]. Никаких кисловодских записей, датированных июлем 1929 г., в опубликованном дневнике нет. Следовательно, были страницы, не включенные в машинописную копию, а текст этой копии следует считать частью дневниковых записей историка.

Со временем Пионтковский отошел от Покровского и оказался в окружении Е.М. Ярославского, который в области истории большевистской партии играл ту же роль всемогущего лидера, какую Покровский играл в области русской истории. Под руководством Ярославского Пионтковский занимался историей партии большевиков. Местами его работы были Институт истории Российской ассоциации институтов по общественным наукам (РАНИОН), Институт Ленина, Коммунистическая академия, Коммунистический университет и некоторые вузы Москвы. Возвращаясь в свое однокомнатное жилье, он порой (когда выпадало время) занимался записями в дневнике. Вел он их нерегулярно – от случая к случаю, делая нередко большие перерывы и вспоминая те или иные события за довольно значительный срок, нарушая хронологию. В 1927 г. были сделаны 2 записи, в 1928 – 6, в 1929 – 7, в 1930 – 20, в 1931 – 8, в 1932 – 6, в 1933 – 2, в 1934 – 1. Историк записывал впечатления то от прошедшей недели, то от полутора месяцев, то от целого лета. Он как-то справедливо заметил: «Не писал бездну времени. Наверное, этот заголовок у меня становится стереотипной фразой» [1, с. 319]. Стиль работы над дневником во многом определил его содержание. События, которые наблюдал Пионтковский, освещены им с очень разной степенью подробности. Об одних он писал буквально «по свежим следам», о других – по прошествии более или менее длительного времени. Порой дневник больше напоминает мемуары. Так, запись, сделанная в 1927 г., называется «Друзья» и представляет собой воспоминания о друзьях, начиная с гимназической поры.

Ведение дневника историк почитал своеобразным долгом перед будущими поколениями: «То, что я пишу, это вовсе не записки Поприщина, не какие-нибудь размышления у парадного подъезда, – это записки коммуниста и революционера. Я кричу в будущее. Я пишу для того, чтобы люди социалистического общества, чтобы тогда, когда не будет этих уродливых кривулек вместо улиц, когда не нужно будет думать об ордере на калоши, когда все будут заниматься наукой и все будут заниматься на фабрике, когда фабричное производство, сохранившее свой коллективный характер, потеряет свое свойство высасывать из человека соки, когда труд станет радостной функцией бунтующей плоти, чтобы тогда они прочитали мои записки и подумали о том, как мы строили социализм. Я-то ведь тоже строитель» [1, с. 418].

На страницах дневника Пионтковского запечатлено его восприятие «старых историков», оказавшихся в советской жизни, и «красных профессоров». С первыми Пионтковский сотрудничал в Институте истории РАНИОН. Его характеристики С.В. Бахрушина, Д.М. Петрушевского, А.И. Яковлева и др. – это портреты-наброски с живыми чертами, по сути – редкие свиде-

тельства, так как в дневниках других историков (М.В. Нечкиной, Н.М. Дружинина) подобных зарисовок личностей нет. К характеристике Бахрушина Пионтковский обращался неоднократно. Вот некоторые строки: «Огромный дядя с низеньким лбом, он как будто неплохо знает фактическую и документальную сторону русской истории, но ни черта не смыслит теоретически и лезет с остервенением в драку по всем вопросам» [1, с. 87]. «Это, несомненно, открытый классовый враг. Он прямо-таки претендует на роль председателя в российской науке. <…> Бахрушин определенно хочет работать с нами, стремится к этой работе, но, не отказываясь от работы, он очень упорно отказывается от нашего руководства и всеми силами пытается держать свою линию» [1, с. 177].

В записях за 1920-е гг. Пионтковский фиксировал случаи из жизни Института истории РАНИОН, где он не только работал как специалист, но и был членом президиума секции русской истории, членом бюро партийной организации, ученым секретарем, что позволяло ему быть в курсе многих событий. Его дневник – ценный источник по истории внутренней жизни Института истории. Субъективность во взглядах на людей и события у Пионтковского проявлялась в том, что он, «красный профессор» и солдат партии, смотрел на Институт как на фронт: «Здесь работа является уже не выражением внутрипартийной борьбы, а отражением всей классовой борьбы, идущей во всей нашей республике» [1, с. 86].

В дневнике Пионтковского есть страницы, освещающие его научную работу (в основном с организационной стороны). Это рассказы о подготовке к изданию сочинений В.И. Ленина, творческих замыслах, отчеты о том, что сделано. Как ни странно, в дневниках историков такого рода записей не так много. Ярким исключением является дневник М.В. Нечкиной, но ее рабочие записи хоть и многочисленны, но предельно кратки; чаще всего это перечини сделанного, прочитанного, отредактированного. В этом отношении Пионтковский более подробен, что является подспорьем для реконструкции его научной работы.

Дневниковые записи историка за 1930-е гг. показывают, что внимание Пионтковского сместилось с Института истории РАНИОН (он был закрыт) на Общество историков-марксистов, деятельность и личность Покровского («историк у него портил политика, а политик портил историка»), дискуссии внутри школы Покровского о торговом капитализме и о Народной Воле между Покровским и И.А. Теодоровичем.

В 1932 г. Пионтковский вместе с другими историками испытал на себе «проработку», как называли тогда партийную критику (политический анализ) его произведений. «Я-то никогда ни в каких оппозициях не был, а вообще все мы самым искренним образом преданы партии, – и вдруг мы оказались троцкистскими контрабандистами, фальсификаторами истории партии и большевизма. Ужасно трудно вести преподавательскую работу. На каждом шагу тебя ловят. Я очутился, как рыба, выброшенная на мель», – таков был психологический результат проведенной над ним операции товарищами по партии [1, с. 450, 456, 493].

Последняя запись от 23 марта 1934 г. содержит уникальный рассказ о том, как Пионтковского вызвали на заседание Политбюро ЦК партии по поводу подготовки новых учебников по истории, как шло обсуждение действовавших учебников, какие указания содержались в выступлении И.В. Сталина по поводу преподавания истории.

Рассказы о событиях личной жизни в дневнике Пионтковского перемежаются с его рассуждениями о политическом положении страны, обострявшейся классовой борьбе, которую он усматривал всюду и во всем, о внешнеполитических событиях. Все это обдумывалось им и преподносилось в дневнике с последовательно официальных позиций. Наряду с этим у Пионтковского прорывались выражения недоумения, сожаления и непонимания по поводу обвинения в меньшевизме его брата Андрея, определения классовым врагом Д.Б. Рязанова, необходимости ему писать покаянное письмо, признаваясь не только в действительных, но и в мнимых ошибках и пр. Здесь отразился взгляд на действительность 1930-х гг. глазами «красного профессора» с его официозной позицией и глубоко запрятанными сомнениями.

1. Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934). – Казань : Казанский государственный университет, 2009 – 514 с.

Гришина Н.В.

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Исследовательский проект, посвященный изучению феномена диссертационной культуры отечественных историков, задуманный в 2010 г., с самого начала поставил перед его авторами вопрос об источниковой базе [1, с. 9–21]. Предварительные разыскания привели к работам Г.Г. Кричевского, который более пятидесяти (!) лет своей творческой деятельности занимался составлением полной библиографии диссертаций, защищенных в российских университетах с 1805 по 1917 г. Большая часть наследия Г.Г. Кричевского так и осталась неизданной. Редкие авторские публикации давали лишь скупую информацию о количественной стороне диссертационной культуры, не позволяя оценить весь масштаб проделанной им поисковой библиографической работы [5, 6]. Частично работы Г.Г. Кричевского были изданы под руководством А.Н. Якушева, ставропольского исследователя, ставшего основателем научной школы по изучению нормативной стороны диссертационной системы [4].

Исследовательской удачей стала работа в 2010 г. в библиографическом зале библиотеки ИНИОН. На входе в читальный зал библиотеки размещалась памятная доска в честь одного из старейших ее работников – Г.Г. Кричевского. По воспоминаниям одного из его друзей антиковеда Льва Ельницкого, Кричевский служил в библиотеке долгие годы [2, с. 23]. После разговора с работниками библиотеки выяснилось, что рукопись библиографического указателя хранится в читальном зале и находится в свободном доступе. Она была передана в библиотеку дочерью Кричевского М.Г. Нецецкой 24 февраля 1995 г. В сопроводительном письме на имя директора ИНИОН РАН академика В.А. Виноградова она писала: «Направляю Вам рукопись работы моего покойного отца Кричевского Григория Григорьевича “Диссертации университетов России”, представляющую не только научный интерес, но и являющуюся библиографическим справочником, полезным для работы крупных библиотек. Прошу рассмотреть вопрос о сохранении данной рукописи во вверенном Вам учреждении» [4].

К рукописи были приложены отзывы нескольких коллег о работе Г.Г. Кричевского. К примеру, И.Л. Беленький назвал этот библиографический свод – «Труд всей жизни!». В своем отзыве он писал: «За обманчивой монотонностью библиографической и фактографической регистрации <…> встает, еще никем не описанный и не исследованный в полном объеме, значительнейший пласт отечественного и культурного наследия» [4].

Знакомство с указателем Г.Г. Кричевского продемонстрировало, что его опубликованный вариант имеет существенные лакуны: целый ряд элементов библиографической записи не был учтен издателями. К примеру, в опубликованной версии указывались лишь сведения о диссертанте, название диссертации, дата и место защиты, разряд науки, фамилии оппонентов. В то же время такие важные сведения, как публикация текста диссертации, наличие печатного факультетского отзыва, речи соискателя и отчета о защите, не были включены в справочное пособие [4]. Между тем информация о «малых» формах диссертационной культуры, к коим можно причислить отзывы оппонентов, тезисы, выносимые на защиту, речь диссертанта, факультетский отзыв, является основополагающей для изучения этого феномена жизни научного сообщества. Именно эти разделы указателя Г.Г. Кричевского остались неопубликованными. В этой связи особенно драматичной выглядит ситуация с пожаром в библиотеке ИНИОН в начале 2015 г., т.к. судьба рукописи указателя Г.Г. Кричевского остается неизвестной.

За более чем пятилетний период работы над проектом авторами был сформирован обширный комплекс источников для изучения диссертационной культуры России. С одной стороны, мы опирались на данные указателя Г.Г. Кричевского, с другой стороны, исходили из убеждения, что процесс присуждения ученой степени имеет затяжной характер, начинаясь с решения об оставлении претендента для подготовки к профессорскому званию и завершаясь признанием искомой степени Министерством народного просвещения.

Итак, в комплекс источников по заявленной теме, отражающих формальную (процедурную) сторону диссертационной истории, вошли следующие документы: (1) характеристика профессора-руководителя о научном потенциале претендента и решение об оставлении соискателя для приготовления к профессуре, что фиксируется в протоколах факультетских заседаний; (2) программа магистерских испытаний и ход магистерских экзаменов, что также является частью делопроизводственной документации факультетов; (3) протоколы чтения пробных лекций для

получения статуса приват-доцента, а также опубликованные (в некоторых случаях) тексты пробных лекций; (4) тексты диссертаций, а также тезисы или положения, выносимые на защиту, и речь диспутанта; (5) представление соискателя о намерении защитить исследование в качестве диссертации и протоколы обсуждения диссертации, включающие информацию о назначении оппонентов, факультетский отзыв, также решение о дате и времени диспута; (6) публикации в периодической печати о дате и времени диспута, ходе диспута и его результатах; (7) наконец, решение факультета о присуждении ученой степени, а также министерское постановление.

Использование библиографического указателя Г.Г. Кричевского позволило сформировать новый исторический источник – базу данных диссертаций историков. Ее материалы позволили сделать выводы, возможные только при применении количественных методов (к примеру, корреляционного анализа). Так, авторы получили сведения о среднем возрасте соискателей ученой степени, времени между защитой магистерской и докторской диссертаций, динамике среднего объема текстов диссертационных исследований, процессе академической мобильности при выборе университета для представления диссертации.

Кроме того, значимым источниковым пластом являются эго-документы – свидетельства, раскрывающие неявную сторону диссертационной культуры. К ним можно отнести дневниковые записи, письма, воспоминания, авторы которых размышляли о таких вопросах, как непростой выбор науки в качестве сферы профессиональной деятельности (к примеру, письма А.Е. Преснякова), различных подводных течениях в процессе выхода на защиту (воспоминания и письма П.Н. Милюкова, дневники М.С. Корелина и др.). Личностная составляющая является определяющим качеством таких документов, часто называемых историографическими источниками, как рецензии, некрологи, юбилейные статьи. Подобные тексты обычно значительно отличаются от процедурных отзывов факультета и оппонентов, их авторы погружаются в глубины творчества своих героев, раскрывают их внутреннюю мотивацию, неизвестные страницы творческих биографий. К эго-источникам можно отнести крайне редко встречающиеся материалы о неформальной стороне диспутов – поздравительные речи, спичи на банкетах, анекдоты и легенды, имеющие отношение к диссертационным историям и зафиксированные в памяти корпорации.

Еще одним многосоставным по жанрам и видовым характеристикам является блок источниковых материалов, посвященных статусу диссертаций в России, а также конфигурации диссертационной системы. К ним можно отнести законодательные документы и протоколы министерских и профессорских комиссий по данному вопросу. Полемичность обсуждения этого вопроса в комиссиях подчеркивается обилием публицистических статей, посвященных национальной диссертационной системе, в большом количестве появлявшихся в печати в пореформенной России XIX в. Этот факт свидетельствуют о том, что вопрос о присуждении ученых степеней находился в фокусе актуальной общественно-государственной дискуссии. Авторы подобных публикаций поставили вопрос о требованиях к уровню диссертаций, качестве научной экспертизы, роли диспута в процессе защиты.

В целом сформированная источниковая база по теме исследовательского проекта требует выработки методов анализа источников. Отмечу, что особенно остро стоит вопрос о методике анализа комплекса самих диссертационных исследований как части общей научной культуры и отдельных дисциплинарных/схоларных/ институциональных субкультур.

1. Алеврас, Н. Н. Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX вв.: замысел и источники исследовательского проекта / Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришина // Мир историка : историографический сборник / под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. – Вып. 6. – С. 9–21.

2. Ельницкий, Л. А. Три круга воспоминаний. На паперти храма науки / Л. А. Ельницкий. – М. : Аграф, 2014. – 368 с.

3. Кричевский, Г. Г. Диссертации университетов России. 1805–1919 гг. : библиографический указатель [Рукопись] / Г. Г. Кричевский. – М., 1984.

4. Кричевский, Г. Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на историко-филологических факультетах университетов Российской империи (1755–1918) : справочное пособие / Г. Г. Кричевский ; сост., предисловие, науч. ред. и посмертное издание А. Н. Якушева. – 3-е изд., испр. и доп. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2004. – 226 с.

5. Кричевский, Г. Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России / Г. Г. Кричевский // История СССР. – 1985. – № 2. – С. 141–153.

6. Якушев, А. Н. История русской диссертации в исследованиях Г.Г. Кричевского / А. Н. Якушев, А. В. Кузнецов // Омский научный вестник. – 2007. – № 3 (55). – Май – июнь. – С. 7–9.

Новікаў С.Я.

НОВЫЯ КРЫНІЦЫ, АБО САВЕЦКІЯ СТЭРЭАТЫПЫ?*

Адной з актуальных праблем вывучэння новых дакументальных крыніц, у тым ліку замежных, з'яўляецца выяўленне ступені навуковай верыфікацыі гістарычных фактаў. Разгледзім гэта на прыкладзе Беларусі летам 1941 г. Як баявыя дзеянні Чырвонай арміі і германскага вермахта, якія вызначалі адметнасць пачатковага перыяду вайны на беларускай зямлі, адлюстраваны ў новай 12-томнай фундаментальнай працы, падрыхтаванай вядучымі расійскімі даследчыкамі па гісторыі Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гг. [10; 11]? Наколькі іх сутнасць вынікае з новых дакументальных крыніц, выяўленых айчыннымі гісторыкамі пасля адкрыцця архіваў, і наколькі гістарычныя факты набліжаюць чытача да асэнсавання рэальных наступстваў абарончых баёў Чырвонай арміі ў Беларусі ў чэрвені–жніўні 1941 г.? Адказаць на гэтыя і іншыя пытанні асабліва важна па розных прычынах, але ў першую чаргу даследчыцкага кшталту.

Заўважым, у прадмове да першага тома Рэдакцыйная калегія засяроджвае ўвагу чытача якраз на тым, што новую працу расійскіх гісторыкаў "чытачы прымуць толькі ў тым выпадку, … калі кожная старонка, кожны яе радок будуць праўдзівымі". Для гэтага, адзначаецца ў кнізе, "неабходна веданне праўды факта" [10, с. 9]. Кожны разумее, што толькі ў апошні час з'явілася ўнікальная магчымасць па шырокім выкарыстанні новых дакументальных крыніц, якія раней былі маладаступны для даследчыкаў з аднаго боку па прычыне закрытасці айчынных, а з другога – недаступнасці замежных архіваў, і праўдзівага адлюстравання на гэтай аснове падзей ваеннай гісторыі.

Разгледзім некаторыя з іх на прыкладзе абарончых баёў Чырвонай арміі на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. Так, на стар. 736 2-га тома чытаем наступны тэзіс: "На 22 июня 1941 г. Брестскую крепость защищали порядка 3,5 тыс. человек 6-й и 42-й стрелковых дивизий 28-го стрелкового корпуса РККА" [11, с. 736]. Заўважым, што гэты тэзіс фігураваў у савецкай гістарыяграфіі абароны Брэсцкай крэпасці [13, с. 17; 7, с. 110–111; 9, с. 95–97], сустракаецца ён і ў сучасных беларускіх навуковых працах [5, с. 62].

Аднак гэтыя лічбы ў пачатку 2000-х гг. не прымае на павер расійскі даследчык Р.В. Аліеў – аўтар дакументальных прац "Штурм Брестской крепости" і "Брестская крепость: Документы и воспоминания" [2; 8]. У іх гісторык адыходзіць ад савецкай гістарыяграфічнай лічбы, якая не адпавядае гістарычнай рэчаіснасці па прычыне таго, што на момант заканчэння нямецкага штурму крэпасці ў нямецкім палоне апынулася звыш 7 тыс. абаронцаў крэпасці і чырвонаармейцаў. Да такой высновы расійскі даследчык прыходзіць пасля вывучэння нямецкіх крыніц, сярод якіх "Данясення камандзіра 45-й пяхотнай дывізіі аб узяцці Брэст–Літоўска" ад 8.07.41 г. [8, с. 390]. Асобна адзначым, што згаданыя вышэй выданні расійскага гісторыка пабачылі свет у вядомым маскоўскіх выдавецтвах "Яуза", "Эксмо" і "Вече", аднак пра іх не згадваецца ў спісе літаратуры да 2-га тома новага расійскага выдання. Узнікае пытанне, па якіх прычынах у грунтоўным выданні не згадваецца ці навукова не аспрэчваецца тэзіс Р.В. Аліева ў дачыненні да агульнай колькасці абаронцаў Брэсцкай крэпасці, лічба якіх толькі на Цэнтральным умацаванні складала каля 9 тыс. чалавек на момант пачатку нямецкага штурму 22 чэрвеня 1941 г. [2, с. 238]. Прычын таго, чаму гэтых звестак чытач не знойдзе на старонках новага выдання, знайсці аўтару гэтых радкоў таксама не ўдалося. Пры гэтым Рэдакцыйная камісія новага расійскага выдання пераконвае чытачоў у тым, што пры напісанні працы аўтары "абапіраліся не на ідэалагічныя пастулаты, а на папярэднія навуковыя даследаванні з улікам новых метадалагічных падыходаў і з шырокім выкарыстаннем вялікага масіву архіўных дакументаў [10, с. 9]. Таму ў чытача застаецца пытанне, чаму ж у пералік "папярэдніх навуковых даследаванняў" не трапілі больш за 1000-старонкавыя працы расійскага гісторыка, напісаная на аснове выкарыстання значнага масіву як савецкіх, так і нямецкіх дакументаў.

На стар. 736 чытаем наступнае сцвярджэнне расійскіх аўтараў: "К началу июля противнику удалось захватить укрепления на Центральном острове после особенно масштабной бомбардировки и артиллерийского обстрела". Адразу ж узнікае пытанне, чым гэта сцвярджэнне адрозніваецца ад тэзіса аб тым, што "29–30 июня фашисты предприняли «генеральный штурм»

---

* З нагоды выхаду кнігі "ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ. В 12 Т. Т. 2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И НАЧАЛО ВОЙНЫ" (М.: КУЧКОВО ПОЛЕ, 2012. – 1008 с.)

Цитадели, в результате которого им удалось занять большую часть укреплений и нанести ее гарнизону тяжелые потери”, апублікаванага ў пачатку 1960-х гадоў у 6-томнай «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» (М., 1961. – Т. 2, с. 19). У дасведчанага чытача, асабліва студэнцкай моладзі, якая добра ведае змест фільма расійскага рэжысёра А. Кота “Бресткая крепость” (2010), узнікаюць і іншыя лагічныя пытанні, у тым ліку аб абароне Цытадэлі. Да таго ж неабходна ўлічваць і той факт, што беларускаму чытачу дзякуючы новым выданням таксама вядомы дакладныя факты з гісторыі нямецкага штурму крэпасці [3; 14; 16; 4; 12], калі да 29 чэрвеня самалёты люфтвафэ не ўдзельнічалі [9, с. 152]. Са згаданага тэзіса вынікае, што “Цэнтральны востраў”, які з часоў стварэння крэпасці насіў назву “Цэнтральнага ўмацавання” ці “Цытадэлі”, паколькі геаграфічна знаходзіўся ў самым “сэрцы крэпасці Брэст–Літоўск” [8, с. 174], перанёс асабліва моцную бамбардзіроўку. Нагадаем, што з захаду, поўначы і поўдня Цытадэль прыкрывалі іншыя ўмацаванні – адпаведна Цярэспальскае, Кобрынскае і Валынскае. З айчыннай гістарыяграфіі таксама вядома, што апошнім днём арганізаванай абароны умацаванняў на Цэнтральным востраве з’яўляўся 26 чэрвеня [2, с. 657].

Пра гэта пішуць не толькі беларускія даследчыкі. Гэты ж факт гучыць на старонках і нямецкіх прац, у якіх сцвярджаецца, што самыя цяжкія баі з боку штурмуючых вяліся на працягу трох першых дзён, потым на працягу двух дзён ішлі баі ў асобных ачагах супраціўлення на Цэнтральным востраве (ўмацаванні) ці Цытадэлі. А пасля 26 чэрвеня баі працягваліся толькі за Ўсходні форт, абаронцы якога пасля двух моцных авіяўдараў здаліся ў палон вечарам 29 чэрвеня. Як адзначае К. Ганцар, пасля 26 чэрвеня больш не гінулі ваеннаслужачыя 45-й пяхотнай дывізіі, якая на працягу пяці дзён штурмавала цэнтральныя ўмацаванні крэпасці [4, с. 144]. Вядома, што апошнім непрыступным рубяжом, на які абрынулася не толькі артылерыя, але і нямецкая авіяцыя, з’яўлялася Кобрынскае ўмацаванне, дзе трымаўся Ўсходні форт на чале з будучым Героем Савецкага Саюза камандзірам 44-га стралковага палка маёрам П.М. Гаўрылавым. Узнікае заканамернае пытанне, а чаму гэтага не ведаюць пасля таго, як легендарны камандзір і мужны абаронца Ўсходняга форту напісаў успаміны “Крепость сражается”, якія ў 1970-я гады вытрымалі два выданні, дзе дэталёва паказаў штодзённыя падзеі сваёй эпапеі самаадданай барацьбы, упартага выжывання і валявой перамогі.

Застаюцца адкрытымі і іншыя пытанні, напрыклад, аб храналогіі рэальных падзей, храналагічных рамках актыўнай абароны крэпасці Брэст–Літоўск, фактычнай колькасці абаронцаў з савецкага боку, а таксама аб колькасці савецкіх воінаў, якія да канца чэрвеня з тэрыторыі крэпасці і горада патрапілі ў нямецкі палон. Лёс 7223 палоненых радавых, сяржантаў і афіцэраў Чырвонай арміі пасля шматлікіх заклікаў і зваротаў навуковай грамадскасці, у тым ліку аўтара гэтых радкоў [19, с. 29], быў у рэшце рэшт ушанаваны ў экспазіцыі, адкрытай у Паўночна-ўсходняй казарме Цытадэлі Брэсцкай крэпасці ў 2014 г. і адзначанай спецыяльнай прэміяй Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь дзеячам культуры і мастацтва 2014 г. [1, с. 2].

Выклікае пытанні тэзіс і на стар. 746: “Контрудар стоил 5-му и 7-му механизированным корпусам [РСЧА. – С.Н.], в составе которых находились 1639 танков (924 в 5-м и 715 в 7-м), среди которых немало неисправных, 2/3 парка боевых машин (по некоторым подсчетам)”. У гэтай сувязі чытачу цяжка зразумець, чаму да гэтага часу не зроблены неабходныя падлікі, чаму ў навуковы дыскурс уводзяцца тыя баявыя адзінкі тэхнікі, якія апрыёры з’яўляліся няспраўнымі, г.зн. не ўдзельнічалі ў рэальных баявых дзеяннях. Але якраз такі фактар істотна паўплываў на вынікі тых баёў, якія 5-ы і 7-ы МК вялі на Віцебшчыне ў пачатку ліпеня 1941 г., асабліва ў кантэксце найноўшых не пацверджаных дакументальна сцвярджэнняў пра тое, што пад Сянно адбылася “самая вялікая танкавай бітва ў сусветнай гісторыі”. Такім чынам, чытач застаецца без яснага разумення карціны сустрэчных танкавых баёў на аршанска-віцебскім напрамках з аднаго боку наступаючых танкавых і матарызаваных злучэнняў 3-й танкавай групы, а з другога – контрнаступаючых сіл двух механізаваных карпусоў Чырвонай арміі.

У тэксце новага выдання ўважліваму чытачу не ўдасца знайсці адказы на іншыя пытанні, у тым ліку: аб храналагічных рамках танкавых баёў пад Сянно і Лепелем; агульнай колькасці баявых машын, якія з двух бакоў удзельнічалі ў баях на Віцебшчыне; стратах, панесеных з абодвух бакоў у ходзе танкавых баёў з 5-м і 7-м МК РСЧА; прычынах фактычнага разгрому двух механізаваных карпусоў Чырвонай арміі падчас контрудараў на лепельскім напрамку; аб аператыўна-тактычным значэнні Лепельскай аперацыі ў кантэксце замацавання ў сучаснай айчыннай літаратуры тэзіса аб “самай буйной танкавай бітве ў сусветнай гісторыі” пад Сянно.

Для беларускага чытача апошняе пытанне застаецца асабліва актуальным, калі мець на ўвазе новыя публікацыі, якія на падставе выкарыстання метаду кампаратыўнага аналізу айчынных і замежных дакументальных крыніц не толькі аспрэчваюць згаданы тэзіс, але і раскрываюць ненавуковы характар яго ўжывання [18, с. 14–24].

Кажучы пра баі пад Магілёвам, аўтары новага расійскага выдання пакінулі некалькі навуковых тэзісаў, крытычны аналіз якіх неабходны па розных прычынах, але ў першую чаргу, іх неадпаведнасці вядомым на цяперашні час дакументальным фактам. Напрыклад, на стар. 746 сцвярджаецца: "К 9 июля танки Гудериана подошли к Могилеву". Адразу ўзнікае пытанне, на падставе якіх дакументаў зроблена такая выснова, калі мець на ўвазе добра вядомыя гістарычныя звесткі пра тое, што бой на Буйніцкім поле пад Магілёвам адбыўся 12 ліпеня 1941 г. [17, с. 14], пра што яшчэ ў ліпені 1941 г. пісалася ў савецкім друку.

Але ж наколькі прыведзены вышэй тэзіс вытлумачвае храналогію падзей абароны Магілёва, замацаваным у наступным гістарычным факце на стар. 775 выдання, дзе аўтары пішуць: "Бои на Могилевском направлении начались 3 июля 1941 г. Вскоре в сражение вступили части 172-й стрелковой дивизии. Особенно тяжелой была обстановка, где держался 338-й [так у тэксце. – С.Н.] стрелковый полк 172-й сд (бой на Буйничском поле известен в отечественной историографии). На поле под Буйничами осталось не менее 24 подбитых вражеских бронемашин» [11, с. 775]. Дэталёвы аналіз зместу гэтага тэзісу патрабуе звароту да пэўных дакументальных крыніц. Аднак на падставе якіх фактычных даных можна сцвярджаць аб пачатку баёў на магілёўскім напрамку, прапануючы за момант адліку 3 ліпеня, калі баявы загад № 1 на абарону горада камандзірам 172-й стралковай дывізіі генерал–маёрам М.Ц. Раманавым быў аддадзены толькі 7 ліпеня, прычым у 20.30 [6, с. 15–16]. Што гэта азначала на самой справе? З гэтага моманту баявы загад неабходна было тэрмінова перадаць камандзірам палкоў, якія толькі пасля гэтага маглі пачаць выкананне тых баявых задач, што былі вызначаны камандзірам дывізіі. Дык з якога гістарычнага моманту неабходна пачынаць адлік гісторыі абароны горада? З моманту, які ўвайшоў у айчынную гістарыяграфію на падставе даты, прапанавай ва ўспамінах былога намесніка камандуючага Заходнім фронтам генерал-лейтэнанта А.І. Яроменкі? Ці даты паводле баявога загада № 1 ад 07.07.41 г., аддадзенага генерал-маёрам М.Ц. Раманавым [6, с. 15]? Ці паводле іншых загадаў? Якіх? Аднак на гэтыя пытанні мы не знаходзім адказу ў новым выданні.

Як не знаходзім адказаў таму, чаму прыводзіцца згадка пра 338-ы стралковы полк 172-й стралковай дывізіі. У дачыненні да назвы палка неабходна адразу ж заўважыць, што палкоўнік С.Ф. Куцепаў адказваў за арганізацыю абараны магілёўскага плацдарма на лініі Зацішша – Буйнічы і камандаваў паводле загада № 1 камандзіра 172-й стралковай дывізіі не 338-м, а 388-м стралковым палком. Нагадаем, што згодна загаду № 1 ад 7.07.41 г. абарону горада павінны былі забяспечыць тры палкі 172-й сд (388-ы, 747-ы і 514-ы) і 394-ы полк 110-й сд [6, с. 15–16], які абараняў рубеж у напрамку Шклова, на паўднёвы захад і захад ад Княжыцаў. Але менавіта 388-ы стралковы полк пры падтрымцы артылерыстаў 340-га лёгкага артылерыйскага палка і палкавога сапёрнага падраздзялення спынілі танкавы ўдар 3-й танкавай дывізіі вермахта на Магілёў з паўднёвага захаду [17, с. 14–19].

У гэтым сэнсе ўзнікае пытанне ў дачыненні да наступнага сцвярджэння, згаданага ў новай калектыўнай працы расійскіх гісторыкаў. На стар. 777 сустракаем: "Будучи раненым генерал Романов был укрыт местными жителями, впоследствии организовал партизанский отряд, но был выдан изменником и казнен фашистами". Што ў якасці доказаў стаіць за гэтым тэзісам, калі мець на ўвазе дакументальна пацверджаны факт, што з восені 1941 г. генерал Раманаў апынуўся сярод вязняў аднаго з спецыяльных лагераў "Афлаг XIII C" побач з баварскім горадам Хамельбург, у якім утрымліваліся савецкія палонныя афіцэры, у тым ліку: генерал Раманаў, маёр Гаўрылаў, капітан Зубачоў і іншыя. Лёс першага з іх трагічна абарваўся 3 снежня 1941 г. [20, с. 60; 21, с. 62]. Легендарны абаронца памёр ад ранення, атрыманага ў час выхаду з акружэння пад Магілёвам.

Заключны тэзіс, на які хацелася б звярнуць увагу чытача, знойдзем на стар. 785, дзе запісана: "Сильный контрудар по противнику с середине июля нанесла 21-я армия, освободив Жлобин и Рогачев. Этот успех стал одной из первых удачных локальных операций РККА, сковавшей на некоторое время главные силы 2-й немецкой армии в междуречье Днепр и Березина". Звернемся да дзённіка баявых дзеянняў гэтай арміі, з якога вынікае, што баявыя дзеянні 63-га стралковага корпуса пад камандаваннем генерала Пятроўскага не толькі адметнымі ў тактычным пла-

не, скаваўшы на некаторы час галоўныя сілы 2-й нямецкай арміі, але і вызначальнымі ў прыняцці важных стратэгічных рашэнняў на ўзроўні Вярхоўнага Галоўнакамандавання германскага вермахта ў канцы ліпеня 1941 г. Па нашым перакананні, 30 ліпеня А. Гітлер падпісаў дырэктыву № 34, паводле якой група армій "Цэнтр" спыняла сваё наступленне на Маскву і пераходзіла да абароны на гэтым участку Усходняга фронту [15, с. 204]. Гэта азначала, што план маланкавай вайны пачаў даваць свае збоі. І адной з важных прычын гэтага стала пагрозлівае становішча, створанае сіламі Чырвонай арміі супраць правага флангу групы армій "Цэнтр" на Гомельшчыне летам 1941 г. Тут важна адзначыць, што новае расійскае выданне ўтрымлівае даволі пераканаўчыя факты, якія сведчаць аб стратэгічнай важнасці контрудару 21-й арміі РСЧА.

Такім чынам, гісторыя баявых дзеянняў Чырвонай арміі на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г., адлюстраваных у новай расійскай фундаментальнай працы, ставіць у парадак дня патрабаванні па далейшым вывучэнні і пошуку праўдзівых адказаў на ўзнікшыя прынцыповыя пытанні. З улікам гэтага неабходна працягнуць навуковы аналіз гісторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны на аснове крыніцазнаўчай і гістарыяграфічнай кампаратывістыкі з мэтай рашэння наступных задач:

1) акцэнтаваць увагу даследчыкаў на навуковай верыфікацыі фактаў пры вывучэнні баявых дзеянняў Чырвонай арміі на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г.;

2) павышаць прафесійную культуру даследчыкаў як вызначальнага фактара паспяховага развіцця гістарычнай навукі;

3) праводзіць навуковую рэканструкцыю ваеннага мінулага ў кантэксце патрабаванняў сённяшняга дня з улікам перспектыў міжнароднай інтэграцыі навукі ў будучым.

1. Аб прысуджэнні спецыяльнай прэміі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь дзеячам культуры і мастацтва 2014 года // СБ. Беларусь сегодня. – 2015. – 3 января.

2. Алиев, Р. В. Штурм Брестской крепости / Р. В. Алиев. – М. : Яуза ; Эксмо, 2008. – 800 с.

3. Алиев, Р. В. Брестская крепость. Документы и воспоминания / Р.В. Алиев. – М. : Вече. – 2010. – 448 с.

4. Алиев, Р. В. Брест. Июнь. Крепость. В 2 кн. Кн. 1 / Р. Алиев, И. Рыжов. – Брест : Полиграфика, 2012. – 272 с.

5. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 / А. А. Коваленя (рук. автор. кол-ва), А. М. Литвин, В. И. Кузьменко [и др.]. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.

6. Бой 2-га батальёна 6-га танкавага палка пад Магілёвам // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 7. – С. 14–19.

7. Бресткая крепость // Великая Отечественная война 1941–1945 : энциклопедия / редколлегия: Ю.Я. Барабаш, П.А. Жилин (зам. гл. ред.), В.И. Канатов (отв. секретарь) [и др.]. – М. : Сов. энциклопедия, 1985. – С. 110–111.

8. Бресткая крепость. Война и мир / автор концепции и текста А. Суворов. – Брест : Полиграфика, 2010. – 256 с.

9. Брэсцкай крэпасці абарона 1941 // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: энцыклапедыя / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1990. – С. 95–97.

10. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 1. Основные события войны. – М.: Воениздат, 2011. – 848 с.

11. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. – М.: Кучково поле, 2012. – 1008 с.

12. Ганцэр К. Нямецкія і савецкія страты як паказчык працягласці і інтэнсіўнасці баёў за Брэсцкую крэпасць / К. Ганцэр. – ARCHE. – 2014. – № 5. – С. 135–153.

13. Героическая оборона. – 2-е изд, доп. – Минск: Изд-во Госиздат БССР, 1963. – 598 с.

14. Данясенне аб ходзе баявых дзеянняў пры ўзяцці Брэст-Літоўска // Беларуская думка. – 2010. – № 5. – С. 93–97.

15. Дырэктыва А.Гітлера № 34 аб далейшым вядзенні вайны на ўсходзе ад 30.7.1941 г. // Новікаў С.Я. Беларусь улетку 1941 года… – С. 204.

16. Новікаў, С. Я. Абарона Брэсцкай крэпасці летам 1941 года ў ацэнцы гістарыяграфіі і ў святле дакументаў / С. Я. Новікаў // Беларуская думка. – 2010. – № 5. – С. 88–92.

17. Новікаў, С. Я. Абарона Магілёва 1941 года: новыя звесткі / С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 7. – С. 15–16.

18. Новікаў, С. Я. Лепельская аперацыя летам 1941 года: спроба навуковай інтэрпрэтацыі / С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 11. – С. 14–24.

19. Новікаў, С. Я. Абарона Брэсцкай крэпасці: гістарыяграфічныя міфы і гістарычная рэальнасць / С. Я. Новікаў // Историческое наследие 1941 года в исследованиях и экспозициях музеев. Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию обороны Брестской крепости (Брест, 9–11 июня 2011 г.). – Брест: Альтернатива, 2013. – С. 22–29.

20. Новікаў, С. Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С. Я. Новікаў. – Мінск : МДЛУ, 2014. – 300 с.

21. Новікаў, С. Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С. Я. Новікаў. 2-е выданне, выпраўленае і дапоўненае. – Смаленск :Універсум, 2015. – 436 с.

Краско Г.Г.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПО БОРЬБЕ С АНТИСОВЕТСКИМ ВООРУЖЕННЫМ ПОДПОЛЬЕМ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД В РАБОТАХ БЕЛОРУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Различные аспекты обеспечения государственной безопасности в Советском Союзе нашли широкоеотражение в научных трудах и публикациях. Однако проблемы деятельности органов НКГБ–МГБ на территории БССРв первое послевоенное десятилетие остаютсянедостаточно освещенными в отечественной исторической науке. Во многом это объясняется тем, что профессиональные аспекты работы спецслужб были и остаются темой, закрытой для широких научных публикаций: многие вопросы деятельности органов государственной безопасности составляли и продолжают составлять служебную и государственную тайну.

Вместе с тем, белорусскимиисследователями в рамках изучения, например,структур антисоветского вооруженного подполья рассматривались отдельные аспекты деятельности советской спецслужбы на территории республики.

Уже в 1949–1951 гг. первые научные оценки деятельности органов государственной безопасности по борьбе с антисоветским подпольем были даны в двухтомной работе «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков», подготовленной под авторством министра государственной безопасности БССР Л.Ф. Цанава [23]. Однако в наши дни из-за идеологической ангажированности, идеализации деятельности силовых структур данный труд заслуживает внимания исключительно как работа, которая на протяжении нескольких десятилетий выступала в качестве официальной точки зрения на роль и место антисоветского вооруженного подполья в белорусской истории и борьбу с ним на территории республики.

К числу представляющих интерес трудов советских историков следует отнести несколько работ, подготовленных в 60–70 гг. XX ст. Среди них исследование В.Ф. Романовского «Саўдзельнікі ў злачынствах». Автор этого издания на основе анализа архивных материалов одним из первых исследователей обратил внимание на связь отдельных участников антисоветского вооруженного подполья, коллаборационистских организаций с иностранными спецслужбами как на стадии организации, так и после освобождения территории БССР от немецко-фашистских захватчиков [19].

С учетом того, что значительное место в структуре антисоветского вооруженного подполья на территории Белорусской ССР занимал его польский сегмент важно понимание причинно-следственных связей между появлением в советско-польском приграничье очагов вооруженной борьбы и неразрешенностью советско-польских проблем. В этой связи представляют интерес работы И.Д. Кундюбы «Советско-польские отношения (1939–1945 гг.)» [13] и В.С. Парсадановой «Советско-польские отношения. 1945–1949 гг.» [17], вышедшие в 1963 и 1975 гг. и посвященные истории советско-польских отношений послевоенного периода.

Демократизация общественно-политической жизни во второй половине 1980-х гг. и последующие кардинальные изменения на постсоветском пространстве в социально-политической сфере в значительной степени способствовали росту интереса к истории Беларуси новейшего периода. Эпизодические упоминания о деятельности органов государственной безопасности по борьбе с антисоветскими вооруженными структурами содержатся в отдельных подготовленных в 1990-х гг. работах белорусских авторов. Так, только в 1994 г. в свет вышли посвященные послевоенным репрессиям и деятельности антисоветского вооруженного подполья работы В.И. Адамушко [1], В.И. Ермоловича [7], Е.И. Семашко [22].

К сожалению, в те годы авторы нередкопытались в общественном сознании переложить всю ответственность за репрессии 30–50-х годов XX ст. на сотрудников органов государственной безопасности. Очевидно, что недостаток документальных материалов, следование неким политическим и идеологическим установкам, а также отсутствие должной исторической и тем более специальной подготовки, позволяющей адекватно оценивать содержание деятельности органов государственной безопасности, не всегда позволяли исследователям полно и объективно рассматривать интересующие их проблемы отечественной истории.

Рубеж прошлого и нынешнего веков можно рассматривать как качественно новый этап в белорусской историографии органов государственной безопасности. Он характеризуется не толь-

ко ростом количества опубликованных материалов, но и проведением значительной части исследований на научной основе.

Значительный интерес представляют кандидатская диссертация и публикации по истории антисоветского вооруженного подполья И.А. Валахановича [2–6]. Ценность работ этого автора заключается в научном подходе при анализе проблемы, а также в том, что эмпирической базой для его исследований послужили, главным образом, ранее не изученные материалы Центрального архива КГБ Республики Беларусь и архивов отдельных управлений КГБ по областям. Исследователь не только проводит анализ организации и деятельности собственно антисоветского подполья, но и рассматривает некоторые формы и методы борьбы органов государственной безопасности с подпольными структурам в послевоенное десятилетие. Особое место отводится деятельности спецслужб иностранных государств, направленной на поддержку действий антисоветских подпольных структур на территории Белорусской ССР.

Среди работ белорусских ученых следует выделить монографию С.А. Ситкевича «Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954 гг.)» [21]. В этом исследовании автор предпринял попытку определения форм и методов деятельности органов госбезопасности по противодействию антисоветскому вооруженному подполью в советско-польском приграничье, в том числе и на основании отдельных материалов архива управления КГБ Республики Беларусь по Гродненской области. Также внимание заслуживает диссертационное исследование Н.А. Рыбак «Деятельность Армии Крайовой и постаковских формирований в Западной Беларуси в 1944–1954 гг.» [20].

Кроме того, в последние годы при поддержке органов государственной безопасности Республики Беларусь подготовлены и опубликованы работы, посвященные истории отечественной спецслужбы, в т.ч. и послевоенного периода. Так, в 2004 г. авторским коллективом УКГБ Республики Беларусь по Витебской области подготовлена работа «На службе Родине: страницы истории» [14]. В 2005 г. при содействии УКГБ Республики Беларусь по Могилевской области вышла книга В. Каминского «Без права на славу» [8]. В 2006 г. опубликовано научно-популярное издание «Щит и меч Отечества», в котором впервые в отечественной историографии собраны сведения о становлении, развитии и совершенствовании специальных служб, функционировавших на территории Беларуси со времен Полоцкого княжества до нашего времени [24]. В 2008–2010 гг. в свет вышли научно-популярное издание В.Н. Надтачаева «Военная контрразведка Беларуси: судьбы, трагедии, победы…» [15], биографический справочник «Память в сердце стучит» [16], а также книга воспоминаний белорусских чекистов, участников Великой Отечественной войны, борьбы с антисоветским вооруженным подпольем, подготовленная Белорусской общественной организацией ветеранов КГБ «Честь» [18].

В 2007–2014 гг. ряд научных работ, посвященных борьбе органов государственной безопасности с антисоветским вооруженным подпольем на территории БССР, подготовлен и опубликован автором [9–12].

В целом, проведенный анализ белорусской историографии показал, что, несмотря на наличие работ, прямо или косвенно относящихся к проблемедеятельности органов государственной безопасности по борьбе с антисоветским вооруженным подпольем на территории БССР в послевоенный период, в настоящее время продолжает ощущаться недостаток комплексных информационно полных и аналитически развернутых работ по данной проблеме.

1. Адамушка, У. І. Палітычныя рэпрэсіі 20–50-ых гадоў на Беларусі / У. І. Адамушка. – Мінск : Беларусь, 1994. – 158 с.

2. Валаханович, И. А. Антисоветское подполье в Беларуси (1944–1946) / И. А. Валаханович // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця : матэрыялы II Усебеларус. канф. гісторыкаў, Мінск, 10–11 крас. 1997 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: М. П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1999. – С. 194–196.

3. Валаханович, И. А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. / И. А. Валаханович. – Минск : Белорус.гос. ун-т, 2002. – 146 с.

4. Валаханович, И. А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг.: организационная структура, программно-уставные положения и основные этапы деятельности :дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / И. А. Валаханович. – Минск, 1999. – 108 л.

5. Валаханович, И. А. Организационная структура литовского антисоветского подполья на территории Беларуси в 1944–1953 годах / И. А. Валаханович // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Эканоміка. Права. – 1999. – № 2. – С. 20–26.

6. Валахановіч, І. А. Барацьба вакол ідэі «беларускай незалежнай дзяржавы» (другая палова 40-х – пачатак 50-х гг.) / І. А. Валахановіч // Бел. гіст. час. – 1999. – № 1. – С. 58–62.

7. Ермолович, В. И. Огнем и мечом: хроника польского националистического подполья в Белоруссии, 1939–1953 гг. / В. И. Ермолович ; Белорус. науч.-исслед. центр документоведения, археографии и арх. дела. – Минск : БелНИЦДААД, 1994. – 109 с.

8. Каминский, В. Без права на славу / В. Каминский. – Могилев : Могилев. обл. тип., 2005. – 304 с.

9. Краско, Г. Г. Деятельность органов госбезопасности по борьбе с вооруженным антисоветским подпольем в первое послевоенное десятилетие / Г. Г. Краско // Актуальные проблемы государства и права в славянском мире : материалы междунар. науч. конф., Витебск, 26–27 апр. 2007 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.А. Бочков (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2007. – С. 151–152.

10. Краско, Г. Г. К вопросу о деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Витебщины и борьбы с ними органов НКГБ–МГБ / Г.Г. Краско // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья : материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 19–20 апр. 2007 г. : в 2 ч. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2007. – Ч. 1. – С. 142–143.

11. Краско, Г. Г. О некоторых аспектах деятельности органов государственной безопасности на территории Витебщины / Г. Г. Краско // 90 год Віцебскаму абласному краязнаўчаму музею : матэрыялы навук. канф., Віцебск, 30–31 кастр. 2008 г. / Віцеб. абл. краязн. музей ; рэдкал.: Г.У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск: Медисонт, 2009. – С. 150–154.

12. Краско, Г. Г. О некоторых аспектах деятельности спецслужб в первые послевоенные годы / Г. Г. Краско// Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (вторая половина XX – начало XXI в.) : материалы междунар. науч. конф., Витебск, 25–26 апр. 2013 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.П. Косов (отв. ред.) [и др.]. –Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2013. – С. 59–62.

13. Кундюба, И. Д. Советско-польские отношения (1939–1945 гг.) / И. Д. Кундюба. – Киев : Изд-во Киев.ун-та, 1963. – 207 с.

14. На службе Родине: страницы истории / В.И. Дементей [и др.] ; под общ.ред. В.И. Дементея. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2004. – 352 с.

15. Надтачаев, В. Н. Военная контрразведка Беларуси: судьбы, трагедии, победы… / В. Н. Надтачаев. – Минск : Кавалер, 2008. – 416 с.

16. Память в сердце стучит… : биогр. справ. / сост. А. Г. Зельский ; редкол.: Н. З. Смоленский [и др.]. – Минск : Лит.и искусство, 2009. – 200 с.

17. Парсаданова, В. С. Советско-польские отношения, 1945–1949 гг. / В. С. Парсаданова ; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Наука, 1975. – 458 с.

18. Победители. Книга вторая: Воспоминания белорусских чекистов, принимавших участие в партизанском движении и ликвидации антисоветского вооруженного подполья в 1944–1953 гг. / авт.-сост. А. П. Васильев ; редкол.: А. П. Васильев [и др.]. – Минск : КГБ Республики Беларусь, 2014. – 236 с.

19. Раманоўскі, В. Саўдзельнікі ў злачынствах / В. Раманоўскі. – Мінск : Беларусь, 1964. – 287 с.

20. Рыбак, Н. А. Деятельность Армии Крайовой и постаковских формирований в Западной Беларуси в 1944–1954 гг. :дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. А. Рыбак. – Гродно, 2001. – 117 л.

21. Ситкевич, С. А. Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954 гг.) / С.А. Ситкевич. – Гродно : Гродн. гос. аграр. ун-т, 2004. – 344 с.

22. Сямашка, Я. І. Армія Краева на Беларусі / Я. І. Сямашка. – Мінск : Хата, 1994. – 269 с.

23. Цанава, Л. Ф. Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков : в 2 ч. / Л. Ф. Цанава. – Минск : Гос. изд-во БССР, Ред. полит. лит., 1949–1951. – Ч. 2 : Мощный рост партизанского движения. – 1951. – 1035 с.

24. Щит и меч Отечества / КГБ Респ. Беларусь, М-во информ. Респ. Беларусь ; под общ. ред. С. Н. Сухоренко. – Минск : Междунар. центр интеграц. информ. : Обществ.пресс-центр Дома прессы, 2006. – 340 с.

Макаров Л.Д.

ИСТОРИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ РУССКОГО ЗАСЕЛЕНИЯ ВЯТКИ В XII–XV вв.*

Решение проблем русского освоения восточных районов страны во многом зависит от состояния источников. Наиболее информативными из них являются письменные известия. К сожалению, этой группой источников Вятка не богата, поэтому необходимо восполнять нехватку сведений данными археологии и вспомогательных дисциплин. Именно благодаря археологии удалось решить многие недоступные прежде проблемы заселения русскими Вятского края.

Выделяется два этапа в изучении рассматриваемой темы. Первый охватывает вторую половину XVIII – первую половину XX в., когда освещение вопроса всецело складывалось на данных письменных источников. Второй этап (вторая половина XX – начало XXI в.) начался в середине 1950-х гг. с началом масштабных раскопок, что позволило включить в научный оборот новый полноценный источник – археологический. Одновременно появляются данные других дисциплин, а также обнаруживаются новые письменные источники. В итоге стала реальной возможность комплексного подхода к решению отдельных вопросов колонизации региона.

На первом этапе изучение проблем русского заселения бассейна Вятки свелось к анализу противоречивых известий письменных источников. В XVII–XVIII вв. было популярно утверждение польского хрониста М. Стрыйковского (1582) об основании г. Хлынова вятичским князем Вятко, которое проникло в русскую историческую литературу («Синопсис», А.И. Манкиев, М.М. Щербатов) и упоминалось наряду с другими версиями (П.И. Рычков, Екатерина II), но вызывало и недоверие (И.Н. Болтин). Зарождение местной исторической литературы вызвало появление в начале XVIII в. «Повести о стране Вятской» (ПСВ), сообщавшей о начале заселения беглыми новгородцами в 1181 г. среднего течения Вятки. Этот памятник надолго определил приоритет новгородской версии освоения региона и возникновения Вятской земли. Однако

*Работа выполнена при финансовой поддержке со стороны Минобрнауки РФ на выполнение базовой части государственного задания (НИР №2174) в сфере научной деятельности в 2014-2016 гг.

ряд историков заметил явные противоречия в тексте ПСВ (А.И. Вештомов, Н.М. Карамзин, А. Тянгинский), а некоторые прямо выразили сомнение в его достоверности (И.Н. Болтин, Е.Е. Голубинский, Н.Н. Романов).

ПСВ показалась исследователям неубедительной, т.к. Вятка в русских летописях появляется впервые лишь в рассказе о набеге новгородских ушкуйников в 1374 г. Фигурирующая в ПСВ дата выхода новгородцев в Прикамье – 1174 г. – вызвала предположение о 200-летнем удревнении событий. Основательной критике подвергли данный источник А.А. Спицын [17] и А.С. Верещагин [2]. После выхода работ этих авторов доверие историков к сведениям ПСВ явно пошатнулось (Л.Н. Спасская, П.И. Наумов, М.М. Богословский, С.Ф. Платонов, Г.Ф. Чиркин, М.П. Грязнов, М.К. Любавский, А.А. Столбов, А.В. Эммаусский и др.). Однако не все историки восприняли критику ПСВ безоговорочно. Так, И.Н. Смирнов, П.Н. Луппов, А.И. Соболевский, А.Ф. Трефилов датировали начало колонизации края русскими не позднее XIII в. Лишь в последних работах П.Н. Луппов пришел к выводу о недостоверности сведений ПСВ и связал начало русского заселения с ушкуйниками 1374 г. [6, с. 29–49].

Первый этап исследования показал, что попытки решить спорные проблемы посредством анализа лишь письменных и, отчасти, лингвистических источников, зашли в тупик. Выход из него историки (П.Н. Луппов, А.И. Копанев) видели в расширении круга источников, в т.ч. археологических.

Второй этап изучения темы ознаменовался началом первых раскопок широкими площадями. В 1956–1960 гг. Л.П. Гуссаковский провел исследования на Никульчинском и Орловском (Халтуринском) городищах, Никульчинском I могильнике, в г.Кирове на Хлыновском и Вятском городищах, принесших богатейший пласт материальной культуры XII–XVI вв., оставленной русскими поселенцами и аборигенами края. Новые материалы позволили археологу соотнести находки со сведениями летописей и ПСВ, значительно обогатив историографию русской колонизации региона и вернув доверие к ранним датировкам [3; 4]. В 1961–1965 гг. небольшие исследования провела И.И. Стефанова, подтвердившая выводы коллеги [15, с. 45]. Результаты этих работ оспорил А.В. Эммаусский [15, с. 45–47; 20, с. 14–15] и С.Д. Захаров [5]. Возобновление крупных раскопок осуществила Камско-Вятская экспедиция Удмуртского университета (КВАЭ), созданная в 1973 г. Р.Д. Голдиной. В 1979–1990 гг. автором были проведены раскопки основных памятников региона: городищ Никульчинское, Ковровское, Шабалинское, Котельничское, Хлыновское, Слободское, Подчуршинское; селищ Никульчинское II, Шабалинское, Искра, Худяковское, Родионовское, Покста II; могильников Шабалинский, Хлыновский I, Покста. Некоторые объекты изучали коллеги по КВАЭ: Н.А. Лещинская (Кривоборское городище, 1987 г.; Еманаевский и Покста могильники, 1985 и 1986 гг.), В.В. Ванчиков (поселение Мысы IV, 1991 г.), С.Е. Перевощиков (Хлыновское городище, 2013 г.). Заметны и работы археологов Кирова: Л.А. Сенниковой (Худяковское поселение, 1981–1983 гг.; могильник Гоньба, 1991 г.; Усть-Чепецкий могильник, 1993 г.; Слободские городище и II могильник, 1993 г. (совместно с Т.А. Медведевой); Хлыновский I могильник, 1991 г.), В.В. Ванчикова (посад Хлынова, 1986, 1989 гг.; Хлыновский I могильник, 1989 г.; Шестаковское городище, 1997 г.), Е.А. Кошелевой (посад Хлынова, 1992–2008 гг.), И.Ю. Трушковой (Лальское городище, 2005 г.), А.Л. Кряжевских (посад Хлынова, 2009 г.; Ковровское городище, 2014 г.). Пермский археолог Н.Е. Соколова при участии И.Ю. Трушковой исследовала Орловские городище и посад (1999 г.). Все эти изыскания значительно расширили источниковую базу и в целом подтвердили выводы Л.П. Гуссаковского и наши заключения [8; 10].

Наряду с традиционными археологическими методами внедряются естественнонаучные методы, причем известны опыты их применения довоенного времени. Так, в 1937 г. М.П. Грязнов провел антропологическое исследование останков покойных с 5 вятских кладбищ XVI–XVIII вв., а Д.Г. Рохлин осуществил их палеопатологический анализ [16, с. 211–215]. Антропологические определения проводили позднее Р.М. Фаттахов (Никульчинский II могильник XVI–XVIII вв., 1979, 1981 гг.), И.О. Рясик, А.Р. Узлов, К.А. Никольский, А.А. Баженова, Е.В. Медова, Е.В. Сукова (Усть-Чепецкий могильник XIII–XV вв., 1996 г.), И.Г. Широбоков (некрополи древнерусские XIII–XV вв. (Еманаевский, Покста) и русские нового времени XVI–XIX вв. (Котельничский, Зуево-Ключевской III, Подчуршинский, Ильинский, Благодатский, Воткинский, Михайловский) [19]. Не остались в стороне палеозоология (А.Г. Петренко, О.Г. Богаткина, В.Ю. Захаров), палеоботаника (А.В. и Н.А. Кирьяновы, В.В. Туганаев и Т.П. Ефимова), металлография (С.Е. Перевощиков).

Дополнительные знания дает нам лингвистика (В.Ф. Барашков, В.И. Троицкий, Л.Н. Макарова, Э.Д. Головина, В.Г. Долгушев), ономастика (Д.М. Захаров, А.Л. Мусихин), фольклористика (Д.К. Зеленин, В.А. Коршунков, С.В. Стародубцева, А.Л. Мусихин и др.), этнография (Д.К. Зеленин, И.Ю. Трушкова, В.А. Любимов и др.) [9, с. 114–116, 120–121].

С середины 1980-х – нач. 1990-х гг. начался новый этап в исследовании письменных памятников. Впрочем, ему предшествовал период поиска и исследования новых источников А.В. Эммаусским, которому, в частности, удалось выявить младший список «Сказания о вятчанех» 30–80-х гг. XVIII в. [21]. Незадолго до своей кончины в 1987 г. ученый завершил монографию «История Вятского края в XII – середине XIX века», опубликованную в сокращении (1995) и в полном объеме (1996). В ней он, на основании археологических данных, признает раннее начало новгородской и владимиро-суздальской колонизации (XI – начало XIII в.) и пишет об ограблении ушкуйниками в 1374 г. города Вятка, т.е. отказывается от прежней точки зрения [22, с. 27–30]. К изучению вятского рукописного наследия обращался екатеринбургский историк А.Г. Мосин [11]. Автору также приходилось прибегать к анализу памятников письменности [7]. Значительный вклад в исследование вятских сочинений вносят В.В. Низов [13; 14], А.Л. Мусихин [12], А. Балыбердин [1], Д.К. Уо. Последнему в 1991 г. удалось повторно открыть «Анатолиевский сборник», оказавшийся в 1974 г. в Ташкенте [18]. Выяснилось, что сборник был составлен в первой четверти XVIII в. в Вятке дьяконом Богоявленского собора Семеном Федоровичем Поповым. В составе сборника выявлен старший список «Сказания о вятчанех» конца XVII в. – один из основных источников ПСВ. Таким образом, новые письменные источники в основном подтверждают ранние археологические датировки русской колонизации Вятского края.

1. Балыбердин, А. О филигранях вятских рукописей / А. Балыбердин // Вятская земля в прошлом и настоящем : сб. матер. науч.-практ. конф., посвящ. Году российской истории. – Киров : ВятГГУ, 2012. – С. 14–19.

2. Верещагин, А. С. Из истории древнерусской Вятки / А. С. Верещагин // ПККВГ на 1905 год. – Вятка, 1904. – Отд. 2. – С. 179–233.

3. Гуссаковский, Л. П. Археологические исследования в с. Никульчино Кировской области / Л. П. Гуссаковский // ВАУ. – Сверловск : УрГУ, 1962. – Вып. 2. – С. 118–121.

4. Гуссаковский, Л. П. Из истории русской Вятки / Л. П. Гуссаковский // Европейский Север в культурно-историческом пространстве. – Киров, 1999. – С. 32–41.

5. Захаров, С. Д. Раскопы Л.П. Гуссаковского в Хлыновском кремле / С. Д. Захаров // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию г. Кирова) : мат-лы. Междун. Конф. – Киров, 1999. – С. 41–48.

6. Луппов, П. Н. История города Вятки / П. Н. Луппов. – Киров : Кировское книжное издательство, 1958. – С. 27–231.

7. Макаров, Л. Д. Литературные и летописные произведения Вятской земли XVI-XVIII вв. как исторический источник / Л. Д. Макаров // История, историография, источниковедение Удмуртии. – Ижевск : УИИЯЛ УрО АН СССР, 1992. – С. 60–77.

8. Макаров, Л. Д. Русские археологические памятники в материалах Камско-Вятской экспедиции Удмуртского университета: хроника исследования / Л. Д. Макаров // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. – Ижевск : УдГУ, 2002. – С. 188–228.

9. Макаров, Л. Д. Русские вятчане: исторические истоки формирования региональной группы населения / Л. Д. Макаров // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии : сб. науч. ст. – Омск: Изд-во «Омский институт (филиал) РГТЭУ», 2011. – С. 114–126.

10. Макаров, Л. Д. Из истории изучения русской археологической культуры Вятского края / Л. Д. Макаров // История культуры в университетском образовании: педагогический опыт и современные образовательные практики. – Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – С. 149–153.

11. Мосин, А. Г. Духовная культура русского населения Вятского края эпохи феодализма в дореволюционной и советской историографии / А. Г. Мосин // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. – Свердловск, 1988. – С. 55–61.

12. Мусихин, А. Л. Происхождение точных дат славянской колонизации Вятки в «Повести о стране Вятской» / А. Л. Мусихин // Герценка: Вятские записки. – Киров : КОУНБ, 2004. – Вып. 6. – С. 52–71.

13. Низов, В. В. О вятском летописании XV в. / В. В. Низов // Чтения памяти В.Б. Кобрина «Проблемы отечественной истории и культуры эпохи феодализма» : тез. докл. и сообщ. – М. : РГГУ, 1992. – С. 137–140.

14. Низов, В. В. Книги и читатели средневековой Вятки / В. В. Низов // ЭЗВ. – Т. 9. Культура. Искусство. – Киров : Областная писательская организация, 1999. – С. 189–206.

15. Очерки истории Кировской области. – Киров: Кировское отделение Волго-Вятского книжного издательства, 1972. – 456 с.

16. Рохлин, Д. Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох – нормальные и патологически изменённые) / Д. Г. Рохлин. – М. ; Л. : Изд-во «Наука», 1965. – 304 с.

17. Спицын, А.А. Свод летописных известий о Вятском крае / А. А. Спицын // КВГ на 1884 год. – Вятка, 1883. – С. 145–186.

18. Уо, Д. К. История одной книги: Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени / Д. К. Уо. – СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. – 305 с.

19. Широбоков, И. Г. О перспективах изучения антропологических коллекций Музея древней и средневековой история Камско-Вятского междуречья Удмуртского университета / И. Г. Широбоков // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV-е Бадеровские чтения). – Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – С. 208–211.

20. Эммаусский, А. В. К вопросу о времени основания города Вятки (Кирова) : учебное пособие / А. В. Эммаусский. – Киров : КГПИ, 1971. – 44 с.

21. Эммаусский, А. В. «О вятчанех как они поселись на Вятке» / А. В. Эммаусский // Спутник агитатора. – Киров, 1983. – № 20. – С. 22–27.

22. Эммаусский, А. В. История Вятского края в XII – середине XIX века / А. В. Эммаусский. – Киров: Кировская областная типография, 1996. – 272 с.

Сукина Л.Б.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ЖИТИЙ РУССКИХ СВЯТЫХ: ОТ ИССЛЕДОВАНИЯ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО ДО СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ШТУДИЙ

В одной из своих сравнительно недавних работ А.Л. Юрганов назвал агиографию «эпицентром средневековой культуры» на том основании, что только в ней в полной мере воплощались наиболее значимые правила духовной деятельности и образцы поведения человека той эпохи [16, с. 386]. Думается, с этим мнением согласятся многие исследователи житий русских святых. Памятники агиографии в последнее время стали одним из наиболее часто используемых в исследованиях русской средневековой культуры видов источников. Поэтому ретроспективный, с выходом в современность анализ методов и приемов источниковедения древнерусских житий представляется нам актуальной задачей, тем более что данная проблема ранее удостаивалась лишь эпизодического внимания исследователей [1].

Начало источниковедческому изучению памятников русской агиографии было положено В.О. Ключевским [9]. Жития русских святых он рассматривал, в первую очередь, как источники по истории монастырского землевладения и хозяйственного освоения земель Северо-Восточной Руси, а не как памятники, фиксирующие особенности восприятия русским общественным и индивидуальным сознанием того времени феномена святости. Такая постановка проблемы привела Ключевского к неутешительному для него выводу о неинформативности этого вида источников и их весьма малой полезности для аграрной истории. В то же время, исследование классика русской историографии создало почву для размышлений историков одного с ним и последующих поколений и в этом смысле и по сей день не утратило своей актуальности не только как собрание фактов и сведений, извлеченных им из исторических документов и памятников древнерусской литературы, но и в качестве яркого образца использования определенного методологического подхода к источниковедению житий, основанного на позитивистском рационализме. Этот подход несколько позже был применен И.А. Яхонтовым к исследованию северорусских житий [17].

Однако следует обратить внимание и на то, что в работе В.О. Ключевского было сделано важное для исследователей агиографии наблюдение, касающееся принципа работы агиографа над текстом жития. Агиограф, согласно выводу Ключевского, находился между двумя средами: «контролирующей» и «читающей». И это промежуточное положение делало его своего рода проповедником: «…он настраивает свой тон на высокую дидактическую ноту и призывает своих “послушателей” к духовной трапезе, чтобы предложить им “негибнущую” пищу поучений духовных» [9, с. 252]. Этим выводом историк открыл возможность иного понимания источника, для которого в момент публикации его исследования время еще не пришло.

Особое место в источниковедении житий принадлежит Г.П. Федотову. В выборе собственного метода он опирался на распространенные в европейской гуманитарной науке 1920–1930-х гг. представления о генетической связи культуры и религии.

Одной из основных заслуг Г.П. Федотова в исследовании древнерусской культуры следует считать изменение отношения к историческому источнику в трудах по истории русской церкви. Свои источниковедческие принципы он изложил в очерке «Православие и историческая критика», обобщавшем его собственный исследовательский опыт [13]. Федотов отстаивал мнение, что научная критика источника не наносит никакого ущерба церковной традиции, но она не должна быть гипертрофированной, доходящей до нигилизма по отношению к религиозным текстам, как это нередко происходило в работах Е.Е. Голубинского [см., напр.: 5], оспаривавшего достоверность информации многих древнерусских источников, в частности житий святых: «Все, что протекает в пространстве и времени, что доступно или было доступно чувственному опыту, может быть предметом не только веры, но и знания» [13, с. 5]. Очень современно звучит высказывание Г.П. Федотова о том, что причиной излишнего исторического скептицизма при исследовании источников часто становится «…увлечение собственными, новыми сплошь и рядом, фантастическими конструкциями. В данном случае вместо критицизма уместно говорить о своеобразном догматизме, где догматизируются не традиции, а современные гипотезы» [13, с. 6].

Свой метод источниковедения Г.П. Федотов последовательно воплощал в собственных работах, посвященных истории русской святости и народной веры. Предметом изучения в самом

известном его труде «Святые Древней Руси» был «архетип» духовной жизни, сложившийся в допетровские времена [14]. Руководствуясь стремлением выявить истоки «Святой Руси»,

Г.П. Федотов вновь обратился к древнерусским житиям, имевшим после исследования В.О. Ключевского репутацию источника с «небогатым историческим содержанием». Причину разочарования своего предшественника Г.П. Федотов справедливо усматривал в его личной исследовательской установке. Он подчеркивал, что и после В.О. Ключевского изучение агиографических источников оставалось «внешним, литературно-историческим, без достаточного внимания к проблемам святости как категории духовной жизни» [14, с. 32]. Анализ трудностей современных ему исследований агиографии открыл перед Г.П. Федотовым одну из основных, как ему казалось, проблем изучения русской культуры: «Безмолвная “Святая Русь”, в своей оторванности от источников словесной культуры древности, не сумела поведать нам о самом главном – о своем религиозном опыте» [14, с. 33].

В советской историографии жития святых рассматривались преимущественно как источники по истории монастырского землевладения (С.Б. Веселовский, И.У. Будовниц и др. [4, 3]) или политической истории (А.С. Хорошев [15]). Исследовательские подходы к источниковедению житий мало отличались от использованных еще В.О. Ключевским. Поэтому здесь мы ограничимся констатацией того, что большинство из указанных исследователей в качестве одного из основных недостатков житий как исторических источников также отмечали слабую насыщенность их текстов экономическими и бытовыми подробностями.

Собственные методы источниковедения житий были сформированы историками древнерусской литературы, начиная с работы Арс. Кадлубовского 1902 г. [8] и заканчивая современными исследованиями [см., напр.: 6, 10]. Главное внимание здесь уделялось и уделяется выявлению «личностного» начала в тексте, проявлению «авторских» особенностей поэтики и стиля памятников русской агиографии, литературной топике.

Среди житий русских святых отдельный интерес вызывали жития юродивых, позволяющие реконструировать этот необычный тип святости и осмыслить его социальную и культурную роль. Отметим, что в различных работах (как в опубликованных еще в позапрошлом веке, так и в новейших) агиографические тексты используются, как правило, для иллюстрации собственных представлений исследователей о социокультурных функциях и поведенческих моделях юродства. В частности, такой метод эксплуатируется в трудах известного современного исследователя юродства С.А. Иванова [7].

Это обстоятельство волновало еще И.У. Будовница, который позиционировал свой методологический подход как строго источниковедческий [2]. Но адекватного метода источниковедческого анализа житий юродивых он также не нашел. Явно ориентируясь на мнение В.О. Ключевского, он отмечал: «Известно, что “жития святых” – источник крайне тенденциозный и малодостоверный, но особенно недостоверны жития юродивых» [2, с. 190]. С точки зрения И.У. Будовница, жития многих юродивых представляют собой не жития в полном смысле этого слова (то есть связные, последовательно изложенные биографии), а «конгломерат» эпизодов легендарного характера, часть которых заимствована из других агиографических сочинений. У него создалось впечатление, что жития юродивых, в большинстве своем, написаны наспех, так как их авторы стремились как можно быстрее внедрить свои тексты в религиозную практику. Эти жития характеризует трафаретность, малосодержательность и литературная неуклюжесть текстов. Их части плохо согласованы. И.У. Будовниц считал это следствием канонизации большинства юродивых значительное время спустя после их смерти, ибо в противном случае современники не поверили бы в святость человека, которого они знали как слабоумного. За давностью лет память о реальных событиях жизни блаженного утрачивалась, поэтому агиографам приходилось конструировать житие из того разнородного и случайного материала, который оказывался в их распоряжении [2, с. 190–191].

Наблюдения И.У. Будовница, сделанные в процессе изучения житий юродивых XVI–XVII вв., в целом соответствуют действительности, если считать критерием «достоверности» агиографического текста точность описания событий, имевших место в реальности. Но такая задача никогда не стояла перед агиографами. Убедительность их сочинений состояла в другом – обосновании почитания и прославлении святого.

В последнем десятилетии XX – начале XXI в. жития стали привлекать к исследованиям историко-культурного феномена «русской святости», монастырской культуры и повседневной жизни русских монастырей [см., напр.: 11, 12]. Но и в этом случае исследователей интересова-

ли, в первую очередь, «бытовые» моменты и подробности, характерные для реконструируемой ими «исторической действительности прошлого». Исследования агиографии приобрели характер полидисциплинарности и междисциплинарности, охватывая все больший круг проблем.

Вычленяя в этой исследовательской области источниковедческую проблематику, А.Л. Юрганов выявил три основных направления интерпретации содержания письменных источников, в том числе житий, и трактовки их смыслов: теорию литературного этикета, обоснованную в трудах Д.С. Лихачева; центонно-парафразный метод анализа древнерусских нарративов И.Н. Данилевского; «буквальное» понимание средневековых текстов, ярче всего представленное научным творчеством Б.М. Клосса. По-мнению А.Л. Юрганова, первое из них упускает из виду наличие исходной авторской мысли составителя текста, второе открывает возможность исследовательской манипуляции смыслами, характерной для постструктурализма, третье приводит к тому, что литературные топосы представляются исследователю результатом индивидуального творчества или плодами жизненного опыта и наблюдений древнерусского книжника. Все это приводит к плюрализму толкований смыслов источников и затрудняет процедуру верификации научных результатов исследований. А.Л. Юрганов считает это явным признаком кризиса интерпретационного подхода в герменевтике источника [16, с. 51–75].

Сам А.Л. Юрганов на опыте исследования «Повести о бесноватой Соломонии» из Жития Прокопия Устюжского стремится продемонстрировать преимущества продвигаемого им метода «историко-феноменологической» реконструкции смысла текста, разворачивающейся от части к целому [16, с. 353–366]. Однако лежащая в основе метода «беспредпосылочная герменевтика» источника также оставляет сомнения в истинности и верифицируемости результатов, а примененная исследователем «феноменологическая редукция» отбрасывает в сторону размышления о топосной природе многих сюжетных элементов «Повести» и Жития в целом.

При всей соблазнительности метода «исторической феноменологии» нам он представляется лишь промежуточным в рамках более сложной и длительной процедуры источниковедческого исследования жития. Сложная и неоднозначная природа человеческого сознания не может быть сведена исключительно к религиозной вере, пусть и имеющей исторически обусловленную форму, соответствующую эпохе. У составителя и читателей жития могли существовать и какие-то иные комплексы представлений о мироустройстве и бытии человека в целом, и о нравственности и благочестии в частности. Поэтому при реконструкции целостности смысла жития святого как исторического источника необходим баланс «понимающих» процедур «исторической феноменологии» (нам больше импонирует вариант А.С. Лаппо-Данилевского, а не А.Л. Юрганова) и синтезирующих «объяснительных» методов исторической антропологии и позитивистских конструкций исторического процесса.

1. Бон, Д. Житийная литература как исторический источник (Две точки зрения: В.О. Ключевского и Г.П. Федотова) / Д. Бон // Литература и история: Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв. – СПб., 2001. – Вып. 3. – С. 284–293.

2. Будовниц, И. У. Юродивые Древней Руси / И. У. Будовниц // Вопросы истории религии и атеизма. – 1964. – Т. 12. – С. 170–195.

3. Будовниц, И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV – XVI веках (по «житиям святых») / И. У. Будовниц. – М. : Наука, 1966. – 390 с.

4. Веселовский, С. Б. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. / С. Б. Веселовский // Исторические записки. – М., 1941. – Т. 10. – С. 95-116.

5. Голубинский, Е. Е. История канонизации святых в русской церкви / Е. Е. Голубинский. – М., 1903. – 598 с.

6. Дмитриев, Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII – XVII в.: Эволюция жанра легендарно-исторических сказаний / Л. А. Дмитриев. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1973. – 304 с.

7. Иванов, С. А. Блаженные похабы. Культурная история юродства / С. А. Иванов. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 448 с.

8. Кадлубовский, Арс. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых / Арс. Кадлубовский. – Варшава, 1902. – Вып. 1–5.

9. Ключевский, В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. – М., 1871. – 473 с.

10. Крушельницкая, Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе / Е. В. Крушельницкая. – СПб. : Наука, 1995. – 365 с.

11. Романенко, Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря / Е. В. Романенко. – М. : Молодая гвардия, 2002. – 329 с.

12. Топоров, В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре / В. Н. Топоров. – М. : Гнозис ; Языки русской культуры, 1998. – Т. II. – 903 с.

13. Федотов, Г. П. Православие и историческая критика / Г. П. Федотов // Путь. – Париж, 1932. – № 33. – С. 3–15.

14. Федотов, Г. П. Святые Древней Руси / Г. П. Федотов. – М. : Московский рабочий, 1990. – 270 с.

15. Хорошев, А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.) / А. С. Хорошев. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 207 с.

16. Юрганов, А. Л. Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени / А. Л. Юрганов. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2006. – 433 с.

17. Яхонтов, И. А. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края, как исторический источник / И. А. Яхонтов. – Казань, 1881. – 377 с.

Бытко С.С.

СТРУКТУРА СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СБОРНИКОВ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

История старообрядчества на всех этапах его существования была тесно связана с книжной культурой, имевшей особое значение для представителей этого религиозного течения. Книга для староверов была и остается единственным авторитетом, регламентирующим не только их религиозную, но и бытовую жизнь [1, с. 170]. В некоторых старообрядческих общинах существовал культ книги, основными проявлениями которого были коллекционирование, хранение и переписывание фолиантов. Староверы нередко предпринимали попытки выкрасть ценную книгу в случае возникновения сомнений относительно её сохранности [19, с. 158]. Наиболее ценные экземпляры хранились вместе с иконами, натирались ладаном, использовались в качестве оберега [2, с. 289]. Книга выступала основой культуры старообрядчества и являлась носителем как общехристианских истин, так и древнерусских мотивов.

Особое место в этой системе занимали компилятивные сборники, имевшие широкое распространение в среде староверов. Будучи способом изложения богословских и актуальных политических воззрений, они оказывали значительное влияние на мировоззрение рядовых старообрядцев. В современных условиях актуальным научным направлением становится изучение особенностей комплектования старообрядческих сборников. Настоящая работа ставит своей целью проанализировать накопленный исследовательский опыт и выяснить полноту раскрытия указанной проблемы в научных публикациях.

Принципиально значима для изучения поставленной проблемы работа И.М. Грицевской, в которой исследовательница приводит доводы в пользу того, что комплектование сборников не имело характера хаотической выборки из всех имевшихся у составителя произведений, а подчинялось строго регламентированным нормам. Об этом, по утверждению автора, свидетельствует то, что внутри каждого сборника произведения сохраняли строгую последовательность. И.М. Грицевская указывает на преобладание в сознании старообрядческих писателей композиционного принципа построения произведений, свойственного средневековой литературе [2, с. 288, 289].

Об таком принципе говорится в статье Л.И. Журовой, которая подчеркивает, что в соответствии со средневековой традицией количество собранных чужих мнений ставилось в заслугу автору произведения [11, с. 43]. Данную идею развивает Н.С. Гурьянова, полагающая, что старообрядческие произведения исходно воспринимались не как размышления конкретного автора, а как сборник авторитетных текстов [4, с. 59]. Л.И. Журова приходит к выводу, что появление компилятивных сочинений в древнерусской традиции стало следствием ограничения самостоятельности взглядов автора под давлением Священного писания [11, с. 42]. О.Д. Журавель, напротив, считает, что литературный дар старообрядческих авторов предохранял книжность от превращения в шаблоны [9, с. 81].

Следует также обратить внимание на труды Ю.А. Лабынцева, разработавшего несколько типов классификации старообрядческих сборников: 1) по авторству (авторские, анонимные, смешанные); 2) по происхождению (византийские, древнерусские, старообрядческие, смешанные); 3) по предназначению (учебные, богослужебные, четьи, полемические); 4) по времени составления (сложившиеся в XVII в., сложившиеся в XVIII в., составленные издателями позднейшего периода). В исследованиях Ю.А. Лабынцева, однако, не нашло места описание принципов взаимодействия текстов внутри компиляций. Более того, автор всячески подчеркивает тематическую разнородность сочинений, представленных в сборниках, указывая на сложность объединения старообрядческих изданий в конкретные группы [13, с. 211].

То обстоятельство, что многими исследователями не осознается концепция построения старообрядческих собраний, отмечает и Л.И. Журова. По её мнению, это происходит в результате внешней несвязности произведений и ошибочного суждения авторов относительно их случайного сочетания. Исследовательница находит, что на основании анализа содержания текстов возможно установить определенную логику в их подборке [12, с. 11]. С Л.И. Журовой солидарна Н.С. Гурьянова, по заключению которой сборники – «результат воплощения осознанной авторской концепции, а не случайная подборка сочинений» [5, с. 46].

Более подробно специфика комплектования сочинений описывается в трудах Е.Е. Дутчак, Н.С. Гурьяновой и Ю.Д. Рыкова. В частности, Н.С. Гурьянова высказывает предположение о том, что основанием для помещения некоторых произведений в рукописные сборники являлось желание сохранить их для последующих поколений [7, с. 25]. Более того, Е.Е. Дутчак утверждает, что основанием для подобной выборки в ряде случаев служила региональная специфика той местности, где комплектовалось книжное собрание составителя [8, с. 81]. Рассуждения Е.Е. Дутчак находят продолжение в трудах Л.И. Журовой, по мнению которой составление сборников также отражает потребности эпохи и конкретного составителя [12, с. 11]. Немаловажными представляются выводы Ю.Д. Рыкова, настаивающего на том, что несмотря на нелинейность повествования в старообрядческих произведениях, они тем не менее имеют «центральный [тематический] стержень». Структура сборников, по мнению исследователя, выстраивалась таким образом, чтобы определить их эсхатологическую направленность [16, с. 149]. Итог на данном этапе исследования подводит Н.С. Гурьянова. Развивая идею Ю.Д. Рыкова, она пишет о наличии в старообрядческих произведениях определенной идеологической структуры, каждая из статей которой направлена на формирование конкретных идеологических взглядов [3, с. 145].

Последующие разыскания продолжают поступательно формировать взгляд на структуру старообрядческих сборников. Особое значение в этом отношении имеют труды Н.А. Старухина, по мнению которого идея сведения сочинений в единый сборник имела место ещё на этапе составления текстов. На это указывает тот факт, что произведения чаще всего не сводились в единый сборник при наличии повторов или отсутствии ссылок друг на друга. Н.А. Старухин указывает и на тот факт, что работы, имеющие концептуальное значение, помещались в начале сборника [17, с. 114]. Подобного взгляда держится и Н.С. Гурьянова, по мнению которой, произведения, находящиеся впереди, подготавливают читателя к восприятию остальных сочинений, а некоторые элементы текста для составителей более значимы, нежели другие. Последнее, в частности, свойственно и заголовкам, определяющим как эмоциональный фон произведений, так и отношение к ним читателя [6, с. 38; 4, с. 60]. М.В. Першина указывает на любопытную специфику использования структуры старообрядческих компиляций в полемических целях. Исследовательница полагает, что составитель мог представлять разные точки зрения в сборнике, но расположение текстов должно было указывать на то, какому из них он отдает предпочтение [15, с. 23].

Изыскания о значении последовательности произведений для старообрядческих сочинений продолжает О.Д. Журавель. Она приходит к выводу, что в старообрядческой книжности вторая часть издания направлена на изъяснение целей автора [10, с. 136]. Н.С. Гурьянова дает подробный анализ этого феномена. По её мнению, ввиду того, что компиляции являлись главным образом полемическими произведениями и преследовали своей целью утверждение читателя в вере, подборка произведений должна была максимально доходчиво доказывать авторскую позицию. Так, в сборниках в первой их части доказывается незаконность никонианских обрядов, а во второй приводятся аргументы в пользу старообрядческой точки зрения. Части сборника, в данном случае дополняют друг друга и воспринимаются как единый текст [5, с. 43].

Большой интерес вызывает статья Л.В. Титовой, где, кроме уже высказанных Н.С. Гурьяновой догадок об использовании некоторых произведений как вступлений к основным главам, обосновывается тезис о взаимодополнении глав внутри компилятивных сборников. В частности, Л.В. Титова предполагает, что текст сочинений подвергался правке в зависимости от содержания соседних глав. Так, глава могла дополняться концовкой исторического содержания в случае, если до или после неё не было исторических произведений [18, с. 4]. Л.И. Журова высказывает интересные догадки касательно «парного сочетания» сочинений, в соответствии с которым произведения в сборнике попарно скрепляются смысловой связью и взаимодополняют друг друга [12, с. 12].

В свою очередь, И.Н. Никаноров обращает внимание на хронологию написания произведений, вошедших в сборник, а также на их жанровую принадлежность. По мнению историка, помещение произведений в сборнике не по хронологическому принципу является верным указанием на значимость тех из них, которые помещены в начале компиляции. И.Н. Никаноров также выделяет две основных группы сочинений, находивших отражение в сборниках: исторические и правовые. Первые были необходимы для убеждения читателей в истинности старообрядческого вероучения за счет прославления мучеников за веру, в то время как вторые имели

своей целью их дополнение и доказательство посредством привлечения догматических рассуждений и документов церковного права [14, с. 69–71].

Итак, несмотря на наличие большого количества публикаций, затрагивающих проблематику комплектования старообрядческих сборников, данная тема остается всё же недостаточно освещенной. Многие исследователи затрагивают данную проблематику лишь вскользь в русле более крупных исследований по археографии и этнографии. Кроме этого, необходимо отметить полное отсутствие фундаментальных работ по интересующей нас теме; она освещается исключительно в небольших по объему статьях. Стоит, однако, признать немаловажные заслуги Н.С. Гурьяновой, Л.И. Журовой, Л.В. Титовой, И.Н. Никанорова в стремлении пролить свет на вопросы, касающиеся структурного формирования старообрядческих компиляций. Между тем изыскания этих ученых нуждаются в продолжении.

1. Бахтина, О. Н. Книга и слово в старообрядческой системе ценностей (о своеобразии старообрядческой литературы) / О. Н. Бахтина // Мир старообрядчества. Живые традиции : результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. – М., 1998. – Вып. 4. – С. 166–171.

2. Грицевская, И. М. Структура старообрядческих сборников: Соловецкий и Пустозерский циклы в сборнике из Нижегородской областной библиотеки / И. М. Грицевская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 4. – С. 288–294.

3. Гурьянова, Н. С. Монарх и общество: к вопросу о народном варианте монархизма / Н. С. Гурьянова // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) : сб. науч. трудов / отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. – М., 1999. – С. 125–148.

4. Гурьянова, Н. С. О восприятии старообрядцем эсхатологических построений предшественника / Н. С. Гурьянова // Гуманитарные науки в Сибири (далее – ГНС). – 2011. – № 3. – С. 58–61.

5. Гурьянова, Н. С. О предисловиях к старообрядческим сборникам / Н. С. Гурьянова // ГНС. – 2013. – № 3. – С. 3–48.

6. Гурьянова, Н. С. Старообрядцы и рукописное наследие Древней Руси / Н. С. Гурьянова // ГНС. – 2014. – № 3. – С. 37–41.

7. Гурьянова, Н. С. Старообрядческие сборники и миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в начале XVIII в. / Н. С. Гурьянова // ГНС. – 2012. – № 3. – С. 24–27.

8. Дутчак, Е. Е. Кирилличекие книжные собрания и их владельцы: сравнительный анализ конфессиональных стратегий староверия / Е. Е. Дутчак // Вестник РУДН. – 2011. – № 4. – С. 75–88.

9. Журавель, О. Д. О некоторых принципах работы старообрядческих агиографов XX в. / О. Д. Журавель // ГНС. – 2011. – № 3. – С. 78–81.

10. Журавель, О. Д. «Походим умныма очима…» (к изучению традиции поминовения в литературе старообрядчества) / О. Д. Журавель // Уральский сборник: история, культура, религия. – Екатеринбург, 2009. –Вып. 7. – Ч. 2. – С. 134–144.

11. Журова, Л. И. «Сборник» Митрополита Даниила и культура проповеди в Московской Руси XVI в. (постановка проблемы) / Л. И. Журова // ГНС. – 2014. – № 3. – С. 41–44.

12. Журова, Л. И. Сочинения Максима Грека в системе Алтайского (Сибирского) сборника / // Л. И. Журова ГНС. – 2009. – № 3. – С. 11–15.

13. Лабынцев, Ю. А. Памятники древнерусской книжности и литературы в старообрядческих изданиях Супрасльской типографии (XVIII в.) / Ю. А. // Лабынцев ТОДРЛ. – 1981. – Т. 36. – С. 209–215.

14. Никаноров, И. Н. Постановление легендарного старообрядческого собора и сборник «Отеческие завещания» / И. Н. Никаноров // ГНС. – 2013. – № 4. – С. 67–71.

15. Першина, М. В. Филипповская община г. Тюмени и Братский двор / М. В. Першина // ГНС. – 2009. – № 3. – С. 19–23.

16. Рыков, Ю. Д. Неизвестный писатель XIX в. Петр Юродивый и его эсхатологические сочинения / Ю. Д. Рыков // Старообрядчество в России (XVII-XX вв.) : сб. науч. трудов / отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 149–189.

17. Старухин, Н. А. Проблема изучения творческого наследия старообрядческого писателя Г.А. Страхова / Н. А. // Старухин ГНС. – 2009. – № 3. – С. 113–115.

18. Титова, Л. В. К вопросу о происхождении «Ответа православных» дьякона Федора Иванова / Л. В. Титова // ГНС. – 2011. – № 4. – С. 3–7.

19. Юхименко, Е. М. О книжной основе культуры Выга / Е. М. Юхименко // Мир старообрядчества… С. 157–165.

Кащенко С.Г.

МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 г. ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Работа по изучению экономических последствий реформы 1861 г. в различных регионах Российской империи началась на историческом факультете Ленинградского государственного университета с середины 1980-х гг. Обращение к этой тематике было связано с новыми возможностями в сфере изучения массовых источников, которые открывались в результате быстрого прогресса компьютерных технологий. Это, с одной стороны, позволяло эффективно обеспечивать формализацию и хранение данных, а с другой, применять для их обработки сложный статистический аппарат.

Первоначально была изучена ситуация в трех северо-западных губерниях: Санкт-Петербургской, Новгородской и Псковской. Исследование сопровождалось созданием крупной реляционной компьютерной базы данных, в основу которой были положены массовые источники – около 7000 уставных грамот и выкупных актов, хранящихся в фонде Главного выкупно-

го учреждения Российского государственного исторического архива [4] и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга [5].

Информация была обработана при помощи пакетов прикладных программ, часть из которых была создана самими исследователями. Результаты были опубликованы в России [2], Германии [7], Финляндии [6] и других странах.

В ходе исследования была разработана современная методика анализа массовых источников, которая позволила получить качественно новые результаты и сопоставить их с показателями, полученными ранее по северо-западным и другим смежным губерниям.

Применение статистических методов дало возможность построить вариационные ряды (распределение величин наделов и платежей в расчете как на душу м.п., так и на десятину удобной земли), в деталях проследить процесс деформации структуры наделов и платежей в 1860-е гг. и в период проведения выкупной операции. Была построена модель наделения крестьян землей в процессе реформы в зависимости от формы эксплуатации и «высших» размеров пореформенных наделов и платежей, устанавливаемых в каждом из уездов в соответствии с «Местными положениями».

В процессе изучения северо-западных губерний удалось накопить опыт работы с материалами, отличающимися неполнотой и неточностью показателей, разработать приемы их исследования в условиях т.н. «естественно сохранившейся выборки». Постепенно границы изученных территорий вплотную подошли к северным губерниям. Здесь уставные грамоты содержали значительные погрешности при определении размеров крестьянской земли. Несмотря на то, что в состав новой базы данных были включены практически все материалы архивных документов РГИА, ЦГИА СПб., а также Национального архива Республики Карелия (НАРК), объемы сохранившейся информации по Олонецкой, Вологодской и Вятской губерниям были невелики, поскольку по территориям этих губерний проходила северная граница помещичьего землевладения и имений было немного. Таким образом, исследователям приходилось работать с малыми выборками, что отрицательно сказывалось при применении группировок и других статистических методов. В некоторых уездах число объектов наблюдения (отдельных поместий) было столь мало, что приходилось заменять статические выкладки, «монографическими описаниями» ситуации в каждом имении. Таким образом, в источниковедческом плане, на наш взгляд, наиболее актуальным и важным при изучении периферийных северных губерний являлся вопрос о степени достоверности данных, содержащихся в документах. Так, задача определения степени репрезентативности сведений олонецких уставных грамот и выкупных актов была поставлена и, в основном, решена в диссертационном исследовании А.Н. Апонасенко, защищенном на кафедре источниковедения истории России исторического факультета СПбГУ [1].

Следует, в этой связи, обратить внимание на выводы Е.В. Костригиной, относительно особенностей современной историографии реформы на Севере России [3]. По ее мнению, северные губернии стали для историков своеобразным исследовательским «полигоном», где были опробованы перспективные методы изучения аграрных реформ. Так, при анализе взаимосвязей, здесь были впервые применены сложные статистические методы. Для формализации и хранения данных использованы передовые вычислительные средства и современные носители информации. Одной из причин такого внимания стал относительно небольшой, по сравнению с другими внутренними губерниями империи, объем составленных здесь документов, находящихся в РГИА и других местных и центральных архивах. Это позволило методично отработать на небольшом материале новые приемы, в то время как большие объемы информации по другим губерниям делали эту задачу весьма трудоемкой.

Таким образом, в условиях северных губерний приходилось использовать не только аппарат описательной статистики, но и приемы выборочного метода, теории взаимосвязей. Удалось применить и методы кластерного анализа, что позволило установить сходство между отдельными уездами в огромных по своим размерам регионах.

В настоящее время на кафедре источниковедения СПбГУ в рамках научных проектов, поддержанных РГНФ, изучаются итоги отмены крепостного права в губерниях густо населенного Черноземного центра России (Орловской и Тамбовской), для которого сохранились большие массивы информации. Накопленный в условиях северных губерний опыт работы в условиях выборочного метода позволит перейти от анализа «естественно сформировавшихся выборок» к созданию искусственных. Предварительные расчеты, проведенные на материалах Тамбовской

губернии, показали, что удовлетворительные результаты при анализе дореформенной информации можно получить на основе 50–75%-й выборки, а для пореформенной, отличающейся однообразием, – 20–30%-й.

Следует отметить, что до сегодняшнего дня в российской историографии нет исследования, которое базировалось бы на всем объеме уставных грамот и выкупных актов, число которых составляет многие десятки тысяч документов. В настоящее время происходит интенсивная оцифровка архивных документов, проводимая сотрудниками Президентской библиотеки в Санкт-Петербурге. Завершение этого процесса позволит многократно ускорить темпы исследования. Это создает хорошие перспективы для завершения работы со всем массивом выкупных дел, которая велась в СССР с середины XX в. и, к сожалению, еще не закончена в научных центрах Российской Федерации и сегодня.

1. Апонасенко, А. Н. Реформа 19 февраля 1861 г. в Олонецкой губернии: опыт компьютерной обработки массовых источников : дисс. канд. истор. наук / А. Н. Апонасенко ; СПбГУ. – СПб., 2005.

2. Кащенко, С. Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года / С. Г.Кащенко. – М. ; СПб. : Альянс-Археo, 2009. – 552 с.

3. Костригина, Е. В. Реформа 19 февраля 1861 г. в северных губерниях Европейской России. Современные методы изучения экономических последствий освобождения крестьян/ Е. В.Костригина // Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та. – 2011.– № 7 (120). – Т. 1. – С. 23–26.

4. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 577. Оп. 22. Д. 1–3921; Оп. 35. Д. 1–1505; Оп. 31. Д. 1–1694.

5. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). – Ф. 190. Оп. 9,10,13–15.

6. Kastsenko, S. G. Agraariolot Venajan luoteisosissa 1800 – luvun jalkipuoliskolla / S. G. Kastsenko // Suomalaisneuvosto liittolainen histiriantutkijoiden symposio – Riika, 1985. Historiallinen Arkisto 88. – Helsinki, 1986.

7. Kascenko, S. G. Die Bauernbefreiung in Gouvernement St. Petersburg. Zur Frage der Realisierung der Reform vom 19. Februar 1861 / S. G. Kascenko // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Band 48. – Berlin, 1993.

Болотина М.О.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ФОТОДОКУМЕНТОВ В РОССИИ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Фотодокументы – это довольно молодой тип исторических источников, который не имеет такой обширной историографии, как, например, письменные. В отличие от последних, попытки изучения информационного потенциала фотографий велись с первых лет их распространения, но источниковедение в этой области до сих пор находится в процессе становления.

Впервые в российской литературе вопрос о фотографии как явлении искусства поднял А. Греков в работе «Живописец без кисти и без красок…» [12]. Уже в этот период исследователи осознавали практическую и источниковедческую ценность нового типа источников, поэтому в первую очередь разрабатывались вопросы их архивного хранения. В частности, Б.А. Матушевский в брошюре «Новый источник истории…» (Париж, 1898) призывал к созданию архива для постоянного хранения не только кино-, но и фотодокументов хроникального документального типа [25].

Подобные идеи поддерживались и другими российскими исследователями конца XIX – начала XX в., которые отмечали значимость кино- и фотодокументов в области отражения текущих событий, при изучении быта и культуры народов и др. [11, 32]. Одной из наиболее ярких работ этого периода традиционно считают трактат историка искусств и архивиста В.В. Стасова «Фотография и гравюра» (1856), в котором он сформулировал возможности применения фотографии и предположил, что она никогда не войдет в область искусства [29]. В. Стасов признавал достоинства и важность фотографии как помощницы живописи и науки и одновременно критиковал людей, которые утверждали, что она способна затмить искусство. Дореволюционный период был очень важным в понимании кинофотофонодокументов как исторических источников, на этом этапе историки обращали внимание на значение фотографий, изучение их специфических черт и различных форм использования.

Одним из первых советских специалистов, внесших огромный вклад в изучение и популяризацию фотографий как объектов исторического исследования, был Г.М. Болтянский [4, 5, 6]. На важность рассмотрения фотографии в трех аспектах – регистрирующем, исследующем и художественном – указал А.М. Донде, раскрыв тем самым ее возможности для широкого использования в научно-просветительных целях и как произведения искусства [13]. В дальнейшем вопросы источниковедческого потенциала фотодокументов редко затрагивались российскими исследователями в связи с тем, что историки не имели необходимой для работы с таким типом источников технической и технологической подготовки. Монография известного советского

историка и теоретика отечественного и зарубежного фотоискусства С.А. Морозова, освещающая деятельность первых русских фотографов-портретистов, была первой попыткой изучения художественно-жанровых экспериментов и вклада отечественных фотографов в расширение области применения данного вида искусства [19].

В литературе 1960–1980-х гг. круг работ, так или иначе затрагивающих комплекс кинофотофонодокументов, стал расширяться. Первоначально они либо упоминались среди других источников, либо кратко характеризовались с точки зрения их специфики и классификации в рамках поставленной автором проблемы в источниковедческих исследованиях общего характера [7, 8, 14, 24, 37]. Отдельного внимания заслуживает курс источниковедения истории СССР, подготовленный М.Н. Тихомировым, в котором кинофотофонодокументы и звукозаписи впервые были выделены в качестве самостоятельного вида исторических источников [30].

Особенностью этого периода историографии является многополярность проблематики, обусловленная разными целями авторов, относившихся к разным профилям и организациям. Широкое освещение получило изучение фотодокументов не только в источниковедческом, но и в архивоведческом аспекте. В статьях архивистов Л.П. Волкова, В.Ф. Рунге и Н.С. Никулаева рассматриваются вопросы отбора на хранение, комплектования и сохранности кинофотофонодокументов [10, 21, 27]. Красной нитью проходит в этих работах призыв покончить с недооценкой научного значения нового вида документов и серьезно заняться проблемой их собирания и сохранения. Непосредственно вопросам источниковедения и использования кинофотофонодокументов в 60-е гг. XX в. были посвящены статьи И.Н. Кунтикова, Л.Н. Пушкарева, Л.Н. Кривошеина и И.С. Фесуненко [15, 16, 23, 25, 33]. Авторы статей сетовали на недооценку историками этих документов как исторических источников и их востребованность только в качестве иллюстраций, а также подчеркивали содержательную значимость, достоверность и уникальность информации, содержащейся в кинофотофонодокументах.

В 1960-е и последующие годы появляются работы, в которых проблематика фотографического творчества рассматривалась в контексте других наук и дисциплин. В ряде междисциплинарных исследований этого периода прослеживается тенденция критического рассмотрения содержания, происхождения и внешних особенностей фотодокументов как исторических источников. Однако большая часть публикаций, посвященных фотодокументам, по-прежнему носила иллюстративный характер, поэтому нельзя однозначно утверждать, что в этот период фотодокументы заняли почетное место в иерархии источников.

Наиболее фундаментальным трудом по изучению аудиовизуальных документов в источниковедческом и архивоведческом аспектах является монография В.М. Магидова [18]. Исследование посвящено вопросам взаимосвязи архивоведения и источниковедения аудиовизуальных документов, что подразумевает изучение кинофотофонодокументов как исторических источников и как комплекса документов, являющихся объектами хранения в отечественных архивах. Автор приводит подробный обзор историографии, посвященной данной теме. Можно говорить о том, что монография В. Магидова является первой работой по изучению кинофотофонодокументов, в которой затронуты все основные архивоведческие и источниковедческие проблемы изучения данных источников: история собирания, состав и содержание кинофотофонодокументов Архивного фонда Российской Федерации; вопросы комплектования, экспертизы ценности, организации хранения и использования и др.

Помимо монографии В. Магидова в 2000-е гг. в России стали появляться и другие публикации, посвященные комплексному изучению фотодокументов как исторических источников и объектов архивного хранения. Исследователи к этому времени уже осознали такое преимущество фотоснимков по сравнению с письменными источниками, как одномоментность прохождения события и его документирования, повышающую достоверность информации и позволяющую наиболее точно отразить характер процессов и явлений действительности. Однако необходимо отметить, что зачастую такие работы освещали документы, отложившиеся в каком-то отдельном фонде или архиве, либо посвященные какой-либо конкретной теме [2, 28, 31, 35].

В отдельную группу сегодня можно выделить исследования, представляющие собой справочные издания, книги-альбомы и каталоги, в которых фотографии являются не просто иллюстрацией, а играют роль первой скрипки – ключевого источника. Авторы таких работ провели колоссальную работу по исследованию старинных фотоотпечатков и паспарту [3, 22, 34, 38]. Подобные справочники и каталоги поражают своим объемом и подробностями описания, с указанием биографий фотографов, адресов фотоателье и даже с образцами фотографических блан-

ков московских фотографов. Для источниковедов эти работы являются настоящим кладезем информации, т.к. помогают прояснить судьбу источников, максимально правильно и подробно атрибутировать их.

В последнее время значительно возросло количество работ искусствоведов, культурологов и историков моды, которые используют фотографии в качестве основного или одного из дополнительных источников в своих исследованиях [9, 17, 36]. Опыт таких специалистов, несомненно, важно учитывать при источниковедческом изучении фотодокументов. Однако необходимо сделать оговорку, что некоторые специалисты не имеют профильного образования и при атрибуции фотодокументов используют широко распространенные методы атрибуции произведений изобразительного искусства. В качестве наиболее удачного примера изучения искусствоведом источниковедческого потенциала фотодокументов, на наш взгляд, можно привести диссертацию Н.Ю. Аветян, посвященную изучению жизни и творчества одного из наиболее известных российских дореволюционных фотографов С.Л. Левицкого [1]. Внимание автора сосредоточено на рассмотрении сложности использования и изучения фотодокументов XIX в.: решении вопросов атрибуции в случае, если исследователь не имеет знаний конкретных фактов деятельности фотографических ателье.

Рассматривая российскую историографию источниковедения фотодокументов, можно говорить о том, что до середины XX в. в литературе, посвященной фотодокументам, преобладало публицистическое направление, что не способствовало улучшению качественной и количественной сторон состояния источниковой базы исторических исследований. Специалисты разных профилей, раскрывая широкий спектр вопросов, связанных с распространением и использованием фотодокументов, часто оставляли без внимания вопрос о познавательной ценности заключенной в фотографиях информации, ее значимости для освещения исторических событий и процессов.

Возрастающий интерес самых разных специалистов к фотодокументам свидетельствует о многогранности их информационного потенциала и их праве выступать в качестве самостоятельного исторического источника. В то же время хотелось бы призвать всех исследователей к использованию мультидисциплинарного подхода применительно к фотодокументам, в рамках которого использовались бы методики источниковедения, архивоведения, искусствоведения, музеологии, культурологии, психологии, антропологии и др. В современной России следует отметить три крупнейших учреждения – Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО, Российский государственный архив кинофотодокументов, Государственный Эрмитаж, на которые возложены функции контроля обеспечения сохранности, хранения, использования и реставрации фотодокументов. Наряду с этим они ведут активную исследовательскую работу, и труды специалистов этих учреждений вносят значительный вклад в развитие историографии. В ближайшей перспективе крайне важно обобщить и осмыслить накопленный опыт, четко определить наиболее характерные особенности фотодокументов и наметить пути применения имеющихся теоретических знаний в области источниковедческого анализа при практическом исследовании фотографий.

1. Аветян, Н. Ю. Сергей Львович Левицкий и проблемы изучения русской фотографии XIX века : автореф. дисс. канд. ист. наук / Н. Ю. Аветян. – СПб., 2012. – 25 с.

2. Белякова, О. А. Опыт анализа коллекций царских негативов, хранящихся в РГАКФД / О. А. Белякова // Аудиовизуальные документы на рубеже XX–XXI вв. (отечественный и зарубежный опыт) / сост. В. М. Магидов, Е. Л. Иванова ; под ред. В. М. Магидова – М. : Изд-во Ипполитова, 2003. – С. 93–99.

3. Боглачёв, С. В. Первые фотографы Кавказа / С. В. Боглачёв – Пятигорск : СНЕГ, 2013. – 416 с.

4. Болтянский, Г. М. Очерки истории фотографии в СССР / Г. Болтянский. – М. : Госкиноиздат, 1939.– 224 с.

5. Болтянский, Г. М. Фотографическая жизнь в советский период / Г. Болтянский // Советское фото. – 1926. – № 6. – С. 163–164.

6. Болтянский, Г. М. Фотография в эпоху революции / Г. Болтянский // Советское фото. – 1926. – № 3. – С.72–73.

7. Варшавчик, М. А. Источниковедение истории КПСС : учеб. пособие / М. А. Варшавчик. – М. : Высш. школа, 1973. – 360 с.

8. Варшавчик, М. А. Предмет и задачи источниковедения истории КПСС : учеб. пособие / М. А. Варшавчик. – М. : Высш. школа, 1967. – 275 с.

9. Васильев, А. А. Детская мода Российской империи / Александр Васильев. – М. : Альпина нон-фикшн, 2013. – 230 с.

10. Волков, Л. П. Улучшить сохранность кинофотофонодокументов / Л. П. Волков // Вопросы архивоведения. – 1962. – № 2. – С. 60–61.

11. Готвальт, В. А. Кинематограф («Живая фотография»), его происхождение, устройство и будущее общественное мнение / В. А. Готвальт. – М. : Тип. И.Д. Сытина, 1909. – 250 с.

12. Греков, А. Ф. Живописец без кисти и без красок, снимающий всякие изображения, портреты, ландшафты и проч. в настоящем их цвете и со всеми оттенками в несколько минут / А. Ф. Греков. – М., 1841.

13. Донде, А. М. Техника на службе духовных интересов человечества / А. М. Дрнде. – М., 1924. – 124 с.

14. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М : Наука, 1987. – 440 с.

15. Кривошеин, Л. Н. Об использовании кинофотофонодокументов (методика и опыт) / Л. Н. Кривошеин, И. С. Фесуненко // Вопросы архивоведения. – 1963. – № 1. – С. 25–35.

16. Кунтиков, И. Н. Кинофотофонодокументы в научных исследованиях И. Н. Кунтиков // Вопросы архивоведения. – 1962. – № 2. – С. 55–59.
17. Лаврентьева, Е. В. «Хорошо было жить на даче…»: Дачная и усадебная жизнь в фотографиях и воспоминаниях / Е. В. Лаврентьева. – М. : Этерна, 2011. – 224 с.
18. Магидов, В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания В.М. Магидов / В. М. Магидов. – М. : РГГУ, 2005. – 394 с.
19. Морозов, С. А. Первые русские фотографы-художники / С. А. Морозов. – М. : Госкиноиздат, 1952. – 120 с.
20. Назаров, А. Н. Кинофотодокументы начального периода Великой Отечественной войны. Опыт историко-архивоведческого и источниковедческого исследования : автореф. дисс. канд. ист. наук / А. Н. Назаров. – М., 2003. – 28 с.
21. Никулаев, Н. С. О некоторых критериях отбора кинофотодокументов / Н. С. Никулаев // Советские архивы. – 1968. – № 2. – С. 92–95.
22. Попов, А. П. Из истории российской фотографии / Российская государственная библиотека искусств / А. П. Попов. – М. : Издательство Мос. ун-та, 2010. – 238 с.
23. Пушкарев, Л. Н. Источниковедческие проблемы кинофотофонодокументов / Л. Н. Пушкарев// Советские архивы. – 1968. – № 2. – С. 89–92.
24. Пушкарев, Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. – М. : Наука, 1975. – 281 с.
25. Пушкарев, Л. Н. Формы и содержание исторического источника / Л. Н. Пушкарев // Советские архивы. – 1966. – № 5. – С. 34–40.
26. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 2057. Оп. 1. Д. 55. Л. 1–10.
27. Рунге, В. Ф. Умножать богатства фотоархивов / В. Ф. Рунге// Советские архивы. – 1966. – № 5. – С. 75–78.
28. Сексенбаева, Г. А. Фотодокументы: источниковедческие аспекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://articlekz.com/article/7264.
29. Стасов, В. В. Фотография и гравюра / В. В. Стасов // Русский вестник. – М., 1856. – Т. 6. – С. 359–439, 555–576.
30. Тихомиров, М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. : учеб. пособие / М. Н. Тихомиров. – М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1962. – 496 с.
31. Ткаченко, А. В. Фотодокументы об общественных объединениях Москвы периода перестройки. Современные проблемы изучения / А. В. Ткаченко // Технотронные документы – информационная база источниковедения и архивоведения : сб. науч. статей. – М. : РГГУ, 2011. – С. 142–146.
32. Тюрин, В. Л. Живая фотография / В. Л. Тюрин. – СПб., 1898.
33. Фесуненко, И. С. Значение кинофотофонодокументов как исторического источника и основные задачи комплектования ими Государственного архивного фонда Союза ССР / И. С. Фесуненко // Труды МГИАИ. – М., 1961. – Т. 16. – С. 7–14.
34. Фотографии на память. Фотографы Невского проспекта. 1850–1950 / авт.-сост. Ю. Н. Сергеев. – СПб., 2003. – 471 с.
35. Харитонова, Е. В. Фотодокументы фототеки Киноцентра: проблемы архивоведения и источниковедения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/federal/rgakfd/haritonova.shtml.
36. Хорошилова, О. А. Костюм и мода Российской империи: Эпоха Николая II / О. А. Хорошилова. – М. : Этерна, 2012. – 464 с.
37. Черноморский, М. Н. Источниковедение истории СССР. Советский период : учеб. пособие / Черноморский Моисей Наумович. – 2-е изд. ; испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1976. – 296 с.
38. Шипова, Т. Н. «Московские фотографы. 1839–1930». История московской фотографии / Т. Н. Шипова. – М. : ООО «Издательство «ПЛАНЕТА», 2012. – 480 с.

Кепин Д.В.

ПАМЯТНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УКРАИНЕ

Теория памятниковедения как науки начала формироваться в 1980-х гг. в Чехии (Й. Бенеш, П. Корчак), Германии (К. Шрайнер), России (П.В. Боярский, С.О. Шмидт, Э.А. Шулепова). В отечественной науке первые теоретические разработки в этой отрасли также относятся к этому времени и углубляются с 1990-х гг.

В это время среди украинских исследователей поднимается вопрос о целесообразности выделения среди гуманитарных наук памятниковедения со своим объектом и предметом исследования [14; 1]. Так, историк С.З. Заремба считал, что эта научная дисциплина должна заниматься изучением и охраной как недвижимых, так и движимых объектов историко-культурного наследия [5].

Детальнее структура, задачи, объект и предмет этой науки рассмотрел историк С.И. Кот. Он отнес памятниковедение к специальным научным дисциплинам, которые являются межотраслевыми (междисциплинарными) научными дисциплинами [6].

Важнейшим этапом в разработку теории этой науки стала коллективная монография «Основи пам’яткознавства» (общ. ред. д.т.н., проф. Л.А. Гриффена, к.и.н., доц. Е.Н. Титовой) (Киев, 2012). Эта книга является первой в Украине, рассматривающей комплексно теоретические и практические вопросы памятниковедения. Под памятниковедением здесь понимается «научная дисциплина, объектом которой выступает историко-культурное наследие; предмет – общественное функционирование исторических артефактов в качестве памятников истории и культуры, основное социальное назначение которых – содействие социализации индивида путем его «погружения» в прошлое через влияние аксиологической информации, которую несет аутентичный артефакт в определенном историческом контексте» (Л.А. Гриффен). В свою очередь памятник рассматривается как «…унаследованный от прошлого объект (предмет), созданный

человеком, или естественного происхождения, или представляет собой их общее творение, аутентичная материальная субстанция или форма которого представляет для общества историческую, научную, эстетическую, художественную или другую культурную ценность» (Л.В. Прибега) [11, с. 9–43]. На основе этого издания было подготовлено и соответствующее учебное пособие [12].

Этот взгляд лег в основу книги Л.А. Гриффена, специально рассматривающей проблемы теории памятниковедения [2].

При рассмотрении научного статуса памятниковедения, ученый отмечает, что теоретические исследования в области изучения этой науки были заложены российским ученым П.В. Боярским и нашли свое продолжение в работах других специалистов концептуально не отличающихся от его взглядов. С этим трудно согласиться. Так, в 1980-х гг., когда появились работы П.В. Боярского, теорию памятниковедения стала также рассматривать философ И.К. Кучмаева [8].

В России теория памятниковедения находит свое продолжение в работах В.М. Андреева, С.Ю. Каменского, М.Е. Каулен, Г.П. Кибасовой, Т.С. Курьяновой, Е.Н. Мастеницы, Т.Н. Мироновой, А.А. Назаровой, И.А. Петровой, А.П. Романовой.

Собственный взгляд на памятниковедение как науку изложил в соответствующем разделе учебника кемеровский археолог, профессор А.М. Кулемзин [7, с. 5–51].

Среди исследователей, занимающихся вопросами теории памятниковедения в контексте музеефикации археологического наследия, значительный вклад внесла уфимский археолог и музеевед И.М. Минеева [9; 10].

В этой связи представляет интерес классификация недвижимых объектов историко-культурного наследия Украины, предложенная геодезистом и картографом И.А. Подлесецкой. Исследовательница выделяет 5 видов памятников: археологические; исторические; архитектуры и градостроительства; монументального искусства; науки и техники. В свою очередь памятники далее классифицируются по различным признакам. Предложена структурно-графическая модель методов исследования объекта картографирования [13].

Развивая взгляды Л.А. Гриффена, культуролог и музеевед С.Б. Руденко выделяет памятниковедение недвижимого историко-культурного наследия и памятниковедение как метанауку. Этим же исследователем предложены дефиниции понятий «памятник» и «музейный памятник», а также выделены следующие социокультурные функции музейных памятников: источниково-научная; образовательно-воспитательная; социализирующая; культурно-ориентационная; идеологическая; эстетическая; рекреационно-досуговая [15].

Рассмотренные издания украинских исследователей несомненно являются значительным шагом вперед в разработку категориального аппарата этой науки. Однако в этих работах не учитываются особенности памятников природы.

В последнее время вышел целый ряд работ, рассматривающих вопросы создания и функционирования заповедников различного ранга. При этом особое внимание уделяется особенностям сохранения и популяризации палеоприродного наследия [4; 17]. Так, геолог В.П. Гриценко предложил следующую типологию геосайтов: стратиграфический, палеонтологический, палеоэкологический, минералогический, геоэкономический, геобиохимический/почвенный, тектонический, вулканический, космогенный, геоморфологический, гидрогеологический, геоархеологический и геокультурологический типы [3].

Одной из последних работ, специально рассматривающих основы охраны природного наследия следует назвать коллективную монографию киевских географов [16]. В издании рассмотрены критерии уникальности объектов природной и этнокультурной среды, которые могут быть включенными в Список всемирного наследия, дана характеристика различным видам памятников природы, входящими в природные и историко-культурные заповедники. Так, В.В. Стецюк предложил соотношение геологического и геоморфологического составляющих в рекреационных ресурсах Украины. Геологические памятники им разделены на 14 типов: геологические обнажения; эталонные участки залежей полезных ископаемых, местонахождения с редкими минеральными ассоциациями; скопления остатков древней фауны и флоры, окаменелости растений и животных (уникальные палеонтологические объекты); стратотипы и опорные геологические разрезы в виде природных обнажений, горных разработок или керна скважин; свидетельства истории горного дела; объекты, возникающие вследствие денудации горных пород с разными литологическими и петрографическими особенностями; выходы минеральных и гидротермальных источников, местонахождения лечебных грязей; древние вулканические конусы Вул-

канического хребта Карпат; останцы грязевых вулканов Керченского полуострова; карстовые проявления; валуны; магматические интрузии, метаморфические комплексы, обнаруженные или погребенные под осадочными породами, но раскрытые карьерами; отложения с выраженными проявлениями древних тектонических процессов; астропроблемы [16, с. 292–333].

К объектам геотуризма исследователи относят формы рельефа (геолого-геоморфологические образования); геологические формы и явления; геологические и геоморфологические процессы; формы антропогенной среды; инженерно-геологическую деятельность; произведения материальной культуры; музейные и другие экспозиции – геологические, минералогические и палеонтологические музеи, демонстрационные местонахождения (экспозиции под открытым небом). К ним относятся местонахождения окаменелостей, опорные стратиграфические разрезы, местонахождения минералов и пород, геотуристические тропы [18].

Исходя из вышеизложенного, мы рассматриваем памятниковедение как междисциплинарную науку, задачами которой есть изучение памятникоохранного дела в историческом, теоретическом, техническом, правовом, экономическом аспектах. Объект исследования – недвижимые памятники природного и культурного наследия; предмет – памятниковедческая сущность объектов природного и культурного наследия.

Следующим этапом в разработку теории этой науки должна стать подготовка академического энциклопедического издания, учитывающая достижения ученых как гуманитарного, так и естественнонаучного профилей.

1. Гаврилюк, С. Поняття «музейна пам'ятка»: зародження та еволюція / Світлана Гаврилюк // Волинський музейний вісник. – 2011. – Вип. 3. – С. 6–9.

2. Гриффен, Л. А. Теоретические основания памятниковедения / Л. А. Гриффен ; науч. ред. Титова Е. Н. ; Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. – Киев : Центр Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК, 2012. – 84 [2] с.

3. Гриценко, В. Геосайти України та геологічна спадщина Європи / В. Гриценко // Геолог України. – 2004. – № 2. Квітень – червень. – С. 55–62.

4. Заповідна справа в Україні: Навчальний посібник / під заг. ред. М. Д. Гродзинського, М. П. Стеценка. – Київ : Географіка, 2003. – 306 с.

5. Заремба, С. З. Пам'яткознавство як наукова дисципліна / С. З. Заремба // Праці Центру пам'яткознавства. – Київ : Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК, 2002. – Вип. 4. – С. 3–16.

6. Кот, С. Теоретичні проблеми пам'яткознавства / С. Кот // Пам'яткознавчі студії в Україні: теорія і практика / відп. ред. В. О. Горбик. – Київ, 2007. – С. 7 – 64.

7. Кулемзин, А. М. Охрана памятников в России (теория, история, методика) : учебник для высших учебных заведений / А. М. Кулемзин ; Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово : КемГУ, 2013. – 287 с.

8. Кучмаева, И. К. Культурное наследие: современные проблемы / И. К. Кучмаева. – М. : Наука, 1987. – 176 с.

9. Минеева, И. М. Археологическое наследие Южного Урала как уникальный компонент современного социокультурного пространства / И. М. Минеева // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 24. Научный журнал, № 15, 2008. – С. 5–9.

10. Минеева, И. М. Проблема сохранения археологического наследия южного Урала в контексте его социокультурного использования / И. М. Минеева // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 3 (11). – С. 136–142.

11. Основи пам'яткознавства / під заг. ред.: Гріффена Л. О., Титової О. М. ; кол. авт.: Гаврилюк О. Н., Гаврилюк С.В., Горбик В. О. [та ін.]. : Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК. – Київ : Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК, 2012. – 380 с.

12. Пам'яткознавство: посібник для початківців / укл.: Л. О. Гріфен, О. М. Титова. – Київ : Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК, 2014. – 212 с.

13. Підлісецька, І. О. Картографічне моделювання історико-культурної спадщини України: автореф. … канд. географ. наук: 11.00.12 / І. О. Підлісецька ; Київський нац. ун-т імені Тараса Шевченка. – Київ, 2012. – 20 с.

14. Піскова, Е. Нерухомі пам'ятки історії (теоретичні аспекти проблеми) / Елла Піскова, Лариса Федорова // Київська старовина. – 1999. – № 5. – С. 140–155.

15. Руденко, С. Б. Музейна пам'ятка: соціокультурна сутність та місце в системі історико-культурних цінностей : монографія / С. Б. Руденко. – Київ : НАКККіМ, 2012. – 120 с.

16. Стецюк, В. Природна та етнокультурна спадщина України : новітні дослідження / Володимир Стецюк, Василь Пазинич, Тетяна Ткаченко / за заг. ред. проф. В. В. Стецюка. – Київ : Вища шк., 2012. – 342, 32 с.

17. Царик, Л. Географічні засади формування і розвитку регіональних природоохоронних систем (концептуальні підходи і практична реалізація). Монографія / Любомир Царик. – Тернопіль : Підручники і посібники, 2009. – 320 с.

18. Шевчук, О. Основи геотуризму / Оксана Шевчук, Юрій Зінько // Навчальні матеріали «Гео-Карпати» для провідників по шляху / наук. ред. Ігор Бубняк, Анджей Солєцкі. – Красно ; Борислав ; Яремче : Wydawnictwo Ruthenus, 2013. – С. 3–11.

Карач А.У.

БЕЛАРУСКАЯ НУМІЗМАТЫКА: СУЧАСНЫ СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ РАЗВІЦЦЯ

Нумізматыка – гэта дапаможная гістарычная дысцыпліна, якая вывучае гісторыю грашова-вагавых і манетных сістэм, характар іх узаемадзеяння і ўзаемаўплыву ў працэсе эканамічных, палітычных і культурных кантактаў этнасаў і дзяржаў; грашовае абарачэнне і яго ўзаемасувязі з таварнымі рынкамі; арганізацыю і тэхніку манетнай вытворчасці; станаўленне і эвалюцыю манетнага права; грашовыя рэформы; працэсы скарбаутварэння і іх прычыны [9, с. 3]. Такое азна-

чэнне нумізматыцы даў доктар гістарычных навук, прафесар-нумізмат Валянцін Навумавіч Рабцэвіч. Пасля таго, як ён, вучоны з еўрапейскім імём, пайшоў з жыцця, мясцовая нумізматыка асірацела. Створаны ім мюнцкабінет на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта стаў выдатнай навуковай нумізматычнай пляцоўкай для студэнтаў і даследчыкаў. Шкада, што пасля сябе ён не пакінуў навуковай школы і не падрыхтаваў ніводнага кандыдата навук, які б абраў тэму дысертацыі, звязаную з нумізматыкай. Супрацоўнік Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, кандыдат гістарычных навук, прафесійны нумізмат Шаміль Іршатавіч Бекцінееў таксама не можа ганарыцца сваімі паслядоўнікамі.

Беларуская нумізматыка, як навука, знаходзіцца сёння ў падвешаным стане. Значным сведчаннем таго, што асобны навуковы накірунак развіваецца, з'яўляецца колькасць навуковых выданняў. Апошнія беларускія манаграфічныя даследванні датуюцца 1995 г. Аўтарства іх, канешне, належыць В.Н. Рабцэвічу [9; 10]. Чарговую манаграфію давялося чакаць амаль 20 гадоў – у 2014 г. пабачыла свет кніга Ш.І. Бекцінеева [1]. Даследванне прысвечана грашоваму абарачэнню на тэрыторыі Беларусі ў IX–XVI стст. На падставе ўсіх сабраных звестак, аўтар робіць спробу аналізу грашовых сістэм, выпрацоўваючы ўласную арыгінальную перыядызацыю грашовага абарачэння на нашых землях, якая на сённяшні дзень з'яўляецца найбольш падрабязнай і дакладнай. Кожная грашовая адзінка IX–XV стст., сустракаемая ў крыніцах і дакументах, аднесена да пэўнай грашовай сістэмы. На працягу ўсяго даследвання аўтар вылічвае разменны курс розных грашовых адзінак адносна адна адной. Вялікую цікавасць уяўляе складзены аўтарам каталог і мапы манетнах знаходак IX–XVI стст. з тэрыторыі Беларусі, якія займаюць значную частку даследвання. Аднак, на наш погляд, манаграфія атрымалася неадназначнай. З аднаго боку, аўтар сабраў вялікую колькасць звестак і матэрыялаў, з другога – спосаб падачы гэтых звестак не вытрымлівае ніякай крытыкі. Пытанні і праблемы, якія закраналіся ў першых главах, на наш погляд, атрымаліся адносна добра і ўсебакова разгледжанымі, чаго нельга сказаць пра апошнія главы. Некаторыя тэмы пададзены аднабакова без шырокага аналіза крыніц. Неаднаразовыя паўторы цэлых частак тэксту, шматлікія памылкі, блытаніна ў фактах і дадзеных – усё гэта змяншае навуковую вартасць выдання. Несумненны мінус дадзенай працы ў тым, што аўтар не здолеў сабраць увесь матэрыял па тэме (гэта асабліва тычыцца новых даследванняў па нумізматыцы) і вельмі часта абапіраўся на састарэлыя звесткі і матэрыялы. Падрабязны аналіз гэтай манаграфіі – тэма нашай рэцэнзіі, якая пабачыць свет у бліжэйшым нумары навуковага часопіса "Białoruskie Zeszyty Historyczne". І, усё ж такі, з'яўленне такой манаграфіі – гэта несумненны ўнёсак у развіццё ведаў па эканамічнай гісторыі Беларусі.

Адзначым, што толькі ў дзвюх беларускіх ВНУ (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт і Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў) зараз выкладаецца спецыяльны курс "Нумізматыка". На гістарычных факультэтах іншых ВНУ, на жаль, такой асобнай дысцыпліны няма. Калі б пры падрыхтоўцы будучых гісторыкаў больш увагі ўдзялялася выкладанню нумізматыкі, магчыма, мы б мелі больш зацікаўленых людзей, якія ў будучым сталі сапраўднымі прафесіяналамі-даследчыкамі ў галіне нумізматыкі.

Вялікую праблему стварае адсутнасць у Беларусі спецыялізаванага нумізматычнага выдання, якое садзейнічала б папулярызацыі нумізматыкі як навукі і дапамагала станаўленню новых даследчыкаў. У суседніх краінах такіх выданняў даволі шмат : у Літве ("Numizmatika"), ва Украіне ("Львівські нумізматичні записки", "Нумізматика и фалеристика"), Польшчы ("Biuletyn Numizmatyczny", "Gdańskie Zeszyty Numizmatyczne" , "Lubelskie Wiadomości Numizmatyczne" , "Przegląd Numizmatyczny", "Wiadomości Numizmatyczne", і інш.), Расіи ("Нумизматика", "Нумизматический альманах", "Средневековая нумизматика Восточной Европы" і інш.). Часопіс Нацыянальнага Банка РБ (НБ РБ) "Банкаўскі веснік" прымае да публікацыі артыкулы па нумізматыцы, аднак, мясцовыя калекцыянеры і нумізматы не актыўна карыстаюцца такой магчымасцю.

Найбольш вопытных нумізматаў, музейных работнікаў і выкладчыкаў ВНУ аб'ядноўвае ГА "Беларускае нумізматычнае таварыства" (ГА "БНТ"), офіс якога знаходзіцца ў Гародні. Асноўная мэта, якую паставіла перад сабой ГА "БНТ" заключаецца ў наступным: "Садзейнічаць найбольш поўнаму засваенню грамадзянамі краіны гісторыка-культурнай нумізматычнай спадчыны, якая спрыяе развіццю пачуцця патрыятызму і нацыянальнай самасвядомасці". На сённяшні момант больш за 120 чалавек з'яўляюцца чальцамі ГА "БНТ".

Таксама ў Беларусі няма выдання, у якім бы была сабрана ўся інфармацыя па выяўленых грашовых скарбах. Адзінкавыя працы па асобным тэрыторыям і перыядам былі апублікаваны ўсё тым жа В.Н. Рабцэвічам [6, с. 216–513; 7, с. 128–134; 8, с. 179–186; 15, с. 211–239] і Ш.І. Бекцінеевым [1, с. 346–452]. Трэба адзначыць, што ў нашых суседзяў па агульнай гістарычнай спадчыне такія каталогі знаходак даўно ёсць [11; 12; 13; 14]. Інвентары скарбаў дазваляюць прасачыць асаблівасці грашовага абарачэння і ўявіць ролю тых ці іншых манет на вывучаемай тэрыторыі. Старшыня ГА "БНТ" В.І. Какарэка збірае інфармацыю па знаходках скарбаў з тэрыторыі Гродзенскай вобласці. Большасць такіх месцаў была даследвана ім асабіста: ён апытваў сведак, фатаграфаваў само месца знаходкі скарба і збіраў рэшткі манет

(у тых выпадках, калі яны засталіся ў людзей ці ў зямлі). Шкада, што пакуль уся гэта найкаштоўнейшая інфармацыя застаецца не апублікаванай.

На сённяшні дзень беларуская нумізматычная навука большай часткай застаецца "аматарскай". Людзі, якія займаюцца вывучэннем розных накірункаў нумізматыкі не з'яўляюцца прафесійнымі вучонымі. Аднак і іх унёсак у развіццё гэтай дапаможнай гістарычнай дысцыпліны даволі значны. Сярод іх варта адзначыць такія імёны, як Ю.Л. Барэйша, Дз.У. Гулецкі, В.І. Какарэка, В.А. Малежык, І.М. Шталенкоў і шэраг іншых. Сярод беларускіх нумізматаў ёсць і выкладчыкі ВНУ, супрацоўнікі розных навуковых установаў і музеяў – А.М. Баюра (грашовае абарачэнне на Беларусі ў XIX– XX стст.), Ш.І. Бекцінееў (нумізматыка Беларусі перыяду Сярэднявечча), В.Ф. Калясінскі (медальернае мастацтва, баністыка), А.У. Карач (нумізматыка ВКЛ 1492–1570 гг.), В.А. Кабрынец (расійскія дротавыя манеты на тэрыторыі Беларусі), І.Н. Колабава (нумізматыка Беларусі перыяда Расійскай Імперыі), Ю.П. Латушкова (грашовае абарачэнне ў часы Грамадзянскай вайны), І.Ф. Масько (нумізматыка Беларусі канца XV–XVI стст.), В.М. Сідаровіч (антычная і ранняя сярэднявечная нумізматыка на тэрыторыі Беларусі), В.А. Шышанаў (нумізматыка Беларусі перыяда Расійскай Імперыі), У.А. Юргенсон (грашовае абарачэнне ВКЛ XVII–XVIII стст.) і інш.

Аднак, нягледзячы на цяжкасці, беларуская нумізматыка працягвае развівацца. У першую чаргу дзякуючы канструктыўнай пазіцыі НБ РБ, які рэгулярна (раз на два гады), пры падтрымцы ГА "БНТ", арганізуе і праводзіць нумізматычныя канферэнцыі ў Мінску. Варта адзначыць, што ў 2006 г. адчыніў дзверы Музей НБ РБ, у якім на аснове рэальных нумізматычных экспанатаў былі адлюстраваны ўсе перыяды грашовага абарачэння на тэрыторыі Беларусі [5, с. 43–47]. Велізарная заслуга ў гэтым належыць стваральніку і дырэктару музея І.Ф. Масько. Таксама НБ РБ пастаянна выпускае новыя памятныя манеты, якія вельмі часта становяцца пераможцамі і лаўрэатамі міжнародных конкурсаў. У БДУ ужо другі раз праведзены навуковыя чытанні, прысвечаныя памяці В.Н. Рабцэвіча. Такія нумізматычныя канферэнцыі, якія носяць статус міжнародных, безумоўна садзейнічаюць папулярызацыі нумізматыкі, як навукі і ўзбагачаюць міжнародным вопытам беларускіх даследчыкаў-нумізматаў. Варта адзначыць, што і беларусы пастаянна прымаюць удзел у замежных нумізматычных форумах у Літве, Малдове, Польшчы, Расіі, Славакіі.

Трэба адзначыць, што сучасныя даследчыкі вельмі мала ўвагі ўдзяляюць працы з гістарычнымі крыніцамі і матэрыяламі, якія, несумненна, больш узбагацяць даследванні па нумізматыцы. У большай ці меншай ступені выключэннямі з вышэсказанага з'яўляюцца Ш.І. Бекцінееў, В.А. Кобрынец, Ю.П. Латушкова. Значны патэнцыял ёсць у даследваннях па гісторыі грашовага абарачэння, грашовых эмісій і сістэме грашовага ліку на тэрыторыі Беларусі у XVI–XVIII стст. Вельмі цікавым накірункам для даследванняў з'яўляецца феномен фальшываманетніцтва і яго роля у грашовым абарачэнні на нашых землях. Недастаткова вывучана месца і роля іншаземных манет на мясцовых рынках. У суседніх краінах развіваюцца абсалютна новыя накірункі даследванняў, якія звязаны з цесным узаемадзеяннем нумізматыкі і іншых навук. Напрыклад, ва Украіне ўжо даволі шмат навуковых прац, звязаных з вывучэннем металу саміх манет, іх пробы і спосабаў падробак манет [2–4]. У Беларусі такія даследванні толькі пачынаюць з'яўляцца.

1. Бектинеев, Ш. И. Денежное обращение на территории Беларуси в IX – XVI веках: нумизматические исследования / Ш. И. Бектинеев. – Мн. : Беларуская навука, 2014. – 509 с.

2. Бойко-Гагарин, А. С. Фальшивые монеты в денежном обращении южных земель ВКЛ во время правления князя Витовта Кейстутовича и технологии их производства / А. С. Бойко-Гагарин // Междунар. нумизмат. конф. "Нумизматические коллекции:

наследие исторической Литвы и связанных с ней стран – открытия для просвещения и науки” : тез. докл., Вильнюс, 23–25 мая 2012 г. – Вильнюс, 2012. – С. 164–168.
3. Бойко-Гагарин, А. О фальсификатах редких литовских грошей короля Сигизмунда III Вазы / А. Бойко-Гагарин // Al XIV – lea simposion de numismatica. Dedicat aniversarii a 20-a a leului moldovenesc: Progr. sirez. comunic., Chisinau, 25–29 sept. 2013 / com. org.: Ana Boldureanu (pres.), Adelaida Chirosca, Lilia Dergaciova [et al.]. – Ch.: Museul Nat. de Istorie a Moldovei, 2013. – S. 42–43.
4. Бойко-Гагарин, А. О фальсификатах трансильванских грошей князя Габриэля Батория (1608–1613) / А. Бойко-Гагарин // Другія Навуковыя Чытанні памяці прафесара Валянціна Навумавіча Рабцэвіча (1934–2008) : прагр. і тэз. дакл., Мінск-Нясвіж, 26–28 ліст. 2014 / Мн., 2014. – С. 37–39.
5. Масько, И. Музей открыт, добро пожаловать / И. Масько // Банкаўскі веснік. – 2006. – № 28. – С. 43–47.
6. Рябцевич, В. Н. Топография монетных кладов Белоруссии: дис. … канд. ист. наук: 12.00.01 / В. Н. Рябцевич. – Ленинград, 1965. – 576 с.
7. Рябцевич, В. Н. К вопросу о денежном обращении западнорусских земель в XIV – XV вв. / В. Н. Рябцевич // Нумизматика и сфрагистика. – 1965. – № 2. – С. 121–134.
8. Рябцевич, В. Н. Денежное обращение и клады на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии в XVI в. / В. Н. Рябцевич // Нумизматика и сфрагистика. – 1968. – № 3. – С. 168–187.
9. Рябцевич, В. Н. Нумизматика Беларуси / В. Н. Рябцевич. – Минск : Полымя, 1995. – 687 с.
10. Рябцевич, В. Н. Российско-“Польские” монетные эмиссии эпохи Петра I / В. Н. Рябцевич. – Тольятти : АвтоВАЗбанк, 1995. – 312 с.
11. Ivanauskas, E. Monetos ir žetonai Lietuvos senkapiuose 1387 – 1850 m. Coins and counters in the graveyards of Lithuania 1387–1850 / E. Ivanauskas.– Vilnius: Savastis, 2001. – 226 p.
12. Kotlar, M. Znaleziska monet z XIV–XVII w. na obszarze Ukrainskiej SRR. Materiały / M. Kotlar. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1975. – 320 s.
13. Męclewska, M. Skarby monet z lat 1500–1649 na obszarze PRL. Inwentarz / M. Męclewska, A. Mikołajczyk. – Warszawa: Polskie towarzystwo archeologiczne i numizmatyczne, 1983. – 190 s.
14. Męclewska, M. Skarby monet z lat 1650–1944 na obszarze Polski: inventarz II / M. Męclewska, A. Mikołajczyk. – Wrocław: Wydawnictwo polskiej akademii nauk, 1983. – 335 s.
15. Mikołajczyk, A. Skarby monet z XVI, XVII, i XVIII wieku zanotowane na byłym obszarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. Materiały do inwentaryzacji / A. Mikołajczyk // Prace i materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi. Seria numizmatyczna i konserwatorska. – 1985. – № 5. – S. 129–196.
16. Rjabcevic, V. N. Skarby monet z XVI i XVII wieku na terenie obwodu brzeskiego i grodzieńskiego Bialoruskiej SRR / V. N. Rjabcevic // Prace i materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi. Seria numizmatyczna i konserwatorska. – 1986. – №. 6. – S. 211–239.

Киселева Ю.А.

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1991–2014): ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Расширение корпуса историографических источников имеет непосредственное значение для развития историографии, особенно это актуально в периоды роста науки и ее методологического обновления. Суть современных изменений, происходящих с историографией, состоит в ее сближении с интеллектуальной историей, в результате чего происходит переориентация исследовательского интереса с анализа результатов и достижений интеллектуальной деятельности на проблемы ее контекстов и особенностей организации, проблемы профессиональной культуры в целом. Такие изменения неизбежно отражаются и на состоянии источниковой базы, соотношении ее видового репертуара.

В данной статье мы сделали попытку представить некий срез данного процесса, проанализировав археографическую деятельности по изданию историографических источников в Харьковском университете в период 1991–2014 гг. Хронологические рамки обусловлены процессом постепенной смены научных парадигм, а также ситуацией смены поколений историографов на историческом факультете Харьковского университета.

В рассматриваемый период археографическая деятельность историков в области историографии значительно интенсифицировалась, что связано с интенсификацией историографических исследований на факультете в целом. При этом масштабы археографических работ позволяют говорить о реализации определенных археографических проектов. Инициаторами таких проектов зачастую выступают представители кафедры историографии, источниковедения и археологии, однако они активно поддерживаются учеными других кафедр факультета.

В современной науке «опорными» историографическими источниками продолжают считаться исторические работы историков [17, с. 22]. Это связано и с определенной научной традицией и с расширением подходов к анализу данных источников, например, с помощью изучения целеполагания их авторов [20, с. 68–69].

На современном этапе осуществляется переиздание и издание неопубликованного научного наследия историков Харьковского университета. Стоит упомянуть масштабный проект по изданию работ Д.И. Багалея [2], а также издание наследия историков «второго плана», которые

осуществляет профессор кафедры историографии, источниковедения и археологии А.Д. Каплин [3 и др.].

Однако наряду с публикацией таких источников все большее значение приобретает задача издания источников личного происхождения, дающих богатый материал для изучения профессиональной культуры и лаборатории историка. Одним из самых масштабных археографических проектов, реализуемых на историческом факультете, можно считать работу по публикации мемуаров историков. В 2008–2010 гг. был издан двухтомник воспоминаний ученых и воспитанников университета – «Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців» [26]. Сегодня работа в этом направлении продолжается и готовится к публикации третий том воспоминаний студентов и профессоров XX в.

Как правило, большую часть университетских воспоминаний составляют воспоминания студентов и профессоров-гуманитариев, что объясняется их профессиональными навыками и склонностью к письменному творчеству, а также рефлексивным характером их мышления. Историографическая рефлексия позволяет особенно в сложные периоды развития науки и общества обрести точки опоры и определить стратегии развития на будущее. В результате, если за советский период не было издано ни одного мемуарного источника, принадлежавшего перу профессионального университетского историка, то в период 1991–2014 гг. более семи представителей старшего поколения факультетских профессоров оставили свои воспоминания [8; 14; 23; 27 и др.].

Однако особенностью рассматриваемого периода является не только издание воспоминаний самих историков, но и воспоминаний о них. Факультетский мемориальный археографический проект воплотился в издании серии мемориальных сборников. Первой книгой серии стал сборник воспоминаний, посвященный основателю кафедры историографии В.И. Астахову [24]. Этот сборник задал алгоритм для последующих книг о преподавателях факультета. С содержательной стороны сборники кроме воспоминаний учеников содержат публикацию части научного наследия ученого: документы, относящиеся к его преподавательской и научной деятельности, библиографию работ, – и сопровождаются биоисториографическими очерками. На сегодняшний день издано одиннадцать подобных сборников (пять посвящены преподавателям кафедры историографии, источниковедения и археологии [1; 5; 10; 24; 28], четыре – представителям кафедры древнего мира и средних веков [6; 7; 9; 19] и по одному профессорам кафедры истории Украины [4] и истории России [21]). Как правило, эти сборники готовятся силами учеников и издаются на их средства, а презентации книг приобретают характер коммеморативной факультетской практики.

Важным условием для развития археографической деятельности в области историографии является наличие на факультете периодических изданий, предоставляющих возможность для публикации археографических материалов. В первую очередь стоит назвать специализированное периодическое издание «Харківський історіографічний збірник». Это издание имеет три рубрики археографического характера: «Воспоминания», «Интервью», «Документы и материалы». Отдельное внимание уделяется публикации эпистолярного наследия историков Харьковского университета. На протяжении ряда выпусков на страницах «Харківського історіографічного збірника» публиковалась переписка харьковского историка В.П. Бузескула. На страницах другого факультетского периодического издания – «Дриновского сборника» в рамках рубрики «Источники и источниковедение» была опубликована часть обширного эпистолярного наследия М.С. Дринова [22].

Активное издание эго-документов историков связано с интенсификацией биоисториографических исследований, осуществляемых учеными факультета, а также исследований, посвященных становлению определенных научных направлений в Харьковском университете, например, истории востоковедения, истории византиноведения, истории археологии, истории историографии. Развитие таких исследований, по нашему мнению, является следствием развития научных школ на факультете. При этом работы археографического характера в этом процессе имеют важное институциональное значение.

Однако не только процесс формирования научных школ «требует» историко-научного обоснования. Существующие на факультете формальные структуры также активно к нему прибегают в процессе своего развития, работая в направлении так называемого институционального археографического проекта. Стимулом к его развитию послужил 200-летний юбилей Харьковского университета и исторического факультета. Так в 2004 г. была издана книга, посвященная истории факуль-

тета [12]. Сегодня можно говорить о существовании традиции ознаменовывать не только факультетские юбилеи, но и юбилеи отдельных подразделений факультета изданиями справочно-библиографического характера, историческими очерками развития отдельных кафедр, сопровождающимися биографическими статьями преподавателей, перечнем учебных предметов, библиографией аспирантов кафедр [13; 15; 16].

В частности, продолжением работы, подготовленной к 100-летию Харьковского университета («Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905)»), стало справочно-библиографическое издание «Біобібліографічний словник учених Харківського університету», в котором были помещены биографические очерки историков, которые работали в Харьковском университете с 1905 г. по сегодняшний день. Словарь выдержал два издания – в 2001 и в 2013 г. [11].

Важным направлением издания историографических источников стала работа над составлением и изданием разнообразных библиографических указателей как персональных, так и указателей изданий отдельных институтов и указателей по разработке отдельных тем учеными Харьковского университета. Работа в этом направлении была начата в предыдущий период. Однако подсчеты количества подобных изданий свидетельствуют о том, что с 1991 г. она не только интенсифицировалась, но и вышла на качественно новый уровень. Исторический факультет в этом плане безусловно является лидером среди других факультетов университета. Так, за советский период было издано 17 библиографических указателей, а за период 1991–2014 – 37 [25]. Среди этого количества превалируют биобиблиографии факультетских преподавателей. Их издание отдельной серией, как правило к юбилеям преподавателей, также можно назвать заметной факультетской традицией. Необходимо отметить, что начиная с 1998 г. в «Віснику ХНУ імені В.Н. Каразіна (серія Історія)» систематически публикуется текущая библиография работ преподавателей и сотрудников факультета за год. Такая масштабная библиографическая работа создает необходимую базу данных для проведения исследований с привлечением науковедческих методов анализа массива публикаций историков в биоисториографических работах [18].

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что археографическая деятельность на историческом факультете в период 1991–2014 гг. развивалась в рамках масштабных археографических проектов. Часть этих направлений возникла еще в предшествующий период, однако отдельные археографические проекты появились в последние десятилетия. Интенсификация и разнообразие археографической деятельности в области историографии, с одной стороны, является следствием интенсивного развития историографических исследований на факультете, обогащения их методологического инструментария, а также формирования научных школ. С другой стороны, археографическая работа, в определенной степени является способом самопрезентации факультета, а также предпосылкой для формирования коммеморативных практик. Археографическая деятельность, таким образом, позволяет не только сохранять, но и развивать лучшие факультетские традиции.

1. Аркадий Исаакович Эпштейн. След на Земле : воспоминания / сост. И. А. Широбокова, С. М. Куделко. – Харьков : Изд-во ХНУ им. В. Н. Каразина, 2012. – 208 с.

2. Багалій, Д. І. Вибрані праці : у 6 т. / Д. І. Багалій ; упоряд., вступ. ст., комент. В. В. Кравченко . – Харків : Вид-во НУА, 1999–2006. – Т. 1–6.

3. Безсонов, П. А. Русский народ и его творческое слово / П. А. Бессонов ; сост., автор вступ. ст. и примеч. А. Д. Каплин. – М. : Институт русской цивилизации, 2010. – 608 с.

4. Борис Кирилович Мигаль : спогади, документи, матеріали / уклад. В. М. Власенко, О. М. Головко, С. С. Евсеєв, М. С. Лисенко. – Харків : Вид-во ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2012. – 119 с.

5. Борис Петрович Зайцев. Воспоминания и библиография / сост. : С. И. Посохов, С. М. Куделко, М. В. Гречишкина. – Харьков : Изд-во ХНУ им. В. Н. Каразина, 2012. – 140 с.

6. Валерий Федорович Мещеряков : человек, ученый, гражданин / ред. кол. В. С. Бакіров, С. В. Дьячков, В. И. Кадеев та др. – Харьков : Изд-во ХНУ им. В. Н. Каразина, 2007. – 190 с.

7. Владимир Иванович Кадеев. Воспоминания / отв. ред. С. В. Дьячков. – Харьков : ООО «НТМТ», 2013. – 144 с.

8. Зайцев, Б. П. Незабываемое / Б. П. Зайцев // Харківський історіографічний збірник. – Харків, 2008. – Вип. 9. – С. 218–229.

9. Исследования о Мартине Лютере : статьи и воспоминания / Юрий Алексеевич Голубкин ; сост. А. Н. Токарев, С. А. Кариков ; отв. ред. С. Б. Сорочан. – Харьков : Изд-во ХНУ им. В. Н. Каразина, 2011. – 191 с.

10. Историк по призванию: Исай Львович Шерман (очерки и воспоминания) / сост. С. М. Куделко. – Харьков : Изд-во ХНУ им. В. Н. Каразина, 2014. – 148 с.

11. Історики Харківського університету : біобібліографічний довідник (1905–2013 рр.) / В. І. Бутенко, С. М. Куделко, С. І. Посохов [та ін.]. – Харків : Вид-во ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2013. – 284 с.

12. Історичний факультет від покоління до покоління / сост. В. М. Духопельников, С. М. Куделко, под. ред. С. І. Посохова. – Харків : Вид-во ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2004. – 180 с.

13. К юбилею кафедры: Кафедрі історіографії, джерелознавства та археології – 40 років : довідкове видання / укладачі : Б. П. Зайцев, О. Є. Шабельська. – Харьков : Изд-во ХНУ им. В. Н. Каразина, 2004. – 72 с.
14. Кадеев, В. И. Годы студенческие / В. И. Кадеев // Харківський історіографічний збірник. – Харків, 2012. – Вип. 11. – С. 224-237.
15. Кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета. 30 лет / сост. В. И. Кадеев, С. Б. Сорочан. – Харьков : ООО «НТМТ», 2008. – 160 с.
16. Кафедра истории России : исторический очерк / отв. ред. В. М. Духопельников. – Харьков : Изд-во ХНУ им. В. Н. Каразина, 2007. – 86 с.
17. Корзун, В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX – XX вв (анализ отечественных историографических концепций) / В. П. Корзун. – Омск ; Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та, 2000. – 226 с.
18. Куделко, С. М. Марин Дринов – профессор Харьковского университета. Научное наследие сквозь призму формально-количественного анализа / С. М. Куделко, С. И. Посохов // Україна і Болгарія: віхи історичної дружби: (Матеріали міжнар. конф., присвяч. 120-річчю визволення Болгарії від османського іга). – Одеса, 1999. – С. 122-126.
19. Латышева В. А. Маслины – античное поселение в Северо-Западном Крыму : статьи и воспоминания / В. А. Латышева; сост., отв. ред. А. П. Мартемьянов, А. Н. Токарев. – Харьков : Изд-во ХНУ шимени В. Н. Каразина, 2010. – 175 с.
20. Маловичко С. И. История как строгая наука VS социально ориентированное историописание / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева. – Орехово-Зуево : Изд-во МГОГИ, 2013. – 252 с.
21. Олександр Омелянович Кучер : спогади, документи, матеріали / уклад. В. В. Сичова, Н. В. Шевченко. – Харків, 2015. – 292 с.
22. Письма Марина Дринова к Константину Гроту (1901–1904) / В. Ю. Иващенко, С. И. Посохов // Дриновський збірник. – Харків, 2011. – Т. 4. – С. 506-515.
23. Рибалка, І. К. Така наша доля. Сторінки життя мого покоління / І. К. Рибалка. – Харків : Основа, 1999. – 200 с.
24. Страницы из жизни Учителя (В. И. Астахов в исследованиях и воспоминаниях) / сост. В. И. Астахова, Е. В. Астахова, Б. П. Зайцев. – Харьков : Изд-во НУА, 2002. – 176 с.
25. Указатель библиографических изданий Центральной научной библиотеки Харковского национального университета им. В. Н. Каразина. 1807–2004 гг. / сост. М. Г. Швалб, Р. А. Ставинская, В. Д. Прокопова [и др.]. – Харьков : Изд-во ХНУ им В. Н. Каразина, 2006. – 35 с.
26. Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців : в 2 т. / укл. Б. П. Зайцев, В. Ю. Іващенко, В. І. Кадєєв [та ін.]. – Харків : Сага, 2008–2010.
27. Шрамко, Б. А. Воспоминания об учителе / Б. А. Шрамко // Харківський історіографічний збірник. – Харків, 2003. – Вип. 6 : Біографістика в контексті сучасних історичних та історіографічних досліджень .– С. 138-145.
28. Юрій Йосипович Журавський. Спогади, документи, матеріали / укл. Б. П. Зайцев [та ін.] ; відп. ред. С. І. Посохов. – Харків : ФОП Тимченко А. Н., 2008. – 160 с.

Белявский А.М., Захаркевич С.А.

АРХИВ КАК ИСТОЧНИК – ЕЩЕ РАЗ ОБ АРХИВНОМ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

Термин «архивное источниковедение» в настоящее время уже не является новшеством, и существуют два достаточно прочно утвердившихся подхода к его содержательному наполнению как обозначению соответствующей специальной (исторической) дисциплины. Один из них более склонны использовать архивисты, другой – некоторые источниковеды. Первый, получивший в белорусской историографии большее распространение, предполагает предметом такой дисциплины изучение источников по истории архивов. В таком контексте термином оперировали с середины 1970-х гг. такие крупные российские источниковеды и историки-архивисты (не секрет, что эти специальности часто могли пересекаться), как С.О. Шмидт, В.Н. Автократов, А.В. Елпатьевский, Е.В. Старостин. В Беларуси такой подход поддерживает и обосновывает в ряде публикаций М.Ф. Шумейко [5, 6]. Более того, кафедра источниковедения БГУ уже разработала и внедрила соответствующий специальный курс, таким образом, как бы закрепив эту трактовку на академическом уровне. Второй подход относительно недавно (1997 г.) был предложен российским ученым – профессором В.В. Кабановым. В его трактовке архивное источниковедение связано с изучением документов, хранящихся в архивах и создаваемых архивами. Не вдаваясь в дискуссии между сторонниками этих подходов (они подробно разобраны М.Ф. Шумейко [5]) и не претендуя на «изобретение» третьего, нам кажется возможным предложить здесь еще одно направление исследований, близко связанное с упомянутым термином.

Речь пойдет о взгляде с точки зрения еще одной дисциплины – истории исторической мысли, или даже шире, интеллектуальной истории. В данном случае представляется актуальным и интересным рассмотреть в качестве своеобразного комплексного исторического источника архив как таковой, как социальный институт (создающий и контролирующий комплексы документов), во многом определяющий характер и направленность деятельности историка (а где-то и ее результаты). Если угодно – как поле, определяющее систему высказываний историка. Чем *в действительности* вызвана и насколько обоснована кажущаяся столь незыблемой связь профессионального историка с архивом? Случайно ли формирование истории как академической дисциплины хронологически совпадает с изменением институционального статуса архивов и появлением первых исторических архивов в современном понимании этого термина? Пример-

но такого рода вопросы/проблемы могли бы стимулировать исследования и дискуссию в данном направлении.

Вопросы эти далеко не праздные, поскольку упомянутая «незыблемость» связи историка с архивом в последнее время становится все более «кажущейся», оспоримой, по мере проникновения в современную историографию некоторых постмодернистских идей, происходящих из философских и лингвистических исследований. В русскоязычном научном пространстве подобного рода идеи пока еще циркулируют на уровне сравнительно робких протестов историков-любителей, лишенных такого широко доступа к «живым» архивным материалам, каким обладают историки-профессионалы, и пытающихся обосновать «равноправие научности» исследований, основанных на работе с материалами, опубликованными в той или иной форме – благо видовое разнообразие и просто количество таковых стремительно растет с развитием цифровых технологий [1]. Если же мы обратимся к англоязычной историографии, то увидим, что там традиционно мыслящим историкам уже приходится совершенно серьезно отвечать на обвинения в «архивном фетишизме», раздающиеся из уст и со страниц публикаций (гораздо более популярных) историков-постмодернистов, таких как Эдвард Холлетт Карр, Натали Зимон Дэвис, Людмила Йорданова и др., и «переобосновывать» надежность и даже *реальность* исторических фактов, извлеченных из архивных источников (а следовательно – и исторических репрезентаций, на них основанных) [10, p. 154–163].

Исследования в направлении обозначенной проблематики, как, впрочем, и любое другое современное источниковедческое исследование, могли бы строиться на основе взаимодействия с другими гуманитарными (и не только) дисциплинами, обращения к их методам. В данном случае, в качестве примера такого исследования, предлагаются некоторые направления возможного изучения взаимосвязи профессионального историка и архива методами социально-культурной антропологии. Тезисы, в которых они представлены, являются несколько расширенным и переработанным вариантом материала, опубликованного авторами в польском научном сборнике [7].

Антропологический анализ всегда основывается на наблюдении реальности (в идеале включенном – т.е. когда объект анализа не скрывает свои поступки и действия). Традиционно факты интерпретируются в рамках определенной теории. В нашем случае мы хотели бы использовать теории перехода и сакральности. Можно согласиться с тезисом российской исследовательницы Н.В. Дёминой о том, что «…научный мир…разделен на значительное число больших и малых «научных» племен со своими обрядами, ритуалами и церемониями…» [2, с. 97].

Исходя из стандартных в культурной антропологии характеристик, которые Мирча Элиаде дал основным чертам «священного/сакрального», пространство архива имеет в корпоративной среде историков явную сакральную природу. Вот некоторые из таких характеристик в применении к архиву:

1. *Архив стоит особняком/отделенно от обыденного мира.*– Само пространственное расположение архивов всегда подчеркнуто маргинально. Как известно, Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) некоторое время базировался в торцевой части комплекса зданий администрации Президента Республики Беларусь. В настоящее время НАРБ размещается в здании Национальной библиотеки Беларуси, характерно занимая в нем несколько верхних этажей, со входом, неприметно расположенным вдали от основного входа в библиотеку. Здание Национального исторического архива Беларуси также находится далеко не в деловом и административном центре Минска. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов в свое время был вынесен за пределы Минска и устроился на окраине г. Дзержинска. Можно привести для примера и хорошо знакомую любому посетителю Главного архива древних актов в Варшаве крепостную решетку на входе. Еще более иллюстративно в данном контексте обращение к массовой культуре и литературным произведениям. Достаточно вспомнить местоположение (и описание!) «полного архива на дому» Варфоломея Коробейникова в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова. Разумеется, любой архивист может обоснованно объяснить такие особенности расположения архивов с точки зрения обеспечения сохранности документов, но сейчас речь несколько о другом.

2. *Архив тесно сопряжен с «запретами» (табу) на определенные знания и практики.* – Сложности с работой в архивах, многочисленные запреты, касающиеся количества дел, мест в читальных залах, копирования документов, банального доступа к определенным документам,

все это стало притчей во языцех работы в архиве, системой знаний и практик, которые отличают профессионального историка от «любителя прошлого» [см. 4]. Понимание универсальности традиций «табуирования» в пространстве архива лишь усиливается при прочтении работ наших зарубежных коллег: «Открытого письма к Умберто Эко» Кжыштофа Копиньского [9], «Вкуса архива» Арлетт Фарж[8] или «Вкуса архива или запаха крови» Томаша Вислича [11]. Говоря о белорусской специфике это впечатление можно усилить примером негласного запрета сатиры – даже зарубежной –на подобное «табуирование»: ни одно (!) из трех отечественных специализированных периодических изданий («Архівы і справаводства», «Архіварыўс», «Беларускі археаграфічны штогоднік») не приняло к публикации перевод упомянутого «Открытого письма...» К. Копиньского, подготовленный недавно при участии одного из авторов данных тезисов. Вот он, еще один многообещающий образ для анализа – запрет права архивиста на улыбку, особенно ироническую. Анализ этот опять же может быть литературно-сравнительным, если вспомнить слепого библиотекаря Хорхе Бургосского из романа Умберто Эко «Имя розы».

3. *Архив как пространство сакрума подразумевает обрядовые процедуры.* – Правила пользования архивами в Республики Беларусь представляют собой прекрасный образец подобной формализации: необходимо получить отношение из направляющей организации, получить положительный ответ на это отношение руководителя архива; пользоваться только документами по теме, сформулированной в отношении и т.д. В листе использования необходимо зафиксировать факт пользования документом. Еще большая формализация ждет тех, кто решится на публикацию документов. Выполнение всех формальных процедур, необходимых для работы в белорусских архивах сильно напоминает ритуалы, связанные с обрядами перехода, так ярко описанными Арнольдом Ван Геннепом и ВикторомТэрнером.

4. *Архивы четко ассоциируется с магическими силами, духами и божествами.* – Пространство архива фундаментально связано с магическими силами. Архив в некоторой степени сродни больничному моргу, где кроме историй умерших больных непосредственно находятся сами умершие. Постоянное обращение с документами, в которых умершие в далеком прошлом люди снова и снова оживают, восстают из пепла, формирует ситуацию постоянного сакрального пограничья. Характерны слова Жюля Мишле, кстати, одного из первых историков, обосновывавших необходимость работы в архиве: «*Большую часть того, что написано в этом томе, я извлек из Национальных архивов. В тиши переходов я вскоре стал улавливать некое дуновение, ропот, и это не был голос смерти... Все живы и небессловесны... И по мере того, как я сдувал с них пыль, я видел, как они поднимались. Из гробниц тянулись их руки, головы, как в «Страшном суде» Микеланджело, или «Пляске смерти»...*» (из послесловия ко второму тому «Истории Франции», цитируется по изданию Жака Ле Гоффа «Другое Средневековье» [3, с. 14]). Каждый новый читатель в архиве подобно шаману традиционных обществ пересекает «границу живого» и пускается в путешествие в «мир иной». В какой-то момент (1997 г.) это привело к формулировке Декларации об ответственности нынешних поколений перед будущими поколениями, предложенной ЮНЕСКО. Кроме всего прочего, именно постоянный контакт с миром «иного» увязывает архив с многочисленными легендами о призраках. Белорусские архивы в этом не исключение – многие из них размещаются в зданиях бывших церквей, монастырей, синагог – традиционном месте обитания привидений; в одном Минске за послевоенный период архивы занимали 4–5 таких зданий. Работники Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства, расположенного в здании бывшего монастыря бернардинцев, полушутя рассказывают легенду о «черном архивисте», призраке работника, однажды обнаружившего некую потайную комнату и исчезнувшего в ней навсегда; к слову, за шуткой скрываются вполне реальные истории о пугающих сюрпризах перепланированного старого здания.

5. *Архив связан с тем, что мы обычно подразумеваем под религией, а также магическими практиками.* – Особенно ярко сверхъестественная роль архива может наблюдаться в таком апофеозе рациональности как защита кандидатской диссертации. Так, например, общеизвестно, что при проведении экспертного семинара и оппонировании по диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук важным и крайне необходимым считается констатация факта о введении в научных оборот новых исторических источников. Редко проводится анализ самих вводимых в оборот документов, их значимость, важность и т.д. Отсутствие рационального осмысления вводимых в оборот новых источников служит четким свидетельством

внерациональности и трансцендентности. Архивные источники становятся чем-то самодостаточным, что не может «быть подвергнуто» (лучше – подчиняться) простой логике.

Таким образом, более активное включение архива как многогранного комплексного источника в сферу антропологической рефлексии над профессиональной деятельностью историка может помочь по-новому осмыслить некоторые ее аспекты, воспринимаемые как привычно-обязательные и рационально обоснованные, увидеть не только научно-практические, но и социальные, и психологические составляющие взаимоотношений историков с архивами, что, в свою очередь, создает предпосылки для лучшего понимания факторов, в определенной степени обуславливающих и процесс, и результаты исторического исследования.

Однако готовы ли (согласны ли, поддержат ли, поверят ли) к антропологическому анализу архива сами архивисты? Этот эксперимент может оказаться достаточно болезненным. Полевые исследования редко лояльны и толерантны. К примеру, даже в социально-культурной антропологии до настоящего времени далеко не все (хотя следует признать, что их все-таки меньшинство) готовы подвергнуться саморефлексии или изучению со стороны коллег. Рефлексивная антропология (как форма самокритичного, и в некоторой степени, жесткого самоанализа) долго пробивала себе дорогу в самой антропологии. В конечном счете, это стало дополнительным стимулом для дальнейшего ее развития. Сможет ли встать на такой путь архивоведение? Поживем – увидим.

1. Берастоўскі, А. Архивы – наше все? / А. Берастоўскі // Историческая правда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.istpravda.ru/bel/opinions/13139/– Дата доступа: 15.05.2015.

2. Демина, Н.В. Институализация в сообществе ученых: защита кандидатской диссертации как обряд перехода / Н.В. Демина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т.VIII. №1. – С. 97–112.

3. Ле Гофф, Ж. Другое Средневековье:Время, труд и культура Запада / Ж. Ле Гофф / перев. с франц. С. В. Чистяковой и Н. В. Шевченко под ред. В. А. Бабинцева, 2-е изд., испр. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2002. – 328 с.

4. Чего не следует делать в архивах // Arzamas [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://arzamas.academy/materials/668. – Дата доступа: 15.05.2015.

5. Шумейко, М. Ф. Архивное источниковедение: объект и предмет исследования / М. Ф. Шумейко // Крыніцазнаўства і спецыяльныягістарычныядысцыпліны : навук. зб. Вып. 6 / рэдкал. : С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2011. – С. 68–74.

6. Шумейко, М. Ф. От терминологических споров об «архивном источниковедении» к разработке одноименного специального курса / М. Ф. Шумейко // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. / редкол.: В. Н. Сидорцов (отв. ред.) и др. – Минск : БГУ, 2004. – С. 96–98.

7. Bialiauski, A. Heurystyczna rola archiwum w kręgu białoruskich historyków profesjonalistów /A. Bialiauski,S. Zacharkiewich, A. Prudnikow // Toruńskie Konfrontacje Archiwalne. Tom IV. Nowa Archiwistyka – Archiwa i Archiwistyka w Ponowoczesnym Kontekście Kulturowym / pod redakcją W. Chorążyczewskiego, W. Piaska i A. Rosy. – Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2014 – S. 189–202.

8. Farge, A. Le goûtde l'archive / A. Farge. – Paris : Le Seuil, 1989. – 156 p.

9. Kopiński, K. List do Umberta Eco (czyli jak urządzić archiwum publiczne) / K. Kopiński // Archiwa – Kancelarie – Zbiory. – 2010. – Nr.1 (3). – S. 245–256.

10. Marwick, A. The New Nature of History: Knowledge, Evidence, Language / A. Marwick. – Palgrave Macmillan, 2001. – 334 p.

11. Wiślicz, T. Smak archiwum i zapach krwi. Dwa poziomy badań terenowych historyka/ T. Wiślicz // Obserwacja uczestnicząca w badaniach historycznych / Zbiór studiów pod redakcją B. Wagneri T. Wiślicza. –Zabrze, 2008. – S. 113–118.

Агеенко Т.Н.

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТАРХИВА ЦК КП(б)Б В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Для исследователей большой интерес представляют документы бывшего партийного архива КП(б)Б, фонды которого являются важнейшим источником информации по различным проблемам истории Беларуси. В связи с этим, важным является вопрос изучения создания и деятельности партархива в первые годы своего существования. Таким образом, предметом исследования является изучение истории возникновения и деятельности партархива с момента создания и до начала Великой Отечественной войны.

В июне 1921 г. при ЦБ КП(б)Б была создана Комиссия по собиранию и изучению материалов по истории КП(б)Б и Октябрьской революции (Истпарт), это время можно считать началом становления партийных архивов в Белоруссии [7, с. 3]. К концу 1923 г. Истпартом было собрано значительное количество документов за 1917–1920 гг., включая и документы делопроизводства самого ЦБ КП(б)Б за эти годы. Для их хранения в Центрархиве БССР было организовано историко-революционное отделение. В ноябре 1923 г. Президиум ЦБ КП(б)Б предложил Истпарту приступить к обработке архива ЦБ. Была выработана инструкция по ведению архивного дела и разослана ее уездным и районным комитетам партии.

5 ноября 1924 г. вышла директива ЦК ВКП(б), согласно которой все коммунисты и руководители учреждений обязывались сдавать в архив материалы, которые имели отношение к истории партии. В Истпарт ЦК КП(б)Б стали поступать документы из округов о событиях гражданской войны, революции и др. Эти документы положили начало формирования архива КП(б)Б [5, с. 70].

В 1920-е гг. остро стоял вопрос сохранности партийных документов. Так, в 1925 г. Минске были отмечены случаи, продажи документов партархива на базаре в качестве оберточной бумаги [1, л. 181]. В Борисове при ликвидации окружкома часть материалов была сожжена, а Истпарту был прислан акт об уничтожении документов и др. [5, с. 70].

В 1925 г. на заседании Президиума ЦБ было принято решение о разработке инструкции о порядке хранения партийных документов [1, л. 168]. В 1926 г. рассматривался вопрос об организации Центрального партархива при ЦК КП(б)Б, в округах при окружных окружкомах – окружных отделов Центрального архива. Отмечалось, что партийными органами БССР накоплено много материалов, которые необходимо сконцентрировать в одном месте. К этому документу прилагался проект инструкции о порядке подготовки к передаче в архив дел. В резолюции на документе указано, что «В ЦК ВКП(б), Истпарте вырабатывается общий план приведения архивов в порядок. Нужно подождать директив из Истпарта» [2, л. 18]. На состоявшемся в Москве в январе 1927 г. всесоюзном совещании заведующих Истпартов было решено организовать партийные архивы при ЦК, краевых, областных, губернских и окружных комитетах партии [6, с. 20].

В связи с ликвидацией округов в 1927 г. окружкомам было рекомендовано привести в порядок и сдать в ЦК КП(б)Б все дела по 1924 г., а дела за 1925–1927 гг. в соответствующий окружком КПБ. При окружкомах разрешалось оставить только те документы, которые были необходимы для текущей работы и могли понадобиться при организации райкома КП(б)Б [2, д. 23, л. 10]. В 1928 г. ЦК КП(б)Б передал свой текущий архив в Истпарт.

После слияния Истпарта и Института Ленина Оргбюро ЦК ВКП(б) 25 марта 1929 г. признало необходимым создать Единый партий архив при Институте Ленина. 28 июня 1929 г. ЦК ВКП(б) утвердило «Положение о Едином партийном архиве» [6, с. 20], в соответствии с которым был утвержден партархив Истпарта ЦК КП(б)Б как Белорусское отделение Единого партийного архива ВКП(б). Его организация по времени совпала с реорганизацией Истпарта в научно-исследовательский институт по изучению истории КП(б)Б и революционного движения в Беларуси. Начатая по решению ЦК КП(б)Б в мае 1929 г., она был завершена к 1 октября. Партархив стал структурной частью Института истории партии и революционного движения при ЦК КП(б)Б [9, с. 116]. В октябре 1928 г. партархив, включавший документы ЦК КП(б)Б, был перевезен в Могилев и размещен в помещении местного отделения Музея революции БССР. В Могилеве штат состоял из двух слабо квалифицированных архивариусов и заведующего [3, л. 8, 8 об.]. В Минске также была база партархива, которую составляли документы бывшего Истпарта.

В 1930 г. в связи с ликвидацией округов было принято решение о сдаче в архив партдокументов. На местах разрешалось оставить документы только с 1926 г., где они должны были храниться в течение 5 лет, после передаваться в областной архив [2, д. 59, л. 60]. Для проверки готовности документов к сдаче в архив, в округа были командированы работники Института истории партии. Проверяющие отмечали, что «есть угроза, что значительное количество очень важных и ценных не только с точки зрения научно-исследовательской работы, но и практической работы документов будет потеряно. Также замечается, что уже отобранные дела, которые подлежат сдаче, бросаются куда попало» [2, д. 59, л. 29]. В архив передавались документы большими объемами, так, например, архив Гомельского окружкома (и бывшего Губкома до 1925 г.) составлял 79 ящиков, архив Витебской организации был не меньше [2, д. 59, л. 61, 61 об.].

27 апреля 1931 г. было проведено обследование партархива. В результате выяснилось, что работа по концентрации партийных и комсомольских архивов Белоруссии проведена не полностью. В архив были переданы только архивы ликвидированных округов, районные же архивы и архивы низовых организаций нет. Сохранность документов на местах вызывала опасения. Так в Минском окружкоме партии документы валялись на полу в различных комнатах, часть материалов была уничтожена еще до концентрации. Сотруднику партархива, командированному для проверки подготовки материалов к отправке в Могилев, управделами заявил: «Не мы, так вы их уничтожите, а нам вообще этим делом некогда заниматься» [2, д. 74, л. 87]. Архив бывшего Гомельского губкома был сдан для отправки в Могилев союзтрансу и свален прямо на землю под дождем, а в Гомельском окружкоме комсомола во время упаковки материалов один

сыпал их в ящик, а другой утаптывал ногами и др. [2, д. 74, л. 87]. В большинстве случаев в архив документы поступали в неупорядоченном виде.

В связи с тем, что научно-техническая обработка документов проводилась техническим аппаратом архива без методической помощи со стороны квалифицированных сотрудников, в процессе обработки появлялось большое количество ошибок: дела относили не к тем фондам, неправильно составляли заголовки. Так, «дело с документами Янишкельского Уездного Совета за 1919 год, озаглавлено делом Польбюро при ЦК КП(б)Б. На делах делались ненужные отметки (подчеркивания, записи, лишняя нумерация и т.д.), вместо вынесения необходимых отметок, пояснений о существе материалов, в конце дела» [3, л. 2].

Сложно обстоял вопрос с архивными кадрами. «Научные работники, почти отсутствуют. Вполне понятно, что технические работники без непосредственного руководства не в состоянии выполнить даже и технической работы, тем более, что в архиве чисто технической работы, почти нет, а архивная работа считается научной работой» [3, л. 2–3].

В связи с тем, что документы не были обработаны, их использование затруднялось. Были отмечены случаи, когда материал, который посылался для использования не вовремя возвращали, на документах делались отметки, были случаи, когда с материалами работали лица без проверки документов, отсутствовал читальный зал и работник, отвечающий за выдачу и прием материалов [3, л. 3].

В 1935–1937 гг. сотрудники архива в связи с проверкой и обменом партийных документов занимались в основном этой работой. Обработка документов не проводилась. При подготовке запросов из хранилища ежедневно доставали около 200 дел, а после завершения работы сваливали их в кучи, что вело к путанице имеющихся в партархиве материалов [2, д. 302, л. 22–23].

После ликвидации в 1938 г. Института истории партии партархив перешел в непосредственное ведение ЦК КП(б)Б [9, с. 116]. С этого времени основными задачами партархива являлись: собирание и сохранение партдокументов; научно-техническая обработка документов и их учет; помощь партийным и комсомольским организациям в обработке и обеспечении сохранности архивных материалов на местах; исполнение запросов от партийных, комсомольских организаций и советских органов; выявление документов по истории ВКП(б), истории БССР и публикация их в журналах и газетах; подготовка и издание сборников документов [4, л. 2–8].

2 декабря 1939 г. было принято постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О партийных архивах», в соответствии с которым они передавались в ведение соответствующих областных, краевых и республиканских комитетов партии. По решению ЦК КП(б)Б от 3 марта 1940 г. в БССР были образованы партархивы при Минском, Витебском, Гомельском и Полесском обкомах КП(б)Б [6, с. 21–22]. Началось их комплектование документальными материалами. Могилевский архив получил название партархив при ЦК КП(б)Б. К началу Великой Отечественной войны он включал документы за 1919–1935 гг. ЦК и КК КП(б)Б, ЦК ЛКСМБ, местных партийных и комсомольских органов и организаций, контрольных комиссий, политотделов МТС и др. (всего 226 825 ед. хр.). 26 июня 1941 г. партархив вместе с текущими архивами ЦК КП(б)Б, Белостокского и Минского обкомов КП(б)Б, а также с партархивом Могилевского обкома партии был эвакуирован в Москву, а затем в Уфу [9, с. 421].

Благодаря оперативной эвакуации в первые дни Великой Отечественной войны партархив сохранил свою документальную базу и в настоящее время эти документы являются важнейшим источником для изучения политической истории БССР.

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 2544.
2. НАРБ. – Ф. 60-п. Оп. 1. Д. 16.
3. НАРБ. – Ф. 511-п. Оп. 1. Д. 18.
4. НАРБ. – Ф. 511-п. Оп. 2. Д. 45.
5. Міхнюк, У. М. Гістпарт Беларусі: асноўныя напрамкі дзейнасці / У. М. Міхнюк // Весці АН БССР. Сер. Грамадск. навук. – 1983. – № 6. – С. 68–72.
6. Почанин, С. З. Партийные архивы Белоруссии – документальная база истории КПБ / С. З. Почанин // Вопросы архивоведения и источниковедения в БССР: материалы научной конференции архивистов и историков, посвященной 50-летию архивного строительства в СССР / редкол. В.Н. Жигалов (отв.редактор) и др. – Минск : Вышэйшая школа, 1971. – С. 17–32.
7. Фонды бывших архивов Коммунистической партии Белоруссии: Краткий справочник: в 2 ч. / сост.: Г. С. Данилова, В. Д. Селеменев ; предисл. В. Д. Селеменев, М. Ф. Шумейко. – Минск : НАРБ, 1997. – Ч. 1. – 104 с.
8. Шумейка, М. Партыйны архіў Інстытута гісторыі партыі / М. Шумейка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск, 1999. – Т. 5. – С. 420–421.
9. Шумейко, М. Ф. Роль Белорусского Истпарта в собирании, сохранении и использовании архивов новейшей политической истории Беларуси / М. Ф. Шумейко // Архивы и делопроизводство. – 2011. – № 3. – С. 114–119.

Архипова Т.Г.

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РСФСР И ЕГО ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Написание этой статьи вызвано желанием привлечь внимание историков к материалам Министерства иностранных дел РСФСР, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации [1].

В федеративном государстве, каким позиционировался СССР, входящие в его состав государственные образования, имея внешние признаки государственности, обладали весьма эфемерной самостоятельностью. Наименьшей самостоятельностью обладала РСФСР. Наверное, в том числе и поэтому работ по истории «первой среди бесправных» крайне мало.

Организация и деятельность российского внешнеполитического ведомства не была предметом специального исследования. Более десяти лет назад автором настоящего доклада было опубликовано небольшое сообщение о скромной роли МИД РСФСР в формировании внешней политики СССР [2, с. 71–75], однако хранящиеся в фонде Министерства документы содержат информацию не только об этом.

Деятельность любого российского ведомства, по словам главы предпоследнего правительства СССР Н.И. Рыжкова, имела «призрачное влияние» как на внутреннюю, так и на внешнюю политику союзного государства. На свой же вопрос «…чем занимался МИД РСФСР?» он отвечал: «…ничем. Оно посильно дублировало приказы старшего союзного «брата» [4, с. 65]. Назначенный в начале 1960-х гг. министром иностранных дел РСФСР М.А. Меньшиков в своих мемуарах писал о необычайной ограниченности компетенции этого министерства [3, с. 264]. Более сорока лет оно не имело даже положения и руководствовалось не утвержденным вышестоящей инстанцией проектом 1968 г.

С вхождением в состав СССР республики теряли право внешних сношений с другими государствами, по терминологии тех лет они «делегировали» его союзным структурам. Такое положение вещей полностью устраивало союзное руководство, но не могло устроить «суверенные государства», однако все разногласия, как известно, решались в партийном порядке. В то же время, когда вопрос о расширении прав республик, в том числе и во внешнеполитических вопросах, был поднят на десятой сессии Верховного Совета СССР в феврале 1944 г., их руководители проявили подлинную заинтересованность и нашли многочисленные аргументы в пользу положительного его решения.

Причины такого разворота событий были чисто политическими. Забрезжило окончание Второй мировой войны, лидеры стран антигитлеровской коалиции заговорили о послевоенном мире. Начиная с Московской конференции, на последующих встречах ими поднимался вопрос о всеобщей безопасности. В конце концов, была принята Декларация (ее подписал и представитель Китая), предусматривавшая создание международной организации для поддержания мира и безопасности на планете. Не имея тогда блока союзных с ним государств, СССР настаивал на вхождении в состав будущей международной организации всех его республик. Поскольку США и Великобритания считали суверенитет этих республик весьма сомнительным, в высших партийных кругах посчитали возможным его подкрепить, предоставив республикам права в области внешних сношений и обороны.

НКИД РСФСР был создан на основании закона РСФСР от 4 марта 1944 г., принятого на пятой сессии Верховного Совета РСФСР в развитие акта союзного законодательного органа. Будучи частью союзно-республиканской системы, он одновременно подчинялся НКИД СССР и Совету Народных Комиссаров РСФСР. 8 марта этого же года А.И. Лаврентьев был назначен главой ведомства. В задачи нового наркомата входило наблюдение за выполнением учреждениями и организациями республики директив партии и правительства по внешнеполитическим вопросам; содействие развитию и укреплению внешних связей РСФСР в соответствии с поручениями союзных органов; подготовка для правительства РСФСР предложений в связи с участием наркоматов и др. ведомств, исполкомов местных Советов в деятельности международных организаций и обмене в деле научно-технического, экономического и культурного сотрудничества; оказание необходимого содействия этим организациям; подготовка для правительства и Президиума Верховного Совета РСФСР необходимых материалов и ответов на запросы

учреждений, официальных и частных, иностранных государств; осуществление консульской службы в пределах, определенных Наркоматом иностранных дел СССР. Наркомат должен был ведать также вопросами дипломатического протокола Совнаркома, Президиума Верховного Совета республики. В марте 1946 г., как и другие наркоматы, он был переименован в министерство, в 1991 г. стал основой внешнеполитического ведомства новой России.

Первая партия документов МИД РСФСР поступила в ЦГА РСФСР в ноябре 1974 г. в количестве 141 ед. хр. Это были дела за 1947–1948 и 1959–1970 гг. Столь небольшое их количество за более чем два десятилетия объясняется несколькими причинами. РСФСР, в отличие от советской Белоруссии и советской Украины, в состав учредителей Организации Объединенных Наций не вошла, в связи с чем союзное руководство утратило интерес к этому ведомству. Сказалось и уничтожение дел временного срока хранения. Кроме того, в 1947–1954 гг. хозяйственное обслуживание и финансирование российского ведомства осуществлялось Управлением делами МИД СССР и его бухгалтерией, а с декабря 1960 г. по 1974 г. – Управлением делами Совета Министров РСФСР. С февраля 1954 г. по декабрь 1960 г. МИД России не имел своего собственного аппарата. Лишь на исходе 1960-х гг., когда начался рост поначалу весьма скромного штата Министерства, появилась должность заведующего канцелярией, а затем и собственно канцелярия. Все это вместе взятое обусловило нахождение его документов сначала в Архиве МИД СССР, а затем и МИД РФ.

Основная же масса хранящихся в ГАРФ документов российского МИД поступила в 1978, 1989 и 2002 гг. Всего фонд насчитывает около тысячи единиц хранения. Среди них поручения ЦК КПСС и СМ РСФСР по внешнеполитическим вопросам и материалы по их выполнению; записи бесед руководства и сотрудников министерства с представителями иностранных государств; отчеты и справки министерств и ведомств РСФСР о научных, экономических и культурных связях с зарубежными странами; отчеты советских делегаций о пребывании за границей; справки сотрудников МИД РСФСР о работе курсов иностранных языков для специалистов резерва по техпомощи и экспертов ООН; материалы о развитии и укреплении дружественных связей между городами РСФСР и иностранных государств, о работе с туристами и иностранными моряками в портовых городах РСФСР; о наблюдении за приграничными связями и др. Среди документов, хранящихся в ГАРФ, фактически нет планов и отчетов Министерства, т.к. они составлялись в так называемом закрытом порядке – секретном и хранятся, по-видимому, в ведомственном архиве МИДа РФ.

Поиск необходимой информации в материалах фонда сопряжен с некоторыми трудностями. Отсутствие собственной службы документационного обеспечения управления, известное пренебрежение деятельностью ведомства со стороны вышестоящих органов привело к тому, что дела формировались довольно хаотично и их названия не могут адекватно отразить их содержание. Под одной обложкой могут быть различные виды документов разной информативной ценности, не всегда объединенные одной темой, – подлинники и копии, справки и отчеты, письма и всевозможные списки и т.п.

Наиболее информативной, на наш взгляд, является довольно большая группа дел с материалами о развитии и укреплении дружественных связей между городами РСФСР и зарубежных стран – позднее они стали именоваться породненными городами [1, д. 8, 20–22, 89–96 и др.]. Здесь сосредоточены планы, отчеты, всевозможные справки о взаимных поездках, информация о проводимых мероприятиях, совместных праздниках и т.п. Отчеты исполкомов Ленинградского и Московского горсоветов о такой работе сформированы в отдельные дела [1, д. 18, 19, 32, 106 и др.]. К 1988 г. 94 города РСФСР поддерживали дружественные связи с 241 городом из более чем 60 стран – Финляндии, Франции, Японии и др. [1, д.632, л. 3].

Весьма интересная информация содержится в материалах, именуемых «наблюдениями за приграничными связями» [1, д. 162, 184, 206, 207, 395 и др.]. Они содержат сведения о торгово-экономических отношениях между российскими приграничными территориями и приграничными территориями сопредельных государств. Имеются, например, подлинные аналитические записки руководителей приграничных Советов о взаимоотношениях с местными органами власти Китайской Народной республики [1, д. 712, л. 22–29, 37–40, 50–55].

В материалах о работе с туристами и моряками в портовых городах содержится информация о ее формах и методах. Особое внимание, судя по всему, уделялось ее идеологической составляющей. С этой целью осуществлялось инспектирование портовых клубов. Работники министерства в плановом порядке выезжали в портовые города для так называемого ознакомления с работой интернациональных секторов этих клубов. Результаты такого ознакомления обсуждались с руководителями областных, городских и районных партийных органов. При этом представители министерства акцентировали внимание на необходимости усиления пропагандистской направленности в работе с иностранными моряками и туристами в самых разных местах вплоть до гостиниц, ресторанов и др. общественных мест. Затрагивались на таких обсуждениях и вопросы, касающиеся благоустройства портовых городов, оставляющего желать лучшего. Отчеты об этих поездках направлялись в Совет Министров РСФСР и Министерство иностранных дел СССР.

Работники республиканского Министерства обычно выезжали за рубеж в составе делегаций союзного МИДа, самостоятельные поездки были довольно редким явлением, но МИД РСФСР отводилась «координирующая роль» по «политическому обеспечению внешнеэкономических связей», осуществляемых другими министерствами. Они обязаны были систематически отчитываться перед МИДом о работе в этой области. Среди подконтрольных ему министерств были: Министерство просвещения, Министерство коммунального хозяйства, Министерство речного флота и другие российские ведомства. В фонде МИД хранятся отчеты и по внешнеэкономическим связям, например, с Норвегией, Швецией и др. государствами [1, д. 162] и о зарубежных поездках работников этих министерств.

Значительный интерес представляют материалы о работе в народном хозяйстве РСФСР граждан Болгарии [1, д. 182, 208, 236, 275, 396 и др.], Вьетнама [1, д. 726]. Здесь собраны справки и письма союзных и республиканских министерств и ведомств, где можно встретить информацию о нарушении иностранцами режима, об устройстве их быта, заключении браков, учебе их детей и др.

Особый интерес представляют документы второй половины 1980-х гг., когда в условиях перестройки РСФСР идет на контакты с другими государствами самостоятельно, связи со странами срединной Европы расширяются и дополняются связями с Японией, азиатскими и иными государствами. В конце 1980-х гг. появляется такая форма связей с зарубежными странами как «Дни Советского Союза на примере РСФСР» [1, д. 632].

В ноябре – декабре 1985 г. в соответствии с постановлениями Совета Министров РСФСР в структуре министерства появились отделы, была создана коллегия. В нее вошли не только руководители самого МИД, но и представители союзного внешнеполитического ведомства, Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, Госплана, Минвуза, Минкультуры и Госкомиздата РСФСР [1. д. 601, л. 1]. С этого времени появляются материалы, отложившиеся в результате деятельности коллегии: планы работы, повестки дня, материалы к заседаниям, протоколы заседаний, постановления коллегии, информационные письма о них в МИД СССР. 5 мая 1988 г. Советом Министров РСФСР было, наконец, утверждено Положение о Министерстве [1, д. 635]. При сравнении его с проектом 1968 г. [1, д. 99] становится очевидным расширение компетенции Министерства. Еще большее ее расширение произошло после принятия Декларации о суверенитете РСФСР и принятия 21 ноября 1990 г. следующего Положения о Министерстве. Последнее выводило министерство за рамки союзно-республиканской системы, отмечая, что оно осуществляет свою деятельность во «взаимодействии» с союзным ведомством. Начинался новый этап деятельности российского внешнеполитического ведомства.

Несмотря на жесткую зависимость республиканского Министерства от союзных структур различного уровня, материалы фонда могут дать значительную информацию об участии РСФСР в формировании внешней политики СССР в целом и по многим ее частным проблемам.

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А 612. Оп. 1.

2. Архипова, Т. Г. Роль РСФСР в формировании внешней политики Союза ССР: Министерство иностранных дел РСФС в 1944–1988 гг / Т. Г. Архипова // XX век и внешняя политика России : мат-лы научно-практ. семинара «Российская государственность и внешняя политика». – М. : Изд. МГИМО, 1998. – 79 с.

3. Меньшиков, М. А. С винтовкой и во фраке : (воспоминания дипломата) / М. А. Меньшиков. – М. : Международные отношения, 1996. – 287 с.

4. Рыжков, Н. И. Десять лет великих потрясений / Н. И. Рыжков. – М. : Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995. – 626 с.

Киселев М.Ю.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ В АРХИВЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: ПРОБЛЕМЫ СОХРАННОСТИ

Архив Российской академии наук (РАН) остается одним из крупнейших и старейших отраслевых архивохранилищ России. В нем хранятся документальные комплексы по истории руководящих органов Академии наук, личные фонды выдающихся ученых и деятелей культуры, фонды академических учреждений и организаций за период XIX–XXI вв. Перед архивом стоит сложнейшая задача – сохранить историко-культурное наследие российской науки,обеспечить пользователей ретроспективной информацией, имеющей важную научную и социокультурную значимость, направить документальные потоки знаний в единое информационное пространство современного общества.

По программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг. Архив РАН выполняет научно-исследовательскую работу «Сохранение и изучение историко-культурного наследия: выявление, систематизация, научное описание, реставрация и консервация». Одной из тем научных исследований на 2014–2017 гг. является «Сохранение документальных источников Архивного фонда Российской академии наук». Архивный фонд Российской академии наук, в который входят документы Архива РАН, является составной частью Архивного фонда Российской Федерации.

Практика работы Архива РАН показывает постоянный рост востребованности информации, содержащейся в документах архива. Поэтому перед архивистами стоит задача обеспечить сохранность документов не только при их хранении в архивохранилищах, но и в процессе их использования. Увеличение количества выданных дел, работа с различными категориями исследователей, выдача дел во временное пользование учреждениям и организациям, подготовка выставок и публикация документов, предоставление документов для экспонирования на выставках – все это требует комплексного подхода к обеспечению сохранности архивных документов.

Традиционным видом работ по обеспечению сохранности документов является проверка нумерации листов в делах до и после использования документов. В 2014 г. в Архиве РАН после использования проверено около 280000 листов документов. По заявкам исследователей, в зависимости от физического состояния документов, изготавливаются их ксерокопии. Копирование архивных документов производится только с письменного разрешения руководства архива. Так же с разрешения директора Архива РАН и под контролем сотрудника группы использования документов в рамках совместных исследовательских проектов с архивом производится копирование документов техническими средствами исследователя (фотоаппаратами, видеокамерами). Так как воздействие светового потока при копировании, неоднократные расшивки и подшивки дел ухудшают их физическое состояние, в архиве предпринимается ряд мероприятий по сокращению копирования документов.

Одним из основных способов сокращения использования подлинников документов является создание фонда пользования. В Архиве РАН с 1986 г. функционирует Отдел страхового документального фонда, который в соответствии с планом проводит микрофильмирование документов особо ценных академиков В.И. Вернадского, С.И. Вавилова, В.Л. Комарова, А.Е. Ферсмана, К.Э. Циолковского, Н.А. Морозова, Президиума АН СССР и его структурных подразделений, Коммунистической академии приЦИК СССР и ее институтов и других. При наличии фонда пользования на микрофишах подлинные документы для использования не выдаются. С 2011 г. Отдел страхового документального фонда с использованием нового современного оборудования приступил к созданию фонда пользования на электронных носителях, что позволяет изготавливать копии документов более высокого качества. Кроме того, созданы полнотекстовые электронные копии шести фондов личного происхождения особо ценных документов, размещенные в подразделе «Электронные коллекции» портала Российской академии наук.

Вопрос сокращения выдачи документов исследователям в читальный зал и сотрудникам для служебного использования в целях обеспечения физической сохранности документов Архив РАН решает путем организации целенаправленного поиска документов с помощью информационно-поисковых систем. В Архиве РАН сложилась система научно-справочного аппарата: путеводитель, справочники, описи, каталоги и картотеки, базы данных к отдельным документальным комплексам: однако она не позволяла решать ряд проблем. В решении этой задачи

наиболее эффективным для Архива РАН являлось создание автоматизированного научно-справочного аппарата, который, реализуя все функции традиционной системы научно-справочного аппарата, предоставляет по сравнению с ней более широкие возможности оперативного и многоаспектного поиска архивных документов и представления его результатов.

В 2004–2006 гг. в Архиве РАН была разработана многофункциональная база данных «Учет и каталог». В распределенной структуре базы данных на описательном уровне «Описи» заложена функция создания и осуществляется хранение графических файлов с оцифрованными изображениями традиционной описи фонда на бумажной основе. На описательных уровнях «Дела» и «Документы» заложена функция создания и осуществляется хранение электронного фонда пользования – полнотекстовых (факсимильных) изображений документов. Таким образом, наряду с автоматизированным поиском информации в базе данных заложена возможность хранения электронного фонда пользования. В 2011 г. Архивом РАН разработана «Информационная система Архива РАН», в которую включен раздел «Каталог файлов» – база данных Фонда пользования. В него включены электронные копии всех документов, сканирование которых проводилось в архиве, как при выполнении различных видов архивных работ, так и при подготовке публикаций и выставок, исполнении заказов исследователей читального зала.

Использование возможностей баз данных «Учет и каталог» и «Каталог файлов» позволяют в автоматизированном режиме исключить повторное копирование или сканирование архивных документов. Кроме того, информационная система Архива РАН размещена в сети Internet на сайте isaran.ru, что позволяет пользователям в режиме удаленного доступа ознакомиться со списком фондов, реестром описей и каталогом к документам Архива РАН. В 2011–2013 гг. в Архиве РАН создана база данных «Электронные описи Архива РАН», включающая графические изображения описей, которая позволяет исследователям читального зала Архива РАН и пользователям сети Интернет просматривать и изучать описи в режиме реального времени.

Для обеспечения сохранности документов при подготовке и проведении выставок архивом приобретено выставочное оборудование, что позволяет использовать подлинные документы на срок не более одного месяца. При длительной экспозиции документов и предоставлении другим организациям подлинники заменяются качественными копиями. В практику работы Архива РАН внедрены подготовка и проведение виртуальных выставок к юбилейным датам ученых: Е.А. Косминского, А.В. Флоровского, Н.С. Курнакова, А.А. Байкова, В.Г. Шухова, Н.А. Рынина, которые размещены на сайте архива. Там же размещены электронные презентации каталогов к выставкам, проведенным в архиве. Это позволяет исключить подлинные документы из оборота и ознакомиться с экспонатами выставок в режиме удаленного доступа.

С 2009 г. в рамках подпрограммы Президиума РАН «Информационное обеспечение деятельности РАН и взаимодействие со СМИ» Архив РАН принимает участие в подготовке серии электронных коллекций, посвященных научному наследию и истории Российской академии наук: «В.И. Вернадский. К 150-летию со дня рождения»; «Познание прошлого – понимание будущего: вклад Академии наук»; «Музы в храме науки»; «Президент АН СССР С.И. Вавилов. 120 лет со дня рождения»; «Президент Академии наук СССР М.В. Келдыш. 100 лет со дня рождения»; «Академия наук и космос. К 50-летию полета Ю.А. Гагарина»; «Президенты Академии наук»; «Акварели Марии Сибиллы Мериан»; «Атомная эра: вклад Академии наук»; «Награды Академии наук»; «М.В. Ломоносов и его время». В электронных коллекциях, подготовленных на основе документов архива и размещенных на портале РАН, представлено большое количество копий архивных документов, что исключает их повторное использование.

При всем старании сотрудников Архива РАН время и использование архивных документов делают свое дело: ветшает носитель (бумага), выцветает текст и изображения. Лаборатория биохимической защиты и реставрации документов проводит комплекс работ по специальной обработке документов, но объемы ее незначительны. После проведения реставрационных работ сотрудники лаборатории проводят сканирование документов, что в дальнейшем исключает их копирование. В настоящее время электронные копии отреставрированных документов размещены в специальном модуле, который в дальнейшем будет включен в информационную систему Архива РАН.

Основным путем сокращения использования подлинных документов для обеспечения их сохранности, по нашему мнению, является создание фонда пользования на электронном виде, в первую очередь к особо ценным документам. Электронная копия документа позволяет полу-

чать многократные его экземпляры как на бумажной основе, так и в электронном виде, при одноразовом использовании подлинного документа. При этом необходимо решать трудоемкую задачу выявления особо ценных документов и их учета. Одновременно требуется принимать решение о создании электронных копий только особо ценных документов фонда или фонда в целом. От этого зависят объемы необходимых штатов, технических средств и финансовых затрат. Кроме того, наполнение контента базы данных «Учет и каталог» позволит проводить более эффективный поиск информации по документам Архива РАН. Для решения этих задач необходимо проведение трудоемкой и длительной работы по наполнению разделов информационной системы Архива РАН как информационными материалами, так и электронными копиями документов. Это позволит в будущем свести к минимуму использование подлинников архивных документов, сохраняя их для наших потомков. Вышеуказанные мероприятия позволяют решать задачу сохранения документальных источников Архивного фонда Российской академии наук, как составной части Архивного фонда Российской Федерации.

Дьякова Е.В.

АРХИВ КЛУБА «КРАЕВЕД»

В обществе существует стереотип, что в библиотеках хранятся исключительно книги. Тем не менее библиотеки, как просветительские учреждения, занимаются еще и научно-популяризаторской работой. И в ходе этой деятельности собирается материал, который по своей сути становится архивным фондом. И важным является использовать исследовательские наработки краеведов для дальнейшего изучения истории края.

Целью данной работы является освещение архива Клуба «Краевед», хранящегося в отделе «Украиника» имени Т.Г. Шевченко Харьковской государственной научной библиотеки имени В.Г. Короленко (далее – ХГНБК).

В историографии эта тема детально не рассматривалась. Отдельные сведения содержатся в публикациях краеведов Е. Дмитриевой, И. Саратова, В. Ярошик [2, 4, 6]. Но в этих статьях анализ архива Клуба носит фрагментарный характер и не дает целостного представления об этом собрании документов и материалов.

Сам Клуб был организован вначале как Общество краеведов на базе отдела краеведческой работы ХГНБК. Первое заседание организаторов Общества – актива краеведов – состоялось 13 июня 1978 г. [6]. Основателями Общества были сотрудники отдела Г. Каширина, Т. Шерстюк, В. Ярошик, журналисты Л. Строковский, И. Марченко, ученый-гидротехник И. Саратов и ученый-мелиоратор Б. Заскальков [6]. С годами численность Общества увеличилась и в конце 1980-х гг. оно было преобразовано в Клуб «Краевед». Сегодня Клуб насчитывает более 100 участников, среди которых краеведы профессионалы и любители, ученые и школьники, «технари» и «гуманитарии». В разное время в Клубе работали известные харьковские историки Б. Зайцев, А. Эпштейн, архитекторы А. Лейбфрейд, В. Новгородов, П. Шпара, А. Тиц и многие другие известные в городе ученые и общественные деятели. Эти люди не только любили своей город, но и изучали его прошлое, стремились выявить как можно больше фактов из его истории. Со временем тематика докладов на заседаниях Клуба расширилась за счет изучения области. Причем поднимались не только исторические вопросы, но и экономические, экологические, научные, искусствоведческие, освещалась деятельность выдающихся харьковчан.

Чтобы не утратить найденные факты из истории региона, было решено сохранять собранный материал в отделе краеведческой работы (с 1993 г. – отдел «Украиника», а с 2014 г. – отдел «Украиника» имени Т.Г. Шевченко). Переданные краеведами в отдел исследования и иллюстративный материал легли в основу архива Клуба «Краеведов». В настоящее время в нем хранится большое количество рукописных и печатных материалов и документов. Архив делится на три части: протокольную, тематическую и персональную.

С момента основания Клуб ведет протоколы заседаний. На сегодняшний день их насчитывается более 400. В протоколах отражается повестка дня: дата проведения заседания, заслушиваемая тема, обсуждение выступления, вопросы к докладчику и его ответы, комментарии краеведов. К протоколу прилагаются такие документы: объявления о проведении заседания Клуба, список присутствовавших, полный текст сообщения или тезисы докладчика. К некоторым вы-

ступлениям прикладывался сопутствующий материал: фотографии, иллюстрации, вырезки из прессы, копии официальных документов и т.п. Все протоколы сброшюрованы и переплетены.

Важным для понимания работы Клуба является первый протокол, в котором зафиксировано обсуждение организационных вопросов – определены периодичность заседаний, тематика докладов, привлечение к работе специалистов и общественности и т.п. [2, с. 5]. Протокольная часть архива, прежде всего, раскрывает организационную работу Клуба, тематику заседаний, интерес краеведов к той или иной проблеме из прошлого Харьковщины.

Большое место в архиве занимают т.н. тематические досье. Изучая определенную тему, краеведы собирали материал из разных источников. Он включает в себя вырезки из газет и журналов, выписки из книг, архивных документов, фотографии, рисунки, картосхемы. Эти подборки дают возможность ознакомится с такими темами, как основание Харькова, важные вехи в его истории, топонимика, развитие в регионе экономики, торговли, науки, искусства, спорта.

Много внимания в тематических досье уделено жизни знаменитых людей. Здесь можно найти информацию о таких выдающихся харьковчанах, как философ Г. Сковорода, историк Д. Багалей, художник И. Репин, политический деятель Святополк-Мирский; о семьях Алчевских, Бекетовых и др. Кроме того, можно найти сведения о пребывании в Харькове поэта С. Есенина, певца Ф. Шаляпина, композитора П. Чайковского и других известных деятелей культуры России.

Важным для изучения некоторых краеведческих проблем являются тематические досье, собранные краеведом кандидатом технических наук В. Смоленским. Они касаются истории спорта, Москалёвки (района, где жил исследователь), Дворца пионеров и др. Подборки музыковеда Т. Тихомировой посвящены истории некоторых городских зданий.

Очень интересными для ознакомления с архитектурным обликом Харькова являются фотоальбомы. Их можно разделить на две группы: созданные в 1960–1970-е гг. и современные.

Первую группу составляют 15 альбомов, в которых помещены фотографии с видами Харькова из коллекций инженера-строителя П. Романова и доктора архитектуры А. Тица. Составлены они и оформлены Т. Тихомировой под редакцией кандидата архитектуры А. Лейбфрейда. Три альбома посвящены церковной архитектуре города и области, остальные – архитектуре и историческим памятникам Харькова. Эти альбомы составлены в соответствии с исторически сложившейся планировочной структурой города, направлением его основных транспортных магистралей.

Вторая группа создается современным краеведом Г. Никольским, который в XXI в. по сути продолжил работу предшественников. Г. Никольский делает подборку фотографий по улицам. При этом, кроме традиционных, он использует и редкие фотографии, открытки, найденные на разных сайтах Интернета. Г. Никольский передал в отдел «Украиника» уже более 50 таких папок. Эти фотоальбомы демонстрируют изменения архитектурного облика Харькова.

Также в 1960–1970-е гг. В. Смоленский нарисовал планы города и отдельных районов Харькова, которые также позволяют увидеть развитие города в течение 350 лет, вплоть до середины XX в.

Таким образом, тематические досье представляют собой богатой собрание доступных и разнообразных материалов по многим аспектам истории Харьковской области.

Третья, важная часть архива, – это персональные папки членов Клуба. Эти папки вели/ведут наиболее активных (живых и умерших) краеведов, которые внесли определенный вклад в изучение истории региона. В них хранятся материалы, рассказывающие о самом человеке, его фотографии, публикации, а также статьи о нем самом. Некоторые краеведы в этих папках оставляли свои мемуары, неизданные исследования.

Огромный научный интерес представляют персональные папки краеведов А. Лейбфрейда и Т. Тихомировой. Так, в папке Т. Тихомировой хранятся исследования по истории зданий, вырезки публикаций «на злобу дня». Например, в 1990-е гг. горсоветом обсуждался вопрос о стоимости городской земли. Краевед в 1993 г. в местной газете «Слобода» напечатала небольшую статью «Как вам эти цены?!», посвященную стоимости земли в Харькове в конце XIX в. Таким образом, можно сравнить разницу в цене на землю в конце XIX в. и в конце XX-го.

Уникальной является история архива А. Лейбфрейда. Он разделил свою коллекцию документов и материалов между институтами инженерно-строительным и инженеров коммунального строительства (сейчас – это университет строительства и архитектуры и университет городского хозяйства) и двумя отделами ХГНБК – «Украиника» и редкой книги. В исследуемом архиве хранятся рисунки архитектора, подборка газетных вырезок о нем, опись архивных мате-

риалов по застройке города, воспоминания о разных периодах жизни и истории архитектуры и застройки Харькова.

Таким образом, персональные дела краеведов дают представление как о личности исследователя, ее жизненном пути, так и о ее творческой деятельности, научных интересах и изысканиях.

Сотрудники отдела «Украиника» популяризируют деятельность Клуба «Краевед». С этой целью в 1988, 1997, 2003 и 2011 гг. были напечатаны сборники «Сто краеведческих чтений (Хроника и содержание)» [5]. В сборниках опубликованы повестки заседаний Клуба, библиографический указатель публикаций о самом Клубе, биографии краеведов. Каждое издание имеет именные указатели участников заседаний, авторов публикаций о Клубе и активных краеведах.

С 2008 г. на сайте ХГНБК действует электронный проект «Краєзнавство» [3]. На этой веб-странице дается информация о заседаниях Клуба. Сотрудники отдела выпускают презентации к знаменательным датам в жизни города и страны, юбилеям выдающихся деятелей Харькова и Украины. Здесь краеведы имеют личные страницы, на которых размещают свои публикации.

Знакомство с веб-страницей «Краєзнавство» побуждает некоторых харьковчан (не имеющих отношение к Клубу) приносить воспоминания своих родственников специально для размещения в Интернете. Иногда они сопровождаются и видеорядом. Среди последних таких поступлений можно выделить мемуары театрального деятеля Т. Ольховского, переданные его дочерью.

Вообще, собранная в архиве мемуаристика рассказывает о жизни харьковчан в разные исторические периоды, начиная с конца XIX в. Это дает возможность проследить как менялись быт и нравы местных жителей на протяжении более чем ста лет.

Часть собранных воспоминаний в разное время была опубликована. Например, в 2012 г. увидела свет книга «Город и война», в которой использованы записи краеведов, хранящиеся в этом архиве.

Таким образом, архив Клуба «Краевед» имеет большой фонд документов и материалов, который освещает как саму деятельность Клуба, так и отдельных его членов; дает информацию о разных сторонах жизни Харькова и его жителей. Эти материалы являются ценным источником изучения такого популярного в современной исторической науке направления, как история повседневности.

1. Город и война: Харьков в годы Великой Отечественной войны. – СПб. : Алетейя, 2012. – 568 с.

2. Дмитрієва, О. М. Об'єднані любов'ю до Харківщини / О. М. Дмитрієва // Сто краєзнавчих читань (Хроніка та зміст). Вип.. 4. / Харк. держ. наук. б-ка ім. В.Г. Короленка ; [уклад.: В. О. Ярошик, О. М. Дмітрієва]. – Харків, 2011. – С. 4–9.

3. Краєзнавство [Електронний ресурс]: http://korolenko.kharkov.com/kray/kray0.html, вільний (18.04.2015) . – Назва з екрану.

4. Саратов, І. Ю. Архіви клубу «Краєзнавець» — джерело інформації для нового покоління дослідників / Саратов І. Ю. // Скаржниці національної культури : тези доповідей науково-практичної конференції з музеєзнавства, присвяченої 40-річчю Пархомівського історико-художнього музею (жовтень 1995 р.). – Харків, Пархомівка, 1995. – С. 37–38.

5. Сто краеведческих чтений (Хроника и содержание) / Харк. держ. наук. б-ка ім. В.Г. Короленка ; сост.: Т. Г. Шерстюк, В. А, Ярошик. – Харьков, 1988. – 40 с.; Сто краєзнавчих читань (Хроніка та зміст). Вип. 2. / Харк. держ. наук. б-ка ім. В.Г. Короленка ; укладачі: Т. Г. Шерстюк, В. О. Ярошик. – Харків, 1997. – 63 с.; Сто краєзнавчих читань (Хроніка та зміст). Вип. 3. / Харк. держ. наук. б-ка ім. В.Г. Короленка ; уклад.: В. О. Ярошик, Т. Г. Шерстюк. – Харків, 1997. – 91 с.; Сто краєзнавчих читань (Хроніка та зміст). Вип. 4. / Харк. держ. наук. б-ка ім. В.Г. Короленка ; [уклад.: В. О. Ярошик, О. М. Дмітрієва]. – Харків, 2011. – 128 с.

6. Ярошик, В. О. Краєзнавство – улюблена справа : рукопис / В. О. Ярошик. – 2008 рік.

Некрасова Н.В.

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТВЕРСКИХ ИСТОРИОПИСАТЕЛЕЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Конец XIX в. – время возникновения местных исторических обществ и активного развития местного историописания, целью которого являлось конструирование исторической памяти и строительство локальной идентичности. Изучение практики местного историописания является актуальным вопросом источниковедения историографии [8, с. 203–204].

Губернские ученые архивные комиссии стали организациями, которым удалось институализировать сообщества местных любителей старины, предоставить им возможность для общения и публикации своих сочинений. Тверская губернская ученая архивная комиссия (далее ТУАК) была основана одной из первых, в 1884 г. На открытии комиссии академик и сенатор Н.В. Калачов (именно он был инициатором создания губернских ученых архивных комиссий и благодаря его энергии и связям комиссии были учреждены) сказал: «Из четырех губерний, в коих предписано открыть, по Высочайшему повелению, ученые архивные комиссии и исторические архивы, Тверская занимает, бесспорно, первое место не только как губерния, усеянная, так ска-

зать, древностями разного рода, но и обладающая уже несколькими выдающимися деятелями по собиранию и описанию этих древностей» [9, с. 2]. Комиссии возникли как органы, которые призваны сохранять архивы «на местах», но в их негласные обязанности вошло собирание памятников старины и изучение местной истории.

Изучение археографических практик ТУАК (отбор источников, уровень и видовой состав публикаций), а также соотнесение опубликованных источников с сюжетами местной истории имеют значение в двух плоскостях. С одной стороны, археографические стратегии тверских историков раскрывают механизмы формирования локальной исторической памяти. С другой стороны, изучение археографической деятельности позволяет определить соотношение социально ориентированного и научного типов исторического знания в практике местного историописания.

Единой программы публикаций исторических источников у ТУАК не было. Председатель комиссии А.К. Жизневский предпринимал попытки обозначить темы для исследований и публикаций, но в программу работы комиссии это не оформилось [3, с. 3–4].

Рассмотрим способы отбора и публикации исторических источников.

1) В архивную комиссию или Тверской историко-археологический музей присылались документы в дар (фамильные архивы дворян, редкие документы из архивов церквей и монастырей губернии), члены комиссии публиковали их на страницах Журналов заседаний ТУАК (Журналы заседаний комиссии можно рассматривать как повременное издание научно-просветительного общества, всего было издано 118 выпусков с 1884 г. по 1915 г. Журналы содержат информацию о присутствующих на заседании членах комиссии, о выборах новых членов, сообщения о состоянии архивов губернии и их обработке, доклады и сообщения по местной истории, публикации документов). Председатель комиссии ходатайствовал о публикации отдельными изданиями наиболее интересных, с точки зрения изучения местной истории, документов. Обычно уровень этих публикаций был невысоким, документы вырывались из исторического контекста; значение придавалось лишь тому, что в предлагаемых к публикации документах содержались сведения об интересных, необычных событиях, о некоем историческом казусе.

2) К юбилейным датам специально отыскивались документы, которые публиковались на станицах Журналов. Это довольно распространенный способ конструирования мест памяти.

3) Члены комиссии обнаруживали интересные, с их точки зрения, документы в процессе разбора выделенных к уничтожению дел губернских архивов. Уровень этих публикаций в Журналах заседаний ТУАК также низок, часто документы издавались без комментариев, со словами «в комиссию доставлено…».

4) Члены комиссии, изучающие определенную тему, публиковали обнаруженные ими документы на страницах журналов заседаний ТУАК (в приложениях) или отдельными изданиями. Если, по мнению членов комиссии, значение источника не ограничивалось рамками местной истории, принималось решение изыскать возможность публикации его в столичных изданиях. Такие публикации, как правило, были снабжены предисловием, имели научно-справочный аппарат, опубликованные в них источники вписаны историками в общий контекст русской истории.

5) В столичных архивах историками-архивистами, членами ТУАК выявлялись дела и документы по истории Тверской губернии. Выявленные документы также публиковались в Журналах заседаний и отдельными изданиями. Столичные архивисты и историки публиковали документы по истории Тверского края, руководствуясь своими научными и профессиональными интересами [14].

Сквозной просмотр Журналов заседаний ТУАК [15], аннотированного указателя их содержания [10, с. 671–749], выявление публикаций исторических источников в отдельных изданиях комиссии [16, с. 422–428] позволили сделать некоторые выводы о видах публикуемых источников, целеполагании публикаторов и археографических практиках тверских историописателей.

Основной вид публикуемых в ТУАК источников – актовые материалы XVI–XVIII вв. (грамоты) из архивов церквей и монастырей Тверской епархии (единичные акты публиковались в Журналах заседаний, отдельно издавались акты, подобранные по тематическому признаку). На втором месте по количеству публикаций – делопроизводственные (наказы, жалобы, прошения) и учетные (писцовые, переписные, дозорные книги) документы XVIII–XIX вв. Далее следуют источники личного происхождения XVIII–XIX вв. (воспоминания, записные книжки, письма), литературные произведения XVIII–XIX вв. (стихи), богослужебная книжность XVII–XIX вв. (синодики, проповеди), историографические источники XVIII–XIX вв., публицистика XVII–XVIII вв., записки иностранцев (отрывок из сочинения английского путешественника) XVIII в.

Особое место в исследованиях ТУАК занимает история церкви. Это объясняется и уже сложившимися традициями местного историописания, и тем, что среди членов ТУАК было немало священнослужителей (к 1912 г. в составе комиссии – 49 лиц духовного звания: 44 из 261 действительных членов и 5 из 28 почетных членов) и преподавателей Тверской духовной семинарии, а также сохранностью документов (и их доступностью для церковнослужителей – членов комиссии) в архивах церквей и монастырей Тверской епархии.

Целеполагание местных любителей старины, публикующих интересные, редкие или ветхие источники («по случаю», «к юбилею»), обусловлено желанием сформировать места памяти, сохранить источник посредством его публикации. Научное издание и источниковедческий анализ источника не воспринимались при этом в качестве актуальных задач. Типичный пример доклада, сопровождавшего такую публикацию, обнаруживается в Журнале 6-го заседания ТУАК: «Председатель прочел отрывок из записной книжки 1753 г. Новоторжского бургомистра Морозова о поднесении “хлеба-соли” государыне-императрице Елизавете Петровне, при Высочайшем следовании через Торжок и о Всемилостивейшем прощении жителей города Торжка за учиненную ими драку с придворным лакеем, сопровождавшим гардероб Ея Величества» [4, с. 3–4]. Какие-либо комментарии к тексту опубликованного отрывка отсутствуют; указано только, что записная книжка бургомистра передана в Тверской историко-археологический музей.

Не вписываются, однако, в определение «местные любители старины» члены ТУАК, выпускники Санкт-Петербургской духовной академии, преподаватели тверской семинарии Владимир Иванович Колосов (1854–1919 гг.) и Михаил Васильевич Рубцов (1855–1926 гг.). В.И. Колосов обнаружил, подготовил к изданию и опубликовал наиболее важные в истории тверской археографии исторические источники. Работая в библиотеке Тверской семинарии, он обнаружил, атрибутировал и подготовил к изданию (совместно со столичными историками и филологами) труд хорватского богослова, лингвиста, миссионера Юрия Крижанича [13, с. 17–72, 6]. Он же обнаружил в библиотеке Тверской духовной семинарии и подготовил к публикации сочинения Д.И. Карманова [5], сочинение Ив. Евдокимова [2], подготовил к публикации записки Михаила Тюльпина [7].

М.В. Рубцов опубликовал актовые документы и писцовые материалы [11, 12]. Отметим, что в издании «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.» (М., 1952) опубликованы подлинники некоторых актов из издания М.В. Рубцова 1905 г. и есть ссылка на это издание тверского историка. М.В. Рубцовым подготовлены к изданию синодик церкви села Кожина и столбцы Кашинской Ильинско-Преображенской церкви (Тверь, 1901), бумаги из семейного архива дворян Травиных (Тверь, 1901). М.В. Рубцов имел значительный опыт работы с актовыми источниками XVI–XVII вв. Совместно со священниками В. Некрасовым, А. Мирожиным и А. Петропавловским он подготовил к изданию грамоты Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря [1]. В очерке «По поводу археологических находок на месте постройки электрической станции на берегу реки Тьмаки» М.В. Рубцов опубликовал «Летопись г. Твери и церкви Николая Чудотворца, что на Зверинце» священника И.М. Соколова (Тверь, 1900).

Далеко не все публикации В.И. Колосова и М.В. Рубцова выполнены на приемлемом (для исторической науки рассматриваемого периода) археографическом уровне. В.И. Колосов, например, не снабдил предисловием подготовленную им к изданию «Летопись тверского купца Михаила Тюльпина». М.В. Рубцов в названии сборника документов указывает не вид источника, а его форму (столбцы). Тем не менее, отбор источников и методы их публикации позволяют говорить о выходе местных историописателей В.И. Колосова и М.В. Рубцова за пределы любительства, о присутствии черт научного исторического знания в их творчестве.

1. Грамоты Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. Приготовили к печати: свящ. В. Некрасов, А. Мирожин, А. Петропавловский и преп. Семинарии М. Рубцов / В. Некрасов, А. Мирожин, А. Петропавловский, М. Рубцов. – Тверь : Издание Тверского Епархиального Историко-Археологического Комитета, 1904.– [2], VIII, 118, 11 с.

2. Евдокимов, Ив. Каталог преосвященных архиереев тверских. По поручению Тверской архивной комиссии подготовил к изданию В.И. Колосов / Ив. Евдокимов. – Тверь, 1888. – 34 с.

3. Журнал 24-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 28 октября 1889 года. – Тверь, 1890. – 4 с.

4. Журнал 6-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 15 ноября 1886 года. – Тверь, 1887. – 4 с.

5. Карманов, Д. И. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Исторические известия Тверского княжества, почерпнутые из общих российских летописцев с приобщением новейших оного приключений. Сост. Д. И. Карманов. 1775 г. : подготовил к изданию В. И. Колосов / Д. И. Карманов. – Тверь, 1893.– 167. XXI с.

6. Колосов, В. И. Вновь открытое сочинение Юрия Крижанича: [«Обиасньение виводно о письме словенском»]: Чит. в заседании Твер. учен. арх. комис. 23 марта 1888 г. чл. Комис. Вл. Колосовым / В. И.Колосов. – СПб., 1888. – 31 с.
7. Летопись о событиях в Твери тверского купца Мих. Тюльпина. 1762-1823 гг. / подготовил к изданию В. Колосов. – Тверь, 1902. – 31 с.
8. Маловичко, С. И. Источниковедение историографии / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева // Теория и методология исторической науки : терминологический словарь. – М., 2014. – С. 203–204.
9. Открытие Тверской ученой архивной комиссии. – Тверь, 1887. – 2 с.
10. Писарькова, Л. Ф. Губернские ученые архивные комиссии. 1884–1923гг. : аннотированный указатель изданий / Л. Ф. Писарькова. – М., 2015. – С. 671–749.
11. Рубцов, М. В. К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в XVII веке / М. В. Рубцов. – Тверь, 1903. – 52 с.
12. Рубцов, М. В. К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в XV- XVI вв. (Документы Троице-Сергиевой лавры на земельные владения в пределах Тверского края). Вып. II / М. В. Рубцов. – Старица, 1905. – 80, XV с.
13. Собрание сочинений Юрия Крижанича. Вып. 1. Объяснение виводно о письме словенском / под ред. В. И. Колосова // ЧОИДР. – М., 1891. – Кн. 1.– С. 17–72.
14. Сторожев, В. Н. Тверское дворянство XVII в. Вып. I-IV. / в обраб. В. Н. Сторожева. – Тверь, 1891–1895.
15. Тверская ученая архивная комиссия. Журнал [1]–118 заседания Тверской ученой архивной комиссии. – Тверь, 1884–1915.
16. Шведова, О. И. Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий / О. И. Шведова // Археографический ежегодник за 1957 год. – М., 1958. – С. 422–428.

Французова Е.Б.

О ПОДГОТОВКЕ К ИЗДАНИЮ ПРИХОДО-РАСХОДНЫХ КНИГ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ НАЧАЛА XVII ВЕКА

Публикация монастырских архивов эпохи средневековья и раннего Нового времени продолжает оставаться одной из актуальнейших задач археографии. Последние годы в российской науке были ознаменованы новыми изданиями памятников хозяйственного делопроизводства монастырей, продолжающими усилия археографов XIX–XX столетий. В 2010 г. сотрудники Санкт-Петербургского института истории РАН под руководством З.В. Дмитриевой осуществили публикацию приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского монастыря 1601–1637 гг. [3]. В 2013 г. увидело свет издание приходо-расходных книг Соловецкого монастыря XVI в., подготовленное в Институте российской истории РАН автором настоящего доклада в сотрудничестве с коллегами из Российского государственного архива древних актов (РГАДА) И.А. Балакаевой и К.В. Барановым [4]. Свою задачу составитель видел во введении в научный оборот всей совокупности сохранившихся соловецких приходо-расходных книг, принадлежавших делопроизводству различных служб обители.

Работа по подготовке к печати учетной документации Соловецкого монастыря продолжается. В настоящий момент завершена подготовка следующего тома, включающего приходо-расходные книги 1599–1615 гг. Невозможность четко распределить приходо-расходные книги по векам обусловлена тем обстоятельством, что соловецкие монахи могли находиться на одном и том же приказе в течение нескольких лет подряд и в течение всех этих лет вели записи прихода и расхода, которые оформлялись в беловую приходо-расходную книгу, имеющую общий итог за весь срок, только после отставки старца-приказчика. Ввиду недопустимости искусственного деления единого документа – приходо-расходной книги старца холмогорской службы Соловецкого монастыря Филарета, начатой 1 сентября 1599 г. и завершенной в сентябре 1602 г., – нижней хронологической гранью второго тома принят год 1599-й.

Особенности и состав дошедших до наших дней соловецких приходо-расходных книг XVI в. уже были охарактеризованы автором доклада во введении к указанному изданию. В начале XVII в., как и в предыдущие годы, бытовали такие виды учетной документации, как приходо-расходные книги монастырских казначеев и книги приказчиков основной торговой службы обители – вологодской. Именно этим наиболее информативно насыщенным и наиболее объемистым источникам принадлежит центральное место и в новом издании. Формуляры этих разновидностей приходо-расходных книг в начале XVII в., несмотря на тенденцию к формализации и обобщению их сведений, заметных изменений, по сравнению с предшествовавшим столетием, не претерпели. Поэтому представляется целесообразным остановиться на характеристике источников тех видов, которые в первый том не вошли.

Соловецкий монастырь обладал крайне разветвленной сетью монастырских служб, обслуживавших его обширное хозяйство. Уже от самого начала XVII в. до нас дошла учетная документация разных видов, отражавшая специфическую деятельность этих служб и имевшая свойственные документации каждой службы отличительные черты.

Особый интерес представляют приходо-расходные книги холмогорской службы, которые в монастыре начали вести еще в XVI в. В момент составления первой из известных описей соловецкого архива – отводной книги крепостной казны 1639 г. – в нем хранились холмогорские приходо-расходные книги начиная с 1595/96 г. [5, л. 9]. Наиболее ранняя из дошедших до наших дней – уже упоминавшаяся книга старца Филарета 1599–1602 гг.

Информация, содержащаяся в холмогорских книгах, определялась назначением службы – быть перевалочно-распределительным центром. В Холмогорах аккумулировалась соль с монастырских соляных промыслов для последующей отправки ее в Вологду для продажи, складировался хлеб, другие съестные припасы, кожи, холсты, сукна, одежда, обувь и прочие прибывавшие из Вологды материальные запасы, предназначенные для монастырской братии и для снабжения монастырских промыслов. В обязанности старцев холмогорской службы вменялась также, в случае надобности, выдача денег приказчикам, приезжавшим из промыслов с солью, найм ладей для отправки запасов в монастырь и на усолья (при условии нехватки монастырских судов) и найм мастеров для изготовления канатов и прочих судовых снастей.

В соответствии с функциями холмогорской службы Соловецкого монастыря ее делопроизводству было свойственно видовое разнообразие. Денежные приходо-расходные книги отражали поступления денежных сумм из монастыря и от вологодских служебников и расходы на содержание самой холмогорской службы, прежде всего на обустройство и содержание складских помещений, на уплату пошлин с монастырских судов, а также на приобретение на холмогорском рынке отдельных партий товаров для отправки в монастырь.

Помимо денежных приходо-расходных книг, в Холмогорах составлялись учетные документы, регистрировавшие прибытие с солеваренных промыслов и разгрузку ладей с солью (с указанием ее веса, стоимостного значения из расчета цены на холмогорском рынке в день прибытия) и, в ряде случаев, поступление денег от приказчиков, продававших часть выработанной соли на месте; в этих же книгах регистрировалась выдача с холмогорских складов в промыслы хлеба и прочих съестных припасов в их стоимостном выражении, а также денег. В источниках этой разновидности содержится важная информация об объеме производства в каждом усолье, о колебаниях цен на соль на холмогорском рынке в течение одного сезона, о ценах на съестные припасы, о потреблении продуктов в промыслах. Только приходные записи в этих документах заключались итоговыми данными об общем количестве поступившей за период навигации соли и о количестве соли, отпущенной в Вологду. Отпуск съестных припасов с холмогорских складов в стоимостном выражении и выдача денег в усолья суммировались отдельно, без подведения общих итогов, что не позволяет записи, содержащие данный пласт информации, отнести к категории расходных книг. Показательно самоназвание таких документов: «книги соляные приходные». В нем сделан акцент лишь на содержащихся в них приходных статьях.

Еще один вид учетных документов, принадлежавший делопроизводству холмогорской службы, имел самоназвание «книги отпускные». Они регистрировали отправку в монастырь ладей с поступившими из Вологды запасами: хлебом, маслом, медом, кожами, сукнами, одеждой и т.п. Никаких итогов в данных документах не подводилось. Стоимость запасов в рублях не указывалась. Несмотря на учетный характер этих документов, отнесение их к категории приходо-расходных книг, как это сделано в книге В.И. Иванова [1, с. 16, 169], с формальной точки зрения ошибочно. Однако представляется возможным включить документы этой разновидности в приложение к публикации в целях наиболее многостороннего отражения функций холмогорской распределительной службы. Информация этих источников характеризует объем потребления в самой иноческой общине.

Поскольку основу хозяйственного процветания обители составляли прежде всего доходы от солеваренного производства, особое значение приобретают приходо-расходные книги отдельных промыслов. От начала XVII в. до нас дошли книги за отдельные годы по беломорским усольям Ненокса, Колежма, Порья Губа, Чупа, Пияла, Пурнема. Приходные «памяти» в этих книгах, как правило, дублировали сведения холмогорских книг об отпуске в данное усолье натуральных запасов и денег. Некоторые из них также имели статьи, свойственные книгам отводным (перечисление продовольственных и прочих запасов, принятых на «отводе» у предыдущего приказчика, в их стоимостном выражении). В ряде случаев расходные «памяти» содержали и информацию о составе торговцев, приобретавших соль на месте, об объеме самостоятельно проданной соли, что существенно

расширяет наши представления об общем объеме производства соловецких солеварен. Особенно ценны данные расходных «памятей». Сведения о расходах на техническое обустройство промысла и на найм рабочей силы для различных стадий подготовительного (по заготовке и перевозке дров) и производственного процессов, о расходах на обеспечение транспортировки выработанной соли в Холмогоры открывают новые возможности для исследования социально-экономических реалий в годы кризиса начала XVII в. Завершаются приходо-расходные книги промыслов отдельной «памятью» – о количестве соли, отпущенной в казну.

Большая часть учетных документов солеваренных промыслов плохой сохранности, что, по-видимому, обусловлено тем, что они не передавались в монастырь, а хранились на месте. И если механические утраты текста многих из этих источников можно восстановить по смыслу, согласно формуляру или путем подсчетов на основании уцелевшей цифири, то книги Пияльского усолья в цельном виде реконструкции не подлежат, что делает их публикацию невозможной.

Другая сторона хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря – рыболовный промысел, а именно – добыча лосося. Эта деятельность отражена в приходо-расходных книгах варзужской службы. Расходные части варзужских книг традиционны: фиксация денежных расходов на содержание самой службы. Приходные же части представляют собой совмещение регистрации денежных поступлений в службу и поступлений выловленной рыбы с отдельных угодий, причем по рыбе подводятся самостоятельные итоги и указывается, какое ее количество было отправлено в монастырь, а какая часть лосося распродавалась на месте (с поименным указанием покупателей). Информация данных источников актуальна, в частности, в связи с возросшим в последние годы интересом экологов и биологов к вопросам изменения популяций лосося [5].

Особый раздел будущего издания составляют книги сумской службы. Сумская волость – давняя вотчина Соловецкого монастыря, которой обитель владела еще в XV в. С Сумской волости и с прилегавших к ней волостей монастырские власти собирали оброчные платежи, посылая в центр вотчины – в посад Суму – приказчиков, которые отчитывались собственными приходными и расходными памятями перед казначеями. Тексты этих памятей в обобщенном виде или в пересказе включались в казначейские книги. Однако после возведения монастырем на собственные средства в Сумском посаде для обороны от шведов острога (1582–1583 гг.) и в связи с размещением там стрелецкого гарнизона, который содержался на средства монастыря, возникла необходимость создания самостоятельных приходо-расходных книг сумской службы. Поскольку стрельцы нуждались не только в денежном, но и в хлебном обеспечении, сумские приказчики составляли приходо-расходные книги двух видов: денежные и хлебные. Источники позволяют составить представление о поступлениях в монастырь разнообразных платежей с вотчинных крестьян, о затратах на содержание острога и самой службы, о расходах денег и хлеба для обеспечения гарнизона.

Еще одна разновидность соловецкой учетной документации – приходо-расходные книги игуменских поездок в Москву и в Новгород Великий – центр епархии, к которой принадлежал монастырь. Каждый из этих небольших по объему источников содержит интересные сведения по исторической географии, материал о быте путешественников в начале XVII столетия, а также особо значимые ввиду их уникальности данные о ценах в столице. Вместе с тем из некоторых книг игуменских поездок можно почерпнуть ранее мало известные детали политической истории страны.

1. Иванов, В. И. Бухгалтерский учет в России XVI – XVII вв.: Историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг / В. И. Иванов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. – 256 с.

2. «Море – наше поле». Количественные данные о рыбных промыслах Белого и Баренцового морей, XVII – начало XX в. : материалы к экологической истории Русского Севера. – Вып. 1. – СПб. : Издательство Европейского университета, 2010. – 217 (2) с.

3. Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601 – 1637 гг. / сост. З. В. Дмитриева. – М. ; СПб. : Альянс-Археo, 2010. – 760 с.

4. Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571–1600 гг. / сост. Е. Б. Французова. – М.; СПб. : Альянс-Археo, 2013. – 688 с.

5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 1201. Оп. 1. Д. 37.

Чикалова И.Р.

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ФАБРИЧНОГО И СОЦИАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ РУБЕЖА XIX–XX вв.

Проблемы бедности и борьбы с ней, страхования рабочих в европейских странах привлекли к себе пристальное внимание в России особенно после того, как в 1882 г. в системе Министерства финансов была организована фабричная инспекция, занимавшаяся надзором за исполнением фабричного законодательства. В ее штат был введен профессор Московского университета И.И. Янжул, активно занимавшийся изучением зарубежного законодательства в этом направлении. Интерес к европейскому опыту нашел выражение в переводе на русский язык и издании текстов законов, регулировавших нормы рабочего времени, порядок назначения пособий по безработице, социальных выплат в связи с травматизмом, болезнью и наступлением инвалидности, пенсий по возрасту.

В России было опубликовано несколько сборников документов по вопросам фабричного и рабочего законодательства западно-европейских государств. Первые из них появились в 1880–1882 гг. в связи с работой «Комиссии, учрежденной генерал-губернатором Москвы князем В.А. Долгоруковым для осмотра московских фабрик и заводов», которая изучала иностранный опыт фабричного законодательства. В результате был издан двухтомник фабричных законов европейских стран [11]. Один том охватывал фабричное законодательство *Германии*, *Франции*, *Австро-Венгрии*, *Швейцарии*, *Дании*, *Швеции*, *Норвегии*, *Голландии*, а также *США* [12]. Второй том, вышедший под редакцией члена комиссии, профессора И.И. Янжула, был посвящен фабричному законодательству *Великобритании* [2]. Самостоятельные выпуски сборников трудов Комиссии были посвящены *английскому* и *швейцарскому* законодательству об ответственности хозяев за несчастные случаи на производстве [1] и фабричным инспекциям в *Швейцарии* и *Англии* [16].

В публикации соответствующих документов, отражавших европейский опыт, активность проявляло российское Министерство финансов. В 1899 г. по его поручению был издан сборник «Иностранное законодательство об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими». В нем приводятся действовавшие в то время законы *Англии*, *Франции*, *Германии*, *Дании*, *Швейцарии* и *Италии*, в том числе: «Акт об ответственности хозяев» 1880 г. и «Акт о вознаграждении рабочих» 1897 г. (*Великобритания*); «Закон об ответственности за несчастные случаи» 1898 г. (*Франция*); «Промышленный устав для Германской империи» [5].

Много сделал для ознакомления российской общественности с европейским опытом в области фабричного законодательства *В.П. Литвинов-Фалинский*, работавший с 1895 г. фабричным инспектором и принимавший впоследствии активное участие в разработке рабочего законодательства. Ему принадлежит исследование «Ответственность предпринимателей за увечья и смерть рабочих по действующим в России законам», опубликованное в 1899 г., затем дважды – в 1900 и 1903 гг. – переизданное с исправлениями и дополнениями [14]. В приложении к нему автор делает обзор новейшего законодательства об ответственности предпринимателей за увечья и смерть рабочих во *Франции*, *Италии*, *Англии*, *Дании*, *Швейцарии*, обзор обязательного страхования рабочих в Германии и Австрии, описывает мероприятия по охране жизни и здоровья рабочих, приводит выдержки из законов разных стран. В 1903 г. в свет вышло еще одно крупное исследование В.П. Литвинова-Фалинского – «Организация и практика страхования рабочих в Германии и условия возможного обеспечения рабочих в России» [15]. Работа ценна детальным обзором постановлений о страховании немецких рабочих, анализом его организации и практики, а также специальным приложением к книге – таблицей, в которой автор сравнивает практику разных видов страхования (по болезни, от несчастных случаев, по инвалидности и старости) в *Германии*, *Австрии*, *Венгрии*, *Италии*, *Франции*, *Англии*, *Норвегии*, *Швеции*, *Дании*, *Финляндии*, *Швейцарии* и *России*.

Очередной инициативой Отдела промышленности Министерства финансов стало издание в 1905 г. сборника «Иностранное законодательство по рабочему вопросу», в котором отдельным странам – Австрии [6], Англии [7], Германии [8], Голландии [9] – посвящен специальный раздел с отдельной нумерацией страниц. Например, по *Великобритании* в него вошли акты «О рабочих

союзах» 1871 и 1876 гг., «О заговорах и о защите собственности» 1875 г., «О страховых капиталах рабочих союзов» 1893 г., «О примирении» 1896 г., по *Франции* – «Закон об учреждении профессиональных синдикатов» 1884 г., по *Германии* – «Промышленный устав», «Закон о промышленных судах от 29 июля 1890 года (30 июня 1901 года)», «Постановления, касающиеся цеховых третейских судов», «Устав Сообщества немецких фабричных и ремесленных рабочих».

В 1912 г. Российское Министерство финансов издало «Свод германских законов о страховании рабочих» [18]: в Германской империи законы о страховании рабочих были кодифицированы в единый свод, в 1911 г. утвержденный Рейхстагом и Бундесратом. Его юридические нормы в 1805-и параграфах детально прописывали условия, порядок назначения и количественные размеры материального и денежного обеспечения в случае болезни, несчастного случая на производстве, инвалидности и по возрасту.

Что касается европейского законодательства о призрении бедных, то важнейшими для его изучения являются труды ординарного профессора и декана юридического факультета Варшавского университета *В.А. Гагена*. Он в 1908 г. защитил магистерскую диссертацию «Право бедного на призрение» [3], документальной основой которой явились соответствующие законы Англии, Франции, Англии, а затем и докторскую – «Западноевропейский бедняк», вышедшую в 1912 г. отдельной книгой в Варшаве [4].

В советское и постсоветское время сборники, посвященные фабричному законодательству, государственному законодательству в области охраны труда и социального страхования европейских стран XIX – начала XX в., не издавались. Тем не менее, в ряде сборников по истории Нового времени встречаются отдельные документы по «рабочему вопросу» и началам социальной политики европейских правительств. *В.М. Лавровский* в сборнике «Английский капитализм во второй половине XIX века» (1925) [13] привел отобранные по принципу наибольшей репрезентативности отдельные стенограммы парламентских прений, отчеты департамента труда, главного фабричного инспектора, материалы о состоянии сельского хозяйства, статистические данные за 1850–1900 гг. Важнейшие законы, заложившие основы государственной социальной политики в *Великобритании* («О начальном образовании», 1870; «Об общественном здравоохранении», 1875; «О производственных спорах», 1906; «О регулировании труда в шахтах», 1908; «О пенсиях по старости», 1908; «О государственном социальном страховании», 1911; «О тред-юнионах», 1913), *Германии* («О страховании по инвалидности и старости», 1889; «О союзах», 1908), *Франции* («О создании профессиональных союзов», 1884; «Об отмене рабочих книжек», 1890; «О труде детей, девушек и женщин на промышленных предприятиях», 1892; «Об ответственности за несчастные случаи на производстве», 1898; «Об ассоциациях», 1901; «О продолжительности рабочего дня в шахтах», 1905; «О пенсиях рабочим и крестьянам», 1910; «О помощи многодетным», 1913), представлены в изданном в 1989 г. «Сборнике документов по истории нового времени», составителями которого являются П.И. Остриков и П.П. Вандель [17].

В целом указанный корпус источников, опубликованных на русском языке, позволяет создать объемное представление о направлениях развития социального законодательства и пределах социальной защиты трудящихся, на которые в конце XIX – начале XX вв. вынуждены были согласиться правившие элиты европейских стран.

1. Английское и швейцарское законодательство об ответственности хозяев за несчастия с рабочими. – М. : Гор. тип., 1882. – 30, 12 с.

2. Английское фабричное законодательство / под ред. И. И. Янжула. – М. : Тип. «Ведомостей Моск. гор. полиции», 1880. – [2], XXXVI, 167 с.

3. Гаген, В. А. Право бедного на призрение. Т. 1. История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии / В. А. Гаген. – СПб. : Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1907. – [4], VI, [2], 649 с.

4. Гаген, В. А. Западноевропейский бедняк / В. А. Гаген. – Варшава : Тип. Варш. учебн. округа, 1912. – 736 с.

5. Иностранное законодательство об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими / М-во финансов, Департамент торговли и мануфактуры. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1899. – [6], 76 с.

6. Иностранное законодательство по рабочему вопросу. Австрия / М-во финансов, Отд. пром-сти. – СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1905. – 43 с.

7. Иностранное законодательство по рабочему вопросу. Англия / М-во финансов, Отд. пром-сти. – СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1905. – 42 с.

8. Иностранное законодательство по рабочему вопросу. Германия. – СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1905. – 91 с.

9. Иностранное законодательство по рабочему вопросу. Голландия / М-во финансов, Отд. пром-сти. – СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1905. – 15 с.

10. Иностранное законодательство по рабочему вопросу. Западная Австралия / М-во финансов, Отд. пром-сти. – СПб. : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1905. – 70 с.

11. Иностранное фабричное законодательство: Вып. 1–2. – М. : Тип. Ведомостей Моск. гор. полиции, 1880–1882.

12. Иностранное фабричное законодательство. Германия, Франция, Австро-Венгрия, Швейцария, Дания, Швеция и Норвегия, Голландия, Соединенные Штаты Северной Америки / под ред. В. А. Гольцева. – 1880. XIV, 159 с.

13. Лавровский, В. Английский капитализм во второй половине XIX века / В. Лавровский. – М.: Гос. изд-во, 1925. – 181 с.

14. Литвинов-Фалинский, В. П. Ответственность предпринимателей за увечья и смерть рабочих по действующим в России законам / В. П. Литвинов-Фалинский. – СПб. : паровая типо-лит. И. Г. Гершуна, 1899. – X, 284 с., 1899; 2-е изд., доп. и испр. – СПб., паровая типо-лит. И. Г. Гершуна, 1900. – [10], 394 с.; 3-е изд., доп. и испр. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1903. – X, 272, 95 с.

15. Литвинов-Фалинский, В. П. Организация и практика страхования рабочих в Германии и условия возможного обеспечения рабочих в России / В. П. Литвинов-Фалинский. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1903. – [2], VIII, 275 с.

16. Об инспекторате в Швейцарии и Англии: [Отчет.] Чл. Комис., проф. Моск. ун-та И. И. Янжула. – М. : Тип. Вед. Моск. гор. полиции, 1881. – 19 с.

17. Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М. : Высш. шк., 1989. – 294 с.

18. Свод германских законов о страховании рабочих в издании 19 июля 1911 года (Reichsversicherungsordnung) / М. Т. и П. Отд. пром-сти. – СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. – XIII, 458 с.

19. Фабричные законы Германии // Иностранное фабричное законодательство. Вып. 1. Германия, Франция, Австро-Венгрия, Швейцария, Дания, Швеция и Норвегия, Голландия, Соединенные Штаты Северной Америки / под ред. В. А. Гольцева, 1880. – С. 1–19.

20. Фабричные законы Эльзас-Лотарингии // Иностранное фабричное законодательство. Вып. 1. Германия, Франция, Австро-Венгрия, Швейцария, Дания, Швеция и Норвегия, Голландия, Соединенные Штаты Северной Америки / под ред. В. А. Гольцева, 1880. – С. 19–25.

21. Фабричные законы Австро-Венгрии // Иностранное фабричное законодательство. Вып. 1. Германия, Франция, Австро-Венгрия, Швейцария, Дания, Швеция и Норвегия, Голландия, Соединенные Штаты Северной Америки / под ред. В. А. Гольцева, 1880. – С. 25–38.

22. Фабричные законы Швейцарии // Иностранное фабричное законодательство. Вып. 1. Германия, Франция, Австро-Венгрия, Швейцария, Дания, Швеция и Норвегия, Голландия, Соединенные Штаты Северной Америки / под ред. В. А. Гольцева, 1880. – С. 39–98.

23. Фабричные законы Франции // Иностранное фабричное законодательство. Вып. 1. Германия, Франция, Австро-Венгрия, Швейцария, Дания, Швеция и Норвегия, Голландия, Соединенные Штаты Северной Америки / под ред. В. А. Гольцева, 1880. – С. 98–136.

24. Фабричные законы Нидерландов // Иностранное фабричное законодательство. Вып. 1. Германия, Франция, Австро-Венгрия, Швейцария, Дания, Швеция и Норвегия, Голландия, Соединенные Штаты Северной Америки / под ред. В. А. Гольцева, 1880. – С. 136–138.

25. Фабричные законы Дании // Иностранное фабричное законодательство. Вып. 1. Германия, Франция, Австро-Венгрия, Швейцария, Дания, Швеция и Норвегия, Голландия, Соединенные Штаты Северной Америки / под ред. В. А. Гольцева, 1880. – С. 138–151.

26. Фабричные законы Швеции и Норвегии // Иностранное фабричное законодательство. Вып. 1. Германия, Франция, Австро-Венгрия, Швейцария, Дания, Швеция и Норвегия, Голландия, Соединенные Штаты Северной Америки / под ред. В. А. Гольцева, 1880. – С. 152–155.

Раздел 3
ИСТОЧНИКИ ПЕРИОДА ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Марфина О.В.

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Изучение биологических особенностей древнего населения из захоронений, относящихся к разным историческим периодам, является основной задачей палеоантропологии. Это направление науки зародилось в рамках сравнительной анатомии раньше других разделов антропологии. По мере разработки и совершенствования методов и программы исследований сформировались основные разделы палеоантропологии: краниология – изучение особенностей строения черепов из краниологических коллекций и остеология – изучение костей посткраниального скелета у ископаемых людей. Системное, типологическое изучение уникальных исторических ископаемых останков человека, как правило, собранных и сгруппированных, в особые коллекции, началось в Европе в XIX ст. одновременно интенсивным развитием ряда наук, занимающихся биологией и историей человека (медицины и анатомии, антропологии, археологии, этнографии и др.). Поэтому не случайно, что первые коллекции ископаемого остеологического материала стали собираться и формироваться при университетских лабораториях, других учебных заведениях и конечно при музеях.

В России первые шаги по формированию антропологии в качестве самостоятельной отрасти знания, связаны с деятельностью академика К.М. Бэра (1792–1876 гг.). В 1842 г. он становится во главе анатомического кабинета Академии наук в Петербурге, где хранилась небольшая краниологическая коллекция (знаменитая Петровская коллекция). Благодаря К.М. Бэру этот кабинет явился основой будущего крупного антропологического музея. В течение многих лет он руководил им и отдал много сил пополнению и систематизации в первую очередь краниологических коллекций. В процессе изучения коллекции К.М. Бэр описал антропологические типы населения Восточной Европы, предпринял попытки обосновать происхождение разных народов.

Самая значительная по объему палеопатологическая коллекция была создана в 1930-е гг. Д.Г. Рохлиным при кафедре рентгенологии и радиологии Первого Ленинградского медицинского института. Тогда же был открыт Музей возрастной и индивидуальной остеологии, патоостеологии и палеопатологии. Экспонаты Музея служили не только материалом для научных исследований, но и использовались в образовательном процессе.

Во второй половине XIX – первой половине XX вв. в Беларуси в результате археологических раскопок была собрана сравнительно небольшая коллекция палеоостеологического, прежде всего краниологического (черепа), материала эпохи Средневековья и начала эпохи Нового времени (XV–XVIвв.). Однако в период 1939–1945 гг. значительная часть этой коллекции была безвозвратно утеряна. В настоящее время отдельные экземпляры, собранные в Беларуси в довоенный период, хранятся в музейных коллекциях Москвы, Одессы, Вильнюса.

Результаты палеоантропологических исследований предоставляют исторической науке важные сведения о локальных особенностях древнего населения разных эпох. Истоки формирования физического типа современных белорусов восходят к глубокой древности. Однако из-за длительного периода существования обряда сожжения умерших, костные останки людей можно получить в ходе археологических раскопок погребений в курганах и грунтовых могильниках, начиная лишь с X ст. Отсюда то особое место в палеоантропологических исследованиях Беларуси, которое занимают два черепа и остеологические материалы эпохи бронзы. Первый из них был обнаружен в 1962 г. М.М. Чернявским во время земляных работ на территории древних кремнедобывающих шахт около п. Красное Село Волковысского р-на Гродненской обл. Второй был найден в 1980 г. Е.Г. Калечиц при раскопках археологического памятника на территории Ветковского р-на Гомельской обл. Остеологический материал, также относящийся к эпохе бронзы был обнаружен в 2013 г. Макс.М. Чернявским в ходе проведения археологических раскопок Кривно-3 в Сенненском р-не Витебской обл. [3].

В 1966–1971 гг. И.И. Саливон в Витебской, Гомельской, Гродненской, Минской и Брестской областях были проведены раскопки белорусских сельских кладбищ конца XVIII–XIX вв., в ре-

зультате которых впервые была собрана большая коллекция краниологических, остеологических и одонтологических материалов этого периода (более 300 единиц).Полученные в результате раскопок остеологические материалы послужили тем связующим звеном между древним и ныне живущим населением, которое позволило проследить характер формирования антропологических особенностей коренного населения республики [4].

Благодаря систематической работе археологов постепенно накапливался новый материал по населению начала II тыс. н. э. Ленинградские археологи Ф.Д. Гуревич и К.В. Павлова, проводившие раскопки в Новогрудке в 1962 г. передали белорусским антропологам для исследования костные материалы из грунтового могильника, функционировавшего очень непродолжительное время – с конца XI до начала XII вв. Позднее ими были также получены материалы из раскопок курганов, расположенных вокруг Новогрудка. Сравнительный анализ краниометрических данных по белорусам XVIII–XIX вв. с новогрудскими материалами XI–XII вв. и сведениями по средневековым восточнославянским сериям, позволил охарактеризовать внутригрупповую и межгрупповую вариабельность структурных особенностей черепов, посткраниального скелета и зубной системы в сериях разных исторических периодов с территории Беларуси [4].

Поступление к концу 1970 – началу 1980 гг. новых краниологических материалов: полученные Т.Н. Коробушкиной при раскопках курганов XI–XIII вв. на территории Побужья (Брестская обл.), А.В. Квятковской – при раскопках грунтовых сельских могильников X–XVII вв.на территории Понемонья (Гродненская обл.), Ш.И. Бектенеевым по населению восточной Беларуси XVI–XVIII вв., позволили уточнить происхождение ряда локальных особенностей различных систем морфологических признаков у населения II тыс. н.э. были обобщены в ряде статей и разделов монографий [3].

Заслуживают внимания палеоантропологические материалы, полученные в начале 2000-х гг.: древние костные останки людей были обнаружены в 2005 г. во время археологических раскопок под руководством П.Ф. Лысенко руин Кафедрального собора XII ст. в Турове Житковичского р-на Гомельской обл., в 2008 г. под руководством С.Е. Рассадина около современного села Королевская Слобода-2 Светлогорского р-на Гомельской обл., получены палеоантропологические материалы из погребения XVII ст., а также при изучении уникального археологического памятника под руководством О.Н. Левко и А.В. Войтеховича в 2008–2010 гг. на территории Друцка Толочинского р-на Витебской обл. – курганных погребений первой половины XII ст. [3].

В настоящее время палеоантропологическая коллекция хранится в отделе антропологии и экологии Института истории НАН Беларуси. Антропологи изучают на костных останках отдельных индивидуумов зафиксированные последствия травм, болезней и аномалии. Эти данные позволяют составить представление о некоторых особенностях жизнедеятельности людей, о путях миграций древнего населения, его взаимодействии с группами коренного иноэтничного населения либо живущего на соседних территориях, иногда возможно проследить степень преемственности либо изменения физического типа во времени. В дальнейшем антропологами были четко выделены системы устойчивых во времени генетически детерминированных признаков и признаков более пластичных, меняющихся под давлением совокупности факторов внешней среды. Такой методологический подход позволяет дифференцированно рассматривать определенный комплекс признаков в качестве критерия преемственности антропологических особенностей в ряду поколений с одной стороны, а с другой – определять адаптивную изменчивость других признаков во времени. В результате междисциплинарных исследований было определено место белорусов среди восточных славян и сформулированы основные методологические принципы оценки палеоантропологических данных с учетом этноисторических процессов и онтогенетической изменчивости структурных показателей скелета [5].

Объем накопленных материалов и научная значимость краниологических коллекций отдела антропологии и экологии Института истории НАН Беларуси актуализировали вопрос применения при работе с ними современных информационных технологий. В 2011–2012 гг. при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований было начато создание версии банка данных краниологических коллекций отдела, которая содержит информацию об объектах хранения и значительное число результатов измерений [1]. Началась работа по созданию фотоархива палеоантропологических материалов.

В истории белорусской антропологии важным явилось создание бюстов-реконструкций по черепам древних людей, которые были выполнены талантливым ученым И.В. Чаквиным и

скульптором Л.П. Яшенко. Работа по формированию фотоархива скульптурных реконструкций была проведена О.В. Марфиной и опубликована в монографии «Физический тип древнего населения Беларуси» (2014) [3]. В настоящее время бюсты находятся или экспонируются в отделе антропологии и экологии Института истории НАН Беларуси, а также в фондах республиканских, областных, районных музеев республики.

В планах сотрудников отдела проведение комплексных исследований патологических особенностей древнего населения, которые позволят получить представление о характере адаптивных процессов в локальных группах. Кроме того, выявленные эпохальные изменения в строении костной системы жителей различных эпох могут рассматриваться с точки зрения влияния экологических факторов. Перспективным направлением современной антропологической науки является историческая антропоэкология, изучающая образ жизни древнего населения, динамику адаптивных процессов и приспособительную изменчивость популяций в зависимости от социальных факторов, таких, например, как культурные традиции, тип хозяйствования, социальная структура, а также от биологических характеристик самих популяций, степени экзо- или эндогамии и т.д.

В настоящее время бóльшая часть характеристики палеоантропологических материалов, находящихся в коллекции отдела введена в научный оборот, их анализ представлен в публикациях. Весь собранный палеоантропологический материал является уникальным в своем роде, требует соответствующих условий хранения для его дальнейшего изучения и экспонирования, он является историческим национальным достояние Беларуси. Поступающие новые материалы из археологических раскопок требуют тщательной систематизации, паспортизации и реставрации, которые интенсивно ведутся в Институте истории НАН Беларуси сотрудниками отдела антропологии и экологии.

1. Архив отдела антропологии и экологии Института истории НАН Беларуси // Комплексное изучение древнего населения Беларуси в свете этнической истории славян: отчет о НИР (заключ.) / Ин-т истории ; рук. темы И. И. Саливон. – Минск, 2012. – 97 с. – № Г10Р-31.

2. Беларусы. Антрапалогія / Л. І. Цягака [і інш.] ; Нац. акад. Беларусі, Ін-т мастацт., этнагр. і фальк. імя К. Крапівы. – Мінск : Беларуская навука, 2006. – Т. 9. – 575 с.

3. Саливон, И. И. Физический тип древнего населения Беларуси / И. И. Саливон, О. В. Марфина. – Минск : Беларуская навука, 2013. – С. 137.

4. Саливон, И. И. Очерки по антропологии Белоруссии / И. И. Саливон, Л. И. Тегако, А. И. Микулич. – Минск : Наука и техника, 1976. – 272 с.

5. Экологические изменения и биокультурная адаптация человека / Л. И. Тегако [и др.]. – Минск : БООФ, 1996. – 275 с.

Лю Янь

«КНИГА ПЕСЕН И ГИМНОВ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

В Китае мифология стала предметом изучения относительно недавно. Если изучением устного народного творчества белорусские мифологи, фольклористы, этнологи стали заниматься со второй половины XVIII в., то китайские ученые начали систематически исследовать древние мифы только в 1920-е гг. К этому времени они совместно с западными мифологами на основании археологических исследований и герменевтического анализа письменных источников пришли к заключению, что в IV–III тысячелетиях до н.э. на территории современного Китая было не централизованное государство, как это трактовалось китайскими историками, а неолитическая культура и племенной мир, очень не подобный на идеально устроенное государство времен мудрых императоров древности. Китайские гуманитарии, восприняв от западных коллег тотемическую концепцию Э. Дюркгейма и «номиналистическую» теорию Г. Спенсера, активизировали деятельность по исследованию своей национальной мифологии.

Основными источниками для изучения китайской мифологии служат письменные памятники древности нарративного и эпиграфического характера. Как правило, в них не содержится сколько-нибудь полного изложения мифов, но фрагментарно они входят в их основное содержание (историческое, философское, религиозное, поэтическое). Хорошо сохранившимся до наших дней сочинением, содержащим значительное количество мифологических материалов по древнекитайской истории, является «Книга песен и гимнов» («Шицзин») [2]. Это свод народных песен и древних гимнов, который на протяжении тысячелетий занимал особое место как книга откровений и жизненного опыта. «Шицзин», содержащая триста пять поэтических

произведений, состоит из четырех разделов, или частей: «Гофын» («Нравы царства»), «Сяо я» («Малые оды»), «Да я» («Великие оды») и «Сун» («Гимны»). Первый китайский историк Сыма Цян считал, что песен этих было намного больше, что Конфуций из трех с лишним тысяч известных песен отобрал лишь одну десятую часть и свел ее в единый памятник.

Это объясняется тем, что для религиозной системы древних китайцев были характерны умеренность и рационализм, минимум мифологии и метафизики и, главное примат этики перед мистикой, т. е. вполне сознательное подчинение религиозно-мистического начала требованиям социальной этики и административной политики. По мнению Юань Кэ, «с появлением Конфуция изучалась лишь этика, наставления о семейных устоях, об управлении государством и умиротворении Поднебесной, а древние фантастические предания о богах и злых духах решительно отвергались Конфуцием и его учениками» [4, с. 15]. Такого рода особенности религиозной системы создавали своего рода вакуум в сфере веры с ее эмоциями и жертвенной самоотдачей. Этот вакуум заполнялся культом легендарных героев и мудрецов древности, культом хорошо вознаграждаемой добродетели. Чиновники-историографы записывали и воспевали деяния мудрых и добродетельных. Древние мифы записывались в течение весьма продолжительного времени – начиная с эпохи Восточного Чжоу до периодов Вэй, Цзинь и Шести династий, что составляет более тысячи лет. В результате деятельности чиновников-грамотеев были созданы основы для первой в Китае канонической книги – «Шицзин». Позднее, когда конфуцианская идеология стала господствующей в Китае, мифы постепенно стали рассматриваться конфуцианцами как история.

Все вместе взятые разделы «Шицзин» охватывают весьма значительный период развития китайского народа, приблизительно XII–V вв. до н.э. Тексты раздела «Гофын» воссоздают яркую и колоритную картину общественной жизни и быта китайского этноса в эпоху его раннего развития. «Сяо я» и «Дао я» включают в себя главным образом произведения придворных поэтов, в которых выражается восторженное чувство по отношению к древним правителям, героям и полководцам, восхваляются их заслуги и достоинства, добродетели и подвиги. Среди произведений этого раздела значительное место занимают оды на тему преданной службы царю, о верноподданнических чувствах приближенных царя, славословия верховному правителю.

Важнейшим понятием древнекитайской мифологии является Тянь («небо») – верховный дух, высочайший правитель, высшая божественная сила, ниспосылающая на землю награды и кары. Именно оно дает земному владыке право управлять страной. Власть правителя являлась священной. В «Шицзин» повествуется о многих мудрых правителях, которые управляли своими подданными с помощью небесных духов. Так, в «Оде о царях Вэнь-Ване и У-Ване и о покорении царства Инь-Шан» говорится: «Воля от неба на землю тогда снизошла – / Волею неба и стал на престоле Вэнь-ван: / Стал он в столице, был в Чжоу удел ему дан. / Дева из Шэнь, – государыню-мать заменив, – / Старшая дочь из далеких явилася стран. / Милостью неба от нее и родился У-Ван. / Небо тебя сохранит и поможет тебе – / Небу покорный, пойдешь на великое Шан!» [2, с. 221].

Таким образом, в данной оде содержатся исторические сведения о древнем княжеском роде Чжоу, получившим по воле неба царский престол. Предками дома Чжоу до Вэнь-вана были Даньфу и Ван-цзи. Царство было создано племенем чжоу в конце XII в. до н. э. в центральной части бассейна р. Хуанхэ. Все сопредельные княжества в данном регионе были в подчинении у царя Чжоу.

В «Книге песен и гимнов» значительное количество ши (стихов) посвящено царству Вэй, одному из мощных удельных княжеств. Оно сохранило свою территориальную целостность и независимость во времена правления династии Чжоу вплоть до объединения всего Китая в единую империю династий Цинь в III в. до н.э. Князья Вэй принадлежали к роду царей Чжоу. Отдельные песни рассказывают о процессе складывания царства Вэй путем поглощения ряда уделов. К ним относятся песни царств Гуй, Шао, Бэй, Юн, Бинь, Цао и др. Песня «О походе князя Чжоу на восток» передает один из таки походов, которые расширяли территорию данного государства: «Были разбиты в походе у нас топоры, / Наши секиры расколоты были давно. / Чжоуский князь выступает в поход на восток – / Царства пределы крепит он и вяжет в одно! / Сколь, о народ, состраданья он полон к тебе, / Сколь похвалы, восхищенья достойно оно!» [2, с. 123].

В разделе «Сун» содержатся в основном гимны, посвященные Дому Чжоу и Дому Шан. Китайская династия Шан правила в период с 1766 по 1154 гг. Из гимнов царям Чэн-тану и У-дину

видно, что основателем династии был Чэн-тан: «Это был первый из шанских царей властелин, / Твердо владел он властью от неба один – / Ею владеет потомак Чэн-тана – У-дин» [2, с. 305].

В разделах «Сяо я», «Да я» и «Сун» имеется значительное количество од и гимнов в честь других правителей Китая: Сюнь-вану, Ю-вану, Чэн-вану и Кан-вану: «Только Чэн-ван и Кан-ван – эти оба царя / Царства четыре приемлют, так ярко горя, / Светлый их свет разливается, все озаряя!» [2, с. 283]. В «Шинцзин» можно найти песни и гимны, которые не только славословят древних китайских властелинов. Немало поэтических произведений вскрывают царский деспотизм, их недальновидную внутреннюю и внешнюю политику, вследствие которой некогда процветающие царства приходили в упадок. Оды «О запустении в Восточных царствах» [2, с. 181], «О неправых советниках» [2, с. 169], «О благородном Цзя фу, обличающем царя и царского советника Иня» [2, с. 158], «Поучение правителю» [2, с. 253], «Бесчестным правителям» [2, с. 257] осуждают бездарных правителей и их приближенных. Так, в оде «Бесчестным правителям» говорится: «Держишь советы, и сам ты на страже: / Слабнешь, а смута расширилась даже! / Правду скажу вам про ваши печали – / Если б к себе мудрецов приближали, / Кто же горячее взял бы рукою, / Не остудив его прежде водою?» [2, с. 258]. В этой и других песнях звучит грозное предупреждение о том, что в стране «Смута, предела не зная, растет, / И умножается с каждой луною, / Благостей мира лишая народ. / Сердце как будто пьяно от печали… / Кто у нас держит кормило страны? / Править страной вы давно перестали, – / Скорбь и страданья народа страшны!» [2, с. 159]. Все невзгоды и бедствия людей, отмечается в песнях, происходят от пренебрежения правителем и его советниками законов природы. Идеальным правителем, по мнению авторов песен, является образованный царь, который окружает себя мудрыми и учеными советниками, который бы заботился об общем добре, о социальной гармонии. В оде «О неправых советниках» рекомендуется в управлении государством опираться на умных чиновников: «Охотнее следуют, чаще – советам дурным. / Услышу я эти дурные советы царю – / И вот уж великой печалью и скорбью томим!.. / Но мудрые люди нашлись бы, пожалуй, и здесь; / В народе у нас, хоть немного осталось его, / Разумные люди, советоподатели есть, / Достойные видом, способные править умы!..» [2, с. 169–170].

«Книга песен и гимнов» проливает свет на многие исторические события, важные факты. Некоторые произведения раздела «Великие оды» повествуют о кровопролитных сражениях чжоусцев с шан-инцами. Так, далекие эти события отражаются в одах «О переселении племени чжоу», «О царях Вэнь-Ване и У-Ване и о покорении царства Инь-Шан»: «Ярость властителя неукротима была – / Слава его преуменьшится тем не могла…/ Варваров этих – гунь-и – разбежалася рать, / Быстро бежала, пыхтя и не смея дышать!» [2, с. 223–224].

Стихотворения также являются богатым источником по истории борьбы китайского народа с внешними врагами. В древности было сложено множество песен, прославлявших воинов, отважно сражавшихся за свое отечество. В песнях о ратной службе и военных походах «Тоска о муже, посланном в поход» [2, с. 64], «О походе князя Чжоу на Восток», [2, с. 123], «Боевая колесница» [2, с. 103), «Возвращение из похода» [2, с. 121], «В ожидании мужа, ушедшего в поход» [2, с. 136] воскрешается военная история свободолюбивого китайского народа. В III в. до н.э. угрозой для китайцев были северные варвары (сюнны), которых китайские историки отождествляли с гуннами, обитавшими у северо-западных границ Китая. Именно для защиты от них в этот период императором Цинь Ши Хуан-ди была начата постройка Великой китайской стены. Об этой странице китайской истории повествуется в песнях «В походе на гуннов» (с. 133), «О походе воеводы Нань Чжуна против гуннов» [2, с. 135], «О походе воеводы Ван шу на южных варваров» [2, с. 145]. Хвалебными эпитетами, сравнениями и олицетворениями, например, насыщены строки оды «О походе воеводы Нань Чжуна против гуннов»: «Сын неба отдал повеление мне, / Чтоб дальний Шофан был стеной укреплен!» / Был грозен Нань Чжун, и ужасен был он, / И изгнаны гунны, и враг поражен» [2, с. 135].

Таким образом, вошедшие в этот раздел произведения исторического плана можно, на наш взгляд, рассматривать как образцы древней китайской эпической поэзии. Песням раздела «Великие оды» присущи лаконизм, богатство экспрессии, стилистическое совершенство. Они исполнены аллегорий, символикой и олицетворениями. «Традиционные символы стихов, поэтика условностей и иносказаний, – считает Н.Федоренко, – привносит скрытый смысл, создает свой подтекст с переносными значениями, скрытыми сравнениями, таит в себе связь с явлениями историческими, социальными и бытовыми» [1, с. 17]. «Книга песен и гимнов» раскрывает

древнюю эпоху истории китайского народа, даже полнее и глубже, чем многие другие работы о китайской античности, и приближает ее к нам в неповторимой поэтической самобытности. По мнению Штукина, «…влияние «Книги песен» не кончается древним и средневековым Китаем ни территориально, ни во времени. В средние века китайская культура и развившая традиции «Книги песен» поэзия хлынула широким потоком в Японию, Корею, Индокитай» [3, с. 314].

«Шицзин», на наш взгляд, отличается от других известных эпических сказаний, созданных древним китайским народом. В этом сборнике тесно сплетены особенности не только различных веков, но и несколько общественно-исторических формаций. Все это преломилось в песнях и гимнах, где с древнейшими остатками первобытнообщинного строя содержатся резкие обличения эксплуатации человека человеком в классовом обществе, что делает «Книгу песен и гимнов» ценнейшим и оригинальнейшим историческим документом.

1. Федоренко, Н. Древнейший памятник поэтической культуры Китая / Н. Федоренко // Шицзин : книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина ; подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко ; коммент. А. Штукина. – М. : Худож. лит., 1987. – С. 3–22.

2. Шицзин : книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина ; подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко ; коммент. А. Штукина. – М. : Худож. лит., 1987. – 351 с.

3. Штукин, А. Комментарии / А. Штукин // Шицзин : книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина ; подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко ; коммент. А. Штукина. – М. : Худож. лит., 1987. – С. 310–341.

4. Юань, Кэ. Мифы Древнего Китая / пер. с кит. Е. И. Лубо-Лесниченко, Е. В. Пузицкого / Кэ Юань. – М. : РИСО АН СССР, 1987. – 496 с.

Кулиева Н.М., Гасанов Э.Л.

АНТИЧНЫЕ ГОНЧАРНЫЕ ТРАДИЦИИ ГЯНДЖИ КАК ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Город Гянджа – родина великого поэта, мыслителя Низами Гянджеви является одним из древних городов не только Азербайджана, но и всей Европы. С древних времен этот город особенно отличался высоким развитием торговли и народного ремесла. Еще с эпохи неолита, а также энеолита на территории древней Гянджи изготавливались ранние керамические изделия. Этот факт доказывают обнаруженные многочисленные образцы гончарного ремесла с территории Гянджи и ее окрестностей. Античный период – IV–I века до нашей эры считаются периодом расцвета художественной керамики древней Гянджи. В Эллинистической эпохе наблюдалось высокое усовершенствование в конструктивно-пластических формах, а также декоративно-орнаментальных особенностях художественной керамики древнего государства наших предков-Кавказской Албании. Город Гянджа являлся одним из основных культурно-экономических центров этого государства.

На основе многочисленных фактов доказывается значение керамических изделий Гянджи в изучении этнокультурных ремесленных традиций Европы:

1. В этой эпохе прослеживается традиционное продолжение керамических форм предыдущих исторических периодов. А также продолжают действовать и древнейшие культовые обряды эпох бронзы и раннего железа, часто влиявшие на создание таких традиционных керамических форм как зооморфные, сообщающиеся и другие сосуды. Кроме того, в этом историческом периоде одновременно встречаются и сосуды, созданные на базе потребностей хозяйственно-бытовой жизни страны. Примером могут служить вазы, фляги и другие сосуды с развитыми керамическими формами. Схожие керамические изделия встречаются на территории Восточной Европы и на Балканах [1, с. 125–127].

2. В историко-этнографической, научной характеристике художественной керамики древней Гянджи данного периода большое значение имеет развитие конструктивных форм и пластических особенностей гончарных изделий. Основными конструктивно-пластическими формами художественной керамики античного периода Кавказской Албании являются: а) Керамические фляги; б) Художественные вазы; в) Фигурная керамика. На территории старой Гянджи, а также в некоторых историко-археологических памятниках долины реки Гянджачай было обнаружено довольно много образцов данных основных групп керамических изделий [3–5]. Керамические фляги как одна из основных конструктивно-пластических форм художественной керамики древней Гянджи данного исторического периода, не случайно возродились в гончарном ремес-

ле, так как, они были тесно связаны с хозяйственной жизнью наших предков и географическими особенностями.

3. Важно отметить, что художественно-пластические особенности керамики древней Гянджи особенно сильно проявляются в фигурных сосудах. Религиозные представления и культовые обряды, способствовавшие созданию фигурных сосудов, переходя из поколения в поколение, были основной причиной традиционного продолжения данного вида художественной керамики. В этом отношении примечательно, что разные художественные формы фигурных сосудов эпохи бронзы повторялись и в последующих эпохах-в эпохе раннего железа, в IV–I веках до нашей эры и даже в раннем средневековье. Основными фигурными сосудами данного периода являются зооморфные керамические изделия. На довольно обширной территории Евразии (современной Восточной Европы, Ирана, Турции, Центральной Азии) были обнаружены образцы гончарного ремесла, имеющие сходство с сосудами античного периода Гянджи [2–4]. Антропоморфные, зооморфные и геометрические орнаменты художественных керамических изделий древней Гянджи, а также зооморфных (фигурных) сосудов имеют много общего с гончарными образцами таких историко-археологических памятников как Бампур, Тепе Гийан, Персеполь, Шахи-Тумп, Гийан и др. Это еще раз доказывает важность керамических изделий Гянджи и всего Гянджабасарского региона как этнографических источников в исследовании исторического прошлого не только Азербайджана, Кавказа но и всего ближне- и средневосточного ареала. Данные образцы художественной керамики античной Гянджи являются показателем древних этно-культурных взаимоотношений в этом регионе в эпоху Эллинизма [2, с. 74; 5, с. 56]. Встречаются вазы с полусферическими корпусами, на трех ножках, имеющие многочисленные разновидности. Подобная архаическая форма ваз возможно зародилась на базе культовых потребностей. Эти типы ваз широко распространились по всему Кавказу и ближневосточным странам.

Художественные вазы античной Гянджи, зародившиеся на базе культовых потребностей, безусловно являются большим творческим достижением наших предков, о особенности керамистов и одним из ярких признаков развития материальной культуры Кавказской Албании. Вазы данного исторического периода использовались населением для украшения своих бытовых условий. Отсюда можно сделать вывод о высоких культурно-бытовых потребностях наших предков.

Важными историко-этнографическими показателями изделий художественной керамики древней Гянджи данного периода являются декоративно-орнаментальныеособенности.

Во-первых, особое художественное значение керамических форм имеют конструктивные элементы. Туловище, горловина и венчик, а также ручка, носик являются важными источниками исследования античных керамических изделий Гянджи. Кроме того, виды художественного убранства керамических сосудов также считаются весомыми показателями. Основными декоративно-орнаментальными особенностями художественных керамических изделий древней Гянджи и всего Азербайджана данной эпохи являются врезная орнаментация, рельефно-декоративное убранство, также графический способ в декоративном убранстве. Нужно отметить, что белоинкрустированные керамические изделия древней Гянджи в отдельных случаях относятся не только к позднебронзовому и раннежелезному периодам, но и к данной античной эпохе. Изделия художественной керамики древней Гянджи античного периода, без сомнения являются очень важным историко-этнографическим источником исследования как исторического прошлого Азербайджана, так и всего Ближнего и Среднего Востока.

В этом отношении декоративно-орнаментальные особенности керамических образцов Гянджи имеют особое значение. Гравировка керамических сосудов античной Гянджи во многих случаях характеризуется применением белой массы и таких орнаментальных мотивов, как кружки, треугольники и др. Подобные украшения в основном обнаружены в сероглиняной керамике IV-III вв. до нашей эры. Кроме того, одним из важных и наиболее ярких элементов рельефно-декоративном убранстве Кавказской Албании, а также Гянджи является украшение корпуса сосудов каннелюрами. Этим приемом гончары Гянджи пользовались еще в VII–V веках до нашей эры. Данные каннелюры, разделяя туловище на широкие вертикальные выпуклые части, придают сосуду оригинальную декоративность и стройность. Четко вырезанные каннелюры сопровождают высокую горловину и сочетаются со скрученной формой ручки. Декоративные мотивы отвлекают внимание от грубой лепки сосуда и обогащают его композицию пластическими формами [3–5].

У некоторых художественных ваз плечико сферической формы корпуса украшено ритмически повторяющимися бугорками, которые сделаны нажимом пальца изнутри. Венчики ваз выделяются круговой каймой, которая приподнята над корпусом сферической формы и только в одном месте превращается в волнообразную, откинутую назад форму. Кроме того, характерными художественными керамическими вазами античной Гянджи являются изделия (вазы) с колесообразным корпусом, имеющим три ножки или же стройный поддон, который состоит из цилиндрического подпорчика и круглой подставки. Изделия эти приобретают художественное значение благодаря пластической красоте и композиционной оригинальности своих керамических форм [4, с. 288; 5, с. 56].

Образцы художественной керамики Гянджи данного исторического периода являются значительным источником изучения, как Эллинистической эпохи, так и древних периодов истории Европы. Дальнейшее историко-этнографическое исследование керамики Гянджи откроет новые перспективы в изучении этнологии Европейского региона.

1. Акунова, Л. Ф. Материаловедение и технология производства художественных керамических изделий : учеб. пособие / Л. Ф. Акунова, С. З. Приблуда ; под ред. Л. Ф. Акуновой. – М. : Высшая школа, 1979. – 216 с.

2. Алмамедов, Х. И. Расписная керамика поселения Полутеле / Х. И. Алмамедов // Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе : мат-лы Междунар. науч. конф., Археология, этнология и фольклористика Кавказа, Махачкала, 2007 г. / Науч. о-во кавказоведов, РАН. Ин-т ист., арх. и этног.; редкол.: А. Н. Крылов [и др.]. – Махачкала, 2007. – С. 72–73.

3. Гасанов, Э. Л. К вопросу о развитии гончарного ремесла / Э. Л. Гасанов // Актуальные проблемы истории Гянджи : мат-лы 2-ой науч.-прак. конф., Гянджа, 2010 г. / НАНА Гяндж. рег. науч. центр ; редкол.: Ф. Ю. Алиев [и др.]. – Гянджа, 2010. – С. 25–30.

4. Guliyeva, N. M. About ethnographic-archaeological research of some handicraft branches of Ganja during XIX–XX centuries / N. M. Guliyeva, E. L. Hasanov // Progressive scientific explorations. – 2012: Proceed. of the 8th Inter. scien.-pract. conf., Prague, 2012 / Publishing House-Education and Science s.r.o.; edboard.: Z.D. Cernak [etc.]. – Prague, 2012. – P. 73–75.

5. Həsənov, E. L. Məhsəti Gəncəvi dövründə sənətkarlıq / Craftsmanship during the period of Mahsati Ganjavi / E.L. Həsənov. 1-cinəşr. – Gəncə : Elm, 2013. – 175 s.

Алиева Н.А.

АРАБСКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ IX–XIII ВЕКОВ

В средние века биографическая литература являлась одним из видов арабской историографии, представляя собой развитую, широкоохватную ее форму. Жизнеописание Пророка Мухаммеда (с.а.в.) и двух-трех поколений его авторитетных последователей, имена которых были запечатлены в Сунне, – это первые примеры такого рода биографической литературы. Первое произведение, написанное в таком жанре, принадлежит Ахмеду бин Сааду бин Мунейи аль-Хашими аль-Басри (ум. в 844 г.). Девятитомный труд его называется «ат-Табакат аль-Кубра», он был опубликован в 1997 г. в Бейруте [8, с. 219–220]. Ибн Саад после описания родословной Пророка Мухаммеда (с.а.в.) дает сведения и о других пророках, бывших до него, а затем повествует о семье Пророка (с.а.в.), его близких и табиинах (т.е. последователях). Особенно ценным в изложении Ибн Саада является то, что он дает ссылки на источники своих сведений. Для полной объективности и правдивости он перечисляет всю цепь передатчиков этих сведений. После Ибн Саада, наряду с биографическими сочинениями об отдельных личностях, начали появляться и сборники, работы, содержащие сведения о многих лицах. В такие сборники включались сведения о личностях в зависимости от их рода деятельности. Биографические сборники составлялись либо в хронологическом, либо в алфавитном порядке. Существуют сборники об ученых, занимающихся сбором и изучением хадисов, о богословах, поэтах и литераторах, языковедах и судьях, музыкантах и правителях, о врачах и др. Упомянем некоторых из авторов, испытавших себя на этом поприще. Это ас-Сырафи, которому принадлежит авторство сборника о грамматиках, Ибн Джул-джул, написавший о правителях, аль-Кинди и аль-Хушани, написавшие о судьях, аль-Джахшияри, составивший сборник о везирях. Были сборники о мухаддисах (занимающихся наукой о хадисах), поэтах, литераторах, певцах и музыкантах [10, с. 62]. Есть сборники и о выходцах из одного какого-то региона. Сочинения в таком жанре различались и по объему. Если работа ас-Сырафи (начало X в.) была посвящена сравнительно узкому направлению – филологам Басры, то в сочинении Ибн ал-Асакира (XII в.) описаны сотни и тысячи людей – уроженцев Дамаска и вообще его работа отличается большим объемом. Биографические сочинения, как правило, составлялись по определенному шаблону, словно автор заполнял анкету по заранее установленной форме [11, с. 242]. Здесь были отражены полное имя и лакаб (почетное прозвище) лица, где и когда он родился, у кого и какой науке учился, кому и какой

предмет преподавал, куда путешествовал, какие работы написал, находился ли на государственной службе. Иногда давались небольшие отрывки из его стихов или же приводился какой-то интересный эпизод из его жизни. В других случаях давалось описание его внешности или же характеризовались личные качества. Необходимо отметить, что данные о личности, да и в целом все описываемое, приводились на основании личных впечатлений, либо со слов доверенного лица, бывшего очевидцем тех или иных событий, той или иной ситуации, либо со ссылкой на заслуживающего доверие автора. Вообще же, информация в обязательном порядке давалась со ссылками, поскольку правильное изложение информации с указанием цепочки лиц, передававших сведения, было традиционной и отличительной чертой арабской литературы.

Уже в X в. соединение исторической и биографической литературы стало основанием сочинений нового жанра. Их можно назвать биографическими хрониками. Это книга Джахшийари о везирях и книга Кинди о правителях Египта. Биографическая литература стала настолько широкой по охвату и получила такое большое распространение, что даже авторы, исследующие историю и генеалогию династий правителей, подробно описывали биографии не только самих халифов, но и также представителей дворцовой знати, литераторов и чиновников, и называлась такая работа антологией. Это уже был важный источник по истории литературы. Книга ас-Сули по истории Аббасидов как раз из этой категории. Во всяком случае в тот период между книгой об истории Аббасидов, книгами по истории городов и биографической литературой особой разницы не было, поскольку истории тех или иных выдающихся личностей, выходцев из описываемых городов, были составлены обобщенно. На этом основании В.В. Бартольд [4, с. 61, а вслед за ним и О.Г. Большаков [5, с. 138] совершенно справедливо отнесли большинство использованных ас-Самани материалов к разряду исторических источников. Текстологический анализ сочинений таких авторов, как Йакут аль-Хамави, ас-Самани, ас-Силяфи, Ибн Макула, Ибн Нокта, Ибн ас-Сабуни, дает основание полагать, что эти работы в высшей степени компилятивны. Причиной этого являлась традиция передачи научных знаний путем составления комментариев и новых редакций известных сочинений. Согласно средневековой мусульманской методологии, учитель, обучая учеников в какой-либо определенной области знаний, обязан был указывать, на какие конкретно источники он опирается. Кроме этого, исследователь был обязан получить письменное «разрешение» на использование источника, на который он опирался. Документ этот, называющийся «иджазетнаме», по сути является показателем качества достоверности при изучении источников, наибольшей объективности и правдивости при передаче информации от обучающего к обучаемому. Он является своего рода дипломом. Поэтому авторы, заимствуя друг у друга информацию, редактировали ее и дополняли работу новыми сведениями, которых не было в той работе, и таким образом появлялись новые сочинения. Ибн Ногте, а после него Ибн Сабуни на основе работы автора XI в. Ибн Макулы, написанной в жанре «Аль-муталифва-ль-мухталиф» («Сходные и различные имена»), как продолжение этого сочинения смогли создать на эту же тему новые работы. Сам же Ибн Макула написанное им сочинение создал на основе произведений более ранних авторов аль-Азди, ад-Дарагутни и Хатиба Багдади. Этот автор создал свою основательную работу после тщательного изучения сочинений Хатиба аль-Багдади, Али ибн Омара ад-Дарагутни и Абдулгани бин Саида бин аль-Азди и заключения – отзыва на эти работы. Ибн Макула в своей книге «аль-Икмал» объясняет причины написания этого сочинения тем, что, увидев пробелы в сочинениях вышеуказанных авторов, он решил дополнить их и углубить, убрав при этом встречающиеся у них повторы и ошибки. При этом он поставил себе цель создать такое произведение в этом жанре, в котором были бы объединены все сведения, представляющие ценность, и исправлены ошибки каждого автора, таким образом, он провел редакторскую работу, дополнив ее своими сведениями, которых не было у этих авторов [7, с. 2]. Несмотря на то, что он умолчал об этом в работе «аль-Икмал», в другом же своем сочинении он подверг критике работу Хатиба аль-Багдади «аль-Муталиф». Согласно Абу-ль-Хасану Мухаммеду бин Марзуге, Ибн Макула, который анализировал сочинение Хатиба аль-Багдади, критиковал его за это сочинение. И это дошло до автора. Ибн Макула пришел к Хатибу и узнал от него самого об этом. Ибн Макула стал отрицать свою критику в отношении Хатиба и даже заявил, что ему и в голову такое не приходило. Говорили, что письменная критика в адрес Хатиба вплоть до его смерти оставалась под сукном и лишь после его смерти стала доступной и увидела свет. Критический текст Ибн Макулы на работу Хатиба аль-

Багдади назывался «Мустамаррул-ахвам» («Продолжительность грез») [7, с. «с»]. Среди многих авторов, работавших в жанре «аль-Муталифва-ль мухталиф», Ибн Макула занимает выдающееся место. Российские и западные исследователи, и прежде всего К. Брокельман и И.Ю. Крачковский, среди многочисленных средневековых авторов выделяют именно Ибн Макулу. Воспринимая Ибн Макулу как последователя ас-Самани (1113–1167), академик И.Ю. Крачковский особо отмечал его работу «Асма ар-риджал» («Имена знатоков хадисов») [9, с. 315–316]. Среди выдающихся ученых того времени особая роль принадлежит именно этому автору, полное имя которого звучит так: Абу СаадАбдулкерим ибн Мухаммед ас-Саманиат-Тамими аль-Марвази. Он был замечательным историком, богословом и филологом. Его работы, в частности, арабоязычный биографический источник «Китаб аль-ансаб» («Книга насабов»), имеют большое значение для изучения культурной, научной жизни средневекового Азербайджана. Профессор М. Махмудов, высоко оценивая этот труд, писал: «Невозможно проследить развитие научной и культурной мысли Азербайджана в средние века без Абу Саада ас-Самани. Автор, объясняя причину написания книги, приводит слова Пророка Мухаммеда (с.а.в.). Для этого, в соответствии с существующими правилами приведения цитат в сочинениях, он, начиная с гянджинца из Мерва Абу Хавса Омара бин Шуэйб и до Абу Хурейры, приводит 11 иснадов, т.е. ссылок, и пишет, что Пророк (с.а.в.) повелел следующее: “Выясняйте родословную Ваших кровных родственников, кровные узы вызывают у людей доброту, милость и любовь друг к другу, в имуществе рост и благосостояние, долговечность хороших отношений”» [3, с. 12].

«Китаб аль-Ансаб» относится к серии биографических сочинений, широко распространенных на мусульманском Востоке. Это жанр, в котором биографические сведения о личности давались в алфавитном порядке, причем за основу бралась его нисба, т.е. слово, обозначающее либо место рождения того или иного описываемого лица, либо место его жительства, либо его род или племя, либо род занятий, и образованное путем присоединения морфемы «и». «Китаб аль-Ансаб» был написан в таком же русле и охватывает биографии ученых различных отраслей науки и в их числе свыше 120 известных ученых азербайджанцев. Необходимо отметить, что исследователи исламских наук в этом сочинении выдвинуты на первый план и в их числе ученые филологи, чьи биографии здесь отражены. Автор, взяв за основу нисбу, старался передать только достоверную информацию, указывая даже время рождения и смерти того или иного лица, а также другие сведения, характеризующие его личность. Когда автор выбирал того или иного ученого, которого хотел описать в своем сочинении, он отдавал предпочтение тому, кого автор лично знал, передаваемые хадисы подтверждались параллельными сведениями, которые были наиболее достоверны и не вызывали больших сомнений, т.е. вся цепочка передатчиков вызывала доверие и им можно было верить. Указание же на источник информации повышало уровень достоверности самого сочинения и приводимых в нем сведений.

Из арабоязычных источников, повествующих о выдающихся личностях средневекового Азербайджана, следует упомянуть и о сочинении ас-Сабуни (604–608/1207–1282) «Китаб Такмилят икмяли-л икмял» («Об усовершествовании дополнения к «Икмял»») [7]. Данное сочинение Ибн ас-Сабуни было написано к дополнению сочинения Ибн Макулы «аль-Икмял», а само это дополнение было написано, в свою очередь, Хафизом Абу Бакром ибн Ногте, который назвал его «Икмялиликмял». В этом произведении автор уделил внимание преимущественно мухаддисам, т.е. лицам, которые собирали и рассказывали хадисы. Не случайно, что Хейраддин аз-Зирикли в своем сочинении «аль-А`алем» представил ас-Сабуни именно как знатока хадисов [1]. Ибн ас-Сабуни в своем сочинении уделил большое внимание и суфийским шейхам, при этом среди них видное место занимали и азербайджанские шейхи [6, с. 17]. Наряду с хадисами, в этой книге также были собраны сведения о таких профессиях, как «ученый, мударрис, муфассир (комментатор), везирь, адиб (литератор), писатель, медик, ваиз (лектор), суфи, нассах (переписчик), муджаллид, собственник» и других. Кроме этого, в этой книге были представлены и женщины, что сделало ее еще более ценной. Ибн ас-Сабуни, тщательно изучив труды ас-Самани, Йакут аль-Хамави, пытался восполнить пробелы в этих сочинениях. Если ибн Ногте дает сведения об отце Абу Хамида ал-Мосули, то Ибн ас-Сабуни дает информацию непосредственно о нем самом. [6, с. 92]. Наряду с этим ас-Сабуни дает сведения и об азербайджанских ученых, с которыми он встречался во время его обучения в Египте, и об авторах, которые писали о них. Среди исследуемых биографических источников Абу Тахир ас-Силяфи (478/1085–

576/1180) можно охарактеризовать как наиболее близко связанного с Азербайджаном. Как и Ас-Самани, Йакут аль Хамави, Абу Тахир ас-Силяфи много путешествовали по Азербайджану, причем он побывал не только во многих городах Южного Азербайджана, но и на севере от Аракса, в Арране и Ширване. Но близость его к Азербайджану объясняется еще и тем, что его учителем по арабскому языку был Хатиб Тебризи. Благодаря огромному авторитету этого суфийского шейха везирь владыки Египта, фатимидского халифа аз-Захира аль-Убейди некто аль-Адиль аль-Хасан ибн ас-Саллар в 1151 г. построил в Искандерийе медресе и поручил управление им ас-Силяфи. Это медресе и поныне известно там. Ас-Самани, Йакут аль-Хамави, Имад-ад-Дин Ханбали, ибн ал-Фувати, Ибн ас-Сабуни использовали его сочинения в своих работах. Целью путешествия Абу Тахира ас-Силяфи в Ширван было собирательство хадисов, встречи с проживающими здесь учеными хафизами (знатоками Корана), богословами, мухаддисами, гариями (чтецами Корана), ваизами, у которых он намеревался уточнить собранные сведения, получить новые и при необходимости внести поправки в свои исследования. С другой стороны посещение им этих мест показывает, что в Ширване функционировала и развивалась наука фикха (исламского права) и хадисов. В те времена наука о хадисах была одной из широко изучаемых во всем мусульманском мире. Следует отметить, что для определения правдивости хадисов была выработана и имела важное значение система иснадов, т.е. ссылок. Иснад вошел в научный оборот только в мусульманское время [10, с. 105]. Ас-Самани высказался об этом образно: «Иснад – это часть веры и оружие верующего мусульманина; если у него нет оружия, то как он может сражаться?» [2, с. 5–8]. Поэтому и ас-Силяфи, как и ученые этого времени, всегда тщательно выяснял достоверность того или иного хадиса, прежде чем описать его в своем сочинении.

Таким образом, с начального периода Ислама перечисление знатоков хадисов в сочинениях было преобладающим явлением. Если принять во внимание, что до нашего времени дошли лишь имена многих ученых этого периода, можно признать важность биографических сочинений для изучения культурной и научной жизни стран, находившихся в составе Халифата.

1. الزرقلى خير الدين. الاعلام. القاهرة, ١٣٧٣-٧٨(١٩٥٩-١٩٥٦) الجلد الثامن. ١٩٥٩-١٩٥٦) الجلد
2. السمعانى.كتاب الانساب.ليدن, ١٩١٢
3. السمعانى ابوسعد عبد الكريم ابن محمد. الانساب. ٦ ج. , بيروت,١٩٩٨, الجلد الاول. ص ٥٣٤
4. Бартольд, В. В. Туркистан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд, В. В. Соч. : в 9 т. – М. : Издательство восточной литературы, 1963. – Том 1. – 761 с.
5. Беленицкий, А. М. Средневековый город Средней Азии / А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. – Л. : Наука, 1973. – 390 с.
6. ابن‌الصابونى. كتاب تكملة إكمال الاكمال فى‌الانساب والاسماء والالقاب الناشرمصطفى‌جواد. ١٣٧٧, العراق/ ١٩٥٧
7. الجلدالاول، ٥٩٢ ص.ابن ماكولا .الاكمل فى رفع الكنى و الانساب_الارتياب‌عن الموتلف والمختلف فى الاسماً
8. ابن سعد محمد بن سعد بن منيع الهاشمى البصرى. الطبقات الكبرى بيروت،١٩٩٧، الجلد السابع،٣٨٦ص
9. Крачковский, И.Ю. Арабская географическая литература // Избр. соч. – Т. IV. – М-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 915 с.
10. Халидов, А. Б.Арабские рукописи и арабская рукописная традиция / А. Б. Халидов. – М. : Наука ГРВЛ, 1985. – 304 с.
11. Халидов, А. Б. Книжная культура / А. Б. Халидов // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. – М. : Наука ГРВЛ, 1982. – С. 215–310.

Подберезкин Ф.Д.

ВОСТОЧНЫЕ «РЕЙЗЫ» ГРАФА ЭНГЕЛЬБЕРТА ФОН МАРК: ОСАДА ПОЛОЦКА 1381 г. В ХРОНИКАХ ГЕРЦОГСТВА КЛЕВЕ

Крестовые походы в Святую Землю, Пруссию и Ливонию были семейной традицией графов Марки из западной Вестфалии. «Гостями» ордена в войне с язычниками (Heidenkampf) были в 1262 г. Энгельберт I, граф Марки [7, s. 103] и другой, неизвестный нам по имени «comes de Marka» в 1330 [7, s. 217]; в паломничество в Палестину отправлялись Энгельберт III, Иоганн I, первый герцог Клевский [6] и его брат, граф Герхард фон Клеве [9]. Наиболее подробно в местных хрониках герцогства Клеве и Марки XIV – XV вв. освещена жизнь и деятельность Энгельберта III, графа Марки, сына Адольфа II (правил в 1328–1347 гг.). и Маргариты, наследницы графства Клеве.

Паломничество графа Энгельберта. Учителем молодого графа был Левольд фон Нортхоф, домашний хронист графов Марки, посвятивший свою хронику «nobili viro, domino suo carissimo, domino Engelberto, comiti de Marka». Под 1353 г. хроника Левольда повествует:

Levold von Northof [5, s. 88]	Перевод (здесь и далее – мой (*Ф.П.*))
(1353) «Anno Domini MCCCLIII comes de Marka Engelbertus ivit ultra mare, licensia setis apostolic non optenta, propter quod postmodum pro ipso et pro suis consociis et familiaribus absolucinem a sentencia excommunicacionis a papa oportuit impetrari».	(1353) «В год Господень 1353 граф Марки Энгельберт пошел за море [в крестовый поход – *Ф.П.*] не пожелав разрешения апостольского, впоследствии из-за своей дружбы [с папой – *Ф.П.*] был освобожден от решения о его екскоммуникации».

Анонимная «Cronica comitum et principium de Clivis et Marca…» повествует, что Энгельберт направился в Святую Землю, в Иерусалим и гору Синай, где совершил паломничество к гробу святой Екатерины (особо почитаемой в герцогстве Клеве) [4, s. 113]. Путешествие было совершено без разрешения папы, вследствие чего Иннокентий IV лишил Энгельберта права на участие в таинстве причастия. О том, каким именно образом граф освободился от запрета, Левольд ничего не сообщает. Фриц Цшаек (Fritz Zschaeck) в своем комментарии к хронике Левольда отметил, что освобождение от наказания Энгельберт получил благодаря походу в Пруссию (Wallfahrt nach Preußen) [5, s. 88]. Предположение Цшаека подтверждает текст анонимной клевской хроники:

Cronica comitum et principium de Clivis et Marca [4, s. 113]	Перевод
«Dehinc cruce signatus opem tulit efficacem et personalem, Joannitis et Templariis indebellandis Ruthenis et Muscovitis, fidei christianae pestiferis hostibus, a quibus praeter indulgentias papales divitias ingentes reportavit».	«С того времени как [граф – *Ф.П.*] принял знак дела креста, своей храбростью в войнах иоаннитов и тамплиеров [Мы не знаем, почему тамплиеры и иоанниты у автора хроники сражаются с рутенами; однако интересно то обстоятельство, что для вестфальского хрониста середины XIV века уже существовало разделение на «рутенов» и «московитов»! – *Ф.П.*] с рутенами и московитами, зловредными врагами христиан, снискал он божественное прощение папы».

Несмотря на то, что данное сообщение помещено хронистом под 1351 г., здесь, однако, очевидно указание на крестовый поход в Пруссию против литовцев. Возможно, эта заслуга Энгельберта и обусловила прощение папы.

Восточные «рейзы». Более подробную информацию о «рейзах» Энгельберта в Палестину, Пруссию и на Русь представляет позднейшая (середина XV в.) хроника Герта ванн Шюрена (Gert van Schüren):

Gert van Schüren [3, s. 29–30]	Перевод
«Hijr nae reysden dese werdighe Greue Engelbrecht, umb sijne pelegrimaedse to doin aeuer Mere in dat heylige lant te iherusalem myt deyls den sijnen, die he myt sich nam, ind versuchte dat heylighe graf find toich van dair vortan den langhen, swaren wech tot den berch van Synay, dair dat lijcham der heyliger jonffren sent Kathrijnnen restende ist. Na desen tijden toich Greue Engelbracht vurs. myt deels sijnen vrunden van strenghen ruteren in pruyssen ind in Lijflant, umb den deutschen orden to helpen strijden op die heyden onbegrijplicken vele doit sloeghen ind der oick vele tot der heyligher cristen gelouen brackten.	«Затем поехал достопочтенный граф Энгельберт в пилигримацию за море в святую землю в Иерусалим с теми, кого взял с собой, навестил святой Гроб и затем пустился в длинный, тяжелый путь на Синай, где покоятся мощи девы, святой Екатерины. После этого поехал граф Энгельберт с друзьями из своих сильных рыцарей в Пруссию и Ливонию, чтобы помочь немецкому ордену против язычников, христиане выиграли битву и побили многих язычников, но заплатили цену многими убитыми христианами.

Et geschach tot eynre reysen, dat Greue Engelbrecht vurs. myt den deytschen Heren van Pruyssen ind van Lijfland toich vur eyne Stat, geheiten Plosko, dair die Sarracenen ind boese wreet volck van Heyden in woenden; dair starkten sich die Heyden ind toghen myt groter macht teghen die kersten, umb die to bestrijden, ind die Heyden hadden wael dry man tegen eynen, ind dair wart menlick gestreeden, also dat die kersten die auerhaut behielden, in wulken strijde bysonder Greue Engelbrecht myt den sijnen aeuerneemende vordel deden».	Случилось во время этого похода, что граф Энгельберт с немецкими господами из Пруссии и Ливонии пошел зимой на один город, называемый Полоцк, где живут сарацины и язычники; там усилились язычники и вышли с большой силой против христиан, чтобы одолеть их, язычники имели трех воинов против одного [христианского – *Ф.П.*], итак случилась битва, и христиане мужественно бились с язычниками, в той же битве особенно отличился граф Енгельберт своей храбростью».

Из выражения «et geschach tot eynre reysen» становится ясным, что поход в Пруссию и Ливонию Энгельбрехт осуществил во время своего путешествия в Святую Землю. Такого рода маршруты (через земли Ордена, Литвы и Руси на Палестину) были традиционны для клевской знати – так, племянник Энгельберта, граф Марки Герхард в 1437–1438 гг. хотел ехать в Святую Землю через земли Ливонии и Новгорода [9]. Скорее всего, Энгельберт побывал и в Пруссии, и в Ливонии: в Пруссию он приехал как «гость» Ордена, а в Ливонии присоединился к воинству магистра, отправлявшемуся в земли язычников-рутенов – к Полоцку. Однако в 1353 г. зимой и в 1354 г. походов на литовцев быть не могло: из-за плохой погоды, магистр отложил поход 1353 г. на следующий год; однако в 1354 г. есть упоминание только о походах литовских князей Ольгерда и Кейстута «в землю Гунелаукен» [8, s. 520]. Только в 1355 г. братья ордена отвечают на литовский поход прошлого года [8, s. 520]. В ливонских источниках (хроника Германа Вартберга, «Liv- est- und curlandisches Urkundenbuch») также нет упоминания о походе на Полоцк в 50-х гг. XIV в.

Поход 1381. Между тем хроника Виганда из Марбурга под 1381 г. повествует нам о приходе некоего графа Марки в Пруссию [8, s. 603]:

«Anno 1381 veniunt in Prusziam comes Starke de Marchia comesque Clevensis» (в 1381 году пришел в Прусию граф сильный Марки и Клеве»).

Хроника Виганда была рифмованной [2, s. 456] – т.е. «Starke» не может быть именем собственным, а служит прилагательным. Это значит, что в предложении выделялись 4 слова: «comes Starke de Marchia» и, в немецком варианте, который могли слушать братья ордена во время трапезы звучало как «Graf Stark von Mark», «comesque Clevensis» (и граф Клеве) было написано уже в качестве необходимого дополнения. Хроника Герта ван Шюрена не упоминает о походах графа Марки 1381 г. в Пруссию и Литву; вместе с тем она подробно описывает бой возле Полоцка совместно с ливонскими и прусскими рыцарями, которые действительно были там летом – осенью 1381 г., помогая литовскому князю Скиргайло вернуть Полоцк, вотчину изгнанного князя Андрея Ольгердовича. Подробность сообщения также не случайна: история о сражениях с язычниками-рутенами могла быть передана устно: либо самим графом Энгельбертом, либо его соратниками из Вестфалии (которых упоминает Шюрен). В свете того предположения, что Энгельберт был под Полоцком именно в 1381, а не в 1353 или 1354 г. говорит то обстоятельство, что хроники Левольда и анонимная клевская хроника, которые были составлены в 50-х гг. XIV в., не могли знать об осаде Полоцка в 1381 г. Таким образом, возникает вопрос, куда же ездил Энгельберт в 1353/1354 гг., ведь анонимная клевская хроника так же сообщает нам о походе на «рутенов и московитов»? В решении данного противоречия мы опираемся на вывод исследователя Удо Арнольда, который полагает, что в период с осени 1353 – зимы 1354 гг. Энгельберт действительно имел возможность совершить поход в Пруссию: *«16 октября 1352 архиепископ Кёльнский и епископы Мюнстера, Падерборна заключили с графом Марки, а также городами Мюнстером, Зоестом и Дортмундом земельный мир на пять лет. Мир на родине был установлен, Энгельберт мог путешествовать в Палестину. На обратном пути 3 сентября 1353 он навещает папский двор в Авиньоне. Оттуда он направляется в Пруссию. 1 августа 1354 года он возвращается домой. Акты от 5 сентября 1354 года, в которых граф Готтфрид*

фон Арнсберг провозглашает Енгельберту свою преданность, указывают на то, что к этому времени Энгельберт уже практиковал властные полномочия» [1, s. 84].

Вывод. Таким образом, принимая во внимание версию о двух восточных походах графа – в 1353/1353 и 1381 гг., остается предположить, что Энгельберт III и его люди с братьями Ордена из Пруссии и Ливонии были под Полоцком, в 1381 г., помогая литовскому князю Скиргайло. Во время полоцкого похода Энгельберт мог услышать сведения о битве русских с татарами в 1380 г. на Куликовом поле (хорошо известную орденским хронистам), а также знать подробности осады, которые и попали на страницы хроники Герта ванн Шюрена. В хронике Герта ванн Шюрена есть упоминание, как после похода граф и другие рыцари вернулись в Пруссию, где вместе с магистром устроили памятную трапезу [3, s. 83]. Во время памятных трапез рыцари и братья ордена слушали герольдов, повествующих о бранных подвигах (многие их них были хронистами), а также обменивались впечатлениями. Вполне возможно, что рассказ Энгельберта об осаде Полоцка прозвучал именно на этой трапезе.

1. Arnold, U. Engelbert III. Graf von der Mark, seine Kreuzfahrten ins Heilige Land, nach Livland und nach Preußen / U. Arnold // Beiträge zur Geschichte Dortmunds und der Grafschaft Mark. – Dortmund: im Verlage des Historischen Vereins Dortmund, 1968. – S. 79–95.

2. Boockmann, H. Die Geschichtsschreibung des deutschen Ordens. Gattungsfragen und „Gebrauchssituationen" / H. Boockmann // Geschichtsschreibung und Geschichtsbewußtsein im späten Mittelalter: Vorträge und Forschungen. Bd. 31. – Sigmaringen, 1987. – S. 447–469.

3. Clevische Chronik nach der Originalhandschrift des Get van der Schuren nebst Vorgeschichte und Zusätzen von Turck, einer Genealogie des Clevischen Hauses und drei Schrifttafeln, hsg. von Dr. Robert Scholten. – Cleve : Druck und Verlag von Fr. Boss, 1884.

4. Cronica comitum et principium de Clivis et Marca, Gelriae, Juliae et Montium: necnon Archiepiscoporum Coloniensium, usque ad annum 1392 // J.S. Seibertz. Quellen der Westfalischen Geschichte. Bd. II. – Arnsberg, 1860. – 243 s;

5. Die Chronik der Grafen von der Mark von Levold von Northof, hsg. von Fritz Zschaeck // MGH, Scriptores rerum germanicarum. Novaseries, Tomus, VI. – Berlin : Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1955. – 345 s.

6. Harless, W. Bericht über die Pilgerfahrt Herzogs Johann I. von Cleve nach dem hl. Lande (1450–51) // Zeitschrift des Bergischen Geschichtsvereins, 35. – Berg, 1900–1901. – S. 125–145;

7. Scriptores rerum Prussicarum: in V Bänden. / hsg. v. Dr. Ernst Strehlke, T. Hirsch, M. Töppen. – Leipzig, 1861–1968. – Bd. I. – 1861. – 845 s.

8. Scriptores rerum Prussicarum: in V Bänden. / hsg. v. Dr. Ernst Strehlke, T. Hirsch, M. Töppen. – Leipzig, 1861–1968. – Bd. II. – 1863. – 845 s.

9. Подберёзкин, Ф. Д. Частная война графа Герхарда фон Клеве / Ф. Д. Подберёзкин // Studia Historica Europae Orientalis=Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 5. – Минск : РИВШ, 2012. – С. 118–130.

Черкасов Д.Н.

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА XV ВЕКА В «ПУТЕШЕСТВИЯХ И ПОСОЛЬСТВАХ» ЖИЛЬБЕРА ДЕ ЛАННУА

Среди западноевропейских исторических источников XV в., характеризующих положение земель Восточной Европы, важное место занимают «Путешествия и посольства» Жильбера де Ланнуа. Во-первых, потому, что это первое дошедшее до нас систематическое описание восточноевропейских земель представителем Западной Европы в течение XIV–XV вв. Во-вторых, потому, что в сочинении Жильбера де Ланнуа представлена важная информация о социально-политическом положении Тевтонского и Ливонского орденов, Польши, Великого княжества Литовского, Новгорода и Пскова. Вместе с тем, как исторический источник «Путешествия и посольства» оказались практически невостребованными в исследованиях по истории белорусских земель XV в. Цель статьи – обратить внимание на познавательную значимость «Путешествий и посольств» Жильбера де Ланнуа, их важность как исторического источника.

Жильбер де Ланнуа, сеньор де Сант, де Вийерваль, де Троншьен и де Ваэнь родился в 1386 году в г. Лилле, на территории графства Фландрия и принадлежал к одному из наиболее знатных домов Фландрии и Эно (Геннегау).

Когда Жильберу исполнилось 13 лет (1399 г.) он принял участие в экспедиции в Англию, на о. Уайт, под началом графа де Сен-Поля, против Генриха Ланкастера. В 1401 г., во время нового похода в Англию, он терпит кораблекрушение у Сен-Мало. В период 1403–1408 гг., в качестве оруженосца сенешаля графства Эно, он совершил путешествие на Восток, побывав в Иерусалиме, Малой Азии и Египте. В 1408 г. в войсках графа Эно участвовал в войне епископа Льежского против горожан Льежа, закончившейся разгромом горожан в битве при Оте (23 сентября 1408 г.). В 1410 г. воевал на стороне Кастилии против испанских мавров. В 1412 г. Жильбер поступил на службу к герцогу Бургундскому Жану Бесстрашному и принял участие в гражданской войне бургиньонов и арманьяков во Франции [4, с. 7–8].

Чтобы получить рыцарские шпоры Жильбер де Ланнуа отправился в 1413 г. в Пруссию, для участия в походах рыцарей Тевтонского ордена против «неверных». Морем он приплыл «в один порт и укрепленный город Данциг». Прибыв к «рыцарям белых плащей ордена Богоматери», де Ланнуа отмечает, что уже «была давно эта страна завоевана мечом [в войне] против неверных Литвы и Смогитии» [3, с. 22]. Об орденской столице Мариенбурге Ланнуа говорит, что он «является городом и очень сильным замком, в котором находится казна, оплот и убежище для всех сеньоров Пруссии», что он снабжен припасами способными прокормить 10 тыс. человек в течение года [3, с. 22–23]. В Мариенбурге де Ланнуа был принят великим магистром Генрихом фон Плауэном. Навестил де Ланнуа и Кёнигсберг, который отмечен им как «большой город, лежащий на реке, имеет две крепости и замок, и принадлежит маршалу Пруссии» [3, с. 25]. Летом 1413 г. он участвует в походе тевтонских рыцарей против «короля Польши и герцога Померании, которые покровительствовали Сарацинам» [3, с. 26]. По сведениям де Ланнуа было подготовлено две армии численностью в 15 тыс. и 6 тыс. всадников не считая большого количества пехоты. В Померании рыцари пробыли 4 суток и «сожгли более пятидесяти городов с колокольнями и взяли огромное количество скота в добычу». В Мазовии, во время осады одного из городов, Жильбер де Ланнуа был посвящен в рыцари, после того, как его рука была пробита стрелой. После 16 дней похода де Ланнуа вернулся в Данциг [3, с. 26–27].

Но жажда приключений не оставила молодого шевалье. Он направляется в Ливонию, для участия в новом походе. Он едет через Мемель (Клайпеда) «который является последним замком Пруссии на границах Самогитии», а оттуда по побережью в Ригу «которая есть порт, замок и укрепленный город и главный город земли и [место] где магистр Лифляндии имеет свою резиденцию» [3, с. 30–31]. Не найдя приготовлений к походу, де Ланнуа, при содействии магистра, посещает Великий Новгород. Он отмечает, что город «принадлежит сеньорам», что он «удивительно большой», но «укреплен плохими стенами, сделанными из деревянного частокола и земли, тогда как башни были из камня» [3, с. 32–33]. Ланнуа отмечает, что Новгород независим и «имеет общинное правление», что новгородцы «как и все прочие в Руси» исповедуют христианство «по своему обряду, такому же, как и у греков» и что в городе 350 церквей [3, с. 33]. Он отмечает особое положение епископа, который живет в «замке» (кремле) и является «как бы их [горожан] начальником» [3, с. 33]. Бургундского рыцаря поразили и новгородские «сеньоры» (бояре), которые «богаты и могущественны удивительно» [3, с. 33]. По словам де Ланнуа новгородцы «имеют силы в сорок тысяч конницы и без числа пехоты и ведут часто войны со своими соседями» [3, с. 36]. Кроме Новгорода де Ланнуа удалось побывать в Пскове, который «очень хорошо укреплен каменными стенами и башнями». Город «является самостоятельной сеньорией подчиненной королю Москвы» [3, с. 36]. На обратном пути де Ланнуа посетил Дерпт – «очень красивый город и хорошо укреплен» [3, с. 37]. Затем «поехал, чтобы посмотреть королевство Литвы, к герцогу Витольту, королю Литвы, Самогитии и Руси» [3, с. 38]. Проехав через Динабург, он через 2 суток «прибыл в главный город Литвы, называемый Вильно, в котором замок находится очень высоко на песчаной горе, укрепленной камнями и землей, застроенного внутри исключительно деревянными постройками. И спускаются укрепления названного замка с высокой горы вниз в две стороны крепкими стенами, в каковых укреплениях расположены многочисленные дома. И данный замок и укрепления содержат обычно названного Витольта, князя Литвы, его двор и его жилище» [3, с. 39]. Город «совсем не укреплен, но длинен и узок с верха до низа, очень плохо застроен деревянными домами. И нет кирпичных церквей» [3, с. 39]. Жильбер де Ланнуа отмечает, что «люди этого государства – христиане, обращенные силою рыцарями Прусского и Лифляндского орденов» [3, с. 39]. Жители «имеют свой особенный язык», «у мужчин волосы длинные и распущены на плечах, а женщины убираются просто, как будто по обычаю в Пикардии» [3, с. 40]. По впечатлению шевалье «Литва большею частью пустынна, полна озер и больших рек» [3, с. 40]. Проезжая через Тракай, де Ланнуа отметил, что город не имеет стен, а из двух замков один, расположенный на берегу озера «один из которых очень старый, сделанный весь из дерева и ограды из земляных плит», а второй, посреди озера «новый, сделан из кирпича как во Франции» [3, с. 40]. В Тракае и окрестностях де Ланнуа заметил большое количество татар, а также, что там живут «немцы, литва, русские и большое количество евреев, которые каждый имеют свой особый язык» [3, с. 41]. Спускаясь от Тракая вниз по Неману, де Ланнуа прибыл в «замок и деревню, называемую Позур, расположенную на реке Меммель», где нашел князя Витовта вместе с женой Анной и дочерью Софией (жена Великого князя Московского Василия

Дмитриевича) [3, с. 42]. Витовт, по мнению бургундца, «очень могущественный князь, который завоевал двенадцать или тринадцать королевств и земель своим мечом» [3, с. 41]. Проехав через Ковно, Жильбер де Ланнуа вернулся в Пруссию, где дожидался охранной грамоты от короля Польши. Получив таковую, он был принят Ягайлой в Калише, где пробыл 8 дней. Король оказал де Ланнуа почести, посадив его в один из обедов за своим столом. От Ягайло Ланнуа получил письмо, адресованное королю Франции «в котором он пенял на него за то, что он, будучи главным из всех королей христианских, со времени его нового избрания до сих пор не почтил его своими посольствами, между тем как другие государи сделали это» [3, с. 47]. Покинув польский двор, де Ланнуа через Силезию прибыл в Прагу, где пробыл 11 дней и был принят королем. Затем через немецкие земли он вернулся на родину [3, с. 47–49]. Таким образом, первое путешествие Жильбера де Ланнуа в Восточную Европу дало ему возможность познакомиться с социально-экономическим, политическим, этно-культурным положением восточноевропейских государств.

В 1415 г. Жильбер де Ланнуа участвовал в битве под Азенкуром, где был пленен и выкуплен за 1200 золотых экю. Он получил расположение Жана Бесстрашного и его сына Филиппа и был назначен на должность капитана порта Эклюз во Фландрии, которую занимал тридцать лет, выполняя одновременно другие поручения. В 1419 г. Жан Бесстрашный был убит во время переговоров с дофином Карлом на мосту у города Монтеро. Это привело к тому, что его сын Филипп Добрый, заключил союз с англичанами против дофина. В результате сложился англо-бурогндский союз, закрепленный в 1420 г. договором в Труа [2, с. 100]. Жильбер де Ланнуа, вместе с епископом Аррасским, представлял в Труа бургундскую сторону, что говорит о его высоком статусе и большой степени доверия со стороны герцога Бургундского.

Заключение договора в Труа привело к образованию унии Англии и Франции под властью династии Ланкастеров. Король Генрих V становился влиятельнейшим государем Европы. По примеру своего отца, Генриха IV, он являлся активным сторонником крестоносного движения. Но в отличие от своего отца, воевавшего против «язычников Литвы», он видел своей стратегической целью противостоять экспансии турок-османов в Европу. В этом его устремления полностью совпадали с целями герцога Бургундского, отец которого, Жан Бесстрашный, был предводителем последнего по времени крестового похода на восток, закончившегося разгромом крестоносцев под Никополем в 1396 году. Всю жизнь носивший в знак траура об убитом отце черные одежды, Филипп Бургундский и в деле организации нового крестового похода был его наследником. В результате в 1420 г. созрел план англо-франко-бургундского посольства в Иерусалим. Оно должно было пролегать по суше, в том числе через страны Восточной Европы. Одной из задач посольства было выяснить отношение короля Польши и Великого князя Литовского к организации крестового похода против турок-осман, а так же разведать ситуацию в самой Османской империи. Естественным кандидатом для выполнения этой миссии, безусловно, был Жильбер де Ланнуа, который знал как Восточную Европу и ее государей, так и Ближний Восток, и Малую Азию.

Таким образом, 4 мая 1421 г. посольство во главе с Жильбером де Ланнуа «по приказу короля Англии и короля Франции и монсеньора герцога Филиппа (Бургундскго)» отправилось из Эклюза на восток и, пройдя через земли Священной Римской империи, прибыло ко двору магистра Тевтонского ордена [3, с. 51]. Оттуда оно направилось ко двору Ягайло, располагавшемуся в местечке Озимины в Польше. Здесь Жильбер де Ланнуа был принят с честью, как посол королей Англии и Франции. От Ягайло он получил письма к турецкому султану, которые должны были послужить охраной де Ланнуа в путешествии по территории Османской империи [3, с. 52–53].

Оттуда через город Белз он прибыл в Каменец, где застал «великого князя и короля Литвы» Витовта вместе с женой, в окружении татарского хана, многочисленных князей, княгинь и рыцарей [3, с. 55]. Поскольку в своем сочинении Жильбер де Ланнуа упоминает еще один Каменец – Каменц-Подольский, то логично предположить, что первый Каменец – это Каменец белорусский, являвшийся наследственным владением Витовта [1, с. 28]. Здесь де Ланнуа также исполнил свои посольские обязанности и был с почетом принят Витовтом, который дал в его честь три обеда, усаживая неизменно за своим столом. Ланнуа был свидетелем прибытия ко двору Витовта двух посольств – «одного великого Ноегарда и другого королевства Плеско» (Новгорода и Пскова) [3, с. 56]. Новгородцев великий князь приветил, приняв их подношения, а псковичей в гневе велел прогнать, что объясняется отказом последних разорвать договор с Ли-

вонским орденом. Как и Ягайло, Витовт вручил де Ланнуа письма, для безопасного проезда через Османскую империю «написанные на татарском, русском и латинском языках» [3, с. 56]. Пробыв при дворе Витовта 9 дней, де Ланнуа убедился, что великий князь является союзником Османской империи против императора Сигизмунда Люксембурга, и не будет помогать организаторам крестового похода. Причиной разногласий между императором Сигизмундом и Витовтом стала поддержка последним чешских гуситов. Сам де Ланнуа, приняв многочисленные подарки Витовта, отказался принять золото и серебро «потому что в это время он (Витовт) был в союзе с гуситами, против нашей веры» [3, с. 57].

Вернувшись из Каменца во Львов, Жильбер де Ланнуа прибыл в «другой Каменец, удивительный также (как и Львов), принадлежащий упомянутому князю (Витовту)» [3, с. 58]. Из Каменца посольство направилось ко двору государя Валахии и Молдавии, где получило полные и достоверные известия о смерти турецкого султана, смуте в Османской империи и опасности передвижения по ее территории. Поэтому де Ланнуа решил направиться в Каффу (Феодосию) [3, с. 59]. В устье Днестра он был свидетелем строительства наместником Витовта Гедигольдом крепости, для чего Гедигольд привел с собой «12 тысяч человек и 4 тысячи повозок, груженных камнем и деревом» [3, с. 59–60]. Претерпев ряд приключений Жильбер де Ланнуа с посольством прибыл в Каффу, принадлежавшую генуэзцам. Наняв в порту 4 галеры де Ланнуа прибыл в Константинополь, где был принят при дворе императора Мануила и передал ему письма от королей Англии и Франции. Велся разговор с императором об объединении восточного и западного христианства [3, с. 65]. В дальнейшем де Ланнуа посетил Палестину, Иерусалим, побывал на о. Родос и в Египте [4, с. 23]. Путешествие Жильбера де Ланнуа завершилось в 1423 г., но к этому времени ситуация во Франции изменилась – умерли король Франции Карл VI и король Англии Генрих V. Дофин Карл объявил себя королем Франции Карлом VII и начал войну за отцовский престол. Герцог Бургундский Филипп Добрый все больше втягивался во внутрифранцузские дела и идея крестового похода оказалась отодвинутой на второй план. Вместе с тем, сведения, сообщенные Жильбером де Ланнуа, не были забыты, как и его заслуги. В 1430 г. он стал одним из первых рыцарей, основанного Филиппом Добрым ордена Золотого Руна.

1. Алексяюк, М. І. Камянецкая вежа / М. І. Алексяюк // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1973. – № 2. – С. 28.
2. Les Grands traites de la Guerre de Cent Ans, poublies par E.Cosneau. – Paris : Alphonse Picard, 1889. – 190 p.
3. Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste / recueillies et publiées par Ch. Potvin ; avec des notes géographiques et une carte, par J.-C. Houzeau. – Louvain : impr. de P. et J. Lefever, 1878. – 551 p.
4. Quarré-Reybourbon, L. Vie et aventures de Ghillebert de Lannoy, chevalier lillois, au XVe siècle / L. Quarre-Reybourdon. – Lille : L . Quarré, libraire-éditeur, 1890. – 28 p.

Фомина Т.Ю.

ЛЕТОПИСЬ АВРААМКИ: СОСТАВ, ИСТОЧНИКИ, ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ

Под названием Летопись Авраамки «принято понимать текст, содержащийся в летописном сборнике, составленном в 1495 г. в Смоленске западнорусским книжником Авраамкой, а также совпадающий с ним в ряде других рукописей» [1, с. 230]. На сегодняшний день, как отмечает А.Г. Бобров, Летопись Авраамки представлена шестью списками: 1) Виленский, 1470-е гг. (БАН Литвы, F. 22–49); 2) Синодальный, конца XV в. (ГИМ, Синодальное собр., № 154); 3) Толстовский, начала XVI в. (РНБ, ОСРК, F.IV.156); 4) Супрасльский, первой половины XVI в. (РГАДА, собр. МГАМИД № 26/70 (902/1468)); 5) Погодинский, XVI в. (РНБ, собр. Погодина, № 1570); 6) Тихановский, первой половины XVII в. (РНБ, собр. Тиханова, № 201) [1, с. 230].

Летопись Авраамки издавалась четырежды. В 1836 г. М.А. Оболенским был опубликован ее Супрасльский список с привлечением вариантов по списку Кирилло-Белозерского монастыря [9]. А.Г. Бобров определяет его как Синодальный № 2 [1, с. 22]. В 1889 г. в 16-м томе ПСРЛ издан «Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки» [5], который содержит текст Виленского списка (№ 1). Конец Виленского сборника (436–450 лл. – приблизительно около 10 печатных столбцов) в этом томе не опубликован, эти листы предполагалось издать вместе с литовскими летописями [10, с. 168]. Публикация Летописи Авраамки в ПСРЛ знаменательна тем, что впервые в отечественной науке в процессе издания летописного памятника к тексту рукописи были приложены обстоятельные указатели: личных имен, географический и предметный [10, с. 168–171]. В 1973 г. в Западной Германии было осуществлено репринтное изда-

ние этого тома (Brucken-Verlag – Duseldorf, 1973), а в 2000 году 16-й том ПСРЛ был воспроизведен издательством «Языки русской культуры» [6].

Выявление родственных списков, представляющих Летопись Авраамки, происходило постепенно. Так Супрасльская рукопись была известна Н.М. Карамзину и использовалась исследователем при создании «Истории государства Российского». Ученый называл ее «Архивской Киевской» [4, с. 465]. И.А. Тихомировым в рецензии на издание Летописи Авраамки 1889 г. было приведено ценное наблюдение, что Виленский список за исключением весьма немногих сведений, заимствованных из разных новгородских летописей, представляет почти дословное сходство с Супрасльской рукописью и, наряду с Супрасльским и Кирилло-Белозерским списками, опубликованными М.А. Оболенским, является третьим списком Летописи Авраамки [10, с. 168–171]. Четыре списка летописи (№ 1, 2, 3, 4.) были названы А.Е. Пресняковым в числе рукописей, которые необходимо привлечь в процессе публикации Новгородской IV летописи [7, с. 20-21]. Эти же рукописи указаны А.А. Шахматовым [13, с. 231], а вслед за ним и Д.С. Лихачевым [4, с. 465], в числе списков Летописи Авраамки. Указанный исследователями Толстовский I список № 189 (РНБ в Санкт-Петербурге), вероятно, соответствует – № 3 Толстовский, начала XVI в. (РНБ, ОСРК, F. IV.156).

В составе Летописи Авраамки традиционно выделяются три части: «первая содержит в себе сначала выписки из хронографа, а потом из русских летописей от начала Русской земли до 1469 г., вторая – летописный отрывок от 945 до 988 г., третья – начинается родословием великих князей русских; затем идут разные юридические памятники, за которыми опять следуют родословия тех же князей, перечень новгородских князей, русских митрополитов и новгородских епископов» [10, с. 169]. Историю возникновения данного летописного памятника Шахматов представлял следующим образом. В 1495 г. по велению смоленского епископа Иосифа Солтана был составлен лицом, именующим себя Авраамкой, летописный свод, скомбинировавший три летописных памятника. Первый из них краткий, очень древний хронограф особого состава, с приложенными к нему краткими извлечениями из новгородского свода 1448 г. (Новгородско-Софийский свод). Позднее Шахматов несколько меняет свою точку зрения, полагая, что хронограф был использован не составителем краткого извлечения и «свода 1448 г.», а непосредственно самим Авраамкой [13, с. 244 прим.]. Составителем также использована Новгородская V летопись, доведенная до 1446 г. И, наконец, известия заимствованы в Новгородской IV летописи с продолжением до 1469 г. и с приложенными к ней родословными и иными статьями [13, с. 252]. Однако в статье, написанной для Нового энциклопедического словаря, Шахматов высказывает иную точку зрения, согласно которой Синодальный список (№ 2) произошел от Псковского свода, в котором, начиная с 1309 по 1446 гг., был заимствован текст из Новгородской V летописи. Из этой же Псковской летописи произошел свод, «обосложнивший основной текст выборкой из Новгородской IV летописи (из нее взят рассказ 1446–1469 гг. и ряд дополнительных статей)». Из Пскова этот новый свод перешел в Смоленск, где и лег в основу Летописи Авраамки, написанной в 1495 г. Из упомянутого выше Псковского свода произошел еще один Смоленский свод, представленный: 1) Толстовским списком, который за неоконченной статьей 1382 г. содержит краткую выборку из Новгородской V летописи, с присоединением еще трех известий; 2) Супрасльским списком, который за неоконченной статьей 1382 г. представляет ту же краткую выборку, но присоединяет к дополнительным известиям рассказ об южнорусских и западнорусских событиях 1481–1500 и 1483–1515 гг. [12, с. 162].

Основным и наиболее полным списком Летописи Авраамки исследователи признают Виленский список. Данный летописный сборник был найден А.В. Рачинским в Полоцке и подарен им Виленской Публичной библиотеке. В 1866 г. сборник был передан в Археографическую комиссию для издания (которое вышло в свет в 1889 г.) Это рукопись в четвертую долю, на 450 листах [6, с. I]. А.А. Шахматов описывает ее содержание следующим образом: «Сборник начинается особой хронографической компиляцией, основанной на тексте Палеи; затем следует русская летопись, которая в части до 1309 г. определена как извлечение из гипотетического “Свода 1448 г.”, статьи 1309–1446 гг. совпадают с Новгородской V летописью, далее до 1469 г. изложены новгородские известия; после окончания летописного текста помещены родословные, юридические и хронологические статьи, сходные с аналогичными статьями Комиссионного списка Новгородской первой летописи, и фрагмент из Новгородской IV летописи младшей редакции за 945–988 гг.» [13 с. 231–255]. Начало и конец сборника утрачены.

В рукописи различаются два почерка: первым переписаны л. 1-435 об., вторым почерком – л. 436–450 об. Судя по записи на л. 436–436 об., почерк второй части принадлежит смоленскому писцу Авраамке [6, с. I]. Список представляет собой по существу сборник-конволют, состоящий из древнего основания (л. 1–435), датируемого концом 60-х – началом 70-х годов XVI в., и последующей части (л. 436–450), написанной Авраамкой в Смоленске в 1495 году по благословению епископа Иосифа [6, с. II]. А.А. Шахматов колебался в определении творческого вклада в составление сборника самого Авраамки. Согласно последним его исследованиям, Авраамка в 1495 г. переписал только л. 436–450, т. е. вторую часть сборника, и не имел никакого отношения к составлению предшествующих текстов [6, с. III].

В определении состава источников Виленского списка советские и современные исследователи единодушны. В начальной части летописи до 1309 г. представлен Краткий новгородский летописец, основанный на Новгородской IV летописи и соединенный с известиями Сокращенного свода конца XV в. [6, с. III]. Часть летописи за 6817–6954 (1309–1446) гг. представляет текст Новгородской V летописи. Далее, до 6977(1469) г. изложены новгородские известия [3, с. 94]. При этом Виленский список схож с Синодальным и в последней части содержит те же самые хронографические и хронологические статьи [3, с. 94].

Сборник, где представлен Синодальный список Летописи Авраамки, содержит 307 нумерованых листов. Весь сборник был написан одним лицом, приписка на л. 307 об. была сделана позже, другим писцом. Рукопись была переписана в конце XV в., большинство хронологических показаний филиграни не переходит за 80-е годы этого века [8, с. XII–XIV]. Однако, по мнению А.А. Шахматова, Синодальный список был составлен в Пскове в начале XVI в. на основе дефектного экземпляра сборника Авраамки, где составитель несколько сократил текст Авраамки, а выборки из Новгородской IV заменил текстом Псковской летописи [13, с. 254]. М.Н. Тихомиров не сомневался в псковском происхождении рукописи, но отмечал связь Синодального списка с Владимиром Суздальским, к которому, несомненно, относится ряд прибавочных статей, в особенности легендарная (л. 224): «а се князи рустии» [11, с. 271].

Толстовский список Шахматов признает если не протографом Супрасльского, то более исправной копией с общего обоим спискам протографа [13, с. 234]. Позднейшая приписка на обороте последнего листа Толстовского списка доказывает западное или юго-западное происхождение сборника [13, с. 233]. Д.С. Лихачев полагал, что Толстовский и Супрасльский списки составлены в Белоруссии. При этом Супрасльский список с некоторыми добавлениями представляет собой копию с Толстовского [4, с. 467]. В числе источников летописного сборника Супрасльского монастыря, заканчивающегося 1543 г., Шахматов называет Новгородскую IV летопись, вероятнее всего, в первой редакции [14, с. 132].

Наибольший интерес Летопись Авраамки представляет в заключительной своей части – 1447–1469 гг. (стб. 190–224), где источник содержит сведения, не встречающиеся в других рукописях, и подробнее передает известия, помещенные в Новгородских III и Новгородской IV летописях [2, с. 733]. «С литературной точки зрения Летопись Авраамки за 1447–1469 гг. является произведением незаурядным. Летописец охотно использует риторические приемы, выработанные представителями школы “плетения словес”, особенно нанизывание эпитетов…, ритмизацию повествования и глагольные рифмы» [1, с. 232]. И.А. Тихомиров признает в создателе летописи лицо духовное: «Возможно, писатель был из клира св. Софии» [10, с. 171]. События, описанные в сборнике Авраамки, касаются взаимных отношений Новгорода, Пскова и Москвы в период, предшествовавший падению Новгорода, его неприязненных отношений к Пскову и руководящей роли архиепископа Ионы. С момента избрания последнего (1458 г.) и почти до его кончины (1470 г.) летопись сосредотачивается на его деятельности. На основе этого В.С. Иконников заключает, что автором ее было лицо, близкое к архиепископу Ионе и вероятно принадлежавшее к софийскому клиру [2, с. 732]. Согласно наблюдению А.Г. Боброва, автор известий Летописи Авраамки за 1447–1469 гг. был не только современником описываемых событий, но и «официальным владычным летописцем», весьма искушенным в литературе. На смену «деловому» стилю новгородского летописания предшествующих веков он принес ярко окрашенный экспрессивно-эмоциональный стиль, наполнив свою летопись молитвами, восклицаниями…, цитатами из церковной службы и Священного Писания» [1, с. 232].

Таким образом, Летопись Авраамки следует признать достаточно изученной в таких аспектах как состав, источники, время, место и обстоятельства создания Виленского, Синодального,

Толстовского и Супрасльского списков летописи. Однако следует согласиться с выводами А.Г. Боброва о том, что этот летописный памятник требует нового комментированного издания и более пристального внимания будущих исследователей, которым «стоит обратить особое внимание на некоторую неоднородность этого текста: начиная с 1458 г. он становится более литературно отделанным; в нем появляется значительно больше точных дат. В этой связи следует задуматься о возможном участии в его создании Пахомия Серба, вернувшегося в Новгород в 1458 г. и служившего своим пером архиепископу Ионе» [1, с. 233].

1. Бобров, А. Г. Новгородские летописи XV века / А. Г. Бобров – СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. – 287 с.
2. Иконников, В. С. Опыт русской историографии / В. С. Иконников. – Киев : Тип. Императорского Университета св. Владимира, 1908. – Т. 2. – Кн. 1. – 1056 с.
3. Клосс, Б. М. Русские летописи XI–XV вв. : материалы для описания. / Б. М. Клосс, Я. С. Лурье // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. – М., 1976. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 78–139.
4. Лихачев, Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачев. – М. ; Л. : Наука, 1947. – 500 с.
5. Полное собрание русских летописей. – СПб. : Типография Ф. Елеонского, 1889. – Т. 16 : Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. – 320 стб., 69 с.
6. Полное собрание русских летописей. – М. : Языки русской культуры, 2000. – Т. 16 : Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. – XII, 240 с.
7. Пресняков, А. Е. Записка о Новгородской 4-й летописи / А. Е. Пресняков // Летопись занятий Археографической комиссии. – 1902. – Вып. 14. – С. 16–21.
8. Псковские летописи / подгот. к печ. А. Н. Насонов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. – Вып. 1. – 146 с.
9. Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. – М. : Синодальной типографии, 1836. – 172 с.
10. Тихомиров, И. А. Летописный сборник, именуемый Летопись Авраамки / И. А. Тихомиров // Журнал министерства народного просвещения. – 1890. – Ч. 270. – № 7. – С. 168–171.
11. Тихомиров, М. Н. Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания / М. Н. Тихомиров // Исторические записки. – 1942. – № 13. – С. 256–283.
12. Шахматов, А. А. Летописи / А. А. Шахматов // Новый энциклопедический словарь. – Пг., 1915. – Т. 25. – Стб. 146–166.
13. Шахматов, А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. / А. А. Шахматов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. – 372 с.
14. Шахматов, А. А. Общерусские летописные своды XIV–XVI вв / А. А. Шахматов // Журнал министерства народного просвещения. – Ч. 331. – 1900. – С. 90–176.

Ермалёнак В.А.

МАНЕТЫ І СКАРБЫ МЁРШЧЫНЫ АД СТАРАЖЫТНАСЦІ ДА XV СТАГОДДЗЯ

Гісторыя грашовага абарачэння на Беларусі налічвае тысячагоддзі, цягам якіх нашы продкі зведалі нямала войнаў, пошасцяў і галадамораў. Гэтыя негатыўныя з'явы, аднак, дазваляюць нам сёння азірнуцца назад і ўбачыць мінуўшчыну ў яе матэрыяльным увасабленні. Дастаткова ўзяць у рукі манету – драбнюткі кавалак металу, каб дазнацца так шмат пра тое, чым калісьці яны жылі. «Дзякуючы» перыядам ліхалецця, бясцэнныя скарбы небарак-гаспадароў, што не паспелі паведаміць спадкаемцам аб месцы схавання дэпазіту, дажылі да нашых часоў і захаваць нам гістарычную памяць і прыносіць нам незабыўнае пачуццё повязі з мінулым.

Аб грашовым абарачэнні на тэрыторыі сучаснага Мёрскага раёна можна даведацца з розных крыніц: гістарычных дакументаў, летапісаў, гістарычнай літаратуры, археалагічных раскопак. Але адной з самых цікавых крыніц вывучэння нумізматыкі з'яўляецца непасрэдна знаходкі манет і скарбаў на мясцовасці. Сябры археолага-краязнаўчага гуртка «Арганаўты мінулага» пад час шматлікіх паходаў і вандровак неаднойчы знаходзілі манеты і скарбы, якія зараз захоўваюцца ў гістарычным музеі СШ № 3 і іншых музеях. Шмат інфармацыі аб знаходках манет у нашым краі ўтрымліваецца ва успамінах старажыхароў, запісы іх знаходзяцца ў навукова-дапаможных фондах гістарычнага музея СШ № 3 г. Мёры. На аснове вывучэння, аналізу разнастайных крыніц напісана наша работа. Вялікі аб'ём матэрыялу вымусіў абмежаваць рамкі даследвання XIV ст.

1. АНТЫЧНЫЯ МАНЕТЫ НА МЁРШЧЫНЕ. Не гледзячы на тое, што Мёрскі раён знаходзіцца на адлегласці некалькі тысяч кіламетраў ад былой тэрыторыі Рымскай імперыі, але і ў нашай мясцовасці былі знойдзены антычныя манеты. Гэта абумоўлена, па-першае, наяўнасцю важнага гандлёвага шляху па рацэ Заходняя Дзвіна, якая з'яўляецца паўночнай мяжой нашага раёна; па-другое, існаваннем старажытных гарадзішчаў і паселішчаў жалезнага веку; па-трэцяе, дзякуючы водным артэрыям, насельніцтва мела пэўныя сувязі с антычнай цывілізацыяй. Аб знаходках антычных манет у Мёрскім раёне ёсць публікацыя

А.А. Мельнікавай, але ў ёй дапушчаны недакладнасці, пералік знойдзеных манет няпоўны [4, с. 67–76]. Адзін з першых скарбаў антычных манет ў нашай мясцовасці быў выяўлены ля г. Дзісна ў 1928 г., але навуковага апісання яго няма [1, с. 50]. У музеі г. Лодзі знаходзіцца рымскі сярэбраны дынарый імператара Даміцыяна 81–96 г. н.э. Ён выпадкова быў знойдзены на левым беразе Заходняй Дзвіны непадалёк ад Друі. Адчаканена манета ў 84 г. н.э. На аверсе партрэт імператара, павернуты ўправа з надпісам «Імператар Цэзар Дамініянус Аўгустус Понціфекс Максімус». На рэверсе язычніцкі ахвярны алтар з гірляндамі і агнём, а таксама надпіс: «Трыбуніка Потэстас Консул 8 Патэр Патрыа». У перакладзе з лацінскай мовы ўвесь надпіс гучыць наступным чынам: «Імператар Цэзар Дамініянус Вялікі, Галоўны язычаскі жрэц, Народны трыбун, восьмы раз абраны консулам» [6, с. 121–122]. За такую манету ў Рымскай імперыі ў той час можна было купіць вядро збожжа.

Асабліва шмат рымскіх манет было знойдзена ў наваколлях вёскі Вята, дзе непадалёку знаходзіцца самае вялікае і знакамітае гарадзішча на Мёршчыне – Прудзнікі. У 1931 г. пад час наваднення на размытым беразе Заходняй Дзвіны мясцовыя пастушкі знайшлі некалькі залатых манет. Дзве манеты з гэтага скарбу выкупіў стараста Браслаўскага павета Зеліслаў Янушкевіч. Ад яго яны былі набыты польскімі вучонымі Я. Пшэворскай і С. Ларэнцам і перададзены ў Віленскі археалагічны музей. Дзякуючы гэтаму, манеты былі вывучаны прафесарам-нумізматам Уладзімірам Антаневічам. Адна з манет была чаканена імператарам Карынам 283–285 г.н., сынам Каўруса. На аверсе манеты выява галавы імператара, павернутай ўправа вянцом, на плячах плашч і зброя, па краю надпіс на латыні «IMP CARINUS PV AUG», што азначае: імператар Карын, першаначальнік калегіі 20-ці галоўных жрацоў, прарок, аўгур. На рэверсе маецца ўвасабленне міфалагічнай багіні Перамогі – Вікторыі Аўгусты, дзе злева ў лаўровым вянку, у левай руцэ галінка пальмы і па краю надпіс «VICTORIA AUG G» [7, с. 60–61].

Другая манета – солід імператара Валенты (364–378 г.н.э.), які быў уладаром усходняй часткі Рымскай імперыі. На правым баку манеты – выява імператара ў дыядэме і плашчы, у руках трымае сімвалы ўлады—шар і жазло. Надпіс па краю манеты сведчыць наступнае «D N VALENS AUG», а на зваротным баку соліда сядзяць на троне Валент са сваім братам Валенціянам, навокал галоў німбы, у руках трымаюць жазло і кніжку, па краю манеты надпіс: «vota publi ca imp» , што азначае ўладарства па народнаму жаданню. Хутчэй за ўсё манеты выкарыстоўваліся як упрыгожанні, бо ў іх прасвідраваны дзірачкі. Манета адчаканена ў г. Трывіры, зараз Бельгія [6, с. 123–124].

У 1936 г. на гарадзішчы каля в. Прудзнікі выпадкова быў знойдзены срэбраны рымскі дынарый 14-га па ліку імператара Адрыянга. Час праўлення гэтага імператара 117–138 гг. н.э. Манета адчаканена ў Рыме ў гэты перыяд. На аверсе профіль імператара павернуты ўправа. На манеце надпіс, які ў перакладзе з лацінскай мовы гучыць так: «Імператар Цэзар Траян Адрыянус Аугустус». На рэверсе манеты выява міфалагічнай багіні Ромы, якая сядзіць на панцыры, у левай руцэ яна трымае кап’ё, у правай – фігурку багіні Перамогі – Вікторыі. Знаходка захоўваецца ў археалагічным музеі Варшавы. У 1982 г. аўтар артыкула паміж вёскамі Туркова і Рыкуны знайшоў на дарозе рымскую бронзавую манету з невялікай колькасцю серабра. Па вызначэнню прафесара Л. Побаля, гэта дынарый 78-га па ліку рымскага імператара Максіміяна Галерыя. Дыяметр манеты 2,1 см, вага 3,57 г. На аверсе бюст імператара Галерыя. Па краю дынарыя надпіс на лацінскай мове «Імператар ГНН Максіміянус П. Ф.». Час яго праўлення 293–311 гг. н.э. На рэверсе палітычны лозунг «Канкордыя мілітум», што ў перакладзе гучыць як «Ваенная згода». Гэта манета сведчыць аб далейшым аслабленні Рымскай імперыі пры Дыяклеціяне. У гэты час вялікая дзяржава была падзелена на чатыры часткі, адной з іх і кіраваў Максіміян Галерый. Цэнтр гэтай часткі знаходзіўся ў г. Сірміі. Тут працавалі чатыры майстэрні, дзе чаканіліся манеты. У межах уладарства Галерыя знаходзілася рымская правінцыя Балканскага паўвострава Паддунаў’е [6, с. 123–124]. Адтуль яна і трапіла ў нашы мясціны. Непадалёку ад Туркова таксама ёсць паселішчы жалезнага веку, ад Заходняй Дзвіны каля дзесяці кіламетраў. Зараз манета знаходзіцца ў экспазіцыі гістарычнага музея ДУА «Мёрская сярэдняя школа № 3». У 2011 г. непадалёку ад былога маёнтка Шчоўна «Арганаўты мінулага» адкрылі старажытнае паселішча II–VIII ст. н.э. У 2013 г. непадалёк намі была знойдзена манета імператара Камода, які уладарыў у 177–192 г. н. э. Яна дрэннай захаванасці, асабліва рэверс. Магчыма, пазней яе выкарыстоўвалі рыбакі як бляснy. Непадалёк працякае рэчка Вята, якая праз 20 кіламетраў упадае ў Заходнюю Дзвіну. На аверсе манеты партрэт

імператара Камода, павернуты галавой управа. Назва манеты сестэрцый, вага 17 гр., дыяметр 27 мм. Такім чынам, нават пералічаныя знаходкі манет сведчаць аб распаўсюджванні антычных манет на Мёршчыне. Нажаль, большая частка засталася нам невядомай, бо інфармацыя аб знаходках не патрапіла ў дзяржаўныя музеі.

2. МАНЕТЫ ЧАСОЎ СТАРАЖЫТНАЙ РУСІ. А) *Панаванне арабскага дырхема*. Дырхем – ад грэчаскага слова драхма, сярэбраная манета мусульманскага Усходу. Упершыню яна з'явілася ў 692 г. У сучаснай нумізматыцы называеццца куфіцкім – па найменнню арнаментальнага пісьма, што ўзнікла ў г. Аль-Куфа, у якім выконваліся надпісы на манетах. На тэрыторыі Беларусі дырхемы з'яўляюцца ў IX ст. Але асаблівае распаўсюджванне і абарачэнне адносіцца да часоў станаўлення першага дзяржаўнага ўтварэння – Полацкага княства, у сувязі з сацыяльна-эканамічным развіццём і пашырэннем гандлёвых сувязяў паміж Візантыяй, Арабскім халіфатам, Паўночнай Прыбалтыкай, Скандынавіяй. Мёршчына якраз і ляжала на адрэзку знакамітага шляху «З варагаў ў грэкі». Вось чаму на тэрыторыі раёна знойдзена дастакова вялікая кольасць манет і скарбаў куфічных дырхемаў. Найбольш вядомы скарб арабскіх манет быў знойдзены ля в. Краснае яшчэ ў 1896 г. Агульная вага – каля паўкілаграма. 17 дырхемаў перададзены ў Імператарскі Эрмітаж, 62 паступілі ў Віленскі музей старажытнасцяў, 30 манет перададзена ў Санкт-Пецярбургскі ўніверсітэт, астатнія перададзены ў Санкт-Пецярбургскі манетны двор на пераплаўку. Колькі ўсяго было манет ў скарбе невядома, частка манет разышлася па руках, а некаторыя былі ў выглядзе фрагментаў. Хутчэй за ўсё гэта былі рэзаны і вяверыцы. Па вызначэнню вучоных найстарэйшая манета – Аббасіды, аль-Мутадзід 899 г., самая позняя—Саманіды, Нух ібн Мансур 987 г. Акрамя таго, у скарбе былі манеты Бувахідаў, Зійарыдаў, Кангарыдаў, Хамданідаў, імітацыя саманідскай чаканцы [9, с. 71].

Аб знаходках двух скарбаў арабскіх манет у Старым Пагосце ў 1895 г. мы знаходзім звесткі ва ўспамінах нашага знакамітага земляка Вацлава Ластоўскага [3, с. 184]. Скарбы дырхемаў знаходзілі і на востраве Дзісны, але яны не былі вывучаны. На тэрыторыі раёна чарговы скарб арабскіх манет быў знойдзены ў 1965 г. Нажаль, месца знаходкі не зафіксавана. Па вызначэнні адной знаходкі з гэтага скарбу мы даведваемся, што яны адносіліся да Саманідаў, а менавіта Наср ібн Ахмада (914–943 гг.) [8].

Яшчэ адзін скарб знойдзены ў 1966 г., таксама цалкам разышоўся па руках. У нумізматычны кабінет былі дасланы замалёўкі толькі 3 манет, якія адносяцца па вызначэнню прафесара В. Рабцэвіча да Абасідаў, а менавіта: Мадзінат ас-Салам 776 г., ар-Рашыд ал-Мухамедзія, 797 г., ал-Мамун 824 г. [9, с. 72]. Найбольш датаваныя і вызначаныя манеты арабскага халіфата, якія былі знойдзены пры археалагічных раскопках гарадзішча і селішча ля в. Прудзікі ў 1980–1990-я гг. археолагам В.І. Шадырам. Вызначэнне манет было праведзена навукоўцам В.Н. Мілюціным. Усе знаходкі адносяцца да чаканкі Аббасідаў і Саманідаў. Самая ранняя – Аббасіда аль Махдзі 775 г., самая позняя з датаваных – манета Ісмаіла ібн Ахмед аш-Шаш 906 г. [5]. Унікальнымі з'яўляюцца знаходкі бронзавых падвесак у выглядзе арабскіх дырхемаў пад час абследавання кар'ера гуртком «Арганаўты мінулага» ля в. Казлоўцы ў 1987 г. Пазней сябры гуртка разам з вучонымі АН БССР Л.У. Дучыц, Г.М. Семянчуком выявілі пахаванні ў ямах, такім чынам, там знаходзіўся грунтовы могільнік X–XIII ст. Падвескі, або бракцеаты вывучаліся вучонымі-нумізматамі В. Мілюціным і В. Рабцэвічам. На першай падвесцы захаваўся пяцірадковы тэкст, выдатна капіруючы чэканку саманідскага эміра Насра ібн Ахмада 301–331 г. хіджры (914–946 гг.), Аллаху (Мухамед-пасланік Аллаха) ал Мухтадзір білах Наср ібн Ахмад. Надпіс па кругу бессэнсоўны, набор літараў і літарападобных знакаў. Дыяметр бракцеата 29 мм. Надпіс выбіты толькі на рэверсе. Паколькі яе насілі як падвеску, то прабіты дзве невялікія адтуліны. У адной з іх захавалася кальцо з меднага дроту. Вага падвескі 1,10 г. Дзве другія манетападобныя падвескі захаваліся толькі ў фрагментах. На адной можна прачытаць «Аллаху, Мухамад». Захавалася частка прыкляпанага вушка. Трэці фрагмент падвескі зусім не чытаецца. Падробкі выкананы хутчэй за ўсё ў канцы X ст. Аналагаў падобных бракцеатаў у свеце не выяўлена [9, с. 70].

Б) СРЭБРАНІК УЛАДЗІМІРА. Манета гэтага перыяду трапіла ў нашу калекцыю ў 2010 г. Па інфармацыі яе ўладальніка срэбраннік Уладзіміра ён знайшоў на месцы старой прыстані на беразе ракі Заходняя Дзвіна ў аграгарадку Друя Браслаўскага раёна. Былы горад Друя вядомы ў гісторыі як замак Полацкага княства з XI ст. Пад час разведак на тэрыторыі Друі мы не аднойчы знаходзілі каменныя прылады працы, кераміку X–XIII ст., фрагмент шыфернага прасліца,

пломбы XII–XIII ст. У Друі знаходзіцца і так званы «Барысаў камень» XII ст. Рэчавы матэрыял падцвярджае старажытнасць гэтых мясцін. Таму, знаходка срэбраніка Уладзіміра з'яўляецца толькі падцвярджэннем вышэй згаданага. Срэбранікі Уладзіміра вырабляліся з куфіцкіх дырхемаў. Пасля першапачатковага вывучэння манеты з Друі можна зрабіць наступныя высновы. Манета чаканена з срэбра метрычнай пробы 750, вагою 3 гр., дыяметрам 26 мм. Гурт манеты рабрысты, у двух месцах пашкоджаны, магчыма, з мэтай вызначэння пробы срэбра. На аверсе манеты выява князя Уладзіміра ў анфас, які сядзіць, на галаве шапка з падвескамі, у правай руцэ крыж з доўгім дрэўкам, левая рука на грудзях. Над левым плячом княжацкі знак – трэзубец. На рэверсе выява Хрыста ў крыжападобным вянцы-німбе, які ў левай руцэ трымае Евангелле, а правай багаслаўляе. Надпіс з левага боку – Ісус, а з правага ад выявы – Хрыстос. Па тыпалогіі срэбранікаў манету, знойдзеную ў Друі можна аднесці да першага тыпу [10]. Але яе некаторыя асаблівасці ў выяве князя Уладзіміра і Хрыста не выключаюць яе пазнейшую чаканку.

ПЕРЫЯД ПРАЖСКАГА ГРОША. У XII–XIII ст. абарачэнне манет на беларускіх землях было нязначным. Знаходкі еўрапейскіх і ўсходніх зямель на тэрыторыі Беларусі нешматлікія. Вось чаму ў нас няма інфармацыі аб знаходках манет гэтага перыяду. Выключэннем з'яўляецца манета з медзі – пул Залатой Арды XIII ст., але звестак аб месцы яе знаходкі ў нас няма. Становішча змяняецца ў XIV ст., калі ў 1300 г. у чэшскім горадзе Кутна Гара пачалася чаканка вялікай срэбранай манеты, якая атрымала назву пражскі грош, па надпісе на рэверсе. Яны сталі асновай грашовай гаспадаркі Вялікага Княства Літоўскага ў XIV–XV стагоддзях. На беларускай зямлі знойдзена некалькі скарбаў і шмат адзінкавых знаходак пражскага гроша. Мёрскі раён не стаў выключэннем. У 1926 г. пры апрацоўцы зямлі ў маёнтку Вянужжа, які належыў пану Федаровічу, скарб пражскіх грошаў знайшоў селянін Каравай Васіль Васілевіч. Скарб манет налічваў не менш за 400 асобнікаў і знаходзіўся ў гліняным збане, які разбіўся ад удара ляза плуга. Селянін сабраў манеты і прынёс да хаты. Па невядомай прычыне, паліцыя з павятовага горада Дзісна забрала скарб. Але пазней на гэтым месцы Васіль Каравай знайшоў яшчэ некалькі манет. Паколькі манеты былі сярэбраныя, то пазней з іх рабілі заручальныя пярсцёнкі і завушніцы [2]. У 1986 г. застаўшыеся дзве з паловай манеты былі перададзены ў нашу калекцыю. Захаванасць перададзеных асобнікаў нездавальняючая: і аверс і рэверс манет вельмі сцёртыя. Вага першай манеты 3,3 гр., вага другой – 3,5 гр. Звычайна вага пражскага гроша 3,7 гр. Палягчэнне вагі вывучаных намі манет выклікана дрэннай захаванасцю. Дыяметр манет 29 мм., метрычная проба 930. Надпіс на аверсе «IOANNES PRIMUS DEI GRATIA REX BOEMIA», што азначае: Ян Люксембургскі кароль Багеміі (як вядома, быў каралём Чэхіі ў 1310–1346 гг.). Улічваючы, што кошт пражскага гроша спачатку быў вельмі высокі, то хутчэй за ўсё манеты былі схаваны багатым баярынам. За 400 манет можна было купіць невялікі маёнтак. Так як скарб быў закапаны на невялікай глыбіні, то яго ўладальнік спадзяваўся грошы ў хуткім часе скарыстаць. Значная пацёртасць манет сведчыць аб доўгім тэрміне іх абарачэння. Хутчэй за ўсё скарб быў закапаны пад час феадальнай вайны ў ВКЛ 1432–1436 гг. Уладальнік грошаў не вярнуўся з гэтай вайны, і таму скарб застаўся не запатрабаваны. Лёс самога скарбу невядомы. Па адных звестках, паліцыя адправіла знаходку ў Вільню, па другіх – яе прадалі яўрэям-перакупшчыкам. Намі была праведзена вялікая праца па вывучэнні скарбаў манет, паступіўшых у музеі Рэчы Паспалітай, але інфармацыі аб скарбе з Вянужжа не знойдзена. Аб дастакова шырокім распаўсюджанні грашовага абарачэння пражскага гроша ў нашай мясцовасці сведчыць інфармацыя аб іх знаходках ля вёсак Мілашова, Слабада, Лявонпаль, Павяцце, Язна, Стары Пагост і інш. Пад назвай «грошы шырокія» згадкі пражскага гроша мы знаходзім і ў шматлікіх дакументах не толькі XIV, але і ў XV і нават XVI ст. Аб гэтым сведчыць і «Полацкая рэвізія» 1552 года. Але ўсе знаходкі разышліся па прыватных калекцыях і не былі ўведзены ў навуковы ўжытак.

1. Белорусский государственный музей // Белорусская культура. – 1928. – Сб. 1. – С. 50–51.
2. Ермалёнак, В. А. Гісторыя аднаго скарбу / В. А. Ермалёнак // Краязнаўчая газета. –2004. – № 15(32).
3. Ластоўскі, В. Пагост // Выбраныя творы / В. Ластоўскі. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. – 184 с.
4. Мельникова, А. А. Находки монет античности в Беларуси. Материалы / А. А. Мельникова // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. – Вып. 4. – Мінск : БДУ, 2008. – С. 67–76.
5. Милютин, В. Н. Находки монет из поселений Прудники / В. Н. Милютин, В. И. Шадыро // Гісторыка-археалагічны зборнік. – 1994. – № 5.
6. Побаль, Л. Д. Антычныя і нумізматычныя багацці Міншчыны і Віцебшчыны / Л. Д. Побаль // Беларускігістарычны часопіс. – 1996. – № 1. – С. 123–124.

7. Побаль, Л. Д. Рымскі імпарт на Браслаўшчыне / Л. Д.Побаль // Браслаўскія чытанні.–Браслаў,1991. – С. 60–61.
8. Рабцэвіч, В. Н. Манеты Арабскага халіфата на тэрыторыі Беларусі / В. Н. Рабцэвіч, А. А. Стуканаў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1973. – № 3.
9. Рябцевич, В.Дирхемы арабского халифатав денежном хозяйстве Полоцкой земли (9–10 вв.) / В. Рябцевич // Славяне и их соседи : сборник. – Минск : Веды, 1998. – 71 с.
10. Сотникова, М. П. Тысячелетиедревнейших монет России / М. П. Сотникова, И. Г. Спасский // Сводный каталог русских монет X–XI веков. – Л., 1982.

Мартынюк А.В.

«МЕЙСТЕР ИОГАНН РЕЛЛАХ»: ЗАГАДКА СРЕДНЕВЕКОВОГО ИСТОЧНИКА И ЕЕ РЕШЕНИЕ

На протяжении уже более чем столетия немецкую историографию занимает проблема «мейстера Иоганна Реллаха». Речь идет о составителе рукописи, которая находится на хранении в городской библиотеке города Нюрнберга (Nürnberg, Stadtbibliothek, Ms. Solg. 16.2°). Рукописи посвящена обстоятельная монография немецкой исследовательницы Кристины Вульф, в рамках которой была произведена научная публикация текста, что делает его доступным для изучения [Wulf 1991].

По палеографическим и кодикологическим данным рукопись датируется периодом 1470-х гг. В составе рукописи содержатся разнообразные тексты (известие о падении Константинополя в 1453 г., два описания путешествий по странам Северной и Восточной Европы и др.), среди которых и перевод на немецкий язык трех книг Ветхого Завета (Иисуса Навина, Судей Израилевых, Руфь). Таким образом, нюрнбергская рукопись чрезвычайно важна при изучении проблематики т.н. «долютеровой Библии» и имеет большое историческое и культурное значение.

Очевидно, что имя составителя рукописи представляет большой научный интерес. В тексте рукописи ее составителем назван «мейстер Иоганн Реллах» (*maister Johannes Rellach*). Сведения о нем можно почерпнуть только из самого текста. Наименование «мейстер» позволяет предположить, что он закончил курс наук в университете; изображения монаха в доминиканском облачении на некоторых иллюстрациях – что он принадлежал к этому ордену. В самом тексте Констанцское епископство названо родиной автора, на этот же регион указывают и диалектные особенности рукописи (алеманнский диалект юго-западных регионов Германии). Упоминание аугсбургского епископа Петра фон Шаумберга (занимал кафедру в 1424–1469 гг.) позволяет предположить, что автор входил в его окружение. Поскольку первая «библиотечная» пометка на рукописи сделана в женском доминиканском монастыре Св. Екатерины в Аугсбурге в конце XV века, можно предположить, что автор закончил жизнь в этом городе.

Однако попытки найти в источниках XV века человека по имени Иоганн Реллах оказались безуспешны. В литературе было высказано предположение, что *Rellach* является анаграммой настоящего имени редактора рукописи, однако и поиск по предложенным вариантам обратного прочтения *Haller* и *Schaller* (с добавлением конечной буквы от имени Johannes) не принесли результатов [Wulf 1991: 140]. В 1894 г. исследователь проблематики Франц Йостес с надеждой писал: «может быть появится кто-то, кто что-то знает о Реллахе!» [Jostes 1894: 782]; столетием спустя Кристина Вульф была вынуждена констатировать, что эта надежда не оправдалась [Wulf 1991: 140].

Между тем, ситуация не представляется столь безнадежной: имеющиеся в наличии и приведенные выше данные позволяют назвать имя предполагаемого составителя рукописи. Настоящее имя человека, скрывавшегося под псевдонимом «мейстер Иоганн Реллах», будет названо автором данных строк в ходе конференции.

1. Jostes, F. Die „Waldenserbibeln“ und Meister Johannes Rellach / F. Jostes // Historisches Jahrbuch, 15, 1894. – S. 771–795.
2. Wulf, Ch. Eine volkssprachige Laienbibel des 15. Jahrhunderts. Untersuchungen und Teiledition der Handschrift Nürnberg, Stadtbibliothek, Ms. Solg. 16.2°. – München, 1991.

Раздел 4
ИСТОЧНИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Лобин А.Н.

ДОКУМЕНТЫ О СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЕ 1512–1522 гг. В АРХИВНЫХ СОБРАНИЯХ ГЕРМАНИИ, АВСТРИИ, ДАНИИ И ШВЕЦИИ*

Война 1512–1522 гг. между Русским государством и Великим княжеством Литовским была самой продолжительной из русско-литовских войн шестнадцатого столетия. Военная кампания 1514 г. занимает в русско-литовском противостоянии особое место, так как в этом году произошли самые значимые сражения всей войны – взятие Смоленска и битва под Оршей. Однако надо отметить, что Смоленская война 1512–1522 гг. на сегодняшний момент является одной из малоизученных в историографии войн.

Нежелание историков заниматься событиями 1512–1522 гг., как нам видится, базируются на одном глобальном заблуждении – будто бы источников по войне 1512–1522 гг. сохранилось мало, и практически все они науке известны, поэтому ничего нового здесь открыть невозможно. В большинстве работ используются только известные опубликованные тенденциозные источники. И рассуждения о степени их достоверности ведутся в рамках уже известного науке нарратива. Источниковая база за последние десятилетия практически не расширилась ни «вширь», ни «вглубь». Именно этим можно объяснить тот факт, что даже через 500 лет уровень научных исследований в целом о войне 1512–1522 гг., и об Оршанской битве в частности, совершенно не соответствует общему уровню развития исторической науки.

Между тем, значительное число документов остается неопубликованными, прежде всего в европейских архивных собраниях. В этой работе нам хотелось бы поделиться некоторыми предварительными результатами поиска и анализа новых источников по войне 1512–1522 гг.

При изучении событий пятисотлетней давности сталкивается с некоторыми сложностями. Первая сложность заключается в том, что материалы рассеяны по разным рукописным собраниям Европы. Однако активное использование европейскими архивистами современных цифровых технологий позволяют значительно упростить доступ исследователя к документам. Конечно, услуги сканирования требуют определенных финансовых затрат, однако при наличии грантов эта проблема также решаема.

Так, интересные документы по «дипломатической войне» 1511–1512 гг. накануне начала боевых действий можно обнаружить в Главном архиве Саксонии [17]. В саксонских документах достаточно подробно говорится о миссии «слуги князя Михаила Глинского» Христофора Шляйница, пытавшегося завести посреднические дипломатические отношения с Саксонии, а также о противодействии польских дипломатов, направленном против установления антиягеллонской коалиции. Часть документов была переведена и опубликована еще в 1915 г. [4, с. 3–27], однако материалы архива, посвященные планам военного сотрудничества Империи, Саксонского курфюрства, Ордена и России, остаются неизученными.

Одним из крупнейших европейских хранилищ средневековых документов является Тайный государственный архив Прусского культурного наследия (Das Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz. Berlin–Dahlem, далее – GStAPK), который был образован после Второй мировой войны на базе исторического Кёнигсбергского тайного архива (Geheimen Archiv zu Königsberg). Документы из GStAPK – неоценимый источник по истории Центральной и Восточной Европы XII–XVI вв. [12, s. 9–19].

Агентурная сеть, созданная крестоносцами в Восточной Европе, способствовала сбору оперативной информации. Все собранные на границах Литвы и России сведения оседали в канцелярии Тевтонского ордена. Сообщения поступали к великому магистру маркграфу Альбрехту Бранденбургскому от разных должностных лиц Ордена – келлермейстеров, фогтов, комтуров, епископов, ливонского магистра и т.д. [1, с. 183–189]. Помимо разведсводок, в архиве представлена и дипломатическая документация, касающаяся событий 1512–1522 гг. на русско-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 15–21–01003 а(м)

литовском фронте: переписка с германскими кюрфюрстами, Папой Римским, Максимилианом I, Сигизмундом I и др. [18, s. 91–423]. Материалы сосредоточены главным образом в двух собраниях – OBA (Ordensbriefarchiv) [8] и OF (Ordensfolianten) [9]. В коллекции пергаментных актов (Pergament−Urkunden, PU) хранится оригинал договора, утвержденный русской стороной [10, Nr 3992].

Следует отметить русско-орденскую корреспонденцию [2, с. 11–26; 3, с. 141–152], в которой содержатся сведения не только о совместном оборонительном и наступательном плане (Kriegsoperationsplan), но и о военно-финансовой помощи Ордена [8, Nr 21269, 22606, 22682, 22761, 23709]. В некоторых посланиях Василий III, желая показать верховному магистру всю решительность намерений в войне против польского короля и великого князя литовского, подробным образом описывал операции своих воевод. В целом, анализ орденской документации позволяет значительно расширить наши представления о событиях Смоленской войны в 1512–1522 гг. [1, с. 183–185].

В другом собрании орденских документов, в Центральном архиве Немецкого ордена (DOZA – Deutschordens–Zentralarchiv, Wien), материалов, рассказывающих о боевых действиях «Московии и Литвы», не обнаружено, но в то же время имеются несколько актов, относящихся к формированию антиягеллонского союза [6, fol.126–129; 7, fol.4–9] и переговоров Ордена с Империей относительно помощи против Польши [6, fol.130–141]

Имперские дипломаты и агенты также тщательно следили за ситуацией на русско-литовском фронте. Сосредоточенные главным образом в Династическом, Дворцовом и Государственном архиве (Haus–, Hof–, und Staatsarchiv, Wien – HHStA) документы охватывают практически весь период Смоленской войны и включают переписку с Москвой и Краковом, а также отчеты дипломатов (миссии Г.фон Шнитценпаумера, С.фон Герберштейна, фон Турна и др) и агентов.

Материалы по русско-имперским отношениям содержатся в разделе Staatenabteilung, подразделе «B» (Ausserdeutsche Staaten), в собрании Russland/Russika der Reichshofkanzlei 1. [5, с. 208]. В этом же архиве хранится оригинал ратифицированного императором Максимилианом I русско-имперского договора о военном союзе [11]. Дела имперской канцелярии – прекрасный материал, раскрывающий подоплеки и интриги императора Максимилиана I, в 1513–1514 гг. стремящегося создать широкую антиягеллонскую коалицию, а в 1515 г. вдруг взявшего курс на примирение с Польшей. Значительный комплекс документов посвящен отношениям с польским королем Сигизмундом Старым (B. Ausserdeutsche Staaten. Polen. Allter Bestand der Reichshofkanzlei/ Polonica. 1.) [13, p. 440]. К большому сожалению, этот корпус источников изучен очень плохо.

Датское королевство являлось одним из серьезных игроков в антиягеллонской коалиции. Отметим, что военный датско-русский союз, направленный как против Польши и Литвы, так и против Швеции, был заключен в 1516 г., чему способствовала активные обмены посольствами.

В Копенгагенском государственном архиве (RAK – Rigsarkivet, København) в собраниях «Переписка между княжескими домами» [14] и «Документы, относящиеся к политическим связям с Россией» [15] хранится корреспонденция датского короля Христина II, донесения в Копенгаген посла Давида фан Кохрана, верительные грамоты и «речи» русских послов Ивана Заболоцкого, Василия Александрова, Григория Загряжского и Некраса Харламова ратифицированный договор о русско-датском военном союзе 1516 г. и другие документы.

Таким образом комплексное изучение материалов GStAPK, SHStA, HHStA, DOZA и RAK позволяет выявить подробности планов о совместных боевых действиях, финансировании войны и взаимопомощи участников коалиции.

Интересные материалы хранятся в государственном архиве в Стокгольме (RAS – Riksarkivet, Stockholm). Так, информативные донесения от купцов, осведомителей и должностных лиц о положении на русско–литовском фронте можно найти в собрании «архива Стуре» (Sturearkivet). Шведский регент Стен Стуре-Младший был заинтересован в пролонгации русско–шведского перемирия (26 марта 1510 г., подтвердительный договор заключен в мае 1513 г.). Особенно его беспокоили результаты переговоров Копенгагена и Москвы относительно антишведского и антиягеллонского союзов, поэтому коменданты Нарвы, Выборга и других пограничных крепостей активно собирали сведения о намерениях и военных приготовлениях русских.

Вторая сложность в исследовании заключается ещё и в том, что все упомянутые дела написаны на разных языках: латинском, польском, немецком, шведском, старобелорусском и т.д. К тому же большинство документов палеографически сложны для чтения, а археографический

разбор скорописи и готического курсива требует определенных навыков. Использование большого комплекса палеографического материала может быть сопряжено наличием ошибок, как вследствие неправильно понятого или ложного источника информации (часто сведения с русско-литовского приграничья базировались на слухах) или же из-за ошибочного истолкования историком неудачно сформулированных предложений средневекового автора. К примеру, в шведском донесении Хенрика Стенссона от 21 марта 1513 г. говорится о том, что великий князь России (fförste aff Ryzseland) прошлой зимой осадил некую крепость Tärfylle в Литве (имеется ввиду, конечно же, Смоленск), под которой, до возвращения в Москву 4 недели назад, потерял 12000 человек («han sade ffore visse tidende, at then store fförste aff Ryzseland var siälff nw j vintter met al syn makt in j Lätogen ok hade bestallat en stad ther i landet som het Tärfylle ok ffore then stad miste han xijm ffolk ok swo drog then store fförste siälff tädan ok in til Mwskowen igen nw iiij veker sidan») [16, Nr 408]. Донесения о походах Василия III на Смоленск, вероятно, отразили влияние польско-литовского источника.

Другой пример: в послании динабургскому комтуру от 16 сентября 1514 г. одного из орденских агентов (GStAPK) первым среди погибших под Оршей воевод упомянут некий князь Михель Шелади («…inst erste ener gehetenn Mychell Schelady») [8, Nr. 20215. Fol.2]. Агент, скорее всего, по ошибке объединил имена двух главных воевод Михаила (Булгакова) и (Ивана) Челядина, в итоге появился «Михаил Шелади». Надо отметить, что ни тот, ни другой не были убиты – оба попали в плен. Подобная путаница в именах присутствует в орденской корреспонденции достаточно часто. Кроме того, следует учитывать, что большинство авторов сообщений часто опирался на слухи, которые могли быть отражением гипетрофированных данных о численности московитов. Так, в донесении магистра Давида ван Корана из Нарвы 22 мая 1513 г. датскому королю (RAK) говорится об огромном войске, которое якобы «растянуло свои порядки и колонны на 20 немецких миль в ширину и на 20 немецких миль в длину, и по периметру армия занимает 80 немецких миль» («… dat se hebbenn gestanden in dem Ordenn vnnd in dem Ledorenn xx dusche Mylenn bret vnnd xx dussche Mylenn lank all so, dat dat Heer heiït gewest vm herr lxxx Mylenn dussch ouer all…») [15, 1c, пагинация в деле отсутствует].

Подобные примеры демонстрируют, насколько важна процедура верификации (подтверждения данных на основе представления объективных свидетельств), интерпретации (истолкование, объяснение) и идентификации (отождествление объектов, опознание) сведений.

Наш краткий обзор отнюдь не исчерпывает все собрания указанных архивах, где могут храниться документы по Смоленской войне 1512–1522 гг. – мы лишь указали первые предварительные результаты поисков. Несомненно, что документов по истории русско-литовского конфликта в указанных архивах, возможно, значительно больше. Тем не менее, можно утверждать, что в европейских собраниях хранится значительный комплекс малоизвестных источников, которые позволяют по-новому взглянуть на Смоленскую войну 1512–1522 гг. В связи с этим актуален поиск и введение в научный оборот новых документов, проливающих свет на события пятисотлетней давности.

1. Лобин, А. Н. Документы об осаде Смоленска и битве под Оршей 1514 г. из собрания Кенигсбергского тайного архива / А. Н. Лобин // Вялікае Княства Літоўскае і суседзі: Права. Вайна. Дыпламатыя / пад рэд.: С.Ф. Сокала, А.М. Янушкевіча. – Минск : БІП – Інстытут правазнаўства, 2012. – С. 183–189.

2. Лобин, А. Н. Планы военного сотрудничества Тевтонского ордена и России в 1517−1522 гг. / А. Н. Лобин // Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2014. – № 1. – С. 11–26.

3. Лобин, А. Н. Послания Василия III великому магистру Альбрехту 1515 г. // А. Н. Лобин / Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2012. – № 1. – С. 141–152.

4. Саксонские сношения с польским королем касательно посольства Хр[истофора] Шлейнца в Москву 1511–1514 гг. : документы Дрезденского главного государственного архива / пер. с нем. А. В. Полторацкого ; пер. с лат. А. Глазырина // Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. – Тула, 1915. – С.2–27.

5. Шутой, В. Е. Документы по истории СССР в Австрийском Государственном архиве / В. Е. Шутой // Вопросы истории. – 1963. – № 9. – С. 208–213.

6. Deutschordens–Zentralarchiv. Preu 398/1.

7. Deutschordens–Zentralarchiv. Liv2

8. GStAPK.– OBA (XX HA Hist. StA Königsberg).

9. GStAPK.– OF 35–40, 42–44, 261. Фолиант Nr 45 (регистрант Дитриха Шонберга 1523 г.) был утрачен во время II Мировой войны.

10. GStAPK. – PUNr 3992

11. HHStA. Urkundenreihen. – Allgemeine Urkundenreihe (AUR).1514.III.7.

12. Jähnig, B. Die Quellen des Historischen Staatsarchivs Königsberg zur Geschichte der deutsch–litauischen Beziehungen in der Zeit der Ordensherrschaft und des Herzogtums Preußens / B. Jähnig // Deutschland und Litauen. Bestandsaufnahmen und Aufgaben der historischen Forschung. – Lüneburg, 1995. – S. 9–19.

13. Kiaupiene, J. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai Vienos archyvuose, Lietuvos istorijos metraštis. 1996 metai. – Vilnius, 1997. – P. 423–449.
14. Rigsarkivet (København). Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling (TKUA). – Rusland 1516–1769: Brevveksling mellem Fyrstehusene.73-1
15. Rigsarkivet (København). Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling (TKUA). – Rusland 1493–1578: Akter vedr. det politiske forhold til Rusland.73–13.
16. Riksarkivet (Stockholm). – 0103 Sturearkivet.
17. Sächsisches Hauptstaatsarchiv, Dresden. – IIIAbteilung (GeheimesArchiv). Locat 7283. – Fol.2–3; Locat 8275; Locat 8286.
18. Sach, M. Hochmeister und Großfürst. Die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preußen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2002 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. 62). – 488 s.

Попель Р.И.

ПЕРЕПИСКА ЖИГИМОНТА АВГУСТА С КИЕВСКИМ ВОЕВОДОЙ И МЕЩАНАМИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КИЕВСКОГО ВОЕВОДСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1550-х гг.

В данной статье предлагается краткий обзор внутри- и внешнеполитической ситуации в Киевском воеводстве Великого княжества Литовского во времена воеводы Григория Ходкевича (1555–1559) с опорой на переписку между великим князем Жигимонтом Августом и киевскими воеводой и мещанами. В предыдущей статье мы подробнее рассматривали содержание и значение привилея Жигимонта Августа Киеву 5 мая 1558 г. [9, с. 72–77], тут же делается попытка проследить в хронологической последовательности ряд писем от великого князя к своим киевским подданным и в обратном направлении с акцентом на их смысловом значении в свете важных для Киевщины политических событий. Затронем и роль привилея Жигимонта Августа 1558 г. в содержательной связи с указанным рядом писем, которые являются историческими источниками, позволяющими лучше понять включённость Киевского воеводства в широкий контекст внутренней политики ВКЛ и межгосударственных отношений во второй половине 1550-х гг.

В 1555 г. киевским воеводой стал Григорий Ходкевич, известный политический деятель и полководец ВКЛ. Почти сразу у Ходкевича, который был назначен на должность центральными властями, не сложились отношения с мещанами Киева, в результате чего на нового воеводу пошли жалобы к великому князю Жигимонту Августу. Некоторые документы, свидетельствующие о переписке Ходкевича с великокняжеской администрацией и дающие нам информацию о ситуации в Киевском воеводстве, изданы в составе «Архива Юго-Западной Россіи», часть сохраняется в качестве корреспонденции Г. Ходкевича в V разделе Архива Радзивиллов Главного архива древних актов в Варшаве [10, 2, 7]. Так, в письме Жигимонта Августа от 26 апреля 1556 г. содержится приговор по результатам рассмотрения жалобы киевских мещан на воеводу Григория Ходкевича. В первой части листа перечисляется, в чем горожане обвиняли воеводу. Здесь и незаконные торговые пошлины, и налог для мещан, выезжающих из города для торговли, и отсутствие преследования солдат за тайное винокурение. Также мещане требовали отчёта по приходу и расходу городских доходов [2, с. 109–110]. В результате Жигимонт Август приказывает воеводе Ходкевичу остановить сбор незаконных налогов и упорядочить систему законных налогов и пошлин. При этом подчёркивается, что приказ даётся не только Ходкевичу, но и «инымъ воеводамъ киевскимъ, хто и напотомъ тотъ и замокъ нашъ Киевъ отъ насъ держати будеть» [2, с. 109–112].

Развитие событий не заставило себя долго ждать. Уже 4 июля 1556 г. Жигимонт Август в своем письме приказывает передать воеводе Григорию Ходкевичу все доходы со всех корчем в Киеве. «Маеть его милость пожытки вси съ тыхъ корчомь на себе брати, а до скарбу нашого ничого зъ нихъ давати и личбы намъ съ того чыпити не будеть повиненъ», – говорится в листе [7, с. 112–113]. Таким образом, потери в доходах Григорию Ходкевичу в любом случае были возмещены, что выглядит как нежелание центральной власти ссориться с представителями магнатерии в условиях, когда политическая роль шляхты в Польше и ВКЛ всё более возрастала. Кстати, после жалоб горожан как раз в 1558 г. корчмы были возвращены на благо города [3, с. 78–82].

В ряд этих писем-листов хорошо включается ещё один документ. Это изданный 5 мая 1558 г. великим князем Жигимонтом Августом привилей («листъ») мещанам города Киева. Оригинал привилея сейчас находится в V разделе Архива Радзивиллов в Главном архиве древних актов в Варшаве (AGAD) [10]. Из текста привилея мы узнаем о том, что чиновники и мещане Киева снова жаловались великому князю на новый налог, который «перво сего со всими паны радами

нашими их міластцю ухвалили и постановили есмо в тутошнем панстве нашом великом кнѧзстве литовском на наймоване подвод под послы и гонцы наши» [10]. Далее читаем, что Жигимонт Август освободил мещан Киева от уплаты нового налога на наем подвод, аргументировав это так: «волностей их от продковъ наших славное памети и от нас господарѧ тому месту наданых и впривилееваных их заховываючи у того податку на наймоване подводъ уставленого вызволили» [10]. При этом Жигимонт Август тут же отдает приказ киевскому воеводе Григорию Ходкевичу о создании специального реестра всех фурманов, перевозчиков и других лиц. «Пан воевода ѧко рада наша у воном краю дозираючи порадку маеть росказати всих узвозчиков и фурманов хто там в месте перемешкиваеть на реестра списати и мети их под справою его мілостци» – отмечается в привилее [10]. Все перечисленные выше лица становились обязанными содержать лошадей для найма их людьми на государственной службе, если бы это было необходимо. Введение таких мер по «рэестрацыи» всех перевозчиков и «обовязывание» их предоставлять лошадей для государственной службы объясняется прежде всего необходимостью оперативного реагирования при частых татарских нападениях. «Для отпору и обороны от поганства татар там быти мусять поготову якож и воеведа киевский подкоморий наш державца кормяловский пан Григорей Александровичъ Ходкевича», – говорится в документе [10].

Привилей 1558 г., таким образом, очень хорошо включается в местный политический контекст жизни Киевского воеводства во времена быстрого развития движения за шляхетские «золотые вольности». И ещё раз отметим, что ликвидация нового налога официально объяснялось в первую очередь «сохранением вольностей», хотя в данном случае и не шляхетских, а мещанских. Кстати, великокняжеские пажалования Григорию Ходкевичу продолжались и в это время. Так, в письме от 28 мая 1558 г. трокскому воеводе, мозырьскому старосте князю Николаю Радзивиллу Жигимонт Август объявляет о пажалованию Ходкевичу медовой дани, а также большой и малой тивунщины в Мозырьской и Бчицкой волостях [4, с. 113–114]. Таким образом, господарская переписка с местными урядниками и мещанами, а также привилей Жигимонта Августа 1558 г. хорошо свидетельствуют о положении дел в Киевском воеводстве и взаимоотношениях местной политико-экономической элиты и мещан с центральными властями ВКЛ.

Отображает переписка господаря с киевскими воеводами и мещанами и включённость Киевщины и в широкий контекст внешнеполитической истории ВКЛ и межгосударственных отношений в регионе Восточной Европы середины – второй половины XVI в. Кратко обрисуем события второй половины 1550-х гг. – неспокойного во внешнеполитическом смысле времени для ВКЛ. В январе 1558 г. началась Инфлянтская война. Несмотря на то, что война ещё шла между Московским государством и Ливонией на территории последней, в ВКЛ и Польше хорошо осознавали почти неизбежное вскоре военное столкновение с Москвой. При этом ливонские события были в то время ещё очень далёкими от Киевского воеводства и других южных владений ВКЛ, для местных реалий гораздо большую опасность представляла татарская угроза. Крымское ханство осуществляло очень частые, нередко ежегодные опустошительные нападения на украинские земли, заходя время от времени даже вглубь Великого княжества. Атаки особенно активизировались после восхождения на престол Крыма нового энергичного хана, которым стал Девлет I Гирей (1551–1577). Крупный поход в земли Южной Руси крымские татары совершили в 1555 г., который однако завершился для них неудачно [1, с. 112]. Новый поход состоялся в 1557 г. В мае этого года татары совершили трёхнедельную осаду запорожской казацкой крепости на острове Хортица. Защитой от татар здесь руководил староста черкасский и каневский князь Дмитрий Вишневецкий, известный как Байда (около 1517–1563/4). Герой многих легенд и преданий, Дмитрий Вишневецкий стал примером магната, который фактически возглавил казаков и сыграл значительную роль в организации их армии.

Несмотря на то, что в 1557 г. Девлет I Гирей не смог взять Хортицу, сил Вишневецкого не хватало для дальнейшей защиты. Вместе с тем, он не получал помощи от правительства ВКЛ, которое колебалось между выбором, против кого из своих врагов надо выступить в первую очередь – Крымского ханства или Московского царства. В результате Дмитрий Вишневецкий обратился за помощью к Москве и получил её, для чего он должен был передать Черкассы и Канев властям ВКЛ, очистил Хортицу и перешел на службу к Ивану IV [1, с. 113].

Нападения продолжались. В январе 1558г. большое татарское войско под руководством калги Мухаммеда Гирея опустошило Волынь и Подолье и вывело в Крым огромный плен. Иван IV, который надеялся на разгром своего давнего врага – Крымского ханства, предложил Жиги-

монту Августу заключить союз и вместе выступить против татар. Однако после долгих колебаний между тем, с кем из своих противников заключить мир, Жигимонт Август выбрал Крымское ханство и заключил с ним союз против Москвы [1, с. 113]. По той причине, что основные московские силы были заняты на Балтике, с этой стороны крупного похода на Крым тоже не получилось, хотя Д. Вишневецкий и сумел сделать несколько походов против татар и с относительным небольшим отрядом. Ещё перед этим в январе 1558 г. Вишневецкий с казаками сумели снова закрепиться на Хортице с помощью московских сил.

Всё сказанное выше подчёркивает беспокойность политической обстановки в тех условиях, когда могла начаться большая война ВКЛ с Москвой, угрожавшей с востока и севера, а на юге установился очень ненадёжный мир с Крымским ханством. В этой ситуации привилей 1558 г. мещанам Киева выглядит как одна из мер по большой подготовке ВКЛ к будущим войнам. Реестрованне перевозчиков и обязательство удерживать лошадей для найма на государственную службу является одной из мер по улучшению транспортной, в том числе дипломатической и военной, логистики. Это полностью соответствует мерам по реформированию Жигимонтом Августом войска ВКЛ, к чему обращается, например, российский исследователь В.В. Пенской [8, с. 138–157].

Заметим, что хотя основной причиной реестрации перевозчиков в привилее 1558 г. и называется необходимость противостояния «поганству татар», но очевидно, что осознавалось необходимость этих мер и в случае войны с Московским царством. Так, менее чем через два месяца после выхода привилея Киеву, 28 июля 1558 г. Жигимонт Август направил письмо воеводе трокскому гетману Николаю Радзивиллу с сообщением о получении информации о построении с помощью Москвы нового замка около Хортицы, где должен был закрепиться Д. Вишневецкий. Литовская сторона расценила это как однозначно недружественный шаг, Жигимонт Август велел разослать по всему государству «листы о войну» – приказ о сборе войска [5, с. 114–116]. Заметим, что в этом же письме великий князь сообщает о посылке провианта в Киев и Черкассы, а также о выплате жалованья «людям служебному в Украине». О ежегодной отправке провианта в Киевский замок и выплату жалованья расквартированным там солдатам говорится и в письме Жигимонта Августа новому киевскому воеводе князю Константину Острожскому от 5 декабря 1559 г. [6, с. 116–117]. А всё это ещё раз подчёркивает важность оптимизации перемещения людей и грузов в тогдашних условиях.

Таким образом, переписка Великого князя Литовского Жигимонта Августа с местными воеводами, урядниками и мещанами является ценным историческим источником, который свидетельствует не только о внутреннем положении, но и внешнеполитической ситуации Киевского воеводства второй половины 1550-х гг.

1. Андреев, А. Р. История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова / А. Р. Андреев. – Москва : Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997. – 256 с.

2. Вырокъ кор. Сигизмунда Августа съ панами радою по жалобѣ мѣщан Кіевскихъ на своего воеводу кіевскаго п. Г. А. Ходкевича … // Архивъ Юго-Западной Россіи … : в 34 т. – Кіевъ : Типографія Киевскаго Университета Св. Владиміра, 1859–1911. – Часть восьмая, Т. V: Акты объ украинской администраціи XVI–XVII вв. – 1907. – С. 109–112.

3. Грамота Сигизмунда-Августа, мѣщанамъ Кіевскимъ на право исключительной торговли горячими напитками, подъ условіемъ платы въ казну ежегодной пошлины –«капщизны» – по 800 копъ грошей. 1558 года, мая 5 дня // Грамоты великихъ князей литовскихъсъ 1390 по 1569 годъ, собранныя и изданныя подъ редакціею Владиміра Антоновича и Константина Козловскаго. – Кіевъ : Типографія Киевскаго Университета Св. Владиміра, 1868. – С. 78–82.

4. Листъ кор. Сигизмунда Августа воеводѣтроцкому, старостѣ мозырскому п. М.Ю. Радивилуо пожалованіи дани медовой, великой и малой тивунщины съ волостей Мозырской и Бчицкойвоеводѣ кіевскому п. Г. А. Ходкевичу // Архивъ Юго-Западной Россіи … : в 34 т. – Кіевъ : Типографія Киевскаго Университета Св. Владиміра, 1859. – 1911. – Часть восьмая, Т. V: Акты объ украинской администраціи XVI–XVII вв. – 1907. – С. 113–114.

5. Листъ кор. Сигизмунда Августа воеводѣ троцкому и гетману п. М. Ю. Радивилу … // Архивъ Юго-Западной Россіи… : в 34 т. – Кіевъ : Типографія Киевскаго Университета Св. Владиміра, 1859–1911. – Часть восьмая, Т. V: Акты объ украинской администраціи XVI–XVII вв. – 1907. – С. 114–116.

6. Листъ кор. Сигизмунда Августа о назначеніи князю Кон. Кон. Острожскому изъ скарба жалованьяна содержаніе 200 всадниковъ в Киевскомъ замкѣ и о ежегодной отправкѣ туда же провіанта // Архивъ Юго-Западной Россіи … : в 34 т. – Кіевъ : Типографія Киевскаго Университета Св. Владиміра, 1859–1911. – Часть восьмая, Т. V: Акты объ украинской администраціи XVI–XVII вв. – 1907. – С. 116–117.

7. Листъ кор. Сигизмунда Августа о передачѣ воеводѣ кіевскому п. Гр. Ал. Ходкевичу всѣхъ доходовъ с корчемъ в Кіевѣ// Архивъ Юго-Западной Россіи … : в 34 т. – Кіевъ : Типографія Киевскаго Университета Св. Владиміра, 1859–1911. – Часть восьмая, Т. V: Акты объ украинской администраціи XVI–XVII вв. – 1907. – С. 112–113.

8. Пенской, В. В. Великая огнестрельная революция / В. В. Пенской. – Москва : Яуза; Эксмо, 2010. – 448 с.

9. Попель, Р. І. Прывілей Жыгімонта Аўгуста Кіеву 1558 г. ў кантэксце агульнапалітычнай сітуацыі ў паўднёвых валоданнях Вялікага Княства Літоўскага / Р. І. Попель // Социально-гуманитарные знания : материалы XI Респ. науч. конф. молодых ученых и аспирантов. – Минск : РИВШ, 2014 . – С. 72–77.

10. Прывілей Жыгімонта Аўгуста мяшчанам горада Кіева 6 мая 1558 г. // Archiwum Główne Akt Dawnych (Warszawa). – Archiwum Radziwiłłów. Dział V. Sygnatura 3306.

Доўнар А.Б.

ДЭКРЭТ 1571 г. ПА СПРАВЕ ВІЦЕБСКІХ МЯШЧАН З ВІЦЕБСКІМ ВАЯВОДАЙ ЯК ГІСТАРЫЧНАЯ КРЫНІЦА

30 мая 1571 г. у Варшаве кароль польскі вялікі князь літоўскі Жыгімонт Аўгуст разгледзеў скаргу віцебскіх мяшчан на віцебскага ваяводу [4]. У манарха пад час разгляда скаргі віцебскіх мяшчан прадстаўляў «воит места Витебъского» Сцяпан (Стэфан) Цімафеявіч Лускіна* і віцебскія мяшчане Тарас Грышыч і Сідар Міцяевіч «сами от себе и ото всего посполства места Витебъского». Яны скардзіліся на віцебскага ваяводу Станіслава Мікалаевіча Паца (які віцебскім ваяводам быў з 1566 г. [6]) аб «великие кривды и утиски а нарушене праву их» «над волности и прывиля ихъ имъ мещаномъ витебским» наданых вялікімі князямі літоўскімі [4, арк. 9 адв.]. Для аргументацыі сваей праваты мяшчане клалі гарадскія прывілеі.

Асноўныя палажэнні дэкрэту па дадзенай справай былі ўведзены ў навуковае абарачэнне беларускім даследчыкам М. Макаравым [2, с. 86–87, 89–90, 123]. Разам з тым, судовы дэкрэт 30 мая 1571 г. прадстаўляе цікавасць для падрабязнага разгляду. Дэкрэт з'яўляецца важнай крыніцай па гісторыі горада Віцебска, яго грамадска-палітычнаму і эканамічнаму стану ў XVI ст.

Скарга віцебскіх мяшчан датычылася 9 пунктаў: 1) удзелу мяшчан у ваяводскім судзе; 2) турэмнага зняволення мяшчан у замкавай турме; 3) раздачы ваяводам гарадскіх зямель; 4) распараджэння вымарачнай маёмасцю мяшчан; 5) атрымання дазволаў ад ваяводы на паездкі мяшчан для ажыццяўлення гандлёвай дзейнасці; 6) узымання памернага ў Віцебску; 7) павіннасцяў гарадскіх рэзнікаў на карысць ваяводы; 8) выканання падводнай павіннасці мяшчанамі; 9) грабяжоў адміністрацыяй ваяводы мяшчан і гарадскіх сёл. Як бачна, скаргі датычыліся як прававога, так і эканамічнага становішча мяшчан у Віцебску. Дэкрэт захаваў не толькі рашэнні вялікага князя літоўскага, але і пункт позірку на праблему як віцебскіх мяшчан, так і ваяводы.

1. Так, па меркаванню віцебскіх мяшчан «воит и мещане старшие витебъские з давных и з вечистых часовъ водлугъ правъ и привилевъ имъ от продковъ наших и от насъ г(о)сп(о)д(а)ра наданых въ замъку на судех всяких справъ восполок з воеводами и наместниками их на месцах своих звыклых седали и пересуды, от кожъдых речеи сужоных приходячие, по некоторои части бирали», а ваявода «им местца ихъ забароняет и пересуду, што имъ водле стародавного звычаю прихоживало не дает». Ваявода са свайго боку сцвярджаў, што не забараняў («не боронил») войту і старэйшым віцебскім мяшчанам удзельнічаць у судзе і не перашкаджаў перадачы ім іх часткі перасуда. У сувязі з чым манарх пакінуў тое паводле даўняга звычаю і гарадскіх прывілеяў і забараніў ваяводзе, яго намеснікам «воиту и мещаном витебским местъца в судох замъковых звыклого забороняти, такъ же и в пересудохъ в части ихъ, што на нихъ приходить, не мают их заделяти» [4, арк. 10, 11].

Факт удзелу мяшчан у Віцебскім замкавым (ваяводскім) судзе у XVI ст. добра вядомы ў гістарыяграфіі [1; 2, с. 123; 3, с. 166; 5]. Інфармацыя ж дадзенага гаспадарскага дэкрэту сведчыць, што прадстаўнікі кіравання горада – войт са старэйшымі мяшчанамі – ўдзельнічалі з правам рашаючага голаса ў віцебскіх замкавых судах, мелі там замацаваныя за імі месцы. На права паўнавартаснага ўдзелу ў ваяводскім судзе з правам голаса ўказвае факт выдзялення мяшчанам часткі судовых перасудаў. Пры чым, фраза са скаргі, што цяпер ваявода таго «не дает», указвае на механізм выплаты мяшчанам іх часткі перасуду – ваявода збіраў перасуд, а пасля з агульнай сумы выдаваў мяшчанам іх частку.

Праўда, пакуль застаюцца не вырашанымі пэўныя пытанні гэтага ўдзелу: на якіх канкрэтна справах віцебскія мяшчане мелі права прысутнічаць – на ўсіх, ці толькі ў справах з удзелам віцебскіх мяшчан; ці было абавязковым прысутнасць мяшчан-суддзяў ва ўсіх справах з удзелам мяшчан; як вызначаўся і які быў памер той часткі перасудаў, якая ішла на карысць суддзяў ад горада, г.зн. горада?

2. У адной скарзе мяшчане сцвярджалі, што ў выпадку разгляду справы аднаго віцебскага мешчаніна з другім ваявода «виноватого не узнавши и правом не поконавши, до везенья за-

---

* Лускіна Сцяпан (Стэфан) Цімафеявіч – стаў віцебскім войтам па прывілею караля польскага вялікага князя літоўскага Жыгімонта Аўгуста ад 8 снежня 1557 г. (перад гэтым С. Лускіну выбралі войтам віцебскія мяшчане, а віцебскі ваявода Стэфан Збаражскі згадзіся з гэтым выбарам). Быў войтам да 20 чэрвеня 1580 г. [2, с. 120; 3а, с. 160–161].

мъкового, а не до местского, водле права их, сажати кажеть» [4, арк. 10]. Сама скарга сведчыць, што мяшчан не задавальняе факт, калі ваявода садзіў у замкавую турму мяшчан па справах мешчаніна з мешчанінам. Але нічога не гаворыцца пра такую ж незадаволенасць у выпадку заключэння ў замкавую турму віцебскіх мяшчан у справах мяшчан з немяшчанамі: духавенствам, шляхтай, сялянамі. Лагічна выказаць здагадку, што ваявода ў справах мяшчан з немяшчанамі меў права заключэння мяшчан у замкавую турму. Нажаль, дэкрэт 1571 г. не ўтрымлівае інфармацыі аб спрэчках бакоў па скарзе, а проста канстатуе што «где бы ся трафило одному на другого мещанину витебъскому о якую жъ колвекъ речъ жаловати воеводе витебъские, винъного не узнавъшы и правом не поконавши, до везенья замкового сажати не мають; а хотя бы хто и з справавъ якои речи виненъ зосталъ. А где бы поручниковъ по особе мещанъ витебскихъ двух або трох ч(е)л(о)в(е)ковъ, людеи добрих и там оселых, давалъ, такового на рукоемство воеводе витебские мають пущати» [4, арк. 10 адв.].

3. Пытанне правамоцнасці раздачы ваяводам гарадскіх зямель узнікла ў сувязі з надзяленнем ваяводам каралеўскага ротмістра Валента Каменскага чатырма службамі людзей віцебскіх мяшчан (да гэтага гэтымі службамі валодалі наступныя мяшчане: Жарскай службай – Павел Радка і Сцяпан з патужнікамі; Талочынскай службай – Дмітро Стрыка з патужнікамі: службай Зайцавы Настыр – Піліп і Гаўрыла з патужнікамі; службай на Палозях Мытшынскае – Пётр Ескевіч з патужнікамі). Пры разглядзе справы высветлілася, што згодна прывілеяў ні манарх, ні ваявода «отчизнъ и выслугъ… в мещанъ витебских отнимати, ими даритися» не мелі права. Акрамя гэтага сам ваявода прызнаў, што дадзеная раздача была зроблена «в неведомости» гарадскіх прывілеяў, а калі ён даведаўся пра дадзеныя правы мяшчан, то адразу ў 1570 г. «опят тую чотыри служъбы людеи местских ку месту Витебъскому привернулъ» (а ротмістру В. Каменскаму была дадзена эквівалентная замена). Таму «в том артыкуле жалобы воита и мещан витебских, мовеня и сознанья пана воеводина выслухавши и водлугъ привилев местских, обачаючи, же воевода их отдавати не могъ», манарх «тых мещан, грунты их» пакінуў «водле стародавного обычаю и привилевъ их». Мяшчане, валодаючы тымі землямі, павінны былі выконваць «з них служъбу и иншие повинности, потому якъ и иншие мещане служати полнити повинни будуть» [4, арк. 9 адв. – 10, 10 адв. – 11].

4. Наконт распараджэння вымарачнай маёмасцю віцебскіх мяшчан скарга была выклікана тым, што мяшчане лічылі: ваявода «домы и маетности* таковые, которие бы по вмерлои руце, в недостатъку власного потомства, на кровные и близкие мещанъ тамошних правомъ прирожоным водле привилев ихъ приходити и спадывати мели, тым кому бы то слушъне належало непоступуючы, то на вряд замку витебского забирает и ку пожитку своему оборочает». Але віцебскі ваявода сцвярджаў, што наконт гэтага нічога не ведае, а толькі аднойчы «ижъ деи в тот часъ, гды ся тамъ у Витебъску заповетрило», дом віцебскага мешчаніна Багдана Дзянісавіча, які памер бездзетным, «з ураду своего запечатовати казал. А кгды ся близкии оного небощика Богъдана Ходко Денисовичъ озвалъ, тогды тот домъ и всю маетъность его ему вернулъ». У сувязі з чым вялікі князь літоўскі пакінуў парадак, які быў апісаны ў прывілеях, згодна з якім ні гаспадар, ні яго віцебская замкавая адміністрацыя «в одумерсчизны уступовати се не маемъ и воленъ кождыи мещанинъ витебъскии зходечи зъ сего света домъ и всю маетъность свою при остатнеи воли своеи кому хотечи записати». Аднак, калі віцебскі мешчанін паміраў без спадкаемцаў першай чаргі («потомства» – дзецей), ці другой і т.д. чаргі («близких своих» – г.зн. родных: братоў, сястер, цётак, пляменнікаў і т.д.) і не запісаў бы сваю маёмасць нікому тэстаментам, то маёмасць такога пераходзіла на гаспадара «праз уряд … замковыи». Дадзенае правіла адпавядала гарадскім прывілеям і нормам, якія дзейнічалі ў іншых «упривилеваных» гарадах ВКЛ [4, арк. 10, 11 адв.].

5. Віцебскіх мяшчан незадавальняла, што ваявода забараніў («заказалъ») ім ездзіць па тэрыторыі ВКЛ «для купованя живности и товаров» без свайго дазвола («без печати») ці дазволу яго намесніка [4, арк. 10 адв.], пры парушэнні дадзенай забароны мешчанамі ў іх канфіскоўвалі тавары. Незадаволенасць была выклікана тым, што «они деи не повинъни печати брати»,«того деи перед тым не бывало, одно деи хто бы за границу в землю Московскую ехал, таковым печати воеводины даваны. А такъ панъ воевода и до того се призналъ, же то под часомъ небезпечнымъ чинилъ, абы безъ печати врядовое нихто зъ замъку нигде не ездилъ».Таму

* У рашэнні манарха гаворыцца яшчэ і пра караблі-«статки» [4, арк. 11 адв.].

манарх пацвердзіў старадаўні звычай свабоднага перамяшчэння віцебскіх мяшчан па тэрыторыі сваёй дзяржавы без спецыяльных дазволаў. У сваю чаргу для паездкі за мяжу «в землю Московскую» дазвол ваяводы ці яго намесніка быў абавязковым [4, арк. 10 адв., 12 адв. – 13].

6. Мяшчане скардзіліся, што ваявода адняў у іх «померное местъское, которие они здавъна держали» и перадаў яго збор свайму прадстаўніку. Ваявода ж сцвярджаў, што так рабілі і яго папярэднікі. Войт у сваю чаргу падкрэсліваў, што той падатак з даўніх часоў горад збіраў на сваю карысць. У пацвярджэнне сваіх слоў войт клаў судовы дэкрэт па дадзенаму пытання караля польскага, вялікага князя літоўскага Жыгімонта Старога. Таму Жыгімонт Аугуст пастанавіў «померное местъское воитъ и мещане водлугъ стародавного обычаю, кгдыж то в привилю меновите естъ описано, на пожитокъ свои местъскии выбирати мають» [4, арк. 10, 11 адв. – 12].

7. Адносна гарадскіх рэзнікаў, мяшчане скардзіліся, што ваявода «над повинъность их» у іх загадвае браць «серодки от кожъдого быдляти забитого кухором и соколником своимъ» / «от кождого быдляти, которое на шынкъ забъют кухором своим середки яловичие и барание». Ваявода ж сцвярджаў, што, зноў жа, так рабілі яго папярэднікі. Віцебскі войт настойваў, што гарадскія рэзнікі ялавічных і бараніх серадкоў ваяводам ніколі не давалі, а толькі земскіе сакольнікі бралі ў рэзнікаў ялавічныя і баранні сэрцы. У пацвярджэнне сваіх слоў войт клаў судовы дэкрэт па дадзенаму пытанню караля польскага, вялікага князя літоўскага Жыгімонта Старога. Абапіраючыся на дадзенае судовае рашэнне старадаўні звычай дачы віцебскімі рэзнікамі сэрцаў забітых на продаж жывёл зацвердзіў і Жыгімонт Аўгуст [4, арк. 10, 11 адв. – 12].

8. Віцебскія мяшчане сваімі прывілеямі былі вызвалены ад нясення падводнай павіннасці – «подвод давати не повинъни»; «листами привилями нашими (господарскими – А.Д.) от подводъ вызволены сут»; «отдаванья подводъ … выняты суть». Але ваявода загадваў сваім слугам і каморнікамъ у іх браць коней і падводы для задавальнення транспартных паслуг замка, «за што деи им грабежи немалые поделалъ», г.зн. хто не даваў падвод, у таго забіралі пэўную маёмасць і прадавалі яе па рыначнай цане, выручаныя грошы ішлі на наём людзей, якія б выканалі неабходны аб’ём транспартных паслуг за гэтага чалавека (калі б кошт прададзенай маёмасці быў бы большым за кошт патрабуемай работы – лішак вяртаўся вінаватаму). Трэба адзначыць, што для выканання падводнай павінасці ў Віцебску існаваў спецыяльны штат людзей, «которие тои повинъности подданы», але их ваявода «до того не примушаеть».

Ваявода ў сваё апраўданне спасылаўся, што такое адбылося ў ваенны («валечъныи») час і з-за «вневедомости» ім прывілеяў мяшчан. Таму гаспадар загадаў не браць падвод у тых мяшчан, якія былі ад іх вызвалены, «одно тымъ мещаномъ, которые тои повинъности повинъни, подводы под послы нашы (гаспадарскія – А.Д.), кони давати». Неабходна адзначыць, што «вызваленыя» ад падвод віцебскія мяшчане павінны былі замест дадзенай павіннасці збіраць грошы (сума вызначалася спецыяльнай пастановай) і аддаваць у скарб ВКЛ. Дадзеныя грошы якраз і ішлі на наём падвод для гаспадарскіх паслоў і ганцоў [4, арк. 10, 13]

9. Акрамя гэтага, мяшчане паведамілі аб рабаўніцтве іх маёмасці адміністрацыяй ваяводы. Сцвярджалася, што ваявода пасылае сваіх слуг у горад, якія забіраюць «с клетеи маетъности, з шпихлеров збожъя всякие и з гуменъ сена», пры гэтым замкі адбіваюць. Акрамя гэтага ваявода безпадстаўна-«безправне домы их печатовати кажеть и по селамъ местским слугамъ своимъ прыставъства роздает».

Ваявода ў сваё апраўданне сцвярджаў, што не даваў загаду «замков от клетеи и шпихлеров их отбивати, такъ же маетъностеи и збожъя их своволне брати не казал, але деи есми тых часовъ, яко велми голодных лет, слугам своим по селах местских для способеня живъности розослал былъ» и загадаў, каліхто б з яго слуг ў каго «збожя и иншых речеи стравных» узяў бы, то павінен быў «торгом заплату имъ чинити», г.зн. заплаціць за тое па рыначнаму кошту. Калі б хто не заплаціў, то ваявода гатоў быў разгледзець усе скаргі.

Нягледзячы на тое, што, у прынцыпе, дадзеная скарга мяшчан была неабгрунтаванай, гаспадар у сваім рашэнні занатаваў, што с таго часу ваявода не павінен пасылаць сваіх слуг на маёмасць мяшчан, не павінен быў бяспраўна накладваць арышт («запечатваць») на іх дамы, «такъ же тежъ лежъ и приставъствъ слугам своимъ по селах роздавати не маеть». Дадаткова ваяводзе было загадана разгледзець скаргі віцебскіх мяшчан на слуг ваяводы ў пытаннях забірання маёмасці і ў тых справах «справедливость слушную и неотволочъную водле жалобы их учинити». Пры чым разгляд спраў павінен быў праходзіць у прысутнасці спецыяльна прызначанай

даверанай асобы гаспадара па гэтаму пытанню – віцебскага войскага Марціна Курча, «которого есмо для прослуханья тых речеи тамъ до Витебъска зослали» [4, арк. 10 адв., 12–12 адв.].

Можна адзначыць, што віцебскія мяшчане адстойваючы сваю пазіцыю аперавалі да старыны, даўнасці існуючага звычая; да замацавання склаўшыйся традыцыі гаспадарчымі прывілеямі і да ранейшых дэкрэтаў манарха па аналагічных пытаннях. Прычым як прававы аргумент прымалася менавіта пісьмовая фіксацыя становішча ў прывілеях і дэкрэтах манарха. Пры разглядзе справы пазіцыя віцебскага ваяводы выглядае не агрэсіўнай, памяркоўнай – злоўжыванні ім тлумачыліся няведанем існаваўшай традыцыі ў Віцебску, не правільным разуменнем яго дзеянняў мяшчанамі, ці экстрардынарнай сітуацыяй (вайной, голадам).

Паказальна, што пры разглядзе справы не сустракаецца інфармацыя пра канфліктнасць ваяводы і мяшчан. Існавалі пытанні, якія мяшчане расцэньвалі як парушэнне сваіх правоў з боку ваяводы. Але няма нават намёка на супрацьстаянне бакоў, на нейкія радыкальныя меры, якія адбываліся б да разгляду скаргі манархам: супрацьпраўныя дзеянні мяшчан для абароны сваіх праў, дзеянні ваяводы па недапушчэнню мяшчанскіх скаргаў да манарха і інш. Наадварот, назіраецца імкненне вырашэння спрэчных пытанняў выключна ў прававым полі.

Такім чынам, дэкрэт 30 мая 1571 г. пацвярджае факты: а) удзелу віцебскіх мяшчан у замкавым судзе ў якасці судзяў; б) знаходжання віцебскага памернага ў руках гарадскога войта і мяшчан; в) валодання віцебскімі мяшчанамі землямі і маёмасцю на правах прыватнай уласнасці з гарантыяй яе неперадачы дзяржаўнай адміністрацыяй іншым асобам; г) права вольнага перамяшчэння віцебскіх мяшчан па тэрыторыі сваёй дзяржавы. Акрамя гэтага, дэкрэт змяшчае інфармацыю пра адлічэнне на карысць горада часткі перасудаў замкавага суда і пра наяўнасць асобнай гарадской турмы. А таксама сведчыць, што віцебскія мяшчане аператыўна і эфектыўна абаранялі свае правы і вольнасці, выкарыстоўваючы пры гэтым законныя сродкі барацьбы.

1. Беларускі архіў. – Т. 2. – Мінск, 1928. – С. 1–109.
2. Макараў, М. Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай палове XVII ст. / М. Макараў. – Мінск : Экаперспектыва, 2008. – 248 с.
3. Макараў, М. Мейскія улады Віцебска да ўвядзення магдэбургскага права (канец 15 ст. – 1597 г.) / М. Макараў // Гістарычны альманах – 2004. – Т. 10. – С. 159–167.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. КМФ-18 (Метрыка ВКЛ). Воп. 1. Спр. 54. Арк. 9 адв. – 13 адв.
5. Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Клочко 1533–1540 гг. / Литовская метрика. Книга № 228. Книга судных дел 9 / подготовили к печати: В. А. Воронин, А. И. Груша, И. П. Старостина, А. Л. Хорошкевич. – М. : Наука, 2008. – 524 с.
6. Polski Słownik Biograficzny. – Wrocław-Warszawa-Krawów-Gdańsk, 1979. – S. 746–747.

Веремейчик А.Е.

АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ ОБ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ НЕСВИЖСКОЙ ОРДИНАЦИИ (МАЙОРАТА) РАДЗИВИЛЛОВ

В 1586 г. в результате подписания Договора между братьями Николаем Сироткой, Альбрехтом и Станиславом Радзивиллами были учреждены Несвижская, Клецкая и Олыкская ординации (майораты). Они представляли новую для Великого княжества Литовского (далее ВКЛ) форму владения и наследования недвижимости, при которой она переходила к старшему мужчине в семье и способствовала сохранению земельных владений семьи.

Крупнейшим майоратом в ВКЛ была Несвижская ординация. В ее состав вошли земельные конгломераты: Несвижское княжество, Мирское графство, имения Свержень, Миколаевщина, Могильно, – общей площадью 38 000 га. Законодательство ВКЛ гарантировало автономное развитие майоратов, что привело к организации фактически независимых от государственных структур административной и судебной систем, повлияло на изменения в правовом положении социальных групп населения, проживавших на ее территории. В публикации будет рассмотрена самая многочисленная и информативная категория источников по истории Несвижского майората – документальные материалы.

К области изучения территориального формирования ординации относятся документы о совладении имениями, представленные материалами о приобретении земель для ординации во второй половине XVI в. Документы составлялись в связи с передачей владения новому управляющему, при составлении отчетов, в ходе судебных разбирательств и во время ревизий. В большей степени их составители уделили внимание данным о площади наделов и размере на-

логов, что должно было подтвердить юридическую собственность Радзивиллов на земли или процесс перехода владений к ним.

Значительное место в работе занимают документы делопроизводства. Они включают привилеи Радзивиллов, указания для администрации, книги городских магистратов, документы замкового и ординатского судов, грамоты об учреждении ярмарок, документы о даровании льгот в налогообложении горожанам и учета денежных средств, материалы «Организации о расследовании дел князей Радзивиллов», «Комиссии № 457 для продажи имений Доминика Радзивилла» и «Прокуратории Радзивилловской массы». Они показывают договорные отношения между Радзивиллами, администрацией и населением ординации в установлении прав аренды, торговых отношений, налогообложении и являются элементом частного юридического права. В то же время материалы источников содержат данные, позволяющие судить о росте или снижении торговли и товарооборота в городах ординации, видах налогов для населения городов и имений, конкуренции среди ремесленников и цехов, роли купеческих и торговых объединений в управлении городов, имущественных спорах горожан и шляхты майората.

Особой группой в документах делопроизводства выделяются материалы учета денежных средств. Они помогают установить источники денежных доходов Радзивиллов: налоги, реализация продукции из ординации на внутреннем и внешнем рынках, аренда, налогообложение, доходы с ярмарок, сведения об оплате труда служащих и ремесленников [3, д. 4959, л. 1–9; 6, l. 1–12].

Более полно учет денежных средств представлен в приходно-расходных книгах и ведомостях доходов (суммариуши) казны Радзивиллов в Несвиже. Первые реестры доходов и сборов налогов датируются уже 60–70 гг. XVI в., что дает основание датировать возникновение учетной документации первой половиной XVI в. В XVI в. администрацией составлялись только приходно-расходные ведомости. Они подробно отражают статьи доходов радзивилловских владений, разделяют категории крестьян и горожан, показывают разницу в налогообложении сословий, высокую прибыль фольварочных хозяйств, позволяют сравнить доходность городов и имений.

В XVII в. документация о денежных средствах усовершенствовалась и стала разнообразней. Это произошло как вследствие накопленного опыта, так и в результате возросшей роли товарно-денежных отношений и выхода продукции из имений ординации на внешний рынок. Последнее обстоятельство оказало влияние на содержание приходно-расходных документов. Они стали включать данные о денежных операциях и доходах. В приходно-расходных ведомостях отражены цены на продукцию. Несмотря на то что данные о мерах веса и стоимости продукции на рынках ВКЛ являются неполными и не охватывают все виды товаров, они позволяют просчитать прибыль имений ординации и ее место в общем доходе всех радзивилловских имений [3, д. 4963, л. 3–4; д. 4972, л. 1–5].

Расширение документации привело к необходимости составления суммариушей. Суммариуши, как правило, являлись вторичным документом, построенным на данных текущего учета приходно-расходных ведомостей. В них сводились обобщающие данные по годам или полугодиям. Иногда они дают информацию только о доходности определенной сферы хозяйства. Суммариуши позволяют проследить общее состояние экономики ординации за год или несколько лет, но не показывают текущего положения дел в городах и имениях [4, д. 1354, л. 1–8; 10, l. 1–12].

К денежной документации относятся материалы фискального характера. Данный вид источников в основном представлен реестрами налогов [3, д. 2055, л. 1–7; 4, д. 1354, л. 1–5; 7, l. 1–18; 8, l. 1–5]. Денежные документы включают и материалы о долговых обязательствах. В подавляющем большинстве хронологические рамки этого вида источника относятся к последней четверти XVI в., концу XVIII в. – началу XIX в. Источники, как правило, не показывают причин, побуждавших Радзивиллов к поиску кредиторов. Они не позволяют установить, какие именно затраты (на организацию ли хозяйства, экспортные операции, содержание администрации в своих владениях, на личное потребление) оказывали решающее влияние на размер долгов.

В конце XVIII в. – начале XIX в. в связи с усложнением экономической жизни в ординации делопроизводство пополнилось судебными исками к Радзивиллам о задолженностях перед государством и дворянством. Документы данных государственных учреждений показывают рост долговых обязательств Радзивиллов перед правительством Российской империи [1, l. 1–4; 4, л. 1–5].

К документам делопроизводства относятся и материалы о ремесленной деятельности и городской торговле [4, д. 1354, л. 1–12; 5, л. 3–5]. В эту группу источников входят жалобы ремесленников, бумаги из книг замковых, ординатских судов и магистратов. Они показывают роль

ремесленного производства в экономической жизни ординации, позволяют рассмотреть особенности местного рынка, развитие торговли в Несвиже и Мире. В то же время изучение производства было осложнено отсутствием цеховых уставов городов ординации и протоколов цеховых собраний.

Статистические документы, представленные реестрами, инвентарями имений и фольварков ординации. Они содержат перечень хозяйственных и жилых строений, иногда скота и птицы, посевов и пахотных площадей, сенокосных угодий и предприятий в ординации. В некоторые инвентари включены переписи населения. Эта группа инвентарей содержит наиболее полные данные о налогах, повинностях и административном управлении в имениях, в некоторых их них проводится постатейная оценка доходов от имений. Степень подробности описания владения определялась целью написания инвентаря. Только документы, составлявшиеся при передаче должности управляющего, подробно фиксировали сведения о сельскохозяйственном производстве и повинности крестьян, регламентировали обязанности администрации имений [3, л. 4–7; 2, l. 4–8; 9, teka 2669/3, nr. 14546, l. 1–9].

По реестрам налогообложения можно проследить социальную структуру населения ординации и формы выплаты налогов. Они позволили определить места проживания господарской и служилой шляхты в ординации, охарактеризовать социальные категории городского населения, различия в их положении и роли в управлении городов в зависимости от национальной принадлежности [9, l. 3–8; 10, sign. 93, l. 4–5].

В ряде инвентарей налогоплательщики не разделены по социальной принадлежности. Примечательно и то, что в некоторых источниках не указывался социальный статус шляхтичей. Администрация имений хорошо знала население и не фиксировала социальное положение налогоплательщиков. Отличительной чертой инвентарей в радзивилловских имениях является включение данных только о хозяйствах, что не дает возможности сделать точный подсчет численности населения.

Существенное значение имеет вопрос о достоверности статистических источников. Многие инвентари дошли в виде сводной ведомости. Небольшая часть материалов представлена их копиями. Судить, насколько данные документов могут соответствовать оригиналам, невозможно.

Для всех инвентарей ординации характерна неполнота сведений. Материалы имеют плохую сохранность. В ряде инвентарей содержатся данные не о всех имениях ординации, что затрудняет их сравнительный анализ и не позволяет сделать точные выводы о росте или уменьшении налогов, доходности владений и численности населения. В некоторых инвентарях городов ординации отсутствуют данные о налогообложении христианского или иудейского населения, из-за этого невозможно точно установить различия в социальном и правовом положении данных групп горожан.

Таким образом, рассмотрение проблемы формирования территории, учреждения и функционирования Несвижского майората требует привлечения широкого диапазона источников, большинство из которых представлено документальными материалами.

1. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 459. Оп. 1. Д. 3991.
2. ЛГИА. – Ф. 1280. Ч. 1. Д. 207.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 694. Оп. 2. Д. 1702.
4. НИАБ. – Ф. 694. Оп. 4. Д. 161.
5. НИАБ. – Ф. КМФ 5. Оп. 1. Д. 2672-2а.
6. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). – Archiwum Radziwiłłów (AR). Dz. XI. Koperta 84. Nr. 362.
7. AGAD. – AR. Dz. XI. Koperta 84. Sign. 853.
8. AGAD. – AR. Dz. XXIII. Teka 93. Plik 1.
9. AGAD. – AR. Dz. XXV. Teka 2399. Nr. 14183.
10. AGAD. – AR. Dz. XXXIII. Sign.77.

Чореф М.М.

К КАТАЛОГУ БАХЧИСАРАЙСКИХ НАДПИСЕЙ: СТРОИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ МЕЧЕТИ МОЛЛА-МУСТАФА

Из множества квартальных мечетей Старого Бахчисарая к настоящему времени уцелели лишь единицы. Однако на ул. Севастопольской сохранились две джамии. Одна из них – Молла-Мустафа, ныне датируется XVIII в.. Обследование памятника никогда не проводилось. В последние годы Молла-Мустафа перестроили с использованием современных материалов.

Наше внимание привлекла мраморная закладная плита, размещенная над входом в Молла-Мустафа. У нее отбит только верхний левый угол, в котором, к счастью, не было текста. Начнем с этой плиты изучение неизданных эпиграфических памятников г. Бахчисарая.

Сразу же заметим, что у нас нет никаких оснований считать, что эта плита изначально украшала вход в Молла-Мустафа. Ведь здание не раз перестраивалось. К примеру, его минарет мог быть построен не ранее конца XVIII в. Тем же временем следует датировать и типично барочные пятигранные окна ее второго этажа. В тоже время закладная плита была высечена в 1600 г. Попытаемся прояснить это обстоятельство, проанализировав сам текст.

Заинтересовавшая нас плита представляет собой блок серого мрамора размером 39 на 25 см. Ее поверхность хорошо подтесана и отшлифована. На лицевой части плиты хорошо виден четырехугольный картуш со скругленными верхними углами, в который вписана пятистрочная низкорельефная надпись с четырьмя линиями-разделителями:

صاحب و الخيرات و الحسنات ترزى قنتمير و تعمير ططار عبد الطيف روحلر يچون فاتحه ١٠٠٩ سنة	–	«*Владыка и сокровищ, и совершенств,* *портной Кантемир, а строил Татар,* *раб Ордена. Душам их – Фатиху.* *1009* *года».*

Текст выполнен шрифтом сулюс. Буквы переданы толстой ровной линией. Прослеживается особенность почерка мастера. Заметно, что он не выбирал фон из кружков букв ف, ق, م, ة и و. В надписи отсутствуют огласовки и прочие дополнительные знаки, что впрочем, характерно для средневековой крымской мусульманской эпиграфики.

Надпись представляет собой сочетание арабских и тюркских слов. К последним можно отнести имена донаторов и слова تعمير – «строил» и يچون – «*душам*». Все почетные прозвища, эпитеты и благопожелания приведены на языке Корана. Из текста первой строки надписи следует, что один из донаторов именовал себя صاحب و الخيرات و الحسنات – «*владыка и сокровищ, и совершенств*». Эти определения не только подчеркивают благочестие и богатство жертвователя, но и свидетельствует о его высоком положении в обществе. Очевидно, что именно он выделил средства на богоугодное дело, т.е. создал вакф. Однако донатор не принадлежал к родовой или служилой знати. Из второй строки надписи мы узнаем, что он был ترزى – «*портной*» и звали его قنتمير – «*Кантемир*». Очевидно, что жертвователь гордился свой профессией и считал ее престижной, раз уж приказал упомянуть о ней. Полагаем, что он занимал влиятельное положение в цеху бахчисарайских портных. Заметим, что сам факт участия Кантемира свидетельствует об усилении влияния торгово-ремесленной верхушки в жизни средневекового крымско-татарского общества, что, безусловно, должно быть увязано с относительным процветанием экономики государства. Вернее всего, именно этими обстоятельствами и следует объяснять временное улучшение монетной стопы серебра крымского чекана при Гази Гирае II (1588–1596, 1596–1607).

Но вернемся к нашей надписи. Далее по тексту упоминается Татар, построивший богоугодное здание на средства Кантемира. О нем в надписи куда меньше сведений. Так как прославляющие его эпитеты в надписи отсутствуют, то он, очевидно, не принадлежал к элите. Можно даже предположить, что Татар был простым наемным работником, выполнившим поручение первого донатора. Ведь в тексте прямо сказано, что он строил на деньги Кантемира. Но, в таком случае, почему его упомянули в надписи? Заметим, что даже имена величайших архитекторов средневекового Востока не известны на закладных плитах их строений. Считаем, что поднятый нами вопрос достаточно важен и заслуживают тщательного рассмотрения.

К счастью, у нас достаточно информации для поиска ответа на него. Дело в том, что мы пока еще не истолковали весьма примечательную фразу عبد الطيف Конечно, ее можно вовсе не переводить, посчитав одним из множества вновь выявленных средневековых татарских имен, образованных от мусульманских эпитетов. Или трактовать его как «*раб призрака*» или «*раб видения*». Также допустимо предполагать, что Татар был связанным какими-то обязательствами с общиной аравийского г. Таифа. А если учесть то обстоятельство, что слово переводится и как «*часть, доля*», то таинственного строителя можно вовсе посчитать если не рабом, то, в любом случае, зависимым человеком. Уж очень многозначно слово طيّف и совершенно однозначно трактуем термин عبد. Однако мы все же попробуем установить смысл выражения عبد الطيف.

Начнем с того, что наличие определенного артикля ال говорит о том, что заинтересовавшее нас слово представляет собой некоторое общеизвестное понятие, если и нуждавшееся в уточнении, то исключительно для конкретизации. И, действительно, в лексиконе образованного жителя средневекового Ближнего Востока в то время обязательно присутствовало слово طيّف – «*группа, сообщество, организация*», а именно так называли суфийские общины. А именно их члены и именовали себя «*рабами Ордена*». Полагаем, что упомянутый в надписи Татар был суфием.

Перейдем к последним словам текста. Речь идет о фразе روحلر يچون فاتحه. Перевести ее можно только как «*душам их – Фатиху*». Понятно, что речь идет о благопожеланиях, содержащихся в первой, «открывающей» суре Корана. Упоминания о ней традиционно размещали как в посвятительных надписях, так и в средневековых эпитафиях. В тексте указана и дата завершения строительства. Его завершили в 1109 г.х.

Но что же за сооружение воздвигли Кантемир и Татар? Полагаем, что это было важное здание, очевидно, культовое, располагавшееся если не на месте, то поблизости от современной джамии Молла-Мустафа. Иначе не было бы смысла размещать старую закладную плиту над входом во вновь возведенное здание. Вернее всего, донаторы построили мечеть.

Заметим, что нас не должно удивлять отсутствие в тексте надписи очевидного упоминания мечети. Дело в том, что подобного рода сведения отсутствуют на закладных плитах ряда джамий Востока. Известны они и в Крыму. К примеру, на закладной плите Биюк-Джами, размещенной ныне над входом в баню Сары-Гюзель, выбиты только имена донатора Сахиб Гирая I (1532–1551) и его предков. О назначении здания можно узнать только из текста.

Таким образом, разобрав надпись над входом в Молла-Мустафа, нам удалось установить предназначение и дату возведения здания, построенного Кантамиром и Татаром. Очевидно, что оно изначально было мечетью, посещаемой местными суфиями. Сам факт ее возведения донаторами, не относящимися татарской знати, свидетельствует об усилении влияния исламизированного городского населения, выразителем интересов которого стало мусульманское духовенство, в т.ч. и мистики-суфии. Заметим, что именно эту картину в Крыму наблюдал Эвлия Челеби. Полагаем, что подобные новации стали возможны только в результате усиления османского влияния в регионе. Возможно, что именно с этим обстоятельством следует увязывать и одновременное проникновение в Северное Причерноморье крупной монеты турецкого чекана. Однако поиск ответа на этот вопрос уж слишком сильно уводит нас от темы нашего исследования. Надеемся, что в ближайшее время нам удастся выявить эпиграфический материал, исследование которого позволит найти ответ на поставленный вопрос.

Скварчэўскі Д.В.

АСТРАНАМІЧНЫЯ І АСТРАЛАГІЧНЫЯ ТВОРЫ XVI–XVII стст. У АРХІЎНЫХ І БІБЛІЯТЭЧНЫХ ФОНДАХ БЕЛАРУСІ

XV–XVII стст. з'яўляюцца перыядам станаўлення навуковай астраноміі ў Вялікім Княстве Літоўскім. З XV ст. у ВКЛ пачынаюць перакладаць астранамічныя і астралагічныя творы, а таксама стварацъ уласныя працы. Невядомыя і малавядомыя пісьмовыя крыніцы ў архіўных фондах Беларусі, якія будуць разглядацца, асвятляюць працэс развіцця і пашырэння астранамічных ведаў сярод насельніцтва ВКЛ.

У Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі ў "Радзівілаўскім фондзе" (фонд 694) захоўваюцца некалькі астранамічных і астралагічных твораў XVII ст. Асабліва вылучаецца невялікі лацінамоўны канспект 1644 г. Себасцьяна Стрыевіча твора Іаана Сакрабоско "Трактат аб сферы" [4]. Іаан Сакрабоско – матэматык і астраном XIII ст., выкладчык Сарбонскага ўніверсітэта. Яго знакаміты твор вывучаўся ва ўсіх еўрапейскіх універсітэтах (у тым ліку ў Віленскай езуіцкай акадэміі) да XVII ст. У ім выкладаюцца асновы сферычнай геаметрыі і геацэнтрычная пталемееўская сістэма, тлумачыцца механізм зацьменняў, руху планет і сонца, усходаў і заходаў сузор'яў, вызначаюцца кліматычныя паясы, эклiптыка, мерыдыян і інш. Канспект С. Стрыевіча захаваўся не цалкам: ёсць толькі ўводзіны і першая глава (два раздзелы). Твор пабудаваны ў выглядзе пытанняў і адказаў на іх. У канспекце даецца характарыстыка тэорыі сферы, апісваецца сферычнасць зямлі, паказаны механізм зацьменняў і г.д., прыводзяцца адпаведныя малюнкі і схемы. Себасціан Фабіян Стрыевіч (1621–1681 гг.) з'яўляўся доктарам філасофіі і вольных навук кафедры астралогіі Кракаўскага ўніверсітэта. У Кракаўскім

універсітэце кафедра астраноміі была заснавана да 1410 г., а праз 50 год – кафедра астралогіі [8, s. 20], якая была адной з вядучых у Еўропе.

Наступны лацінамоўны астранамічны рукапіс XVII ст. [5] не мае пачатку і загалоўка. Падобна на тое, што і ён з'яўляецца пэўнай перапрацоўкай і дапаўненнем твора І. Сакрабоско. Увагу прыцягваюць схемы ў рукапісе: схематычныя карта сузор'яў Паўночнага паўшар'я, схема сумяшчэння астранамічных, італьянскіх і вавілонскіх гадзін, схемы падзелу сферы з разлікамі розных сістэм нябесных каардынат (задыякальная, экватарыяльная, гарызантальная). У творы распавядаецца пра разлік гадзін, вызначэнню шыраты і даўгаты, пазначана працягласць дня ў перыяд летняга сонцастаяння ў чатырох частках свету.

Яшчэ адным астранамічным творам з'яўляецца рукапісны лацінамоўны "Царкоўны гісторыка-матэматычны каляндар на 1685 г." [4, спр. 460]. Ён утрымлівае звесткі пра святы і ўяўляе сабой табліцы, падзеленыя на дні і месяцы. У графе кожнага месяца насупраць дня пазначаны адмысловым знакам кіруючая планета, а таксама адпаведны знак задыяку. Таксама маюцца звесткі аб часе ўзыходу і заходу сонца і месяца, аб працягласці дня для 53° і 54° шыраты. У канцы знаходзяцца геаграфічныя каардынаты гарадоў Еўропы і ВКЛ. Падобныя каляндары маглі выкарыстоўвацца для астралагічных прагнозаў, астранамічных назіранняў і вылічэнняў.

У Радзівілаўскай нясвіжскай бібліятэцы захоўваўся таксама друкаваны польскамоўны астралагічны прагностык "Prognostyk , albo przestroga z gwiazd y obrotow niebieskich: wzgledem przypadkow rozmaitych, tak ogolnych iako y szczegulnych" на 1696 г., складзены доктарам філасофіі і медыцыны, прафесарам Замойскай акадэміі Томашам Францішкам Армінскім [4, спр. 461]. Праца распавядае пра астралагічныя прадказанні для розных рэгіёнаў Рэчы Паспалітай і суседніх краінах, пра сонечныя зацьменні, пра сезоны года, хваробы і інш.

Наяўнасць у Нясвіжы астранамічных і астралагічных рукапісаў можна патлумачыць не толькі цікаўнасцю Радзівілаў да астралогіі, але і тым, што ў мясцовым езуіцкім калегіўме магла выкладацца астраномія і нават маглі праводзіцца пэўныя астранамічныя назіранні. На карысць гэтага можа сведчыць той факт, што ў Нясвіжскім езуіцкім калегіўме пэўны час быў рэктарам Освальд Крыгер, які пазней быў выкладчыкам матэматыкі і астраноміі ды праводзіў астранамічныя назіранні ў Віленскай езуіцкай акадэміі [3, с. 17].

У фондах Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі захоўваецца рукапісны зборнік, які ўтрымлівае творы астранамічнага і астралагічнага зместу. Зборнік датуецца 60-мі гг. XVI ст. [7, с. 95]. Захоўваўся ў Віленскай публічнай бібліятэцы (так званы "Віленскі зборнік"), куды трапіў з бібліятэкі Супрасльскага Благавешчанскага манастыра. Па ўсёй верагоднасці, зборнік быў створаны па замове свецкай асобы шляхецкага паходжання праваслаўнага веравызнання на беларускіх землях ВКЛ [7, с. 111, 117–119]. У зборніку змяшчаюцца астралагічныя творы пад умоўнымі назвамі. Гэтыя артыкулы ўжо раней згадваліся ў літаратуры, аднак яны не з'яўляліся аб'ектам асобнага даследавання, а іх змест заставаўся пераважна невядомым. Толькі ў працы А.І. Сабалеўскага [6, с. 418, 424–427] сцісла цытуюцца асобныя артыкулы зборніка, якія, аднак, не дазваляюць атрымаць цэласнага ўяўлення аб дадзеных творах.

Цікавай з'яўляецца структура твораў. Яны выглядаюць зборам самастойных артыкулаў, якія, аднак, ўтвараюць цэльны і паслядоўны твор. Першы артыкул [1, арк. 60 адв. – 61 адв.] выступае ў якасці ўводзінаў і распавядае пра будову сусвету. Аўтар выкладае варыяцыю геацэнтрычнай пталемееўскай сістэмы з спасылкамі на Іаана Дамаскіна. Аднак гэта не просты пераказ, бо аўтар дадае звесткі пра светабудову з іншых крыніц. У прыватнасці, можна ўпэўнена казаць пра ўплыў яўрэйскай традыцыі. Аб гэтым сведчаць згадкі пра "жыдоўскае вучэнне" і "яўрэйскіх мудрацоў" у розных артыкулах. Таксама ў "Віленскім зборніку" маюцца спасылкі на Маісея Егіпцяніна [1, арк. 47], пад якім разумеецца знакаміты яўрэйскі багаслоў, філосаф і вучоны Маісей Майманід. У першым артыкуле, дзе выкладаецца агульная будова сусвету, згадваецца дзевятае неба, на якім знаходзіцца "зорка аравот". Пра паняцце "аравот" пісаў М. Майманід. Аравот у іўдзейскай касмалогіі – адна з нябесных сфер, звычайна верхняга найвышэйшага неба. У шырокім сэнсе – гэта бясконцая прастора [2, с. 213]. Дзевяць нябёсаў згадваюцца таксама ў іўдзейскай касмалогіі.

У артыкуле "О седми звездах великих яже ся наричаются планеты, о силе их и о ходу и о домех их" [1, арк. 61 адв. – 63 адв.] распавядаецца пра вядомыя на той час планеты і іх астралагічныя характарыстыкі: дзень тыдня, які належыць планеце; краіны, на якія уплывае планета; задыякальныя знакі, якія належаць планеце; час руху планеты па задыяку;

астралагічныя якасці планеты; характарыстыкі чалавека, які нарадзіўся пад знакам пэўнай планеты; пералік справаў, якія добра рабіць ці не рабіць у дзень планеты. Таксама ў артыкуле гаворыцца пра ўплыў планет на працягласць жыцця. Адзначаецца пра рух луны, які звязаны з каляндарным часам. Цікава, што працягласць луннага месяца адзначана даволі дакладна і амаль супадае з сучаснымі разлікамі. Параграф "О 12 зодеях" [1, арк. 63 адв. – 66 адв.] распавядае пра задыякальнае вучэнне. У ім гаворка ідзе пра астралагічныя характарыстыкі знакаў задыяку; ўплыў знакаў на пэўныя часткі цела; парады для кровапускання і прыёму лекаў (веды медыцынскай астралогіі); пералік справаў, якія добра рабіць ці не рабіць у час панавання знака; характарыстыкі чалавека, які нарадзіўся пад пэўным знакам задыяку. Пачатак задыякальнага кола пазначаецца ў Авене, што сведчыць аб традыцыі адліку новага году з сакавіка. Асобны параграф [1, арк. 67] распавядае пра характарыстыкі і шчаслівую адпаведнасць планет і знакаў і людзей, якія пад імі нарадзіліся. У артыкуле "Сказание о седми звездах великих, и которыи ся зодеи которым звездам служат" [1, арк. 67–71] распавядаецца пра астралагічныя характарыстыкі планет, пра час руху планет па небе, ўплыў планет на чалавека, астралагічную сувязь планет і знакаў задыяку. На палях намаляваны астралагічныя сімвалы знакаў задыяку і дзён тыдня, якія адпавядаюць планетам. Цікава, што характарыстыкі задыяку даюцца ў вершаванай форме. Гэты артыкул мае польскамоўны арыгінал, а яго аналаг ўтрымліваецца ў "Холмскім зборніку" [8, с. 427]. Артыкул "Сказание о седмих планетах сиречь великих моцьных звездах" [1, арк. 71–73] таксама прысвечаны астралагічным характарыстыкам планет і іх уплыву на лёс, характар і справы чалавека. Артыкул "Осени 12 звезды…" [1, арк. 73–74] распавядае, якім планетам служаць знакі задыяку, якія знакі спалучаюцца паміж сабой, а якія не. Таксама гаворка ідзе пра час планет, спрыяльныя ці неспрыяльныя для пэўных спраў гадзіны, пра лёс народжаных у вызначаны час. Артыкул "А коли хочешь ведат каждого человека звезду…" [1, арк. 74–74 адв.] вучыць, як вызначыць планету-апякуна чалавека, а таксама распавядае пра планеты, якія кіруюць пэўнымі гадзінамі ў тыдні, а таксама пра іх уплыў на людзей і справы. У асобным параграфе "Седмьсят планеты" вызначаюцца благія, злыя і нейтральныя планеты і іх астралагічныя характарыстыкі. Артыкул "Помышляющю о какои любо вещи обрести" [1, арк. 74 адв. – 78] таксама прысвечаны астралагічным характарыстыкам планет і знакаў задыяку і іх уплыву на лёс, характар і справы чалавека, парады для кровапускання і прыёму лекаў. Гэты твор мае выразны практычны астралагічны характар, бо ўяўляе сабой інструкцыю і каментары да астралагічнай табліцы, па якой можна рабіць патрэбныя прадказанні. У табліцы разам з кірылічнымі пазначэннямі лічбаў выкарыстоўваюцца таксама арабскія. Наступны артыкул "Солнце обходить тоу 12 на десять зодей…" [1, арк. 78 адв. – 79 адв.] распавядае пра гадавы рух сонца па задыяку і яго астралагічны сэнс. Асобны параграф пазначае характарыстыкі планет. Луннік "Поучение луннику приведено от жидовких книг" [1, арк. 79 адв. – 81] дазваляе вызначаць час навалуння на розныя тэрміны: на месяц, на два, на год, на 13 месяцаў, на два гады, на 19 гадоў (так званы круг луны). Тэкст складаецца з трох табліц і тлумачэнняў да іх. Нягледзячы на тое, што сам зборнік быў створаны ў 60-я гады XVI ст., луннік з'яўляецца копіяй больш старажытнага тэкста, аб чым сведчыць дата ў тэксце твора – 1466 г. Артыкул "Луна же прояви бог изральтяном…" [1, арк. 83 адв – 89 адв.] з'яўляецца луннікам астралагічна-прагнастычнага характару. Тэкст уяўляе сабой разнастайныя парады і прадказанні, якія робяцца на кожны з 30 каляндарных дзён луны.

Паводле зместу, гэтыя артыкулы прызначаліся для шырокага кола насельніцтва, бо даюць рэкамендацыі актуальныя як для селяніна, так і для шляхціча. А. Сабалеўскі далучае гэтыя астралагічныя творы да ліку літаратуры ерасі жыдоўствуючых [8, с. 424].

Астранамічныя і астралагічныя творы, якія разглядаліся вышэй, сведчаць аб пашырэнні сярод насельніцтва ВКЛ ў XV–XVII стст. пталемееўскай геацэнтрычнай касмалагічнай мадэлі, якая распаўсюджваецца пад уплывам заходнееўрапейскай, яўрэйскай і візантыйскай літаратуры.

1. Аристотелевы врата, или Тайная тайных (рукопись белорусского письма) / Национальная библиотека Беларуси. – 096/276К. – 89 л.
2. Барановский, А. Маймонид. Учитель и целитель / А. Барановский. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2011. – 336 с.
3. Беспамятных, Н. Д. Математическое образование в Белоруссии. Исторический очерк / Н. Д. Беспамятных. – Мінск : Вышэйшая школа, 1975. – 286 с.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 694. Воп. 1. Спр. 455.
5. НГАБ. – Ф. 694. Воп. 7. Спр. 4.

6. Соболевский, А. И. Переводная литература Московской Руси / А. И. Соболевский. – СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1903. – 460 с.
7. Станкевич, Л. И. Рукописный сборник гадательно-астрологического содержания XVI в. (“Аристотелевы врата, или Тайная Тайных”) из фонда Национальной библиотеки Беларуси / Л. И. Станкевич // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі. – 2007. – Вып. 9. – С. 94–127.
8. Historia astronomii w Polsce. T.1. / J. Dobrzycki, M. Markowski, T. Przypkowski; red. E. Rybka. – Wrocław, Warszawa, Krakow, Gdansk: wydawnictwo Polskiej Akademii nauk, 1975. – 330 s.

Солодкин Я.Г.

К ИСТОРИИ ТЕКСТА СИНОДИКА «ЕРМАКОВЫМ КАЗАКАМ» (РЕДАКЦИИ 1620-х–1630-х гг.)*

Самым ранним из дошедших до нас памятников русской книжной культуры Сибири обычно считается синодик «ермаковым казакам» (далее – С) в редакции, обнаруженной и трижды опубликованной Е.К. Ромодановской [2, с. 53; 6, с. 359; 7, с. 533; 11, с. 20; 15, с. 15; 16, с. 4, 25, 54; 19, с. 84, 93; 20, с. 18; 24, с. 138, 141, 156; 25, с. 27, 37, 39, и др.]. Эта редакция, сохранившаяся в одной рукописи общего Чина православия, «отражает, по всей видимости, процесс <…> работы над окончательным вариантом службы» [12, с. 31].

Согласно найденной Е.К. Ромодановской редакции «помянника» атаманов и казаков (далее – С1), их «первой бой» с «агарянами» и татарами произошел «на брегу [Иртыша. – Я.С.] под Чювашею» 26 октября 1580 г., и тогда были убиты Окол, Иван Карчига, Богдан Брязга «с их дружиною». Следом, однако, читаем, что той же зимой, 5 декабря, эти ермаковцы погибли под Абалаком, направляясь «к рыбной ловле», когда «внезапу приидоша на них нечестивыя воинством». Накануне же сказано, что они в бою у Абалака 5 декабря убили Сергея, Ивана, Андрея и Тимофея «с их дружиною» [13, с. 380]. Поскольку в основу С, о чем известно благодаря Есиповской летописи (далее – ЕЛ), легло «написание» (далее – Н), составленное ветеранами «Сибирского взятия» по просьбе тобольского «первопрестолъника» Киприана (вероятно, в 1621/22 г.), то допущенное в С1 противоречие о времени и месте гибели Окола, Ивана Карчиги, Богдана Брязги и их «товарства» свидетельствует о том, что сподвижники Ермака, к которым обратился архиепископ, являвшийся выходцем из Старой Руссы, запамятовали, где и когда пали их соратники [6, с. 356; 16, с. 57, 191; 17, с. 18], видимо, никому из «дружины» есаула или пятидесятника Брязги не посчастливилось дожить до возникновения Софийского дома в «далечайшей государевой вотчине» [19, с. 85, и др.].

Но дублирование ряда названных имен в С, содержащем «схематический очерк главных моментов похода» за «Камень» [1, с. 20], можно объяснить и иначе.

Два сообщения о погибших у Абалака ермаковцах, быть может, попали в С1 из Н, где они тоже оказались не вполне согласованы друг с другом. Про Окола, Ивана Карчигу и Богдана Брязгу «с их дружиною» сказано, что они подверглись внезапному нападению в то время, когда шли рыбачить, о чем относительно Сергея, Ивана, Андрея и Тимофея умалчивается. Последние, не исключено, как думалось Р.Г. Скрынникову, были убиты в бою с отрядом ханского племянника султана Маметкула, которому Ермак сумел быстро отомстить за гибель своих соратников у Абалацкого озера. Е.И. Дергачева-Скоп, вначале считавшая Н краткой «скаской» о походе «православных воев» в «Кучумово царство» с перечнем павших тогда атаманов и казаков, затем приняла его за «обычные поминальные записи, подаваемые оставшимися в живых, с указанием места боя и имен погибших; <…> на Абалакский бой было подано две записки и дьяк, не разобравшись, вписал обе» [3, с. 88; 10, с. 48–49]. Последняя оценка вызвала сомнения у Е.К. Ромодановской, ибо в аналогичных случаях речь шла о синодике или «помяннике», а употребленный в ЕЛ термин «написание» Е.И. Дергачевой-Скоп «никак не объяснен» [6, с. 369; ср.: 22, с. 385]. Ее точке зрения противоречит и свидетельство Саввы Есипова о том, что «казаки <…> принесоша к нему [архиепископу. – Я.С.] написание», сообщающее, между прочим, о том, «како [Ермак с «товарыщи». – Я.С.] приидоша в Сибирь» [13, с. 70]. Дублирование записей в С1 не подтверждает вывод о сильном сокращении Н при создании «помянника» [21, с. 117] и не говорит о том, что из сотен имен своих «товарищей», которые сумели вспомнить ветераны прославленной экспедиции, «архиепископль» дьяк (им, кстати, являлся брат Киприа-

* Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

на Иван Максимов [8, с. 330]) механически выбрал тридцать семь [5, с. 137]. Как полагал В.Г. Мирзоев, эта «скаска» была выдержана в манере землепроходцев [9, с. 109, 116]. Но те в первую очередь обращали внимание на описание новых «улусов» и численность их жителей, которых затем следовало обложить ясаком.

Любопытно, что в одном кратком «помяннике» (далее – С2), скопированном по заказу Г.Ф. Миллера, в отличие от С1 не говорится о «подчювашской брани», а Окул, Иван Карчига, Богдан Брязга, Сергей, Иван, Андрей и Тимофей названы павшими на Абалацком озере; о Брязге (Брюзге) про это сообщается и в Погодинском летописце (далее – ПЛ) [12, с. 16; 13, с. 78, 132]. В С2 перечислены и сподвижники «ратоборного» атамана, которые «ходиша и городки имаша», но какие, не поясняется, и вначале назван Ермак, причем о месте его гибели наряду с семью соратниками умалчивается. В С1, кстати, в данной связи говорится про шесть казаков. Все это ставит под сомнение заключение, будто С2, где нет хронологических определений, вторичен сравнительно с С1 [16, с. 65]. Возможно, в Н Окол (Окул), Иван Карчига, Богдан Брязга, Сергей, Иван, Андрей и Тимофей значились павшими у Абалака – и отправившимися рыбачить, и сражавшимися с «воями» Маметкула. Не располагавший сведениями о погибших в решающем сражении на подступах к Кашлыку (Искеру), составитель С1, быть может, сделал трех первых из указанных ермаковцев участниками этого сражения, которое, по сведениям С.У. Ремезова, унесло жизни ста семи русских [18, с. 353, 444]. Эта цифра скорее всего фантастична, как и большинство других, приводимых «изографом» петровской эпохи [ср.: 16, с. 202], но едва ли из боя «под Чювашею у засеки» казачья «дружина» вышла без потерь. По словам Есипова (впрочем, в очередной раз прибегавшего к Хронографу Русскому), там «бысть сеча зла, за руки емлюще сечахуся» [6, с. 365–366; 13, с. 53–54, ср. с. 131]. В Строгановской летописи прямо сообщается о том, что в «брани велией» «под Чювашею» пало немало русских [18, с. 23, 24, 69; ср.: 13, с. 122]. Как утверждается в С1, там они дали «первой бой» «кучюмлянам», что опровергается ЕЛ и ПЛ [13, с. 52, 130]. Этот бой в С1 приурочен к 26 октября; в «помяннике» же, который Есипов «написах к своему исправлению» (едва ли, стало быть, его отредактировав, как находит Е.К. Ромодановская [14, с. 49, примеч. 5; 16, с. 361, и др.], тем более версии гибели Ермака в С1, С3, да и ЕЛ заметно различаются) – своеобразном приложении к летописи «Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде», сражение, решившее участь ханской столицы, отнесено к 23 октября, как и в ЕЛ, где, по наблюдению Р.Г. Скрынникова, однако, не сказано, где «единомысленная дружина» провела последующие две ночи. Уже расхождение в датировке сражения близ Кашлыка в С1 и ЕЛ заставляет отказаться от представления, будто автор владычной летописи «неуклонно следовал» «помяннику» [4, с. 75]. Имеющееся в С1 указание (его достоверность обычно не оспаривается) на время боя «под Чювашею» Р.Г. Скрынников приписывает ветеранам знаменитой экспедиции, которые запомнили и то, что в тот же день вступили в «град Сибирь» [20, с. 153, 216, 217]. Однако в С1, где, как и в последующих редакциях «помянника», перечислены «убиенные» «противными», нет упоминания о занятии ермаковцами Искера. Обе датировки боя, исход которого предопределил падение Кашлыка, имеют символический смысл (они приходятся на дни памяти апостола Иакова и святого Димития Солунского) [23, с. 212, и др.] и, вероятно, принадлежат создателям С1 и С3. Возможно, первый из них (что повторил Есипов), опять-таки намеренно, отнес и события у Абалака к 5 декабря, т. е. кануну праздника в честь Николая Мирликийского (Николы Чудотворца).

Наличие трех редакций С, между прочим, не позволяет присоединиться к заключению, что это сочинение не получило «какого-либо распространения» [6, с. 356].

Итак, из трех ранний редакций «помянника», ставшего начальным звеном сибирской летописной традиции, С1 и, возможно, С2 непосредственно восходят к Н, а С3, созданный, думается, без участия Есипова, обнаруживает зависимость от С1, хотя порой от него явно отличается.

1. Бахрушин, С. В. Научные труды / С. В. Бахрушин. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 3. – Ч. 1. – 376 с.

2. Дворецкая, Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.) / Н. А. Дворецкая. – Новосибирск : Сибирское отделение изд-ва «Наука», 1984. – 136 с.

3. Дергачева-Скоп, Е. И. Генеалогия сибирского летописания : концепция, материалы / Е. И. Дергачева-Скоп. – Новосибирск : РИО ГПНТБ СО РАН, 2000. – 90 с.

4. Евсеев, В. Н. Специфика изображения казачьей дружины в Есиповской летописи / В. Н. Евсеев // Казачество Сибири от Ермака до наших дней : история, язык, культура : мат-лы Всерос. научно-практ. конф. – Тюмень : Экспресс, 2010. – С. 65–75.

5. Копылов, Д. И. Ермак / Д. И. Копылов. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1989. – 239 с.

6. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / изд. подг. Е. К. Ромодановская и О. Д. Журавель. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. – 439 с. – (История Сибири: Первоисточники. Вып. 10).

7. Матвеев, А. В поисках Ермаковой перекопи / А. Матвеев // Тобольск и вся Сибирь : альманах. – Тобольск : Обществ. благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2012. – № 18 : 425 лет Тобольску. – С. 526–545.
8. Миллер, Г. Ф. История Сибири / Г. Ф. Миллер. – 2-е изд., доп.. – М. : Изд. фирма «Восточная литература», 2000. – Т. 2. – 796 с.
9. Мирзоев, В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века / В. Г. Мирзоев. – М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – 187 с.
10. Очерки русской литературы Сибири : в 2-х т. – Новосибирск : Сибирское отделение изд-ва «Наука», 1982. – Т. 1. – 606 с.
11. Покровский, Н. Н. Археографическое изучение памятников древней письменности и печати в Сибири в 1965–1983 гг. / Н. Н. Покровский // Археографический ежегодник за 1984 год. – М. : Наука, 1986. – С. 13-25.
12. Покровский, Н. Н. Предисловие / Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – М. : Наука, 1987. – Т. 36. – С. 3–31.
13. ПСРЛ. – М. : Наука, 1987. – Т. 36. – 382 с.
14. Ромодановская, Е. Тобольские летописцы / Е. Ромодановская // Родина. – 2004. – Спец. вып. : Тобольск – живая былина. – С. 45–49.
15. Ромодановская, Е. К. Проблемы изучения сибирского летописания / Е. К. Ромодановская // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем : тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. – Новосибирск : б. и., 1982. – Вып. 1. – С. 14–16.
16. Ромодановская, Е. К. Сибирь и литература: XVII век / Е. К. Ромодановская. – Новосибирск : Сибирское отделение изд-ва «Наука», 2001. – 391 с.
17. Ромодановская, Е. К. Синодик ермаковым казакам (предварительное сообщение) / Е. К. Ромодановская // Изв. Сибир. отделения АН СССР. – Сер. обществ. наук. – 1970. – № 11. – Вып. 3. – С. 14–21.
18. Сибирские летописи : Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань : Александрия, 2008. – 10 ;XXXI ; 1 ; 645 с.
19. Скрынников, Р. Г. Ранние сибирские летописи / Р. Г. Скрынников // История СССР. – 1979. – № 4. – С. 82–99.
20. Скрынников, Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака / Р. Г. Скрынников. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск : Сибирское отделение изд-ва «Наука», 1986. – 318 с.
21. Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – 182 с.
22. Солодкин, Я. Г. Еще раз о том, как создавался синодик «ермаковым казакам» / Я. Г. Солодкин // II Ремезовские чтения: Провинция в русской культуре. – Новосибирск : РИО ГПНТБ СО РАН, 2008. – С. 381–387.
23. Солодкин, Я. Г. «Зауральская эпопея» Ермака: несколько спорных вопросов / Я. Г. Солодкин // Северный регион : наука, образование, культура. – 2012. – № 1-2. – С. 211–217.
24. Шашков, А. Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания / А. Т. Шашков // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1996. – С. 116–161.
25. Яковлева, А. М. Схемы сибирского летописания первой половины XVII в. в отечественной историографии 1920-90-х гг. / А. М. Яковлева // Проблемы истории Сибири XVI – XX веков. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. пед. ин-та, 2005. – Вып. 1. – С. 25–44.

Кобринец В.А.

РУССКИЕ МОНЕТЫ В ОПЕРАЦИЯХ КРЕДИТА НА РЫНКАХ МОГИЛЕВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

В XVII в. белорусские земли входили в состав Великого княжества Литовского, которое было объединено с Польским королевством в федерацию – Речь Посполитую. В их денежном обращении участвовали монеты разных стран Европы, в том числе и России. В первой половине XVII в. основным монетным номиналом последней была высокопробная серебряная «проволочная» копейка. Ее фракции в 1/2 (денга) и 1/4 (полушка) были малочисленны и среди находок на территории Беларуси представлены незначительно. В первой половине XVII в. одним из источников поступления копеек на рынки белорусских земель являлись торговые контакты с Русским царством. Еще сконца XVI в. главную роль в них отыгрывали могилевские купцы.

Целью данной публикации является рассмотреть место русских монет в долговых операциях на рынках Могилева в первой половине XVII в. Задачи работы: 1) ввод в научный оборот новых, ранее не использовавшихся письменных источников; 2) систематизация доступных данных актовых книг Могилевского магистрата о «деньгах Московских»; 3) анализ роли монет Русского царства в кредите на рынках восточной Беларуси.

В работах как по нумизматике Беларуси, так по ее экономической истории продолжает оставаться недостаточно разработанной тема применения русских монет в кредитных операциях на рынках белорусских земель первой половины XVII в. Во многом сложившееся положение обусловлено предметом исследования. Среди вещественных памятников денежного обращения и в письменных свидетельствах о них в первой половине XVII в. русские монеты были представлены более чем скромно [60, с. 123; 7, с. 184–185, 198–199]. В работах по экономической истории Беларуси применение денег Русского царства в долговых отношенияхна белорусских рынках незначительно принималось к рассмотрению. В наиболее обстоятельной работе по экономической жизни Могилева, одного из крупных городских центров Великого княжества Литовского XVI – середины XVII в., участие русских монет в кредите было проиллюстрировано в

единственном эпизоде о взятии на реализацию товара Данилой Дубковичем и Федором Давидовичем [4, с. 138–139].

Основным источником предлагаемой публикации послужили Актовые книги Могилевского магистрата, хранящиеся в Национальном историческом архиве Беларуси. В результате их исследования было выявлено 56 новых актов, в которых упоминаются русские денежные знаки. Дополнительным источником явились «Историко-юридические материалы» [3]. Они сохранили материалы многих магистратских книг, рукописные оригиналы которых были утрачены.

Документы Могилевского магистрата первой половины XVII в. отразили как традиционное восприятие местным населением продукции денежных дворов России, так и ряд новых явлений. Так, для собирательного именования русских монет в XVI в. служило единственное известное название – «деньги Московские». В исследуемое же время одновременно применялось несколько таких определений – «деньги», «деньги Московские», «копейки», «копейки Московские» и «гроши Московские».

В Актовых книгах приводятся все составляющие элементы московской денежной системы – алтын, гривна, полтина, рубль. Эти русские денежные знаки не были представлены монетами, а несли в себе исключительно счетное понятие. Так, алтын был равен 3 копейкам или 6 деньгам, гривна – 10 копейкам, полтина – 50 копейкам и рубль – 100 копейкам. Кроме того, в этих сборниках актов известны примеры упоминания монетных номиналов Русского царства. Так, 24 октября 1620 г. впервые на территории Беларуси называется самый крупный из них – «копейка». Могилевский райца Ярош Казан обвинил мещанина Ивана Калачника в том, что тот ограбил его «комору, въ рынку меском стоячую». Среди украденного имущества было копеек на 4 злотых [3, с. 360; 7, с. 185]. Позднее эти монеты неоднократно фигурируют в ряде иных документов [2, с. 136; 5, д. 13, л. 37–37 об., 903 об. 907; 7, с. 198].

На рынках Речи Посполитой русские копейки имели хорошую репутацию. Организованная по решению Варшавского сейма 1616 г. специальная комиссия наложила запрет на обращение мелкой чужеземной монеты. Исключение было сделано для «старых грошей чешских, шеленгов венгерских и старых денег московских (копеек – В.К.)» [8, s. 175; 6, с. 116; 7, с. 184]. Письменные источники также подтверждают, что на рынках Могилева, как и в целом на территории Речи Посполитой, более тяжеловесные русские монеты XVI – начала XVII в. пользовались большей популярностью, чем меньшие по весу современные русские монеты царя Михаила Федоровича Романова (1613–1645). Так, в 1628 г. для приезда в Могилев вяземского купца Никифора Балакина одним из доводов могилевского торговца Михаила Григорьевича было обещание рассчитаться «копейками старыми» [5, д. 10, л. 996–998]. В 1643 г. в составе имущества покойной жены мещанина Максима Парфеновича названы 150 «копеек старых» [5, д. 14, л. 185 об.].

Дальнейшее развитие получает признание русских монет полноправными составляющими рынков. Еще в последней четверти XVI в. завершается их инкорпорация на землях Великого княжества Литовского. Эти денежные знаки назывались «готовыми грошами» (т.е. наличными деньгами), считались на копы* и имели обменный курс или котировку. В первой половине XVII в. к старым признакам добавился новый элемент – счет на злотые* [1, с. 371, 415; 2, с. 136; 3, с. 360; 7, с. 198–199]. В течение первой половины XVII в. обменный курс копейки не был постоянным. Известны несколько его показателей – не более 0,92 литовского гроша (1602 г.), 1 польский грош или 0,8 литовского гроша (1604–1618 гг.), 1,5 польских гроша (1622 г.), 1,833–1,875 польского гроша (1635 г.), 2 польских гроша (1638 г.), 1,8 польского гроша (1641 г.), 1,44 литовского гроша (1645 г.).

Широко распространенным явлением на рынках Могилева был кредит. Его условия и формы были самыми разнообразными – прием или передача на хранение, беспроцентные ссуды, ростовщичество, залог и др. В части из них отмечено использование русских денежных знаков. Одной из форм устного беспроцентного доверительного кредита на рынках Могилева, в котором участвовали русские монеты, была передача на хранение – «до повераных рукъ до сховання». Так, 18 марта 1619 г. Наум Цадкович сообщилв суде, что он дал Иву Радковичу150 рублей «денегъ» [5, д. 8, л. 454]. Менее значительную сумму в 7,5 коп копейками между 1618 г. и 1628 г. буйницкий державца Федор Иванович Тарасенка получил от могилевского земянина Болтромея Манковского [5, д. 10, л. 38].

---

* Копа – счетная денежная единица, равная 60 литовским грошам.

* Злотый – счетная денежная единица, равная 30 польским грошам.

Позднее в аналогичных операциях фиксируется и иные количества продукции денежных дворов России – 14 и 15 рублей [5, д. 14, л. 723; д. 16, л. 439 об.]. К примеру, будучи в Вязьме в 1643 г., мещанин Логвин Омельянович передал другому мещанину Виктору Уласовичу «до верныхъ рукъ и схованя» некоторую сумму в талерах, фунт тройных грошей и 14 рублей «копеекъ московъских». Соблазнившийся крупной суммой, получатель сообщил кредитору о краже этих денег и присвоил их себе. Однако судебное расследование обнаружило, что многие из якобы похищенных средств оказались у Виктора в принадлежавшем пострадавшему мешке [5, д. 14, л. 723].

Устно заключались кредитные сделки на получение доверительной ссуды – «позыки» (долга). Так, 9 сентября 1602 г. мещанин Корней Лахтивонович за себя лично и своих наследников обязуется в течение двух лет вернуть смоленцу Миките Пешонкину долг «деветь рублей московских» частями по 4 и 5 рублей [5, л. 56 об. – 57]. В другом случае в 1619 г. мещанин Константин Сидорович не желал возвращать родным покойного Тишки Семеновича, взятые взаймы в Москве у их умершего родственника 31,5 рубля. Согласно показаниям ответчика, Тишка дал эти деньги не ему, а москвичу Третьяку Григорьевичу [5, д. 8, л. 664 об. – 665]. По «тестаменту» (завещанию. – В.К.) от 17 мая 1603 г. другой мещанин Павел должен был отдать «москвитину» Борису Коренину 97 рублей «денег московских», взятых его дядей Захарией Андреевичем Соболем и отцом Халеем [5, л. 311 об.]. В Актовых книгах фиксируются и совсем незначительные суммы долга в русских монетах – «двадцат копеек» и «алтынов пят» [5, д. 10, л. 829 об.; д. 11, л. 297 об. – 298].

В руках могилевских купцов могли находиться очень значительные средства в русских монетах. Так, самая крупная сумма займа фигурирует в документе от 17 июня 1628 г. 1 200 рублей и 37,5 копеек («рублей московских тисеча двесте денег алтын дванадцат и пол») на нужды бурмистра Федора Филипповича получил мещанин Игнат Герасимович от другого мещанина Стефана Федоровича. В Вязьме Игнат купил товара на еще большую сумму – 1 203 рубля и 85 копеек [5, д. 10, л. 541 об.].

Свои обязательства по заимствованным средствамгилевские купцы подтверждали письменно такими документами, как «кабалы» или «церокграфы».Так, в1602 г. Максим Иванович и Корней Лахтионович составили в Смоленске кабальную запись на 17 рублей «денег», которая покрывала разницу между наличными средствами и купленными ими соболями и «юхтами» [5, л. 7–7 об.]. Кроме того, известны аналогичные долговые документы от 35 до 1 000 рублей «московских денег» [5, д. 7, л. 184 об. – 185; д. 10, л. 1015–1015 об.; д. 14, л. 559–560; д. 16, л. 688 об. – 689; д. 17, л. 832; д. 18, л. 141 об., 160–160 об., 181, 336, 460–460 об., 514 об. – 515, 583, 662, 674 об., 732, 804 об., 838 об., 851 об. – 852].

Согласно «Протестацыи» от 20 октября 1645 г., райца Микита Дашкович и мещанин Яков Мартинович свои долги московским купцам подкрепили двумя «церографами» – на 262 рубля и на 100 рублей [5, д. 16, л. 711–711 об.].

Гарантами возврата долга выступали как русские, так и могилевские купцы. Как сообщает «Квитацыя» от 13 ноября 1628 г., мещанин Федор Тимофеевич поручился перед жителем Вязьмы Тимофеем Сидоровым сыном за заем другого мещанина Давида Григорьевича [5, д. 10, л. 1015–1015 об.]. В 1644 г. для Овхима Хомутовского и Романа Ребровичав такой роли выступил уже «москвитин» Данила Панкратович [5, д. 16, л. 688 об. – 689].

На рынках Могилева русские монеты были привлекательны как предмет заклада – «заставы». Их суммы были небольшими. Так, 27 января 1642 г. в магистрате при составлении описи имущества Адама Дзивлевского присутствовала Степанида, жена могилевского портного Ладюка. С ее слов было записано, что в обеспечение суммы в 170 грошей Адам передал 150 копеек еврею Афрашу [5, д. 13, л. 37–37 об.]. Из записей того же года известна сумма залога в «капеекъ дванадцат», которые мещанин Ждан Бранка дал одному из своих сыновей [5, д. 13, л. 905 об. – 906]. Позднее в 1648 г. два шнура из 270 свернутых «копеекъ московъских» Семен Иванович Тубошинский заложил Михаилу Григорьевичу Белокурцеву за 9 злотых [5, д. 18, л. 298–298 об.].

Подводя итоги исследования участия русской «проволочной» копейки в экономической жизни Могилева в первой половине XVII в., следует сказать, что среди письменных свидетельств, называющих русские деньги, наиболее распространенной причиной упоминания русских монет был кредит. Известно несколько его форм – прием на хранение («до верных рук до схованя»), долг («позыка»), кабальная запись («кабала» и «церокграф») и залог («застава»). Главными фигурантами долговых обязательств были преимущественно купцы. Они оформляли

свои сделки чаще всего устно и реже письменно. Одалживаемые денежные средства были как небольшими (не более рубля), так и очень значительными (более 1000 рублей). Займы в русских монетах брались как в самом Могилеве, так и за границей, например – в Москве, Вязьме, Ярославле.

1. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею (АВАК) : в 39 т. / сост. Я. Ф. Головацкий [и др.]. – Вильно : Типография губернского правления, 1872. – Т. 6. – 593 с.
2. АВАК : в 39 т. / сост. Ю. Ф. Крачковский [и др.]. – Вильно : Типография «Русский почин», 1901. – Т. 28. – 439 с.
3. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске / под ред. А. М. Созонова. – Витебск : Тип. Витебского Губ. Правления, 1877. – Вып. 8. – 530 с.
4. Мелешко, В. И. Могилев в XVI – середине XVII в. / В. И. Мелешко. – Минск : Наука и техника, 1988. – 264 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 6.
6. Рябцевич, В. Н. О чём рассказывают монеты / В. Н. Рябцевич. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Минск : Народная асвета, 1978. – 399 с.
7. Рябцевич, В. Н. Нумизматика Беларуси / В. Н. Рябцевич. – Минск : Полымя, 1995. – 686 с.
8. Szelągowski, A. Pieniądz i przewrót cen w XVI i XVII wieku w Polsce / A. Szelągowski. – Lwów: Nakładem towarzystwa wydawniczego, 1902. – 317 s.

Булатый П.Ю.

МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ОБ ИСТОРИИ ГОРОДА ЛЯХОВИЧИ В XVI–XVIII ВЕКАХ

Мемуаристика играет особую роль в изучении региональной истории и истории отдельных населённых пунктов ВКЛ в период Нового времени. Она дает информацию о жизни, быте, культурном наследии, исторических событиях и личностях. Рассмотрим мемуарные источники, которые касаются истории белорусского города Ляховичи в период с XVI по XVIII вв.

Современные Ляховичи – небольшой город на северо-востоке Брестской области. Впервые в письменных источниках упоминается в XV в., когда великий князь литовский Казимир разрешил неизвестному пану (вероятнее всего Альбрехту Мартину Гаштольду) проводить в Ляховичах ярмарку и содержать корчмы. Как видно из привилея, уже на тот момент Ляховичи являлись не только аграрно-торговым поселением – местечком, но и административно-хозяйственным центром крупной феодальной вотчины [1, с. 29].

Сведения о городе периода с XVI по XVIII вв. содержатся в следующих произведениях мемуарной литературы: «Гістарычные запіскі» Фёдора Евлашовского, «Мемуары» Яна-Хризостома Пасека и «Воспоминания о Свислочи Тышкевичевой, Деречине и Ружанах» графа Леона Потоцкого.

Фёдор Евлашовский родился в 1546 г. и проживал недалеко от местечка Ляховичи. Он, получив неблестящее образование, несмотря на довольно скромное имущественное положение, пользовался почетом и уважением современников. Записки Евлашовского носят исключительно автобиографический и местный характер, вследствие этого они изобилуют бытовыми подробностями. Евлашовский писал свои записки в конце жизни (1603–1604 гг.), но при этом он, несомненно, пользовался краткими заметками, которые составлял в течение всей жизни, так как время упоминаемых им событий он всегда определяет весьма точно, обозначая не только год, но также месяц и число, когда они случились. В письменной культуре Беларуси «Гістарычныя запіскі» Евлашовского занимают выдающиеся место, как один из первых значительных памятников мемуарного жанра литературы эпохи позднего Ренессанса [2].

Из мемуаров Евлашовского можно подчеркнуть некоторые сведения о его родном местечке Ляховичи. Так, из его записей известно, что в 1546 г. в Ляховичах действовала православная церковь, т.к. будущий мемуарист родился в семье православного священника Михаила Леоновича «месяца февраля семого дня в неделю ночи пришлое около полночи…» [3, с. 90]. Следующие упоминания в мемуарах о Ляховичах относятся к 1565 г., когда имением Ляховичи владел В.С. Заболоцкий, «зацного дому человек з Москвы» [3, с. 93]. Упоминается и передача имения Ляховичи Яну Иерониму Ходкевичу в 1572 г. В своих воспоминаниях Ф. Евлашовский указал день смерти матери – 2 марта 1572 г., которая была «похована в Ляховичех в церкви руской» [3, с. 95]. Вниманию мемуариста был удостоен факт смерти в Ляховичах в 1575 г. сына неизвестного виленчука пана Яроша 15-ти лет, который «в той молодости своей был мудрости и розторопности великой» [3, с. 97].

К сожалению мемуарист не оставил подробного описания Ляхович, но он рассказал «про великую паводку» 1576 г. и историю с мельником. Вода могла повредить новую мельницу в Ляховичах и люди сбивали вокруг неё лёд. Мельник Януш стоял на крайней балке отбивал «пешняй» льдины. За ним, с моста, отбивали лёд двое слуг. Как-то случайно они упустили бревно, и оно ударило Януша в затылок. От сильного удара тот упал в воду, однако он был очень сильным и крепким человеком и нежданно для окружающих выплыл и остался живым. Евлашовский также вспоминает ляховичского писаря Фёдора Зенкевича, старосту ляховичского, пана Симона Шлятковского (1583 г.), пана Андрея Ждановича-Даревского и других представителей местной знати.

Внимания заслуживают очень живо написанные мемуары шляхтича из окрестностей Равы, воспитанника иезуитской школы Яна-Хризостома Пасека (1636–1701). В 1655 г. мемуарист поступил на службу в войска Речи Посполитой, где пребывал до 1666 г. В 1655–1660 гг. служил под началом Стефана Чарнецкого, принимал участие в битве под Полонкой (28 июня 1660 г.), в которой московское войско потерпело поражение, в результате чего была снята осада Ляховичского замка (длилась с марта по июнь 1660 г.) [4]. Мемуарист зафиксировал торжественный вход в Ляховичскую фортецию войск С. Чарнецкого: «У дзень Найсвяцейшай Панны ўязджае Чарнецкі ў Ляхавічы. Насустрач яму хрэсным ходам выйшлі законнікі, шляхта, шляхцянкі і хто толькі быў у гэтай аблозе. “Вітаем! – крычаць яны, – сардэчна запрашаем, непераможны правадыр, калі ласка, ад Бога пасланы нам абаронца!” З гармат лупілі моцна. А пасля цудоўнае набажэнства, казанні, віншаванні, хвала Богу, і паўсюль поўна радасці, перамешанай з плачам, бо ў тую фартэцыю пасабіраліся ўсе магнаты з Княства Літоўскага» [цит. по: 5, с. 3]. Данное упоминание является ярким свидетельством того, насколько тяжело пришлось жителям города во время длительной осады замка, и насколько велика была радость от долгожданного освобождения.

О жизни города Ляховичи во второй половине XVIII в. и о его владельце – князе Масальском, можно узнать из мемуаров графа Леона Потоцкого (1799–1864 гг.), писателя, мемуариста и литератора. Леон Потоцкий занимался литературным творчеством. Наиболее известен его 3-томный труд «Мемуары пана Камертона», изданный после смерти, где описываются исторические места и памятники, предания, песни, обычаи литовского народа на территории Курляндии и Жемайтии. Также «Мемуары…» содержат описания и сведения о состоянии крупных магнатских резиденций в 1820–1840-х гг., в том числе Свислочь (Тышкевичи), Деречин и Ружаны (Сапеги), Несвиж (Радзивиллы), Ляховичи времен гетмана М. Масальского и Зельва. Потоцкий писал не только о встрече с владельцами резиденций, но и предоставлял различные исторические сведения, анекдоты про владельцев, освещали историю древних родов [6].

Так, мемуарист отмечает крайнюю жадность и скупость князя М. Масальского, его безмерную любовь к деньгам. В произведении графа можно встретить описание двора князя, о котором говорится следующее: «асистенция гетманская, состоящая из нескольких товарищей и нескольких рядовых плохо оплачиваемых и кормленных очень плохо; стены его ляховичского замка были голые, мебель чрезвычайно скромная» [7, с. 157]. Однако, как отмечает Потоцкий, «был князь учтивым и честным человеком, жил с соседями в неизвестном господам того века согласии и мире. Никого не обижал, охотно, чаще всего сам был обиженным в землях, лесах и покосах» [7, с. 159]. Из мемуаров известно, что князя Масальского в Ляховичах неоднократно посещал несвижский магнат Кароль Радзивилл «Пане Коханку».

Таким образом, из рассмотренных примеров видно, что мемуарные источники содержат сведения о жизни города Ляховичи, о его владельцах и жителях, об исторических событиях, которые коснулись города.

1. Спірыдонаў, М. З сівой даўніны / М. Спірыдонаў // Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Ляхавіцкага раёна – Мінск : БелСЭ, 1989. – С. 29.

2. Саверчанка, І. Фёдар Еўлашоўскі / І. Саверчанка // Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII стст.) – Мінск : Кнігазбор, 2010. – С. 334–339.

3. Свяжынскі, У. М. «Гістарычныя запіскі» Фёдара Еўлашоўскага / У. М. Свяжынскі – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 123 с.

4. Польская литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le9/le9-0711.htm – Дата доступа: 17.02.2015.

5. Чарановіч, С. Ляхавіцкі касцёл Узвышэння Св. Крыжа / С. Чарановіч // Ляхавіцкі веснік. – 2003. – 14 мая. – С. 3.

6. Obraz literatury polskiej. Literatura krajowa w okresie romantyzmu 1831–1863. – T. 2. Praca zbiorowa. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1988. – 919 s.

7. Потоцкий, Л. Воспоминания о Свислочи Тышкевичевой, Деречине и Ружанах / Л. Потоцкий (Бонавентура из Кочанова) // Kwartalnik Litewski. – 1910. – № 5. – С. 145–160.

Таранеўскі В.У.

«МАЁЙ ФАРТУНЫ КАРОТКІ ШЛЯХ ТАКІ…» (ПА СТАРОНКАХ «ДЫЯРЫУША» П.К. АБУХОВІЧА)

«Дыярыуш» Піліпа Казіміра Абуховіча ў нашай мемуарыстыцы па структуры, манеры падачы матэрыялу блізкі да «Успамінаў» Фёдара Еўлашоўскага. У апошняга хіба што мацней гучыць суб'ектыўнае аўтарскае «я», ён больш візуальны за Абуховіча, больш канкрэтны і бачны. Першы быў «каралевятам», блізкім да двароў Жыгімонта II, Уладзіслава IV і Яна Казіміра Вазаў. Ф. Еўлашоўскі – шляхціц павятовага маштаба. Таму гісторыя, пададзеная гэтымі людзьмі, у аднаго суадносіцца з найважнейшымі дзяржаўнымі справамі Рэчы Паспалітай, у другога – з мясцовымі.

Тэматычна «Дыярыуш» П.К. Абуховіча прысвечаны войнам сярэдзіны XVII ст. На фоне такіх маштабных гістарычных падзей высвечваюцца ў «Дыярыушы» амбіцыйныя планы каралёў і магнатаў, грамадскае жыццё пададзена як ампліфікацыя шматлікіх сеймаў, сеймікаў і трыбунальскіх судоў, на якіх мемуарыст даволі часта выконваў дэпутацкія абавязкі ад Наваградка. «Дыярыуш» П.К. Абуховіча бачыцца нам сярэднім звяном у мемуарыстыцы XVII ст. – між класічным, або рэгулярным дыярыушам, і мемуарамі. Прыватныя і публічныя падзеі мемуарыст укладваў урыўкава, дыяхронна, але рэтраспектыўна, галоўнай формай выкладання, як і ў Ф. Еўлашоўскага, стаў пагадавы запіс, часта з развітай нарацыяй. «Otia publica» (грамадскія справы) Рэчы Паспалітай пададзены выбарна, па ступені іх важнасці, праз прызму светабачання як самога П.К. Абуховіча – вернага слугі Айчыны, так і каранаваных асоб.

Уласна пра сябе П.К. Абуховіч піша нямнога, як бы неахвотна, адсюль аморфнасць яго постаці, невыразнасць суб’ектыўна-індывідуальнага пачатку. Абуховічаўскае «я”, як правіла, рэдкае, часцей пануюць займеннікі «мы», «нам». «У год 1631. In Februario. Сейм быў вальны шасцітыднёвы ў Варшаве, дзе ніякіх нам, з ласкі Божай, падаткаў не навязана, а панове каронныя прынялі падвойны падымны. І мір, таксама, якога дай, Божа, нам як у Айчыне, так і ад прыгранічных суседаў надоўга» [1, с. 155]. Абуховіч як дзяржаўны муж імкнуўся рэгістраваць і асэнсоўваць самыя важныя для лёсу Рэчы Паспалітай падзеі, прыватныя ж засталіся па-за палямі яго «Дыярыуша». Калі віцебскі ваявода Ян Антоні Храпавіцкі штодзённа занатоўваў стан надвор’я, атрыманне і адсылку карэспандэнцыі, а таксама ад’езды гасцей і пасыльных ад самых розных уплывовых людзей, так і паляванне, колькасць забітых на ім зайцаў ці лісаў, то Абуховіч усё гэта ігнараваў. Ён прамаўчаў пра дамашніх, хаця сёння вядома, што ў яго былі найменш два сыны: Міхаіл Гаўрыла і Фёдар Геранім, і абодва яны, ідучы за прыкладам бацькі, пакінулі пасля сябе «Дыярыушы». Міхал нават два: «Diariusz … Straźnika W. X. Litewskiego, pisany przez czas więźienia w Moskwie od r. 1660»; другі – «Diariusz Wyprawy przeciw Moskwie roku 1664» [2]. Ні словам не абмовіўся П.К. Абуховіч пра жонку, суседзяў і сваякоў і тым самым збедніў фактуру сваёй працы.

Служыў, а на справе – выслужваўся Рэчы Паспалітай і на паперы, хаця, магчыма, меў рацыю А. Сайкоўскі, калі сказаў, што П.К. Абуховіч напісаў «Дыярыуш» з афекту і што з’яўляецца ён [дыярыуш] «мемуарамі-апалогіяй». Апалагічнасць уласціва любому мемуарнаму твору, але ж у адным выпадку мемуарысты апраўдваюцца за ўчынкі прыватнага характару, у другім – абараняюць сваю годнасць перад высокімі форумамі, калі на службе ў дзяржавы з ускладзенымі на іх абавязкамі не спраўляліся. У П.К. Абуховіча прычыны апраўдвацца былі. Казацкія хваляванні ва Украіне і Беларусі, пра якія ён так многа пісаў у «Дыярыушы», зімой 1654 г. закончыліся для Рэчы Паспалітай трагічна: Багдан Хмяльніцкі прыняў маскоўскае падданства, летам гэтага ж года войскі маскоўскага цара Аляксея Міхайлавіча ўвайшлі ў межы Вялікага Княства Літоўскага і восенню, 28 верасня, пасля трохмесячнай асады ўзялі Смаленск. Падзенне ўсходняй крэпасці стала для палякаў найвялікшай ганьбай, за якую трэба было пашукаць вінаватых. І ў хуткім часе дзяржаўны сейм і сатаварышы па зброі, у прыватнасці тагачаны смаленскі харунжы Ян Антоні Храпавіцкі, паспяшаліся ва ўсім абвінаваціць Абуховіча. Гэтаксама паступіў Іван Цыпрыян Камуняка. Менавіта яго словы «Лепей было, пане Филипе, седзець табе у Липе. Увалявся есть в великую славу, як свиня у грась» – назаўсёды ў вачах цэлага свету замацавала за Абуховічам славу здрадніка і нікчэмнага ваеначальніка.

Як і што адбывалася пад мурамі Смаленска ў верасні 1654 г., зараз сказаць складана. Але з гістарычных дакументаў і са сведчанняў самога ваяводы вынікае наступнае: у 1654 г. цар Аляксей Міхайлавіч парушыў «навечна прысягнёны мір» між Масковіяй і Рэччу Паспалітай. І на ўсходніх рубяжах дзяржавы, гэта значыць у Смаленску, запанавала трывога, бо гарадскія муры былі неўмацаваны, наёмная пяхота неаплочана, недаставала харчу. І ўсё гэта, як плачацца Абуховіч у «Дыярыушы», «звалілася на мае паслабленыя сілы невыносным цяжарам, які хіба што міласэрнасць Божая, Яго ўсемагутная рука адолець можа і выратаваць мяне ад ліха і далейшых цяжкасцей…» [3, с. 559]. Рацыянальны ад прыроды і па службовых абавязках, Абуховіч, тым не менш, часта становіцца ў «Дыярыушы» эмацыянальным, пачуццёвым і духоўна акрэсленым. Эмоцыі, змешаныя са слязьмі, вычытваюцца ў пасмяротных пахвалах каранаваным асобам, з іх вынікаюць разважанні над сэнсам жыцця і шчасця, сутнасць якіх уклаў ваявода ў вусны жонкі Уладзіслава IV каралевы Рэнаты Цэцыліі, назваўшы марнымі, склізкімі і падманнымі.

Менавіта Абуховіч адзіны з беларускіх мемуарыстаў XVII ст., што пакінуў у «Дыярыушы» партрэты ў слове сваіх высокіх апекуноў: Жыгімонта III, Уладзіслава IV. Партрэт, як істотны элемент мемуарнага жанру, характэрны найперш для мемуараў гістарычнага характару ці тых, дзе дамінуе аўтабіяграфізм. У творах, падобных да абуховічава, маем выразны след гісторыка-біяграфічнай характарыстыкі знакамітых людзей, як напрыклад, Януша і Багуслава Радзівілаў, гетмана Міхала Казіміра Паца у «Хроніцы» Яна Цадроўскага. Такія характарыстыкі прысутнічаюць і ў Абуховіча. Віленскага ваяводу, гетмана Вялікага княства Літоўскага, «прыяцеля па дому» Льва Сапегу ён назваў «дабра паспалітага вялікім міласнікам», а яго сына, заўчасна памерлага Крыштафа – «дзіцём вялікай надзеі ў Айчыне». Уладзіславу IV прысвяціў ён невялікую хвалебную прамову «ку чці», дзе так уславіў дабрачыннасць караля, што не заўсёды кандыдаты на святы алтар удастойваліся падобных слоў: «Караля Ягамосця святога Пана не толькі пяру майму нікчэмнаму і дасціпнасці дробязнай, але і найлепшых гісторыкаў пісьмам ухваліць цяжка… Такой быў Пан мудрасці, храбрасці, шчасця…, што ні войнамі, а ні пакоем мінулых і будучых вякоў цяжка знайсці, цяжка абяцаць падобнага…» [3, с. 543]. Рытарычна-панегірычны стыль гэтага фрагмента лёгка заўважыць, лёгка зразумець яго вытокі. Моцна прывязаны да каралеўскага двара і яго гаспадароў, Абуховіч верна служыў ім, а ў іх асобах – Рэчы Паспалітай. Не з Божай, а з каралеўскай ласкі даслужыўся ён да найвышэйшай у дзяржаве пасады – Маршалка Кола Рыцарскага.

Мажорны тон адразу ж мяняецца на мінорны, як толькі П.К. Абуховіч пачынае размову пра супрацьлеглыя станы: маскавіцянаў, татараў, украінскіх казакоў і самога Багдана Хмяльніцкага. Будучы прадстаўніком заможнай шляхты, мемуарыст негатыўна ставіўся да казацкіх выступленняў, бо неслі яны з сабою смерць і пакуты і былі накіраваны супраць такіх, як ён сам. Таму наіўна чакаць ад Абуховіча станоўчых эмоцый і хвалебных эпітэтаў там, дзе ён піша пра агонь, які, «запушчаны гультаямі Хмяльніцкага на Літве, так далёка заняўся, што паветы Старадуб, Рэчыцу, Мазыр, Брэст і іншых замкаў на Белай Русі знішчыў дашчэнту. Са шляхты адных загубіў, другіх прымусіў туляцца ў выгнанні па чужых кутах…» [3, с. 544]. Цікава, што Абуховіч адзіны з мемуарыстаў XVII ст. сваю радзіму назваў «Белай Руссю», але выступленні яе насельнікаў на баку казакоў супраць польскага падданства лічыў «халопскай сваволяй», а Б. Хмяльніцкага ахрысціў здрайцам, клятваадступнікам і груба аблаяў, назваўшы яго «лярвай».

Будучы суб’ектыўным у адносінах да сваіх ворагаў, П.К. Абуховіч, аднак, даволі аб’ектыўна і выразна, як гэта можна зрабіць у творы дыярыушавай формы, падаў агульную карціну ваеннага і палітычнага супрацьстаяння Рэчы Паспалітай і Украіны, якое, як ён лічыць, пачалося адразу пасля 20 мая 1648 г., часу смерці Уладзіслава IV, «як толькі астыла каралеўскае цела». Як нам здаецца, гэтымі словамі Абуховіч хацеў падкрэсліць маштаб здрады былых каралеўскіх падданых, іх не хрысціянскую, а паганскую сутнасць. І да самай апошняй старонкі іншай характарыстыкі віноўнікам няшчасцяў Рэчы Паспалітай і сваіх ён не дае, хаця трагічныя для дзяржавы падзеі выпісваюцца старанна, быццам залежным ад якога-небудзь вяльможы ці сенату рэзідэнтам, у абавязкі якога ўваходзіла дасылаць гаспадару дакладную, выверaную інфармацыю з месца падзей. Менавіта такім рэзідэнтам у нас быў аршанскі стараста Філон Кміта-Чарнабыльскі, які ў перыяд з 1563 па 1564 г. даслаў сенатарам Вялікага княства Літоўскага 27 лістоў не па душэўнай патрэбе, а па службовым абавязку. П.К. Абуховіч не быў рэзідэнтам, ён не дасылаў інфармацыю якім-небудзь высокапастаўленым апекунам і не рэдагаваў яе, а тым болей не звяраў, як і што адбывалася, напрыклад, у чэрвені 1648 г. у бітве

на рацэ Жоўтыя воды, у якой сам не ўдзельнічаў. У П.К. Абуховіча няма апісання гэтае бітвы, баталістычныя карціны часцей за ўсё маюцца ў дыярыушах на тое запраграмаваных.

Урэшце можна сказаць, што ў «Дыярыушы» П.К. Абуховіча ўвесь матэрыял дзеліцца на дзве часткі: першая – з інфармацыяй, пададзенаю з чужых слоў. Яна, адпаведна, ёсць пераказам, мемуарны герой у ёй адсутнічае. Другая – гэта інфармацыя аб тым жа самым, але пададзеная ў аўтапсіі, як бачанае сваімі вачамі або, яшчэ лепш, мемуарыст выступае ў непасрэднай сувязі з канкрэтнай грамадска-палітычнай ці прыватнай сітуацыяй, сведкам якой быў. Запіс можа быць па гарачых слядах, а можа ісці, як позірк назад – рэтраспектыўны абы толькі занатаваць падзеі для гісторыі і для нашчадкаў. Першае абуховічавае «я», якое ўказвае на яго прысутнасць і ўдзел у дзяржаўных справах Рэчы Паспалітай, вычытваецца з 1632 г., калі мемуарыст пасля смерці караля Жыгімонта II быў на Трыбунальскіх судах, а потым на каптуровых і, нарэшце, на канвакацыі Уладзіслава IV. З гэтага часу, хоць і нерэгулярна, ідзе выява канструкцыі «аўтар-герой-апавядальнік» у асобе аднаго Абуховіча.

Несумненна, героямі запісаў станавіліся і іншыя людзі, уведзеныя ў фактуру па самых розных прычынах: заўчаснай смерці, незвычайнасці ўчынку (напрыклад, Пякарскі, які ў 1621 г. замахнуўся на жыццё караля). Калейдаскапічна мігцяць на старонках «Дыярыуша» прозвішчы князёў, гетманаў, ваяводаў – асоб самага высокага дзяржаўнага стану, што прадвызначалі лёс Рэчы Паспалітай, яе абарону, клопаты за годнасці ў вачах свету і за самога мемуарыста. У гэтым сэнсе «Дыярыуш» смаленскага ваяводы можна назваць элітарным, бо ні аднаго паспалітага імя ён не назваў, не ўдастоіў гонару ўвесці ў аналы гісторыі, як і ніводнай бытавой сітуацыі са свайго прыватнага жыцця не пераказаў, ні разу не пажартаваў, а тым болей не заўсміхаўся. Гэта, у сваю чаргу, дае падставы сцвярджаць, што праца і інтарэсы П.К. Абуховіча найперш скіраваны на дзяржаўныя справы, і таму яго «Дыярыуш» можна назваць яшчэ і ўвогуле дыярыушам Рэчы Паспалітай 1630–1654 гг.

1. Дыярыуш Піліпа Казіміра Абуховіча, Ваяводы Смаленскага, Маршалка кола рыцарскага / пераклад з польск., прадм. і камент. В.У. Таранеўскага // Полымя. – 1995. – № 7. – С. 153–188.
2. Brükner, A. Dzieje literatury polskiej w zarysie / A. Brükner. – Warszawa, 1908. – T.1.
3. Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII стст.) / уклад., прадм., камент. І. Саверчанкі. – Мінск : Кнігазбор, 2007. – 605 с.

Евстратьев О.И.

«ОПИСАНИЕ ЛИВОНИИ» КАРЛА ИОГАННА ФОН БЛОМБЕРГА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Интерес отечественных исследователей к истории Ливонии неуклонно возрастает, что обусловлено осознанием близости исторических судеб прибалтийских и белорусских земель [5]. Расширение проблемного поля нашей исторической науки за счет обращения к данной проблематике вызвало необходимость обстоятельного анализа ее источниковой базы. Такая работа уже ведется [1]. Несмотря на это, ливонская тематика остается на обочине белорусской историографии, сосредоточенной в первую очередь на «внутренних», актуальных в пределах государственных границ современной Республики Беларусь, проблемах отечественной истории. При этом сами «ливонские штудии» посвящены преимущественно таким исследовательским векторам, как борьба с крестоносцами, Ливонская война и Инфлянты как польско-литовский кондоминиум. В этой связи из поля зрения белорусских историков выпадает проблематика, выходящая за пределы первой половины XVII в. в хронологическом плане, а также герцогство Курляндия и Семигалия, более двух веков находившееся в вассальной зависимости от Великого княжества Литовского и Речи Посполитой и в этой связи представляющее большой интерес для отечественной исторической науки, – в территориальном.

Всестороннее рассмотрение той или иной исторической проблемы требует обращения не только к документальным источникам («остаткам»), дающим сведения о внешней стороне того или иного явления, но и к повествовательным («преданиям»), отражающим мышление эпохи и позволяющим нам взглянуть на изучаемые процессы и события как бы изнутри, или, выражаясь словами английского историка Робина Джорджа Коллингвуда, «воспроизвести прошлое в собственном сознании» [3, с. 269]. Относительно истории Курляндского герцогства одним из таких источников является «Описание Ливонии» барона Карла Иоганна фон Бломберга. Источниковый потенциал данного произведения до сих пор не раскрыт. Специалист по прибалтийско-немецкой историографии Янис Зутис видел в нем лишь историческое сочинение, отличающее-

ся «полным отсутствием каких-либо достоинств» [2, с. 58]. Тем не менее судьба автора данной книги позволяет говорить об обратном.

Карл Иоганн происходил из курляндской ветви знатного рода фон Бломберг, возникшего в XIII в. в Вестфалии. По наследству ему досталось имение Зергемитен недалеко от Газенпота (совр. Айзпуте в Латвии), первым владельцем которого был его прадед Генрих, родившийся в 1513 г. В 1670 г. Иоганн Альберт, дед Карла Иоганна, приобрел для себя и своих потомков почетное звание барона (*Freiherr*) Священной Римской империи [09, с. 472]. Отец героя данного очерка Николаус занимал важную государственную должность обергауптманна округа Пильтен. Активный период жизни Карла Иоганна, годы которой, к сожалению, неизвестны, пришелся на конец XVII в., когда в Курляндском герцогстве правил Фридрих Казимир (1682–1698). Вдова последнего герцогиня Елизавета София в 1698 г. отправила барона в посольство ко дворам Кёнигсберга, Берлина, Ганновера, Херворда, Касселя, Гомбурга, Кёльна, Зигена, Гааги, Лондона и др. с сообщением о смерти своего супруга [010, с. 189–190]. Необходимо отметить, что опыт дипломатической службы в роду Бломбергов уже был: в 1682 г. упомянутый выше Иоганн Альберт был послан германским императором Леопольдом I к российскому царю Ивану V и юному Петру I с целью склонить их ко вступлению в войну против турок [011, с. 253]. Завершив посольство, Карл Иоганн остался в Англии, где до самой смерти в начале XVIII в. занимал должность главного конюшего при дворе английского монарха.

Таким образом, автор рассматриваемого произведения отличался благородным происхождением и занимал высокое государственное положение в Курляндии и за ее пределами. Жизненный опыт этого человека, отраженный в созданном им труде, вызывает большой интерес в плане изучения общественно-политической обстановки в Курляндском герцогстве и Европе рубежа XVII–XVIII вв., а также сословного и исторического мышления представителя высших слоев курляндской аристократии той эпохи. Одним из наиболее вероятных мотивов публикации книги по истории Ливонии для Бломберга стал возросший в Европе, в частности в Англии, интерес к Прибалтийскому региону в связи с развернувшейся там войной. Выходец из Курляндии мог удовлетворить спрос европейского читателя на подобного рода произведения. Труд Карла Иоганна состоит из 17-ти писем, личное происхождение которых позволяет предположить наличие в них непреднамеренных оценок и стереотипов, характеризующих мировоззрение автора как представителя своей эпохи и повышающих репрезентативность данного источника. Письма адресованы другу Карла Иоганна в Лондоне, где книга и была впервые опубликована в 1701 г. на английском языке [6]. Вероятно, она пользовалась популярностью, т.к. в 1705 г. вышло ее второе издание на французском языке [7], что делает изучение этой книги еще более важным: она формировала представления о Прибалтийском крае у западноевропейцев, в частности, в Англии и Франции, в условиях недостатка там работ по данной тематике.

Рассматриваемое произведение можно разделить на две части. Первая, более обширная (письма I–XII), представляет собой очерк по истории старой Ливонии и соседних стран со времен появления людей в Северной Европе до проведения редукции дворянских имений в Шведских Эстляндии и Лифляндии (последние записи за 1685 и 1692 гг.). Данная часть выполнена в форме хроники, т.е. содержит хронологическую сетку, что вполне характерно для прибалтийско-немецкой историографии XVII в. Автор демонстрирует неплохое знание работ предшествующих ему хронистов и историков. В основу «исторических» писем Бломберга легла вышедшая в 1695 г. работа эстляндского историка Христиана Кельха, оказавшая сильное влияние на прибалтийско-немецкую историографию конца XVII – первой половины XVIII вв. [8]. Также автор пользовался трудами Тацита, Петра из Дусбурга, Соломона Геннинга, Альберта Кранца, Александра Гваньини, Дионисия Фабрициуса, Самуэля Пуфендорфа и др. С методологической точки зрения, Бломберг подходит к ним некритически. Данная часть его работы является компиляцией из произведений названных авторов. Таким образом, она не представляет интереса в событийном плане: новых фактов, за исключением копий некоторых якобы аутентичных документов, о происхождении которых, однако, умалчивается [06, с. 32–34, 79–83, 147–149, 183–190], автор не приводит. Однако Бломберг не воздерживается от оценок тех или иных моментов прошлого, а также транслирует имевшие хождение в то время представления о старых временах в истории Ливонии и соседних стран, что вызывает интерес в смысле изучения исторического сознания его эпохи.

Особенно ярко автор выражает свое восхищение германцами: он не скупится на слова, воспевая их исключительные качества [6, с. 7–13]. Преклонение Бломберга перед германской культурой нашло отражение даже в языке публикации. Все существительные в книге начинаются с прописных букв, что в конце XVII в. было характерно для книжного немецкого языка, при этом сами письма написаны на новоанглийском. Такое отношение к германцам неудивительно. Говоря про ливонскую и курляндскую знать, к которой принадлежит автор, Бломберг отмечает, что «они по роду и происхождению германцы, а по нации ливонцы, куронцы, пруссы, пильтенцы и т.д.» (*Gente & Origine Germani, sed Natione Livones, Curones, Prussici, Piltences etc.*) [6, с. 10]. Данное сообщение может свидетельствовать об этнической и политической самоидентификации автора и его окружения. С другой стороны, негативной коннотацией наполнены оценки Московии, которую Бломберг характеризует, как «обширную Русскую деспотическую монархию» [6, с. 14]. По поводу Ивана IV барон говорит, что «величайшие тираны, про которых я когда-либо читал, были милосердны по сравнению с этим» [6, с. 122]. В этой связи крайне лестных оценок автора удостаиваются немцы, успешно боровшиеся с московитами. Особенно это касается ливонского магистра Вальтера фон Плеттенберга, который в 1501 г. не более чем с 12 тыс. человек разбил русское войско якобы в 130 тыс. воинов [06, с. 75–76]. Можно предположить, что Бломберг отражает представления о Московии, сложившиеся в немецкоязычной среде еще в годы Ливонской войны и сразу после нее [4, с. 159]. Однако польско-литовских правителей, с которыми Тевтонский орден долгое время вел борьбу, автор, вассал Речи Посполитой, представил в ином свете. Дань уважения он отдает Стефану Баторию, боровшемуся с московитами, а Казимира IV он изображает освободителем Пруссии из-под гнета рыцарей Тевтонского ордена [6, с. 40, 119]. Как ни странно, Бломберг критически отзывается о Тевтонском и Ливонском ордене, а также католических епископах в Ливонии. Автор демонстрирует приверженность гуманистическим идеалам, отрицательно характеризуя насильственную христианизацию местного населения и использования их как рабов [6, с. 29–30, 60]. Причины распада Ливонской конфедерации курляндский барон, как и большинство его предшественников, видит в ее внутреннем разложении, ставшем следствием алчности и праздности клира и рыцарей, а также в отсутствии внутреннего единства Ливонии [6, с. 89–90]. Таким образом, образование Курляндского герцогства Бломберг расценивает весьма положительно [6, с. 99–101].

Вторая часть книги представляет больший интерес, поскольку касается вопросов истории Курляндии, Семигалии, Пильтена и европейских стран, свидетелем которых был сам автор, либо сведения о которых он получил из более надежных источников. Ее также можно разделить на две группы. Первая (письма XIII–XV) затрагивает различные аспекты из жизни герцогства Курляндия и Семигалия, а также епископства Пильтен. Вторая (письма XVI–XVII) описывает посольство Бломберга. Курляндский барон был заинтересован в создании положительного образа своей страны и сословия у европейского читателя. В этой связи письма, посвященные Курляндии, содержат преимущественно восхваление ее правителей, населения и природы. Особое внимание автор уделяет оправданию вассального статуса герцогства: «я не знаю каких бы то ни было принцев, которым бы их сеньор оказывал столько почестей и уважения, как герцогу Курляндии оказывают короли Польши» [6, с. 213]. Бломберг стремится возвысить значение Курляндии в международном масштабе, приводя в пример Священную Римскую империю и Италию, где некоторые вассалы могут быть могущественнее своих сеньоров [6, с. 224]. Не обходит стороной он и правителей Речи Посполитой, которых автор приравнивает к величайшим христианским монархам [06, с. 217]. Аналогичной характеристики удостаиваются все аспекты жизни герцогства Курляндия и Семигалия: дворянство, ведущее свою родословную от древних германских родов, наслаждается многочисленными свободами и привилегиями, которые особенно ярко проявились на фоне редукции имений в Шведских Эстляндии и Лифляндии; верность герцогу со стороны знати окупается его любовью и благодушием, что поддерживает мир и спокойствие во всем герцогстве; в религиозном отношении Курляндия отличается терпимостью – там нашли место лютеране, кальвинисты, католики, православные и униаты. Апологетический характер данного произведения обусловливает необходимость соблюдать осторожность при работе с ним. Тем не менее большой интерес представляют сведения, касающиеся частных аспектов повседневной жизни курляндских герцогов, дворянства, горожан и т.п. Они вызывают больше доверия, поскольку, вероятно, Бломберг сам являлся их свидетелем, либо почерпнул знания о них от своих современников. К тому же, в отличие от общегосударст-

венных вопросов, автору не было особого смысла сознательно искажать эти детали. Таким образом, курляндский барон весьма обстоятельно описал придворный быт герцогов [06, с. 212–213, 257–259], церемонию вручения инвеституры послам герцога от короля Яна III Собеского [6, с. 214–216], женскую повседневность [06, с. 255], некоторые свадебные обычаи, бытовавшие в среде знати [6, с. 256], устройство городов, вплоть до материалов, из которых строили дома, дороги и даже печи [6, с. 256, 275–277] и многое другое. Не опускает Бломберг и детали частной жизни герцога Фридриха Казимира. В частности, он повествует об обыкновении герцогини наряжаться вместе с придворными дамами в амазонок и сопровождать в таком виде охоту, излюбленное занятие герцога [06, с. 259]. В конце концов, автор приходит к заключению, что нет ни одного германского принца, который жил бы столь счастливо, как курляндский герцог, окруженный храбрым, богатым и почтительным дворянством. Аналогичным образом интерес представляют письма, описывающие посольство барона фон Бломберга, в которых он делится впечатлениями об увиденном в германских и других городах [06, с. 289–332]. Важно отметить, что автор определенным образом был причастен к колониальной политике Курляндского герцогства, о чем свидетельствует постскриптум к его последнему письму [06, с. 334–335].

Таким образом, данная работа является продуктом своего места и времени. Автор, повествуя в своих письмах к английскому другу о Курляндском герцогстве и Ливонских древностях, так или иначе преследовал апологетическую цель. Учитывая, что эта книга в начале XVIII в. являлась одним из немногих источников знаний о Прибалтике в Англии и Франции, имеет смысл попытаться ответить на вопрос, какой же образ края она формировала у читающей европейской публики. Исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что перед ними представало величественное и могущественное Курляндское герцогство, корнями уходящее в богатую славными событиями историю Ливонии. Его прошлое и настоящее ничуть не хуже, чем у других европейских государств. В этой связи родина курляндского барона могла претендовать на равное место в ряду ведущих европейских держав. Несмотря на ярко выраженный оценочный характер данного произведения, оно может дать ценные сведения не только о мировоззрении эпохи, но и о курляндской повседневности конца XVII в. и других вопросах.

1. Дзярновіч, А. І. "… in Nostra Livonia". Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносінаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV – першай палове XVI ст.: Сістэматызацыя і актавы аналіз / А. І. Дзярновіч. – Мінск : ATHENAEUM, 2003 – Т. 1. – 374 с.

2. Зутис, Я. Я. Очерки по историографии Латвии. Часть 1. Прибалтийско-немецкая историография / Я. Я. Зутис. – Рига : Латгосиздат, 1949. – 259 с.

3. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. – Москва : Наука, 1980. – 488 с.

4. Филюшкин, А. И. «Лифлянская хроника» Соломона Геннинга / А. И. Филюшкин // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2013. – № 1. – С. 157–168.

5. Якубаў, В. У. Інфлянты ў знешняй і ўнутранай палітыцы ВКЛ у канцы XVI – пачатку XVII ст.: дыс. … канд. гіст. навук: 07.00.02 / В. У. Якубаў. – Мінск, 2013. – 135 л.

6. Blomberg, Frhr. K.J. von. An Account of Livonia with a relation of the rise, progress, and decay of the Marian Teutonick order. The several revolutions that have happen'd there to these present times, with the wars of Poland, Sweden and Muscovy contending for that Province. A particular Account of the Dukedoms of Courland, Semigallia and the province of Pilten. To which is added the Author's Journey from Livonia to Holland, in 1698 with his observations upon Prussia, Brandenburgh, Hanover, Hesse, and several other German Courts. Sent in Letters to his friend in London / Frhr. K.J. von Blomberg. – London: Printed for Peter Buck, 1701. – 335 p.

7. Blomberg, Frhr. K.J. von. Description de la Livonie, avec une relation de l'origine, du progrès, et de la dècadence de l'ordre Teutonique. Des revolutions, qui sont arrivèes en ce pays jusqu'á, notre temps, avec les guerres, que les Polonois, les Suedois, et les Moscovites ont eues ensemble pour cette province. On y decrit des duchez de Courlande et de Semigalle, et la province de Pilten. Enfin on y trouve le voyage de l'auteur de Livonie en Hollande l'an 1698. Avec quelques remarques sur la Prusse, Brandebourg, Hanover, Hesse et plusieurs autres cours d'Allemagne / Frhr. K.J. von Blomberg. – Utrecht: Guillaume van Poolsum, 1705. – 394 p.

8. Kelchen, C. Liefländische Historia, oder Kurtze Beschreibung der Denkwürdigsten Kriegs- und Friedens-Geschichte Esth-, Lief- vnd Lettlandes... bis auffs 1690 Jahr / C. Kelchen. – Reval, Rudolphstadt: J. Wehner, H. Urban, 1695. – 639 s.

9. Kneschke, E.H. Neues allgemeines deutsches Adels-Lexicon / E.H. Kneschke. – Leipzig: Friedrich Voigt, 1859. – 1. Bd. – 615 s.

10. Recke, J.F. von. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrtenlexikon der provinzen Livland, Esthland und Kurland / J.F. von Recke, K.E. Napiersky. – Mitau: J.F. Steffenhagen u. Sohn, 1827. – 1. Bd. – 626 s.

11. Zedlitz-Neukirch, Frhr. L. von. Neues preussisches Adels-Lexicon oder genealogische und diplomatische Nachrichten von den in der preussischen Monarchie ansässigen oder zu derselben in Beziehung stehenden fürstlichen, gräflichen, freiherrlichen und adeligen Häusern, mit der Angabe ihrer Abstammung, ihres Besitzthums, ihres Wappens und der aus ihnen hervorgegangenen Civil- und Militärpersonen, Helden, Gelehrten und Künstler / Frhr. L. von Zedlitz-Neukirch. – Leipzig: Gebrüder Reichenbach, 1836. – 1. Bd. – 465 s.

Редин Д.А.

УЧЕТНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ ГЕРОЛЬДМЕЙСТЕРСКОЙ КОНТОРЫ 1720-х гг.: КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОЧНИКОВ*

Острая ограниченность ресурсов, присущая России раннего Нового времени (как и другим европейским государствам той эпохи [16, p. 328–331]), побуждала власть, кроме прочего, стремиться к организации разнообразных мобилизационных механизмов, требовавших налаженной системы учета как в фискальной, так и в служебной сферах деятельности.

Документация, отложившаяся в ходе учетно-мобилизационных мероприятий органов управления, в частности – документы служебного учета дворянства, о которых пойдет речь ниже, давно привлекала историков благодаря своему информационному разнообразию и богатству. Особенно повезло в этом смысле административному делопроизводству допетровской России [см., напр.: 1, 3, 4, 5, 7, 13, 14].

Петровские преобразования принципиально изменили как саму структуру служилого сословия и организацию вооруженных сил, так и систему государственного управления, в том числе – механизмы учета, мобилизации и перераспределения кадров в армии, на флоте и в штатской государственной службе. С 1711 г. (времени учреждения Сената) функции Разрядного приказа, осуществлявшего и контролировавшего кадровую политику страны, перешли к Разрядному столу Сената, а в 1722 г. – к Герольдмейстерской конторе, сенатскому учреждению, возглавляемому герольдмейстером. В результате деятельности Герольдмейстерской конторы отложился внушительный комплекс документов, сосредоточенный ныне в одном из фондов Российского государственного архива древних актов [11].

На наш взгляд, особый интерес представляют дела, относящиеся к раннему периоду деятельности этого учреждения, отражающие ситуацию 1720-х – 1730-х гг. (самый ранний документ, имеющийся в фонде, датирован 1718 г.: «Ведомость Военной канцелярии о составе армии» [11, оп. 1, д. 1]), хотя бы потому, что на сегодняшний день историография не располагает ни одной специальной работой, посвященной истории организации системы дворянского учета в первой трети XVIII в.*

Номенклатуру учетной документации Герольдмейстерской конторы в самом общем виде устанавливала Инструкция герольдмейстеру [9], предписывавшая вести «генеральные» именные списки и такие же списки «по чинам»; списки дворян, годных к службе, с указанием назначений и перечнем лиц, оставшихся без назначений; списки дворянских детей с указанием их возраста. Судя по всему, эти три рода реестров следовало изготавливать на основании «прежних шляхетских списков, которые есть при Сенате и остались в прежнем Разряде». Самый ранний образец такого документа представлен в фонде статейным росписным списком людей московских чинов 1720 г. [11, оп. 1., д. 4]. В то же время Инструкция требовала ведения актуального учета: составления дворянских списков на основании результатов «нынешних приездов и смотра», с указанием наличия детей и других родственников мужского пола и их рода деятельности, включая обучение грамоте (наиболее ранние документы такого рода представлены в фонде разборными и смотренными списками и книгами 1722–1725 гг. [11, оп. 1., д. 27, 48, 52]). Подобные текущие документы учета следовало ежегодно корректировать на основании рапортов, присылаемых с мест. Такая документация должна была опираться на некие первичные данные, представленные хорошо известным прежней учетной практике жанром – «сказками» служилых людей.

Для структурирования информации первый герольдмейстер стольник С. А. Колычев 6 марта 1722 г. разработал формуляр «сказки», обнаруженный и описанный С. М. Троицким [15, с. 156]. Самые ранние книги «сказок» служилых людей, отложившиеся в фонде, датированы 1722 г. и 1726 г. [11, оп. 1., д. 39, 78]. В первой из упомянутых книг содержатся «сказки» ветеранов, во второй – недорослей и синодальных дворян. Знакомство с ними показывает, что по структуре они, в целом, соответствовали колычевскому формуляру, хотя их устойчивость оста-

* Доклад подготовлен при поддержке гранта РНФ № 14-18-01873.

* За исключением нескольких весьма интересных исследований, посвященных высшим слоям русской социально-политической элиты рубежа XVII–XVIII вв. [2, 17] и некоторых исследований по истории бюрократии и офицерского корпуса России XVIII в., в которых эта проблема затронута вскользь и в различных контекстах [например: 6, 8, 10, 12, 15].

валась еще далека от анкетной: это выражалось и в нестабильной последовательности рубрик, и в различном объеме приводимой в рубриках информации.

Хотя материалы этих книг не претендуют на всеохватный характер и не дают возможности делать окончательные и всеобъемлющие выводы, они позволяют высказать ряд предварительных наблюдений и о государственной кадровой политике, и о социокультурном облике русского дворянства периода ранней империи, поскольку содержат свыше трехсот биографий его рядовых представителей. Вкратце, они таковы.

Прежде всего бросается в глаза бедность дворян, сведения о которых зафиксированы в указанных книгах. Подавляющее большинство из них – беспоместные или мелкопоместные, чьи владения не превышают 10 дворов (не редко – в совладении с отцами или братьями). На их фоне обладатели имений в 15–25 дворов выглядят весьма состоятельными, а единичные счастливцы, вроде 15-летнего недоросля-сироты Петра Михайлова сына Николева (58 дворов), мичмана Конона Ермолаева сына Прончищева (80 дворов) или судьи счетной конторы Берг-коллегии Ивана Ларионова сына Телепнева (108 дворов), кажутся просто магнатами. В целом, по своему материальному положению эти дворяне едва ли отличались от однодворцев.

Материальный статус учтенных дворян не имел прямой зависимости от их служебного статуса: ни стартового, с которого они начинали свою службу в петровской армии, ни приобретенного на военном или гражданском поприще. Среди подавших сказки – выходцы как из московских (стольники, стряпчие, московские дворяне, жильцы), так и из городовых чинов. «Сказки» демонстрируют крайне медленный карьерный рост этих людей. Абсолютное большинство опрошенных за 20–30 лет военной службы и участия во всех ключевых сражениях петровского царствования оставались в должностях рядового, унтер- и обер-офицерского состава. Наиболее распространенными из обер-офицерских званий, которых достигали дворяне к моменту отставки, были звания прапорщика, реже – поручика. Из материалов, представленных в «сказках» 1722 и 1726 гг. только четверо дворян дослужились до штаб-офицерских рангов (2 майора и 2 подполковника). Относительно высокий уровень военной карьеры не принес им достатка: у одного майора и одного подполковника числилось по 3 крестьянских двора, у остальных – ни одного.

Штатская служба, на которую попадала часть исследованного контингента после отставки из полевых и гарнизонных частей, также не приносила значительных плодов. Потолком карьеры в местной администрации для этих отставников был ранг асессора при провинциальном воеводе, подчиненного комиссара или комиссара «от земли», а в центральном аппарате, куда попадали совсем единицы, – уже упоминавшаяся должность главы счетной конторы в Берг-коллегии. При этом в массе своей дворяне были элементарно грамотными (умели читать и писать). Лишь единичные случаи показывают более высокий уровень грамотности (владение «цифирью» или знание немецкого языка).

Наконец, рассмотренный материал позволяет сделать еще одно наблюдение: о неравномерности служебной нагрузки на дворянство петровской и постпетровской поры. С одной стороны, власти очень неохотно отправляли дворян в полную отставку. Даже увечным или старым служилым (в возрасте от 60 до 85 лет) пытались найти какое-нибудь применение. С другой, «сказки» фиксируют определенное количество лиц, умудрявшихся числиться в недорослях до 30–40 лет, не имея на то уважительных причин. При этом речь не идет о «нетчиках»; их просто не вызывали к смотрам. Это обстоятельство позволяет поставить вопрос об эффективности служебного учета в означенный период.

В целом, совершенно очевидно, что комплексное исследование учетных материалов Герольдмейстерской конторы крайне продуктивно, несмотря на невозможность получения полных сведений об общей численности дворян.

Во-первых, систематический анализ этих документов позволяет реконструировать сам механизм организации учетно-мобилизационной и кадровой службы в России первой трети XVIII в.: это важно как для общего понимания сути и характера социально-политических изменений, происходивших в этот период, так и для исследования управленческих практик эпохи раннего Нового времени. Во-вторых, в контексте общей проблемы исторического транзита от Средневековья к Новому времени автономный интерес представляет изучение делопроизводственных форм и эволюция канцелярской культуры (история административного делопроизводства или, как сейчас говорят, документационного обеспечения управления). Наконец, материалы Герольдмейстерской конторы содержат бесценный материал по социальной истории дворянства ранней

империи, особенно востребованный в антропологически ориентированных и просопографических исследованиях.

1. Демидова, Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Н. Ф. Демидова. – М. : Наука, 1987. – 228 с.

2. Захаров, А. В. Государев двор Петра I: публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства / А. В. Захаров. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2009. – 447 с.

3. Калачев, Н. Десятни // Труды Второго археологического съезда в Санкт-Петербурге / Н. Калачев. – СПб., 1876. – Вып. 1.

4. Козляков, В. Н. Десятни служилых «городов» второй половины XVI – начала XVII века / В. Н. Козляков // Источниковедение: поиски и находки : сб. науч. трудов. – Воронеж, 2000. Вып. 1.

5. Лаптева, Т. А. Провинциальное дворянство России в XVII веке / Т. А. Лаптева. – М. : Древлехранилище, 2010. – 596 с.

6. Медушевский, А. Н. Источники о формировании бюрократии в России первой четверти XVIII в. / А. Н. Медушевский // Источниковедение отечественной истории. – М. : Наука, 1989.

7. Оглоблин, Н. Н. Что такое «десятни»? / Н. Н. Оглоблин // ЖМНП. 1891, ноябрь. Т. CCLXXVIII.

8. Петрухинцев, Н. Н. Консолидация дворянского сословия и проблемы формирования оформляющей его терминологии / Н. Н. Петрухинцев // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682 – 1750). – М. : РОССПЭН, 2013.

9. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ) : собрание 1-е. – Т. 6. – № 3896.

10. Рабинович, М. Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны / М. Д. Рабинович // Россия в период реформ Петра I. – М. : Наука, 1973.

11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 286 (Герольдмейстерская контора). – Оп. 1. – Д. 1, 4, 27, 39, 48, 52, 78.

12. Смирнов, Ю. Н. Особенности социального состава и комплектования русской гвардии в первой половине XVIII в. / Ю. Н. Смирнов // Классы и сословия России в период абсолютизма. – Куйбышев, 1989.

13. Станиславский, А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков / А. Л. Станиславский. – М. : РГГУ, 2004. – 506 с.

14. Сторожев, В. Н. Десятни как источник для изучения истории русского провинциального дворянства в XVI и XVII вв. (историко-юридическая заметка) / В. Н. Сторожев // Юридический вестник. 1890. Т. 4. Кн. 3.

15. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (Формирование бюрократии) / С. М. Троицкий. – М. : Наука, 1974. – 390 с.

16. Black, J. Eighteenth Century Europe. 1700 – 1789 / J. Black. – L., 1990. – 363 p.

17. Poe, M. T. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vol. 1 / Poe M., Kosheleva O., Morozov B., Martin R. The Consular and Ceremonial Ranks of the Russian «Sovereign's Court», 1613 – 1713. – Helsinki, 2004. – 467 p.

Козлова М.И.

«СИЛЬНА РУКА ВЛАДЫКА» И «ОСТАВЬ ТЫ СУЕТУ…» В ФОНДЕ ЩЕРБАТОВЫХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ДРЕВНИХ АКТОВ

В российской историографии с XVIII в. складывался образ выдающегося историка, публициста, общественно-политического деятеля кн. Михаила Михайловича Щербатова (1733–1790). В каждую эпоху исследователи использовали для него свое лекало: в XVIII в. о нем практически не появлялось работ, известна его биография в «Опыте исторического словаря о российских писателях», для этого периода он запомнился своей полемикой с И.Н. Болтиным; в XIX в. были заданы противоположные, противоречивые оценочно-интерпретационные направления для изучения взглядов М.М. Щербатова, но определяющую роль в формировании его образа сыграл А.И. Герцен, который назвал историка предтечей славянофильства – «идеалы Щербатова – глубоко в могиле» [1, с. VI]; в советскую эпоху закрепилось представление о нем как о «крепостнике», «реакционере», «консерваторе», защитнике старого уклада. М.М. Щербатов оказался в прокрустовом ложе между формированием его отрицательного образа в современную ему эпоху как автора, оппозиционно настроенного к Екатерине II, и непониманием его истинных мыслей другими исследователями. Отметим, что взгляды М.М. Щербатова и Екатерины II не совпадали ни в вопросах политики, ни в создании исторических трудов. Для «М.М. Щербатова "буква" исторического источника (чаще всего) имела приоритет над общей схемой объяснения, … для императрицы, наоборот, смысл заключался в нарративизации своей объяснительной схемы. В ее модели историописания объяснение превалировало над сообщениями исторических источников»[3, с. 19].

При изучении биографии исторической личности, пишет Л.П. Репина, – «речь идет о концентрации внимания на частном, индивидуальном, уникальном в конкретных человеческих судьбах и, одновременно, – об изначально заданной принципиальной установке на выявление специфики и вариативности разноуровневого социального пространства, полного спектра и пределов тех возможностей, которыми располагает индивид в рамках данного культурно-исторического контекста» [4, с. 292]. Но когда исследовательская камера фокусируется на сво-

ем коллеге – представителе другой эпохи, то для историка возникает опасность превратиться из ученого в строгого критика. В такой ситуации для исследователя на первом месте оказывается историческое сочинение автора иной эпохи, оно оценивается с точки зрения профессиональных компетенций самого ученого. На историка прошлой эпохи примеряется тот наряд, который считается уместным для современности исследователя и служит «своеобразным зеркалом, … глядя в которое, читатель может многое узнать и о себе» [4, с. 288], в результате сотканные нити повествования могут окраситься в цвета ярлыков и стереотипов.

Ввод в научный оборот новых источников, а также обновленный взгляд на известные исследователям историко-публицистические произведения М.М. Щербатова освежат образ историка XVIII в., определят новые грани Щербатова-дворянина, Щербатова-историка, Щербатова-публициста, Щербатова-коллеги, Щербатова-оппозиционера политики Екатерины II, Щербатова-семьянина, Щербатова-отца и т.д. «Категория “индивидуального прошлого”, всего непосредственно “пережитого” индивидом и так или иначе отложившегося в его сознании, играет интегративную роль, компенсируя последствия аналитических процедур, разлагающих человеческую деятельность, а следовательно и личность, на отдельные составляющие» [5, с. 295].

Творческую лабораторию и приватную сферу М.М. Щербатова можно изучить по тем материалам, которые хранятся в различных архивах, в том числе и в Российском государственном архиве древних актов (г. Москва). В семейном фонде в РГАДА (№ 1289) хранятся сочинения «О повреждении нравов в России» (оп. 1, д. 517а.), «Статистика в рассуждении России» (оп. 1, д. 518а), а также Родословная книга Щербатовых (оп. 5, д. 1), Дело по управлению Ярославской вотчиной (оп. 1, д. 576), Письма М.М. Щербатова к Д.М. Щербатову (оп. 5, д. 39), Тетрадь с письмами Щербатова к сыну Дмитрию и жене с приложением реестра сочинений Щербатова 1775-1789 гг. (оп. 1, д. 517), «Книга выписок: 1) Реестр грамот удельных князей с 1328 г.; 2) Выписка из описи списков о посольствах до 1600 г; 3) Выписка из книги о вольностях и правах войска запорожского; 4) Текст присяги гетмана Б. Хмельницкого и казачьей старшины; 5) Роспись к документам, надлежащим к сочинению общей истории и реестр документов из истории России из сибирских архивов с 1559 по 1724 г. (выписано из документов библиотеки кн. Ю.Н. Трубецкого для кн. М.М. Щербатова)» (150 л., оп. 1, д. 518) [2, с. 322].

Письма князя М.М. Щербатова к сыну Дмитрию и к жене Наталье Ивановне (оп. 1, д. 517) раскрывают новые грани личности историка, показывают его как семьянина. «Такие “ненадежные”, “субъективные” источники, как дневники, письма, мемуары, автобиографические материалы, продукты творческой деятельности индивида, в которых запечатлен его эмоционально-психический и интеллектуальный мир, его самосознание и индивидуальный жизненный опыт, вышли на первый план не вопреки, а именно благодаря своей субъективности» [4, с. 294–295].

В переписке историк предстает заботливым отцом, оберегающим свою семью, внимательным воспитателем. М.М. Щербатов переживает о здоровье своих родственников: «письмо твое я получил <…> почяствовал удовольствие от твоего напомятования и знаков почтения, толь я истинно огорчился, увидя в оном, что лябязная твоя княгиня не здорова. Хотя весьма <…> сеи припадок у беременной женщины…» [6, л. 4]; тоскует по членам семьи в долгой разлуке: «долгое твое отсутствие от дому и молчание беспокоит меня много; и так я предпринял на будущей неделе послать тебе деньги, а ты между тем збирайся в дорогу» [6, л. 35]; дает своему сыну советы для того, чтобы прожить жизнь счастливо: «письмо твое, писанное от 15 числа сего месяца, я получил, за которое тебе благодарствую, также и за попечение твое о делах моих, которые ты ведешь довольно исправно, <…> показывает мне надежду впредь на твою расторопность, она нужна, мой друг, молодому человеку <…> Потому и знай, <…> что и щастливейший в жизни своей необходимо должен разными трудами и попечениями самое щастие свое содержал» [6, л. 45].

В этом фонде с личной перепиской М.М. Щербатова хранится сочинение историка, которое им названо «Сильна рука владыка» [6, л. 16–19], жанр определен как басня. Время появления этой работы М.М. Щербатова не указано, известен только примерный диапазон – 1775–1789 гг. Это произведение до сих пор не было опубликовано. Указанное сочинение отличается от других работ Щербатова. Как известно, М.М. Щербатов был автором «Истории российской от древнейших времен», «О повреждении нравов в России», «Путешествия в землю Офирскую г-на С., швецкаго дворянина», «Разных рассуждений о правлении», «Размышлений о законодательстве вообще», «Размышлений о дворянстве», «Рассмотрения о пороках и самовластии Пет-

ра Великого» и многих других. Во-первых, такой жанр как басня не типичен для М.М. Щербатова, во-вторых тон-ирония выделяет эту работу.

В басне историк высмеивает те же пороки современного ему общества, что и в других сочинениях. Персонажами в этом произведении предстают хитрый волк, невинная и доверчивая овца и мудрый лев. Основным мотивом басни является несправедливость суда, который осудил безрогую овцу за то, что она забодала волка, главным в решении суда является не объективная правда, а мнение подкупленных свидетелей. Единственный, чье мнение оказалось более веским и мудрым, – это правитель, мудрый лев, и то, даже он не наказал суд, а только помог невиновной. В результате овца дает совет не предпринимать слабым попыток доказывать свою правду, а «убегать» от сильных. Основная мысль басни «Сильна рука владыка» заключается в том, что правда в государстве не в законах, не в судопроизводстве, а в преимуществе «сильных» и богатых. Данный текст был найден в переписке автора с сыном Дмитрием. Возможно, сочинение написано в качестве наставления своему наследнику. Судя по тональности данного произведения, в минуты отдохновения, общаясь со своими близкими, М.М. Щербатов не был жестким критиком, «охулителем» российской действительности, а мог посмеяться над ней, отнестись к положению своих личных и общественно-политических дел с юмором.

Рядом с басней в деле 517 семейного фонда представлено другое сочинение М.М. Щербатова, которое не было опубликовано, «Оставь ты суету в себе днесъ возвратися» [6, л. 20–23]. Оно написано в стихотворной форме. Представленный в фонде текст, скорее всего, черновик, в нем много исправлений и зачеркиваний, многие слова или трудночитаемые, или совсем нечитаемые. Время создания текста не указано, но можно предположить, что он написан в 1780–1790-х гг. По переписке можно определить, что примерно в это время у М.М. Щербатова обострились проблемы со здоровьем. Возможно, у него была болезнь, связанная с воспалением суставов, это отразилось на его почерке: «я за недомоганиями моими не мог к тебе писать» [6, л. 40]. Многие письма к сыну написаны его слугой, на них была только подпись историка (например «отец твой Михайло Щербатово» [6, л. 46].), на некоторых он даже не смог подписаться – «покорный князя слуга» [6, л. 66 об.]. Вероятно, личное настроение автора повлияло на то, что превозмогая проблемы со здоровьем, он изложил свои мысли на бумаге. Текст проникнут глубокой печалью и отчаянием: «Не сетуя о том что я обманут был, / когда вступал к двору Двора я не любил, / и первое мои дух туда лишь устремлялся, / пороков что б двора всегда остерегался, / в пучине мрачной сей три лета пребывал» [6, л. 20 об.]. Это сочинение М.М. Щербатова пропитано горьким разочарованием в придворной жизни, печалью от невозможности реализации в общественно-политической сфере потому, как екатерининский век «подобенъ что век сей Древнейшему во всем, / что хитрость злоба лесть в придворных обитает, / что подлая Душа всегда царей ласкает» [6, л. 23].

Эти два разных сочинения М.М. Щербатова показывают его внутренние переживания, его чувства и эмоции.

Итак, в семейном фонде Щербатовых представлены источники, отражающие не только историко-публицистическую и археографическую деятельность М.М. Щербатова, но и его личную сферу. Сочинения «Сильна рука владыка» и «Оставь ты суету…» не были опубликованы, но они важны для изучения творчества историка.

1. Герцен, А. И. Предисловие Искандера / А. И. Герцен // О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. L., 1858; Факсимильное изд. – М. : Наука, 1983. –175 с.

2. Каталог личных архивных фондов отечественных историков. – М. : Эдиториал УРСС, 2011. – Вып. 1 : XVIII век / под ред. С .О. Шмидта ; сост. В. Ю. Афиани, Т. В. Лохина, М. П. Мироненко – 368 с.

3. Маловичко, С. И. «Историописатель второго плана» в истории / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева // Слава и забвение: парадоксы биографики. – СПб. : Алетея, 2014. – 544 с.

4. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М. : Кругъ, 2011.– 560 с.

5. Репина, Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л. П. Репина. – М. : Издательство ЛКИ, 2009. – 320 с.

6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 1289. Оп. 1. Д. 517.

Новицкая О.В.

ПРАВОСЛАВНЫЕ И КАТОЛИЧЕСКИЕ КРЕСТЫ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ «ЗАМКОВЫЙ КОМПЛЕКС “МИР”»

Музейные фонды представляют значительную часть источниковой базы исторических исследований. Они состоят из музейных предметов (экспонатов), которые извлечены из окружающей среды, и которые в музее обладают свойствами длительной сохранности и являются носителями семантической и эмоциональной информации [2, с. 55]. Музейные предметы отражают развитие человеческого общества и служат основой для научного познания прошлого. Вместе с тем они представляют конкретно-историческую ценность как памятники истории, фрагменты исчезнувшего времени. Вся необходимая информация об истории бытования, поступлении, состоянии музейных предметов фиксируется в актах приёма, книгах учёта музейных экспонатов, картотеке музейного фонда.

В настоящее время в фондах музея «Замковый комплекс “Мир”» насчитывается свыше 3 тысяч музейных предметов и научно-вспомогательных материалов, которые входят в состав 13 коллекций. Разнообразной по тематике является коллекция «Декоративно-прикладное искусство», которая представлена 76 предметами (данные на апрель 2015 г.). Это уникальные образцы шпалерного искусства западноевропейских мастеров, фрагменты поясов слуцкого типа, шкатулки, табакерки, перстни, статуэтки, шахматные фигуры, медальоны, кресты и многое другое.

Особый интерес представляют кресты, которые отличаются по форме, размерам, материалу, назначению и времени изготовления, охватывая период с XII в. по 70–90-е гг. XX в. Данная статья представляет собой описание католических и православных крестов из собрания музея «Замковый комплекс “Мир”» и позволяет ввести их в научный оборот.

Самый ранний по времени изготовления крест-энколпион из собрания музея датирован XII в. Он имеет четырехконечную форму, с закругленными окончаниями ветвей и каплевидными выступами-«слезками». На лицевой створке – изображение Распятия, на оборотной – изображение Богоматери, с левой и правой стороны которой проставлены буквы МР–ΘY. Это первые и последние буквы греческих слов, которые означают: Матерь Бога или Божия Матерь. Контуры створки обрамлены рельефным валиком с косыми насечками. Рельефное изображение Распятия нечёткое. Тело Христа прямое, голова лишь немного наклонена вправо, руки разведены в стороны. Кисти рук непропорционально велики. Внутренняя поверхность створок гладкая. Обе створки имеют шарнирные петли на верхнем и нижнем концах.

Металлический крест-мощевик конца XVIII в. с фигурой распятого Иисуса Христа бóльших размеров по сравнению с крестом-энколпионом. Конструктивные особенности и некоторые детали иконографии указывают на то, что крест имеет католическое происхождение. В верхней части креста имеется табличка в виде свитка, на которой проставлены буквы «INRI». Это аббревиатура латинской фразы «IESUS NAZARENUS REX IUDAEORUM», то есть «Иисус Назарянин, Царь Иудейский». Крест состоит из двух створок, внутри которых имеются узкие полоски бумаги, приклеенные на бархатную ткань. Текст, написанный на бумаге, частично утрачен. Скульптура распятого Христа представлена в главном композиционном центре креста. Иисус Христос изображён мёртвым. Его руки провисают под тяжестью тела. Голова склонена к правому плечу, пальцы на руках согнуты, ступни ног скрещены. Форма ушка креста простая, округлая, с небольшой шишечкой наверху. Ушко расположено параллельно плоскости креста.

Кроме крестов-мощевиков в собрании музея имеются нательные кресты. Один из них металлический крест, в центре которого изображена в профиль фигура Св. Фомы Аквинского. На лицевой стороне креста в верхней части проставлены латинские буквы «SAN.», по обе стороны от изображения – «THOM AQVIN», в нижней – «ORD. PRED», которые можно растолковать, как «Фома Аквинский, орден проповедников». С оборотной стороны креста – текст молитвы на латинском языке «Crux mihi certa salus. Crux est quam semper adoro. Crux domini mecum. Crux mihi refugium», который переводится, как «Крест мое спасение. Крест, которому я всегда поклоняюсь. Крест Господа со мной. Крест – мое убежище».

Известно, что Св. Фома Аквинский родился 25 января 1225 г. в Италии. Начальное образование получил в монастырской школе, по окончании которой поступил в Неапольский университет. В 19 лет Фома вступил в орден доминиканцев, обучение продолжил в Кёльне и Париже. В 1269 г. стал советником короля Людовика IX. Основной принцип философии Фомы Аквин-

ского – гармония веры и разума. Он попытался рационально доказать существование Бога и отклонить возражения против истин веры. Учение Фомы Аквинского было признано «единственно истинной философией католицизма». Оно оказало значительное влияние на духовную жизнь современного западного общества. Фома Аквинский умер в 1274 г., был канонизирован в 1323 г. [4, с. 232].

Иной формы нательный крест, датируемый XVIII – началом XIX вв. Он четырёхконечный, но с овальными лопастями. На лицевой стороне в центральной части – фигура распятого Христа. Сияние вокруг головы в виде световых лучей символизирует духовную славу. Над лучами – табличка (буквы не сохранились). Святой Дух представлен в виде голубя. На верхней лопасти креста – поясное изображение Бога-Отца, на боковых – два херувима или серафима. В нижней части креста Божья Матерь и Св. Иоанн [5]. На оборотной стороне креста на боковых лопастях – монограммы, вписанные в круги. В центральной части по горизонтали слово «Владыка» (?). На нижней лопасти креста – изображение Богоматери с Младенцем. На верхней лопасти изображение идентифицировать не удалось. На лицевой и оборотной сторонах креста по краю проходит бисерное обрамление. Оглавие имеет вид ушка, расположенного перпендикулярно плоскости креста.

Кроме крестов-мощевиков и тельников в собрании музея представлен алтарный металлический католический крест (высота – 71,5 см) с трёхчастным основанием, которое покоится на трёх ножках в виде лап животных. В нижней части основания – шесть сквозных отверстий круглой формы и выгравированная надпись: ISAK / DCM / 1792.

Верхняя и боковые оконечности креста представляют собой стилизованные трилистники. На верхней оконечности выгравированы буквы «INRI». Скульптура распятого Христа представлена в главном композиционном центре креста. Иисус Христос изображён мёртвым, препоясанный набедренной повязкой. Его руки провисают под тяжестью тела. Голова склонена к правому плечу, пальцы на руках согнуты, кисти рук прибиты гвоздями, ноги слегка согнуты в коленях влево, ступни ног скрещены и прибиты одним гвоздём.

В собрании музея представлены также и деревянные кресты, как католические, так и православные. Один из них до 1939 г. венчал царские врата в церкви-усыпальницы последних владельцев Мирского замка – князей Святополк-Мирских. Резные сплетения на сакральном предмете перекликаются с общей стилистикой оформления интерьера церкви.

В 1939 г. княжеская церковь подверглась разграблению, часть церковного имущества в 1940 г. была вывезена в Свято-Георгиевскую церковь на православном кладбище. Крест с иконостаса и некоторые предметы продолжали оставаться в церкви-усыпальнице, однако со временем были утрачены. В 1994 г. иконостас был отправлен в церковь Жировичской иконы Божьей Матери (г.п. Берёзовка, Лидский р-н, Гродненская обл.). В церковь-усыпальницу Святополк-Мирских был заказан новый иконостас, который установили осенью 2009 г. Через четыре года после этого события крест с оригинального иконостаса был возвращён в храм [3, с. 87–94].

Два креста поступили в музей в марте 2015 г. из Израиля по дарственной от Элишевы Хемкер, которая долгие годы была помощницей отца Даниэля. Известен он и как Освальд Руфайзен, человек, который в августе 1942 г. помог бежать узникам гетто, находившегося в Мирском замке. После уничтожения гетто 13 августа он был схвачен фашистами, но ему удалось убежать. Затем на помощь пришли монахини местного монастыря, которые укрывали его в течение 15 месяцев. После этого Освальд Руфайзен очутился в еврейском отряде под командованием Бельского. Там он повстречал мирских евреев, которые были ему очень рады. На каждом шагу он встречал признаки искренней радости и выражение благодарности за спасенную жизнь [7, 69]. После войны, в 1945 г., Освальд вступил в католический орден кармелитов и уехал в Израиль. В городе Нагария он создал дом престарелых, всегда служил мессы по просьбе тех, кто к нему обращался. В городе Хайфа, где он жил последние годы, кармелитский настоятель принимал верующих любой конфессии, проводил для них экскурсии. В 1992 г. Освальд Руфайзен приехал в посёлок Мир, где встретился с выжившими узниками мирского гетто. Их было немного, но все они были обязаны ему своим спасением. Он умер в Хайфе 30 июля 1998 г. в возрасте 76 лет [5, с. 132].

Оба креста, подаренные Элишевой Хемкер, принадлежали Освальду Руфайзену. Один из них в сопроводительном письме был подписан как личный крест отца Даниэля. Он представляет собой металлический четырёхконечный крест, в который вставлен деревянный, повторяющий очертаниями металлический, но меньший по размеру. Вертикальная перекладина деревян-

ного креста разделяет горизонтальную перекладину на две равные части. На деревянном кресте четырьмя сквозными металлическими штырьками укреплены бронзовые (?) Распятие и табличка в виде свитка, на которой проставлены латинские буквы «INRI», обозначающие «Иисус Назарянин, Царь Иудейский». Христос изображён мёртвым с терновым венцом на голове. Его руки провисают под тяжестью тела. Голова склонена к правому плечу, ладони открыты, ноги согнуты в коленях, ступни скрещены. В оглавии имеется круглое ушко с двумя металлическим кольцами, соединёнными между собой и предназначенными для подвески. На боковой стороне оглавия есть надпись «ITALY».

Другой крест, полностью деревянный, был подарен Освальду Руфайзену латиноамериканским братством. Крест состоит из двух деревянных брусочков красновато-коричневого цвета, которые в месте пересечения соединены посредством направленных навстречу друг другу вырезов, сделанных на половину глубины соединяемых досочек (соединение накладкой «вполдерева»). На лицевую сторону креста роспись нанесена гуашевыми красками, сверху покрыта лаком. На верхней оконечности креста изображено солнце, на горизонтальной и вертикальной перекладинах – птицы, цветы и дома. На оборотной стороне креста в верхней части имеется металлическая петля для подвески и надпись на испанском языке «Artesanias El Pinakote (?) La Palma El Salvador c. A», которая свидетельствует, что крест был сделан в одной из мастерских небольшого горного городка Ла-Пальма в Сальвадоре, прославившегося деревянными шедеврами, расписанными яркими красками в «наивном стиле». Эта идея принадлежит художнику Фернандо Льорту (1949 г.р.). С самого детства он любил рисовать. После окончания средней школы поступил в университет Сальвадора на архитектурный факультет. В 1968 г. Льорт учился во Франции, затем в Бельгии и США. После возвращения в Сальвадор в 1973 г., он решил переехать в Ла-Пальма, где основал движение и кооператив ремесленников. Его стиль сочетает этнические, национальные и религиозные мотивы, вобрав в себя смесь традиционной культуры с оттенками доколумбовой эпохи [1]. Материалы, которые использовали мастера, с годами менялись. Первоначально они работали с деревом, но потом начали использовать семена дерева ятоба, а в 1980-е гг. добавились керамика и работа со стеклом [8]. В 1989 г. Ф. Льорт создал Фонд содействия искусству и культуре. Сейчас он известен в своей стране и как участник многочисленных выставок в Японии, Канаде, Германии, Франции, Испании, Мексике, Эквадоре и др. Его работы представляют сальвадорское искусство на мировом уровне. В 2003 г. законодательное собрание страны присвоило художнику почётное звание «Достойный сын Эль Сальвадора» за «заслуги в области искусства по продвижению культуры и идей гуманизма в республике», а в 2013 г. Министерство культуры присудило Ф. Льорту Национальную премию – за вклад в развитие культуры [1].

Таким образом, католические и православные кресты из собрания музея «Замковый комплекс “Мир”» являются не только произведениями искусства, но и важным источником информации для исследователей. Они представляют собой значимую часть коллекции «Декоративно-прикладное искусство». Несмотря на то, что в собрании музея их только восемь, однако они охватывают период с XII по XX вв. Два креста, самые поздние по датировке принадлежали человеку, имя которого связано с историей Мирского замка в годы Великой Отечественной войны, поэтому являются не менее важными историческими источниками.

1. Баркалова, Н. В. Фернандо Льорт: искусство – это служение / Н. В. Баркалова // Истоки. – 2014. – № 5 (56). – С. 5.

2. Грицкевич, В. П. Теория и история источниковедения. Учебное пособие для студентов заочных отделений гуманитарных отделений вузов. / В. П. Грицкевич, С. Б. Каун, С. Н. Ходин. – Минск, 2000. – 164 с.

3. Новицкая, О. В. Княжеская церковь-усыпальница в Мире. К 100-летнему юбилею / О. В. Новицкая, Л. Е. Прокопенко // Рэстаўрацыя Мірскага замка. Праблема захавання прыроднага і культурнага ландшафтаў: навукова-практычная канферэнцыя, г.п. Мір, 6 чэрвеня 2010 г. / Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь, Нацыянальны мастацкі музей Рэсрублікі Беларусь, Замкавы комплекс «Мір» ; навук. рэд. А. А. Ярашэвіч. – Нясвіж: Нясвіжская ўзбуйненая друкарня імя С. Буднага, 2012. – 96 с.

4. Поло де Болье, М. Средневековая Франция : [пер. с фр.] / Мари-Анн Поло де Болье. – М. : Вече, 2014. – 384 с.

5. Раманава, І. Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары / І. Раманава, І. Махоўская. – Вільня : ЕГУ, 2009. – 248 с.

6. Справочник православного человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/knigi/spravochnik-pravoslavnogo-cheloveka-pravoslavnyj-khram-all.shtml. – Дата доступа : 21.02.2015.

7. Mistecka, M. Droga Oswalda Rufeisena do kapłaństwa / S. Maria Lucyna Mistecka // Chrześcijanin w świecie. – 1978. – № 69. – S. 69.

8. La Palma, El Salvador [Electronic resource]. – Mode of access: http://lapalma.gang.net/en/aboutart/history.shtml. – Date of access: 15.03.2015.

Дианова Е.В.

КОЛЛЕКЦИИ БОН И МОНЕТ В МУЗЕЯХ КАРЕЛИИ

Среди различных коллекций музейных предметов в Национальном музее и во многих районных музеях Республики Карелия имеются коллекции бон и монет, представляющие собой важный исторический источник. Формирование нумизматических коллекций и собирание бумажных денег в музеях происходило разными путями. В Национальный музей Республики Карелия (НМРК), основанный в 1871 г., старинные русские и иностранные монеты, а также бумажные ассигнации и кредитные билеты поступали на протяжении всего его существования.

В 1913 г. Общество изучения Олонецкой губернии обратилось к жителям Петрозаводска с просьбой приносить в музей старинные предметы, в том числе деньги. Первые пять медных монет 1727, 1762, 1790 и 1796 гг. принес петрозаводский уездный исправник Ф.Я. Иванов уже в 1913 г. Из этих пяти монет одна была с надписью «Georgius III», английского короля Георга III (1760–1820). Находка монеты с профилем короля Георга III связана с приездом на Александровский завод в Петрозаводск британских специалистов, в том числе горного инженера Чарльза Гайскойна, который в 1786–1806 гг. был начальником Олонецких горных заводов.

Крестьянин Д.А. Флотский подарил музею четыре русских монеты 1762, 1731, 1797, 1800 гг. и одну серебряную монету 1820 г. с гербом польского королевства. В 1914 г. сотрудник ОИОГ А.В. Шлипеков передал в дар музею 24 медных и 1 серебряную монеты, крестьянин деревни Фоминой Пудожского уезда Еремеев – 2 монеты по 2 копейки, вице-губернатор А.Ф. Шидловский – пятирублевую ассигнацию 1812 г. В 1915 г. Тобольский архимандрит Августин подарил музею старинную серебряную полтину. Кроме того, в музей поступило большое количество мелких медных монет от крестьян Каргопольского и Вытегорского уездов [2, с. 107]. Серебряная монета 1820 г. с гербом польского королевства могла быть обронена ссыльными поляками, оказавшимися в Олонецкой губернии после подавления восстания в Польше 1830–1831 гг.

Нумизматические коллекции муниципальных музеев Карелии зачастую также формируются за счет дарений и пожертвований местного населения. К примеру, в Кемский районный музей «Поморье» отдельные предметы принесли школьники, например, серебряные монеты конца XV – начала XVI в., которые были найдены ими на древнем центре Кеми – Лепострове и на левом берегу реки Кемь в районе бывшей деревни Верховье. В Кемском районном музее хранится нумизматическая коллекция из 359 монет, в которой преобладают монеты России и СССР, также имеются пять норвежских монет конца XIX – начала XX вв., датская монета 1757 г. и английская монета 1917 года. Эти монеты свидетельствуют о давних торговых связях Кеми с Данией и Норвегией. Английская монета 1917 г. подтверждает присутствие англичан или жителей Британских колоний на Русском Севере в период гражданской войны и иностранной военной интервенции в 1918–1919 гг. Коллекция бумажных денег включает в себя более 600 бон – это бумажные деньги Российской империи конца XIX–начала XX вв., боны правительства Северной области 1918–1919 гг., советские купюры различного достоинства [1, с. 31–32].

В Региональном музее Северного Приладожья им. Т.А. Хаккарайнена (Сортавала) в пополнении фондов также приняли участие некоторые жители города Сортавала, передавшие музею свои нумизматические коллекции. В музее хранится монета 1 эре (Швеция, 1629), найденная в городе Сортавала. Монета относится к тому времени, когда земли Северного Приладожья и Карельского перешейка с крепостью Корела и Сердовольским погостом по Столбовскому миру 1617 г. перешли к Швеции [1, с. 138].

В музеи чаще поступают монеты, найденные во время археологических раскопок или строительных работ. Так, в ходе строительно-реставрационных работ рядом со зданием НМРК в 2002 г. в подвале была обнаружена мелкая медная монета «Одна деньга», выпущенная в 1797 г. в период правления императора Павла I (1796–1801). На реверсе изображен вензель Павла I. На аверсе монеты цифрой и точкой обозначено её достоинство – одна деньга (точку на монете ввели специально для людей, не владеющих грамотой), год выпуска – 1797 и буквы ЕМ, обозначавшие место выпуска – Екатеринбургский монетный двор. Мелкая разменная монета, меньше копейки, судя по названию монетного двора, была изготовлена из сибирской меди. Однако с конца XVIII в. для выпуска медных монет все шире стали использовать медные запасы Карелии и производственные возможности Кончезерского медеплавильного завода. Позже на карельских медных ресурсах начал выпуск медных монет Санкт-Петербургский монетный двор. Оче-

видно, монета была утеряна на главной площади Петрозаводска, которая в то время называлась Циркульной, вблизи от зданий, принадлежавших Управлению Александровского завода [6].

К наиболее ценным экспонатам нумизматической коллекции НМРК относится серебряная западноевропейская монета (пенни или полупенни) типа «длинный крест», относящаяся к периоду правления английского короля Эдуарда Исповедника (1042–1066). Монета была найдена в 1929 г. во время археологических раскопок в южной Карелии на берегу реки Олонка, где была сосредоточена группа археологических памятников раннего средневековья «Курганы приладожской веси». Серебряная монета из Западной Европы является археологическим свидетельством торговых и культурных контактов местного населения, вовлеченного в торговлю на пути «из варяг в греки» [5].

Нумизматическая коллекция Олонецкого национального музея карелов-ливвиков им. Н.Г. Прилукина насчитывает более 3500 монет. При раскопках города Олонца в период с 1975 по 1993 гг. было найдено 109 монет. В основном это мелкие деньги XVIII–XIX вв., номинал которых не превышает 5 копеек. Все они относятся к разряду случайных находок. В 1975 г. была найдена одна серебряная проволочная монета «односторонка» XVII в., на одной из ее сторон видно изображение всадника с копьем. Среди находок есть две шведские монеты XVIII в. в 1 эре [3, с. 129, 133, 134].

Олонецкий край находился на так называемом «Янтарном пути», связывавшем Балтийское море и Волгу. По этому пути проходили караваны купцов. Олонецкая земля хранит в себе клады. Близ реки Свирь было найдено 6 кладов XI в. В 1932 г. в деревне Нюрала Олонецкого района обнаружили 300 серебряных монет, относившихся к царствованиям от Ивана Грозного (царь – 1547–1584 гг.) до Михаила Федоровича (1613–1645 гг.). В 1959 г. на острове Мантсинсаари, расположенном в северо-восточной части Ладожского озера, был найден клад из 772 «чешуек», русских серебряных монет XV–XVI вв. [7, с. 148]. В то время шел сбор материалов для Олонецкого музея, и эта находка вошла в число его экспонатов. Чешуйка – древнерусская монета, получившая своё прозвище из-за своей формы, похожей на чешую рыбы. Чешуйки в основном изготавливались из серебра и, в меньшем количестве, из меди. Ценность чешуек определялась по их весу.

Всего в Карелии было найдено 30 кладов, но лишь некоторые из них были отправлены в музеи. В Национальном музее Республики Карелия отдельный зал отдан под раздел «Северное порубежье» по истории Карелии в эпоху Средневековья IX–XVII вв. Посетители смогут увидеть самые различные старинные вещи: оружие и культовые предметы, изделия оружейного завода «Железная пустынь» XVI–XVII вв., орудия труда на соляных промыслах, книги из Соловецкого монастыря. Среди экспонатов особое внимание посетителей привлекает россыпь монет. Это Сандальский клад, найденный в 1972 г. карельскими рыбаками на безымянном островке между озерами Нигозеро и Сандал. В кладе хранилась 71 серебряная монета: византийский милиарисий, западноевропейские динарии X–XI вв., арабские дирхемы VIII–X вв. Они были положены в ямку между небольшими валунами около 1015 г. Клад был передан на хранение Карельскому краеведческому музею (ныне НМРК) [4].

Монеты и бумажные деньги используются для оформления музейных экспозиций и выставок по истории родного края. К примеру, в Кемском музее «Поморье» была открыта экспозиция «Купеческая лавка». В ней представлены музейные экспонаты по развитию торгового дела на севере России в конце XIX – начале XX вв., а также бумажные деньги – казначейские билеты России 1898–1920 гг. [1, с. 35].

В Беломорском краеведческом музее «Беломорские петроглифы» в экспозиции «Морская культура поморов конца XIX – начала XX вв.» есть раздел «Торговые отношения». В витринах находятся товары, привезенные поморскими купцами из Норвегии и других стран, а также бумажные деньги начала XX в. – государственные кредитные билеты достоинством 1, 50, 100 рублей. В Пудожском историко-краеведческом музее им. А.Ф. Кораблева имеются коллекции нумизматики (110 монет) и бонистики (160 купюр). В 2006 г. была открыта выставка «Пудож купеческий», среди экспонатов которой были металлические и бумажные деньги [1, с. 18, 131].

В декабре 2006 г. в Кондопожском краеведческом музее начала работу выставка монет и бон «Клад истории». В фондах Кондопожского музея хранится 189 монет: коллекция монет императорской России (76), монеты СССР (88), зарубежных государств (25). Коллекция бон насчитывает 211 экспонатов: бумажные деньги царской России (132), СССР (73), зарубежных государств (6). Музейные работники обратились к жителям города с предложением организовать выставку монет и бумажных денег совместно с фондами музея. На предложение откликнулось

несколько человек, которые передали на временное хранение музею 134 экспоната (монеты и боны).

На выставке было показано развитие денежной системы России и СССР. Всего на выставке было представлено 383 экспоната, среди них была одна монета из Сандальского клада. Выставка имела несколько разделов: «Монеты и бумажные деньги царской России», «Бумажные деньги Временного правительства и правительств России 1917–1919 гг.», «Монеты и бумажные деньги РСФСР и СССР», «Монеты и бумажные деньги СССР и России», «Монеты зарубежных государств». На базе выставки «Клад истории» работники Кондопожского музея разработали музейно-образовательную программу «Путешествие монетки» [4].

Таким образом, нумизматические коллекции, собрания бон и бумажных денег НМРК и музеев Карелии являются интересным и важным источником по истории родного края. Музейные выставки и экспозиции, в которых представлены старинные деньги, всегда вызывают интерес, как у детей, так и у взрослых посетителей.

1. Дианова, Е. В. Музеи в контексте исторического краеведения Карелии : учебное пособие для студентов-историков : в 3 ч. Ч. 2. Муниципальные музеи Республики Карелия / Е. В. Дианова, К. А. Дианова. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. – 159 с.

2. Дианова, К. А. Вклад Общества изучения Олонецкой губернии в развитие музейного дела Петрозаводска / К. А. Дианова // Музеи и краеведение. Труды Национального музея Республики Коми. Сыктывкар. – 2007. – Вып. 6. – С. 103–110.

3. Дмитриева, Т. П. Монетные находки из раскопок на территории Олонецкой крепости / Т. П. Дмитриева // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск. – 1995. – Вып. 3. – С. 129–135.

4. Кондопожский краеведческий музей. Музейно-образовательная программа «Путешествие монетки» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kondopoga.ru/2008/01/18/kondopozhskijj_gorodskojj_kraevedcheskijj_muzejj.html. – Дата доступа: 13.04.2015.

5. Национальный музей Республики Карелия. Коллекция: Археология, Эпоха Средневековья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kgkm.karelia.ru/site/exhibit?page=9. – Дата доступа: 13.04.2015.

6. Национальный музей Республики Карелия. Коллекция: Археология, Период Нового времени [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kgkm.karelia.ru/site/exhibit/271. – Дата доступа: 13.04.2015.

7. Спиридонов, А. М. Монетные клады Карелии // Вестник Карельского краеведческого музея / А. М. Спиридонов. – Петрозаводск, 1995. – Вып. 3. – С. 136–151.

Болотина Н.Ю.

СЕНАТОРСКАЯ РЕВИЗИЯ ГРАФА А.Р. ВОРОНЦОВА И А.В. НАРЫШКИНА 1785 г.: КОРПУС ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И СУДА В МОГИЛЕВСКОЙ И ПОЛОЦКОЙ ГУБЕРНИЯХ

Широкомасштабное проведение сенаторских ревизий, охвативших почти всю Российскую империю, началось после введения Учреждения о губерниях 1775 г. и Устава благочиния 1782 г. По указу Екатерины II от 20 мая 1785 г. сенаторам А.Р. Воронцову и А.В. Нарышкину поручалось обследование присутственных мест и ревизия «течения и порядка дел» по маршруту: Псков, Полоцк, Могилев, Смоленск, Новгород-Северский, Чернигов, Киев, Орел, Тула, Калуга, Москва, Тверь, Новгород (включая уездные города) [2, л. 1]. В ходе поездки сенаторы должны были изучить состояние дел в Могилевской и Полоцкой губерниях, возникших из части белорусских земель, перешедших к Российской империи по первому разделу Польши.

Основной целью Воронцова и Нарышкина было выяснить, справляются ли новые органы власти на местах с решением дел, каков профессиональный уровень чиновников, может ли эффективно и результативно работать созданный госаппарат и соответствует ли его деятельность установленным законам. Сенаторы, а, возможно, только один Воронцов, который не первый раз принимал участие в проведении ревизии, разработали примерный перечень сведений, которые им должны были предоставить по приезде в каждую губернию [3, с. 15–26].

В результате проведения сенаторской ревизии Воронцова и Нарышкина сформировалось два корпуса источников. Первый – официальные доклады сенаторов Екатерине II с приложением ряда ведомостей по основным вопросам, второй, более обширный и разнообразный, – это документы, отложившиеся в личном фонде Воронцовых (Ф. 1261) в РГАДА. Донесение сенаторов с приложениями составляют отдельное дело в составе фонда № 16 «Внутреннее управление» РГАДА. Официальный рапорт о ревизии Могилевской губернии за подписями Воронцова и Нарышкина датирован 15 июля 1785 г. Они положительно оценили работу губернских и уездных присутственных мест: «как в наместническом правлении, в палатах уголовной, гражданской и казенной, так и во всех прочих судах по довольном рассматривании нашли мы весьма

поспешное в делах течение и соблюдение в точности предположенных в высочайших учреждениях правил, не усмотря ни в чем важного недостатка» [1, л. 2 об.].

В рапорте кратко приводятся ответы на вопросные пункты, разработанные для ревизии, указывается, что губерния действительно разделена на уезды, определены границы, в присутственных местах достаточное количество служащих. Особо сенаторы отмечали качественный состав судебных органов: «во всех Могилевской и Полоцкой губерниях судах, которые мы свидетельствовали, нашли выбранных от земли заседателей и капитанов исправников, людей с достоинствами и усердствующих о исполнении своих должностей» [1, л. 6 об.]. Особое внимание сенаторы уделили новым государственным органам – приказам общественного призрения. Согласно их рапорту, отдельной записке и представленным ведомостям, силами этого учреждения в Могилеве была заведена аптека, построен смирительный дом, учреждены богадельни [1, л. 12–13, 14–15].

При обследовании Могилевской и Полоцкой губерний остро встал вопрос вероисповедания. Сенаторы представили Екатерине II записку об образе правления Римско-католической епархии [2, л. 21–33], а также информировали императрицу о жалобах еврейского населения [4, с. 132–144; 2, д. 303].

Богатейший информативный источниковый комплекс представляют собой приложения к рапорту, в которых содержится статистическая информация и подробные записки по отдельным пунктам доклада. В специальной ведомости систематизированы сведения о поступивших, решенных и нерешенных делах в присутственных местах губернского города Могилева [1, л. 10 об. – 11]. Согласно краткой ведомости о числе населения, доходах и казенном строении в Могилевской губернии в 1785 г. числилось 332 122 человек, годовой доход составлял 277 160 р. 49½ коп., ряд казенных зданий уже был выстроен, продолжалось возведение почтовых домов в Могилеве и Орше, в Черикове корпуса для городничего, казначея и хранения казны и присутственных мест, в Мстиславле, Кричеве и нескольких селах – путевых дворцов, а также помещений для пограничных таможен, почтовых дворов и других учреждений. К 1785 г. в Могилеве уже вчерне была выстроена каменная церковь во имя Святого Иосифа с четырьмя корпусами [1, л. 37–38]. Отдельная ведомость предоставляла сведения о состоянии городов Могилевской губернии на 1785 г.: количестве, сословном и национальном составе жителей, торговле и ремеслах [1, л. 39].

К рапорту Воронцова и Нарышкина были приложены копии их писем белорусскому генерал-губернатору П.Б. Пасеку, в которых отмечались успехи в организации управления, а также были сделаны конкретные замечания по вопросам деятельности учреждений. Так, например, сенаторы отмечали продуманный подбор судебного корпуса: «Не можем равномерно оставить без похвалы хорошей выбор нынешних земских судей и заседателей в городах обеих белорусских губерний, которые мы осматривали, а особливо исправников в рассуждении расторопности и точного исполнения возложенных на них должностей» [1, л. 16].

Донесение сенаторов Воронцова и Нарышкина об осмотре Полоцкой губернии с сопроводительными материалами в том же составе, что и по Могилевской губернии, составляет отдельное дело фонда 16 [1, д. 891].

Среди фамильных бумаг А.Р. Воронцова сохранились подлинники, черновики и копии распорядительных документов и подготовительных материалов сенаторских ревизий. Наряду с копиями рапорта императрице и приложенными к нему документами, в фонде Воронцова имеется копия рапорта сенаторов в Сенат, который, практически слово в слово повторяет доношение Екатерине II [2, д. 87, л. 8–8об.]. В архивном деле находится и ряд дополнительных документов. Среди них подробный поименный список колодников, содержащихся в Могилеве и уездных городах с указанием их провинностей [2, д. 87, л. 9–11].

Деятельность органов управления и суда в Полоцкой губернии была положительно оценена сенаторами, хотя возникли и некоторые замечания. Сенаторы, сверяя поданную генеральную ведомость о решенных и нерешенных делах с документами, предоставленными из каждого учреждения, объясняли расхождения неполучением вовремя необходимых справок. Общее число дел, поступивших в судебные инстанции, составляло 5783, из них нерешенных на 13 июня 1785 г. оставалось 402 [2, д. 174, л. 8]. Задержку в делах Воронцов и Нарышкин также видели и в том, что «дела в некоторых местах входят на польском, а особливо тяжебные, которые и должно переводить на российский язык» [2, д. 174, л. 1 об.]. Замедления в деятельности приказа общественного призрения в Полоцкой губернии Воронцов и Нарышкин объясняли недостатком денежных средств.

В специально составленной записке [2, д. 174, л. 9–10] говорится о том, что планируется завести в Полоцке и Витебске богадельни, а генерал-губернатор Пасек выделил для этих целей личные средства.

После Полоцка Воронцов и Нарышкин осматривали присутственные места и судебные органы в уездных городах Витебске, Сураже и Велиже. При этом выяснилось, что в Витебском уездном суде оказалось более нерешенных дел, чем в других, а в магистрате, сверх того, было найдено большое несогласие и беспорядок у бургомистров с ратманами и стряпчими, и сенаторам пришлось строго «подтвердить о скорейшем в положенный срок дел решении» [2, д. 174, л. 3]. В Витебске присутственные места помещались в каменном корпусе, а магистрат в особом каменном доме. Работа учреждений в Сураже и Велиже не вызвала нареканий в ходе ревизии, причем в последнем магистрат содержал на свои средства школу для неимущих сирот, также в городе была больница.

В делах фонда Воронцова сохранились ответы на вопросные пункты сенаторской ревизии, которые свидетельствуют о том, что Полоцкая губерния разделена на 11 уездов, а общее число жителей составляло 299 995 человек (в Витебском уезде – 21751, в самом городе 427 купцов и 3546 мещан) [2, д. 174, л. 4, 6 об. – 17]. Все присутственные места имели достаточный штат, сроки заседаний соблюдались в точности, дворянские опеки и сиротские суды имелись во всех уездах, но дел в них поступало немного. Документ сопровождался различными справочными материалами. По результатам осмотра Полоцкой губернии Воронцов и Нарышкин представили в наместническое правление 18 июня 1785 г. записку, в которой изложили свое положительное мнение о деятельности органов управления и суда, а также подробно указали на замеченные недостатки в решении дел и дали рекомендации по улучшению работы. Отдельное представление сенаторов было посвящено результатам осмотра уездных присутственных мест [2, д. 174, л. 25–26 об., 27–28].

Особый интерес представляет дело, в котором содержатся дополнительные ведомости и списки о винной и соляной продаже в Полоцкой губернии, денежной казне, чиновниках и жителях, нерешенных делах. Эти документы были предоставлены сенаторам различными учреждениями Полоцкой губернии в ходе проведения ревизии. Ряд документов, составляющих архивное дело, были поданы Воронцову в июне 1785 г. от Витебского магистрата, Витебского уездного и нижнего земского судов: о рассматриваемых уголовных, гражданских и вексельных делах и содержащихся в полиции колодниках. В ведомостях указывалась дата поступления дела в судебный орган, краткое описание, причина, по которой не решено, а также имеются ли по нему колодники. По городовому магистрату значилось 62 человека, в основном, по делам о денежных претензиях. Исключением можно назвать расследование, начатое по прошению игумена Витебского Маркова монастыря о «поступлении по законам с витебским купцом Василием Галузою за название того монастыря крестьян сызматиками и протчими бранными словами, также и за бой оных» [2, д. 175, л. 11]. Рассмотрение дела задерживалось из-за того, что купца не могли найти.

В Витебском уездном суде находилось 17 судебных дел о бесчестье, неправом завладении землей и вещами, неплатеже денег, спорном межевании, изучение которых откладывалось в связи с неявкой челобитчиков, недостатком доказательств и различных справок [2, д. 175, л. 22–23 об.]. В Витебском нижнем земском суде насчитывалось 10 дел, в основном, по денежным взысканиям и сбору податей и пошлин [2, д. 175, л. 25–26].

Уникальные статистические сведения о Витебске 1785 г. предоставляет сохранившаяся в фонде Воронцовых ведомость о числе жителей, воинской команды, церквей, монастырей, казенных и партикулярных строений. В городе числилось церквей российских греческого исповедания 3 деревянных, униатских 4 каменных и 6 деревянных, монастырей католических каменных 5, деревянных 1, униатских 2. Было в Витебске 38 улиц и 40 переулков, двое ворот, 3 будки и 2 деревянных моста; в ведомости указано 3 еврейские школы, дома для судебных мест, почты, караульни. Документ свидетельствует о том, что Витебск был крупным торговым городом – здесь значилось 14 питейных домов, торговых лавок 24 каменных и 81 деревянная, 1 пивоварня, 327 бань, а также несколько десятков каменных частных домов и около 2000 деревянных [2, д. 175, л. 39].

Собранные сенаторами Воронцовым и Нарышкиным сведения о работе административных и судебных органов Могилевской и Полоцкой губерний, проведенный ими оперативный анализ полученной информации и личный осмотр присутственных мест позволили представить Екате-

рине II довольно объективный отчет о положении дел: за десятилетие функционирования новых учреждений на белорусских землях они были восприняты местным населением, укомплектованы и работали достаточно эффективно.

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 16. Д. 767.
2. РГАДА – Ф. 1261. Оп. 12. Д. 9.
3. Болотина, Н. Ю. Сенатские ревизии и граф А.Р. Воронцов / Н. Ю. Болотина // Воронцовы – два века в истории России. – Петушки : ОАО «Петушинская типография», 2003. – С. 15–26. – (Труды / Воронцовское общество; Вып. 8).
4. Фельдман, Д. З. Еврейское население Белоруссии и Украины по материалам сенаторской ревизии графа А.Р. Воронцова / Д. З. Фельдман // Воронцовы – два века в истории России. – Владимир : Транзит-Икс, 2006. – С. 132–144. – (Труды / Воронцовское общество; Вып. 10).

Фельдман Д.З.

ДОКУМЕНТЫ РГАДА ПО ИСТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ЕВРЕЕВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в.: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ

Российский государственный архив древних актов (РГАДА) является крупнейшим в стране хранилищем документов по истории России до конца XVIII в. В его состав входят материалы учреждений высшего, центрального и местного управления Русского государства и Российской империи, существовавших до административных реформ конца XVIII – начала XIX в., межевых учреждений XVIII – начала XX в., документы государственных и общественных деятелей, деятелей науки и культуры России, поместно-вотчинные, родовые и монастырские архивы, собрания письменных памятников истории, культуры и быта русского и других народов России, относящиеся к эпохе Средневековья, отечественных и иностранных старопечатных и редких изданий XV–XIX вв.

Данный архив обладает значительным количеством документальных материалов по истории евреев, в том числе евреев Беларуси, за XV–XX вв. Согласно специфике состава и содержания хранящихся в РГАДА документов в целом, они отражают самый широкий спектр вопросов внутренней политики Российского государства по отношению к евреям в дореволюционный период.

Специфической особенностью «еврейских» материалов архива является почти полное отсутствие в РГАДА сколько-нибудь компактных и цельных документальных комплексов данного профиля, чьими фондообразователями были бы еврейские учреждения или организации, а также еврейские деятели. Часто документы по еврейской истории содержатся внутри архивного дела, в заголовке которого этот факт вообще не отражен, из-за чего некоторые материалы оказываются скрытыми от исследователя. Распыленность материалов о евреях по различным архивным фондам и коллекциям неизбежно ведет к затруднениям при их выявлении, поскольку в данном случае мы имеем дело не с массовыми, а скорее с единичными источниками или их небольшими группами. Кроме того, даже сейчас имеется явный недостаток систематизированной информации о наличии в РГАДА документов по иудаике. Так, в новом путеводителе по фондам архива встречается всего шесть ссылок на подобные источники [9, с. 361; 10, с. 76; 5, с. 120, 123, 232, 346–347].

Надо отметить, что в советское время подавляющая часть документов РГАДА не являлась секретной, не находилась на особом хранении, а была в открытом доступе. Однако негласный запрет на исследования в области иудаики в СССР привел к тому, что материалы архива, как и многих других хранилищ, не были востребованы учеными и находились в скрытом состоянии. Позитивные изменения в нашей стране, в первую очередь ликвидация идеологических преград, изменяют ситуацию и в отечественной науке. Постепенное возрождение академической иудаики в России с конца 1980-х – начала 1990-х гг. потребовало вовлечения в круг исследований новых исторических источников. Настоящая работа призвана обобщить некоторые основные итоги работы с документами РГАДА по истории белорусских евреев, ставших подданными Российской империи в результате трех разделов Речи Посполитой 1772–1795 гг. За прошедшие годы на базе документального комплекса РГАДА разрабатывалось значительное количество частных вопросов еврейской истории XVII–XIX вв. Нельзя сказать, что введение в научный оборот нескольких сотен исторических документов из его архивного собрания существенно изменило интерпретацию истории белорусских евреев, однако без этих источников общая картина была бы более схематичной и односторонней. Стало возможным детальнее и всесторонне

рассмотреть взаимоотношения между верховной властью и российской еврейской диаспорой, а также процессы, происходившие внутри последней в указанный период.

Безусловно, одной из важнейших по своему значению можно признать публикацию материалов (из бывшего Государственного архива Российской империи) следственного дела 1790 г., начатого Московским купеческим обществом против евреев (двое из которых были могилевскими жителями), записавшихся в Москве первогильдейскими купцами [4]. В процессе его решения были привлечены предшествующие юридические акты, касающиеся положения еврейского населения в разных регионах империи, в том числе в Белоруссии. В октябре 1790 г. дело слушалось на Совете при высочайшем дворе с участием императрицы, который постановил исключить евреев из оклада московского купечества и выслать их из города из-за отсутствия соответствующего закона и пользы вообще от еврейской торговли во внутренних российских городах и портах; разрешить евреям пользоваться правом «гражданства и мещанства» в белорусских губерниях, где они были приписаны к городским сословиям, даже проживая в уездах; наконец, рекомендовать распространить право жительства для евреев на пустынный и экономически неразвитый Новороссийский край, где их деятельность могла бы принести реальную пользу. Данные положения были законодательно реализованы и оформлены в именном указе Екатерины II Сенату от 23 декабря 1791 г., который впервые узаконил фактическое существование черты постоянной еврейской оседлости, то есть было установлено правило, запрещающее евреям водворяться за пределами объявленной территории и записываться вне ее в городские сословия. Использование упомянутой выше публикации английским исследователем Дж.Д. Клиером в русском издании своей монографии [2, с. 132–135], написанной в силу закрытости советских архивов для иностранцев в основном по опубликованным источникам, помогло раскрыть механизмы формирования в России черты еврейской оседлости, которая стала стержнем всей государственной «еврейской» политики вплоть до Февральской революции 1917 г.

История белорусских евреев является важной составной частью истории Беларуси, поэтому неудивительно, что именно белорусский историк взялся за исследование причин введения черты еврейской оседлости. Минчанин Е.К. Анищенко стал одним из немногих ученых, работавших по еврейской проблематике с активным привлечением материалов РГАДА из бывших Госархива, Московского дворцового архива, документов Сената и родового фонда Воронцовых. Результатом этого стала монография [1], убедительно показывающая, что лейтмотивом ограничительного законодательства Российской империи в отношении евреев являлось покровительство верховной власти русскому дворянскому предпринимательству, в том числе стремление сохранить монополию сельского и городского винокурения, реализации и переработки сельскохозяйственной продукции. Целью было предохранение помещичьего землевладения от проникновения купцов-инородцев, то есть обеспечение целостности дворянских преимуществ и сословной чистоты. Этот вывод указывает на совершенно новый подход к вопросу о причинах появления в России черты еврейской оседлости.

Одной из специфических черт жизни евреев в Российской империи конца XVIII – начала XIX в. был унаследованный от польских времен институт еврейского представительства при верховной власти – «штадланут». В Польско-Литовском государстве (а значит и в Белоруссии) штадланы защищали интересы своего народа перед монархами и правительствами, способствовали урегулированию многочисленных спорных вопросов и постоянно возникавших проблем, касавшихся социально-экономической жизни еврейского населения. Ходатаи по делам евреев были представителями общины перед польской администрацией или власть имущими, от которых она зависела. Их роль заключалась в предотвращении антиеврейских акций и в обеспечении поддержки со стороны властей. На эту должность обычно выбирались зажиточные и грамотные люди, имевшие деловые контакты с высокопоставленными поляками и близкие к должностным лицам государственной администрации. Их близость к правящей элите позволяла им влиять на принятие решений органами власти, а также получать полезную информацию из внешних источников и передавать ее кагалам. С переходом под российскую юрисдикцию значительной части территории Речи Посполитой с 800-тысячным еврейским населением сохранилась и прежняя, кагальная, администрация вместе с ее чиновниками, в том числе штадланами. Их деятельность не регламентировалась российскими законами, а была закреплена многовековой еврейской внутриобщинной традицией. Юридическое оформление обязанностей ходатаев ограничивалось выдачей им заверенных в местных государственных учреждениях дове-

ренностей от кагалов или отдельных лиц, дававших им полномочия на выполнение своих функций.

Можно утверждать, что деятельность штадланов (в первую очередь подача прошений в высшие российские инстанции) являлась долгое время чуть ли не единственной связующей нитью между новыми подданными империи – российским еврейством – и ее органами власти и управления. Материалы РГАДА позволяют заглянуть в начальный период становления системы еврейского представительства при верховной власти России в последней четверти XVIII в., персонифицировать состав штадланов Белоруссии и других регионов черты оседлости, проследить за их деятельностью и судьбой. Так, опубликована работа (по документам Госархива, дворцового ведомства и Сената) об одном из первых и наиболее влиятельных поверенных еврейских общин в России того времени – витебском купце 2-й гильдии Цалке Файбишовиче [7]. Его деятельность в качестве уполномоченного от белорусских кагалов пришлась на 1780–1790-е гг., когда в Российской империи проходил процесс юридического оформления статуса еврейского населения в рамках общегосударственной правовой системы, а также формального складывания в западных губерниях черты еврейской оседлости. Имя его связано с появлением основополагающих законов по еврейскому вопросу в России, которые повлияли на судьбу российского еврейства в течение последующего столетия. Из других штадланов конца XVIII в., сведения о которых имеются в архиве, можно назвать Шолома Юдовича, Абрама Еселевича, Ноту Ноткина и др. Петербургский историк-архивист О.Ю. Минкина при подготовке своей монографии по истории еврейского представительства при центральной власти в России опиралась в том числе на документы, хранящиеся в РГАДА [3].

Тему еврейского предпринимательства в России в конце XVIII – начале XIX в. отражают материалы центральных органов управления экономикой – коллегий. В составе фонда Коммерц-коллегии доминирующее положение занимает группа следственных дел о нарушениях евреями таможенных правил в пограничной торговле. Помимо выяснения хода следствий данные источники содержат ценную информацию о географии деятельности и составе товаров еврейского купечества, в первую очередь белорусского [8].

Ценнейшими источниками о зарождении в России на рубеже XVIII и XIX вв. еврейского мануфактурного производства являются ведомости о состоянии фабрик и заводов, рапорты их содержателей и дела об открытии и закрытии предприятий из фонда Мануфактур-коллегии. В отличие от других архивных фондов и коллекций, данные материалы представляют собой довольно компактную однотипную группу, достаточно полно и подробно характеризующую деятельность первых еврейских промышленников Белоруссии (10 ед. хр.), а также Украины, в 1797–1803 гг.: отрасли промышленности, места размещения предприятий и их содержатели (владельцы или арендаторы), сырье, виды и количество выпускаемой продукции и ее стоимость, количество проданной и непроданной продукции и полученная прибыль, вложенный в производство капитал и распределение доходов, количество работников и т.д. Примерно половина предприятий относилась к кожевенному производству; активно участвовали евреи и в производстве головных уборов и ткацкой промышленности. На своих предприятиях евреи занимались также изготовлением поташа, селитры, табака, стекла, медной посуды. В этой связи нельзя не отметить большое разнообразие выпускаемых товаров, учитывая тот факт, что евреи освоили промышленное производство сравнительно поздно. Занятия же их в легкой и обрабатывающей промышленности легко объяснимы, ибо именно в этих отраслях доходы были наиболее значительными: они требовали небольших денежных затрат, самых простых орудий и небольшого числа рабочих, что при крайне нестабильном положении еврейского населения в России являлось очень важным фактором. Комплексное изучение заключенной в этих источниках информации позволяет определить роль и место предпринимателей-евреев в общероссийских и региональных экономических структурах [6]. Архивные документы показывают, что с конца XVIII в. в экономике России функционирует собственно «еврейское производство», поскольку евреи – мещане и купцы – явились инициаторами открытия фабрик и заводов, вложив в производство свой капитал, выкупив или арендовав у помещиков землю и производственные помещения, организовав покупку сырья и сбыт готовой продукции; в ряде случаев они сами работали на этих предприятиях, еще имевших во многом черты ремесленных мастерских.

В целом на базе документальных источников РГАДА возможно изучение самого широкого круга проблем истории евреев Беларуси в дореволюционный период. Многолетний опыт рабо-

ты с архивными материалами показывает, что мы сейчас находимся если и не в начальной фазе, то лишь на пути к их полной научной разработке.

1. Анищенко, Е. К. Черта оседлости: Белорусская синагога в царствование Екатерины II / Е. К. Анищенко. – Минск : Арти-Фекс, 1998. – 160 с.
2. Клиер, Дж. Д. Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России. 1772–1825 / Дж. Д. Клиер. – М. : Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2000. – 352 с.
3. Минкина, О. Ю. «Сыны Рахили»: Еврейские депутаты в Российской империи. 1772–1825 / О. Ю. Минкина. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 344 с.
4. «Московское изгнание» евреев 1790 года / публ. Д. З. Фельдмана // Вестник Еврейского университета в Москве. – 1996. – № 1(11). – С. 170–195.
5. Российский государственный архив древних актов: Путеводитель. – М. : Археографический центр, 1999. – Т. 4. – 782 с.
6. Фельдман, Д. З. Первые еврейские предприятия Российской империи: Архивные источники по Белоруссии / Д. З. Фельдман // Евреи Беларуси: История и культура : сб. статей. – Минск : Четыре четверти, 2000. – Вып. V. – С. 21–37.
7. Фельдман, Д. З. Первые российские штадланы: витебский купец Цалка Файбишович / Д. З. Фельдман // Архив еврейской истории. – М. : РОССПЭН, 2004. – Т. 1. – С. 75–88.
8. Фельдман, Д. З. Роль и деятельность еврейского купечества России в последней трети XVIII в. (по материалам РГАДА) / Д. З. Фельдман // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв. : сб. материалов Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 17–20 сентября 2001 г.). – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – С. 207–213.
9. Центральный государственный архив древних актов СССР : путеводитель. – М. : Главархив СССР, 1991. – Т. 1. – 528 с.
10. Центральный государственный архив древних актов СССР : путеводитель. – М. : Главархив СССР, 1992. – Т. 2. – 516 с.

Анофранка Н.В.

КРЫНІЦЫ ВЫВУЧЭННЯ САЦЫЯЛЬНА-ПРАВАВОГА СТАТУСА І ГРАМАДСКАЙ АКТЫЎНАСЦІ ДВАРАНАК БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКІХ ГУБЕРНЯЎ КАНЦА XVIII – ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XIX ст.

Спецыфіка базы крыніц абумоўлена вузкасцю і складанасцю прадмета даследавання. Паколькі комплексныя дакументы па дадзенай тэме цалкам адсутнічаюць у архівах, звесткі прыходзілася збіраць па крупіцах (асобныя сказы ў дакументах, фрагментарныя згадкі, пасылы і г.д.). Тым не менш спектр прааналізаваных дакументаў базіруецца на пісьмовых крыніцах, якія захоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі (НГАБ): фонд 136 (Мінская духоўная кансісторыя), фонд 295 (Канцылярыя Мінскага грамадзянскага губернатара), фонд 320 (Канцылярыя Мінскага губернскага прадвадзіцеля дваранства), фонд 1297 (Канцылярыя Віцебскага, Магілёўскага і Смаленскага генерал-губернатара), фонд 1430 (Канцылярыя Віцебскага грамадзянскага губернатара), фонд 2001 (Канцылярыя Магілёўскага грамадзянскага губернатара); у Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі ў Гродна (НГАБ у Гродна): фонд 1 (Канцылярыя гродзенскага губернатара), фонд 2 (Гродзенскае губернскае праўленне), фонд 6 (Гродзенская канцылярыя грамадскіх спраў цэсарэвіча – галоўнакамандуючага літоўскім асобным корпусам). Таксама выкарыстаны дакументы Расійскай Нацыянальнай бібліятэкі (Санкт-Пецярбург) – фонд 629 (В.Ф. Ратч); Расійскага дзяржаўнага гістарычнага архіва (Санкт-Пецярбург): фонд 733 (Дэпартамент народнай асветы Расійскай імперыі), фонд 1266 (Камітэт Заходніх губерняў); дакументы Галоўнага архіва старажытных актаў у Варшаве (Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie): імянныя фонды (архіў Тызенгаўзаў, архіў Ганны Вансовіч, архіў Патоцкіх з Яблоні), а таксама архіў масонскі і збор матэрыялаў Мінскага кола Варшаўскага таварыства апекі над здабыткамі мінуўшчыны (1804–1908).

Выкарыстаны комплекс можна падзяліць на дакументальныя і наратыўныя (апавядальныя) крыніцы. Дакументальныя крыніцы не з’яўляюцца аднароднымі, у іх аб’ектыўна вылучаюцца падгрупы: дакументы афіцыйнага справаводства, судова-следчая дакументацыя, заканадаўчыя акты. У корпус дакументаў афіцыйнага справаводства ўваходзяць: 1) распараджальныя дакументы (арганізацыйна-кіраўнічыя распараджэнні і распараджэнні прыватнага парадку), 2) справаздачныя дакументы, 4) дзелавая перапіска, 3) прасіцельныя дакументы. Корпус судова-следчых дакументаў складаюць: 1) прашэнні, 2) дакументы допытаў, 3) распараджэнні на заключэнне следчых органаў.

Найбольш значную частку складаюць распараджальная і справаздачныя дакументацыя, а таксама дзелавая перапіска. Асаблівасцю гэтага корпуса дакументаў з’яўляецца тое, што яны прадстаўлены ад самага ніжэйшага да самага вышэйшага ўзроўню расійскай адміністрацыі. У значнай ступені такія дакументы датычыліся жаночай адукацыі на беларускіх землях [15]. Іх аналіз дае магчымасць вызначыць палітыку расійскай адміністрацыі ў дачыненні да манастырскіх і свецкіх жаночых навучальных устаноў краю, прасачыць змены ў палітыцы

расійскага ўраду ў адносінах да жаночай адукацыі у беларуска-літоўскіх губернях на працягу першай паловы XIX ст.

Важную ролю справаздачныя дакументы і дакументы дзелавой перапіскі адыгралі пры аналізе грамадска-палітычнага становішча дваранак беларускіх губерняў. Гэта дакументы, якія датычыліся кантролю за добранадзейнасцю дваранак [11], усталяваннем за імі паліцэйскага нагляду [13, спр. 2967]. Аналіз гэтай катэгорыі дакументаў дазволіў прасачыць змены ў стаўленні расійскіх улад да жаночай палітычнай актыўнасці ў пэўны перыяд.

У адрозненні ад справаздачнай, распараджальнай дакументацыі і дзелавой перапіскі, якія ствараліся мужчынамі, прасіцельная дакументацыя (прашэнні, скаргі) на адрас шматлікіх інстанцый пісалася як мужчынамі, так і жанчынамі. Таму прашэнні і скаргі з'яўляюцца крыніцамі па высвятленні фактычнага статусу жанчын [14]. Большая іх колькасць раскрываюць статус дваранак у шлюбна-сямейнай сферы [4]. Гэтыя дакументы дазволілі выявіць спецыфіку рэгулявання сямейных адносін на беларускіх землях у першай палове XIX ст., вызначыць функцыі свецкай і царкоўнай улады ў вырашэнні сямейных канфлікатаў. Аналіз прасіцельнай дакументацыі даў магчымасць выявіць тыя праблемы, якія дваранкі імкнуліся вырашыць пры дапамозе афіцыйных устаноў. Таксама прашэнні мелі важнае значэнне пры разглядзе праблемы развіцця жаночай адукацыі. Перш за ўсё гэта прашэнні дваран і дваранак аб залічэнні іх дачок у казённыя навучальныя ўстановы [13], інстытуты высакародных дзяўчын [12]. Аналіз гэтых дакументаў дазволіў выявіць попыт на жаночую адукацыю, вызначыць спецыфіку размеркавання дзяўчынак-дваранак па розных навучальных установах. Прашэнні з боку жанчын на дазвол адкрыць прыватную навучальную ўстанову і займацца педагагічнай і адукацыйнай дзейнасцю [13, спр. 3579] паказваюць сацыяльную актыўнасць дваранак і ўцягванне іх у сферу прафесійнай дзейнасці.

Асобна трэба вылучыць прашэнні аб выдачы дваранкам пасведчанняў пра няўдзел у паўстанні 1831 г. [7], аб памілаванні сваякоў [8], адносна канфіскацыі маёмасці за ўдзел мужоў і сыноў у паўстанні 1830–1831 гг. і ў палітычных арганізацыях [5, спр. 1627]. Гэты від дакументаў дапамог прасачыць рэакцыю жанчын на рэпрэсіўныя дзеянні з боку ўлады, а таксама выявіць тыя спосабы, пры дапамозе якіх яны імкнуліся абараніць сябе і свае сем'і, захаваць маёмаснае становішча.

Судова-следчая дакументацыя часцей за ўсё характарызуе сферу шлюбна-сямейных адносін: заключэнне [9] і скасаванне шлюбу [10], злачынствы супраць сужэнца ці супраць «свяшчэннага шлюбу» [10, спр. 7865], пытанні веравызнання дзяцей [13, спр. 6675]. Судова-следчыя дакументы з'яўляліся важнымі крыніцамі пры аналізе палітычнай актыўнасці жанчын. Большасць з іх узнікла пасля паўстання 1830–1831 гг. і сведчыць аб тым, што жанчыны падазраваліся ў непасрэдным удзеле ў паўстанні і дапамозе паўстанцам [5]. Таксама дваранкі падазраваліся ў нядобранадзейных думках і распаўсюджванні нелегальнай літаратуры, у выніку чаго яны траплялі пад паліцэйскі нагляд [6]. Жанчыны ў меншай ступені чым мужчыны абвінавачваліся як дзяржаўныя злачынцы, аднак сустракаліся і такія выпадкі [1]. Да судова-следчых дакументаў можна аднесці і тыя, што датычыліся канфіскацыі і секвестравання маёмасці па палітычных матывах [8, спр. 138].

Корпус заканадаўчых дакументаў у асноўным прадстаўлены апублікаванымі крыніцамі: Статут ВКЛ (1588 г.), Свод законов Российской имперыии, [повелением Государя императора Николая Первовго составленный]. – Санкт-Петербург, 1857. (Т. 10. – Ч. 1: Законы гражданские, Т. 11: Уставы духовных дел иностранных исповеданий), Закон о браке (Prawo cywilne obowiązujące w Krolewstwie Polskim : w 3 t. – Warszawa : druk Józefa Zawadzkiego. – 1860. – T.1. Prawo o małżeństwie). Пераважна выкарыстаны асобныя артыкулы з гэтых заканадаўчых збораў, а таксама распараджэнні імператараў, Св. Сінода і Сената, якія змешчаны ў «Полное собрание Законов Российской империи / С 1649 по 12 декабря 1825 года: в 45-ти т. – СПб.: Типография II Собственной ЕИВ канцелярии, 1830. – Т. 1–45» і «Полное собрание Законов Российской империи. Собрание второе / С 1825 по 1881 гг. СПб.: Типография II Собственной ЕИВ канцелярии, 1840–1884. – Т. 1–55». Гэты від дакументаў даў магчымасць выявіць механізмы дзяржаўнага рэгулявання прававога статусу дваранак, іх правы і абавязкі ў сямейнай сферы.

У асобную групу вылучаюцца апублікаваныя крыніцы, якія датычацца ўдзелу дваранак у дабрачыннай дзейнасці і змяшчаюцца ў зборніках дакументаў «Dzieje dobroczynności krajowej i zagraniczniey» за 1820, 1821 і 1823 гг. У зборніках прадстаўлены праграмы, статуты, справазда-

чы дабрачынных арганізацый, у тым ліку і жаночых. Змяшчаюцца шматлікія абвесткі пра дабрачынныя канцэрты і відовішчы, публічныя падзякі жанчынам, якія прымалі актыўны ўдзел у дабрачыннасці. Гэтыя дакументы дазволілі выявіць асноўныя формы жаночай свецкай дабрачыннасці.

Корпус наратыўных крыніц прадстаўлены галоўным чынам апублікаванымі мемуарамі і ўспамінамі як жаночымі [3; 16; 17; 18; 19], так і мужчынскімі [2; 18]. Часцей гэты від крыніц выкарыстоўваўся пры разглядзе адукацыі і грамадска-палітычнай актыўнасці дваранак з канца XVIII да пачатку 30-х гг. XIX ст. Гэта тлумачыцца тым, што да пачатку 30-х гг. XIX ст. такая жаночая актыўнасць мала адлюстроўвалася ў афіцыйных дакументах. У той жа час, наратыўныя дакументы, не будучы аб'ектыўнымі гістарычнымі крыніцамі, выкарыстоўваліся ў спалучэнні з іншымі дакументамі.

Такім чынам, выяўленыя і выкарыстаныя крыніцы дазволілі прасачыць змены ў становішчы жанчын у тых сферах, праз якія дзяржаўная ўлада магла рэгуляваць іх сацыяльна-прававы статус і кантраляваць грамадска-палітычную актыўнасць. У той жа час, устаноўлена, што дакументальныя крыніцы айчынных і замежных архіваў, нават пры адсутнасці асобных фондаў і калекцый, даюць магчымасць: выявіць механізмы рэгулявання сацыяльнага статусу дваранак, паказаць жаночую частку дваранскага саслоўя як аб'ект дзяржаўнага клопату і дзяржаўнай палітыкі, вызначыць формы грамадскай і палітычнай актыўнасці жанчын; паказаць іх як удзельніц сацыяльна-палітычных парцэсаў і падзей.

1. Аддзел рукапісаў Расійскай нацыянальнай бібліятэкі. – Фонд 629. Спр. 80.
2. За вольнасць і веру. Ігнацій Клюкоўскі і яго ўспаміны аб падзеях паўстання 1830 – 1831 гадоў : на польскай і беларускай мовах / Уклад., перакл., камент. В.В. Гарбачова. – Мінск : Лімарыўс, 2007. – 120 с.
3. Записки графини Потоцкой (1810–1820). – СПб. : В.В. Комаров, 1901. – 34 с.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ) у Гродна. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 372.
5. НГАБ у Гродна. – Ф. 1. Воп. 4. Спр. 119.
6. НГАБ у Гродна. – Ф. 1. Воп. 19. Спр 1627.
7. НГАБ у Гродна. – Ф. 2. Воп. 3. Спр. 1874.
8. НГАБ у Гродна. – Ф. 4. Воп. 1. Спр. 77.
9. НГАБ у Гродна. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 156.
10. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 6159.
11. НГАБ. – Ф. 320. Воп. 1. Спр. 156.
12. НГАБ. – Ф. 320. Воп. 3. Спр. 72.
13. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 1522.
14. НГАБ. – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 121.
15. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў. – Ф. 733. Воп. 62. Спр. 143.
16. Шуазель-Гуффье С. де. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе / Вступит, статья А. А. Кизеветтера. – Пер. с франц. З. Мирович. – М. : К. Ф. Некрасов, 1912. – 275 с.
17. Felińska, E. Pamiętniki z życia Ewy Felińskiej : w 3 t. / Ewa Felińska. – Wilno : Józefa Zawadskiego, 1856–1858.
18. Frank, J. Pamiętniki d-ra Józefa Franka profesora Uniwersytetu Wileńskiego: w 3 t. / J. Frank. – Wilno : druk Józefa Zawadzkiego, 1913. – T. 2. – 132 s.
19. Puzynina, G. W Wilnie i w dworach litewskich. Pamiętnik z lat 1815–1843 / Wyd. Adam Czartkowski, Henryk Mościcki. – Wilno : drukiem Józefa Zawadskiego. – Kraków : Krajowa agencja Wydawnicza, 1990. – 389 s.

Посохов С.И.

«АКТОВЫЕ РЕЧИ» ПРОФЕССОРОВ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ПАМЯТНИК КУЛЬТУРЫ

Важной формой саморепрезентации университетов Российской империи стали так называемые «актовые речи», которые регулярно читались профессорами в торжественные для университета дни и которые являлись частью университетских ритуалов, причем, в данном случае, ритуала весьма давнего [5, с. 61]. Эти речи были довольно стереотипными, в них немало «общих мест», некоторые из них не без оснований называются в литературе «панегириками», где «единогласно славились правление и все мудрые учреждения» монарха [16, с. 242]. Возможно, поэтому они не особенно привлекали интерес исследователей. Вместе с тем, нередко именно таким образом ораторы формировали новый взгляд не только на монарха (конечно, «просвещенного»), но и на задачи общества. При внимательном прочтении эти речи дают интересный материал для характеристики процесса утверждения новых культурных ценностей в местной среде [см.: 6]. Эти речи публиковались, и сегодня они значатся среди ценнейших изданий университетских библиотек.

Вполне понятно, что в России впервые такие речи прозвучали в Московском университете. По мнению некоторых авторов в них проявился принципиально новый для России религиозно-философский подход к знанию, отражавший взгляд на науку как на святое, не только «благородное» (то есть достойное внимания высшего сословия), но и богоугодное дело. Не случайно университет часто называли «храмом науки», профессоров «наставниками» и «пастырями», а их речи (особенно русских профессоров) сравнивали с проповедями [13, с. 140, 194]. Впрочем, во многих речах можно обнаружить и сугубо утилитарный взгляд на науку и ее предназначение. Очень четко такую позицию озвучил еще проф. И. Эразмус: «…превосходство наук определять должно по тому, поелику оныя большую или меньшую человеческому роду пользу приносят» [17, с. 4]. В ряде случаев выступавшие акцентировали внимание слушателей на таких актуальных проблемах, как гигиена и санитария, правильное питание (С.Г. Зыбелин, Ф.И. Барсук-Моисеев, Ф. Керестури), предотвращение пожаров, поиск лучшего местоположения городов, которое влияет на «здравие граждан», сохранение лесных угодий (И. Рост), рациональное использование земли (М.И. Афонин) и др. Однако нередко авторы речей говорили «о пользе наук» в широком смысле, подразумевая под этим то, что именно науки и просвещение укрепляют государство и общество («сих столь нужных средств к благосостоянию государства, без просвещения в науках, никак получить невозможно» [7, с. 5]). Тезис об общественном благе вообще характерен для философии Просвещения, причем он нередко понимался как благо следующих поколений, и соответственно, в этом случае упоминалась оценка потомками. Можно согласиться с тем, что «европеизация» высших социальных слоев, формирование их новой культурной идентичности требовали инкорпорации в социальные представления не только европейского прошлого, но и будущего [10, с. 29]. Впрочем, чаще речь шла все же об «опыте» и «истории». Европейский опыт как аргумент в речах профессоров был им необходим для обоснования пользы университета для российского общества. Как отметил в своей речи Х. Чеботарев, «общеспасительная польза, происходящая от наук, ясно доказывается историею всех просвещенных народов во свете…» [14, с. 4].

Университетские профессора беспокоились о том, чтобы их речи стали достоянием как можно большей аудитории. Именно этим было обусловлено решение печатать эти речи (как записано в одном из решений Конференции: «а по напечатании потребное число раздать будущим при том торжестве знатным особам и другим любителям наук…» [3, с. 298]). Речи, произнесенные иностранными профессорами на латыни, французском или немецком языках, часто переводились на русский студентами университета и затем печатались. Сами иностранные профессора проявляли интерес к речам их российских коллег. Так, в протоколе от 25 июня 1768 г. зафиксировано предложение профессора Эразмуса о том, чтобы торжественные речи, произносимые в университете русскими профессорами публиковать в переводе на латинский язык. Свое мнение профессор аргументировал тем, что: «А) не только ученые, проживающие в России, но и недостаточно знающие русский язык, могли их читать, но и, В) что гораздо важнее, весь ученый мир за границей мог судить о достоинствах здешних ученых; С) равным образом, и Университету могла бы произойти немалая польза, если бы некоторое количество экземпляров всегда обменивалось на нужные Университету иностранные книги…» [3, с. 150].

Университеты, возникшие в начале XIX в., продолжили начинания Московского университета. Выступления с речами на торжественном акте в университете с этого времени стали частью культурной жизни российской провинции. Такие речи имели значение и для развития науки. Как отметил В.С. Иконников, в то время «собственно ими [речами. – С.П.] и переводами руководств поддерживалась ученая деятельность университета [4, с. 511].

Безусловно, этот союз науки и просвещения зависел также и от уровня местной публики, ее возможностей воспринимать это «слово науки». Не случайно в своем письме министру просвещения первый попечитель Харьковского учебного округа С.О. Потоцкий заметил, что говорил свою речь «по просьбе профессоров и сообразуясь с настроением местных жителей, а с ними нужно быть крайне осторожными, чтобы не отвратить их от наук, которых они и так недолюбливают» [цит. по: 12, с. 114].

Только за первое десятилетие после основания Харьковского университета было произнесено 43 «торжественные речи» [9, с. 26]. Профессора-иностранцы в первое десятилетие сущест-

вования университета составляли почти 60 % его преподавателей*, и количество их «речей» велико. За первое десятилетие таковых насчитывается 18. Безусловное лидерство при этом принадлежит немецким ученым. Среди авторов встречаем таких видных ученых как К. Якоб, Х. Роммель, И. Шад.

«Речи» публиковались в Харьковском университете с 1806 г., в Казанском – с 1814 г. Продолжали публиковаться речи московских профессоров. В начале XIX в., как свидетельствуют данные о деятельности университетской типографии, тираж этих изданий составлял 330–450 экз. [1, с. 410]. Издавались такие «Речи» вплоть до начала 1860-х годов. Частично они распространялись по подписке, частично рассылались даром (например, почетным членам) [1, с. 661] и становились доступными образованной части общества. Попадали они и к студентам. Известно, например, что среди книг погибшего студента Ваценкова были и «Актовые речи» [1, с. 879]. Как правило, в одном сборнике публиковалось несколько «речей». Оценивая роль такой литературы, Д.И. Багалей отмечал: «…все эти речи печатались от имени и на счет университета в особых сборниках и отдельными оттисками; и сами авторы, и местное общество, для которого они главным образом предназначались, придавали им важное значение. Ораторская форма была в большом ходу; публика привыкла к ней, ценила ее; сочинители же таким образом удобнее всего могли беседовать с обществом, проводить свои идеи, оказывать известное влияние на окружающую среду…» [1, с. 619–620].

При всей внешней напыщенности и риторичности речей важно заметить, что ораторы громогласно заявили о разуме как основе познания. Собственно тем самым в сознании людей утверждалась возможность рационального познания истины. Как писал И. Шад, «в сем расположении следовать внушениям разума состоит все достоинство человека» [15, с. 41]. Более того, по его мнению «искание истины и добродетели никакими не ограждено пределами» [15, с. 46]. Такие размышления светских лиц о человеке и его предназначении, очевидно, в местной (особенно провинциальной) среде поначалу воспринимались как откровение. Заметим, что при этом «размышления» трактовались как «спутник радости», как «удовольствие» [20, с. 15–16]. Как отметил Л. Яновский, «они не только были новыми, но их еще следовало постоянно повторять, учитывая общую инертность и нежелание образования в обществе» [18, с. 113]. Процесс понимания осложнялся языковым барьером и общим недоверием к иностранцам, особенно усилившимся в период войны 1812 г.

Неудивительно, что эти речи по-разному воспринимались не только публикой, но и другими профессорами. Так, проф. И. Шад писал о ситуации, которая возникла по поводу его речи 1814 г. «О возвращении Европе свободы»: «В оном собрании, вместе с прочими посетителями, были и харьковския ученыя священники грекороссийскаго исповедания, которые, в засвидетельствование своего отличнейшаго одобрения, утверждали, что никакой епископ не мог бы говорить и в богослужении с большим достоинством, нежели как я о сем предмете и…. просили доставить им 200 экземпляров сей речи с тем, дабы воспитанники епархиальнаго коллегиума, могли иметь ее, как для чистоты латинскаго языка, так и для самого ея содержания. Но, не взирая на сие, французский профессор осмелился, еще при чтении…речи, открыть тревогу и шум, в слух ругать меня поноснейшими именами, и даже требовать от ректора университета, чтоб стащили меня с кафедры. Я был точно в таком положении, как бы я находился в Парижском Национальном Конвенте. Но я, не приходя от сего в замешательство, ….продолжал речь мою, с надлежащим приличием и выразительностию» [8, л. 160 об.].

В ходе общения профессоров и местной публики слушатели (читатели) настраивались на то, что их мнение небезынтересно университетским ученым. Как отмечал Леопольд Умляуф, «ведь как всегда считали, молва и слава, хорошая оценка современников и потомков является не только мощнейшим стимулом к немалым трудам, которые необходимо брать на себя в изучении наук, но и значительной и прекраснейшей частью награды преподавателей» [20, с. 17]. К слову, со временем, публика не только привыкла к «речам», но и реагировала на них тем или иным способом. Так, Рейт в послесловии к одной из речей отметил, что после своего выступления получил «в качестве дружественного послания» некоторые книги [19, с. 63].

Заметим, что в выступлениях иностранных профессоров неизменно утверждалась значимость университетской идеи. Схожесть во взглядах многих иностранных профессоров – авто-

* В следующее десятилетие их доля составила 23%.

ров «речей» была обусловлена общими мировоззренческими основами. Было бы неверно считать, что мнение иностранных профессоров сразу же было безоговорочно принято, оно лишь прозвучало и, безусловно, было замечено. Анализируя содержание речей отечественных профессоров, можно заметить, как в них постепенно происходило утверждение ценности труда ученого и преподавателя. Так, если в речи П. Сохацкого (1805 г.) еще нет упоминания об «ученой деятельности» как перспективе для воспитанников университета [11, с. 91], то уже в речах В. Перевощикова, а затем И. Эрдмана, прозвучавших в Казани соответственно в 1814 г. и 1815 г. дается обоснование такого рода общеполезной деятельности.

Таким образом, уже на начальном этапе истории российских университетов можно наблюдать возростание их влияния на местное общество. Это влияние охватывало широкое социальное пространство и способствовало трансформациям культурного ландшафта. Свою важную роль в этом процессе сыграли «актовые речи» университетских профессоров.

1. Багалей, Д. И. Опыт истории Харьковского университета университета (по неизданным материалам). Ч. 1. (1802 – 1815 гг.) / Д. І. Багалій // Багалій Д. І. Вибрані твори : у 6 т. – Х. : Вид-во НУА, 2004. – Т. 3. – 1152 с.

2. Багалей, Д. И. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / Д. И. Багалей, Н. Ф. Сумцов, В. П. Бузескул. – Харьков, 1906. – 329 с.

3. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. 1767 – 1786. – М. : Изд-во МГУ, 1963. – 518 с.

4. Иконников, В. С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования / В. С. Иконников // Вестник Европы. – 1876. – № 10. – С. 492–547.

5. Липатникова, Г. И. Эталоны поведения студентов Карлова университета / Г. И. Липатникова // Из истории университетов Европы 13–15 вв. – Воронеж, 1984. – С. 60–79.

6. Посохов, С. И. Актовые речи профессоров-иностранцев Харьковского университета первой четверти XIX в.: трансфер университетской идеи / С. И. Посохов // Вопросы образования. – 2008. – № 3. – С. 240–263.

7. Рейхель, И. Г. Слово, говоренное… о том, что науки и художества процветают защищением и покровительством владеющих особ и великих людей в государстве / И. Г. Рейхель ; перевел Денис фон Визин. – [Москва] : Печ. при Имп. Моск. ун-те , [1762]. – 4 с.

8. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 733. Оп. 49. Д. 276а.

9. Рославский-Петровский, А. П. Об ученой деятельности Императорского Харьковского университета в первое десятилетие его существования / А. П. Рославский-Петровский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1855. – Т. 87. – №7. – Отд. 5. – С. 1–36.

10. Сабурова, Т. А. «Горизонты ожиданий» русских интеллектуалов первой половины XIX в. / Т. А. Сабурова // Диалог со временем. – 2008. – Вып. 25/2. – С. 23–37.

11. Сохацкий, П. Торжественное слово на полувековой юбилей Московского университета / П. Сохацкий // Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Моск. ун-та. – 1805. – С. 68–96.

12. Сухомлинов, М. И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I / М. И. Сухомлинов // Журнал Министерства народного просвещения. – 1865. – Ч. 128. – Окт. – отд. 2. – С. 9–172.

13. Университет для России : в 2 т. [Т.1]. –М. : Русское слово, 1997. – 352 с.

14. Чеботарев, Х. Слово о способах и путях, ведущих к просвещению / Х. Чеботарев. – [Москва] : Универ. тип., [1779]. – 28 с.

15. Шад, И. О верховной цели человека / И. Шад // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьк. ун-та. – Х., 1807. – С. 1–28.

16. Шевырев, С. П. История Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. – Репринтное издание / С. П. Шевырев. – М. : Изд-во Моск ун-та, 1998. – 600 с.

17. Эразмус, И. Ф. Слово … о противностях анатомическаго учения увеселением и превеликою онаго пользою несравненно превышаемых : переведено с латинскаго / И. Ф. Эразмус. – [Москва] : Печ. при Имп. Моск. ун-те , [1765]. – 17 с.

18. Яновський, Л. Харківський університет на початку свого існування (1805–1820) / Л. Яновський. – Харків : Майдан, 2004. – 508 с.

19. Reith Geist der literarischen culture des Orients und Occidens // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьк. ун-та. – Харьков, 1812. – С. 53–63.

20. Umlauf L. De arrogantia in literis // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьк. ун-та. – Харьков, 1806. – С. 15–22.

Емельянова А.В.

МЕМУАРЫ О РОЛИ ДОМАШНЕГО ЧТЕНИЯ В ВОСПИТАНИИ ДВОРЯНСКИХ ДЕТЕЙ В РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII в.

Сюжеты, связанные с детским чтением, нашли свое отражение на страницах многих мемуаров XVIII в. Наиболее ярко данная тематика представлена в мемуарах, посвященных событиям последней трети XVIII в., что было обусловлено увеличением выпуска светских художественных книг.

Почти во всех дворянских семьях обучение детей чтению начиналось по церковным книгам. Так, генерал сенатор Я.О. Отрощенко (1779–1862), родившийся в местечке Кобыщы Киевской губернии в семье отставного поручика малороссийского казачьего полка, сообщает, что до 14 лет «Жития святых отцов, Апостол, пророчества и Евангелие были те книги, из которых я черпал понятия о духовной жизни» [8, с. 4]. Он познакомился с книгами гражданской печати благодаря соседу, имевшему небольшую библиотеку: «Он полюбил меня, и дал для прочтения историческое описание о разорении Иерусалима и о взятии турками Константинополя. От него же я

получил книгу и прочитал похождение Мирамонда. Книга эта зашевелила во мне какое-то непонятное чувство; но описание побоища Мамая Дмитрием Донским возродило желание быть воином и сражаться с неверными: рассказы о подвигах Суворова увлекали меня» [8, с. 5]. Роман Ф.А. Эмина «Непостоянная Фортуна, или Похождения Мирамонда» был издан в 1763 г. В нем противостояли два начала: изменчивая судьба героя, попадающего в самые критические ситуации, и «непреоборимое постоянство» в любви, помогающее переносить лишения и бедствия [7].

В других дворянских семьях первыми книгами для чтения детей были произведения светской литературы. И.Ф. Тимковский (1773–1853), профессор Харьковского университета, родился в семье коллежского асессора в городе Переславле Киевской губернии. Первыми книгами, с которыми он познакомился, были книги отца − «письмовник Курганова и Флорианова Экономия с картинами, привезенные из Петербурга дядей». «Письмовник» (1769) представлял собой первый учебник русской грамматики, написанный для детей. Изданная в 1738 г. книга С.С. Волчкова «Флорианова Экономия» − первая русская энциклопедия домоводства. В ней давались полезные советы: как усадьбу строить, дать дочерям светское воспитание, как управлять слугами, солить огурцы и лечить скотину. Книга имела небывалый по тому времени успех, выдержав пять изданий подряд [5]. Тимковский сообщил подробности о приобретения и других книг: «…история о разорении Трои и анекдоты под именем смеющийся Демокрит, вывезенные дядею по материи из Глухова, по его службе в коллегии. Прибавились, не знаю как, Древняя история Ролленова, Золотые часы Марка Аврелия и Эпиктетов Энхиридион. Из них я учился читать, а после много местами читал отцу и матери» [11, стб. 1391].

Издатель, журналист Н.И. Греч (1787–1867), родившийся в дворянской семье отставного капитана в селе Смоленской губернии, писал, что «слух о страсти моей к чтению распространился по всей фамилии, и самый грамотный представитель ей, Павел Хр. Безак подарил мне несколько детских книг, и сверх того получил я переведенное им “Описание Санкт-Петербурга” профессора Георги, которое много способствовало к возбуждению детского моего любопытства и во многом его удовлетворило. В конце 1793 г. отец мой купил мне календарь на 1794 г. (за 30 коп. медью). Это было основание моих политических и статистических познаний. Я читал его так часто, что затвердил имена все владетельных особ в Европе» [2]. В семье имелась и детская литература: «К упомянутым выше книгам, занимавшим меня в детстве, должен с благодарностью прибавить “Детскую библиотеку Кампе”, переведенную Шишковым: я выучил ее наизусть <…> Иногда прислушивался я, когда Парадовский, чтец искусный и умный, читал матушке моей поэмы и романы, переведенные на русский язык: “Иосифа Битобе”, перевод Фон-Визина, “Бианку Капелло” и повести Мейснера, перевод Подшиваева» [2].

«Детская библиотека Кампе» (38 томов), частично переведенная на русский адмиралом А.С. Шишковым, начала выходить в России в 1783 г. Немецкий детский писатель, педагог И.Г. Кампе (1746–1818) был домашним учителем В. и А. Гумбольдтов, учителем и директором известного Филантропинума в Дессау, затем открыл собственное учебное заведение возле Гамбурга. В 1780 г. он выпустил перевод романа «Робинзон Крузо», адаптированный для детей [6, с. 214]. Показателем популярности библиотеки Кампе являются упоминания о ней и другими авторами. Глава Енисейской губернии А.П. Степанов, родившийся в семье надворного советника Калужской губернии, в 1790-е гг. каждое утро под руководством отца учил наизусть стихи из этого издания. Позже жена уездного лекаря, гостившая в доме, стала читать вслух рыцарские повести: «Ничто мне так не нравилось как они! Я затвердил все эмблемы и девизы, тотчас были сделаны латы из голубых обоев, шишак из сахарной бумаги с петушиными перьями, щит из крышки старой картонной коробки; эмблемой оставался рисунок соломенной шляпы, и я в таком наряде с утра до вечера бродил везде, не давая никому покоя» [9, с. 13].

Судя по мемуарам, дворянские дети зачастую читали взрослую литературу, пользуясь при этом свободой в выборе книг. Действительный обер-прокурор Сената, член Государственного совета и министр юстиции И.И. Дмитриев (1760–1837), родившийся в селе Богородском Казанской губернии, в имении отца, городничего Сызрани, писал: «У отца моего в гостиной всегда лежали на одном из ломберных столов переменные книги разных годов и различного содержания, начиная от “Велисария”, сочинения Мармонтеля до указов Екатерины Второй и Петра Великого. Даже и “Маргарит” (поучительные слова) Иоанна Златоустого, “Всемирная история” Барония и Острожская Библия стали мне известны еще в моем отрочестве, по крайней мере по их названиям. Мне позволено было заглядывать в каждую книгу и читать, сколько хочу» [4].

Но наибольшее влияние на мемуариста оказали переводы французских романов и русская поэзия. В 1770-х гг., обучаясь в частном пансионе в Казани, он уже прочитал «Тысячу и одну ночь», «Шутливые повести» Скаррона, «Похождения Робинзона Крузо», «Жильблаза де Сантилана» Лесажа, «Приключения маркиза Г… или Жизнь благородного человека, оставившего свет» [3]. Причем 5-й и 6-й тома этого романа автор прочел на языке подлинника, который подарил ему «г. Руцкой, всегдашний наш гость и лекарь бывшего Московского Легиона, стоявшего тогда в Симбирске». Желание прочесть книги было столь сильным, что помогло автору улучшить свои знания языка: «этот отважный подвиг был для меня эпохою, с которой начал я читать французские книги уже не поневоле, а по охоте и впоследствии уже мог переводить Лафонтена» [4].

И.И. Дмитриев сообщает о семейном чтении русской поэзии: «Матушка любила стихотворения А.П. Сумарокова. Живучи в Петербурге, она лично знала его. Поэт был в коротком знакомстве с родным братом ее, Никитою Афанасьевичем Бекетовым. Не считая трагедий “Гамлета”, “Хорева”, “Синава и Трувора” и “Аристоны”, полученных ею в подарок от самого автора, она знала наизусть многие из других его стихотворений. Мне очень памятна минута, когда она в деревне пересказывала оду его, посвященную Петру Великому. Матушка сидела на канапе за ручною работою, а старший брат мой против ее на подножной скамеечке, и, держа на коленях лист бумаги, он записывал карандашом стих за стихом; я же, стоя за ним, слушал с большим вниманием, хотя и не все понимал» [4]. Дмитриев пишет и о чтении в кругу семьи под руководством отца: «Столь же приятно мне вспоминать один вечер великой субботы, проведенный отцом моим посреди нашего семейства за чтением. <…> отец мой для прогнания сна вынес из кабинета собрание сочинений Ломоносова первого московского издания и начал читать вслух известные строфы из Иова; потом “Вечернее размышление о величестве божием”, в котором два стиха произвели во мне новое, глубокое впечатление. Чтение заключено было “Одою на взятие Хотина”. Слушая первую строфу, я будто перешел в другой мир; почти каждый стих возбуждал во мне необыкновенное внимание, хотя и неизвестно мне еще было, о какой говорится горе» [4].

Будущий посол в Константинополе и Ватикане А.П. Бутенев (1787–1866) писал: «У нас также была большая библиотека из русских и французских книг, в которых нам позволяли рыться, и я теперь еще помню, с каким удовольствием читал я сочинения г-жи Len Prince de Bomont, Беркеня, г-жи Жанлись, Флориана и проч. Когда я подрос, меня в особенности пленял Дон-Кихот (это было чтение в свободное время, а за уроками нас заставляли особо читать и переводить историю и стихи, а также Фенелонова Телемака, который, помню, очень для меня был скучен) и собрание рыцарских сказок по-русски, имени сочинителя я и не помню (Славянские сказки)» [1, с. 19]. Внучатый племянник помещика Рязанской губернии Н.С. Сербина дал яркое описание библиотеки своего деда: «роскошная вещь»; «…шкафы построенные в форме печей, в pendant к настоящим печам, хранили в себе библиотеку, состоявшую из трех тысяч томов, не считая ежегодно выписываемых журналов. Эта библиотека служила не модой, не тщеславным украшениям комнат, как это часто бывало в вельможных хоромах. Состояние деда не позволяло ему тратиться на такую своего рода мебель; да и какую красоту могли придать комнатам печеобразные, запросто выбеленные шкафы со створчатыми дверями, без стекол? Дед пользовался книгами, удовлетворяя чтением врожденную любознательность, свойство почти всех умных людей. Книги были исключительно русские, так как дед не знал ни одного иностранного языка, получив недальнее образование в какой-то школе, а потом служив некоторое время землемером. Он имел сведения в чистой математике (алгебре и геометрии) и в некоторых частях прикладной (механике и архитектуре). Самый большой отдел библиотеки относился к французской литературе XVIII в. В нем преобладали энциклопедисты, особенно Вольтер. Кроме того немало было книг по математике, истории и географии, домоводству, романов и повестей. Состав библиотеки показывал, что она формировалась с толком и расчетом. Пустые и глупые сочинения не нашли в ней место» [10, с. 65–66].

Таким образом, мемуары являются ценным источником, содержащим информацию о составе домашних библиотек, круге чтения детей дворян, понимании многими родителями важности домашнего чтения в кругу семьи и распространении такой практики в семьях дворян в последней трети XVIII в.

1. Бутенев, А. П. Воспоминания / А. П. Бутенев // Русский архив. – 1881. − Кн. 3. − С. 5–64. – [Электронный ресурс]. − Режим доступа: http://www.hi-edu.ru/e-books/HB/14-4.htm.

2. Греч, Н. И. Записки Николая Ивановича Греча / Н. И. Греч // Русский архив. – 1873. − Т. 8. − С. 226–341. – [Электронный ресурс]. − Режим доступа: http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Gretch/Gr-1.htm.
3. Гунст, Е. Прево Антуан Франсуа / Е. Гунст // Литературная энциклопедия. − М. : ОГИЗ РСФСР, 1935. − Т. 9. – Стб. 233–237.
4. Дмитриев, И. И. Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника И.И. Дмитриева. − М. : Типография В. Готье, 1866. – 313 с. – [Электронный ресурс]. − Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dmitriew_i_i/text_0115.shtml.
5. История книги : учебник для вузов / под ред. А. А. Говорова и Т. Г. Куприяновой. − М. : Издательство МГУП «Мир книги», 1998. − 346 с.
6. Кампе // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб. : Типолитография И. А. Ефрона, 1895. − Т. XIV.− С. 214.
7. Орлов, П. А. История русской литературы XVIII века : учебник для университетов / П. А. Орлов. – М. : Высшая школа, 1991. − 320 с. – [Электронный ресурс]. − Режим доступа: http://www.infoliolib.info/philol/orlov/orl4_12.html.
8. Отрощенко, Я. А. Записки генерала Отрощенко / Я. А. Отрощенко.− М. : ООО «Братина», 2006. – 148 с.
9. Степанов, А. П. Страничка из истории воспитания в России конца прошлого века / А. П. Степанов // Русская школа. – 1891. − № 1.− С. 9–28.
10. Сто Один. Дед мой помещик Сербин // Русский вестник. – 1875. – Т. 120. – С. 62–82.
11. Тимковский, И. Ф. Записки Ильи Федоровича Тимковского / И. Ф. Тимковский // Русский архив. – 1874. − Кн. 1, вып. 6. − Стб. 1377–1464.

Лякишева С.И.

КНИГИ МЕМОРИАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ИЗУЧЕНИИ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ

Л.Н. Толстому с юношеских лет досталась во владение провинциальная усадьба в классическом варианте: с фруктовыми садами, оранжереями, аптекарским огородом, конюшней, скотным двором, парками – английским и французским, – словом, со всем тем, что в конце XVIII – начале XIX в. по привычной для того времени схеме основал в Ясной Поляне его дед Н.С. Волконский. Были в усадьбе ковровая и ткацкая фабрики. Остается неизвестным то, каким образом была организована их работа.

В исследовательской музейной работе особую роль играют экспонаты мемориальной библиотеки. «Зацепками» для ответов на возникающие вопросы послужили две хранящиеся в музее владельческие книги по животноводству. Одна из них – Добантон Луи Мари «Наставления для пастухов и владельцев стад, наряду с другими трудами об овцах и овечьей шерсти» («Daubenton Louis Marie. Instruction pour les bergers et pour les propriétaires de troupeaux; Avec d'autres Ouvrages sur les Moutons et sur les Laines»), выпущенная во Франции в 1820 г. пятым изданием по приказу французского правительства. На 480-ти страницах с иллюстрациями изложена инструкция по уходу за стадом овец. Ее автор – французский натуралист, член Французской и Петербургской академий Луи Жан-Мари Добантон (1716–1800) – занимался акклиматизацией домашних животных. Он же вывел одну из элитных пород мериносовых овец. Книга, принадлежавшая первым владельцам библиотеки, – неожиданный источниковый материал для изучения, поскольку в ней сохранились владельческие пометы. В книге, которую в начале XIX в. изучали в Ясной Поляне, загнуты углы ряда страниц (здесь и далее цитаты из указанной книги выделены курсивом. В скобках указаны ее страницы. Рядом с цитатами авторские комментарии):

«Если овца заболела, кровопускание производят на голове, над и под глазами и ушами, под щеками, на шее или под хвостом» (с. 191). Оказывать помощь больным овцам приходилось. Мимо яснополянской усадьбы по Московско-Киевскому тракту прогоняли большие стада овец, и возможность заражения сибирской язвой, бруцеллезом, копыткой, чесоткой и оспой возникала часто. Соответственно, в усадьбе держали необходимые медицинские инструменты.

«Процесс мытья овцы в ванне. Одной рукой держать овцу, другой мыть шерсть сверху и снизу» (с. 211). Мытье шерсти было актуально перед ее снятием. Яснополянских владельцев волновала проблема чистой шерсти. Значит, шерсть являлась сырьем для собственной ковровой фабрики.

«...Чтобы определить диаметр шерстяной нити от супертонкой до толстой, применять градацию 2 мм. Именно эта условная единица измерения для шерсти применяется в торговле. <…> Чтобы шерсть была тоньше и ее было больше, мною проведены опыты, которые привели к двум результатам: 1) пропали подхвостовые остья и 2) шерсть стала тоньше – достаточно проводить скрещивания разных овец с тонкой и толстой шерстью. Уже в первом поколении заметны улучшения». Волконских интересовала продажа шерсти. Они занимались скрещиванием овец разных пород. Благодаря грамотной селекции, сырья хватало не только для собственной ковровой фабрики, но и оставались излишки, которые продавали. Резона хранить

шерсть не было, так как в набитых складах, несмотря на каштановые орешки в корзинах, быстро заводилась моль.

На с. 458 владельцем книги загнут нижний угол в «Оглавлении», где обозначена, помимо прочего, тема изготовления одеял. Одеяла тоже шли не только для собственных нужд, но и на продажу. Оживленная дорога, связывающая с Москвой, большое количество проезжих купцов с товарами и замерзающих путников обеспечивали яснополянских рукодельниц бесперебойной работой по изготовлению одеял.

Такой «бисерный», но бесценный источник для восстановления картины усадебного овцеводства получен в процессе изучения только одной книги. Другая сохранившаяся в яснополянской библиотеке книга еще старше – выпущена в Женеве вторым изданием в 1807 году – «Наблюдения за овцами, сделанные в окрестностях Женевы в течение двадцати лет» («Lullin Châteauvieux Charles Jean Marc. Observations sur les bêtes à laine / Faites Dans les environs de Genève pendant Vingt ans»). Ее автор – Люллен Шарль-Жан-Марк – швейцарский дворянин, агроном, член Общества искусств в Женеве, проводившего регулярные выставки «Salon des Artistes» («выставки художников»). Он рассмотрел в книге важные темы: «инфекционные болезни», «земли для пастбищ», «помещения-овчарни», «пастух и его собаки», «выбор стада», «овцы, бараны и ярки», «предостережения при оплодотворении», «о важных средствах улучшения стада», «ягнята», «о выпасе на лугах». И снова владельческие отметки в виде горизонтальных линий графитным карандашом в текстах:

«Значительно улучшает состав почвы вика. Она, во-первых, уничтожает плохие травы, во-вторых, делает земли плодородными. Скошенная во время цветения, она становится прекрасным сеном. Чтобы она хорошо уродилась, ее надо обкуривать дымом от заболеваний. После нее надо сеять пшеницу – она также даст хороший урожай» (с. 5–6). Забота об урожае трав для кормления овец требовала специальных знаний.

«Для выпаса овец нужны легкие земли, сухие, приподнятые на склонах. Овцы меньше болеют. А менее пригодные для выпаса площади – болотистые и сырые. После улучшения этих земель не нужно сразу отправлять стада овец, а только через 2-3 года, чтобы солнце высушило измененный состав травы» (с. 9). Для яснополянских владельцев усадьбы овцеводство было не сезонной забавой, а многолетней деятельностью. Для выпаса овец использовали вполне подходящие местные склоны.

«Через несколько дней после появления на свет у ягнят прорезаются молочные зубы, которые растут до года. На второй год 2 средних зуба выпадают и появляются другие, длинные и широкие. С этого момента это не ягненок. На третий год выпадают еще 2 зуба и вырастают другие. Отныне эти животные – или ярка, или баран. С четвертого года выпадает еще по зубу, которые замещаются новыми. На пятый год выпадают последние молочные зубы, и овца становится полноценным взрослым животным» (с. 47). Внимание к элементарным сведениям говорит о том, что владельцы яснополянской усадьбы – мать и дед Л.Н. Толстого не являлись преемниками большого предприятия, основанного, например, предшественником, прадедом писателя, Сергеем Федоровичем Волконским, а самостоятельно, «вслепую» начинали эту непривычную для них деятельность.

«Если планируется продавать или покупать овец во время жары, а у них ярко-красная кожа и воспаленные глаза, можно без опасения продавать или покупать животных, но в качестве профилактики необходимо пустить им кровь и выдержать 2-3 дня карантина, давая пить воду с несколькими каплями уксуса» (с. 51). Овец в Ясной Поляне продавали и покупали в разное время года. Продажа в летнее время имела свои особенности.

«Бывают случаи, когда в шерсти встречаются твердые свалявшиеся комья, из-за которых не прокрашивается и ухудшается качество шерсти, и для мануфактурного производства она не подходит. Иногда такое встречается в самой мягкой тонкой шерсти, и это не повод не приобретать ее, достаточно просто выбрать...» (с. 53). Шерсть подвергалась дальнейшему крашению. Удалось установить, что спряденные волокна из шерсти в Ясной Поляне красили домашним способом с использованием местных растений: из дубовой коры с молодых деревьев, отваренной со старым железом, получали черный цвет; кора крушины, вареная в квасе, давала цвет коричневый; березовые листья – бледно-желтую окраску; цветы купавки, отваренные с квасом, давали ярко-желтую краску, листья конопли – темно-зеленую, листья и цветы душицы – темно-красную и т. д.

«...За две недели до спаривания животных нужно начать особенно хорошо кормить, выбирая травянистые, сухие и хорошо проветриваемые луга. После очередного выгула давать овса, чередуя с Vicia crassa. Во влажное время добавлять в корм можжевельник и дробленую соль. Только после спаривания можно постепенно возвращаться к прежнему питанию» (с. 55). Луга Ясной Поляны не пустовали для «услады взора», а практично использовались для кормления животных. Будущая мать писателя М.Н. Волконская в своей тетради «О ботанике» отметила выращиваемый в Ясной Поляне горошек мышиный: «...ветьви его употребляют как корм для скотины». Это и есть Vicia crassa, – все, как во французской книге.

В обеих книгах по овцеводству сохранился забавный вещественный источник, который вносит свою лепту в изучение истории яснополянского овцеводства, – между страницами кое-где сохранились мелкие фрагменты овечьей шерсти в виде отдельных волокон. В ходе размышлений над пометами, «приправленными» овечьей шерстью, возникает очередной вопрос: какие породы овец содержались в яснополянской усадьбе?

Обращает на себя внимание владельческая помета напротив текста: «*Некоторые пастухи шерстяным овцам на 2-3 пальца отрезают хвосты, чтобы они меньше цепляли грязи. Но если овцы беременны, или часты сильные ветра с пылью, то это опасно, так как легко занести инфекцию*». Владельцы Ясной Поляны озадачивались отрезанием длинных хвостов у овец. Традиционными для территории Тульской губернии являлись овцы романовской породы, выносливые и неприхотливые. Их шерсть шла на валенки, изготовление грубых сукон и пряжу для толстых изделий, в том числе ковров. Но романовские овцы были короткохвостыми и не нуждались в обрезании хвостов. Исследователь Тульской губернии В.А. Левшин отмечал и другие виды: «Порода овец во всей губернии черкасская или малороссийская. Приметно сие по длине их хвостов» [1, с. 283]. У овец этих пород хвосты действительны длинные, – возможно, их выращивали в Ясной Поляне. Но эти неприхотливые овцы не вынуждали бы владельцев обращаться к специальной литературе со столь внимательным прочтением и множеством помет. Французские и швейцарские книги по овцеводству были актуальны при разведении ценных по качеству шерсти тонкорунных мериносовых овец, а также английских, вестфальских, баварских и других длиннохвостых овец, которых уже с середины XVIII века успешно выращивали в усадьбах Центральной России. По Ясной Поляне гуляли мериносы…

Итак, мемориальные книги с владельческими пометами оказались важным историческим источником в изучении развития яснополянской усадьбы. Можно было бы поставить под сомнение факт принадлежности этих книг именно Волконским – в усадебных библиотек книги часто «кочевали» из одной усадьбы в другую по разным причинам. Но и в другой сохранившейся в яснополянской библиотеке книге «La nouvelle école du monde» («Новая школа мира») [2], не имеющей отношения к овцеводству, обнаружены идентичные, характерные владельческие, то есть «родные яснополянские» пометы.

Представленная статья – только попытка профессионального рассуждения, а не констатация фактов. Но это необходимый этап в фондовой работе, где историческим источником в изучении яснополянской усадьбы выступили музейные экспонаты.

1. Левшин, В. А. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год / В. А. Левшин. – Тула : Издательский дом «Пересвет», 2006. – 283 с.

2. La Nouvelle école du monde : Ouvrage nécessaire `a tous les états, & principalement à ceux qui veulent s'avancer dans le monde. – Lille ; Paris, 1764. – T.1. [4], LII, 324 p.

Ермакова О.К.

КОНТРАКТЫ С ИНОСТРАННЫМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. КАК ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА*

Исследование процедуры заключения контрактов с иностранными специалистами в динамике XVIII – середины XIX в. с точки зрения документирования этого процесса находится в русле когнитивного источниковедения и выводит на рассуждения об эволюции административного делопроизводства в России в целом. Первостепенной задачей такого исследования является выяснение вопросов: как, в каких условиях и почему возникает тот или иной вид документа –

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 14–18–01873.

потенциального источника. Таким образом, находясь еще на подступах к документу, не касаясь ни его структуры, ни содержания, мы уже погружаем его в поле источниковедческой проблематики. Сама постановка вопроса (зачем, как и почему возникает данный вид документа) является источниковедческой, т.к. имеет своей целью выявление информации об обстоятельствах и мотивациях появления данного социокультурного феномена.

Начиная с эпохи петровских преобразований экономическое развитие государства востребовало значительное количество специалистов – носителей специальных знаний, и эта потребность была, несомненно, масштабней аналогичной в XV–XVII вв. От идеи массового привлечения специалистов как осознанной потребности мы переходим к изучению механизмов контрактования, иными словами, разбираемся с вопросом, какие лица или учреждения занимались наймом, какие требования они предъявляли к потенциальным сотрудникам (контрактуемым) и каким образом они документировали этот процесс. Последнее обстоятельство выводит нас на проблему разработки делопроизводственных и юридических форм контракта. Мы начинаем работать с текстом, осуществляя, таким образом, непосредственное источниковедческое исследование. От формуляра мы переходим к многомерной смысловой наполненности содержания контрактов. С их помощью мы можем исследовать развитие юридических норм в динамике длительного периода XVIII – первой половины XIX в.

Одной из наиболее востребованных категорий иностранцев являлись горные мастера, инженеры, механики и другие технические специалисты. Контракты с иноземцами со стороны государства заключались представителями горного ведомства или российскими консулами и послами за рубежом. Они же документировали этот процесс в своих донесениях, описывая этапы привлечения специалистов, что отражалось впоследствии в протоколах заседаний Берг-коллегии, Генерал-Берг-Директориума, делопроизводственных материалах Департамента горных и соляных дел. Инициатива заключения «условия» (контракта) могла исходить как от российского правительства, так и от самих иностранцев. Желая принять на службу иноземцев, российские представители опрашивали потенциальных контрактуемых об их профессиональных знаниях и навыках, а также об их ожиданиях относительно условий найма, после чего принималось решение о подписании договора. В письмах и донесениях тех, кто осуществлял вербовку иностранцев, отражен процесс обсуждения условий контрактов: насколько устраивали иноземцев предложенные «кондиции», какие требования они предъявляли. Зачастую перед продлением контракта они просили о прибавке жалованья или повышении в чине [8, л. 124]. Однако, если иноземец по собственному желанию приезжал в Россию и подавал прошение о принятии его на заводы, прежде чем заключить контракт, его знания и умения проверялись на практике, а «пока он в горных делах искусство покажет» ему выплачивалась определенная сумма денег «на пропитание». В случае, если мастер оказывался «не искусен», на службу его не принимали [8, кн. 193, л. 34; кн. 194, л. 153].

Формуляр контракта, который к середине XIX в. можно считать унифицированным, приобретал свои черты на протяжении длительного периода (начиная с XVIII в.) по мере появления устоявшихся норм и накопления прецедентов, способствовавших складыванию более или менее единого стандарта отношений между государством и наемными иностранными специалистами и юридическому регулированию этих взаимодействий. Изначально контракты с техническими специалистами опирались, во многом, на нормы, существовавшие в отношении иностранных офицеров российского морского флота. Довольно регулярно в источниках, документирующих контрактование иноземцев-специалистов, встречаются отсылки к «морскому регламенту» [1, л. 1а; 8, л. 123 об.]. Например, когда речь идет о содержании иноземцев «когда кто состарится», а также в отношении вдов и сирот, которым, в соответствии с порядком, установленным Морским уставом, выплачивалась часть жалованья иностранца [5, кн. 4, гл. 4, п. 8, с. 131]. Позже эти нормы, в несколько измененном виде, перешли непосредственно в текст контракта и в XIX в. уже являлись его неотъемлемой частью [4, л. 61–63; 3, л. 2–10; 7, л. 137–139; 9, д. 5592, л. 14 об.]. То же касалось условий денежного обеспечения отъезда иностранных специалистов из России, которые устанавливались по аналогии с нормами, действовавшими в отношении иностранцев, служивших на флоте: «российского морского флота обер- и унтер-офицерам иноземцам, которые отпущены будут во отечество с апщитами, давать жалованье на проезд, хотя и в контрактах их не написано, на два месяца по их окладам» [8, д. 169, л. 42]. В XIX в. специальные пункты контрактов регулируют данный вопрос. Так, в договоре с Дэви-

дом Петерсоном 1820 г. прописано: «на проезд его, Петерсона, до Санкт-Петербурга выдать ему на две лошади прогонные деньги». В более поздних «условиях о службе» указывались конкретные суммы таких выплат. По контракту с механиком Ричардом Джаксоном, заключенному в 1846 г., российское правительство обязывалось выдать англичанину триста фунтов стерлингов на проезд его с семейством и провоз имущества в Лондон [9, д. 5592, л. 18 об.].

Вместе с тем, ключевые условия принятия на службу иностранных специалистов вполне определенны и составляют неизменную основу контрактов XVIII – первой половины XIX в. К таковым относятся: цель приглашения иноземца (указание должности и/или поручаемых работ), требование о подготовке русских учеников, размер жалованья, обеспечение казенной квартирой, дровами и подводами для проезда к месту службы. Кроме того, оговаривались меры поощрения иностранцев за хорошую службу. В контракте с саксонцем Рудольфом Мааке говорится: «когда дальше свои службы покажет то переменою чина оставлен не будет» [8, л. 124], бергмейстеру Гейденрейху «по объявлении радетельной показанной услуги обещается по достоинству впредь награждение». Перед отъездом Гейденрейха из России в 1731 г. он был удостоен чина обер-берг-мейстера [8, д. 180, л. 82 об.].

Постепенно соглашения обрастают новыми пунктами, что очевидно уже в первой четверти XIX в. Появляются такие условия, как: право на отпуск для поездки на родину в течение срока службы, дополнительные выплаты и пособия от казны (за обучение русских учеников, переработки), освобождение от налогов и рекрутской повинности, права и обязанности относительно перемещений внутри Российской империи, обязательство обеих сторон заблаговременно (за четыре – шесть месяцев) предупреждать о намерении расторгнуть контракт раньше установленного срока, расширенное описание должностных функций. Служебные обязанности западноевропейского специалиста также могли быть прописаны в отдельной инструкции, прилагаемой к контракту. В XIX в. в контракте четко определялось место службы иностранца и, если существовала необходимость в поездках специалиста с одного завода на другой, это прописывалось особым пунктом. В то время как договоры, заключенные в первой половине XVIII в., как правило, предписывали «служить на том месте, где нужда будет», указывалось, что иноземец принимается «на казенные заводы», а затем его могли отправлять на разные заводы: от Олонецких до Нерчинских [см., напр.: 2; 8; 9].

В контрактах первой четверти XVIII в. прослеживается, что некоторые условия давались на усмотрение иноземца. Например, в донесении Сибирского обербергамта о бергмейстере Иоганне Готфриде Гейденрейхе сказано: «Оной бергмейстер по вступлении в российскую службу термина сколько лет должен служить в контракте своем не объявил» [2, л. 56]. Это послужило поводом к отказу в просьбе Гейденрейха «отпустить его во отечество» в 1727 г., тогда как к этому моменту он уже пять лет отслужил на российских горных заводах.

Как правило, контракты все же заключались на определенный срок, в среднем от трех до пяти лет. Однако в царствование Елизаветы Петровны в конце 1740-х гг. иноземцев начинают фактически принуждать к подписанию новых контрактов «на вечную службу». В противном случае, по окончании действующих договоров предполагалось отправлять их на родину, что и произошло с частью специалистов [1, л. 1–3]. Из России с 1747 г. также выезжали вдовы иностранцев [6, с. 96]. Вступить «в вечную службу Ее Императорского Величества» пожелали лишь немногие. По сути, такие контракты ничем не отличались от срочных, в них только прописывалось, что иноземец «принят в российскую службу вечно» [8, л. 124]. Впоследствии практика «вечных контрактов» не использовалась. По желанию иностранец мог вступить в действительную службу, принять российское подданство или же продолжать работать по договору с определенным сроком.

В зависимости от численности приглашаемых иностранных специалистов составлялись коллективные или персональные контракты. Если приезжала большая группа иноземцев, разрабатывались общие для всех условия службы с уточнением некоторых различий, например, в размере жалованья для разных должностей и в зависимости от семейного положения иностранцев [4; 7, д. 146]. Содержательное наполнение контракта варьировалось в соответствии с профессиональной квалификацией человека. Соглашения со специалистами высокого ранга отличаются более детальной проработкой.

К середине XIX в. контракты с иностранными специалистами представляли собой четко структурированный и развернутый текст, включавший до двадцати пунктов. Происходившее на

протяжении XVIII – первой половины XIX в. постепенное усовершенствование формы и наполнение содержания данного вида документа позволяло наемным иноземцам в спорных ситуациях легче апеллировать к контракту, т.к. он укреплялся как гарант их социально-правового статуса. Договоры с иностранцами выступают источниками по социальной истории, если иметь в виду контрактуемых как социальную общность. Контракты обладают и богатым потенциалом для историко-антропологических изысканий, поскольку отражают отношение государства к личности, свидетельствуют о готовности (или неготовности) государства к диалогу с человеком, позиции государства в том, считаться с гражданскими правами или игнорировать их.

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). – Ф. 24. Оп. 1. Д. 1253.
2. ГАСО. – Ф. 24. Оп. 12. Д. 33.
3. ГАСО. – Ф. 24. Оп. 32. Д. 782.
4. ГАСО. – Ф. 43. Оп. 1. Д. 8.
5. Книга Устав морской: о всем, что касается доброму управлению, в бытности флота на море. – Санкт-Петербург : при Императорской Академии наук, 1778. – 298 с.
6. Кортина, С. Б. Немецкие специалисты на Урале в XVIII веке / С. Б. Кортина, А. В. Наймушин, А. В. Черноухов // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 3. – С. 88-99.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 37. Оп. 11. Д. 63.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 271. Оп. 1. Кн. 68.
9. Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). – Ф. 212. Оп. 1. Д. 742.

Сакольчык А.Э.

КРЫНІЦЫ ПА КАНФЕСІЙНАЙ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ КАНЦА XVIII – ПАЧАТКУ XX ст.

Працуючы ў рамках дзяржаўнай комплекснай праграмы навуковых даследаванняў па канфесійнай гісторыі Беларусі канца XVIII – пачатку XX ст., супрацоўнікамі Інстытута гісторыі НАН Беларусі выяўлены надзвычай багаты фактаграфічны матэрыял. Ён базіруецца на шырокай палітры гістарычных крыніц, геаграфічны спектр якой ахоплівае традыцыйна выкарыстоўваемыя тэматычныя дакументальныя зборы Расійскага дзяржаўнага гістарычнага архіва, Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі, Дзяржаўнага гістарычнага архіва Літвы, Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў Гродна, а таксама вузкаспецыялізаваныя (архіў місіянераў у Кракаве на Страдаме, архіў Правінцыі Паўднёвай Польшчы ксяндзоў езуітаў у Кракаве і інш.).

У корпусе выяўленых пісьмовых матэрыялаў можна вылучыць некалькі групаў (па відавых найменнях): заканадаўчыя і нарматыўна-прававыя акты; матэрыялы справаводства; дакументы асабістага паходжання; уласна духоўна-рэлігійная (царкоўная) прадукцыя; перыядычныя выданні.

Заканадаўчыя і нарматыўна-прававыя акты. Пасля далучэння тэрыторыі Беларусі, Літвы і Правабярэжнай Украіны ўрад Расійскай імперыі сутыкнуўся са складанымі ўзаемаадносінамі паміж канфесіямі гэтай тэрыторыі. Яны патрабавалі пастаяннага ўмяшальніцтва на вышэйшым узроўні і адпаведных заканадаўчых крокаў. У выніку на працягу XIX – пачатку XX ст. была выпрацавана значная колькасць заканадаўчых актаў, якія выдаваліся ў выглядзе тэматычных зборнікаў дакументаў і ўключаліся ў спецыяльныя юрыдычныя працы [1, 2, 3, 4]. Гэтыя заканадаўчыя зборы ўтрымоўваюць царскія маніфесты, імянныя ўказы, загады і наказы, якія вызначалі статус царквы розных канфесій, яе кіраванне, правядзенне царкоўных рэформаў, прававое становішча духавенства. У цэлым, яны характарызуюць законатворчую дзейнасць органаў дзяржаўнай улады ў сферы рэлігійных адносінаў фармату дзяржава – царква – вернікі і міжканфесійных зносін па мадэлі царква/царква – вернікі/вернікі.

Аналіз практычнай рэалізацыі ўрадавых законаў на месцах ажыццёўлены на падставе дакументальных калекцый айчынных (мясцовых) архівасховішчаў. Менавіта яны скамплектавалі самую масавую групу даследаваных тэматычных крыніц – матэрыялаў справаводства. Па функцыянальнаму прызначэнню дакументаў у ёй змяшчаецца шэраг падгруп (распараджальная, справаздачная дакументацыя; дзелавая перапіска; уліковыя дакументы; судова-следчыя справы).

У падгрупе распараджальнай дакументацыі неабходна размяжоўваць два яе змястоўна розныя напрамкі: матэрыялы цэнтральных і мясцовых органаў дзяржаўнай улады Расійскай імперыі і матэрыялы органаў царкоўнага кіравання.

Першы напрамак прадстаўлены цыркулярамі, распараджэннямі, прадпісаннямі, аб'явамі і інструкцыямі ўзроўню міністэрства ўнутраных спраў, генерал-губернатарства, павятовага кіраўніцтва. Іх інфармацыйны патэнцыял раскрывае, так званы ўнутраны свет створанай заканадаўчай прасторы, адказваючы на пытанне – наколькі магчыма было прывесці ў жыццё тое ці іншае мерапрыемства, зыходзячы з асаблівасцяў функцыянавання беларуска-літоўскіх губерняў. Ступень рэалізацыі гэтых нарматыўных практык выклікала шэраг карэктуючых, дапаўняльных, удакладняльных прадпісанняў больш дробнага або прыватнага характару для вырашэння пытанняў "на месцы": абгрунтаванне і арганізацыя царкоўнай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай структуры розных канфесій (уладкаванне або заснаванне парафій, прыходаў, брацтваў, культавае будаўніцтва і г.д.); фінансавае забеспячэнне іх жыццядзейнасці; рэгуляванне міжканфесійных пераходаў (што тычылася галоўным чынам хрысціянскіх канфесій), "змешаных" шлюбаў (што суправаджалася і абцяжарвалася ломкай традыйных уяўленняў), дыялогу хрысціянскіх і нехрысціянскіх канфесій; абмежаванне палітычнай дзенасці прадстаўнікоў духоўнага сану.

Другі напрамак уключае папскія энцыклікі і біскупскія пасланні, булы, інструкцыі, дакументы Ватыкана, пастановы сабораў і дакументы касцёльнага права [5], мемарандумы, звароты, заключэнні кансісторый, рашэнні Св. Сінода, уставы і статуты брацтваў, дабрачынных таварыстваў [6] і г. д. (большасць з іх апублікавана ў тэматычных зборніках дакументаў). Тут акрамя раскрыцця галоўных рыс унутранага царкоўнага жыцця, магчыма прасачыць пазіцыю царкы і яе рэакцыю на рэлігійную палітыку дзяржавы, іх узаемаадносіны.

Справаздачныя дакументы з'яўляюцца памежнай групай, бо змяшчаюць не толькі тэкставую аналітычную частку заключэнняў справаздачнай асобы (губернатра, біскупа, святара і інш.) аб стане той ці іншай справы, але і статыстычна-ўліковыя звесткі ў выглядзе дадаткаў са спісаў і табліц. У першу чаргу да іх адносяцца штогадовыя справаздачы обер-пракурора Св. Сінода, што друкаваліся ў "Епархиальных ведомостях", штогадовыя агляды губернатараў, справаздачы кліра аб стане навучальных акругаў, школаў, працэсе навучання, паспяховасці навучэнцаў, справаздачы жаночых вучылішчаў, падпарадкаваных Св. Сіноду, брацтваў, епархіяльных вучылішчных саветаў, актамі візітацый і інвентарамі. У асноўным тут маюцца звесткі пра колькасць прадстаўнікоў розных канфесій у рэгіёне, пра працу святароў, іх дзейнасць, грамадскія і дабрачынныя арганізацыі, пра асветніцкую дзейнасць царквы і стан духоўнай адукацыі ў рэгіёне, вучэбна-выхаваўчы працэс, матэрыяльнае забеспячэнне устаноў. Напрыклад, унікальнымі ў інфармацыйным плане з'яўляюцца інвентары, якія апісваюць стан і забеспячэнне Полацкай езуіцкай друкарні [7, арк. 1–130 адв.], полацкага калегіўма езуітаў [8]. Каштоўным з'яўляецца таксама тое, што справаздачы епархіяльнага кіраўніцтва ўключаюць звесткі пра наведаныя ім падчас паездак па епархіі розныя населеныя пункты.

Але паколькі змест гэтых крыніц мае пераважна колькасныя характарыстыкі, то іх лагічна выкарыстоўваць і ў падгрупе ўлікова-статыстычных дакументаў. Дарэчы, дадзеная група сфарміравана таксама з шэрагу крыніц памежнага характару або двайной інфармацыйнай нагрузкі.

Акрамя вышэй пералічаных крыніц сюды аднесены апублікаваныя статыстычныя даведнікі ("Памятныя книжки", "Первая всеобщая перепись населения" 1897 года, "Материалы для географии и статистики России"); ведамасці святароў са статыстычнымі звесткамі пра колькасць народжаных, узяўшых шлюб, памерлых і інш., фармулярныя спісы, пералікі вучняў, ведамасці/апісанні аб стане парафій/прыходаў, пабудоў (асабліва пасля вайны 1812 г.); алфавітныя спісы ўдзельнікаў паўстанняў 1830–1831 гг. і 1863–1864 гг.

Сярод ведамасцяў рознага ўліку нойбольш інфарматыўнымі выступаюць ведамасці аб стане касцёлаў, філій і капліц. Яны запаўняліся па выпрацаваным фармуляры і ўключалі наступныя пазіцыі: колькасць парафій; назва парафіяльных касцёлаў і належачых да іх асобных алтарый, філій і капліц; колькасць святароў; час правядзення набажэнстваў; назвы населеных пунктаў, якія ўваходзяць у парафію; колькасць парафіян у кожным населеным пункце. Часам ведамасці фарміраваліся ў справу разам з копіяй указа аб зборы звестак і рапартамі дэканаў і святароў аб іх прадстаўленні.

З 1873 г. ведамасныя вопісы дапоўніліся пазіцыямі па плошчы касцёльнай зямлі; колькасці здадзенай у арэнду; імені арандатара; наяўнасці кантракту; характарыстыцы пабудоў і г.д. Унесеныя дапаўненні датычыліся гаспадарчай функцыі царквы (пераважна каталіцкай). Таму яны

фактычна аднесены ў асобную катэгорыю крыніц гаспадарчага парадку, разам з інвентарамі і рэвізіямі царкоўных угоддзяў з пералікам памеру зямлі, заняткаў і агульным эканамічным станам. Сюды ж уключаны завяшчанні свецкіх асоб аб перадачы/дараванні ў царкоўнае карыстанне маёмасці.

Уліковыя даныя знаходзім таксама ў фармулярных спісах, паслуговых спісах, пераліках вучняў, ведамасцях паспяховасці. Адначасова яны з'яўляюцца добрай асновай для аналізу біяграфічных даных пэўнага чалавека і грунтоўна дапаўняюць дакументы біяграфічнага тыпу (атэстаты, дыпломы, прысягі, назначэнні святароў на пасады або іх перавод, указы аб прысвойванні духоўнага звання і др.).

Праўда, фрагментацыя звестак, неахайнасць запаўнення, складанасць вызначэння спосабаў падліку выклікаюць асаблівае крытычнае стаўленне да дадзеных дакументальных матэрыялаў.

Віды крыніц дзелавой перапіскі прадстаўляюць рапарты, данясенні, прашэнні, даручальніцтвы, афіцыйныя лісты. Тэматыка службовай перапіскі звязана, у большасці сваёй, з запытамі і просьбамі ў МУС павятовых служачых, святароў або вернікаў на дазвол дзейнасці канкрэтнай установы/арганізацыі (брацтва, кляштара, школы, друкарні), вырашэння спрэчных маёмасных пытанняў, праблем з пераводамі ў іншае веравызнанне і з заключэннямі "змешаных шлюбаў".

Напрыклад, звяртае на сябе ўвагу тое, што любы факт непакоры ўніятаў беларуска-літоўскіх губерняў быў вядомы ў сталіцы імперыі і з'яўляўся прадметам абмеркавання ў Сінодзе. Найбольш значныя эксцэсы разглядаліся ў міністэрстве ўнутраных спраў, штабе корпуса жандараў і нават самім імператарам. А гэта надавала імпульс для стварэння крыніц вылучанага парадку і адпаведнага дакументазвароту.

Судова-следчыя справы, выкарыстаныя ў даследаванні, праходзяць па двух судовых сістэмах – крымінальнай і палітычнай. Першая, хаця і не такая масавая, але поўніцца шматграннымі фактамі: пра службовыя правіны прыхадскога духавенства, пра парушэнні законаў, звязаных з правіламі культавага будаўніцтва, абраннем служак культу, пра злачынствы на канфесійнай глебе (блюзнерствы, нараканні, невыкананне абрадавых патрабаванняў як вернікамі, так і духавенствам), пра зацвярджэнні да выканання натарыяльных і хатніх духоўных завяшчанняў, а таксама пра злачынствы ў сферы сямейных адносін. Таксама шмат якія пытанні супраціву дэунізацыі і «отпадения» экс-уніятаў ад пануючай веры (праваслаўная) разглядаліся ў судовым парадку. Судовыя справы палітычнага характару масава адносяцца да часоў паўстанняў 1830-х і 1860-х гг., якія, у першую чаргу, адбываліся над каталіцкімі святарамі і вернікамі за датычнасць да адзначаных рэалій. Следчыя матэрыялы паказваюць не толькі рэакцыю насельніцтва на пэўныя падзеі, іх грамадскую і палітычную пазіцыю, а таксама раскрываюць асаблівасці карнай сістэмы ўраду.

Дакументы асабістага паходжання складаюцца з мемуараў, дзённікаў, нататкаў іерархаў каталіцкага касцёла [9], сучаснікаў падзей [10], успамінаў немцаў-каланістаў [11], якія пражывалі ў пасяленнях на тэрыторыі Расійскай імперыі. Нягледзячы на значную долю суб'ектывізму, яны дапамагаюць глыбей пазнаць жывую атмасферу рэлігійнага жыцця, падрабязней пазнаёміцца з буднямі кліра, адчуць псіхалогію/настрой насельніцтва, дазваляюць ацаніць успрыняцце канкрэтнымі асобамі працэсы, якія адбываліся ў грамадстве, даведацца пра місіянерскую, дабрачынную, выдавецкую, душпастырскую дзейнасць царквы, убачыць характарыстыку царкоўных дзеячоў, спецыфіку існавання пратэстанства ў Расійскай імперыі.

Прымяняльна да праблемы даследавання ў групу ўласна духоўна-рэлігійнай прадукцыі ўваходзяць тыя кнігі, канспекты, пастырскія лісты, звароты да насельніцтва і дапаможныя рэлігійныя прадметы, якія выходзілі з царкоўных друкарняў і забяспечвалі дагматычныя, духоўна-маральныя, ідэалагічныя асновы адукацыйна-выхаваўчага працэсу.

Вылучэнне групы перыядычных выданняў даволі ўмоўнае, бо яны змяшчаюць матэрыялы рознага зместу і жанру: ад заканадаўчых і справаздачных да публіцыстычных. Тут сустракаюцца грамадска-палітычныя, культурныя і царкоўныя выданні ("Русский архив", "Русская старина", "Губернские ведомости", "Епархиальные ведомости"). Свецкая прэса дэманструе цэлы спектр меркаванняў, якія існавалі ў расійскім грамадстве вывучаемага перыяду ў стаўленні да рэлігійнай палітыкі дзяржавы і міжканфесійных адносін. Царкоўная перыёдыка паказвае стаўленне супрацьлеглага боку (царквы і яе служачых) на шматлікія спробы рэфармавання канфесійнага жыцця краіны, чым стварае цэласны акцэнт дыялогу: дзяржава – царква – грамадства.

Такім чынам, наяўная база крыніц шырокая і разнастайная па свайму складу. Яна адлюстроўвае розныя бакі не толькі рэлігійнага, але і сацыяльнага жыцця: адносіны царквы і вернікаў з дзяржавай, канфесійныя кантакты насельніцтва і царквы, узаемасувязь этнічнай і канфесійнай самасвядомасці. Выяўлены комплекс стварае дастатковую дакументальную аснову для рэпрэзентатыўнасці заключэнняў і навукова-абгрунтаваных высноў, у першую чаргу, пры раскрыцці мясцовай спецыфікі канфесійнага жыцця і дзяржаўнай палітыкі ў гэтай сферы.

1. Полное собрание законов Российской империи : Собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г. : в 45 т. – СПб., 1830–1849; Собр. 2-е с 12 декабря 1825 г.: в 55 т. – СПб., 1830–1885.
2. Леванда, В. О. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени / В. О. Леванда. – СПб. : Тип. К.В.Трубникова, 1874. – 1184 с.
3. Климов, Н. Ф. Постановление по делам православной церкви и духовенства в царствование императрицы Екатерины II: / Н. Ф. Климов – СПб. : Лештуковская паровая скоропечатня, 1902. – Вып. 1. – 161 с.
4. Белоголов, И. Акты и документы, относящиеся к устройству и управлению римско-католических церквей в России : в 2 т. Т. 1. / И. Белоголов. – Петроград : Типография Д.А. Алексеева, 1915. – 522 с.
5. Dokumenty Soborów Powszechnych : w 5 t. T. IV: 1511–1870 (Lateran V, Trydent, Watykan I); układ i opracowanie ks. A. Baron, H. Pietras. – Kraków: Wyd. WAM, 2004. – 867 s.
6. Ustawy Towarzystwa dobroczynności w Mińsku // Dzieje dobroczynności. – 1820. – Rok 1. – C. 348–358.
7. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1781. Воп. 26. Спр. 139.
8. Historia Collegii Polocensis Societatis Jesu. Rok 1786–1817 // APPPTJ. – Rkps. 845 – II.
9. Valančius, M. Namų užrašai / M. Valančius. – Vilnius: Baltos lankos, 2003. - 933 s.
10. Bojanowski, E. Dziennik. 1853–1871 / E. Bojanowski. – Warszawa: PAX, 1999. – 350 s.
11. Галлер, П. К. Воспоминания П. К. Галлера / П. К. Галлер. – Саратов : Н-Волжское обл. научное об-во краеведения, 1927. – 48 с.

Литвинчук Ю.С.

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX в. ИЗ ФОНДОВ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

История городов всегда находилась в центре внимания исследователей. Ею интересовались в первую очередь архитекторы, краеведы, художники и литераторы. Историки активно подключились к анализу данного проблемного поля лишь в конце XX в. Правда, на сегодняшний день изучение проблем урбанистики является одним из приоритетных направлений в белорусской историографии. Как известно, для объективного и полноценного раскрытия ряда исторических вопросов как вообще, так, в частности, и по истории городов, необходимо привлечение широкого круга источников. На данный момент ведущими специалистами-урбанистами задействован обширный комплекс документальных материалов. Однако, исследование изобразительных источников досканально было проведено в основном архитекторами, такими как, Ю.В. Чантурия, Т.И. Чернявская и др. В этой связи, обращение к изучению изоматериалов в историческом ракурсе является актуальным, впрочем, так же как и поиск местонахождения данного вида источников. Примечательно, что изобразительные источники по урбанистике Беларуси конца XVIII – начала XX в., в частности изобразительно-графические, находящиеся в фондах Белорусского государственного архива научно-технической документации (БГАНТД), мало исследованы учеными.

Особый интерес для урбанистов представляет шестой фонд архива «Коллекция планов и схем городов Беларуси», который объединяет 31 дело в одной описи (№ 2). Опись № 2 составлена на документальные материалы, принятые от Государственного комитета Совета Министров БССР по делам строительства (Госстрой БССР) и включает документы с 1748 по 1967 г.

По рассматриваемой проблеме выявлены изобразительные источники: планы и чертежи городов Велиж (1778 г.) [1, д. 1, л. 1], Минск (1783 г., 1793 г., 1797 г.; 1793 г. – чертеж Ю.Н. Кнороза 15 декабря 1982 г.; 1858 г.; второй четверти XIX в. – чертеж Ю.Н. Кнороза 1982 г.; 1896 г.; 1898 г.); планы центрального района города Минска (1800 г. – чертежи Ю.Н. Кнороза 1976 г.) [1, д. 8, л. 1–3; д. 14, л. 1–3; д. 15, л. 1–3; д. 24, л. 1; д. 29, л. 1, 2]; Гродно (без даты), Витебск (1904 г.) [1, д. 28, л. 1], а также проектная документация – планы губернского города Минска 1910, 1911 гг. [1, д. 6, л. 1, 2; д. 7, л. 1, 2; д. 9, л. 1–4; д. 13, л. 1–3].

Изобразительные источники – это особенный, специфический тип исторических источников, который отражает историческую действительность, достоверность в визуальном контексте. В типологической классификации исторических источников, предложенной С.О. Шмидтом, среди изобразительных источников, выделяются следующие: художественно-изобразительные

(произведения изобразительного искусства, искусство кино и фотографии); изобразительно-графические (источники, которые содержат информацию, переданную при помощи графических изображений); изобразительно-натуральные (фотографии, документальные кинокадры) [3, с. 22]. По приведенной типологической классификации большинство выявленных документов относятся к изобразительно-графическим. Для сравнительного анализа остановимся на планах городов Гродно, Велижа, форштада Динабурга Витебской губернии [1, д. 3, л. 1]. Хронологический охват данных источников – 1778–1811 гг.

Исследование источников – планов городов предполагает картографический анализ. Картографические способы изображения дают возможность целостного представления об источнике. Они включают: картографическую семиотику, язык карты, условные знаки, графические переменные, значки, линейные знаки, изолинии, псевдоизолинии, качественный фон, количественный фон, локализованные диаграммы, точечный способ, ареалы, знаки движения, картограммы, шкалы условных знаков, динамические знаки [2, с. 83–106]. Таким образом, в первую очередь особое внимание стоит обратить на атрибутику карты: схему карты, надписи, географические объекты, условные обозначения (экспликацию), иконку карты.

Рассматриваемый план города Гродно является подлинником [1, д. 2, л. 1]. План имеет вид схемы исторического расширения территории города Гродно и составлен на польском языке. Несмотря на мелкий чертеж плана, на нем можно обнаружить часть надписей. Среди них наименование географического объекта: изображена река Неман, которая проходит в центре города, разделяя город на две части. Также на карте представлены и другие надписи. Среди условных обозначений встречается только в левом верхнем углу небольшая характеристика; экспликация на данном плане города не содержится. В данной характеристике сказано, что план составил присяжный землемер Антон Августинек, фотомеханическое уменьшение осуществил Франциск Августинек, инженер, присяжный землемер в Варшаве. В левом верхнем углу также представлен масштаб плана – 1: 10 000. Рассматриваемый документ является печатным, черно-белым.

План Динобургского форштада Витебской губернии на 138 дворов составлен на русском языке [1, д. 3, л. 1]. Данный документ 1811 г. является подлинником. Анализируя схему, можно заметить, что данный план отличается от предыдущего тем, что имеет вид топографической карты, а не простого чертежа. Он включает размещение и наименование географических объектов: реки Двины и озера Жирги. Документ рукописный, цветной, однако экспликации не содержит.

План города Велижа 1778 г. также составлен на русском языке [1, д. 1, л. 1]. Документ рукописный, цветной, содержит экспликацию. Находящаяся в правом нижнем углу экспликация имеет наименование «Изъяснение литер», под ним дано перечисление обозначений: «A. церкви каменные униатские; B. в замке каменная палата; C. униатские ветхие деревянные церкви и часовни; D. замок, в котором на первой случай поправя ветхое строение, присудственныя места, городничего и казначея поместить можно будет» [1, д. 1, л. 1]. Ниже приводится более подробное описание каждого объекта, расположенного на плане. В левом нижнем углу плана указан масштаб: 30 сажень. Так же, как и предыдущий план, он имеет вид топографической карты. Среди надписей встречаются следующие: «Дорога из Суража; дорога деревни Ивь Поли; дорога в Великие Луки и Торопец; до: Вусвят, дорога в Невель» [1, д. 1, л. 1]. На плане также изображены географические объекты: река Двина, река Велишка, ручей Никольский, ручей Черный. В правой верхней части плана есть надпись: «План городу Велижу как ныне есть то покрыто тушью, а вновь проектированное покрыто кармином» [1, д. 1, л. 1].

Проанализировав данные документы (планы городов Гродно, Велижа, форштада Динабурга Витебской губернии) можно прийти к следующим выводам: картографические источники – планы, схемы городов могут дать важную информацию для исследователя. Из них можно почерпнуть как топографические сведения, так и данные об эволюции градостроительства (например, по составу и количеству застроек, улиц и других городских объектов). Особая их ценность заключается в визуальной передаче информационного наполнения документа, что с одной стороны может служить дополнительным историческим материалом к письменным источникам делопроизводственного характера, а в ряде случаев и основной фактографией.

1. Белорусский государственный архив научно-технической документации (БГАНТД). – Ф. 6. Оп. 2.
2. Берлянт, А. М. Картография: учебник / А. М. Берлянт. – 3-е изд., доп. – М. : КДУ, 2011. – 464 с.
3. Ходин, С. Н. История и теория источниковедения : учеб. пособие / С. Н. Ходин, В. П. Грицкевич, С. Б. Каун. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2008. – 254 с.

Кожевникова М.В.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПРЕСТУПНОСТИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. В АРХИВЕ МОСКОВСКОЙ УПРАВЫ БЛАГОЧИНИЯ

Такой богатый источник, как судебно-следственные дела в России пока относительно мало изучен [6, с. 398]. Информационный потенциал судебно-следственных дел для изучения российской преступности XVIII в. был продемонстрирован в ряде работ последних полутора десятилетий [1–4; 7–9; 12–14 и др.]. Однако и для криминологических исследований России XIX в. существует серьезная архивная источниковая база, до сих пор практически не разработанная [в частности, об этом см. 10, с. 79]. Чтобы иметь целостное представление, к каким именно архивам стоит в данном вопросе обращаться, рассмотрим подробнее систему судебно-следственных учреждений, сложившуюся к началу XIX века в Российской империи.

В начале XIX века первой инстанцией рассмотрения уголовных и гражданских дел для купцов, ремесленников и мещан был городовой магистрат, а для дворян и крестьян – уездный суд, состоявшие, соответственно, из департаментов уголовных и гражданских дел [5, с. 185; 15, вып. 1]. Так, в Москве действовал Московский уездный суд, архив которого хранится в фонде 102 Отдела хранения документов до 1917 года Центрального государственного архива города Москвы (ЦГАМ; до апреля 2013 года – Центральный исторический архив Москвы). Верхний земский суд – средняя сословная инстанция для дворян – был упразднен Павлом I и более не восстанавливался. Высшей уголовной инстанцией губернии для всех сословий была палата уголовного суда. Так, в Москве действовала Московская палата уголовного суда [16].

Помимо этого, в каждой губернии действовал совестный суд, а в столицах еще и надворные суды [5, с. 185]. В задачи Московского совестного суда, существующего с 1782 года [18], входило расследование запутанных уголовных и гражданских дел, касающихся преступлений умалишенных, малолетних, лиц, совершивших преступление в невменяемом состоянии [15]. Судебные дела дворян, проживавших в столице в связи с пребыванием на административной или военной службе (а также судебные дела разночинцев с 1802 по 1866 гг.) рассматривали три департамента Московского надворного суда [17].

Таким образом, документы, содержащие информацию о московской преступности изучаемого периода, распылены между фондами различных судебных учреждений. Однако, если мы обратимся к документации следственных органов, мы увидим более цельную картину.

В 1782 г. Екатерина II перестроила городскую полицию на основе «Устава благочиния» (далее – Устав), согласно которому в городах создавались специальные органы охраны правопорядка – управы благочиния. В ведение управ поручались дороги, мосты и переправы, торговля, меры и весы, благоустройство, разрешения на строительство домов и иные функции, однако в свете рассматриваемой темы мы обратим внимание лишь на такую функцию управы, как «открытие преступлений и проступков, предупреждение оных, имание под стражу преступников, исследование на месте, обнаружение и утверждение доказательства преступлений или проступков, и да воспрепятствует злому учинить злое, и да воздержится от неистовства и преступления» [11, т. 21, № 15379].

Управы благочиния были упразднены при Павле I и вновь восстановлены в первоначальном виде только в Москве и Санкт-Петербурге Александром I в 1802 г. [5, с. 141, 143]. Чтобы выявить, чем, собственно, была эта структура, какой архив она могла сформировать и как, далее мы проанализируем функционирование управы, предписанное законодательством.

Согласно Уставу, город был разделен на кварталы по 50–100 домов. За порядком в каждом квартале следил квартальный надзиратель, которому подчинялся квартальный поручик. Также квартальному надзирателю подчинялись ночные сторожа. «Квартальный надзиратель в семь часов за полночь доносит частному приставу о происшедшем в прошедшей ночи и сутках в его квартале» [11, т. 21, № 15379, ст. 151]. Частный пристав стоял во главе части, которая объединяла нескольких кварталов – 200–700 домов. Частному приставу подчинялись: ночные сторожа, квартальные поручики, квартальные надзиратели, частная полицейская команда, два градских сержанта, сопровождающие частного пристава, письмоводитель, канцелярские служащие. Штабом для этой команды служила часть – дом частного пристава по Уставу. Служащие городских застав, фиксирующие правонарушение, также должны были докладывать о том частному приставу.

А возможно ли конкретно выявить этих людей в каждом деле, их имена и фамилии? Да, так как в ЦГАМ сохранились документы о выплате жалования служащим полиции и служащим московской управы благочиния [напр.: 20, оп. 7, т. 1, д. 3974, 3975].

Выявленную информацию о преступлениях частный пристав должен был докладывать в управу ежедневно, в 8 утра. В московской управе заседали обер-полицмейстер, два полицмейстера, пристав уголовных дел, пристав гражданских дел и два ратмана – выборные от купечества. Дела они должны были решать коллегиально. Исследователь имеет шанс выяснить, кто именно заседал в управе благочиния в день рассмотрения этого дела, – в ЦГАМ сохранились журналы заседаний и определения присутствия [напр.: 20, оп. 6, д. 275–282].

Заслушивая с утра частных приставов, управа благочиния должна была сперва рассматривать те дела, в которых были задержанные. Преступления против собственности, ущерб в которых не превышал двадцати рублей, управа благочиния рассматривала самостоятельно и назначала наказание. Статья 70 Устава гласит: «Управа Благочиния уголовные преступления по словесному исследованию и судные дела выше 20 рублей отсылает в Судебное место, куда которое по Учреждениям следует» [11, т. 21, № 15379]. А в статье 73 пункт 3 читаем: «Управа Благочиния исполняет к ней присланные от Судебных мест приговоры, определения и решения, и об исполнении доносит и сообщает, куда надлежит» [11, т. 21, № 15379] – то есть в делах управы благочиния можно искать также и судебные постановления. Из статей 37, 38 и 127 Устава можно заключить, что, если было необходимо расследование дела, то до закрытия дела либо до передачи его в суд расследование вели как частные приставы, так и штат самой управы благочиния, впрочем, также иногда перепоручавший первым допросы и опросы.

Анализ законодательства помогает нам выявить, что управа благочиния была неким «головным офисом» московской полиции – и при этом местом, в архивах которого должна была накапливаться документация полиции. Архив Московской управы благочиния составляет фонд № 105 Центрального государственного архива города Москвы. Он объединен в 17 описей, некоторые из которых разделены на тома. В каждой описи нумерация дел начинается заново, в томах одной описи нумерация сквозная. Дела в пределах одной описи размещены в хронологическом порядке.

Некоторые описи объединены по существу дел, некоторые – по хронологическому признаку, некоторые – по обоим признакам. В целом для выявления уголовных дел либо же личностей служащих полиции имеет смысл пользоваться следующими описями: оп. 2. 1783–1847 гг. 1858 дел; оп. 1797–1806 гг. 1368 дел; оп. 4. 1813–1843 гг. 3281 дел; оп. 5. 1821–1845 гг. 1992 дела; оп. 6. 1782–1881 гг. 1424 дела; оп. 8, том 1. Уголовная часть за 1783–1861 гг. 6765 дел; оп. 8, том 2. Уголовная часть за 1783–1861 гг. 3469 дел; оп. 9. 1780–1816 гг. 3078 дел; оп. 10. 1848–1882 гг. 1283 дела; оп. 11. Гражданская часть, уголовная часть, архитектурная часть, личный состав. 1775–1882 гг. 773 дела; оп. 12. Уголовная часть за 1783–1844 гг. 334 дела; оп. 15. Личные дела служащих полиции. 1782–1849 гг. 309 дел; оп. 16. 1781–1907 гг. 303 дела; оп. 17. Описи решенных дел за 1782–1842 годы. 104 дела.

Необходимо заключить, что для изучения настоящей темы архив Московской управы благочиния представляется чрезвычайно многообещающим по ряду причин: (1) в архиве управы благочиния, согласно «Уставу благочиния, или полицейскому», должна была накапливаться документация московской полиции; (2) московская полиция, частью которой являлась управа благочиния, была единственным органом Москвы, проводившим досудебное следствие, по окончанию же досудебного следствия дела препровождались в различные судебные учреждения; (3) часть дел прекращались уже на стадии досудебного следствия; (4) судя по исследованию части архива, по крайней мере в некоторых делах после отправки дела в суд и принятия судебного решения информация о таковом решении заносилась в дела Управы; (5) управа благочиния была не только следственным, но и судебным органом, рассматривающим преступления небольшой тяжести, информация о которых, соответственно, в другие суды не поступала. Таким образом, представляется чрезвычайно важным обращение к архиву московской управы благочиния, в частности, в рамках изучения истории преступности.

1. Акельев, Е. В. Городская преступная среда и опыт борьбы с ней в России и Франции первой половины XVIII в. : сравнительно-историческое исследование : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Акельев Евгений Владимирович ; Рос.гос. гуманитар. ун-т. – М. : РГГУ, 2009. – 368 с.

2. Акельев, Е. В. Мир Ваньки Каина: историко-антропологическое исследование криминальной среды Москвы 40-50-х годов XVIII века : дипломная работа / Акельев Евгений Владимирович ; Рос.гос. гуманитар. ун-т. – М. : РГГУ, 2005. – 181 с.

3. Акельев, Е. В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина / Е. В. Акельев. – М. : Молодая гвардия, 2012. – 416 с.
4. Анисимов, Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке / Е. Анисимов. – М. : Новое литературное обозрение, 1999. – 720 с.
5. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – М. : Высшая школа, 1968. – 368 с.
6. Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М. : РГГУ, 2000. – 702 с.
7. Каменский, А. Б. Девиантное поведение в русском городе XVIII в. / А. Б. Каменский // Одиссей. Человек в истории. 2005. – М., 2005. – С. 367–392.
8. Каменский, А. Б. Городские хулиганы в России XVIII в. / А. Б. Каменский // Россия XXI. – 2002. – № 1. – С. 122–139.
9. Лавров, А. С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. / А. С. Лавров. – М. : Древлехранилище, 2000. – 574 с.
10. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дм. Буланин, 2003. – Т. 1–2.
11. Полное собрание законов Российской империи : собрание 1. – СПб., 1830. – Т. 21–29.
12. Ролдугина, И. А. Опыт исследования в области социального дисциплинирования: Калинкинская комиссия и Калинкинский дом / И. А. Ролдугина // Новый взгляд. – 2007. – С. 24–29.
13. Смилянская, Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и “духовные преступления” в России XVIII в. / Е. Б. Смилянская. – М. : Индрик, 2003. – 464 с.
14. Смилянская, Е. Б. «Любовь твоя раны мне дает…» (чувства и страсти по следственным материалам XVIII в.) / Е. Б. Смилянская // Гендерный подход в антропологических дисциплинах. – СПб., 2001. – С. 26-40.
15. Центральные архивы Москвы : путеводитель по фондам / сост. И. Г. Тараканова и др. ; ред.: А. Д. Степанский [и др.]. – М. : Мосгорархив, 1999. Вып. 1–5.
16. Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов до 1917 года (ЦГАМ). – Ф. 50.
17. ЦГАМ. – Ф. 81.
18. ЦГАМ. – Ф. 91.
19. ЦГАМ. – Ф. 102.
20. ЦГАМ. – Ф. 105.

Луговцова С.Л.

УЕЗДНЫЕ СПИСКИ ДВОРЯНСТВА БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В результате трех разделов Речи Посполитой территория Беларуси вошла в состав Российской империи, руководство которой встало перед необходимостью определить правительственную политику по отношению к разным социальным слоям новых территорий. В первую очередь, это касалось дворянства, как группы, на которую традиционно опирались в Петербурге на вновь присоединенных землях. Основным методом учета населения в Российской империи в первой половине XIX в. были ревизии. Население Беларуси, и дворянство в том числе, было впервые учтено при проведении 5-й ревизии 1796 г. Г.Н. Тумилович отметила, что численность высшего сословия Беларуси по 5-й ревизии была явно занижена. В ходе ревизии не учитывались дворяне, имевшие крепостных, и дворяне-татары. Ещё более важным фактором недоучета дворянства на территории белорусских губерний являлся недоучет численноости мелкой шляхты, что объяснялось, в первую очередь, нежеланием данной категории быть учтенной. Так как имевшие крепостных дворяне по пятой ревизии не учитывались, основная часть шляхты опасалась, что все зарегистрированные должны будут платить подати. Следует учитывать, что конец XVIII в. — это время вживания шляхты Великого Княжества Литовского в росссийскую действительность, когда её представителям трудно было предугадать по какому пути пойдет законодательство в отношении присоединенных земель [6, с. 93–94].

В Российской империи в XIX в. правительство стремилось контролировать численность дворянства западных губерний, его перемещения, возможность участия в дворянских выборах. Разные задачи требовали составления на местах списков разного содержания. В частности, каждое трехлетие составлялись списки помещиков, имевших право участвовать лично или через представителей в дворянских выборах и дворянских уездных собраниях. Законодательство о дворянских выборах менялось на протяжении первой половины XIX в. В соответствии с декабрьским указом 1831 г. право лично участвовать в собрании и в выборах предоставлялось каждому дворянину, внесенному в родословные книги губерний, и имевшему в ней недвижимость, если у него было не менее 3000 десятин незаселенной земли, а также чин не ниже 14-го класса. Приравнивались к этой категории лица, обладавшие более низким имущественным цензом, но имевшие звание не ниже полковника или действительного статского советника. Мелкопоместные дворяне, у которых было свыше 5, но менее 100 душ м. п. или от 150 до 3000 деся-

тин незаселенной земли, участвовали в выборах через своих представителей. При этом земельные владения, расположенные в разных уездах, могли при исчислении имущественного ценза слагаться [5, Т. 6, Ч. 2, № 4989]. Таким образом, в списки, составленные для выборов, включалась вся основная масс дворян-помещиков, за исключением лишь самых мелких, имевших менее 5 душ м. п. Уездные списки дворян были активно использованы П.Г. Козловским в ходе анализа эволюции помещичьего землевладения в Беларуси в первой половине XIX в. [1].

Кроме списков, составлявшихся с целью проведения дворянских выборов, уездные списки дворян составлялись и для других целей. Правительственные учреждения Санкт-Петербурга нуждались в информации о дворянстве бывшей Речи Посполитой, чтобы разобраться в сложном составе местной шляхты, выработать правительственные мероприятия по отношению к ней. В частности, в 1816 г. в связи с очередным витком политики «разбора шляхты» Сенат потребовал составить в уездах четыре ведомости: о шляхте, которая была утверждена в дворянском достоинстве губернскими дворянскими депутатскими собраниями и проживала на собственной земле; проживала на собственной земле, но не доказала свое происхождение; была утверждена в дворянском достоинстве, но проживала на арендованной земле или по заставному праву; не доказала свое происхождение и не имела собственной земли [3, л. 119].

В целом, степень достоверности сведений собранных неревизским путем весьма невелика. Хотя в 20-30-х гг. XIX в. в Российской империи наблюдалось стремление улучшить учет дворянского сословия, однако местные органы полиции использовали сведения, поступавшие от уездных предводителей дворянства. Последние часто относились к составлению списков весьма небрежно. В одних списках учитывались только дворяне, имевших крепостных, в других — даже те, кто имел фальшивые документы. Тем не менее, уездные списки представляют собой ценный материал для исследователей, так как включают сведения о материальном обеспечении и прохождении службы шляхтичами, роде их деятельности, возрасте дворян, составе семей, месте проживания, дате утверждения в дворянском достоинстве в губернском дворянском депутатском собрании, Герольдии Сената или причинах отказа в оном и т.п.

На наш взгляд, уездные списки могут быть использованы для проведения исследований историко-демографического характера. В частности, автором был проанализирован список дворян Лидского уезда за 1835 г. (1963 человека обоего пола) [2, л. 1–86.]. На его основании были составлены следующие таблицы.

Таблица 1

Дворянство Лидского уезда по возрасту и половой принадлежности (1835 г.)

Возраст	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Женщины относительно мужчин
Абсолютные числа				В %			
0	9	6	3	0,5	0,6	0,3	50
1–4	230	108	122	11,7	10,3	13,4	113
5–9	213	101	112	10,9	9,6	12,3	111
10–14	233	127	106	11,9	12	11,6	83,5
15–19	196	94	102	10	9	11,2	108,5
20–29	315	164	151	16	15,6	16,5	92
30–39	293	154	139	14,9	14,6	15,2	90,3
40–49	215	130	85	11	12,4	9,3	65,4
50–59	139	86	53	7	8,2	5,8	61,6
60–69	75	48	27	3,8	4,6	3	56,3
70–79	34	25	9	1,7	2,4	1	36
80–	11	7	4	0,6	0,7	0,4	57,1
Всего	1963	1050	913	100	100	100	87

В представленных данных обращает внимание уменьшение численности мужчин (на 27 %) и ещё более значительное женщин (на 38 %) в возрасте 40–49 лет по сравнению с предыдущей возрастной группой, а также соотношение полов в разных возрастных группах. В возрасте 10–14 лет девочек на 26 % меньше, чем мальчиков. Начиная с 20-летнего возраста, диспропорция в

соотношении полов в пользу мальчиков наблюдается во всех возрастных группах, достигая своего пика в возрасте 70–79 лет. Выявленный феномен ждет дальнейшего изучения и объяснения исследователями.

Таблица 2

Состав дворянства Лидского уезда в соответствии с брачным состоянием, 1835 г.

Возраст	Мужчины				Женщины			
	Всего	Гражданское состояние			Всего	Гражданское состояние		
		холостые	женатые	вдовцы		не замужем	замужние	вдовы
15–19	94	94	–	–	102	91	11	–
20–24	83	71	12	–	71	42	29	–
25–29	81	61	18	2	80	18	60	2
30–39	154	72	73	9	139	21	110	8
40–49	130	41	81	8	85	11	59	15
50–59	86	19	59	8	53	7	26	20
60–69	48	8	29	11	27	4	8	15
70–79	25	3	11	11	9	2	2	5
80–89	7	–	4	3	4	1	–	3
Всего	708	369	287	52	570	197	305	68

В табл. 2 привлекает внимание значительная численность холостых мужчин и незамужних женщин в разных возрастных группах. Среди мужчин в возрасте 20–29 лет 80,5 % были холостыми, среди женщин этой возрастной группы 39,7 % не вышли замуж. Даже в возрастной группе от 30 до 39 лет холостые мужчины составляли 46,8 %, незамужние женщины — 15,1 %. Высокий процент холостых мужчин сохранялся и в старших возрастных группах.

Анализируя содержание списка Лидской шляхты за 1835 г. можно выделить следующие тенденции: для обеспеченных дворян характерно более позднее вступление в брак и одни-два ребенка в семье. Раннее, по сравнению с указанным выше возрастом, заключение браков и большая численность детей в семье характеризуют жизнедеятельность шляхтичей, непосредственно занимавшихся сельскохозяйственным трудом. Самые ранние по возрасту из обнаруженных нами браков были заключены в семье дворян Михайловских и Шалевичей. Жене Адольфа Михайловского (32 года) Антонине было 17 лет, при этом их сыну Мечиславу уже исполнилось два года. Шалевичу Фоме было 23 года, а его жене 15 лет. Родному брату Фомы Иосифу было 22 года, его жене 14 лет.

Мужчины-вдовцы часто вступали во второй брак, значительно реже аналогичное явление наблюдалось среди вдов. Для вторых браков характерна более значительная разница в возрасте между мужем и женой, а также разница в возрасте детей от первого и второго браков. Например, второй жене Иосиф Ельца (59 лет) Марианне было 40 лет, второй жене Иосифа Войсята (40 лет) Антонине было 23 года, второй жене Леона Шульца (62 года) было 25 лет. Обратим внимание также на весьма почтенный возраст «молодых» отцов. Например, младшей дочери Матвея Малевского (80 лет) Устине было 3 года, а младшей дочери Юрия Наркевича (80 лет) Анне 5 лет.

Таблица 3

Семейные хозяйства дворянства Лидского уезда, 1835 г.

Типы семейных хозяйств	Одно поколение	Два поколения	Три поколения	Всего хозяйств	Всего, в %
1. Хозяйство одинокого человека	139	–	–	139	28,5
2. Несемейное хозяйство (без брачной пары)	16	–	–	16	3,3
3. Простая (нуклеарная) семья	21	195	–	216	44,2
4. Расширенная семья	14	43	5	62	12,7
5. Сложная семья	2	25	28	55	11,3
Всего	192	263	33	488	100

Табл. 3 включает 488 самостоятельных домохозяйств, всего в рассматриваемом списке дворян Лидского уезда 1963 человек. Таким образом, в среднем семья состояла из 4 человек. В монографии В. Носевича проанализировано 109 дворов мелкой шляхты униатского и католического вероисповедания за 1834 г., проживавших на территории приходов Узденского костела и Слободо-Пырашевской церкви Минской губернии. Средний состав семьи по данной выборке составил 4,3 человека. В среде мелкой шляхты Минской губернии нуклеарные семьи составляли 50, 5 %, одновременно значительно выше, чем у лидских дворян, был процент сложных многосемейных хозяйств (34,9 %) и практически отсутствовали одиночки [4].

Таким образом, анализ демографических параметров и структуры семейных хозяйств дворян Лидского уезда за 1835 г. позволяет сделать следующие выводы: наблюдается дисбаланс в соотношении полов в пользу мужчин по данным во всех возрастных группах, начиная с 20-летнего возраста; численность и мужчин и женщин значительно уменьшается по данным, начиная с возрастной группы 40–49 лет; состав дворянства Лидского уезда характеризуется очень высокими показателями холостых мужчин и незамужних женщин во всех возрастных группах: среди мужчин в возрасте 20–29 лет 80,5 % были холостыми, среди женщин этой возрастной группы 39,7 % не вышли замуж; в структуре семейных хозяйств Лидского дворянства самым распространенных типом была простая нуклеарная семья (44,2 %), состоявшая их двух поколений; количество хозяйств одиночек (28,5 %) превышало общую численность расширенных (12,7 %), сложных (11,3 %) семей и хозяйств без образования брачной пары (3,3 %).

1. Козловский, П. Г. Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVIII – первой половине XIX в. / П. Г. Козловский. – Минск : Наука и техника, 1982. – 204 с.

2. Литовский государственный исторический архив. – Ф. 391. Оп. 9. Д. 129.

3. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 2066. Оп. 1. Д. 14.

4. Носевич, В. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе / В. Носевич. – Минск, 2004. – Режим доступа: http://www.vln.by/book-village/part3_5.htm – Дата доступа: 06.03.2015.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: В 55 т. СПб. : Тип. II отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830–1884.

6. Тумилович, Г. Н. Дворянство Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук / Г. Н. Тумилович. – Минск, 1995. – 165 с.

Алентьева Т.В.

ПРОИЗВЕДЕНИЕ РИЧАРДА ХИЛДРЕТА «БЕЛЫЙ РАБ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

До сих пор в исторической науке не утихают споры по поводу художественной литературы как исторического источника. И хотя на страницах ведущих российских академических журналов признание правомерности ее использования, можно сказать, состоялось, все же остается немало исследователей, скептически относящихся к произведениям художественного творчества. Тем не менее следует признать как аксиому, что для историка источником, свидетельствующим о жизни людей в определенную историческую эпоху, может служить любой текст, относящийся к этому прошлому.

Произведения художественной литературы являются наиболее доступными источниками, рассказывающими о самых разных сторонах жизни людей [5, 7]. В художественной литературе нашли отражение не только происходившие события, но и их оценка писателем, заключенная в прямой речи автора или выраженная через отношение к ним литературных героев. В романах и повестях дается картина политической, общественной и частной жизни, система социальной иерархии и взаимоотношений, описание природной среды и хозяйствования, деталей быта, правил поведения. В них отражается идеологическая атмосфера, господствующая система ценностей и отношение к ней, нравственные критерии и духовные ориентиры [3, с. 249-250]. Эти преимущества художественной литературы как исторического источника можно проиллюстрировать на примере романа американского историка и писателя-романтика Ричарда Хилдрета «Белый раб».

Ричард Хилдрет (1807–1865) достаточно хорошо известен российским литературоведам как автор одного из первых аболиционистских романов, о чем свидетельствует краткий биографический очерк в многотомной истории литературы США [4, с. 346–353]. Работы этого автора по истории, философии, политике и праву, а также его нашумевший в свое время роман «Белый раб» неоднократно переиздавались в США и при жизни писателя, и в наше время. Тем не ме-

нее, в американской историографии есть только две работы, посвященные его жизни и философским взглядам [8, 13]. Что касается отечественной американистики, то была опубликована моя статья о Хилдрете как аболиционисте [1], однако его литературное наследие практически не используется исследователями, изучающими историю США. Хотя именно его роман «Белый раб», а также политические памфлеты, прежде всего «Деспотизм в Америке», являются прекрасными историческими источниками для изучения движения за отмену рабства в США.

Организованное и массовое аболиционистское движение в США зародилось в начале 1830-х годов, а первый вариант романа Хилдрета под названием «Раб, или Воспоминания Арчи Мура» вышел в 1836 г. Второе издание было связано с подъемом аболиционистского движения из-за нашумевшего закона о беглых рабах 1850 г. Новый вариант романа под названием «Белый раб» вышел в свет в 1852 г., одновременно с романом Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Книга имела успех, была переведена на многие европейские языки, а в Англии опубликована десятью издательствами. Русский перевод был осуществлен в 1862 г. [2]

Ричард Хилдрет был выходцем из Новой Англии, потомком первых поселенцев; являлся одним из лучших выпускников Гарвардского университета. Сама атмосфера Новой Англии с ее глубокими пуританскими корнями, с особым менталитетом ее жителей, не признававших никакого покушения на личную свободу, оказала огромное влияние на формирование политических взглядов писателя и историка. Знакомство с трудами французских мыслителей XVIII века (Вольтер, Руссо и др.), английских философов и экономистов (Юм, Бентам, Смит, Милль), чтение лучших произведений европейских писателей (Гёте, В. Скотт и др.), изучение исторического и культурного наследия своей родины сделали Хилдрета образованнейшим человеком.

Для него был характерен сугубо рационалистический и реалистический взгляд на современную ему эпоху «джексоновской демократии». Он сумел противостоять демагогии и манипуляциям общественным мнением, в значительной степени свойственным этой эпохе, о чем свидетельствует его замечательный памфлет «Деспотизм в Америке» (1840), написанный как опровержение знаменитого сочинения А. де Токвиля «Демократия в Америке» (1833).

Ричард Хилдрет известен также как автор шеститомной истории США [10]. В ней он бросил вызов признанному авторитету «романтической историографии» Дж. Бэнкрофту, видевшему в американской истории лишь замечательные образцы для подражания. В начале своей работы он заявляет, что собирается покончить с патриотическими мифами и легендами, нарисовать «непарадные портреты» отцов-основателей. Многотомное исследование выгодно отличалось внимательным отношением к источникам. Сознательно отказавшись от литературных излишеств, Хилдрет использовал сухой, деловой язык [9, p. 380–382].

Тем более важно подчеркнуть, что его единственный роман написан живым литературным языком и базируется на традициях романтизма. И, тем не менее, в нем чувствуется не только писатель, умеющий построить увлекательный приключенческий сюжет, способный держать читателя в напряжении на всем протяжении романа, но и историк, опирающийся на достоверные факты, документы и личные наблюдения. Поездка в 1834 г. в южные штаты, в частности во Флориду, дала ценный материал для литературного творчества.

С большим трудом автору удалось найти издателя для своего романа. Он был издан анонимно, на средства самого автора. Критика упорно замалчивала «Арчи Мура», только «Liberator» У.Л. Гаррисона поместил благожелательную рецензию [11]. Известный противник рабства У. Филлипс писал позже: «“Арчи Мур” Р. Хилдрета был книгой выдающейся, отмеченной талантом <…> Но она появилась в такое время, когда аболиционистское движение не имело достаточно приверженцев» [12, p. 31]. Книга была довольно быстро распродана; до 1848 года вышли еще пять изданий. Некоторые американские литературоведы полагают, что это произведение стало одним из главных источников для «Хижины дяди Тома» Бичер-Стоу.

Основной художественный прием Хилдрета состоял в том, что повествование велось от первого лица. Для читателя автор и рассказчик как бы сливаются, поэтому рассказ кажется еще более достоверным, как будто речь идет не о романе как таковом, а именно о мемуарах. Стиль изложения автора, являвшегося к тому же и профессиональным историком, представляет собой органическое сочетание реалистических зарисовок действительности, сцен и характеров, взятых из самой жизни, яркой публицистики, философских размышлений.

Рассказ о своей богатой приключениями жизни ведет Арчи Мур, сын полковника-плантатора и рабыни, цвет кожи которого практически не отличим от белого человека. Но это

обстоятельство не вполне объясняет название романа, поскольку писатель хотел придать ему более обобщенный, философский смысл. Белыми рабами являются все те, кто потворствует процветанию рабства на американской земле. «Белых рабов в Америке во много раз больше, чем черных <…> В рабство вас из поколения в поколение обращали ваши же подлость и низкопоклонство» [6, p. 429]. Эта мысль созвучна идеям Генри Торо, высказанным в его «Рабстве в Массачусетсе».

Сочетая документ и вымысел, роман представляет реальную историческую действительность США, а также героев реальной жизни в контексте выдуманного мира. Автор синтезирует художественный вымысел и достоверность жизненного факта. Действительно, в исторической обстановке, являвшейся основой романа, постоянно присутствуют реальные события. Нет ничего необычного и в жизненных судьбах основных персонажей. Главного героя Арчи Мура собственный отец делает рабом, его впоследствии отрывают от жены и ребенка, избивают и морят голодом, перепродают из рук в руки. Он постоянно встречается с самыми отвратительными сторонами рабовладельческой системы.

Ричард Хилдрет умело соединяет в своем романе «Белый раб» ткань художественного повествования с документальной основой. Эту документальную основу составляют самые различные исторические источники. Как юрист, Хилдрет довольно подробно знакомит читателей с законодательством как на федеральном уровне, так и в отдельных штатах, особенно, южных. Он постоянно ссылается на публикации газет, и даже цитирует их, что придает роману еще большую историческую достоверность. В повествовании часто упоминаются реальные исторические фигуры, описываются не менее реальные исторические события. Особенно много внимания уделено пресловутому Закону о беглых рабах 1850 г. Хилдрет скрупулезно изучил основные постулаты южной идеологии, из содержания романа ясно следует, что ему хорошо были известны произведения таких апологетов рабства, как Кэлхун, Фитцхью, Симмс. И он постоянно их критикует, правда, не называя прямо источника [6, p. 374].

Автор довольно подробно описывает реакцию южного и северного общества на возникновение аболиционистского движения, формы борьбы с ним, наподобие комитетов бдительности. Он вскрывает и причины экономической заинтересованности в сохранении рабства как со стороны самих южан, так и со стороны северян, прежде всего, банкиров, торговцев и текстильных фабрикантов [6, p. 375]. В своем произведении Хилдрет осуждает расизм как со стороны белах, так и со стороны черных, что делает его произведение не утратившим актуальности до настоящего времени [6, p. 302].

В романе много отступлений и авторских рассуждений, часто носящих излишне назидательный характер. Однако подобное морализаторство было обычным литературным приемом в рамках литературного дискурса XIX в. В то же время повествование от первого лица не позволяет полностью идентифицировать эти публицистические отступления с авторской позицией. Анализ других, исторических, философских и политических произведений Хилдрета убеждает в этом.

Хилдрет целенаправленно избрал эпиграфом к своему роману первую статью «Билля о правах штата Виргиния», в которой повторялись основные положения «Декларации независимости» 1776 года о свободе и равенстве людей, чтобы подчеркнуть полное бесправие своих основных героев, являющихся рабами, независимо от цвета их кожи. Главное достоинство романа «Белый раб», несомненно, – его документальная основа, позволяющая классифицировать данное произведение как роман-памфлет, представляющий ценный источник по американской истории первой половины и середины XIX в.

1. Алентьева, Т. В. Жизнь и взгляды Ричарда Хилдрета / Т. В. Алентьева // Американский ежегодник, 1995. – М. : Наука, 1996. – С. 110–129.

2. Гильдрет, Р. Воспоминания беглеца. Очерки американских нравов / Р. Хилдрет. – СПб., 1862. – 323 с.

3. Григорьева, И. В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки / И. В. Григорьева. – М. : ИНФРА-М, 2012. – 286 с.

4. История литературы США : в 6 т.– М. : ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. – Т. 3 : Литература середины XIX в. (поздний романтизм) / отв. ред. Е.А. Стеценко. – 614 с.

5. Миронец, Н. И. Художественная литература как исторический источник (к историографии вопроса) / Н. И. Миронец // История СССР. – 1976. – № 1. – С. 125–141.

6. Хилдрет, Р. Белый раб / пер. с англ. В. С. Вальдман ; под ред. А. М. Шадрина ; вступ. ст. и примеч. М. С. Трескунова / Р. Хилдрет. – М ; Л. : Гослитиздат, 1960. – 432 с.

7. Шмидт, С. О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний / С. О. Шмидт // Отечественная история. – 2002. – № 1. – С. 40–49.

8. Emerson, D. E. Richard Hildreth / D. E. Emerson. – Baltimore : John's Hopkins Press, 1946. – 181 p.

9. Gooch, G. P. History and Historians in the XIX-th century / G. P. Gooch. – L. : Longmans, 1952. – 400 p.
10. Hildreth, R. The History of the United States : in : 6 vol. / R. Hildreth. — N.Y. : Harper and Brothers, 1849–1852.
11. Liberator. – 1844. – Aug. 16.
12. Phillips, W. Speeches, Lectures and Letters / W. Phillips. – Boston: Beacon Pr., 1936. –248 p.
13. Pingel, M. M. An American Utilitarian: Richard Hildreth as a Philosopher / M. M. Pingel. – N.Y. : Columbia University Press, 1948. – 214 p.

Белецкая Е.М., Великая Н.Н.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ О КОМАНДИРЕ СУНЖЕНЦЕВ Н.П. СЛЕПЦОВЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕНТАЛЬНОСТИ ЧЕЧЕНЦЕВ И ЛИНЕЙНЫХ КАЗАКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Основные военные действия, происходившие в Чечне и Дагестане в первой половине XIX века, и личности, с ними связанные, получили оценку не только в научной литературе, но и в фольклоре противоборствующих сторон. Фольклорные произведения, характеризующие коллективное мировоззрение, позволяют по-новому взглянуть на ментальные представления казаков и горцев, бытовавшие в рассматриваемый период. В этой связи заслуживают внимания и сравнения песни и предания чеченцев и линейных казаков о Н.П. Слепцове (1815–1851). Талантливый военачальник, генерал-майор Николай Павлович Слепцов с 1845 по 1851 гг. был командиром 1-го Сунженского полка Кавказского Линейного казачьего войска, награждён орденами Св. Святослава, Св. Анны, Св. Георгия, Золотой саблей с надписью «За храбрость». Н. П. Слепцов был убит в Чечне при штурме Гехинского завала в 1851 г.

О Н.П. Слепцове, умелом и бесстрашном генерале, писали многие авторы, отмечавшие его выдающиеся военные успехи [1; 4, с. 134–136; 6, с. 68–70; 7 и др.]. Историческая память терского казачества также сохранила песенные сюжеты, связанные с личностью Н.П. Слепцова. Одни из них опубликованы, другие сохранились в рукописном сборнике конца XIX века из ст. Червлённой. Источниками послужили и полевые записи Е.М. Белецкой, сделанные в станицах Сунженского и Шелковского р-нов Чечено-Ингушской АССР в 1970–1980 гг.

Песенные сюжеты можно расположить в следующем порядке: 1) командир Сунженского полка посещает лагерь казаков; 2) казаки готовы к походу под началом Слепцова; 3) сунженцы возвращаются в станицу «из набега удалого»; 4) Слепцов погибает на поле боя; 5) казаки вспоминают День Слепцова. Песни образуют законченный цикл, причём в нескольких вариантах, как текстовых, так и мелодических.

Песня о посещении Слепцовым весеннего казачьего лагеря бытовала на Тереке и в конце XX века:

Мы стояли на горе // На зелёной на траве.// Припев: Ей, ей, молодцы, // Храбры мы сунженцы! // Мы стояли возле будки, // К нам приехал Слепцов в бурке: // – Вы здоровы, казачки, // Стрижены головочки? // Но вас Богом я прошу: // Не ходите вы в корчму. // Вы там денежки пропьёте, // А в поход вы с чем пойдёте? // Вас отцы будут встречать, // А вам нечем отвечать...

Укоряет командир казаков и за то, что они *«добрых коней распродали, /Сударушек посправляли, /Порезали чепраки – /Девкам шили башмаки»*. Ответные действия воспринимаются в песне как справедливое наказание:

А сказали: «Слепцов злой». // Слепцов – батюшка родной: // Он положит, станет бить – // С плеч рубашечка летить. // Но хоть больно он нас бьёт, // Да под суд не отдаёт [10, с. 64–65, 68].

В песне о готовности к предстоящему походу есть слова, характеризующие отношение казаков к Н.П. Слепцову:

Скоро, братцы, нам в поход, зима наступает, // Злой Шамиль зовёт нас в бой и не унывает. // Для нас вызов – не беда, был бы Слепцов с нами, // С ним готовы хоть куда на конях орлами… [8, № 83].

Тема смерти полководца представлена двумя группами песенных вариантов. В традиционном сюжете текст начинается с символического образа вечерней зари, предвещающей несчастье. Вместе с тем описание смерти на поле боя передаётся с учётом реальных деталей: в головах – «знамя распущенное» (в варианте А.З. Калинина, 1905 г.р., запись 1976 г., ст. Троицкая – «*лежит всё сидельце*»); в ногах стоит добрый конь, по бокам – полки снаряженные, все слепцовские. Есть и образ плачущих казаков [3, с. 323].

В песнях книжного характера, фольклорных по бытованию, тема смерти раскрывается в ином ключе, с преобладанием патриотических мотивов:

…Он орлом пред нами мчался, // Сам повсюду успевал, // С шашкою в толпы кидался // И дружину поощрял [8, № 113].

«В память храброго Слепцова» было создано две песни: «Вспомним, братцы, про былое» и «Что не соколы летают», в которой казаки вспоминают День Слепцова, всегда праздновавшийся ещё при жизни полководца. Во второй песне, записанной в ст. Нестеровской в 1977 г. от К.А. Бузоверова, 1909 г.р., есть следующие строки:

…День Слепцова вспоминают, // Впереди полка идёт. // Он за веру, честь державы // На победу поведёт.

Таким образом, казаки свято хранили память о Н.П. Слепцове, к полководческому таланту которого они относились с полным доверием; они воспевали его необычайную храбрость, неустрашимость и справедливость.

Образ Слепцова нашёл отражение в фольклоре, в художественной литературе и в научных работах чеченцев и ингушей (Х.Д. Ошаев, А.А. Сулейманов, И.А. Дахкильгов и др.) [см.: 2, с. 93], где отмечалось, что в честь храброго русского генерала Слепцова чеченцы, отдававшие должное его отваге, называли своих сыновей «Сипсо».

К 300-летию Терского войска (1877 г.) генералом И.Д. Попко был собран уникальный материал, в том числе и песни, сложенные о Н.П. Слепцове чеченцами. Историком Ю.Ю. Клычниковым в Центральном государственном архиве республики Северная Осетия-Алания эти фольклорные произведения были обнаружены и опубликованы [5, с. 19–21].

В одной из чеченских песен обрисована жизнь сунженских станиц до появления Слепцова: «…казаки были бессильны держаться против чеченских удальцов. Куропатка, чтобы не быть заклёванной сизокрылым орлом, ищет спасения под кустарником, так и казаки, чтобы спастись от чеченских удальцов, готовы были бежать за Терек» (с реки Сунжи, правого притока Терека). Однако появление Слепцова изменило ситуацию. «…Как лиса, нечаянно попавшая в капкан, наткнулись молодцы на неизвестного до тех пор божьего врага Слепцова. Как сизокрылый орел разбивает стаи скворцов, так рассеял Слепцов наездников чеченских».

Вторая песня, наполненная характерными для горского фольклора сравнениями, рассказывает о Садуле Бетыхове (бывшем наибе Шамиля), который «накинул бурку, точно крылья орлиные, окутал голову башлыком, точно соколиный клюв, волком вскочил на коня, надел своё оружие и, подобно разъяренному медведю, поехал с несколькими товарищами дневать в камышах, росших в Ачхой-поле. Садула засел на самом возвышенном месте, а товарищей посадил на низких местах». Слепцов узнал об этом от лазутчика. «Колокол ударил тревогу, и собралось войско». Слепцову удалось окружить отряд Садулы, и он так обратился к противнику: «…много сирот ты оставил на свете. Полететь до неба тебе далеко, укрыться в землю – земля тверда». «Полететь в небо, – отвечает Садула, – у меня есть вместо крыльев ружьё, укрыться в землю – у меня есть вместо когтей булатная шашка». Слепцов предлагает противнику сдаться, но тщетно. Тогда он приказывает войску захватить Садулу, но оно действует нерешительно, «и тогда Слепцов сам выступил вперёд, чтобы вести войско на Садулу. Все товарищи Садулы были убиты, но один Садула остался живым и ускакал на своём добром коне... ».

Третья песня характеризует Слепцова, как ястреба, который собирал офицеров и казаков с намерением «набрать пленных и красных девушек, вышедших замуж, оставить чёрными вдовами… Весть об этом пронеслась по всем горам. Садула Бетыхов обрадовался такому случаю, как самый голодный волк между других голодавших волков». Многократное упоминание волка в чеченских песнях не случайно. У чеченцев это животное

было окружено особым почитанием. Существовало личное имя Борз (волк), целый тайп в верховьях Чанты-Аргуна назывался Борзхой. До сих пор у чеченцев сохранились похвалы: «борз сана майра» – храбр, как волк; «турпал борз» – геройский, сильный волк и др. По этому поводу П.К. Услар писал, что волк – самый поэтический зверь в понятиях горцев, он идёт на более сильного, и недостаток силы возмещает отвагой, дерзостью и ловкостью [см.: 9, с. 232].

Далее в песне сообщается, что Садула Бетыхов собрал своих товарищей, удалых молодцов, и поехал с ними к русскому войску. Как галки окружают гумно, так и Садула со всех сторон окружил Слепцова. «Теперь настал день, бог рассудит, кто из нас молодец и больше храбр и чьей отваге будет успех». Песня во многом повторяет предыдущие эпизоды, но в них противники меняются местами. В повествовании используются те же вопросы и сравнения; сообщается, что Садула ранил Слепцова, который упал, и святые взяли его душу.

Ещё в одной чеченской песне утверждалось, что Гарман-поле (пространство между реками Асса и Сунжа) «гордится, когда ходит по нему Слепцов... Слепцов известен по всем горам, как известен лев среди лесов между диких зверей. Как волк, он может делать всё». Такой вывод был вполне понятен и местному казачеству. В чеченском фольклоре Слепцов, несомненно, противник, но он сравнивается с сизокрылым орлом, ястребом – птицами, весьма почитаемыми чеченцами. Он именуется львом и волком – животными, которые у горцев олицетворяли силу и храбрость. Подобное отношение к русскому военачальнику в период жёсткого противостояния свидетельствовало о том, что противники видели не только отрицательные качества, беды, которые они несли друг другу, – они умели ценить храбрость, которая не имела национальной окраски. Эти произведения показывают, что Н.П. Слепцов, почитаемый казаками, пользовался уважением и со стороны «немирных» горцев.

Таким образом, проанализированные произведения позволяют утверждать, что в оценке Слепцова чеченский и казачий фольклор были близки. В циклах песен прославлялись его неустрашимость, храбрость. Фольклор отразил реальные качества этого человека и ту обстановку, которая существовала на Северо-Восточном Кавказе во второй половине 40-х гг. XIX в.

1. Виноградов, В. Б. Н. П. Слепцов – «храбрый и умный генерал» / В. Б. Виноградов // Лики российской истории Северного Кавказа. – Вып. 2. – Армавир: государственное унитарное предприятие «Армавирское полиграфпредприятие» комитета по печати администрации Краснодарского края, 2000. – 12 с.

2. Виноградов, В. Б. Образ генерала Н. П. Слепцова в чечено-ингушском фольклоре и литературе / В. Б. Виноградов // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа : Материалы Второй международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. – Армавир : АМО фонда культуры кубанского казачества, 2000. – С. 93.

3. Исторические песни / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева. (Библиотека русского фольклора; Т. 7). – М. : Русская книга, 2001. – 528 с.

4. Караулов, М. А. Терское казачество / М. А. Караулов. – М. : Вече, 2008. – 320 с.

5. Клычников, Ю. Ю. Командир Сунженского казачьего полка Н. П. Слепцов в песнях чеченцев /Ю. Ю. Клычников // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Девятой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции. – Армавир : ИП Шурыгин, 2014. – С. 19–21.

6. Лукаш, И. Слепцов – командир Сунженского казачьего полка / И. Лукаш // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Четвертой международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. – Краснодар; Армавир : ККОФ кубанского казачества «Линеец», 2004. – С. 68–70.

7. Ратушняк, В. Н. Неустрашимый генерал / В. Н. Ратушняк. – Краснодар: Издательско-полиграфическая фирма «Экоинвест», 2001. – 52 с.

8. Рукописный сборник конца XIX века казаков 4-й сотни Лейб-гвардии его императорского величества конвоя Ф. Рогожина, С. Пимычева, Я. Феньева (ст. Червлённая). – 54 л.

9. Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). – Пятигорск : ПГЛУ, 2010. – 318 с.

10. Терек вспышный: Песни гребенских казаков / сост. Е. М. Белецкая. – Грозный–Екатеринбург, 1991–2007. – 258 с.

Власова Н.В.

ВИТЕБСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ ПРОКУРОР Н.Ф. ДУБЕНСКИЙ: ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Николай Филиппович Дубенский принадлежал к русскому дворянскому роду, внесённому в 6-ю часть Дворянской родословной книги. Н.Ф. Дубенский родился в 1814 г. в семье Филиппа Ивановича и Матрены Кирилловны Дубенских, которые владели имением в Рязанской губернии. Службу он начал, имея университетское образование, в 1836 г. в канцелярии 7-го Департамента Правительствующего Сената. В 1841 г. Н.Ф. Дубенский был перемещен в Департамент Министерства юстиции и определен на вакансию младшего помощника столоначальника, в 1843 г. – переведен в канцелярию Главного директора Межевого корпуса на вакансию старшего секретаря, в 1848 г. – определен в Департамент уделов столоначальником, в 1853 г. – утвержден старшим столоначальником. В 1856 г. чиновник был переведен в Министерство внутренних дел (МВД) с назначением советником, а с 1858 г. – старшим советником Рязанского губернского правления. В 1863 г. он был причислен сначала к МВД, потом – к Департаменту Министерства юстиции и в мае 1864 г. командирован к исправлению должности товарища председателя Гродненской гражданской палаты, в которой был утвержден в январе 1865. В октябре 1866 г. Дубенского назначают витебским губернским прокурором, в январе 1867 г. – директором Витебского о тюрьмах комитета. Эти должности чиновник занимал недолго: с 30 мая 1868 г. приказом по ведомству Министерства юстиции от 1 июня того же года он был назначен членом Владимирского окружного суда.

В фондах Государственного архива Рязанской области (ГАРО) сохранился связанный с личностью Н.Ф. Дубенского ряд документов, которые и будут представлены в данной работе.

В первую очередь выделим фонд Рязанского дворянского депутатского собрания (Ф. 98). В нём было выявлено «Дело о дворянском роде Дубенских (11 мая 1820 г. – 1 марта 1906 г.)» [7]. Среди собранных в деле бумаг имеются: прошение М.К. Дубенской от 11 мая 1820 г. *(«Рязанское дворянское депутатское собрание покорнейше прошу сие мое прошение с доказательствами приложенными у сего принять, по коим учиня разсмотрение, написать детей моих и род их в дворянскую родословную здешней губернии книгу, в какую следует часть и о том дать им грамоты…»)* [7, л. 2]; копия с журнала собрания от 11 мая 1820 г. (*«1820 года майя 11 дня в Рязанском дворянском депутатском собрании по слушании прошения покойного армии прапорщика Филипа Иванова сына Дубенского, жены вдовы Матрены Кириловой дочери, и представленных при оном документов, о написании детей ея Дмитрия и Николая в родословную книгу. Определено: Прошение и представленныя документы отдать в повытье, по коим доложить при собрании Гг. депутатов…»*) [7, л. 16], копия с дворянского списка 1820 г. (*«По доставленному в 1820 году от Г. Рязанского уездного предводителя дворянскому списку показано: вдова Матрена Кирилова дочь Дубенская 35 лет. Пребывание имеет в Рязанском уезде. Детей имеет сыновей: Дмитрия 8 и Николая 6 лет. За оными детьми ея состоит наследственных Рязанской округи в селе Безлычном мужеска 15 душ»*) [7, л. 16 об.]; копия с журнала собрания от 26 января 1821 г. *(«1821 года генваря 26 дня, в Рязанском дворянском депутатском собрании по разсмотрении прошения вдовы армии прапорщицы Матрены Дубенской, и представленных при оном документов, о дворянстве малолетних детей ея Дмитрия и Николая. Приказали: означенных рододоказателей и род их, на основании жалованной дворянству грамоты 82 и 85 статей, написать в дворянскую родословную книгу в 6^ю^ ея часть, и о том дать им грамоты. О чем с объяснением доказательств о дворянстве их, и с подведением приличных статей из жалованной дворянству грамоты по сему делу сочинить особо протокол и предложить оной к подписанию…»)* [7, л. 17]; копии с выписи из писцовых книг, с указа, с патента, с купчей и др.; документы о дворянстве Филиппа Дубенского; поколенная роспись рода Дубенских; различные отношения, прошения и указы; формулярные списки Николая Филипповича Дубенского (за 1871 г.) и его брата Дмитрия Филипповича Дубенского (за 1873 и 1875 гг.).

В фонде Рязанского дворянского депутатского собрания сохранилась Дворянская родословная книга Рязанской губернии за 1817–1835 гг., в 6-ю часть которой был внесен род Дубенских [13, л. 37 об.–38]. Представленная в деле таблица содержит сведения о Н.Ф. и Д.Ф. Дубенских («*Малолетние Дмитрий Филиппов 9 л[ет] и Николай Филиппов 7 лет. Дубенские. Пребывание имели в Рязанском уезде. Холостые. Рязанского уезда в с. Безлычном муж[ского] пола 15 д[уш]*») и о лицах, причисленных по определениям собрания к роду Дубенских. Приводятся родословная и доказательства о дворянстве «умершего прапорщика Филипа Иванова детей Дмитрия и Николая Филипповых Дубенских».

Далее отметим два дела под названием «Списки дворян Рязанской губернии» [6; 11]. В первом из указанных дел имеется прошение (1820 г.) М.К. Дубенской к рязанскому уездному предводителю дворянства [6, л. 692] и список, в котором значится прапорщица Матрена Кирилова дочь Дубенская, 35 лет, вдова, и её дети Дмитрий 8 лет и Николай 6 лет, за которыми, как уже указывалось, состояло 15 душ крестьян в с. Безлычном Рязанского уезда [6, л. 693, 693 об.]. В списке из второго дела также есть запись о малолетних Дубенских Дмитрии Филипповиче и Николае Филипповиче, внесенных в 6-ю часть родословной книги [11, л. 229 об.–230].

В фонде 98 имеются окладные книги Рязанского дворянского депутатского собрания, представленные в виде таблицы, где указаны: фамилия, имя, отечество и чин владельцев имения, место и угодия имения, стоимость одной десятины в рублях, количество удобной земли (в десятинах), ценность предметов обложения по губернской оценке, сумма к поступлению (в рублях), поступившая сумма и др. Среди них – окладные книги по Рязанскому уезду со сведениями об имении Николая Филипповича Дубенского в с. Желчино (Жолчино) [9, д. 57, л. 62 об. – 63; 10, л. 57 об. – 58; 12, л. 27 об. – 28; д. 89, л. 64 об. – 65; д. 97, л. 32 об. – 33], а также Анны Степановны Дубенской, Дмитрия Николаевича Дубенского и Веры Оскаровны Дубенской. Говоря о Жолчино, заметим, что в XVIII – начале XX вв. в селе было две усадьбы. Одна из них в 1748–1772 гг. принадлежала поручику Ф.П. Лошакову и затем его роду, с 1871 г. – Анне Степановне Лошаковой, вышедшей замуж за Николая Филипповича Дубенского, позже – их сыну Дмитрию

Николаевичу Дубенскому, женатому на Вере Оскаровне Дубенской, урожденной Гюллинг [16; 17; 18, с. 96–97].

Выявлено дело под названием «Алфавит дворян-землевладельцев Рязанской губернии» (1899 г.). Оно содержит таблицу, по графам практически сходную с таблицей из окладных книг (наименование волостей сельских обществ, фамилий частных лиц и предметов обложения, количество удобной земли, ценность предметов обложения, проценты обложения, общая цифра сбора, следовало к поступлению и др.), в которой есть сведения о земле в Желчинском имении Дубенского Николая Филипповича [9, л. 128 об. – 129] и Дубенской Анны Степановны.

В ГАРО сохранились формулярные списки о службе Н.Ф. Дубенского. Они отложились в фондах Рязанского губернского правления (Ф. 4), канцелярии рязанского гражданского губернатора (Ф. 5) и Рязанского дворянского депутатского собрания (Ф. 98) [1, л. 1–10; д. 747, л. 1–12; т. 11, д. 8931, л. 1–8; 3, л. 12–25; 4, л. 23–33; 7, л. 70–75]. Даты составления формуляров – 1857, 1859, 1860, 1862, 1871 гг.

Данные формулярные списки позволяют проследить служебную карьеру чиновника с 1836 по 1868 г., содержат информацию о наградах, знаках отличия, вероисповедании (православном), происхождении («из дворян») и образовании (в 1834 г. окончил курс наук в Императорском Московском университете со степенью действительного студента), показывают изменения в имущественном положении Н.Ф. Дубенского (см. табл. 1). Графа со сведениями о семейном положении заполнена во всех обнаруженных формулярах, но наиболее полным является формуляр из фонда 98. В нём указывается, что Дубенский женат на дочери статского советника Лошакова Анне Степановне и имеет дочерей: Марию (род. 26 октября 1851 г.), Александру (род. 28 февраля 1853 г.), Елизавету (род. 13 апреля 1860 г.) и сыновей: Николая (род. 7 июня 1855 г.), Дмитрия (род. 26 октября 1857 г.), Петра (род. 9 июня 1862 г.). Жена и дети вероисповедания православного.

Таблица 1

Имущественное положение Н.Ф. Дубенского

Дата составления ФС	Имение		Имение	
	У родителей и у самого		У жены	
	Р.	Б.	Р.	Б.
Декабрь 1857 г.	У самого его 19 душ крестьян Рязанской губернии и уезда в сельце Безлычном	Нет	Нет	Рязанской губернии и уезда в селе Жолчино 50 душ крестьян
Май 1859 г.	У самого его 19 душ крестьян Рязанской губернии и уезда в сельце Безлычном	Нет	Нет	Рязанской губернии и уезда в селе Жолчино 50 душ крестьян
1859 г.	Нет	23 дес. земли в селе Жолчино Рязанского уезда	Нет	Рязанской губернии и уезда в селе Жолчино 50 душ крестьян
Январь 1860 г.	Нет	23 дес. земли в селе Жолчино Рязанского уезда*	Нет	Рязанского уезда в селе Жолчино 57 душ крестьян
Январь 1862 г.	Нет	В селе Жолчино Рязанского уезда 23 дес. земли и деревянный дом в г. Рязани	Нет	В селе Жолчино Рязанского уезда 260 дес. земли и на ней 50 душ временно-обязанных крестьян
Январь 1871 г.	23 дес. земли в селе Жолчино Рязанского уезда	Нет	Нет	Рязанского уезда в селе Жолчино 260 дес. земли, на коей живут 50 душ крестьян

Примечание. Таблица составлена автором на основе формуляров из фондов ГАРО: Ф. 4. Рязанское губернское правление, Ф. 5. Канцелярия рязанского гражданского губернатора, Ф. 98. Рязанское дворянское депутатское собрание.
* *Далее зачеркнуто* и 68 десят. в Скопинском уезде.
Сокр.: Р. – родовое; Б. – благоприобретенное; ФС – формулярный список.

В фонде Рязанского отделения Крестьянского поземельного банка (Ф. 151) сохранилось «Дело о выдаче ссуды Жолчинскому товариществу на покупку земли у Дубенской в Рязанском уезде» (2 апреля 1885 г. – 19 ноября 1886 г.) [14]. Оно содержит документы, касающиеся изменений в составе Жолчинского товарищества, купившего при содействии Крестьянского банка у Анны Степановны Дубенской 25 дес. 1322 саж. земли при с. Жолчино (заявление крестьян-домохозяев с. Жолчина в Рязанское отделение Крестьянского поземельного банка о выдаче ссуды под залог земли, проект условия, обязательство, подписку, доверенность, список домохозяев Жолчинского товарищества, посемейный список, выписку из окладной книги Рязанского дворянского депутатского собрания об оценке и обложении земли, принадлежащей А.С. Дубенской, окладные листы, расчет по ссуде, различные отношения, постановления, копии приговоров и др.). «Дело об изменении в составе Жолчинского товарищества Рязанского уезда» (22 июня 1913 г. – 19 августа 1917 г.) зафиксировало уменьшение земельной доли одного из членов и вступление в товарищество нового члена [15].

Определённый интерес для исследователей представляют документы из фонда Рязанского губернского статистического комитета (Ф. 7). Например, «Вопросные листки на частновладельческие земли Бахмачеевской волости Рязанского уезда за 1886 год» [5]. В деле есть вопросный листок со сведениями о земле (в Рязанской губернии, Рязанском уезде, 2-м стане при с. Жолчино Бахмачеевской волости), которая принадлежала статскому советнику Николаю Филипповичу Дубенскому. В нём, в частности, указывается, что земля находится в личном заведывании, в имении – 21 десятина земли (пахотной), грунт земли – суглинок с примесью чернозёма, система полеводства – трёхпольная [5, л. 200, 201]. Далее следует вопросный листок на землю при том же селе Жолчино, которой владела жена статского советника Анна Степановна Дубенская. В нём также указывается, что земля находится в личном заведывании. В имении – 66 дес. 88 саж. земли, из них пахотной – 45 дес. 1359 саж., непахотной – 14 дес. 1129 саж. (2 дес. – под огородами, 4 дес. – под садами, 5 дес. – под постоянными выгонами и пастбищами, 3 дес. 1129 саж. – под лесом дровяным), грунт земли – чернозём, система полеводства – трёхпольная, в огородах выращивают лук, огурцы, капусту, морковь, свёклу, картофель, в садах – яблони, груши, сливы, терн, вишни, крыжовник и малину [5, л. 202, 203].

Сведения по селу Жолчино содержатся ещё в двух делах, выявленных в вышеуказанном фонде. Первое называется «Сведения об экономическом положении крестьян Бахмачеевской волости Рязанского уезда за 1892 год», второе – «Сведения о хозяйственном положении и платежных средствах крестьян Бахмачеевской волости Рязанского уезда за 1898 год» [5, д. 655, л. 4 об. – 5, 11 об. – 12, 25 об. – 26, 39 об. – 40, 45 об. – 46, 46 об. – 47; д. 1006, л. 73–78].

Также в фондах архива имеется несколько документов, касающихся брата Николая Филипповича – Дмитрия Филипповича Дубенского, служившего в Рязанской, Московской и Витебской губерниях [1, д. 1240, л. 17 об., 18; 2, л. 1–7; 7, л. 82–86, 93–102; 8; 11, л. 229 об. – 230; 13, л. 37 об. – 38].

Итак, в фондах ГАРО отложился комплекс документов, которые расширяют и уточняют уже введённые в научный оборот сведения о Н.Ф. Дубенском и являются ценным источником для изучения провинциального чиновничества и истории витебской прокуратуры дореволюционного периода.

1. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). – Ф. 4. – Оп. 47. – Т. 1. – Д. 728.
2. ГАРО. – Ф. 4. Оп. 875. Д. 446.
3. ГАРО. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 3706.
4. ГАРО. – Ф. 5. Оп. 2. Д. 3094.
5. ГАРО. – Ф. 7. Оп. 1. Д. 382.
6. ГАРО. – Ф. 98. Оп. 15. Д. 31.
7. ГАРО. – Ф. 98. Оп. 35. Д. 8.
8. ГАРО. – Ф. 98. Оп. 91. Д. 13.
9. ГАРО. – Ф. 98. Оп. 114. Д. 49.
10. ГАРО. – Ф. 98. Оп. 117. Д. 58.
11. ГАРО. – Ф. 98. Оп. 132. Д. 87.
12. ГАРО. – Ф. 98. Оп. 133. Д. 72.
13. ГАРО. – Ф. 98. Оп. 134. Д. 63.
14. ГАРО. – Ф. 151. Оп. 3. Д. 38.
15. ГАРО. – Ф. 151. Оп. 31. Д. 726.
16. Гюллинги // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. – Т. 10: Рындин И. Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии, вып. 2: Вагины – Гюллинги / И. Ж. Рындин; под ред., с доп. проф. Б. В. Горбунова. – Рязань : Узорочье, 2007. – С. 442–443.

17. Дубенские // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. – Т. 10: Рындин И. Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии, вып. 3: Давыдовские – Исленьевы / И. Ж. Рындин; под ред., с доп. проф. Б. В. Горбунова. – Рязань : Узорочье, 2008. – С. 106–108.
18. Чижков, А. Б. Рязанские усадьбы. Каталог с картой расположения усадеб / А. Б. Чижков, Е. А. Графова. – М. : Русская усадьба, 2013.

Загороднюк Н.И.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 гг. ГЛАЗАМИ УНТЕР-ОФИЦЕРА А.А. ДУНИНА-ГОРКАВИЧА

В статье рассматриваются малоизвестные факты биографии исследователя Сибирского Севера А.А. Дунина-Горкавича. Его имя долгое время было в забытьи, и только в конце XX в. отечественные и зарубежные исследователи проявили интерес к научному наследию самарского лесничего, чиновника особых поручений при Министерстве земледелия и государственных имуществ, оставившего след в российской науке как ученый-энциклопедист.

Уроженец Гродненской губернии, он прожил 72 года, из них 36 лет, ровно половину, – в Европейской части Российской империи, и столько же – в Сибири, Тобольской губернии. В многочисленных публикациях биографического характера скупо освещен его досибирский период жизни. Здесь сведения сводятся к информации, почерпнутой из формулярного списка чиновника: «Родился 10-го апреля 1854 года, вероисповедания римско-католического… Из дворян… По окончании курса наук в бывшем Лисинском лесном училище утвержден … в звании лесного кондуктора … Поступил в военную службу для отбывания воинской повинности по жребию… Вновь определен в лесное ведомство прежним званием с назначением на постоянную службу в Рязанскую губернию помощником лесничего…»и т.д. [7, д. 3, л. 1–8]. Скудность источников по данному периоду жизни ученого породила ряд разночтений, вплоть до мифотворчества. Чтобы восполнить пробел в биографии, обратимся к фактически неизвестному периоду его жизни – военной службе и участию в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Это стало возможным благодаря изучению его личного фонда, хранящегося в отделе рукописей Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Собрание включает более 2 тыс. документов, среди них его дневник – унтер-офицера лейб-гвардии I-го стрелкового батальона [7, д. 43]. Несомненный интерес представляет личное дело А. А. Дунина-Горкавича, хранящееся в Российском государственном историческом архиве, где среди документов, характеризующих служебную деятельность, имеются сведения, относящиеся к его военной службе [6]. Учитывая особенности документов личного происхождения, для реконструкции исторической действительности автор обратился к работам военных историков, в том числе монографии генерала-лейтенанта П. Карцова о лейб-гвардии Первом стрелковом батальоне, в основе которой – архивные документы, дневниковые записи офицеров, личные воспоминания автора [3].

Служба А.А. Дунина-Горкавича совпала с началом военной реформы 1870-х гг. Уставом 1874 г. предусматривались два вида службы – поступление на действительную службу и зачисление в ополчение. Вопрос о виде военной службы решался жребием [8]. Александру Дунину-Горкавичу выпал жребий – действительная служба. Как выпускнику Лисинского лесного училища ему предоставлялись определенные льготы: 1,5 года действительной службы вместо 6 лет и 13,5 лет – в запасе. Начавшаяся русско-турецкая война стала причиной удлинения срока службы: он был зачислен в Лейб-гвардии 1-й стрелковый батальон 24 ноября 1875 г., а уволен в запас 18 сентября 1878 г. (с общим сроком службы по 1 января 1891 г.) [6, л. 58].

Батальон был расквартирован в Царском Селе – местах, знакомых А.А. Дунину-Горкавичу со времен учебы. Гвардейские части были на особом положении: первый шеф батальона – сам император Александр II. А. Дунин-Горкавич еще воспитанником лесного училища ощущал на себе, как и другие учащиеся, покровительство высочайшей особы, к тому же участие в царской охоте будущих егерей несколько сближало главу государства и его подданных. К тому же командиром гвардейской стрелковой бригады, в состав которой входил 1-й стрелковый батальон, в 1873 г. был назначен сын императора Великий князь Владимир Александрович.

В дневнике, обыденно, без пафоса, неоднократно упоминаются император и члены императорской семьи, главы других государств, в основном, в сюжетах, посвященных смотрам и парадам: «Государь Император [Александр II – *прим. авт.*] делал парад перед выступлением» [7, д. 43, л. 12]; «Великий Князь Главнокомандующий [Великий князь Владимир Александрович –

прим. авт.] и здоровался с нами» [7, д. 43, л. 49]; «Князь Карл [румынский король Карл I – *прим. авт.*] здоровался, пропускал церемониалом и прочее» [7, д. 43, л. 18] и т.д.

А. Дунин-Горкавич приступил к службе в тот период, когда шли интенсивные преобразования в гвардейских частях. Неотъемлемой частью военной подготовки являлись систематически проводимые маневры на дальние расстояния, сменившие плац-парадные многочасовые марши. Для унтер-офицера Дунина-Горкавича военная жизнь с ее трудностями была не в диковинку – двухлетний опыт в лесоустроительной партии не прошел даром. Он был лучше приспособлен к военной службе и полевым условиям, чем те же выпускники университетов или духовных училищ.

В мае 1877 г. батальон выступил в летний лагерь под Красным Селом, а 20 июля размеренные лагерные учения были прерваны: командованием батальона было получено Высочайшее повеление о мобилизации гвардии в действующую армию. 14 августа батальон выступил из Царского Села. Российскую границу пересекли только 25 августа. 4 сентября прибыли в Горный Студень, где находилась штаб-квартира Главнокомандующего. 24 сентября двинулись к Плевне. Путь лежал через населенные пункты Овчая Могила, Лежаны, Парадим. Переход осложняли скверные погодные условия. Именно с этого момента начинаются записи в дневнике Дунина-Горкавича: «24 сентября, в субботу, мы выступили из Горного Студня. Погода не предвещала ничего хорошего. Ночью с 23-го на 24-е шел дождик, и с утра моросил мелкий дождь… Мы выступили в составе стрелковой бригады саперного батальона и летучего артиллерийского парка… Часа в 4 $^1/_2$ пополудни подошли к реке Осме. Через реку устроено два моста. За речкой болгарская деревня Болгарени… Тут мы и остановились на ночлег. Только что мы стали располагаться, как дождь разыгрался в полном разгаре, насилу мы могли поставить палатку. Земля стала жидка, так что колья не могли держаться, палатка несколько раз у нас срывалась и падала, темь страшная, дождь свищет как из ведра…В палатке у нас подстилки никакой, сырая земля… Ночью у нас сорвало ветром палатку и много нам было хлопот, покуда мы ее установили»[7, д. 43, л. 15]. На другой день погода ухудшилась: «Дождь лил весь день, дорога самая адская…».

Дунин-Горкавич подробно, на нескольких страницах, описывает переход от Болгарени до Парадима. Обозы с личными вещами и продуктами, как и маркитанты с провизией из-за плохой дороги отстали. После двух бессонных ночей «под стогом … нашли приют, зарывшись в солому» [7, д. 43, л. 17].

Описание повседневной жизни занимает бóльшую часть дневника. Так, он повествует о сложностях передвижения на территории противника, о бытовых трудностях – какие продукты питания можно было приобрести у местных жителей, как «чертовски трудно было доставать воду» и дрова, сухую подстилку для ночлега, как мастерски он сооружал шалаш, разжигал огонь и т.д.

Батальон, в котором служил Дунин-Горкавич, участвовал в семи крупных сражениях: взятиях укрепленной позиции между населенными пунктами Телишем и Горным Дубняком, Правецкой укрепленной позиции, Врачешского перевала, столицы Болгарии Софии, а также в сражениях при деревне Ташкессен, у местечка Враждебно на реке Искер, у деревень Кадыкой и Айранли. Только один бой – первый, под Плевной – был описан с мельчайшими подробностями в дневнике. Записи довольно точно передают не только состояние автора, но и события того дня: «...С рассветом […] помолившись богу, тронулись [...] прямо к неприятелю. Пришлось идти через кукурузу, град пуль сыпался, но ни одна не [достала]... В это время турки стали стрелять из орудий, наши отвечали артиллерийским огнем (при нашей бригаде есть артиллерия и казаки)… Не доходя шагов 200 до ложемента, наши легли и открыли учащенный огонь и по мере возможности подбегали вперед» [цит. по: 4, с. 3].

Сражение под Горным Дубняком, по мнению Ю. Веремеева, – атака в «старом добром молодецком стиле», когда на укрепленную высоту, обороняемую противником, вооруженным скорострельным оружием, в штыковую атаку сомкнутыми рядами были брошены лучшие войска Империи – личная гвардия Императора [1]. С юношеским азартом, нескрываемым восторгом описывает он свои ощущения первой победы, где русские войска – это «наши», а неприятель – «турки», «канальи», слабые, трусливые, не умеющие воевать: «Неприятельские пули свистят, как рой пчел, наша артиллерия жарит залпами в турецкие ложементы. Наконец, с левого фланга появились измайловцы [Лейб-гвардии Измайловский полк – *прим. авт.*] [...] и вслед за сим [...] часть наших … бросилась на «ура». Тут уж и турки не устояли и в беспорядке и смя-

тении бросились кто за дорогу, кто в свой правый ложемент, а кто хотел задать стрекача, то попали на штыки измайловцам, а тут, кстати, справа подходил Московский полк. Досталось же туркам... Рвы ложементов завалены убитыми турками…» [цит. по: 4, с. 3–4].

Спустя несколько месяцев, пережив ужасы войны с человеческими потерями и постоянной угрозой жизни, Дунин-Горкавич сумел увидеть то, что не многим удается, – трагедию войны, где враг – тоже человек. Находясь в госпитале, 18 декабря того же года он записал в дневнике: «У нас в шатре пленный турок с отмороженными ногами. Многие из них сделались жертвой мороза». Здесь же: «Когда я ехал в транспорте, то видел ужасающую картину. От Дальнего Добника до Плевны весь путь усеян замерзшими турками» [7, д. 43, л. 32–32 об.].

Жестокие морозы, сильный ветер стали серьезным испытанием для гвардейцев. «Обернув ноги рогожею или полотном палатки, часто облепленные мокрым снегом, стояли стрелки в цепи, впившись глазами в сторону неприятеля. Ни утомление, ни стужа и буря не отвлекали их от исполнения долга», – писал П. Карцов [3, с. 189, 190].

В декабре Дунин-Горкавич заболел и оказался в полевом госпитале. Свое пребывание вне строя он охарактеризовал так: «Холодно и скучно». С первым бороться было сложно: «Два дня подряд степная пурга, сугробы. Маленькая печка в шатре не в состоянии согревать, да и крайний недостаток в дровах. Дрова выдаются чуть ли не строже хлеба, да и в окрестности дров нет, все ушло на постройку редутов под Плевной. Вчерашнюю ночь я проснулся – ветер свищет, завывает, рвет всю палатку, трещат веревки. И наш шатер в это время походил на корабль во время бури». Чтение приключенческих книг помогало бороться со скукой: «Под влиянием этих романов носишься мысленно по степям и девственным лесам Америки, то мысленно переносишься в Европу, благословенную Швейцарию, то опять в Америку, на Ниагару»[7, д. 43, л. 32–33].

Не секрет, что многие из тех, кто оказался на войне, рассматривал заграничный поход как возможность увидеть мир. Александр Дунин-Горкавич не был исключением. За свои 20 лет он пожил в Гродненской, Санкт-Петербургской, Рязанской, Самарской губерниях. Болгария его поразила ландшафтом, особым колоритом быта, обычаями и традициями местных жителей: «Изучая географию [в училище – *прим. авт.*], Балканскому полуострову был посвящен самый незначительный отдел, а болгары только упоминались. В истории уже больше можно было почерпнуть сведений об этой стране и страдальцах, населяющих ее. Ныне же пришлось воочию увидеть эту страну, и считаю долгом изучить ее хотя бы в географическом отношении…» [7, д. 43, л. 25].

Он не только видел, но и знал лиственные, смешанные, хвойные леса, большие и малые реки, озера и болота и их обитателей, а вот горы увидел здесь впервые. Не скрывая восторга, замечает: «Ах, что живописная местность, кругом горы с платами известняка…»Или: «Очень узкая дорога круто спускалась по горе, кругом овраги, а по ним сочатся ручейки из ключей… По горе мелкий лес: дуб, груша и еще какие-то туземные кустарники…» [7, д. 43, л. 21 об., 22]. Здесь же он впервые увидел море: «Пройдя верст десять, нам открылся вид Мраморного моря. Так, море пришлось мне увидеть впервые, то это меня интересовало… На большом привале я спустился к морю, первым делом отведал воды, так как у нас был спор, что во внутренних морях вода несоленая, но вода оказалась страшно солёная, но чиста и прозрачна, как стекло, дно пепельного цвета, цвет воды против солнца принимал разноцветные радужные отливы… Я стал собирать раковины на память и так увлекся видом моря, что не заметил, как батальон ушел дальше…» [7, д. 43, л. 42 об. – 43]. Это влечение увидеть и познать мир, побывать там, где не ступала нога человека, он сохранит на всю жизнь. Спустя четверть века, публикуя материалы своих исследований, он напишет, что экспедиция на реку Вах (1899 г.) ничто иное как путешествие «во вкусе героев Майн Рида» [2, с. 40]. За четверть века активных исследований Северо-Западной Сибири, по подсчетам профессора Ю.П. Прибыльского, он «прошел пешком по таежным дебрям, проехал на лошадях по зимним дорогам, проплыл на лодках по рекам и озерам свыше 50 тысяч километров» – одну четверть длины земного экватора [5, с. 10].

Последний месяц войны. Записи лаконичны, нет и следа от юношеской удали, нет поэтического настроения, чувствуется усталость от многодневных переходов. Памятными для участников военного похода стали события 19 февраля 1878 г. В этот день состоялся парад войск и были оглашены условия мирного договора. Понимая важность произошедшего, Дунин-Горкавич описывал увиденное : «Парад был назначен в два часа пополудни. С 11 часов стали собираться войска, проделывали на плацу репетицию. Музыка гремела все время. Парад отменили до шес-

ти часов вечера, вероятно, вследствие того, что не получили новые известия из Константинополя…» [7, д. 43, л. 50–50 об.].

Радость победы была омрачена новостью – 26 февраля командование батальона получило телеграмму об отправке 1-го гвардейского и гренадерских корпусов в Киев «для стоянки там резервом ввиду предстоящей войны с Австрией» [7, д. 43, л. 48–48 об.]. Ожидание отправки на родину затянулось. В мае Англия ввела в акваторию Мраморного моря свой флот. Русское командование вынуждено принять срочные меры. В таком состоянии – «ни войны, ни мира» – батальон провел два месяца, до окончания Берлинского конгресса. Только 22 августа на пароходе с пристани С. Стефано батальон был отправлен на родину. 13 сентября батальон торжественно вышел из Гатчины в Царское Село, где состоялись торжества в честь победителей.

19 сентября 1878 г. командир батальона объявил об отставке 102 чел. и увольнении в запас 270 военнослужащих. Так завершилась служба унтер-офицера А. А. Дунина-Горкавича в действующей армии.

1. Веремеев, Ю. Анатомия армии [Электронный ресурс] / Ю. Веремеев. – Режим доступа: http://army.armor.kiev.ua/hist/dubnak.shtml. – Дата обращения: 21.02.2014.

2. Дунин-Горкавич, А. А. Географический очерк Тобольского Севера (Доклад, читанный 22 апреля 1903 г. в Императорском Русском Географическом Обществе) / А. А. Дунин-Горкавич. – СПб. : Тип. М. Стасюлевич, 1904. –53 с.

3. Карцов, П. Исторический очерк лейб-гвардии Первого стрелкового Его Императорского Величества батальона с 1856 по 1885 год / П. Карцов. – СПб. : Тип. Ф. С. Сущинского, 1885. – 305 с.

4. Полозкова, Г. Поиски и открытия Дунина-Горкавича / Г. Полозкова // Дунин-Горкавич А.А. Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения. – Шадринск : Исеть, 1994. – С. 3–10 (Библиотечка журнала «Югра»).

5. Прибыльский, Ю. П. Жизнь и творчество А. А. Дунина-Горкавича / Ю. П. Прибыльский // Исследователь Севера Александр Дунин-Горкавич / сост. Н. И. Загороднюк. – М. : ГАЛАРТ, 1995. – С. 6–21.

6. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 387. Оп. 24. Д. 2400 (Личное дело А. А. Дунина-Горкавича).

7. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (ТИАМЗ). Ф. 1. Оп. 1 (Фонд А. А. Дунина-Горкавича).

8. Устав о воинской повинности, Высочайше утвержденный 1 января 1874 года // ПСЗРИ. Т. 49. Отд. 1. № 52983. Глава 1. П. 1.– [б.м., б.д.]. (отд. оттиск).

Антановіч З.В.

ВЫДАЧА ВЫПІСАЎ З МЕТРЫЧНЫХ КНІГ КАСЦЁЛАЎ МАГІЛЁЎСКАЙ РЫМСКА-КАТАЛІЦКАЙ КАНСІСТОРЫЯЙ У XIX – ПАЧАТКУ XX ст. (ПАВОДЛЕ МАТЭРЫЯЛАЎ НГАБ)

Адной з асноўных функцый канфесіянальных устаноў, у тым ліку рымска-каталіцкай царквы, да 1917 г. з'яўлялася рэгістрацыя грамадзянскага стану, што ажыццяўлялася ў метрычных кнігах аб народжаных, шлюбаваных і памерлых асобах [7]. Акрамя непасрэднага прызначэння яны шырока выкарыстоўваліся ў справаводстве рымска-каталіцкіх кансісторый для дэмаграфічнага і статыстычнага ўліку, прагназавання і аргументацыі развіцця прадстаўніцтваў царквы, а таксама ў даведачных мэтах. Азначаныя крыніцы з'яўляюцца падставовымі пры правядзенні генеалагічных даследаванняў, аднак, іх комплекс захаваўся не цалкам, што патрабуе прыцягнення іншых матэрыялаў, сярод якіх цікавасць прадстаўляюць выпісы з метрычных кніг. Нягледзячы на тое, што яны складаюць каля 25% складу архіўнага фонду "Магілёўская рымска-каталіцкая кансісторыя" у Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі(далей – НГАБ) і 30% матэрыялаў справаводства ўстановы [1], азначаныя дакументы амаль не выкарыстоўваюцца даследчыкамі з-за недаацэнкііх крыніцазнаўчага патэнцыялу і адсутнасці навукова-даведачнага апарату ў архіве. Пры гэтым у выпадках складанасцяў аднясення асобы да парафіі і незахаванасці асноўных генеалагічных крыніц, выпісы прадстаўляюць магчымасць далейшага правядзення даследавання.

Выпіс прадстаўляе сабой дакладны і завераны ўпаўнаважанымі асобамі запіс з метрычнай кнігі аб нараджэнні, шлюбе або смерці асобы, што надае навуковую вартасць нават іх фальсіфікацыям. Гэтыя дакументывыкарыстоўваліся прыватнымі асобамі і дзяржаўнымі установамі пераважна для пацвярджэння шляхецкага паходжання і рашэння судовых спраў. Інтэнсіўнай таксама была перапіска з прысутнасцямі па воінскай павіннасці ў мэтах фарміравання рэкруцкіх спісаў [2, арк. 7–8 адв.]. У першай трэці XIX ст. выпісы з метрычных кніг выдаваліся непасрэдна парафіяльнымі святарамі, азацвярджаліся дэканамі, што, аднак, не садзейнічала хуткасці разгляду [4, арк. 7–8 адв.]. Паводле скаргаў да мітрапаліта святары і кансісторыя затрымлівалі іх выдачу, нават тэрмін звыш года і збіралі за гэта сродкі. За іх дадатковым зацвярджэннем у Магілёўскую кансісторыю, дзе канцэнтраваліся копіі метрычных кніг

касцёлаў [3, арк. 4–6], звярталася толькі каля 40 асоб штогод [1, воп. 3]. У сувязі з разборам шляхты недастатковы кантрольвыклікаў парушэнні і фальсіфікацыі біяграфічных звестак [9]. Так, члены Камісіі па праверцы актавых і метрычных кніг у 1833–1835 гг. сведчылі,што большасць з праверaных іміўкансісторыі мелі дапіскі іншым почыркам і атрамантам, а таксама падчысткі [6, арк. 179 адв.–185]. Сітуацыя ў парафіях не адрознівалася. Адпаведна,цывільнымі ўладамібыў дэталізаваны парадак выдачы выпісаў з метрычных кніг. У прыватнасці адзначалася, што біскупы мелі права прадстаўляць прасіцелям гэтыя дакументы пасля удакладненнякансісторыяйз копіямі кніг касцёлаў пры адсутнасці сумніву ў сапраўднасці, што прывяло да росту колькасці зваротаўзвыш як у 10 разоў [1, воп. 1, 3;8, арт. 126, 1425]. За дэканаміпакідалася права іх выдаваць толькі па патрабаванніпрысутнасцяў па воінскай павіннасці для ўдакладнення ўзросту паступаючых на ваенную службу [8, арт. 1425]. Пры адсутнасці запісу ў метрычнай кнізе, неадпаведнасці даты нараджэння, імёнаў дзіця і бацькоў, наяўнасці выпраўленяў, рабілася даведка па спісах спавядаўшыхся ад пазначанага году нараджэння да даты звароту за выпісам, метрычным запісам аб шлюбаванні бацькой і перадшлюбных вобысках. Затым праводзілася следства, падчас якога апрошваліся сведкі і асобы, прысутныя на хрышчэнні [5, арк. 269–280 адв.; 8, арт. 127].

У 1844 г. арцыбіскупам быў павышаны кантроль за правільнасцю вядзення і захавання метрычных кніг у парафіях і выдачай выпісаў з іх, не дапускаючы зацягвання пад пагрозай крымінальнага суда за фальсіфікацыю дакументаў [4, арк. 1–2 адв.]. Аднак гэтыя дзеянні не мелі пазітыўнага эфекту і,нягледзячы на забарону, святары працягвалі выдаваць выпісы [4, арк. 61–67 адв.].Таму, з 1851 г. права выдачы выпісаў распараджэннем арцыбіскупа І. Галавінскага юрыдычна замацоўвалася выключна за кансісторыямі пасля звярэння сапраўднасці даных выпісу з кансісторскай копіяй метрычнай кнігі аб нараджэнні, шлюбе абосмерці асоб [4, арк. 7–8 адв.]. Выключэннем стаў касцёл св. Кацярыны ў Санкт-Пецярбургу, пробашч якога П. Юзэфавіч па дазволе міністра ўнутраных спраў меў права выдачы метрычных выпісаў. Яны зацвярджаліся Рымска-каталіцкай калегіяй па папярэднім завярэнні дэкана [4, арк. 16–16 адв.].

У 1855 г. да пытання аб выдачы выпісаў з метрычных кніг прыйшлося вярнуцца ў сувязі з зацягваннем працы кансісторыяй і ростам аб’ёма разглядаемых спраў да 600–700 штогод [1, спр. 3]. Высветлілася, што пробашчы своечасова не прадстаўлялі на завярэнне ў кансісторыю метрычныя кнігі і выпісы, таму іх разгляд зацягваўся на 8–10 месяцаў і больш. Пры гэтым, калі запісы аб нараджэнні не знаходзіліся ў кнігах, прашэнні аб правядзенні следства зацягваліся да ўдакладнення звестак. Першае слуханне прызначалася кансісторыяй праз тры і больш месяцаў, што было не адзіным парушэннем з яе боку. Напрыклад, у 1855 г. канцылярстам быў скрадзены пакет з гербавай паперай. Разглядам гэтых пытанняў займаўся другі стол, таму на члена кансісторыі ў веданні якога ён быў, ускладаўся абавязак тэрмінова разгледзець усе справы, а загадчык стала абавязваўся на працягу 7 дзён дакладаць усе паступаючыя справы. Кантроль укладаўся на сакратара, а дакладанне арцыбіскупу – віцэ-афіцыяла П. Келкевіча [4, арк. 32–34 адв.].

У сярэдзіне XIX ст. таксама былі ўдакладнены правіла афармлення выпісаў з метрычных кніг. Яны выдаваліся на на мове запісу з абавязковым перакладам на дзяржаўную [4, арк. 116–117] на гербавай паперы асобам свабоднага стану коштам па 90 кап. срэбрам за аркуш, а сялянам і мяшчанам – 15 кап., а ў апошняй чвэрці XIX ст. – 40 кап.Права на іх атрыманне меліасобы, якіх яны тычыліся непасрэдна, або бацькі і апекуныдля дзяцей [8, арт. 1426, 1431]. Выданыя парафіяльным духавенствам выпісы не набывалі юрыдычнай сілы зацверджаных кансісторыяй і мелі моц ахоўных дакументаў [4, арк. 61–67 адв.; 8, арт. 1431]. Разгляд кансісторыяй выдачы выпісаў з метрычных кніг фіксіраваўся ў выглядзе пратакола [4, арк. 49–53 адв.]. З 1857 г. на дэканаў і асобных куратаў ускладваўся абавязак прадстаўлення толькі спраўджаных копій метрычных кніг пад іх асабістую адказнасць у кансісторыю [4, арк. 60–60 адв.].

Чарговыя ўдакладненні ў выдачу выпісаў з метрычных кніг адбыліся ў 1870 г., што было выкліканаадсутнасцю пазначэння саслоўнай прыналежнасці сведак, а часам і іх саміх. Акрамя таго, у кнігах не адзначалася саслоўная прыналежнасць бацькоў або была няправільна пазначана, не запісвалася прыналежнасць да мяшчанскага таварыства [4, арк. 112–112 адв., 126–126 адв.]. Пры гэтым у дакументаабароце кансісторыі колькасць зваротаў пачала перавышаць 1000 штогод [1, воп. 3, 8–14]. Таму, паводле зацверджанага імператарам меркавання Дзяржаўнага савета азначаныя выпісы для дзяцей ніжніх чыноў ваеннай і марской службы,

паштовага ведамства і іншых, за выключэннем канцылярскіх служачых грамадзянскага ведамства, выдаваліся на простай паперы [3, арк. 7–8 адв.].

У пачатку XX ст. этапы выдачы выпісаў з метрычных кніг, якія ўключалі зварот асобы, рапарт святара з дадаткам у выглядзе выпісу з запатрабаванай метрычнай кнігі ў кансісторыю, яго звярэнне служачымі азначанай установы з копіямі кніг, разгляд на пасяджэнні прысутнасці, а таксама зацвярджэнне, не змяніліся. Пры гэтым актуальнасць дадзеных дакументаў пастаянна ўзрастала. Так, у 1903–1919 гг. прысутнасцю Магілёўскай кансісторыі разглядалася ў сярэднім 1300 спраў аб выдачы метрычных выпісаў штогод [1, воп. 15–19]. Пры гэтым яны афармляліся ў буйных касцёлах на тыпаграфскім бланку з вызначанымі пастаяннымі рэквізітамі з-за іх значнай колькасці. Усярэдзіне аркуша тыпаграфскім спосабам нанесены від дакумента – метрычны выпіс, а затым аналагічным чынам пазначана прыналежнасць да касцёла і зацвярджэнне яго сапраўднасці, месца выдання, месца для даты і пасады святара. Улічваючы, што пастаянным рэквізітам бланку з'яўляецца назва касцёла, можна сцвярджаць яго друкаваўся ён для пэўнага касцёла. Пераменнымі данымі з'яўляецца пазначэнне чаткі кнігі, з якой зроблены выпіс, яе дата, нумар запісу і непасрэдна змест запісу, а таксама дата выдачы, подпіс і пячатка [2, арк. 7]. Так у 1902 г. быў афармлены выпіс з метрычнай кнігі Мінскага Марыінскага касцёла за 1882 г. аб нараджэнні Уладзіслава Палітанскага [2, арк. 5–5 адв.]. Аднак, у большасці касцёлаў яны афармляліся рукапісна [2, арк. 5–5 адв.]. Калі патрабаваліся звесткі аб шэрагу асоб ў пачатку XX ст., яны маглі афармляцца кансісторыяй ў выглядзе спісу, які завяраўся архіварыусам і членам яе прысутнасці. Так, у 1902 г. не знайшлі запісаў аб нараджэнні 11 з 27 запатрабаваных асоб па Клецкай і далучанай да яе Мядведзіцкай парафіі, якія падлягалі прызыву на воінскую службу. Пры гэтым звесткі аб сведках хрышчэння адсутнічалі [2, арк. 11–13 адв.]. Біяграфічныя звесткі пра жанчын і смяротнасць асоб больш цікавілі гарадскія ўправы, як пра Францішку Іванаўну Скроцкую, апра мужчын – па воінскай павіннасці прысутнасці, валасныя і гарадскія ўправы [2, арк. 24–29 адв.].

Такім чынам, на працягу XIX– пачатку XX ст. праца Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі па выдачы выпісаў з метрычных кніг аб нараджэнні, шлюбе і смерці ўстановам і прыватным асобам змянілася як колькасна, так і якасна. Найбольшыя ўздымы выдачы гэтага віду дакументаў назіраюцца ў 1850-я гг. і пачатку XX ст., калі іх колькасць дасягала 1500–1700 штогод, што звязана з унутрыпалітычнымі падзеямі ў Расійскай імперыі.Іх размеркаванасць па месяцах была прыкладна раўнамернай на працягу існавання гэтай установы: ад 6,5 % у снежні да 9,5% – у сакавіку.Рост якасці выпісаў з метрычных кніг адлюстраваны ва ўніфікацыі патрабаванняў да іх зацвярджэння і прадстаўляемых звестак, у якія ўключалася як асабістая інфармацыя, так і саслоўная прыналежнасць. Увогуле, выпісы з метрычных кніг з'яўляюцца дапаможнай крыніцай пры правядзенні генеалагічных даследаванняў, таму што іх інфарматыўнасць абмежавана падставовымі біяграфічнымі звесткамі аб пэўнай асобе. Яны таксама могуць выкарыстоўвацца падчас статыстычных, дэмаграфічных і агульнагістарычных даследаванняў. На жаль, толькі каля 25 % ад агульнай колькасці выдадзеных выпісаў з метрычных кніг захавалася ў архіўным фондзе "Магілёўская рымска-каталіцкая кансісторыя" у выніку правядзення экспертызы каштоўнасці падчас архіўнага захоўвання да сучаснага моманту. Нягледзячы на абмежаваную інфарматыўнасць, увядзенне дадзенага віду крыніц у навуковы ўжытакбудзе садзейнічаць эфектыўнасці даследванняў па гісторыі Беларусі, генеалогіі ішэрагу спецыяльных гістарычных дысцыплін.

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 1781. Воп. 1, 3, 8–19.
2. НГАБ. – Ф. 1781. Воп. 15. Спр. 74.
3. НГАБ. – Ф. 1781. Воп. 25. Спр. 303.
4. НГАБ. – Ф. 1781. Воп. 25. Спр. 314.
5. НГАБ. – Ф. 1781. Воп. 27. Спр. 163.
6. НГАБ. – Ф. 3124. Воп. 1. Спр. 2.
7. Рыбчонак, С. А. Крыніцы масавага паходжання па генеалогіі беларусі сярэдзіны XVII – пачатку XX ст. (па матэрыялах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі): аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук: 07.00.09 / С. А. Рыбчонак ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2010. – 26 с.
8. Свод законов Российской империи / под ред. Блудова Д. Н. – Санкт-Петербург, 1842. – Т. X.
9. Філатава, А. М. Дзейнасць камісій па разглядзе метрычных і актавых кніг у беларуска-літоўскіх губернях (1833–1851 гг.) / А. М. Філатава // Архівы і справаводства. – 2002. – № 5. – С. 92–95.

Новик Н.Е.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛАРУСИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Формирование и развитие системы профессионального образования в Беларуси в XIX – начале XX в. нашло отражение в обширном комплексе делопроизводственных источников, изучение которых дает возможность пополнить эмпирическую базу исследования данной проблемы, затронуть ее малоизученные аспекты, а также проследить процесс накопления знаний по ней. Актуальность разработки источниковедческих аспектов истории профессионального образования дореволюционной России подтверждает наличие работ современных российских авторов по этой тематике [8].

Делопроизводственные материалы – такой вид исторических источников, которые имеют основной функцией обслуживание управляющих систем различного уровня [2, с. 32]. Среди источников по проблеме профессионального образования в Беларуси делопроизводственные материалы являются самым многочисленным, сложным и информативным видом. Эти качества обусловили необходимость внутренней классификации и выделения отдельных подвидов делопроизводственной документации на основании определенных критериев. В первую очередь подобным критерием является функциональное назначение материалов делопроизводства, позволяющее выделить распорядительную, отчетную и протокольную документацию.

В составе распорядительной документации выделяются приказы, инструкции, указы, распоряжения, циркуляры, утвержденные в центральных и местных органах власти. Важное место среди них занимают руководящие документы различных министерств относительно функционирования подведомственных профессиональных учебных заведений. В данной группе источников выделяются циркуляры, предписания губернаторов, в которых содержались программы организационных мероприятий, сведения об источниках финансирования проектируемых учебных заведений, о лицах, ходатайствующих об их открытии.

Отчетная документация существовала в следующих формах: доклады, докладные записки, донесения, рапорты, отчеты, оформленные сотрудниками государственных учреждений, органами местного самоуправления, учебными заведениями и частными лицами, деятельность которых была связана с профессиональной школой.

Нижестоящие учреждения или должностные лица посылали вышестоящим донесения. Донесение нижестоящего должностного лица вышестоящему могло называться рапортом. В рапортах и донесениях чинов местной полиции, составляемых в ответ на предписания губернаторов, имеется информация о развитии профессионального образования на местах, о политической и нравственной благонадежности людей, желающих основать профессиональные школы.

Особую разновидность донесения составляли отчеты, которые посылались нижестоящими учреждениями вышестоящим. Ежегодные отчеты министров содержат информацию о деятельности подчиненных им профессиональных школ. Некоторые сведения имеются вежегодных губернаторских отчетах. В делопроизводстве отложилась первичная информация о профессиональных учебных заведениях белорусских губерний, которая составляла основу для губернаторских отчетов. Обстоятельные обзоры состояния губерний, содержавшиеся в данных отчетах, печатались типографским способом и включали статистические данные о развитии образования, в том числе и специального, в отдельной таблице. Особую значимость имеют годовые отчеты Виленского учебного округа, которые содержат сведения о численности и основных источниках финансирования подведомственных округу специальных учебных заведений, количестве преподавателей и учащихся, их распределении по сословиям и вероисповеданиям, развитии профессионального образования по губерниям [5]. Отчеты отдельных профессиональных учебных заведений Беларуси являются одним из наиболее ценных и систематических источников. В них имеется информация о численности и составе преподавателей и учащихся, об изучении общеобразовательных и специальных дисциплин и осуществлении практических работ, о хозяйстве учебных заведений и бытовых условиях жизни учащихся, о недостатках и перспективах развития профессиональных школ [1, 6].

Протокольная документация, обусловленная коллегиальной формой обсуждения дел, была представлена тремя основными разновидностями документов: журналами, протоколами и сте-

нограммами учреждений различного уровня, на повестку заседаний которых были вынесены вопросы развития профессиональной школы. В комплексе протокольной документации представлены журналы городских дум, управ, органов местного самоуправления и др. Ценный источник по изучению учебной и воспитательной работы в профессиональных школах Беларуси представляют собой протоколы заседаний педагогических советов [7]. Они содержат сведения об утверждении программ курсов, продолжительности учебного года, распорядке дня воспитанников, утверждении расписаний уроков, датах проведения экзаменов, дискуссиях преподавателей по вопросам воспитательных мер в отношении учащихся, методики преподавания и других проблемах.

Обширный массив делопроизводственных источников можно классифицировать также на основе происхождения документов, разделив их на служебные и личные. К личным относятся прошения, составленные частными лицами, которые обращались в государственные учреждения. Прошения преподавателей, учащихся, их родителей (об отпуске, увольнении, переводе, материальной помощи) дают возможность составить социально-психологический портрет личности просителей и позволяют увидеть жизнь профессиональных школ их глазами.

Еще одним критерием классификации источников является выделение субъектов, осуществлявших ведение делопроизводственной документации. В качестве подобных субъектов выступали государственные учреждения и органы местного самоуправления, общественные объединения, а также отдельные профессиональные учебные заведения.

Документы, регламентирующие деятельность учебных заведений, проходили многоступенчатую процедуру рассмотрения и утвержденияв государственных учреждениях и органах местного самоуправления. Решение вопросов профессионального образования относилось к компетенции Министерства народного просвещения, Министерства путей сообщения, Министерства внутренних дел, Министерства финансов, министерства торговли и промышленности, Министерства государственных имуществ, Ведомства православного исповедания. Характерный для системы управления профессиональным образованием параллелизм деятельности государственных учреждений наложил отпечаток на состав и содержание делопроизводственной документации.

Историю профессиональной школы Беларуси отражает делопроизводство общественных организаций, которые складывались как добровольные объединения граждан для решения определенных задач в образовательной области и носили преимущественно благотворительный характер [3, 4].

Большой массив документов относится к делопроизводству профессиональных учебных заведений. Помимо охарактеризованных выше распоряжений вышестоящих органов, отчетов, протоколов в него входили программы преподавания отдельных предметов, личные дела преподавателей и учащихся, хозяйственная документация профессиональных школ.

Программы преподавания содержат сведения об изучении тех или иных учебных дисциплин, соотношения их теоретической и практической части, отражают уровень преподавания и объем распределения изучаемого материала по классам, квалификацию преподавателей, состав, количество воспитанников и их успехи.

Личные дела преподавателей и учащихся являются ценным источником для изучения состава профессиональных учебных заведений. Формулярные списки о службе и личные дела преподавателей содержат данные об их образовательном цензе, сословной принадлежности, вероисповедании, работе в различных учреждениях, наградах и общественной деятельности. Личные дела учащихся дают информацию об их социальной и конфессиональной принадлежности, предварительном образовании, месте жительства. В отдельных профессиональных учебных заведениях собирались сведения о дальнейшей деятельности выпускников, об их местах работы, должностях, заработной плате.

В делопроизводстве профессиональных школ Беларуси достаточно полно представлена хозяйственная документация,которая состоит из отчетов о расходовании денег, смет, счетов, описей имущества, приходно-расходных книг, экономических журналов.

Большой массив делопроизводственной документации можно подразделить на архивные и опубликованные. Опубликована лишь небольшая часть делопроизводственных документов, отражающих историю профессионального образования Беларуси. Поэтому работа с материалами делопроизводства по проблеме базируется преимущественно на документации, отложившейся в республиканских и зарубежных архивах: Российском государственном историческом архиве, Нацио-

нальном историческом архиве Беларуси, Литовском государственном историческом архиве. Деятельность отдельных профессиональных учебных заведений Беларуси задокументирована в обширных фондах, содержащих по несколько сотен или даже тысяч единиц хранения (Горецкие сельскохозяйственные учебные заведения 4333 ед. хр., Полоцкая учительская семинария 1048 ед. хр. Могилевская центральная фельдшерско-акушерская школа 438 ед. хр. в Национальном историческом архиве Беларуси), сведения о других – (Молодечненская, Несвижская учительские семинарии, Гомельское техническое железнодорожное училище) настолько скудны и отрывочны, что существенно затрудняют изучение истории их возникновения и развития. Источники, имеющие отношение к деятельности одних и тех же профессиональных учебных заведений, зачастую хранятся в разных архивах, а внутри одного архива – в разных фондах.

Итак, проведенная нами классификация делопроизводственной документации по проблеме профессионального образования Беларуси позволила выделить опубликованные и архивные источники, распределенные по функциональному назначению, происхождению, субъектам, которые вели делопроизводство. Классификация продемонстрировала информационный потенциал отдельных групп документов, дала возможностьрассмотреть их во взаимодействии. Источниковедческая разработка комплекса делопроизводственной документации по истории профессиональной школы представляет сложную задачу из-за большого количества документов различных органов высшего, центрального и местного управления и многократного дублирования содержащихся в них сведений. Несмотря на высокую информативную ценность делопроизводственных источников, полномасштабную и достоверную картину развития профессионального образования Беларуси можно создать лишь посредством изучения всего комплекса письменных источников, в том числе законодательных актов, периодической печати и материалов личного происхождения.

1. Гомельское техническое железнодорожное училище. Отчет о состоянии Гомельского технического железнодорожного училища при Либаво-Роменской железной дороге за 1908–1909 учебный год. – Гомель : Типо-Литография Г. М. Бриля, 1909. – 41с.

2. Грицкевич, В. П. Теория и история источниковедения : пособие / В. П. Грицкевич, С. Б. Каун, С. Н. Ходин. – Минск : БГУ, 2000. – 221 с.

3. Отчет общества вспомоществования нуждающимся ученикам Минского еврейского первоначального училища с ремесленным отделением за 1903 год. – Минск : Типография П.А. Клиориной, 1904. – 12 с.

4. Отчет общества доставления бедным евреям г. Минска средств для обучения ремеслам за 1914 г. – Минск : Типолитография Б.И.Соломонова, 1915. – 24 с.

5. Отчет о состоянии учебных заведений Виленского учебного округа за 1914 год. – Вильно : Типография А.Г. Сыркина, 1915. – 105 с.

6. Отчет по Могилевской центральной повивальной школе за 1884 год / составитель С. Липинский. – Могилев на Днепре : Скоропечатня и литография Ш. Фридланда, 1885. – 33 с.

7. Протоколы педагогических советов Несвижской и Молодечненской учительских семинарий. – Вильно : б.м., 1877. – 27 с.

8. Червякова, Е.М. Источники по истории профессионального образования Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX вв.: автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.09 / Е. М. Червякова. – Тюмень, 2005. – 23 с.

Амбарцумян К.Р.

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КАВКАЗСКИХ ЭТНОСОВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Современное историческое знание актуализирует ряд проблем междисциплинарного характера, соответственно меняются подходы применительно к неоднократно используемым историческим документам. Прежде, чем говорить об особенностях фундирования исторического исследования следует остановиться на специфике самой проблемы.

Сравнительно недавно гуманитарные науки стали использовать исследовательские методы имагологии. Речь идет о научной дисциплине, изучающей «своих», «других» для воспринимающего субъекта представителей этносов, культур и т.д. [1, с. 31]. Интерес темам имагологического характера неизбежно выводит на уровень изучения самоидентификации представителей отдельных локальных сообществ и социальных групп, так при изучении отражаемых в источнике образов необходимо характеризовать и сам воспринимающий субъект. В свою очередь, как пишет современная исследовательница В. Манапова, этноидентичность является ядром локальной социокультурной системы [4]. Этническая самоидентификация и самосознаниекак исследовательские проблемы приобретают особое значение вусловиях кавказского региона, так как его уникальность обусловлена не только геополитическим положением, но и этнокультурным многообразием.

Обратимся к психологической трактовке понятий «этническая идентичность» и «этническое самосознание». В первом случает речь идет о чувстве принадлежности к этнической общности по тем или иным параметрам этногенеза. Этническое самосознание является результатом широкой идентификации (территориальную, культурную, языковую, религиозную, обрядовую, расовую, антропологическую, психологическую и др.) [14, с. 67]. В историческом исследовании целесообразнее ориентироваться именно на все виды идентификаций, которые сопровождают этноидентичность. В соответствии с этой установкой и должен осуществляться поиск источников.

Среди источников изучения специфики самоидентификации в исторической ретроспективе особое место занимают документы, содержащие взгляд изнутри самого этнического или локального сообщества на самих себя. Дореволюционная история Кавказа представлена разнообразными источниками, включая многотомное издание «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК), издававшееся Управлением Кавказского учебного округа. Издание осуществлялось с 1881 года по 1915 гг. и было приостановлено на 44 выпуске в связи с начавшейся Первой мировой войной. В 1920-е гг. вышло еще два дополнительных тома.

В предисловии первого тома составители обозначили цель, которая звучит вполне утилитарно – «поддержание духовной деятельности начальных учителей» [8, с. I]. Этим и объясняется обилие сочинений, составленных учителями, работавшими как в сельской, так и городской среде. К структуре описаний местностей предъявлялись требования, обусловившие их комплексность, что позволяет выявлять основные составляющие идентификации (культурной, религиозной, территориальной и т.д.), в том числе и этнической. В дальнейшем составители разнообразили жанры, поэтому в содержании можно обнаружить фольклор, дневниковые записи, этнографические описания, статистические обзоры, словари местных языков, описания лингвистических особенностей, известия иностранных авторов и т.д.

В рамках поставленной проблемы ценность материалов СМОМПК сложно переоценить, так как многие из них являют тот самый «взгляд изнутри», который позволит проводить реконструкцию этнической самоидентификации отдельных локальных сообществ региона. Речь идет не только о кавказских народах, но и широко представленном славянском населения. При обращении к самоидентификации решающее значение имеет авторство источника, в котором принципиальным моментом является этническая принадлежность пишущего. Примером может служить описание дагестанского аула Чох, записанное А. Барсовым со слов ученика Темир-Хан-Шуринского реального училища Омара Каранаилова [1]. Литературная обработка рассказа привела к тому, что этническая принадлежность описываемого населения ушла на второй план. Национальность как рассказчика, так и жителей Аула не называется. А. Барсов иногда прибегает к этнониму «татары», который часто использовался в дореволюционной России применительно к кавказскому населению, что стало своего рода литературной традицией. Чаще употребляется название «горцы».

Более отчетливое представление о множественной идентичности автора дает сообщение Г.-М. Дебирова [2] о дагестанских аулах, расположенных недалеко от г. Темир-Хан-Шура.Он пишет о кумыках и определенно ассоциирует себя с ними. Этот текст иллюстрирует другую группу источников, авторы которых одновременно находились на службе у Российской империи (Г.-М. Дебиров был всадником конно-иррегулярного полка), получив российское образование, и были представителями какого-либо северокавказского народа. В таких случаях автор является носителем сетки идентичностей, с одной стороны, довлеет его этническое происхождение, с другой – территориальная принадлежность, а с другой – нахождение на службе у Российской империи. Поэтому кумыки представляются как особая группа, отличная от остальных горцев, и в тоже время отмечается позитивное культурное влияние «приближенности к русскому городу Темир-Хан-Шуре» [2, с. 27]. Комплекс такого рода источников позволяет изучить не только особенности этнического самосознания конкретных локальных сообществ. На их основе реконструируется специфика самоидентификации этнической кавказской интеллигенции, получившей образование в России, связанной с ней, но не порвавшей с малой родиной.

Смотритель двухклассного реального нормального училища И. Давидбеков описал карабахское селение Гадрут [9]. Информационный потенциал текста позволяет реконструировать сетку локальной идентичности, как коллективной (скорее всего, автор собирал информацию среди жителей), так и индивидуальной, то есть самого автора как представителя интеллигенции. И следует отметить, что в данном случае акцент делается не на этнической или религиозной

идентичности (что характерно для северокавказских текстов), а на территориальных, культурных и исторических консолидирующих общность признаках.

Тексты, составленные педагогами сельских школ и училищ, как правило, отличает одно общее свойство, которое не зависит от этнической или религиозной принадлежности пишущего. Образованность и социальный статус автора зачастую превалировал над этнорелигиозной идентичностью. Смотритель Геранского двухклассного земского училища Гассан-бек-Багиров, описывая азербайджанское население Геран-Бой-Ахмедлы, вслед за имперской традицией называет их татарами [6]. В данном случае единственным основанием для отождествления себя с местным населением является принадлежность к общей религии – исламу. Социальная самоидентификация превалирует в сочинении смотрителя Касапетского сельского училища Г. Израелова [3], который с осуждением и даже с чувством культурного превосходства описывает семейное воспитание детей в семьях армян, которое, безусловно, отличалось традиционностью и виделось автору анахроничным.

Этнорелигиозная самоидентификация, конструируемая на основе текстов СМОМПК, основана не только на отождествлении индивида или сообщества с этносом, религией или локусом, но и на соотнесении себя с «другим» или «чужим», что тоже нашло отражение в текстах издания. Кроме того, единство, основанное на многообразии Кавказа при комплексном изучении материалов СМОМПК, становится очевидным, так легко выявляются пути и способы межкультурной коммуникации внутри региона. Таким примером стал обычай вспомоществования домашним скотом в случаях его массовой гибели, существовавший среди «армян и татар Закавказья» [13]. Например, заимствования армянами села Касапет костюма и традиций приводит вышеупомянутый смотритель сельского училища Г. Израелов [10], хотя сам факт оценивается им крайне негативно. Повторение и рецепция ряда традиций, способов ведения хозяйства свидетельствуют о мирном взаимодействии локальных сообществ Кавказа. Здесь источники фиксируют региональный уровень самоидентификации.

Одним из факторов, влияющих на этническую самоидентификацию является пространственный маркер, консолидирующие общность на основе общей территории проживания. К ним можно отнести святые места, исторические и археологические памятники, которые маркируют не только пространство, но и места памяти в контексте сохранения исторической памяти. СМОМПК содержит большое количество подобных описаний, которые имеют значение и в локальном, и в региональном масштабе. Например, учитель Заромгской школы Р. Сикоев описал родник Хусаг-дон, ставшей святыней для местного населения. Примером локальной идентичности жителей Нахичеванского уезда Эриванской губернии, стал монастырь Кармир Ванк. Близость расположения к селению Астапат обусловила его второе название Астапатский [5].

Славянское население на Кавказе было неоднородным по национальному, социальному, религиозному и т.д. признакам. В самостоятельную группу можно выделить тексты, описывающие казачьи станицы. Например, учитель станичного училища М. Афанасьев описал станицу Терскую [12]. Примечательно, что локальное сообщество станичников содержит в себе сегменты, образованные по религиозному признаку: православные, старообрядцы, молокане и баптисты.

Таким образом, представленные исторические источники способствуют реконструкции множества идентичностей кавказского населения, которые образуют систему, базирующуюся на ощущении этнической принадлежности. Важным качеством вышеописанных документов, стала их направленность на сообщество, представленное конкретным аулом, селением, станицей и т.д. В этой связи мы можем увидеть не только внутренние этнические границы, но и множество мелких перегородок между отдельными локусами. В свою очередь, работа с комплексом источников позволяет воспринимать Кавказ в единстве, так как сетка идентичностей его жителей включает отождествление себя с регионом.

1. Аул Чох // Сборник материалов для описания племен и местностей Кавказа (СМОМПК). – Тифлис : Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1884. – Вып. 4. – С. 1–24.

2. Дагестанские предания и суеверия // СМОМПК. – Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1884. – Вып. 4. – С. 25–38.

3. Домашнее воспитание армян Джеванширского уезда Елисаветпольской губернии // СМОМПК. – Тифлис : Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1889. – № 7. – С. 73–76.

4. Манапова, В. Этническая самоидентификация как основа цивилизационной системы [Электронный ресурс] / В. Манапова. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/368/389/1217/011_hotinets.pdf. – Дата доступа: 18.04.2015.

5. Монастырь «Кармир-ванк» // СМОМПК. – Тифлис : Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1900. – № 27. – С. 54–64.

6. Некоторые характерные черты жителей селения Геран-Бой-Ахмедлы, Елисаветпольской губернии Елисаветпольского уезда // СМОМПК. – Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1887. – № 6. – С. 177–185.
7. Папилова, Е. В. Имагология как гуманитарная наука / Е. В. Папилова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – № 4. – С. 31–40.
8. Предисловие // СМОМПК. – Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1881. – №1 – С. I–XXIV.
9. Село Гадрут Елисаветпольской губернии Джебраильского уезда // СМОМПК. – Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1888. – № 6. – С. 153–192.
10. Село Касапет Елисаветпольской губернии Джеванширского уезда // СМОМПК.– Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1892. – № 13. – С. 42–58.
11. Спящий родник Хусаг-дон // СМОМПК. – Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1882. – № 2. – С. 161–164.
12. Станица Терская Сунженского отдела Терской области // СМОМПК. – Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1893. – № 16. – С. 101–133.
13. Тамазлух, как обычай взаимного вспомоществования домашним скотом // СМОМПК. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1889. – № 7. – С. 69–70.
14. Хотинец, В. Ю. О содержании понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание / В. Ю. Хотинец // Социологические исследования. – 1999. – № 9. – С. 67–74.

Карпекін К.Р.

ПАМЯТНЫЯ КНІЖКІ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ ЯК КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ІЎДЗЕЙСКІХ АБШЧЫН У СЯРЭДЗІНЕ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

Значнае месца ў жыцці поліканфесійнага насельніцтва, якое пражывала ў беларускіх губернях Расійскай імперыі ў сярэдзіне XIX – пачатку XX ст., займалі іўдзеі. Калі ў 1847 г. на згаданай тэрыторыі налічвалася амаль 226 тыс. прадстаўнікоў іўдзейскага веравызнання, то да 1897 г. іх колькасць узрасла да 724,5 тыс. чалавек. У такіх буйных гарадах, як Бабруйск, Віцебск, Гомель, Магілёў, Мінск, яны складалі 50–60 % насельніцтва, а ў цэлым па беларускіх губернях – 13,6 % [1, с. 326]. Натуральна, прадстаўнікі іўдзейскай канфесіі аказвалі значны ўплыў на сацыяльна-эканамічнае, палітычнае і культурнае жыццё насельніцтва беларускіх губерняў.

Важнай крыніцай па гісторыі цэнтральнай і ўсходняй Беларусі з'яўляюцца памятныя кніжкі Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губерняў, якія рыхтаваліся губернскімі статыстычнымі камітэтамі. Выданні выходзілі адпаведна ў 1845–1916 гг., 1853–1916 гг. і 1845–1916 гг. [2]. Мэтай дадзенага даследавання з'яўляецца аналіз звестак, датычных іўдаізму, якія ўтрымліваюцца ў памятных кніжках беларускіх губерняў.

Усю інфармацыю з указаных вышэй выданняў магчыма аб'яднаць у пэўныя тэматычныя групы:

- статыстычныя звесткі пра колькасць асоб паводле веравызнання, у тым ліку і іўдзеяў. Інфармацыя пададзена ў выглядзе табліц, асобныя графы якіх прысвечаны кожнаму з паветаў пэўнай губерні і кожнаму павятоваму цэнтру. Акрамя таго што пададзены агульны лік прадстаўнікоў таго ці іншага веравызнання, асобна падлічана колькасць мужчын і жанчын. Такія табліцы змешчаны амаль ва ўсіх памятных кніжках Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губерняў;
- статыстычныя звесткі пра колькасць прадстаўнікоў розных саслоўяў (у тым ліку пра іўдзейскае духавенства). У табліцах звесткі прыведзены для губернскіх і павятовых цэнтраў, а таксама для кожнага з паветаў. У памятных кніжках Віцебскай губерні такія звесткі друкаваліся ў 1860–1890-я гг., Магілёўскай – у 1860–1910-я гг., Мінскай – у канцы 1850-х , а таксама з сярэдзіны 1860-х да канца 1890-х гг., а ў выданнях першай паловы 1880-х гг. прыводзіліся звесткі толькі ў цэлым па Мінскай губерні;
- статыстычныя звесткі пра колькасць нованароджаных (асобна па кожнай з канфесій). Інфармацыя была пададзена па павятовых цэнтрах і па паветах, прычым асобна прыводзіліся звесткі пра хлопчыкаў і дзяўчынак. Па Віцебскай губерні такія звесткі змяшчаліся ў кнігах за 1860-я гг., а за астатнія гады – эпізадычна. У памятных кніжках Магілёўскай губерні падобная інфармацыя – вельмі рэдкая, затое ў іх табліцы былі самымі падрабязнымі (акрамя ўказаных вышэй паказчыкаў паведамлялася колькасць законна- і незаконнанароджаных дзяцей). Што тычыцца Мінскай губерні, то ў 1850–1880-я гг. статыстыка пра нованароджаных змяшчалася дастаткова рэдка, найбольш поўна яна прадстаўлена ў 1890-я гг.;
- статыстычныя дадзеныя пра памерлых іўдзеяў і прадстаўнікоў іншых канфесій. У адпаведных табліцах маецца інфармацыя па ўсіх павятовых цэнтрах і паветах кожнай з губерняў, пра пол памерлых, зрэдку ўказаны іх узрост. У памятных кніжках Віцебскай і Магілёўскай губерняў

падобная інфармацыя – нешматлікая (як правіла, трапляецца ў 1850–1860-я гг.). Асаблівасцю віцебскіх выданняў з'яўляецца тое, што ў некаторых з іх прыведзена статыстыка па месяцах (у прыватнасці – на 1887 г.). У памятных кніжках Мінскай губерні за 1850–1890-я гг. звесткі пра памерлых змяшчаліся рэгулярна;

- звесткі пра натуральны прырост насельніцтва па ўсёй губерні ў цэлым ці па кожнаму з павятовых цэнтраў і павету. Падобная інфармацыя характэрна толькі для выданняў па Мінскай губерні (звесткі на 1897 і 1898 гг.);
- інфармацыя пра колькасць заключаных шлюбаў (па кожнай канфесіі – асобна). Як правіла, была прыведзена статыстыка па ўсіх паветах і павятовых цэнтрах. У памятных кніжках Віцебскай губерні звесткі такога кшталту найбольш часта друкаваліся ў 1860-я гг., часам указваўся таксама ўзрост асоб, якія ўступілі ў шлюб. Па Магілёўскай губерні такая інфармацыя таксама вельмі рэдкая, чаго нельга сказаць пра Мінскую губерню. Статыстычныя звесткі пра колькасць заключаных паміж іўдзеямі шлюбаў змяшчаліся з інтэрваламі ў некалькі гадоў на працягу канца 1850–1890-х гг., прычым у некаторых выданнях інфармацыя прыводзілася ў цэлым па губерні;
- колькасць іўдзеяў, якія перайшлі ў праваслаўе. Такія спецыфічныя звесткі характэрны толькі для памятных кніжак Віцебскай губерні на 1864, 1865 гг.;
- статыстычныя звесткі пра колькасць сінагог і іўдзейскіх малітоўных дамоў па паветах і павятовых цэнтрах (у пераважнай большасці выпадкаў колькасць каменных і драўляных будынкаў падавалася асобна). У кнігах па Віцебскай губерні ўтрымліваюцца звесткі на 1861, 1862 , 1864, 1878 гг., па Магілёўскай – на 1859, 1862, 1889, 1905 гг., па Мінскай – на 1858, 1860, 1863, 1888 г.;
- календары іўдзейскіх святаў і пастоў (з указаннем дат паводле грыгарыянскага і яўрэйскага календароў). У памятных кніжках Віцебскай губерні такія матэрыялы ўпершыню з'явіліся ў 1881 г. і штогод друкаваліся да 1905 г. Рэлігійныя календары таксама былі змешчаны ў выданнях па Магілёўскай губерні за 1860-я і 1900-я гг. і амаль штогод на працягу канца 1870–1910-х гг. – у памятных кніжках Мінскай губерні;
- звесткі пра казённых і духоўных рабінаў: поўнае імя, месца службы, дата заняцця пасады. У некаторых выданнях сярод звестак пра казённых рабінаў былі ўказаны таксама назвы навучальных ўстаноў, якія яны скончылі, узрост і памер заробку. Для памятных кніжак Віцебскай губерні характэрна сціслая інфармацыя пра служыцеляў іўдзейскага культа: імёны і адукацыя – пра казённых рабінаў, толькі імёны – пра духоўных. Упершыню згаданыя звесткі былі змешчаны ў выданні 1900 г. і друкаваліся штогод да 1916 г. У памятных кніжках Магілёўскай і Мінскай губерняў інфармацыя пра рабінаў змяшчалася дастаткова часта на працягу ўсяго перыяду выхаду выданняў у свет;
- табліцы з інфармацыяй пра колькасць розных тыпаў яўрэйскіх рэлігійных навучальных устаноў па губерні ў цэлым, асобных паветах і павятовых цэнтрах, лік настаўнікаў і навучэнцаў у іх. Падрабязныя звесткі па Віцебскай губерні змяшчаліся толькі ў кнігах за 1860-я гг., надалей жа прыводзіліся абагуленыя звесткі ў цэлым па губерні, гарадах і паветах. Звесткі пра іўдзейскія навучальныя ўстановы Магілёўскай губерні маюцца ў выданнях 1890–1910-х гг. Для памятных кніжак Мінскай губерні, як і для Віцебскай, уласціва абагуленая інфармацыя (як правіла, па губерні ў цэлым), яна змешчана ў кнігах за 1870–1900-я гг.;
- звесткі пра канкрэтныя навучальныя ўстановы (з ліку іўдзейскіх згадваюцца толькі талмуд-торы – абшчынныя пачатковыя рэлігійныя школы). У памятных кніжках указаны імёны старшыняў, сябраў апякунскіх саветаў і рэвізійных камісій, выкладчыкаў, іх узрост і час прызначэння на пасаду. Па Віцебскай губерні звесткі друкаваліся, пачынаючы з сярэдзіны 1880-х гг. і да пачатку 1910-х гг., а ў памятнай кніжцы на 1895 г. таксама была змешчана інфармацыя пра час адкрыцця талмуд-тор. Па Магілёўскай губерні маюцца звесткі толькі за 1910-я гг., па Мінскай – за 1880–1910-я гг.;
- абагуленыя звесткі пра дабрачынныя ўстановы, якія дзейнічалі пры іўдзейскіх абшчынах. Указаны месцазнаходжанне, колькасць апякуемых, кошт утрымання і крыніцы паступлення даходаў. Падобныя звесткі ў памятных кніжках – нешматлікія: па Магілёўскай губерні маецца інфармацыя за 1898, 1900 гг., па Мінскай – за 1893–1896 гг.;
- звесткі пра канкрэтныя іўдзейскія дабрачынныя грамадствы (пахавальныя, пазыковыя і інш.). У спецыяльных артыкулах былі ўказаны імёны, а часам і адукацыя, адрас пражывання

старшыняў, казначэяў і сябраў дабрачынных аб'яднанняў. Інфармацыя пра іх утрымліваецца ў асобных памятных кніжках Віцебскай і Магілёўскай губерняў за 1910-я гг.

Акрамя пералічаных вышэй рубрык у некаторых памятных кніжках была змешчана спецыфічная інфармацыя, нехарактэрная для іншых аналагічных выданняў. Напрыклад, толькі ў кнігах па Магілёўскай губерні за канец XIX – пачатак XX стст. былі апублікаваны ведамасці пра размеркаванне яўрэйскага насельніцтва па розных тыпах населеных пунктаў (па гарадах, мястэчках, калоніях і сёлах). Звесткі былі пададзены па кожнаму з паветаў, асбона была падлічана колькасць мужчын і жанчын.

Вялікую цікавасць для даследчыкаў уяўляюць змешчаныя ў памятных кніжках гістарычныя звесткі пра гарады і мястэчкі беларускіх губерняў. Апроч іншага ў іх указаны лік яўрэяў у кожным населеным пункце, а таксама колькасць сінагог і малітоўных дамоў (з абазначэннем матэрыялу, з якога яны былі пабудаваны). Такая інфармацыя змешчана ў памятнай кніжцы Магілёўскай губерні на 1861 г. і Мінскай губерні на 1878 г.

У сваю чаргу складальнікамі памятных кніжак Віцебскай губерні на 1863, 1881, 1885, 1898 гг. былі падрыхтаваны нарысы пра прадстаўнікоў яўрэйскай народнасці, якія пражывалі ў рэгіёне (змяшчалі інфармацыю пра з'яўленне яўрэяў на тэрыторыі губерні, іх этнаграфічную характарыстыку, агляд прафесійных заняткаў). У памятнай кніжцы Віцебскай губерні на 1865 г. утрымліваецца кароткае апісанне іўдзейскіх культавых будынкаў г. Віцебска, указаны іх адрасы і месца размяшчэння на карце. У дадзеным выданні таксама маецца агульная характарыстыка іўдзейскіх дабрачынных грамадстваў горада, рэлігійных атрыбутаў яўрэяў (скруткаў Торы, тфілінаў і інш.).

У памятных кніжках розных беларускіх губерняў існавалі розныя падыходы да размяшчэння інфармацыі, датычнай іўдзейскіх абшчын. У прыватнасці, у табліцах са статыстычнымі звесткамі пра колькасць прадстаўнікоў розных веравызнанняў, саслоўяў, нованароджаных, шлюбаў і да т.п., як правіла, выконвалася паслядоўнасць, згодна з якой спачатку прыводзіліся звесткі пра праваслаўных, затым – пра стараабраднікаў, католікаў, пратэстантаў, іўдзеяў і мусульман. Такая заканамернасць прасочваецца на працягу ўсяго перыяду выдання кніг па Віцебскай губерні. У памятных кніжках Магілёўскай губерні з 1910 г. інфармацыю пра іўдзеяў пачалі друкаваць пасля католікаў, а пра пратэстантаў і мусульман – пасля іўдзеяў. У сваю чаргу з 1903 г. па Мінскай губерні дадзеныя пра іўдзейскае насельніцтва сталі падавацца ў самым канцы табліц. Логіку падобных змен у структуры кніг зразумець складана: у прыватнасці, паслядоўнасць размяшчэння звестак нельга растлумачыць удзельнай вагой прадстаўнікоў пэўнага веравызнання ў агульнай колькасці насельніцтва губерні.

Календары рэлігійных святаў, якія публікаваліся ў пачатку памятных кніжак, як правіла, змяшчаліся ў наступнай паслядоўнасці: праваслаўны – каталіцкі – лютэранскі – іўдзейскі – мусульманскі (прычым лютэранскія і мусульманскія календары друкаваліся не заўсёды). Праўда, у памятных кніжках Віцебскай губерні з пачатку XX ст. звесткі пра іўдзейскія святы прыводзіліся пасля мусульманскіх.

Параўноўваючы звесткі пра служыцеляў розных культаў, рэлігійныя навучальныя ўстановы і дабрачынныя грамадствы, можна прыйсці да высновы, што ўсе яны ў роўнай ступені інфарматыўныя, незалежна ад таго, пра якую канфесію ідзе гаворка.

Такім чынам, у памятных кніжках беларускіх губерняў утрымліваецца вялікая колькасць інфармацыі па гісторыі іўдзейскіх абшчын Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губерняў сярэдзіны XIX – пачатку XX стст. На падставе звестак статыстычнага і біяграфічнага характару магчыма вывучаць такія аспекты яўрэйскай гісторыі, як дынаміка колькасці іўдзейскага насельніцтва і культавых будынкаў, развіццё яўрэйскай рэлігійнай адукацыі, дзейнасць іўдзейскіх дабрачынных аб'яднанняў і г.д. Усе памятныя кніжкі ў цэлым маюць падобную структуру, што значна аблягчае пошук патрэбнай інфармацыі.

1. Краткая еврейская энциклопедия : в 11 т. / ред. совет: Ш. Эттингер [и др.]. – Иерусалим : Кетер, 1976. – Т. 1. – 756 с.

2. Памятные книжки белорусских губерний [Электронный ресурс]. – Электронные текстовые, графические данные и программа (10,5 Гб). – Минск, 2012. – 3 электронных оптических диска (DVD-ROM).

Моторова Н.С.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В 1875–1917 гг. В АРХИВАХ БЕЛАРУСИ

В пореформенное время система местного самоуправления состояла из двух элементов – городского и земского. Их оформление проходило постепенно. В 1875 г. на территорию белорусских губерний было распространено действие Городового положения (1870 г.). Это положило начало созданию в регионе системы городского самоуправления. В городах учреждались городские думы и управы, в ведение которых передавался широкий круг социальных и экономических вопросов. Система земского самоуправления в регионе начала оформляться позднее. В 1903 г. на территории трех белорусских губерний (Витебской, Минской и Могилевской) были созданы управления по делам земского хозяйства. В их структуру входили губернские и уездные комитеты, которые обладали распорядительной властью, и органы исполнительной власти в виде губернских и уездных управ. Управления по делам земского хозяйства функционировали под контролем губернской администрации, их права в ряде вопросов были ограничены, но функциональные обязанности ничем не отличались от обязанностей земств. В 1911 г. на территорию Витебской, Могилевской и Минской губерний было распространено действие Положения о губернских и уездных земских учреждениях (1890 г.), что привело к формированию полноценной системы земского самоуправления в регионе.

Основная масса источников по истории органов местного самоуправления в 1875–1917 гг. представлена делопроизводственными материалами, которые хранятся в фондах Национального исторического архива Беларуси в г. Минске (далее – НИАБ в г. Минске) и Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно (далее – НИАБ в г. Гродно). В их состав входят документы различного характера: журналы, протоколы, отчеты городских дум и управ, губернских и уездных комитетов и управ по делам земского хозяйства, земств, переписка органов самоуправления с губернской администрацией, различные обзоры, сведения и ходатайства. В фондах НИАБ в г. Минске находятся делопроизводственные материалы органов местного самоуправления Витебской, Минской и Могилевской губерний, в НИАБ в г. Гродно – Гродненской и частично Виленской губерний (представлен г. Лида).

Наиболее подробно деятельность органов городского самоуправления освещается на страницах журналов и протоколов заседаний городских дум и собраний уполномоченных. Они включают в себя постановления городских властей о выделении средств на открытие и содержание учебных заведений, больниц и амбулаторий, оказание помощи малоимущим горожанам и пострадавшим от пожаров, об организации противоэпидемических мероприятий и пр., а также ходатайства перед губернской администрацией и правительственными учреждениями по различным социальным и экономическим вопросам. В архивных фондах содержится финансовая документация органов городского самоуправления, которая отражает особенности распределения городских расходов. Интерес представляют и дела, содержащие ходатайства городских властей по отдельным вопросам (например, об открытии университета в Витебске или Минске).

В НИАБ в г. Минске находятся фонды Минской (ф. 24), Витебской (ф. 2506), Могилевской (ф. 2093) Бобруйской (ф. 1111), Гомельской (ф. 2912), Мозырской (ф. 824), Мстиславской (ф. 2095), Пинской (ф. 712) и др. городских дум; в НИАБ в г. Гродно – Брестской (ф. 1492), Волковысской (ф. 1562), Кобринской (ф. 873), Пружанской (ф. 874), Слонимской (ф. 288), Лидской (ф. 1564). В них преимущественно представлены журналы заседаний и копии годовых смет доходов и расходов.

С этими фондами тесно связаны фонды отдельных городских управ. В них содержатся не только отчеты и журналы управ, но и обязательные постановления, протоколы и журналы заседаний городских дум, дела об организации санитарных попечительств, материалы о санитарном состоянии городов, отчеты о выполнении смет, копии циркуляров и обязательных постановлений губернаторов. Широко представлены дела об открытии новых учебных заведений и их преобразовании, о состоянии пожарной части и помощи погорельцам, об открытии больниц, лечебниц и амбулаторий, об оказании финансовой помощи приютам и богадельням. Встречаются материалы посвященные участию органов городского самоуправления в праздновании таких юбилейных дат, как трехсотлетие царствования династии Романовых, столетие Отечест-

венной войны, пятидесятилетие отмены крепостного права. В НИАБ в г. Минске представлены фонды городских управ Минска (ф. 1), Витебска (ф. 2496), Бобруйска (ф. 626), Гомеля (ф. 2100), Могилева (ф. 2099), Мстиславля (ф. 2101), Орши (ф. 2102), Пинска (ф. 611), Рогачева (ф. 2103), Слуцка (ф. 622), Полоцка (ф. 2523), Чаус (ф. 2104), Черикова (ф. 2105); в НИАБ в г. Гродно – Гродно (ф. 125), Бреста (ф. 492), Слонима (ф. 1046). Аналогичные материалы содержатся в фондах упрощенных городских управлений: Суражского (ф. 3159), Докшицкого (ф. 1295), Игуменского (ф. 1228), Речицкого (ф. 1237), Горецкого (ф. 2107) в НИАБ в г. Минске; Волковысского (ф. 237), Лидского (ф. 1574) в НИАБ в г. Гродно.

Из перечисленных фондов максимально полны и информативны фонды Минской и Пинской городских дум, Минской, Витебской и Пинской городских управ. В них, помимо постановлений и отчетов городских властей, также представлена переписка с различными ведомствами, дела о выдаче пособий жителям, списки гласных и материалы о проведении городских выборов, делопроизводственная документация городских комиссий. Наименее информативны – фонды по городам Могилевской губернии и, в частности, по Могилеву. Это связано с тем, что значительная часть их делопроизводственных материалов была безвозвратно утрачена в годы Великой Отечественной войны.

В НИАБ в г. Минске содержатся фонды управлений по делам земского хозяйства. Из трех губернских комитетов представлен только один – Минский (ф. 323). В этом фонде хранятся журналы заседаний Комитета за 1903–1904 и 1908–1911 гг. Журналы отдельных заседаний Комитета содержатся и в фонде Минской губернской управы по делам земского хозяйства (ф. 324). Также в архиве представлены фонды Витебской (ф. 2519) и Могилевской (ф. 2079) управ. В них содержатся доклады губернских и уездных управ, дела об открытии и содержании медицинских, учебных и благотворительных учреждений, планы школьных сетей. Журналы уездных управ хранятся в отдельных фондах управ: Витебской (ф. 3377), Городокской (ф. 3400), Полоцкой (ф. 3290), Бобруйской (ф. 521), Борисовской (ф. 522), Игуменской (ф. 523), Минской (ф. 520), Мозырской (ф. 524), Новогрудской (ф. 525), Пинской (ф. 526), Речицкой (ф. 527), Слуцкой (ф. 528), Горецкой (ф. 2081), Могилевской (ф. 2080), Мстиславской (ф. 2082), Оршанской (ф. 2083), Сенненской (ф. 3106).

Частично в НИАБ в г. Минске сохранились материалы губернских земских собраний. Как и в случае с губернскими комитетами, представлен только фонд Минского губернского земского собрания (ф. 1265). Кроме этого присутствует несколько фондов уездных земских собраний: Минского (ф. 1302), Новогрудского (ф. 1274), Речицкого (ф. 1286). В них в основном содержатся журналы заседаний.

Отдельную группу фондов образуют фонды губернских земских управ: Витебской (ф. 2515), Минской (ф. 325), Могилевской (ф. 2084). В них находятся доклады и журналы заседаний управ, отчеты о деятельности земств, дела об организации помощи нуждавшимся категориям населения, об открытии учебных заведений и больниц, переписка с уездными управами, обзоры состояния здравоохранения и народного образования. Также в их составе встречаются постановления и доклады уездных земских собраний. В фондах Минской (ф. 325) и Могилевской (ф. 2084) управ содержатся отдельные журналы губернских земских собраний.

Доклады уездных земских управ, сметы доходов и расходов уездных земств, частично – журналы уездных земских собраний представлены в фондах уездных земских управ. К ним относятся фонды по Витебской (ф. 2739), Городокской (ф. 2661), Дриссенской (ф. 2743), Лепельской (ф. 2660), Полоцкой (ф. 2564), Бобруйской (ф. 624), Борисовской (ф. 1534), Игуменской (ф. 327), Минской (ф. 326), Мозырской (ф. 928), Новогрудскоц (ф. 1038), Пинской (ф. 723), Речицкой (ф. 918), Слуцкой (ф. 670), Быховской (ф. 2679), Гомельской (ф. 3071), Горецкой (ф. 2086), Климовичской (ф. 2087), Могилевской (ф. 2085), Мстиславской (ф. 2088), Оршанской (ф. 2089), Рогачевской (ф. 2090), Сенненской (ф. 2561), Чериковской (ф. 2091) управам.

Часть делопроизводственных материалов органов местного самоуправления находится в фондах губернской администрации. В этой связи нужно отметить фонды канцелярий витебского (ф. 1430), минского (ф. 295) и могилевского (ф. 2001) гражданских губернаторов в НИАБ в г. Минске, гродненского (ф. 1) – в НИАБ в г. Гродно. В них содержатся журналы заседаний и отчеты о деятельности органов городского самоуправления, сметы доходов и расходов по отдельным городам. Эти материалы массово представлены в фондах канцелярий витебского

(ф. 1430) и гродненского (ф. 1) гражданских губернаторов. Например, в последнем фонде содержатся все постановления городских дум Гродненской губернии за 1880–1891 гг.

С этой группой тесно связаны фонды губернских правлений: витебского (ф. 1416), минского (ф. 299), могилевского (ф. 2003) в НИАБ в г. Минске, гродненского (ф. 2) в НИАБ в г. Гродно. В них содержатся материалы ревизий, дела о введении Городового положения, журналы и доклады органов городского и земского самоуправления, росписи доходов и расходов. Интерес представляют дела, в которых косвенно характеризуется деятельность городских дум и земств, например, отчеты о состоянии здравоохранения, сведения о санитарном состоянии губерний и отдельных городов, дела об открытии больниц и амбулаторий, учебных и благотворительных заведений, журналы санитарно-исполнительных комиссий.

Отдельную группу составляют фонды губернских по городским и земским делам присутствий Витебской (ф. 2508), Минской (ф. 22), Могилевской (ф. 2013) губерний в НИАБ в г. Минске, Гродненского губернского по городским делам присутствия (ф. 17) в НИАБ в г. Гродно. В них сконцентрирована основная масса ходатайств, журналов и протоколов заседаний органов городского и земского самоуправления. Также в этих фондах представлены материалы о введении Городового и Земского положений, о выборах гласных и членов в органы местного самоуправления, сведения по личному составу, списки гласных, дела о выдаче ссуд и займов на реализацию различных социальных проектов, об открытии и преобразовании учебных, медицинских и благотворительных заведений. Наиболее богатый и полный фонд – фонд по Витебской губернии (ф. 2508). В нем массово представлены журналы городских дум и собраний уполномоченных за 1900–1916 гг., губернского и уездных земств за 1911–1916 гг.

При изучении деятельности органов местного самоуправления наибольшие затруднения возникают при освещении последних месяцев существования Российской империи, так как за этот период практически отсутствуют делопроизводственные материалы. Исключение составляет лишь Витебская губерния. Журналы заседаний органов городского и земского самоуправления, их доклады и протоколы за начало 1917 г. содержатся в фонде канцелярии витебского губернского комиссара (ф. 3445).

Таким образом, делопроизводственные материалы, содержащиеся фондах НИАБ в г. Минске и НИАБ в г. Гродно, представляют собой обширную и информативную группу источников. На их основе можно всесторонне охарактеризовать различные аспекты деятельности органов местного самоуправления (в первую очередь – городского) белорусских губерний. К сожалению, часть документов (до 90% по Могилевской губернии, частично по Минской губернии) была утрачена во время Великой Отечественной войны. Эта утрата является невосполнимой, так как были уничтожены оригиналы документов, хранившиеся в единичных экземплярах. В неполной мере сохранились делопроизводственные материалы управлений по делам земского хозяйства и земств. Но эта утрата компенсируется тем, что значительная часть их докладов и журналов была опубликована до 1914 г.

Кухаренко А.А.

ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Деятельность Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси нашла отражение в архивных и опубликованных источниках. Наибольшую значимость представляют законодательные акты, материалы официального делопроизводства, экономико-географические и статистические описания, статистика, периодическая печать, источники личного происхождения и публицистика.

Создание Крестьянского поземельного банка было связано с принятием большого количества **законодательных документов**, которые заложили основу его функционирования. Эти источники позволяют выделить периоды и направления деятельности банка, а также определить особенности работы его местных отделений.

Крестьянский поземельный банк основан в соответствии с «Положением о Крестьянском поземельном банке», которое было утверждено Александром III 18 мая 1882 г. Существенные изменения в деятельности банка произошли с принятием 27 ноября 1895 г. «Устава Крестьянского поземельного банка». Эти документы определяют основные направления работы банка,

содержат сведения о структуре Центрального управления и отделений банка, распределении полномочий в принятии решений Советом банка и его отделениями.

Среди источников по истории Крестьянского поземельного банка огромное значение имеют **материалы официального делопроизводства**, которые включают в себя три комплекса документов: делопроизводство центральных органов управления банка; делопроизводство местных отделений банка; делопроизводство других организаций и объединений, имеющее отношение к деятельности банка.

Материалы делопроизводства местных отделений Крестьянского поземельного банка позволяют выявить национально-конфессиональный состав и имущественные характеристики клиентов банка. Для решения этой задачи могут быть использованы документы, необходимые для получения банковской ссуды: заявление; три плана приторгованной земли; условие, заключенное с продавцом о покупке земли; договор о покупке с уполномочием определенного лица правом ведения всего дела; посемейный список покупщика со сведениями об имущественном положении (количество земли, скота, пчел, перечень построек, промыслы и занятия); подписка продавца о договорах [1]. Кроме этого, сельскому обществу был необходим мирской приговор, а товариществу крестьян – обязательство о взаимном ручательстве.

Экономико-географические и статистические описания представляют собой достаточно широкий круг источников с подробными сведениями о деятельности белорусских отделений Крестьянского поземельного банка. Эти источники имеют большое значение для изучения подготовительных работ, связанных с открытием местных отделений банка, а также первых лет их функционирования. Например, статистическое описание «Два года существования Витебского отделения Крестьянского поземельного банка» является одним из немногих источников, в которых показаны подготовительные работы и первые годы деятельности Витебского отделения банка.

В начале XX в. стали появляться банковские справочники, в которых можно найти список действующих банков и сопутствующую информацию: почтовые адреса, банковские операции, количество отделений, сведения о должностях и т.д. Примерами могут служить следующие сборники, которые содержат краткую информацию о Крестьянском поземельном банке: «Справочный указатель о переселении на новые места и о приобретении земли при содействии крестьянского поземельного банка», «Справочная книжка для лиц, обращающихся к содействию Крестьянского поземельного банка», «Банки и кредитные учреждения», «Русские банки в 1914 году» и «Русские банки. Справочные и статистические сведения обо всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях».

Изучение деятельности Крестьянского поземельного банка невозможно без использования **статистических источников**, которые включают в себя три комплекса материалов: финансовую отчетность банка, в которой отражены итоги проведения основных банковских операций за равные периоды времени; статистические публикации, подготовленные по материалам финансовой отчетности банка во второй половине XIX – начале XX в.; статистические сборники, подготовленные советскими учеными.

Финансовая отчетность отделений Крестьянского поземельного банка является довольно сложным и несистематизированным блоком информации и поэтому нуждается в предварительной классификации. В качестве критерия можно взять временной интервал, так как итоги основных банковских операций подводились за равные промежутки времени. В связи с этим можно выделить ежедневные (кассовые книги), ежемесячные (оборотные ведомости) и ежегодные (денежный отчет) документы. Структура документа конца XIX – начала XX в. была детально разработана и представляла собой шаблон. Например, лицевые счета заемщиков Крестьянского поземельного банка содержат сведения о выданной ссуде, купленной земле, внесенной доплате, ссудополучателях и платежах по ссуде. Эта информация тщательно сверялась и вносилась в отдельные таблицы по годам [2].

В качестве источников по исследуемой проблеме большую ценность представляют **периодические издания**. Корреспонденты много внимания уделяли деятельности Крестьянского поземельного банка, поскольку это учреждение было одним из главных инструментов проведения аграрной политики в Российской империи. Анализируя аграрную политику самодержавия, они давали разные, часто противоположные, оценки деятельности банка.

В газетах «Минский листок» [4, с. 107–108] и «Наша ніва» [7] был сделан акцент на том, что банк создал невыгодные условия предоставления крестьянам ссуд. Особой критике подверг-

лись высокие покупные цены на землю, обременительные доплаты продавцам, размер взимаемого процента, отсутствие предварительной проверки отделениями банка фактических условий покупок и хозяйственных дел покупателей. Помимо критики предлагались разные способы улучшения деятельности банка: покупка земли за счет собственных средств банка, предоставление банковской ссуды под залог надельной земли, принудительное отчуждение части частновладельческих земель на условиях выкупа, развитие земельной аренды и т.д.

Периодические издания «Витебский вестник» [6] и «Северо-западное слово» [8], напротив, критиковали Крестьянский поземельный банк за пренебрежение интересами дворян при покупке помещичьих земель. Они считали, что банк занимается ликвидацией «вековых» культурных имений и передачей их в руки крестьян, которые неизбежно понизят качественные характеристики земельных угодий. В результате, деятельность банка приведет к разорению крестьян и обогащению торговцев деньгами посредством выпуска на биржу колоссального количества бумажных ипотечных ценностей. Критика сопровождалась предложениями по совершенствованию организации кредита. Наиболее радикальной мерой следует признать предложение о прекращении деятельности банка, которое мотивировалось тем, что, облегчая крестьянам покупку частновладельческих имений, банк стеснял дворянское землевладение. Помимо этой меры поступили предложения развивать банковские операции с более благонадежными в финансовом отношении категориями заемщиков. Для улучшения финансовых показателей деятельности банка предлагалось увеличить доплату покупателей, которая заставит их дорожить купленными участками и старательнее вносить причитающиеся банку платежи. Кроме этого, высказывались предложения установить тщательный надзор за хозяйственной деятельностью клиентов банка, чтобы устранить все способы земельной эксплуатации, которые приводили к обесценению участков, и предотвратить рост долгов по банковской ссуде.

Источники личного происхождения способны показать деятельность Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси глазами чиновников и банковских служащих. Эта группа источников представлена автобиографиями А.Е. Богдановича, Э.А. Войниловича, А.А. Кофода, письмами П.А. Столыпина.

Одним из источников личного происхождения является автобиография А.Е. Богдановича, проходившего службу в Гродненском отделении Крестьянского поземельного банка с 5 июня 1892 г. по 1 октября 1896 г. в должности помощника бухгалтера. В автобиографии он не только показал деятельность Гродненского отделения банка, но и привел оценку его работы, которую дали местные крестьяне, ставшие клиентами банка [5, с. 15].

Воспоминания члена Государственного совета от Минской губернии Э.А. Войниловича, мемуары члена Комитета по землеустроительным делам А.А. Кофода и письма премьер-министра П.А. Столыпина позволяют проследить ход подготовки и реализации столыпинской аграрной реформы на территории Беларуси. В этих источниках показаны трудности, с которыми столкнулись отделения Крестьянского поземельного банка и землеустроительные комиссии на местах. Вместе с положительными отзывами о деятельности банка по решению аграрного вопроса встречается также отрицательная оценка результатов работы банка в ходе проведения столыпинской аграрной реформы [3, л. 20–21 об.].

Публицистические источники изучения деятельности Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси передают авторский взгляд на отдельные аспекты функционирования банка. Характерной чертой этих источников стало выявление слабых сторон в деятельности банка и поиск возможных путей их устранения.

В историческом очерке «Крестьянский поземельный банк», автор которого не установлен, предлагается расширить функции банка выдачей краткосрочных ссуд, необходимость чего объясняется отсутствием у крестьян денежных средств. Автор подчеркивает, что пока крестьянское хозяйство не будет иметь в «тяжелое» время оборотный капитал, до тех пор нельзя и ожидать удовлетворительного выполнения принятых им обязательств по приобретению земельной собственности.

В публицистической работе «Крестьянский поземельный банк» Н.П. Заломанов указывает на необходимость установления «прочного» количественного соотношения между крупным, средним и мелким землевладением в Российской империи. Для достижения этой цели следовало передать все ссудные дела в ведение «Государственного Земельного Банка», которому предстояло выдавать ссуды всем лицам, желающим заниматься сельским хозяйством, в особенно-

сти, если они имели сельскохозяйственное образование и намеревались поселиться на покупаемой земле.

Таким образом, деятельность Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси представлена в широком круге источников. Состав источников по данной проблеме носит репрезентативный характер. В основном они характеризуют ссудную, землеустроительную и ликвидационную деятельность банка. Вместе с тем сохранилось крайне мало источников, посвященных проблеме участия банка в благотворительных акциях. Информационный ресурс источников в достаточной степени позволяет исследовать деятельность Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси.

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2181. Оп. 1. Д. 3.
2. НИАБ. – Ф. 2510. Оп. 1. Д. 2887.
3. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324.
4. Белоруссия в эпоху капитализма : в 3 т. / Глав. архив. упр. при Совмине БССР ; Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск : Наука и техника, 1983. – Т. 1 : Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии. – 272 с.
5. Богданович, А. Е. Я всю жизнь стремился к свету : в 2 кн. / А. Е. Богданович ; сост. А. Ващенко. – Мінск : Літататура і Мастацтва, 2012. – Кн. 1 : Мои воспоминания. – 544 с.
6. Витебский вестник. – 1913. – 10 марта.
7. Наша ніва. – 1907. – № 9 // Наша ніва. Першая беларуская газета з рысункамі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – Вып. 1.
8. Северо-западное слово. – 1901. – 30 января.

Юрчак Д.В.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЙ ПОРОГОВ, ОСТРОВОВ И ОТМЕЛЕЙ, УКАЗАНЫХ В КНИГЕ А.П. САПУНОВА «РЕКА ЗАПАДНАЯ ДВИНА»

В 1893 г. в Витебске в типографии Малкина была отпечатана одна из наиболее значимых работ известного витебского историка, археолога и краеведа Алексея Парфёновича Сапунова «Река Западная Двина», представляющая собой подробное историко-географическое описание одной из самых крупных (17-й по протяжённости) рек Европы, которая до сих пор завораживает своей красотой. В названной работе автор рассматривает место реки в истории Витебщины и иных регионов, расположенных вдоль её берегов, приводит подробное описание истока и многочисленных притоков, геологический очерк берегов Двины, рассматривает развитие судоходства на реке, специфику рыбной ловли. Особое внимание уделяется подробному описанию самой реки: её ширине и глубине, скорости течения. В отдельном разделе в деталях показываются пороги, мели, острова и крупные валуны в русле реки [1, с. 165–183]. Такая информация уникальна сама по себе и даёт нам возможность представить, как выглядела Западная Двина более 100 лет назад.

Однако с течением времени облик «Двины Сапунова» существенно изменился. Обусловлено это как природным (изменение фарватера, размывание островов, подмывание берегов и т.д.), так и антропогенным воздействием. Следует признать, что именно деятельность человека, в первую очередь, привела к изменению облика берегов. Очистка русла реки для судоходства оказывала влияние на расположение фарватера и т.д. Менялась Двина и по причине развития гидроэлектроэнергетики в регионе. Строительство каскада ГЭС в Латвии (Плявиньская, Рижская, Кегумсская, а также не достроенная Даугавпилсская) привело к тому, что первозданную реку мы теперь можем только представлять, благодаря старым фотографиям и книге Алексея Сапунова.

Возникает вопрос, какими источниками мог пользоваться А.П. Сапунов при составлении книги? И насколько указанные в работе географические названия использовались местным населением? Что касается источников, то автор сам указывает в работе основные из них. В частности, во введении он говорит, что направлял многочисленные письма различным адресатам с конкретными вопросами по реке, но далеко не всегда получал на них развёрнутые ответы (а чаще всего не получал вообще). Кроме того, в сноске, поставленной в названии раздела, касающегося порогов, отмелей и островов, Алексей Парфёнович сам говорит, что раздел написан в основном по информации кормчих.

Действительно, кто как не кормчие, ежегодно перевозившие на лайбах товары в Ригу, могли досконально знать многочисленные особенности Двины? Это была их работа. И от этих знаний зависел успех плавания. Поэтому знание реки передавалось из поколения в поколение, как и сама профессия.

Однако стоит учитывать и другой факт: на Двине, по сообщению самого А.П. Сапунова, кормчими были чаще всего выходцы из Велижа и Витебска, так как именно из этих городов шёл основной массив судов в сторону Балтийского моря. Именно это объясняет, почему на участке от Велижа в названной книге количество разнообразных объектов на реке резко увеличивается. До этого города автор упоминает всего 10 порогов и островов (находящихся в основном недалеко от названного населённого пункта). При этом не нужно забывать, что выше Велижа Двина протекает от истока порядка 300 километров. Поэтому стоит признать, что этот участок реки остался вне поля зрения автора. И информация, указанная по этому участку взята именно у велижских кормчих, которые, безусловно, могли знать реку и выше родного города.

При этом первый объект, названный в работе («Вережульские порожки» у с. Дубна), описан на основе информации стольника Цызырева (1701 г.) [1, с. 165], что позволяет предположить, что информация о нём получена из письменных источников и находился он вне досягаемости основных мест плавания велижских кормчих. Зато информация о других объектах в верхнем течении Двины полностью отсутствует. А их там, как показывает даже беглое изучение снимков реки со спутника, не так уж и мало.

После Велижа количество разнообразных порогов, отмелей, каменных забор, островов и валунов, по данным А.П. Сапунова, существенно увеличивается. В работе упоминаются в первую очередь те объекты, которые представляли наибольшую опасность для плавания, а не те, которые могли бы привлечь географов, историков, биологов и других исследователей. Это в свою очередь также свидетельствует в пользу того, что основным источником для подготовки раздела книги были именно сообщения кормчих.

Плавал ли сам А.П. Сапунов по Двине? Однозначно ответить не так просто. Конечно же, после открытия пароходных рейсов от Витебска до Велижа в 1892 г. автор книги мог проплыть данный участок реки и сравнить информацию, полученную у речников ранее. Мог он путешествовать по реке и в других местах. Хотя подтвердить это предположение не представляется возможным. Но полностью Западную Двину от истоков и до Риги он явно до издания книги не проходил. Иначе информации по географическим особенностям всех участков реки было бы в разы больше и ссылка на кормчих отсутствовала.

Ещё одним проблемным вопросом стоит считать то, как именно появлялись указанные в книге названия порогов, островов и т.д. Использовались ли они местным населением? На последний вопрос, скорее всего, стоит ответить отрицательно, но с некоторыми оговорками. Во-первых, само происхождение названий явно также связано с теми же самыми кормчими. В частности, А.П. Сапунов приводит пример названия каменной заборы Сопель, названной от имени кормчего, барка которого разбилась на камнях в районе дер. Перно (выше Суража). И есть большие сомнения, что местные жители называли этот объект также как и речники. У них, скорее всего, она имела своё локальное название, которое не дошло до наших дней.

Подтверждением вышесказанного могут быть и названия различных преград на реке на современном латвийском участке. Очень сложно предполагать, что в районе впадения таких явно не «славянских по происхождению» рек как Еглань, Суссей, Нарата, Огер, Иегель острова, пороги и заборы могли называться Кобыла, Конёк, Закладня, Дуга. Карета, Подрез Верхний, Нижний Кривец, Берёза, Бобёр и др. Явно латышских названий среди островов и порогов очень мало. Зато очень много славянских и связанных с близлежащими населёнными пунктами и реками (например, мель Галиновская, Хатольские мели, острова Якобштадтский и Левенгоф). А такие ассоциативные привязки по локализации могли возникать только у лиц, сплавлявшихся по реке и ориентировавшихся как раз по близлежащим населённым пунктам, то есть у кормчих.

Кстати, в пользу этой версии говорят и многочисленные «простонародные» и типичные «мужицкие» названия, характерные как раз для суровых речников, а не представителей интеллигенции. Чего стоит только название порога «Щель срамная», хотя это название могло быть вольной интерпретацией А.П. Сапунова ещё более грубого названия [1, с. 180].

Широкое использование указанных в работе географических названий в обиходе экипажей многочисленных лайб, шкун и струг, которые ходили по Двине в XIX веке никак не говорит о том, что эти названия широко бытовали у местного населения. Хотя определённые заимствования у местных могли быть. Например, Рубовские пороги под Витебском до сих пор сохраняют это обобщающее название. Но таких примеров совсем не много. Шёл ли обратный процесс? Заимствовали ли

местные жители подобные названия у речников? Это не самый простой вопрос и с ним ещё предстоит разобраться (насколько это возможно в современных реалиях).

Тем самым, использованные в работе А.П. Сапунова названия валунов, порогов, отмелей и островов в большинстве своём представляют названия, которые названные объекты получили от речников (кормчих). Последнее даёт возможность утверждать, что эти названия в большинстве случаев не были тесно связаны с местными локальными названиями, используемыми местными жителями. Особенно это очевидно на латвийском участке реки. Поэтому данные названия стоит считать только одними из используемых (наравне с названиями, которые давали данным географическим объектам местные жители) в обиходе, но чаще всего среди профессиональных речников.

1. Сапунов, А.П. Рѣка Западная Двина / А.П. Сапунов. – Витебск, 1893. – 512 с.

Мыслівец Г.М.

«ПОЛАЦКІЯ ЕПАРХІЯЛЬНЫЯ ВЕДАМАСЦІ» ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ШАНАВАННЯ ЕЎФРАСІННІ ПОЛАЦКАЙ

Культ святога з'яўляецца шматграннай гісторыка-культурнай і рэлігійнай формай шанавання, якая складаецца гістарычна на базе рэлігійных уяўленняў і звычаяў; з'явай яго пасмяротнай прысутнасці ў грамадстве. Тэрмін «культ» сінанімічны паняццю «шанаванне» і выкарыстоўваецца як раўназначны яму [3, с. 75]. Таму ў тэксце артыкула мы раўнаважна будзем звяртацца да абодвух вызначэнняў.

Як вядома, духоўна-маральныя каштоўнасці кожнага народа акрамя іншага звязаны з «уласнымі» святымі, якія з цягам часу могуць набыць статус «нацыянальных» падзвіжнікаў веры. Сярод шанаваных святых Еўфрасіння Полацкая (1104–1173) займае пачэснае месца. Імя прападобнай ігуменні па праву стаіць у адным шэрагу з імёнамі такіх усходнеславянскіх падзвіжнікаў, як Антоній і Феадосій Пячорскія, Кірыл Тураўскі, Сергій Раданежскі, Кірыл Белазерскі і інш.

Традыцыя шанавання святой складвалася гістарычна і ўвабрала ў сябе рэлігійныя ўяўленні і звычаі рознага паходжання. Асобную групу пісьмовых крыніц, дзе змешчана інфармацыя аб гісторыі фарміравання і развіцця шанавання прападобнай ігуменні Еўфрасінні Полацкай (1104–1173), складаюць матэрыялы перыядычнага друку, сярод якіх можна пазначыць «Полацкія епархіяльныя ведамасці» (далей «ПЕВ»).

На старонках дадзенага перыядычнага выдання ў перыяд з 1874 г., калі выйшаў першы нумар, і да 1917 г. (час ліквідацыі рэдакцыі «ПЕВ») знайшла адлюстраванне традыцыя шанавання полацкай ігуменні Еўфрасінні. Колькасць і змястоўная якасць артыкулаў «ПЕВ» сведчыць аб тым, што аўтары надавалі непасрэдную ўвагу як асобе і жыццядзейнасці святой, так і складанню і распаўсюджванню яе культу на тэрыторыі Полацкай епархіі і далёка за яе межамі.

З моманту ўзнікнення культ Еўфрасінні Полацкай стала развіваўся ў рамках канона і меў шматлікія формы праяўлення: стварэнне Жыція і царкоўнай службы; зацвярджэнне і ўрачыстае святкаванне дня памяці; напісанне ікон (абразы, фрэскі, вышываныя надтрунныя пакровы і інш.); афіцыйнае далучэнне да ліку святых; узвядзенне манастыроў, храмаў, капліц і асвячэнне прыдзелаў у імя прападобнай; здзяйсненне паломніцтваў і хрэсных хадоў да месца яе спачыну. Пазначаныя аспекты шанавання святой былі падрабязна разгледжаны ў «ПЕВ» як гістарычная з'ява, якая ўвесь час (з моманту зараджэння) эвалюцыянавала ў часе. Так, матэрыялы, змешчаныя ў «ПЕВ», былі прысвечаны эвалюцыі як асобных рыс шанавання Еўфрасінні Полацкай, так і агульным заканамернасцям у іх развіцці.

Большая колькасць артыкулаў «ПЕВ» была прысвечана асвятленню мерапрыемстваў, запланаваных на дзень памяці Еўфрасінні [1; 2; 13]. На аснове прадстаўленай інфармацыі за шэраг гадоў можна супаставіць колькасць, сацыяльнае, геаграфічнае паходжанне наведвальнікаў (паломніцкія візіты ў Спаса-Еўфрасіннеўскі манастыр здзяйснялі як звычайныя вернікі Віцебскай губерніі, так і прадстаўнікі дынастыі Раманавых: Канстанцін Канстанцінавіч з сынамі Алегам і Ігарам, Елізавета Фёдараўна і інш.). Калі прааналізаваць ход мерапрыемстваў і іх выкананне, адлюстраванае ў артыкулах «ПЕВ», якія без перабольшвання з'яўляюцца тагачаснымі справаздачамі, можна ўявіць узровень арганізацыі свята ў дзень памяці святой і

зрабіць высновы аб развіцці яе культу ў той ці іншы перыяд часу. Так, на падставе матэрыялаў артыкулаў «ПЕВ» за 1877, 1890, 1894 гг. [1; 10; 13] можна зрабіць выснову, што падзеі, прымеркаваныя на дзень памяці Еўфрасінні Полацкай (23 мая), былі сканцэнтраваны ў межах Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра і складаліся з правядзенне службы, вынясення ў спецыяльна аздобленым куфары-машчавіку часціцы яе мошчаў (сярэдні перст правай рукі, прывезены і ўрачыста пакладзены ў Спаса-Праабражэнскай манастырскай царкве ў 1871 г.) і своеасаблівага вадохрышча на раце Палата. У сваю чаргу, матэрыялы артыкулаў ведамасцей за 1910–1915 гг. (з моманту перанясення мошчаў з Кіева-Пячорскай лаўры ў полацкі жаночы манастыр св. Спаса і да «растоўскай» эвакуацыі святыні падчас Першай сусветнай вайны) раскрываюць поўную карціну мерапрыемстваў – да вышэйпералічанага (акрамя вынясення часціцы мошчаў, якая ў маі 1911 г. была перанесена ў віцебскі Свята-Мікольскі сабор) дапасоўваліся хрэсныя хады як з храмаў Полацкай епархіі, пакланенне і прыкладванне да мошчаў у сярэбранай рацы і інш.) [2, 4].

У хуткім часе пасля правядзення Свята-Еўфрасіннеўскіх урачыстасцей 1910 г. епіскап Серафім (Мешчаракоў) звярнуўся ў Св. Сінод з хадайніцтвам аб штогадовым перанясенні мошчаў полацкай ігуменні са Спаса-Праабражэнскай царквы ў «летні» Крыжа-Узвіжанскі сабор [2, с. 1139]. У 1912 г. прашэнне іерарха было задаволена. Мошчы знаходзіліся ў саборы з 22 мая да першай нядзелі пасля свята Пакрова Багародзіцы, які прыходзіцца на 14 кастрычніка [2, с. 1139]. На тэрыторыі Полацкай епархіі «восеньскае перанясенне» мошчаў прападобнай Еўфрасінні было амаль невядома. На наш погляд, вясеннія ўрачыстасці, якія ладзіліся ў дзень памяці полацкай ігуменні, у адрозненне ад восеньскіх прыцягвалі большую колькасць вернікаў па прычыне іх векавога ўсталявання ў народнай свядомасці, а не штучнага ўвядзення з боку епархіяльнага кіраўніцтва. Да таго факту можна далучыць і неспрыяльныя ўмовы восеньскага надвор'я: «многие богомольцы жалуются, что во время пути негде остановиться, негде переночевать» [4, с. 900].

Асаблівую цікавасць даследчыка маюць нарысы «ПЕВ» за перыяд з 1915 да 1917 г., якія былі прысвечаны шанаванню Еўфрасінні Полацкай падчас знаходжання яе мошчаў у Растове, бо сам «растоўскі» эвакуацыйны перыяд у гісторыі культу полацкай ігуменні з'яўляецца малавядомым і інфарматыўна бедным [17].

Другая па колькасці група артыкулаў прысвечана мошчам полацкай ігуменні і спецыфіке іх шанавання, што было адлюстравана ў форме і аздабленні надтруннага комплекса. Як вядома, мошчы спачыўшага падзвіжніка веры з'яўляюцца непасрэднай формай фарміравання яго культу. Месца захоўвання і аздабленне труны спачыўшага святога служыць своеасаблівым маркерам яго «папулярнасці» і ўзроўню шанавання. Так, на старонках выдання былі прадстаўлены артыкулы, прысвечаныя непасрэдна гісторыі і аздабленню месцаў захоўвання мошчаў Еўфрасінні Полацкай (кіпарысавая рака ў Кіева-Пячорскай лаўры, сярэбраны куфар для захоўвання часціцы мошчаў, сярэбраны саркафаг і аздобленая засень, уладкаваная над ім у Спаскім манастыры). Згодна нарысу У. Пціцына, які быў змешчаны ў «ПЕВ» [16] напярэдадні перанясення мошчаў Еўфрасінні Полацкай з Дальніх пячор Кіеўскай лаўры ў Спаса-Еўфрасіннеўскі манастыр, труна прападобнай ігуменні была выраблена з кіпарысу і пакрыта лакам. Аздабленне надтруннага комплекса не было цалкам сярэбраным. Па ўсёй даўжыні ракі была прыбіта сярэбраная дошка (107 × 22 см) з двума надпісамі па краях і трыма чаканнымі барэльефамі з выявамі перанясення мошчаў святой з Іерусаліма ў Кіеў [16, с. 817]. На левым баку дошкі быў змешчаны чаканены надпіс: «Приложил сию дщицу многоцелебныя святыя угодницы Божией, Евфросиньи, княжны Полоцкой, мощам, почивающим в Киево-Печерском монастыре. Михайла Ушаков. 1782 года» [16, с. 818]. Такім чынам, першы вядомы нам надтрунны комплекс, створаны над мошчамі Еўфрасінні Полацкай пасля іх пакладання ў Дальніх пячорах Кіеўскай лаўры, быў канчаткова сфарміраваны толькі напрыканцы XVIII ст. стараннямі нейкага Міхаіла Ушакова і ў такім выглядзе праіснаваў да мая 1910 г.

У нумарах «ПЕВ» таксама падрабязна выкладзена гісторыя і распісаны этапы хадайніцтваў епархіяльнага кіраўніцтва і вернікаў (1832 – 1870; снежань 1870 – май 1871; 1872 – 1910) аб перанясенні мошчаў Еўфрасінні Полацкай з Кіеўскай лаўры ў Полацкі жаночы манастыр [6; 20]. Шэраг публікацый ведамасцей за 1910–1912 гг. быў прысвечаны неаднаразовым фактам драбнення мошчаў Еўфрасінні, пасля іх пакладання ў Спаса-Еўфрасіннеўскім манастыры ў маі 1910 г. [8; 12; 18; 19]. Напрыклад, у 1912 г. епіскап Холмскі і Люблінскі Яўлогій (Георгіеўскі) хадайнічаў у Св. Сінод аб перадачы Турковіцкай жаночай абшчыне (з 1912 г. – Турковіцкі жаночы манастыр на

Холмшчыне, Украіна) часціцы мошчаў Еўфрасінні Полацкай для новазбудаванага храма ў імя полацкай ігуменні [12, с. 394]. Вядома, што да 1915 г. часціцы ад мошчаў прападобнай былі таксама аддзелены для праваслаўных храмаў Рыгі, Варшавы і Новачаркаска [19, с. 1056].

Трэцяе месца па колькасці артыкулаў можна аддаць тэматыцы аб узвядзенні, рэканструкцыі ці пераасвячэнні храмаў у імя Еўфрасінні Полацкай. У раздзеле «Епархіяльная хроніка» друкавалі зацемкі аб узвядзенні ці пераасвячэнні храмаў, сярод якіх сустракалася інфармацыя аб храмах, асвячоных у імя прападобнай полацкай князёўны, ігуменні Еўфрасінні (вёска Бабынічы Полацкага раёна, Сакалішча Расонскага раёна, Полацк і інш.). Сабраны матэрыял аб існаванні і асвячэнні Свята-Еўфрасіннеўскіх храмаў дазваляе зрабіць высновы аб межах тэрытарыяльнага распаўсюджвання культу Еўфрасінні Полацкай. Так, да 1917 г. шанаванне святой было трывала замацавана за Полацкай епархіяй (у межах сучаснай Віцебскай вобласці) па колькасці ўзведзеных там храмавых помнікаў у імя Еўфрасінні [5; 11].

Як правіла, адначасова з напісаннем жыція і службы ў памяць таго ці іншага святога стваралі ікону. Цуды ад мошчаў, іх нятленне, а таксама жыціе з'яўляліся пажаданай умовай для далучэння падзвіжніка веры да ліку святых. Распрацоўка іканаграфіі вобраза Еўфрасінні Полацкай непасрэдным чынам залежыла ад гэтых фактаў, а таксама тых гістарычных і выяўленчых матэрыялаў, якія захаваліся. Падчас аналізу матэрыялаў «ПЕВ» за весь перыяд існавання друкаванага органа не было знойдзена асобнага артыкула, прысвечанага іканаграфіі Еўфрасінні Полацкай, як і іншых праваслаўных святых. Аднак інфармацыя аб іконах і тыпах выявы святой ігуменні прысутнічае ў матэрыялах, прысвечаных гісторыі перанясення яе мошчаў з Кіева-Пячорскай лаўры, а таксама ў рэкламным блоку выдання (напрыклад, іконы Еўфрасінні для продажу і раздачы вернікам падчас святкавання дня яе памяці) [9]. Так, падчас Свята-Еўфрасіннеўскіх урачыстасцей 1910 г. ва ўсе храмы Полацкай епархіі былі дасланы іконы прападобнай Еўфрасінні (было даслана да чатырох тысяч іконных выяў святой на воблаку з шасціканцовым крыжом у руцэ, надрукаваных са старажытнай манастырскай іконы), а таксама брашуры са службай і акафістам святой з яе іканапіснай выявай, якія прызначаліся для бясплатнай раздачы паломнікам падчас свята [9, с. 266].

На сучасным этапе Еўфрасіння Полацкая стала ўспрымацца апякункай беларускага народа і жаночага манаства, бо прападобная прычынілася не толькі да развіцця хрысціянскай веры, праславіўшыся аскетычным жыццём, але садзейнічала развіццю духоўнай культуры і асветы. З моманту аднаўлення выдання «ПЕВ» у 1997 г. яго аўтарамі была працягнута традыцыя асвятлення хода падзей у гісторыі шанавання Еўфрасінні Полацкай, а таксама ўсіх атрыбутаў яе культу. Асаблівая ўвага рэдакцыі скіравана на асвятленні гісторыі Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра ў цэлым і Спаса-Праабражэнскай царквы і захавання яе фрэскавага роспісу – у прыватнасці, а таксама раскрыцці тэмы аднаўлення шасціканцовага Еўфрасіннеўскага крыжа 1161 г. і сярэбранага саркафага 1910 г. для захоўвання мошчаў святой ігуменні і інш. [14; 21].

Такім чынам, «ПЕВ» з'яўляюцца адной з галоўных крыніц па вывучэнню традыцыі шанавання Еўфрасінні Полацкай і распаўсюджванню яе культу з манастыра св. Спаса на тэрыторыю Полацкай епархіі і сучаснай Беларусі ў цэлым. Іншымі словамі – працэс скаладання і развіцця культу прападобнай Еўфрасінні будзе немагчымым і памылкова фрагментарным без далучэння да разгляду і аналізу матэрыялаў «ПЕВ» за весь перыяд іх дзейнасці (1874–1917), бо менавіта на старонках гэтага друкаванага органа можна прасачыць працэс пераўтварэння полацкай ігуменні ад мясцовай святой да агульнанацыянальнай патронкі Беларусі.

1. 5 июня в Полоцком Спасо-Евфросиниевском монастыре // Полоц. епарх. ведом. – 1877. – № 11. – С. 340.
2. Ежегодное перенесение мощей преподобной Евфросинии // Полоц. епарх. ведомости. – 1910. – № 51–52 – С. 1139.
3. Живов, В. М. Святость: Краткий словарь агиографических терминов. – М. : Гнозис, 1994. – 112 с.
4. Зайц, К. Осеннее торжество перенесения Св. Мощей Преподобной Евфросинии, Княжны Полоцкой / К. Зайц // Полоц. епарх. ведомости. – 1913. – № 43. – С. 897–901.
5. Закладка часовни // Полоц. епарх. ведомости. – 1909. – № 23. – С. 27.
6. К вопросу о перенесении св. мощей пр. Евфросинии княжны Полоцкой // Полоц. епарх. ведомости. – 1909. – № 10. – С. 180–181.
7. К предстоящему торжеству в г. Полоцке // Полоц. епарх. ведомости. – 1911. – № 41. – С. 892–900.
8. Маршрут перенесения частицы св. мощей преподобной Евфросинии княжны Полоцкой, из Невельского уезда чрез Городокский и Витебский уезды в г. Витебск // Полоц. епарх. ведомости. – 1911. – № 22. – С. 207–208.
9. Новые изображения лика Преподобной Евфросинии // Полоц. епарх. ведомости. – 1910. – № 10. – С. 266.
10. Околович, Н. Праздник преподобной Евфросинии в г. Полоцке 23 мая 1890 г. / Н. Околович // Полоц. епарх. ведомости. – 1890. – № 13. – С. 562–565.
11. Освящение Бобыничской церкви // Полоц. епарх. ведомости. – 1911. – № 8. – С. 168–170.

12. Отделение частицы св. мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой для Холмской епархии // Полоц. епарх. ведомости. – 1912. – № 20. – С. 394.
13. Петровский, П. Праздник преп. Евфросинии, 23 мая, в г. Полоцке / П. Петровский // Полоц. епарх. ведомости. – 1894. – № 13. – С. 575–577.
14. Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь (около 1128–1944) // Полоц. епарх. ведомости. – 1999. – № 7. – С. 1–2.
15. Празднование дня памяти Преподобной Евфросинии, Княжны Полоцкой, в г. Полоцке // Полоц. епарх. ведомости. – 1893. – № 12. – С. 521–526.
16. Птицын, В. Гробница преподобной княжны Полоцкой Евфросинии в Киево-Печерской лавре / В. Птицын // Полоц. епарх. ведомости. – 1909. – № 42. – С. 817–818.
17. Сабинин, Е. Празднование памяти Преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, в г. Ростове-Ярославском 23 мая 1916 г. / Е. Сабинин // Полоц. епарх. ведомости. – 1916. – № 25. – С. 344–347.
18. Торжество перенесения частицы св. мощей преподобной Евфросинии, Княжны Полоцкой, из г. Полоцка в Витебский кафедральный собор // Полоц. епарх. ведомости. – 1912. – № 17. – С. 311–313.
19. Уделение частиц св. мощей преп. Евфросинии княжны Полоцкой // Полоц. епарх. ведомости – 1911. – № 46. – С. 1056.
20. Х., С. Попытки к перенесению мощей преподобной Евфросинии княжны Полоцкой (церковно-ист. справка) / С. Х. // Полоц. епарх. ведом. – 1909. – № 15. – С. 237–239; № 16. – С. 259–261; № 17. – С. 278–283; № 18. – С. 284–293; № 19 – С. 309–314.
21. Чикильдин, Б. Мои впечатления при перенесении мощей Преподобной Евфросинии в г. Полоцке / Б. Чикильдин // Полоц. епарх. ведомости. – 1998. – № 7. – С. 3.

Рымко В.Г.

ЛІТОЎСКІЯ І ГРОДЗЕНСКІЯ ЕПАРХІЯЛЬНЫЯ ВЕДАМАСЦІ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XIX – ПАЧАТКУ XX ст. ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ЗАМОЙСКАГА САБОРА 1720 г.

Праваслаўныя даследчыкі другой паловы XIX – пачатку XX ст., якія займаліся гісторыяй грэка-каталіцкай царквы, шмат увагі надавалі Брэсцкаму царкоўнаму сабору 1596 г., вынікам якога стала ўзнікненне ўніяцтва на беларускіх землях. Аднак шмат матэрыялаў было прысвечана вывучэнню іншых ўніяцкіх царкоўных сабораў і асабліва Замойскага сабору 1720 г., які стаў лёсавызначальным у гісторыі грэка-каталіцтва. Часта такія даследаванні выходзілі не асобным выданнем, а друкаваліся на старонках афіцыйнага праваслаўнага выдання – «Епархиальные ведомости» – якое дзейнічала ў межах кожнай праваслаўнай епархіі Расійскай імперыі. У праватнасці працы, прысвечаныя гісторыі Замойскага сабора, былі надрукаваныя на старонках Літоўскіх (1863–1916) і Гродзенскіх (1901–1915) епархіяльных ведамасцей.

У «Литовских епархиальных ведомостях» за 1888 г. была змешчана праца І. Стральбіцкага [3], заснаваная на шырокім дакументальным і гістарыяграфічным матэрыяле. Па меркаванні аўтара, які вывучыў усе ўніяцкія саборы пасля 1596 г., асноўным для далейшага развіцця ўніяцтва стаў Замойскі сабор. Насуперак распаўсюджанаму меркаванню іншых праваслаўных гісторыкаў аб тым, што ўніяцкія мітрапаліты намагаліся супрацьстаяць лацінізацыі ўніі, І. Стральбіцкі ўсю заслугу барацьбы за чысціню ўніяцкай абраднасці і дагматыкі прыпісаў выключна беламу грэка-каталіцкаму святарству, якое «одно силилось еще оказать сопротивление гигантской силе латинизаторских стремлений и базилиан» [3, с. 215–216].

Гісторыя Замойскага сабора была прадстаўлена таксама на старонках «Гродненских епархиальных ведомостей» у працы С.К. Паўловіча [2], які называў яго «центральным пунктом истории западно-русской униатской церковной унии» [2, с. 284]. У нарысе паказаны стан уніяцкай царквы ў XVII ст., прааналізаваны прычыны і ўмовы, якія выклікалі Замойскі сабор, вывучаны змест і характар яго пастаноў, значэнне сабора і яго наступствы. У якасці палітычных і рэлігійных прычын, якія справакавалі ў свой час з'яўленне ўніяцства, С.К. Паўловіч называў узмацненне пасля 1569 г. каталіцкай прапаганды ў дзяржаве на чале з ордэнам езуітаў; жаданне папскага прастола распаўсюдзіць свой уплыў не толькі на беларускія і ўкраінскія землі, але і ў Маскоўскай дзяржаве; крызіс праваслаўнай царквы ў XVI ст. [2, с. 287]. Калі напачатку свайго існавання ўніяцкая царква захоўвала праваслаўную абраднасць і дагматыку, была адносна незалежнай ад папы, які толькі зацвярджаў кандыдатуру мітрапаліта, то ў далейшым можна было бачыць, як кацталіцкія парадкі закрадаліся ў розныя сферы яе жыцця. Асаблівая ўвага ў сувязі з гэтым надавалася ролі базіліянскага ордэна ў лацінізацыі ўніі, які, «скроенный по образцу католических монашеских орденов, являлся вполне латинским учреждением, глубоко пропитался латинским духом и проникся уважением и преданностью Риму» [2, с. 302]. Да XVIII ст., як пазначаў аўтар, уніяцкая царква ўвайшла ў стан крызісу. Рым і вышэйшая каталіцкая іерархія Рэчы Паспалітай лічылі яе поўнасцю адслужыўшай сваю службу па адцягненню насельніцтва беларускіх і ўкраінскіх земляў ад праваслаўя і ўжо гатовай да поўнага зліцця з каталіцтвам. На пачатку XVIII ст. адзначаліся бяскарныя наезды каталіцкай шляхты на ўніяцкія храмы і мана-

стыры, прыгнёт уніцкага святарства, адчужэнне царкоўнай і манастырскай маёмасці, адным словам, унія стала веравызнаннем «низшаго разбора, не более как «хлопской» верой» [2, с. 330]. Усё больш частымі да гэтага часу сталі пераходы ўніятаў у каталіцтва, узрасла роля папы ў кіраванні ўніяцкай царквой, а значэнне мітрапалітаў і епіскапаў адпаведна скарацілася.

Уніяты не маглі не заўважаць крызіса ў сваёй царкве, у сувязі з чым утварылася «особая партия православно-униатская из белаго духовенства, немногих высших ун. иерархов и некоторых из базилиан» [2, с. 352], якая імкнулася адстаяць незалежнасць уніяцкай царквы. Аўтар не пагаджаўся з меркаваннем М. Каяловіча, што барацьба мітрпапаліта Л. Кішкі і базіліянскага ордэна была «семейной, домашней враждой», імкненнем мітрапалітаў «удержать за собой протоархимандритство, а со стороны епископов – овладеть богатыми монастырями» [2, с. 353]. Наадварот, С. Паўловіч бачыў у гэтай барацьбе імкненнне іерархаў адстаяць самастойнасць сваёй царквы. Побач з дзейнасцю так званай уніяцка-праваслаўнай партыі, аўтар вылучыў наяўнасць варожай ёй каталіцкай партыі. Менавіта гэтыя дзве партыі ініцыявалі Замойскі сабор.

Акрамя таго, існавала яшчэ шмат іншых аб'ектыўных прычын для склікання сабора: зняважлівы стан белага святарства, прыўнёсак ва ўніяцтва мноства каталіцкіх элементаў, узмацненне ордэна базіліян. Таксама «уния на своей стороне не имела ни предания, ни ясно очерченнаго самостоятельнаго учения, а потому естественно приводила к смешению в догматах и обрядах и позволяла каждому в делах веры поступать так, как ему вздумается» [2, с. 379].

Галоўным натхняльнікам і арганізатарам сабора з'яўляўся ўніяцкі мітрапаліт Леў Кішка. Па словах аўтара, ён быў «типичнейшим выразителем того разлада и раздвоения, какое лежит в самом существе унии» [2, с. 386], маючы на ўвазе, што калі Л. Кішка быў протаархімандрытам базіліянскага ордэна, то абараняў базіліянскую палітыку, а як толькі стаў мітрапалітам, то пераўтварыўся ў непрымірымага ворага уніяцкага манаства.

Цікавымі з'яўляюцца здагадкі аўтара адносна переносу даты сабора з 1716 г. на 1720 г. У якасці прычын ім пазначаны ўваход у межы Рэчы Паспалітай саксонскіх войскаў і канфедэрацыя 1716 г. Акрамя таго, першапачаткова сабор планавалася правесці ў Львове, дзе праваслаўныя традыцыі былі адносна моцнымі, дзейнічала Львоўскае праваслаўнае брацтва, унія толькі нядаўна была ўведзена і не паспела пусціць каранёў так глыбока, як у іншых рэгіёнах краіны. Аднак каталікі і базіліяне хутка ацанілі гэтую сітуацыю і, спасылаючыся на «моровое поветрие», перанеслі сабор на тэрыторыю Польшчы, у Замосце, дзе іх падтрымлівалі польскія войскі і каталіцкае асяроддзе.

С. Паўловіч разгледзіў прывітальную прамову папскага нунцыя і намесніка сабора І. Грымальдзі, адзначыўшы, што яна ўяўляла сабой «образец чисто иезуитского творчества и была проникнута духом обличения униатской иерархии и порядков униатской церкви» [2, с. 399]. Уніяцкія іерархі, якія прысутнічалі на саборы, апроч свайго жадання вымушаны былі пагадзіцца з пастановамі сабора, так як не жадалі парываць добрых адносін з Рымам. Усе планы мітрапаліта Л. Кішкі і яго партыі праваліліся, а менавіта стварэнне другой базіліянскай кангрэгацыі, падпарадкаванай мітрапаліту, і заснаванне семінарыі для белага ўніяцкага святарства. Адзіным станоўчым момантам стала рашэнне сабора ўніфікаваць правілы і нормы, а таксама заканадаўства ва ўніяцкай царкве. Падрабязна прааналізаваны ў рабоце пастановы Замойскага сабора, якія аўтар класіфікаваў па 4 накірунках: 1) дагматычныя, 2) царкоўна-абрадавыя, 3) царкоўна-адміністратыўныя, 4) дысцыпалінарна-практычныя [2, с. 423]. З гэтых матэрыялаў бачна, наколькі была алацінена ўніяцкая царква яшчэ да сабора, які не толькі дадаў новыя каталіцкія традыцыі ва ўніяцкую царкву, але і замацаваў шматлікія з тых, якія ўжо існавалі ў ёй. Адзінае, чаго не дамагліся каталікі ад уніяцкага святарства, гэта ўвядзення цэлібату.

Вялікую цікавасць выклікае апублікаваны ў «Гродненских епархиальных ведомостях» артыкул архімандрыта Микалая [1], у якім аўтар выступіў з крытыкай у адносінах шматлікіх сцвярджэнняў С. Паўловіча, у прыватнасці, адносна ордэна базіліян. Па-першае, ён абвергнуў магчымасць існавання так званай «униатско-православной» партыі і, па-другое, прывёў шмат фактаў у апраўданне базіліянаў, заснаваных на супярэчнасцях у даследаванні С. Паўловіча.

Гісторыі Замойскага сабора прысвечана і праца Г. Хрусцэвіча [4]. Даследаванне прысвечана такім пытанням, як увядзенне ўніі і фарміраванне базіліянскага ордэна, як галоўнага ўдзельніка Замойскага сабору, справакаваўшага прыняцце рашэнняў, неабходных каталіцкаму боку. Дзякуючы апецы езуітаў, базіліяне самі «изменили весьма многое в обрядах св. восточной церкви и в совершении божественной литургии, заменивши по одному лишь своему произволу многое греческое чисто латинским, и до того перепутали все, что нынешние обряды невозможно на-

звать ни греческими, ни латинскими» [4, с. 30]. Заняўшы першасныя пазіцыі ва ўніяцкай царкве, базіліяне імкнуліся кіраваць ёю, пакуль тая «окончательно сольется с церковью римской» [4, с. 92]. Адмоўнай рысай было і тое, што каталіцкі клір часта дапамагаў у царкоўных справах і службах уніяцкаму, што спрыяла акаталічванню прыхажан, асабліва падчас споведзі. Уніяцкія цэрквы «в Литовско-польском государстве, ко времени Замойскаго собора, значительно обветшали, обеднели, опустели и высматривали хуже еврейских синагог» [4, с. 171]. Народ стаў паглядаць у бок багатых і велічных каталіцкіх касцёлаў з пышнымі набажэнствамі, у якіх часта ўдзельнічаў іх святар-уніят, спадзеючыся што-небудзь зарабіць, дапамагаючы ксянзу [4, с. 172].

Акрамя «униатско-православной» і каталіцкай партый Г. Хрусцэвіч вылучаў яшчэ існаванне базіліянскай партыі, якая на саборы адстойвала свае ўласныя інтарэсы.

Трэцяя глава работы прысвечана разгледжанню стана праваслаўный царквы ў Рэчы паспалітай напярэдадні Замойскага сабора. Пададзена поўная карціна таго, на што ішлі каталікі для дасягнення сваіх мэтаў па пераводзе праваслаўных спачатку ў унію, а затым і ў каталіцтва. Апісаны сродкі дзяржаўнага і заканадаўчага ціску на праваслаўных. Адной з галоўных задач для правядзення сабору ў каталікоў і базіліян, па меркаванню аўтара, «было желание устроить опять нечто вроде Люблинскаго съезда, с тем, однако, различием, что на нем имелось ввиду уже не объединение православных с униатами, а объединение униатской церкви с церковью латинской, приведение так сказать унии к последней ея цели» [4, с. 214].

Белае ўніяцкае святарства было на саборы нешматлікім і ў асноўным складалася са святароў буйных гарадскіх прыходаў, якія не разумелі патрэб сваіх субратоў з вёсак [4, с. 271]. Аднак, убачыўшы, у якім напрамку вядуцца абмеркаванні саборных пытанняў, усё белае святарства пакінула сабор, не падпісаўшыся пад яго рашэннямі [4, с. 272]. Аўтарскае меркаванне адносна карысці абрадных і дысцыплінарных пастаноў гучыць наступным чынам: «постановления обрядовыя, сделанныя на Замойском соборе, принеся ун. церкви некоторую долю пользы, принесли ей однако гораздо больше вреда» [4, с. 329]. Для праваслаўных надыйшоў перыяд новых пераследаў, так як сабор прыняў рашэнне, што адзінай законнай царквой усходняга абраду ў краіне з'яўлялася ўніяцтва і неабходна было зрабіць уніятамі ўсіх праваслаўных, а таксама іх цэрквы і манастыры. Шляхта, каталікі і ўніяты «нападали на православные церкви и дома православных священников, грабили их, заставляли самыми насильственными мерами принимать унию, прогоняли из подвластных им церквей православных священников, замещая их униатскими, налагали на православных тяжелые повинности, лишали их имений, духовенство и православную веру подвергали поруганиям» [4, с. 368].

Падводзячы вынікі гісторыі Замойскага сабору, Г. Хрусцэвіч прыйшоў да высновы, што дадзены сабор прынёс толькі шкоду ў жыццё ўніяцкай царквы, так як «сделалось обязательным все то, что было принято в виде тайных обязательств в Риме Ипатием Потеем и Кириллом Терлецким, все то, что было введено в духе той же церкви самим Замойским собором» [4, с. 389]. Але самым адмоўным вынікам было тое, што пастановы собору «давали полнейшую свободу латинизаторской деятельности тех лиц из среды униатов, которыя усердно преобразовали униатскую церковь в духе церкви римской, истребляя последние остатки в ней православия» [4, с. 389].

Такім чынам, на старонках Літоўскіх і Гродзенскіх епархіяльных ведамасцей ёсць грунтоўныя даследчыцкія працы, якія разглядалі правядзенне лёсавызначальнага для ўніяцтва Замойскага сабора, яго перадумовы, прычыны і наступствы. Епархіяльныя ведамасці можна выкарыстоўваць як адну з гістарыяграфічных крыніц па гісторыі ўніяцтва і па гісторыі Замойскага сабору ў прыватнасці.

1. Николай, архимандрит Заметка на статью Опыт истории Замойскаго униатскаго провинциальнаго собора 1720 г. С. К. Павловича / архимандрит Николай // Гродненские епархиальные ведомости. – 1904. – № 11. – С. 310–319.

2. Павлович, С. К. Опыт истории Замойскаго униатскаго провинциальнаго собора (1720 г.) / С. К. Павлович // Гродненские епархиальные ведомости. – 1903. – № 26. – С. 284–288; № 27-28. – С. 300–303; № 29-30. – С. 311–314; № 31. – С. 322–324; № 32. – С. 329–332; № 34. – С. 351–355; № 36. – С. 371–376; № 37.

3. Стрельбицкий, И. Униатские церковные соборы с конца XVI в. до возсоединения униатов с православной церковью / И. Стрельбицкий // Литовские епархиальные ведомости. – 1888. – № 6. – С. 43–46; № 8. – С. 58–60; № 11. – С. 86–88; № 12. – С. 92–94; № 13. – С. 98–102; № 14. – С. 107–109; № 15. – С. 117–120; № 16. – С. 124–125; № 23. – С. 187–190; № 24. – С. 198–202; № 25. – С. 206–210; № 26-27. – С. 215–216; № 28. – С. 232–236; № 29. – С. 242–244; № 30. – С. 260; № 32. – С. 275–276; № 35. – С. 301–304; № 36. – С. 307–308; № 37. – С. 316–319; № 39. – С. 330–331; № 40. – С. 339–341.

4. Хрусцевич, Г. История Замойскаго собора (1720 года) / Г. Хрусцевич // Литовские епархиальные ведомости. – 1880. – № 3. – С. 18–21; № 4. – С. 27–30; № 5. – С. 34–39; № 8. – С. 62–65; № 11. – С. 91–95; № 13. – С. 106–110; № 14. – С. 117–120; № 19. – С. 157–160; № 20. – С. 163–165; № 21. – С. 171–173; № 25. – С. 202–206; № 26. – С. 211–215; № 30. – С. 249–251; № 31. – С. 259–265; № 32. – С. 270–276; № 33. – С. 283–285; № 37. – С. 317–318; № 38. – С. 326–332; № 40. – С. 342–344; № 41. – С. 352–355; № 43. – С. 368–373; № 44. – С. 378–380; № 45. – С. 388–390.

Шандра И.А.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНЫХ ГУБЕРНИЙ)

Представительные организации промышленников и предпринимателей массово возникают во второй половине XIX – начале XX в. как результат стремительных социально-экономических трансформаций в Российской империи. Торгово-промышленные слои прибегали к созданию представительных организаций (съезды, совещательные конторы, общества и т.п.) с главнейшей целью защищать интересы своих членов в правительственных органах. Для реализации этой задачи представительные организации имели разветвленную внутреннюю структуру со множеством отделов и комиссий. Они стремились популяризовать постулат о важнейшем значении промышленности и торговли как фактора, обеспечивающего экономическое могущество государства и стабильность политического строя. Прибегая к одному из классических способов достижения этой цели – выпуску собственных периодических изданий – представительные объединения обосновывали прямую зависимость между развитием экономики и авторитетом государства на международной арене.

Периодические издания частных представительных организаций предпринимателей являются уникальным историческим источником, в котором была представлена точка зрения торгово-финансовой, промышленной и сельскохозяйственной буржуазии. В 1911 г. в Российской империи издавалось 114 торгово-промышленных периодических изданий [15, с. 14] (из них около 10 – представительных организаций). Общеизвестными становятся такие издания предпринимательских корпораций, как: «Горно-заводское дело» (Съезды горнопромышленников Юга России), «Przeglad Gornieczo-Hutnieczy» (Съезды горнопромышленников Царства Польского), «Нефтяное дело» (Съезды бакинских нефтепромышленников), «Промышленность и торговля» (Всероссийские съезды представителей промышленности и торговли) и др. [1, с. 207]. Издательская деятельность частных союзов предпринимателей являлась важной составляющей в общем спектре направлений их деятельности. На общих съездах предпринимателей определялись стратегия и тактика изданий, исполнительные органы представительных структур осуществляли непосредственное руководство их работой.

Первым специализированным изданием представительной организации частного типа стал журнал, издаваемый Съездами горнопромышленников Юга России (г. Харьков). С момента своего основания в 1880 г. журнал выходил под названием «Южно-русский горный листок» как частное издание М.И. Яшевского, с 1888 г. – как официальное под редакцией начальника Горного управления Южной России С.Н. Сучкова. Изменив свое название на «Горно-заводской листок», а позднее – на «Горно-заводское дело» журнал стал официальным печатным органом Совета Съездов горнопромышленников Юга России (1903–1919 гг.).

В редакционной статье первого номера подчеркивалось, что «в истинных потребностях горного дела на Юге России мы можем убедить и правительство, и общество только с помощью прессы» [8, с. 2]. Из бюджета Съездов горнопромышленников Юга России на развитие журнала ежегодно выделялось 3 тыс. руб. [9, с. 35]. Редактором «Горно-заводского дела» с 1906 г. стал председатель Совета Съездов, горный инженер Н.Ф. фон Дитмар. Тематика журнала реализовывалась в рубриках «Авторские статьи», «Правительственные и административные распоряжения», «Хроника Совета Съездов горнопромышленников Юга России», «Горная и горнозаводская промышленность Юга», «Обзор финансовой и экономической жизни», «Обзор иностранных рынков», «Объявления» и др. Публикации на страницах издания решений и материалов работы съездов предпринимателей были текущим отчетом представительной организации перед общественностью.

Журнал выходил тиражом 500 экземпляров два раза в месяц, с 1903 г. – еженедельно [11, л. 4]. На 1912 г. количество экземпляров журнала достигло 1,5 тыс., а расходы на его содержание составляли более 24 тыс. руб. ежегодно [1, с. 207]. С 1908 г. номера «Горно-заводского дела» бесплатно рассылались всем горным и горнозаводским предприятиям Южного экономического района, членам Государственной думы и Государственного совета, правительственным и общественным учреждениям. Таким способом распространялась информация о развитии промышленности в регионе, популяризировались его достижения и значение в общегосударствен-

ном экономическом развитии. Подчеркивая существенное влияние журнала на формирование общественного мнения в стране, исследователи называли его настоящим «лейб-органом тяжелой индустрии» [14, с. 154].

Журнал «Торгово-промышленный юг» (1911–1916 гг.) сразу издавался как орган Совета Съездов представителей промышленности и торговли Юга России (г. Одесса), выходил дважды в месяц; главный редактор – товарищ председателя Совета Съездов С.И. Соколовский. Подчеркивая региональный характер журнала, издатели определяли его целью правильное отражение торгово-промышленной жизни Юга России, «придавая значение отдельным черточкам и отдельным тонам, подчас ускользающим от внимания тех, которые не живут общей с читателями жизнью» [12, с. 15]. Редакция журнала стремилась к укреплению самосознания существующих торгово-промышленных организаций, что отразилось и на структуре издания – каждый номер имел обширные рубрики «Хроника наших съездов» и «Деятельность торгово-промышленных организаций». Характерные особенности экономического развития региона звучали в главных темах издания: экспортные операции, межгосударственные торговые договоры, надлежащее обустройство портов и гаваней.

Интересы агропромышленного комплекса были представлены на страницах «Вестника сахарной промышленности» – еженедельной киевской газеты Всероссийского общества сахарозаводчиков (1900–1917 гг.). Каждый номер содержал отчет Правления Всероссийского общества сахарозаводчиков, правительственные распоряжения относительно свеклосахарной промышленности, статьи, раскрывающие особенности сахарного производства, технические новшества в отрасли, обзор иностранной литературы и новостей, метеорологическую информацию, анализ сахарных рынков и т.п. В 1904 г. в нескольких номерах газеты печаталась фундаментальная работа М.Ю. Цехановского «Исторический обзор свеклосахарной промышленности» (Вестник сахарной промышленности, № 21–35). На страницах газеты получили освещение и вопросы европейских представительных организаций предпринимателей – был опубликован отчет союза германских сахаропромышленников (1905, №№ 26, 27), центрального союза свеклосахарной промышленности Австро-Венгрии (1908, № 31), аналитическая статья о союзах работодателей в сахарной промышленности (1907, №№ 1, 2) и другие подобные материалы.

Представительные организации сельских хозяев также имели свои периодические органы. На 1912 г. в целом по стране издавалось свыше 150 специальных сельскохозяйственных журналов и газет [4, с. 1195]. В зависимости от территории деятельности сельскохозяйственных обществ можно выделить региональные и местные издания. К последним относились «Вестник Сумского общества сельского хозяйства», «Вестник Хорольского общества сельского хозяйства», «Нежинец» (издание Нежинского сельскохозяйственного общества) и др.

Более широкий круг читателей имело «Земледелие» – еженедельный иллюстрированный журнал Киевского общества сельского хозяйства; стоимость годовой подписки составляла 5 руб.; с 1884 г. первым редактором-издателем журнала являлся С.Г. Севастьянов, а с 1887 г. – приват-доцент Университета Св. Владимира С.М. Богданов [2, с. 35]. Ежегодная субсидия Общества на издание журнала составляла 600 руб. [3, с. 222]. Журнал содержал аналитические статьи по основным сельскохозяйственным вопросам, оригинальные и переводные статьи по различным отраслям сельского хозяйства, отчеты о деятельности Киевского общества сельского хозяйства, отчеты опытных полей Общества, новости сельскохозяйственной литературы, обзор российских и польских сельскохозяйственных журналов, кроме того – рубрики «Хроника», «Мелочи», «Вопросы и ответы», «Отчеты о состоянии погоды». «Объявления» приносили изданию существенный доход, а годовые подписчики имели право на бесплатное объявление о продаже сельскохозяйственных продуктов два раза в год (перед озимыми и яровыми посевами). С целью распространения среди подписчиков новых семян сельскохозяйственных культур, вместе с номерами журналов рассылались семенные пробники [5, с. 598]. Научные и аналитические статьи «Земледелия» по достоинству были оценены и сельскими хозяевами, и солидными специализированными журналами («Земледельческая газета», «Сельское хозяйство и лесоводство» и др.), которые цитировали и перепечатывали эти материалы [6, с. 74].

В Полтавской губернии отмечалось самое большое количество сельскохозяйственных обществ, что отразилось и на количестве сельскохозяйственных изданий. Особое место среди местных журналов занимал «Хуторянин» – еженедельное издание Полтавского общества сельского хозяйства (1896 – 1918 гг.). Редакторами издания были Д.К. Квитка, П.П. Ганько, проф.

А.П. Шимков. Тираж журнала составлял до 12 тыс. экз. [13, с. 22]; подписная стоимость на год – 2 руб. Газета ставила своей целью распространять в общедоступной форме сельскохозяйственные знания применительно к потребностям сельских хозяев Полтавской и соседних с нею губерний, способствовать взаимному общению сельских хозяев и сельскохозяйственных обществ Полтавской губернии, предоставлять своим читателям своевременную информацию о правительственных мероприятиях, деятельности земств и сельскохозяйственных обществ в области народного хозяйства. Особую заботу издания составляли дешевизна газеты и общедоступность изложения. С 1898 г. департаментом народного просвещения «Хуторянин» был допущен в бесплатные народные библиотеки и читальни [10, с. 329]; в 1902 г. газета пополнила библиотеки сельскохозяйственных учебных заведений министерства земледелия [7, с. 318].

В целом периодические издания представительных союзов предпринимателей объединяли в себе характерные черты либеральной прессы и особенности интересов торгово-промышленных кругов. Издательская деятельность корпораций предпринимателей, кроме информационного, научного и культурного значения, была весомым инструментом влияния на государственную экономическую политику, средством реализации представительных функций общественных объединений, методом популяризации их взглядов среди широких слоев общества. Само наличие или отсутствие периодических изданий было показателем уровня организованности предпринимателей.

Комплексное изучение материалов периодических изданий представительных организаций второй половины XIX – начала XX вв. позволяет проследить отличия в оценках предпринимателями, правительством и общественностью основных явлений и процессов периода рыночных трансформаций. Журналы представительных союзов предпринимателей являются одним из главных источников по истории самих этих объединений. Многочисленные материалы, опубликованные в них, являются необходимой составляющей воссоздания целостной исторической картины тех времен.

1. Гушка, А. О. Представительные организации торгово-промышленного класса в России / А. О. Гушка // Записки Императорского русского технического общества. – 1912. – № 6–7. – С. 203–226.
2. Деятельность Киевского общества сельского хозяйства // Земледелие. – 1888. – № 3. – С. 34–36.
3. Деятельность Киевского общества сельского хозяйства // Земледелие. – 1891. – № 27. – С. 222.
4. Из сельскохозяйственной печати // Хуторянин. – 1912. – № 49. – С. 1195–1196.
5. От редакции // Земледелие. – 1888. – № 3. – С. 597–598.
6. От редакции // Земледелие. – 1888. – № 6. – С. 73–74.
7. От редакции // Хуторянин. – 1902. – № 17. – С. 318.
8. От редакции // Южно-русский горный листок. – 1880. – № 1. – С. 1–2.
9. Труды X съезда горнопромышленников юга России, бывшего в городе Харькове с 20-го ноября по 8-е декабря 1885 г. – Ч. 1. Доклады. – Харьков : Типография Каплана и Бирюкова, 1886. – [разд. паг.].
10. Хроника // Хуторянин. – 1898. – № 20. – С. 329–330.
11. Центральний державний історичний архів України, м. Київ. – Ф. 1680. Оп. 1. Спр. 25.
12. Цели и задачи нашего журнала // Торгово-промышленный юг. – 1911. – № 1. – С. 2–16.
13. Черепахов, М. С. Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917) : справочник / М. С. Черепахов, Е. М. Фингерит. – М. : Госполитиздат, 1957. – 351 с.
14. Черменский, Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. / Е. Д. Черменский. – М., Л. : Государственное социально-экономическое издательство, 1939. – 376 с.
15. Шобер, Ф. Наша торгово-промышленная печать / Ф. Шобер // Промышленность и торговля. – 1911. – № 1. – С. 14–17.

Мяньчэня С.В.

КАРЭСПАНДЭНЦЫЯ І ДАНЯСЕННІ ЧЛЕНАЎ ПАПЯЧЫЦЕЛЬСТВАЎ АБ НАРОДНАЙ ЦВЯРОЗАСЦІ ЯК КРЫНІЦЫ ПА ВЫВУЧЭННІ КУЛЬТУРЫ СПАЖЫВАННЯ АЛКАГОЛЮ Ў БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

Культура спажывання алкагольных напояў уяўляе сабой традыцыі і звязаныя з імі рытуалы і дзеянні спажывання алкагольных напояў. Дадзеная праблематыка мае важнае значэнне для вывучэння паўсядзённага жыцця грамадства. З 1897 г. у беларускіх губернях была ўведзена дзяржаўная “вінная” манаполія – улады ўзялі пад свой кантроль выраб і продаж моцных спіртных напояў. Забараняўся продаж гарэлкі ў крэдыт, абмяжоўваўся час продажу, ліквідоўваліся корчмы. Планавалася, што гэта дазволіць скараціць спажыванне алкаголя і прымусіць аматараў піць дома пад наглядам сям’і. Для нагляду за правядзе ннем рэформы і абмежавання насельніцтва ад празмернага спажывання алкаголя ствараліся камітэты папячыцельства аб народнай цвярозасці. Дакументы папячыцельстваў даюць магчымасць прасачыць, як

змянілася культура і памеры спажывання алкаголя, а таксама стаўленне розных слаёў грамадства да гэтых мерапрыемстваў.

З пачаткам рэформы да папячыцельстваў звярнулася рэдакцыя часопіса “Вестник Финансов, Промышленности и Торговли”, які выдаваўся Міністэрствам фінансаў. Членам папячыцельстваў прапаноўвалася рэгулярна дасылаць свае назіранні па наступных пытаннях: адносіны насельніцтва да рэформы (ці сустракаецца супрацьдзеянне); памеры і формы спажывання “казённага віна”; ці замяняецца непамернае і беспадаркавае спажыванне рэгулярнай і упарадкаванай пакупкай; якасць алкаголя і г.д. [2, спр. 15, арк. 20]. Карэспандэнцыя друкавалася ў раздзеле “З раёнаў віннай манаполіі” ананімна, але з пазначэннем населенага пункта і губерні. Карэспандэнцыя дасылалася з розных куткоў імперыі, што дае магчымасць параўнаць традыцыі і паводзіны жыхароў розных рэгіёнаў. Яшчэ адной крыніцай інфармацыі па культуры спажывання алкаголя выступаюць данясенні і справаздачы членаў папячыцельстваў у павятовыя і губернскія камітэты.

Карэспандэнцыя з розных куткоў Беларусі адрознівалася толькі ў асобных выпадках пры вызначэнні вынікаў рэформы. З Брагіна паведмлялі, што “п’янства адчувальна зменшылася”, з Ігумена – “спажыванне віна не скарацілася, але знізілася злачыннасць”, з Рэчыцы – “п’янства не скарацілася, бо адлегласць паміж кропкамі продажу зменшылася” [3, спр. 2, арк. 40, 46]. Але ў пераважнай большасці адзначаюцца факты росту вулічнага п’янства, што было выклікана ліквідацыяй корчмаў і арганізацыяй продажу гарэлкі на вынас. Данясенне члена Магілёўскага павятовага камітэта: “Насельніцтва да рэформы адносіцца па-рознаму: адныя кажуць, што і гарэлка лепей, і падману па грошах няма, а іншыя, што гатовы і залішнюю капейку заплаціць, але каб ў цяпле выпіць, ды пры месцы, ў краме не дазваляюць, а на вуліцах гарадавыя разганяюць – і выпіць прыстойнаму чалавеку няма дзе …Яшчэ загадзя да адкрыцця крамы натоўп збіраецца каля дзвярэй і чакае моманта, калі можна будзе па іх выразу “прычасціцца” [3, арк. 15 ад]. “Культурнае” спажыванне – дома з закускай, не распаўсюджвалася, наадрарот п’янства выйшла з корчмаў на вуліцу і стала даступным, а тым больш бачным для большасці слаёў насельніцтва.

Тым не менш былі і пазітыўныя моманты. Характарызуючы ранейшыя звычкі рэспандэнт з сяла Вялікі Рожын Мінскай губерні адзначае існаваўшую ў XIX ст. традыцыю “піць на чорнага вала”: “прыйдзе палешук у карчму, пачне піць і не выйдзе пакуль не прап’е адзін ці з кумам вала” [3, спр. 2, арк. 45]. Новая сістэма продажу забараняла продаж віна не за грашовыя сродкі і ў крэдыт і не дазваляла разгарнуцца да такога памеру.

Сярод дакументаў папячыцельстваў аб народнай цвярозасці можна знайсці і апісанне культуры піція суседзяў беларусаў. Загадчык чайной у мястэчку Крэйцбург Двінскага павета Віцебскай губерні (сёння тэрыторыя Латвіі) участковы папячыцель прыстаў П’янкоў ў лютым 1898 г. накіраваў у губернскі камітэт ліст са сваімі назіраннямі і прапановамі. Тут ён дае параўнальную характарыстыку звычкам латышоў і беларусаў. П'янкоў адзначае заможнасць і адукаванасць латышскага насельніцтва, высокі ўзровень культуры нават сярод сялян, але разам з тым звяртае ўвагу на большую іх схільнасць да спажывання спіртных напояў “латыш запар і побач п'е спірт і п'е яго ў такой колькасці, што нашаму б беларусу ад 1/10 гэтай колькасці не падняцца б на ногі. Латыш не п'е сівухі, гарэлку ён любіць з прытраўкай, ён вельмі любіць каньяк”. Яшчэ адной заганай латышскага насельніцтва аўтар называе спажыванне эфіру [2, спр. 13, арк. 32 адв.].

Асобна трэба адзначыць інфармацыю, якая датычыцца яўрэйскага насельніцтва. Пад уплывам некаторых фактараў рэлігійнага і сацыяльнага характару яўрэі амаль не спажывалі гарэлкі самі, але да ўвядзення манаполіі з’яўляліся карчмарамі. Такая сітуацыя ў пэўнай ступені спрыяла фарміраванню дзяржаўнага і пабытовага антысемітызму. Новая сістэма вызначала сваё стаўленне да яўрэйскага насельніцтва словамі аднаго з кіраўнікоў павятовага камітэта Віцебскай губерні: “галоўнае зло заключаецца не столькі ў злоўжыванні спіртнымі напоямі з боку насельніцтва, колькі ад піцейных устаноў прынятага тыпу з яго габрэем-сядзельцам або карчмаром, мэта якога заключаецца ў зпаіванні наведвальніка да самазабыцця” [2, арк. 2].

Участковы папячыцель з мястэчка Івянец Мінскай губерніі паведамляў: “кожным яўрэем-домаўладальнікам купляецца ў казённай краме вялікая колькасць гарэлкі, якая ў кожную пару дня і ночы прадаецца імі. Усё гэта робіцца беспакарана, так што яўрэі, што гандлююць гарэлкай кажуць, што ім у дні Саламона не было так добра, як ў наш час” [1, арк. 18]. Сяляне з мястэчка Круглае Магілёўскага павета ў лісце да губернатара ў сакавіку 1906 г. прасілі мясцовую чайную бо “пазбавіць нас чайной значыць пазбавіць духоўнай ежы і света і аддаць у яўрэйскія рукі.. Зноў будзем шукаць прытулку ў яўрэйскіх прытонах, дзе нас будуць абдзіраць і падман-

ваць” [3, спр. 4, арк. 17]. Такім чынам бачна, што незадаволенасць яўрэйскім насельніцтвам у плане пытання распаўсюджвання алкаголя датычылася як прадстаўнікоў дзяржаўных устаноў, так і мясцовай інтэлігенцыі і сялян.

Дзяржаўная манаполія выклікала і рост самагонаварэння, пры чым не заўсёды з бяспечных складаючых. Згодна з данясеннем у Дзвінскі камітэт: “некаторыя грамадзяне, у асноўным з яўрэйскага насельніцтва, наладзілі выраб таннай гарэлкі з палітуры і лаку, яны аб'язджалі наваколлі ў пошуках кліентаў і па папярэдняй змове на месцы арганізоўвалі патаемную вытворчасць” [2, спр. 35, арк. 37 адв.]. Карэспандэнт з мястэчку Свіслач Мінскай губерні адзначае, што “на месцах арганізаваны і прыватны выраб гарэлкі, але вінаватых не знайшлі, толькі апараты” [3, спр. 2, арк. 46].

Яшчэ адной новай з’явай становіцца змешванне алкагольных напояў, з мэтай хутчэйшага і мацнейшага ап’янення. Згаданы вышэй карэспандэнт з в. Вялікі Рожын паведамляе: “вяселлі ў сялян спажывалі 10–12 вёдзер сівухі *(1 вядро – 12,3 л – М.С.)*, зараз - 2-3 вядра, астатняе замяняюць пакупнымі мядамі, якія змешваюць з гарэлкай, каб хутчэй давала ў галаву” [3, спр. 2, арк. 45]. У Люцынскім павеце Віцебскай губерні мясцовыя жыхары “да ўвядзення манаполіі варылі піва для ўласнага спажывання ў святочныя дні, а зараз назіраецца паўсядзённае спажыванне піва, якое варыцца моцным і адурманьваючым каб замяніць казённае віно” [2, арк. 81].

Цікавая інфармацыя датычыцца нелегальнага продажу алкаголя і ўзаемаадносін паміж пакупнікамі і прадаўцамі. Члены папячыцельстваў аб народнай цвярозасці былі зацікаўлены ў выяўленні такіх выпадкаў не толькі з-за мэтаў сваёй дзейнасці, але і з-за фінансавага пытання, бо штрафы з парушальнікаў ішлі на іх карысць. Аднак негледзячы на рост нелегальнага продажу затрымаць прадаўцоў было дастаткова цяжка, акрамя таго не ўсе члены камітэта жадалі займацца гэтымі справамі, асцерагаючыся са свае адносіны з суседзямі і пагроз з боку абвінавачаных. Пакупнікі з свайго боку не ў якіх умовах не жадалі выдаваць людзей, якія прадавалі ім алкаголь, каб не пазбавіцца кропкі, дзе можна было знайсці гарэлку ў любы час. Не спрыялі выкрыццю і бюракратызм і пасіўнасць дзяржаўных устаноў. З Рэжыцкага павета Віцебскай губерні настаўнік Арлоў паведамляў, што склаў на селяніна Лявона Гаўрылава пратакол, але мясцовы десяцкі атрымаў ад апошняга 6,5 рублёў і закрыў справу. У другім выпадку ураднік адмовіўся праехаць з Арловым ў карчму для правядзення вобыска наконт нелегальнага продажу [2, спр. 35, арк. 20, 43 адв.]. Нажаль, дакументы не даюць магчымасці прасачыць далейшы лёс энергічнага настаўніка.

Але і ў выпадку складання пратаколу і перадачы справы ў суд не заўсёды можна было чакаць паспяховага выніку. Так, з 8 пратаколаў, складзеных адным з папячыцеляў Магілёва, толькі па 4 быў вынесены абвінаваючы прысуд, і асобы, што ажыццяўлялі нелегальны гандаль, атрымалі па 4 месяцы турмы. У астатніх выпадках сведкі на судзе мянялі паказанні і апраўдвалі падсудных [3, арк. 12]. У мястэчку Свіслач Мінскай губерні “просты люд на першых парах аднёсся да рэформы са спачуваннем і рабіў заявы на нелегальных прадаўцоў, але з-за плётак яўрэяў аб тым, што сведкаў таксама будуць кідаць у турму, ахладзеў да рэформы і стаў паранейшаму п’янствацаць у яўрэйскіх дамах” [3, спр. 2, арк. 46].

Такім чынам можна зазначыць, што данясенні, справаздачы і карэспандэнцыя членаў камітэтаў папячыцельстваў аб народнай цвярозасці ўяўляюць сабой комплекс цікавых і карысных для даследчыкаў матэрыялаў па культуры спажывання алкагольных напояў, гісторыі паўсядзённага жыцця насельніцтва і міжнацыянальных адносін у Беларусі на мяжы XIX – XX стст.

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 132. Воп. 1. Спр. 1.
2. НГАБ. – Ф. 2709. Воп. 1. Спр. 4.
3. НГАБ . – Ф.2296. Воп. 1. Спр. 1.

Півавар М.В.

«СПРАВАЗДАЧЫ АБ ДЗЕЯННЯХ ТАВАРЫСТВА ВІЦЕБСКІХ СЕЛЬСКІХ ГАСПАДАРОЎ» ЯК КРЫНІЦА ПА ВЫВУЧЭННІ ВІЦЕБШЧЫНЫ

Віцебскае таварыства вольных гаспадароў існавала ў Віцебску з 1881 па 1917 г. і адыграла важную ролю ў развіцці сельскай гаспадаркі, пашырэнні агранамічных ведаў і агульнай культуры на Віцебшчыне. Дзейнасць таварыства і яго роля ў развіцці эканоміцы краю мала вывучаны. Звязана гэта ў асноўным з абмежаванай крыніцазнаўчай базай. Дакументы Таварыства ў асноўным захоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі. Іх выкарыстанне

віцебскімі даследчыкамі абмежавана галоўным чынам з прычыны фінансавых праблем. Аднак, важнейшай крыніцай, якая недаўнім часам стала даступна ў Інтэрнэце, з'яўляюцца "Справаздачы аб дзеяннях таварыства віцебскіх сельскіх гаспадароў". Яны алічбаваны і даступны карыстальнікам у электронным выглядзе ў краязнаўчым аддзеле Віцебскай абласной бібліятэцы, ці праз Інтэрнэт.

Справаздачы выдаваліся з 1883 г. па 1915 г. і ўтрымліваць каштоўную рознабаковую інфармацыю па развіцці сельскай гаспадаркі на Віцебшчыне. Умоўна дакументы, якія змяшчаюцца ў справаздачах можна падзяліць на некалькі частак. У першай змяшчаецца інфармацыя пра асабісты склад таварыства, даклады сакратара таварыства аб дзейнасці на працягу года, пратаколы пасяджэнняў праўлення і сходаў членаў таварыства. Другую частку складаюць даклады членаў таварыства на рознабаковую тэматыку. Разгледзім яе на прыкладзе справаздачы аднаго году.

Уяўленне пра праблемы, якія стаялі перад сельскай гаспадаркай краю і магчымыя шляхі іх вырашэння раскрываюцца ў дакладзе "Меры па паляпшэнні сельскай гаспадаркі, прапануемыя ВТСГ" [1]. Стан винакурэння асвятляецца ў дакладзе М. Лісоўскага [2]. Дапаўняе яго даклад В. Глінскага аб вырабе садовых вінаў [3].

Якасцям мясцовых коняў прысвечаны даклад Г. Хлюдзінскага. Цікавы факт. У якім аўтар распавядаў, што спекулянты скупалі сялянскіх коняў ростам не больш за 1 аршын 12 вяршкоў, адкормлівалі іх, падстрыгалі хвасты і грывы і прадавалі ў Англію спарцменам пад фальшывым выглядам "польскіх поні". Падобныя спекуляцыі рабілі ў Беларусі барышнікі-яўрэі [4].

Памешчык Свенціцкі на працягу 10 гадоў праводзіў назіранні за прыродай, гаспадаркай і вынікі сваіх назіранняў прэзентаваў у артыкуле "Кліматычныя ўмовы сельскай гаспадаркі за 10 год з 1879 па 1888 гг. у маёнтку Летцо (цяпер Лётцы) Віцебскага ўезда" [5]. Калядар назіранняў за надвор'ем на працягу 10 гадоў. Ён жа дзяліўся назіраннямі "Аб выкарыстанні ўгнаенняў у маёнтку Лётцы". Свае назіранні выказваў і Е.А. Елавіцкі "Пра фасфарытную муку" [6].

Кожны том справаздач – каштоўная крыніца агранамічнай думкі свайго часу, спробаў мясцовых памешчыкаў занайсці выйсце з кола праблем. Выклікае цікавасць даклад памешчыка Г. Свянціцкага аб пераспектывах і выгада з развіцця буйных гаспадарак у краі [7]. Сваімі вынікамі аб угнаенні зямлі Рослаўльскай фасфарытнай мукой у сваім маёнтку Падбярэззе дзяліўся В.Ф. Косаў [8].

Асаблівую цікавасць выклікаюць справаздачы аб дзейнасці Лужаснянскага ніжэйшага сельскагаспадарчага вучылішча, якое пачало сваю працу ў 1909 г. у в. Лужасна. Грунтоўныя, на амаль сотню старонак дакуметы ўключаюць у сябе не толькі інфармацыю па фінансавых затратах вучылішча, але і кошце навучання, раскладзе заняткаў, меню навучэнцаў, інвентары, агратэхнічных прыёмах апрацоўкі зямлі і методыцы вырошчвання гаспадарчых культур, што дае шырокую карціну стану сельскай гаспадаркі краю, асноўных тэндэнцыях яго развіцця, дасягненнях і праблемах.

Такім чынам, "Справаздачы аб дзеяннях таварыства віцебскіх сельскіх гаспадароў" з'яўляюцца важнейшай крыніцай, якая ўтрымлівае каштоўную рознабаковую інфармацыю па развіцці сельскай гаспадаркі на Віцебшчыне.

1. Меры улучшения Сельскаго Хозяйства, предлагаемыя ВОСХ // Отчет о действиях общества витебских сельских хозяев за 1889 г. – С. 15–17.

2. Доклад М.Ф. Лисовского о состоянии винокурения // Тамсама. – С. 30–36.

3. Глинский, В. Н. Об утилизации продуктов садоводства / В. Н. Глинский // Тамсама. – С. 20–32

4. Доклад А. Дрелинга «Об улучшении породы местных рабочих лошадей, случкою с жеребцами Государственного Конезаводства и о результатах» // Тамсама. – С. 1–14

5. Свенцицкий, В . Климатические условия сельского хозяйства с 1879 – 1888 гг. в имении Летцо Витебского уезда / В. Свенцицкий // Тамсама. – Дадатак.

6. Еловицкий, Е. А. О фосфоритной муке / Е. А. Еловицкий // Тамсама. – С. 37–39.

7. Доклад Свенцицкого О крупных хозяйствах // Отчет о действиях общества витебских сельских хозяев за 1890 г. – С. 1–5.

8. Косов, В. Ф. О результатах, полученных при удобрении почвы Рославльской фосфоритной мукой в им. Подберезье / В. Ф. Косов // Отчет о действиях общества витебских сельских хозяев за 1890 г. – С. 6–12.

Яковенко Г.Г.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ПОДГОТОВКЕ ДОМАШНИХ УЧИТЕЛЬНИЦ В ЖЕНСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ УЧИЛИЩАХ

Вклад женских духовных учебных заведений – епархиальных училищ – в распространение образования среди народных масс и в подготовку педагогических кадров для начальных учебных заведений требует переосмысления. Выпускницы Екатеринославского, Одесского, Мариупольского, Полтавского, Харьковского, Черниговского и Новгород-Сиверского епархиальных женских училищ добросовестно работали в школах Министерства народного просвещения. Выявление и обнародование имен этих тружениц является данью уважения тем, кто распространял образование среди беднейших слоев населения. Освещение исторического опыта епархиальных училищ в подготовке педагогических кадров аккумулирует в себе важные достижения церковной педагогики, которые могут быть полезными и в наше время. До 1917 г. и в советское время эта проблема не изучалась. Лишь в единичных работах современных историков рассматриваются отдельные ее аспекты. Например, исследователи Я. Крапивный [7], Т.Д. Липовская и В.Д. Мирончук [8] и И.С. Лесниковская [9] осветили значение и особенности организации учебно-воспитательного процесса в Черниговском епархиальном женском училище.

Документальная база проблемы состоит в основном из делопроизводственных источников: отчетов о состоянии училищ в учебно-воспитательном отношении [12], а также списков выпускниц [1, 4]. Документы Духовного ведомства содержат в себе значительный по объему информационный блок, который восполняет общую картину подготовки домашних учителей. Цель работы – охарактеризовать информационные возможности исторических источников о работе и подготовке домашних учительниц в епархиальных училищах.

Отчеты епархиальных училищ в учебно-воспитательном отношении состоят из нескольких разделов и разносторонне характеризуют деятельность учебных заведений: личный состав служащих и учащихся, расписание и учебники, успеваемость и поведение учащихся. Некоторые отчеты были опубликованы отдельными изданиями, некоторые по частям печатались в местных газетах – епархиальных ведомостях [13, 15].

Для написания статьи изучались отчеты о состоянии Одесского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за период с 1898 до 1914 г. Документы за 16 лет (это 12 брошюр, которые опубликованы отдельными изданиями) предоставили возможность проследить изменения в личном составе преподавательниц этого учебного заведения [12]. Для получения информации и проверки ее достоверности был применен историко-сравнительный метод: были составлены списки учительниц и воспитательниц за указанный период. Выявление в списке фамилий одних и тех же лиц предоставило возможность определить длительность трудового стажа домашних учительниц, а также их трудовую мобильность.

Списки выпускниц епархиальных женских училищ как исторический источник имеют уязвимые места: они не обеспечивают полноту рассмотренияя проблемы, так как в них отсутствуют данные за определенные годы. В списке выпускниц Черниговского епархиального женского училища (далее – ЧЕЖУ) за 1888 г. не указаны имена, а только фамилии (одинаковых фамилий много, потому что учились семьями); в списках выпускниц за другие годы есть имена и отчества (это оказались воспитательницы). Списки структурированы по качественным учебным показателям воспитанниц – успехи отличные, хорошие, посредственные [1].

Заполнить информационные пробелы позволил анализ комплекса статистических источников. Он сделал возможным установление общих тенденций профессиональной и трудовой мобильности выпускниц этого учебного заведения, но, ввиду отсутствия данных за некоторые годы, работу в этом направлении следует продолжать.

Анализируя списки выпускниц Екатеринославского епархиального училища за последовательные пять лет (1912–1916) [4] можно проследить динамику роста количества домашних учительниц. Для некоторых выпускниц учеба заканчивалась уже в шестом классе. Они получали только аттестат об образовании, свидетельство домашней учительницы не выдавалось. Такую разницу можно увидеть, сравнивая списки шестого класса (они подавались как выпускные) и седьмого, который давал начальное педагогическое образование. В 1912 г. шестой класс закончили 30 воспитанниц, их фамилии должны были повториться в списке седьмого класса, но в списке выпускниц в 1913 г. имеется только 21 фамилия, то есть девять учениц выбыли из учи-

лища. В этом же году седьмой класс закончили 23 воспитанницы, к 21 бывшей шестикласснице добавились еще две – Глядковская Мария и Коломыйцева Вера [4]. Очевидно, что эти девочки отстали от своего выпуска и позже наверстали упущенную возможность получить начальное педагогическое образование.

В 1913 г. шестой класс закончили 38 выпускниц, перешла в седьмой класс 21 воспитанница, а 17 учениц шестого класса закончили свою учебу. При этом трое – Моисеенко Евгения, Толошицкая Мария и Балабанова Елена – должны были пересдавать экзамены. Они вряд ли продолжали образование. В списке седьмого класса за 1916 г. есть фамилии трех девочек – Егоровой Неонилы, Голубницкой Елены и Капустянской Ольги, которые закончили шестой класс в 1914 г., то есть через год после выпуска вернулись получать звание домашней учительницы [4]. Следовательно, все воспитанницы заканчивали шестой класс, но в седьмой класс, чтобы получить звание домашней учительницы, часть из них не возвращалась.

В 1911 г. было два шестых класса. По имеющимся данным, за пять лет закончили училище 157 воспитанниц, продолжили учебу и получили свидетельство домашней учительницы 95 учениц. Следовательно, их количество составляло 61% от общего количества выпускниц, 39% учениц заканчивали только шестой класс. Этот факт объясняется несколькими причинами: во-первых, наличие неуспевающих и по этой причине отчисленных свидетельствует о низком уровне обучаемости учениц и их слабой домашней подготовке. Можно допустить, что девочек учили дома сами родители или старшие дети. Во-вторых, слабая мотивация к участию в педагогической деятельности воспитанниц из бедных многодетных семей священно- и церковнослужителей. На них рассчитывали как на домашнюю помощь, в том числе и педагогическую, – для воспитания младших детей. Выпускницы-сироты, очевидно, были больше настроены на получение специальности, потому что учились бесплатно и самостоятельно заботились о своем будущем.

По результатам учебы понятно, что уровень общеобразовательной подготовки воспитанниц епархиального училища был невысоким. Например, по состоянию на 1908 г. было отчислено 13 неуспевающих воспитанниц, на повторный курс по болезни остались три девочки, повторная сдача экзаменов назначена 7 ученицам. В 1912 г. отчислено за неуспеваемость – 5, назначена пересдача экзаменов – 11 ученицам [4].

В 1910 г. дополнительный педагогический класс был открыт в Мариупольском женском епархиальном училище, в котором готовили учителей для сельских церковноприходских начальных училищ; там учились девочки из семей православного духовенства уезда [10]. В 1911 г. при училище была открыта образцовая одноклассная церковноприходская школа для практической подготовки воспитанниц. Учительницей образцовой школы работала Татьяна Попова [10]. Наличие двух епархиальных училищ в Екатеринославской губернии содействовало развитию начального образования в сельской местности, потому что воспитанницы возвращались домой и там участвовали в педагогической деятельности.

Сравнение списков выпускниц ЧЕЖУ со списками личного состава и списками учителей народных училищ по Положению 25 мая 1874 г. дало возможность установить длительность трудового стажа учительниц. Сравнение полученных данных по разным документам подтвердило выявленные факты и позволило проверить достоверность источников. Историко-сравнительный, историко-статистический и историко-генетический анализ комплекса источников позволили составить целостную картину профессиональных стратегий воспитанниц ЧЕЖУ. Анализируя данные Памятной книги по Киевскому учебному округу [6], где приводится перечень народных училищ, и сравнивая его со списком личного состава, мы определили количество выпускниц ЧЕЖУ, которые работали в разных уездах в начальных учебных заведениях Министерства народного просвещенияя. Выявлено, что в значительной части народных училищ учительницей или помощницей учительницы (в училищах с большим количеством учеников) работали бывшие воспитанницы епархиального училища.

Качественный состав педагогических коллективов училищ свидетельствует о том, что в школах работали учительницы с начальным педагогическим образованием – выпускницы ЧЕЖУ, гимназий, институтов благородных девиц и прогимназий. Наибольшее количество учительниц – выпускницы ЧЕЖУ и гимназий, наименьшая – институтов благородных девиц и прогимназий. Сравнивая списки выпускниц и работающих учительниц, мы выявили, что в одной семье несколько женщин посвящали свою жизнь педагогическому делу. Таким образом, воспитанницы ЧЕЖУ представляли значительное количество от общей численности работающих в

школах Министерства народного просвещения в Черниговской губернии. По полученным данным, в 593 народных училищах Черниговской губернии, по состоянию на 1898 г., работали 185 выпускниц ЧЕЖУ, что составляло подавляющее большинство от общего количества работающих. Больше всего выпускниц осталось учить детей в Черниговском и Нежинском уездах – поближе к крупным городам. Воспитанниц институтов благородных девиц насчитывалось только десять. У пяти из них отмечен квалификационный уровень «домашняя учительница». К работе в училищах привлекались выпускницы местных прогимназий (например, в Сосницком уезде).

В результате обобщения статистических данных оказалось, что больше всего воспитанниц ЧЕЖУ и выпускниц местной гимназии работало в Нежинском уезде – 20 воспитанниц ЧЕЖУ и 27 выпускниц местной гимназии. Менее всего их было в Конотопе (там была учительская семинария), в Глухове (учительский институт), а также в Сураже.

В ЧЕЖУ учились не только представительницы духовного состояния, но и дворянки. В Чернигове не было сословного дворянского учебного заведения – института благородных девиц. Поэтому многие женщины из известных черниговских дворянских родов получили образование и специальность в епархиальном училище. Например, Елизавета (выпускница 1909 г.), Елена (выпускница 1906 г.) и Тамара (выпускница 1904 г.) Терещенко. Все трое работали учительницами [3]. В списках ЧЕЖУ – 6 выпускниц из известного дворянского рода Сахновских [1]. Дворянки Слепушкины – Вера Николаевна и Елена Николаевна (выпускница 1884 г.) [14]. Вместе с дворянками учились представительницы из крестьянского сословия. Показательным является пример крестьянки Столяренко Елизаветы Андреевны, которая закончила ЧЕЖУ. Крестьянская девушка благодаря своим способностям и трудолюбию имела право на преподавание четырех предметов и право на пенсионное обеспечение.

По благословению епископа Василия 11 апреля в 1912 г. в Новгород-Сиверском уезде в г. Холмы на хуторе Николаевском было открыто Второе Епархиальное женское училище. Обязанности начальницы исполняла Мария Алексеевна Немерцаева, учительница арифметики ЧЕЖУ. Ее помощницей была учительница русского языка, рукоделия, географии и отечественной истории Мария Николаевна Богоявленская [6, с. 193], Рукоделие преподавала Александра Тимофеевна Трощановская, подготовительный класс учила Домникия Петровна Оппокова. Все они закончили ЧЕЖУ и некоторое время там работали.

В профессиональном выборе выпускниц ЧЕЖУ преобладало массовое начальное образование, которое имело большой спрос в сельской местности. Бывшие воспитанницы, имея начальное педагогическое образование, которое предоставляло им право преподавать в народных училищах, не спешили получать свидетельство домашней учительницы, не собираясь заниматься индивидуальным обучением.

В Полтавском Епархиальном женском училище за 1868-1893 гг. 1082 выпускницы получили аттестаты с правом на звание домашних учительниц по тем предметам, по которым показали удовлетворительные успехи. По состоянию на 1892-1893 гг.училище закончило 68 выпускниц; 29 выпускниц 7-го дополнительного педагогического класса: из них – 25 – духовного звания [2].

В семьях священников Полтавской губернии домашние учительницы работали непосредственно по специальности, удовлетворяя образовательные потребности своей семьи. Учеба в семье – одно из направлений домашнего образования. Сведения о 863 воспитанницах Полтавского епархиального женского училища выглядят таким образом: 16 занимали должности классных дам; 9 работали в пансионах и прогимназиях (2 содержали частные пансионы); 5 давали частные уроки музыки и пения; 8 в частных домах учили и воспитывали детей, 76 учили детей в семьях своих родителей, готовя их к поступлению в учебные заведения [2, с. 113]. В первую очередь, выпускницы работали в земских и церковноприходских школах. Занятие домашней учебой называлось среди других занятий.

Таким образом, исторические источники Духовного ведомства предоставляют возможность восполнить недостающую информацию документов делопроизводства и способствуют созданию целостной картины положения домашних учительниц – выпускниц епархиальных училищ.

1. Выпускницы Черниговского епархиального женского училища 1873–1875, 1881–1884, 1887–1911. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://personalhistory.ru/forum/index.php.

2. Двадцатипятилетие Полтавского епархиального женского училища (материалы для истории училища) // Полтавские епархиальные ведомости. – 1895. – № 3. – С. 11–128.

3. Елизавета Ивановна Терещенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.rodovid.org/wk/Запись:234991.

4. Женские учебные заведения дореволюционной России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://personalhistory.ru/forum/index.php.
5. З історії заснування Полтавського єпархіального жіночого училища // Полтавські єпархіальні відомості. – 2002. – Ч. 8. – С. 80-86.
6. Киевсий учебный округ. Памятная книга Киевского учебного округа на 1899 г. – Киев : Типо-литография Товарищества Н.Н. Кушнарев и К, 1899. – 210 с.
7. Крапивний, Я. Особливості професійної підготовки вчителів у жіночих єпархіальних училищах Чернігівщини (1872–1891 рр.) / Я. Крапивний // Ніжинська старовина : зб. наук. праць. Збірник регіональної історії та пам'ятникознавства. – 2013. – Вип. 16(19). – С. 81–85. – (Серія «Пам'ятникознавство Північного регіону України», № 5).
8. Липовська, Т. Д. Жіноча освіта на Катеринославщині (60-і рр. XIX – поч. XX) / Т. Д. Липовська, В. Д. Мирончук // Наддніпрянський історико-краєзнавчий збірник. – Дніпропетровськ : Вид-во Дніпропетр. нац. ун-ту, 1998. – Вип. 1: Матеріали Першої міжрегіональної історико-краєзнавчої конференції. – С. 277–282.
9. Лісниковська, І. С. Православне духівництво як джерело освітньої інтелігенції Катеринослава пореформеної доби / І. С. Лісниковська // Наддніпрянська Україна: історичні процеси, події, постаті : [зб. наук. пр.] / ред. кол.: С. І. Світленко (відп. ред.) [та ін.]. – Дніпропетровськ : Вид-во Дніпропетр. нац. ун-ту, 2008. – Вип.6. – С. 202–209.
10. Мазур, П. Педагогическое образование в Мариуполе [Электронный ресурс] / Павло Мазур. – Режим доступа: // http://old-mariupol.com.ua/pedagogicheskoe-obrazovanie-v-mariupole/.
11. О казацко-старшинском роде Сахновских с Черниговщины (Некоторые результаты исследования) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: localandsmall.com/10571090107210.
12. Отчеты о состоянии Одесского епархиального женского училища за 1898–1914 учебные годы. – Одесса : «Славянская» типография Н. Хрисогелос.
13. Отчет о состоянии Полтавского Епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1911–1912 учебный год // Полтавские епархиальные ведомости. – 1913. – № 5. – С. 280–292, 351–355.
14. Слепушкины, Черниговские дворяне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: my.mail.ru/community/rodoslow.
15. Щеглов, В. Двадцатипятилетие Полтавского епархиального женского училища (материалы для истории училища) / В. Щеглов. – Полтава : Типо-литография И. Фришберга, 1894. – 272 с.

Сидоренко Б.И.

«ВЕСТНИК МОГИЛЕВСКОГО ЗЕМСТВА» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ЛЕТО 1914–ЛЕТО 1915)

Первая мировая война – знаковое событие XX в. как объект исследования имеет солидную источниковую базу, значительная часть которой еще не введена в научный оборот. Одной из ее составляющих является земская периодическая печать, появившаяся вскоре после введения земского самоуправления в западных губерниях России. В Могилеве она была представлена журналом «Вестник Могилевского земства», выходившим с 1914 по 1917 гг., всего в губернском центре вышло в свет 67 номеров этого издания. В полном объеме «Вестник» сохранился в журнальном отделе Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург), Национальной библиотеке Беларуси и Национальном историческом архиве Беларуси. Подавляющее большинство номеров журнала имеются в открытом доступе в Белорусском отделе Могилевской областной библиотеки им. В.И. Ленина [3, с. 90]. О том какие сведения о первом этапе войны содержит в себе «Вестник Могилевского земства» (далее ВМЗ) в части их раритетности, эксклюзивности и научной ценности как в региональном, так и в общероссийском охвате и пойдет речь в этой статье.

В справочной литературе о ВМЗ имеется лишь минимум известий самого общего характера [9, с. 253; 5, с. 115], немного их и в специальных тематических изданиях [7, с. 14; 6, с. 633] поэтому информационная значимость журнала еще недостаточно оценена. Отчасти это объясняется его локальным содержанием, отчасти – непродолжительностью существования в условиях военного лихолетья. Вместе с тем, всплеск регионалистики обещает этому источнику серьезные перспективы. По классификации Л.Н. Пушкарева ВМЗ можно отнести к письменным памятникам повествовательного рода, по виду – к периодической печати [8, с. 192, 212, 226–227], по классификационному делению Б.И. Литвака – к массовым, с некоторой оговоркой, источникам [4, с. 102]. Все исследователи истории периодической печати отмечают степень близости этого вида документа к отраженным в нем событиям и его полифоничность, так как в журналах помещались самые разнообразные материалы (законодательные акты, статистические выкладки, делопроизводственные документы, научные статьи и литературные произведения), необходимые для историка при исследовании любой тематики.

На содержание журнала в годы Первой мировой войны серьезно повлияли два обстоятельства. Это личная позиция могилевского вице-губернатора князя В.А. Друцкого-Соколинского, который отличался бескомпромиссностью и повышенным служебным рвением, что создавало определенные трения между ним и ответственным редактором В.К. Гортынским – известным

могилевским общественным деятелем. По роду занятий вице-губернатор традиционно считался военным цензором для всех временных и постоянных изданий, публиковавшихся в губернском центре. Как цензор князь свирепствовал (однажды «Могилевский вестник» вышел из печати с совершенно белой передовой страницей [2, с.71–72] и это служило уроком и для ВМЗ. Кроме того, с 8(21) августа 1915 г. в Могилев из Баранович была перенесена Ставка Верховного главнокомандующего, в качестве которого выступал теперь сам император Николай II. С этого времени военная цензура ожесточалась до предела и все материалы, связанные с военной тематикой, попадали на страницы журнала строго дозировано. Поэтому наиболее ценная информация о войне содержится в ВМЗ с № 14. 1914 г. по № 8 1916 г. и она касается, прежде всего, участия губернских общественных структур в деле оказания помощи русской армии в борьбе с врагом.

В этой связи ВМЗ подробно освещает решение целого блока проблем губернским и уездными земствами и городскими думами. Общественные структуры Могилевской губернии вошли в общероссийские земские и городские «Союз городов», «Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам», «Всероссийский городской союз помощи больным и раненым воинам», затем и в знаменитый «Земгор». Этими местными структурами были ассигнованы значительные денежные суммы и организованы поставки продовольствия в действующую армию, а также создана в пределах губернии вдоль железной дороги от Орши до Рогачева сеть передвижных питательных пунктов [1, 16–17; 1915, № 9].

Центральной проблемой в помощи фронту стала организация отлаженной системы больниц, лазаретов и госпиталей, их обеспечение кроватями, медицинскими инструментами, лекарственными средствами и квалифицированным медицинским персоналом. В журнале приведены данные об оказании врачебной помощи военнослужащим, количестве свободных мест в медицинских учреждениях на территории губернии. Земская статистика по линии губернского комитета «Союза помощи больным и раненым воинам» наглядно отражает динамику перемещения военнослужащих по госпиталям и лазаретам губернии и размещении санитарных учреждений по городам и уездам [1, 1914, № 16–17, 18-20; 1915, № 6–7).

Отдельной строкой в деятельности земств выступала финансовая и вещевая помощь армии, поступавшая непосредственно из уездной глубинки. В журнале помещен ценный материал об оказании этого вида помощи семьям, ушедшим на войну солдатам и офицерам, об открытии в уездных центрах госпиталей и лазаретов, о сборе вещевого довольствия для формируемой 395-й пешей Могилевской дружины и, главное, о ценах на продукты питания и нормах суточного содержания, находящихся на излечении воинов [1, 1914, № 16–17; 1915, № 9]. Самым узким местом в вещевом солдатском довольствии считалась обувь. Мысль о поставке в армию сапог зародилась в Могилевском уездном земстве еще в августе–сентябре 1914 г., а в конце октября Минское окружное военное интендантство обратилось с предложением к земству губернии организовать снабжение этим видом довольствия по специальному договору. К маю 1915 г. земство отправило в войска округа около 29 тыс. пар сапог [1, 1915, № 12].

В условиях острого кризиса боевого снабжения русской армии из представителей общественных структур губернского Могилева из числа специалистов и управленцев была создана специальная комиссия, преобразованная затем в губернский комитет для выяснения главного вопроса – в какой мере технический потенциал губернии может быть приобщен к производству боеприпасов для нужд фронта [1, 1915, № 9].

Подводя итоги первому году войны, редакция ВМЗ опубликовала обширный материал по всем видам помощи, оказываемой общественными организациями Могилевской губернии (губернским и уездными земствами и городскими думами) русской армии. Эта помощь выражалась в шестизначных суммах денежных ассигнований, по которым губерния занимала вполне достойное место в России, причем суммы, ассигнованные уездными земствами, значительно превышали суммарные размеры губернского земства [1, 1916, № 8].

Таким образом, информация о первом этапе войны, содержащаяся на страницах ВМЗ, существенно расширяет круг наших представлений о деятельности общественных организаций прифронтовой губернии в оказании помощи русской армии. Информация ВМЗ не ограничивалась исключительно военной сферой, журнал очень точно отражал повседневность того времени и такие ее малоизвестные стороны, как например использование труда военнопленных [1, 1915, №1-2] в сельскохозяйственных работах или же помощь раненым со стороны учащихся

могилевских училищ, школ и гимназий. Периодическое издание содержит яркие характеристики представителей высшей губернской администрации [1, 1916, № 4] и многое другое.

1. Вестник Могилевского земства. – 1914 – № 14, 16-17.
2. Друцкой-Соколинский, В. А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора / В. А. Друцкой-Соколинский – Орел : РКФ «3 Июля», РИГ «Невероятный мир», 1994 – 405 с.
3. Краеведческие раритеты Могилевщины из фонда Могилевской Областной библиотеки им.В.И. Ленина : библиографический указатель. – Могилев, 2013. – 115 с.
4. Литвак, Б. Г. Очерки источниковедения массовой документацииXIX – начала XX века / Б. Г. Литвак – М. : Наука,1979. – 249 с.
5. Могилев : энциклопедический справочник / редкол.: И.П.Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелСЭ, 1990. – 472 с.
6. Могилевская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1772–1917) / Е. К. Анищенко [и др] ; сост.: Ю. Н. Снапковский, Д. Л. Яцкевич. – Минск : Беларусь, 2014. – 814 с.
7. Периодическая печать Белоруссии 1817–1916 гг. : библиографический указатель. –Минск, 1960. – 138 с.
8. Пушкарев, Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев – М. : Наука, 1975–279 с.
9. Самуэль, С. П. «Вестник Могилевского земства» / С. П. Самуэль // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 2. / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Бел. Эн., 1994. – С. 253.

Кравченко Е.В.

ПИСЬМА ДЕТЕЙ-БЕЖЕНЦЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК*

Столетие со дня начала Первой мировой войны с одной стороны, и нынешние военные события в Украине с другой стороны, вновь актуализировали вопрос о переосмыслении судеб мирного населения в условиях глобальных конфликтов. Что переживают люди, ставшие невольными жертвами войны, какие эмоции испытывают? Как отражаются эти события на молодом поколении, вырванном из обыденной среды, временно потерявшем родителей или осиротевшем, вынужденном покидать родные места? Изучая исторические источники, приходишь к выводу, что Великая война (1914–1918 гг.) привела к серьёзным демографическим последствиям, особенно на территории украинских и белорусских губерний, население которых стало основным источником новой категории «беженец».

Тема беженства в современной историографии представлена во множестве фундаментальных исследований российских [5, 12], американских [1], польских [3], украинских [2, 4, 6, 8] и белорусских историков [7]. Данная статья посвящена изучению и анализу писем детей-беженцев, обнаруженных в фонде 13273 – Отдел по устройству беженцев Всероссийских земского и городского союзов помощи больным и раненым воинам (СОБЕЖ) Российского государственного военно-исторического архива в г. Москве. Фонд содержит 770 единиц хранения, из которых 258 – относятся к «детскому подотделу», созданному очевидно в августе 1915 г. при Собеже. Детский подотдел занимался организацией помощи детям-беженцам по всей Российской империи. В фонде сосредоточена информация об устройстве детей-беженцев в приюты, организованные в тыловых губерниях страны и прифронтовых регионах; о создании регистрационных пунктов, проведении эвакуационных мероприятий, оказании медицинской помощи несовершеннолетним, розыске родителей.

Организацией помощи детям-беженцам одновременно занималось несколько организаций: Земский и Городской союзы, Татьянинский комитет, еврейские и польские организации, Бюро южнорусской областной земской переселенческой организации, всероссийское общество «Помощь жертвам войны» и др. Осенью 1915 г. в Москве был создан Объединённый комитет общественных организаций по помощи детям-беженцам, взявший на себя заботу о беспризорных детях-беженцах. Комитет был создан по инициативе нескольких организаций: Московского общества грамотности, общества борьбы с детской смертностью, общества помощи жертвам войны, к которым примкнули национальные комитеты, комитет литературно-художественного кружка, общество-дом грудного ребенка, общество охраны материнства, родительский клуб, лига равноправия женщин, 1-й женский клуб, общество трудовых сельскохозяйственных колоний, общество быстрой помощи беженцам. Комитет пришёл к заключению об оборудовании специальных поездов, задачей которых было проникновение как можно ближе к местам скопления беженцев и собирание по пути покинутых, отбившихся и осиротевших детей. Содержа-

* Исследование проведено благодаря Стипендиальной программе для преподавателей ВУЗов Германского исторического института в Москве.

ние поезда, рассчитанного на 600 детей, в том числе около 100 грудных, должно было обходиться около 900 руб. в месяц. Председателем комитета стал Иван Николаевич Сахаров, заместителем – проф. Ф.А. Александров, секретарём – Г.Д. Рындзюнский. Объединенный комитет принимал пожертвования в редакциях «Русских ведомостей» и «Русского слова». Находился по адресу: Москва, М. Никитская, 25 [9, л. 7].

1 марта 1916 г. на имя председателя детского отдела Сергея Александровича Зилова от помощника уполномоченного комитета врачебно-питательного отряда Московских общественных организаций были препровождены копии писем детей беженцев, согласно протокола заседания объединенного комитета, с просьбой расследовать справедливости жалоб детей [9, л. 132]. По всей видимости, письма, отправленные белорусскими детьми из российских приютов, были перехвачены и переданы на рассмотрение в детский подотдел. Приводим тексты писем.

«Здравствуете дорогая сестрица Стефания. Мы теперь в Москве в рабочем доме. Дорогая сестрица, нас второй раз обманывают, мы собираемся удрать. Коля, Семен, я, Франц, Ефим, Тавлю [? – *Е.К.*]» [9, л. 132]. Детей действительно отправляли из распределительных пунктов в рабочий дом, а оттуда после карантина – в приюты.

«Здравствуйте дорогая сестричка, Зиночка. Я нахожусь в Москве в приюте, где очень плохо кормят. Утром чаю одну кружку и два куска сахару, на обед капусту и кусок хлеба маленький и немного каши, на ужин то, что осталось на обед. От нас удрало шесть человек Яблоков, [Александр – *Е.К.*] Мохонь, Гриша, Коля и Бас Семен [указано только пять – *Е. К.*], но два вернулись – Вася [Гриняк – *Е.К.*] и Коля [Сакович – *Е.К.*]. У нас в Минске лучшее со стола сливали в ведро, чем здесь кушаем. Франц [Войцехович – *Е.К.*] от такой пищи заболел, в понедельник были рвоты, и болел сильно живот. Франца и Виктора, вероятно, оставят в Москве в польском приюте, а нас православных отправят в Россию. Больше нечего писать, остаюсь жив и здоров. К. Радько» [9, л. 133].

«1916 года. 27 января. Здравствуйте дорогие сестрицы. Когда мы были в Москве, то нам было очень плохо, а когда нас отправили в Вятскую губернию г. Котельнич, и нас отправили только четырех, а Василия Гриняка, оставили в Москве, потому что ему было уже 15 лет, но мы не хотели ехать без него, мы очень хотели, чтобы были вместе, но нас всё таки не послушали и отправили нас одних. Письмо от Александра Ефимова Ханька. Адрес мой: Вятская губ., г. Котельнич, приют Всероссийского Земского Союза». А вот письмо самого Василия Гриняка: «1916 [1915? – *Е.К.*] года, 23 ноября. Здравствуйте дорогая и многоуважаемая сестрица Стефания. Первым долгом спешу уведомить, что моих товарищей всех отправили, кого куда отправили – в Таганрогское отделение и в Вятскую губернию, а меня отправили в Таганское отделение, мне очень плохо, дорогая сестрица, уведомляю, что нам очень скучно и плохо и ещё прошу я вас не обижайтесь на меня, что я вам долго не писал письма потому, что у меня украли деньги и теперь нет ни одной копейки и не за что купить конвертов и бумаги, а учитель не даёт. Ещё уведомляю я вас, что нас очень плохо кормят и одевают не так как в Минске. Как у вас дела, напишите мне, и ещё уведомляю я вас, что может быть, увидимся, я хочу ехать домой, и ещё уведомляю я вас, что мы теперь учимся и я в третьем отделении, но какое тут ученье, только названье ученье. Василий Гриняк» [9, л. 133]. Ещё один товарищ из этой кампании Александр Мохонь написал два письма – сестре и товарищу. Первое: «1916 г. 19-го января. Здравствуйте дорогая и многоуважаемая сестрица Зинаида. Дорогая сестрица, нам хорошо, нас учат грамоте, я находился в городе Арск Казанской губ. Я один без своих товарищей, все остались в Москве, мне очень хорошо, но только скучно без товарищей. Мой адрес: г. Арск, Казанской губ., 1-й приют детей беженцев. Письмо от Александра Мохоня» [9, л. 133 об]. «1916 года 9-го января. Здравствуй дорогой и многоуважаемый товарищ Ефим, дорогой товарищ, нам очень плохо и нас отправляют на то самое место, где мы были, мы удрали бы, но только что моя сестра [там – *Е.К.*] и я не хочу с ней разлучаться. Пока больше нечего писать, остаюсь жив и здоров. Александр Мохонь и Семен Сидорчук» [9, л. 133 об.].

«Москва, 1 января 1916 г. Милые сестрички Л. и Вер. Поздравляю я вас с новым годом и с новым счастьем. Не знаю только, что делается со Степой потому, что я оставил его в работном доме. Мой адрес: Московский проезд, Измайловский зверинец, на моё имя. Целую вам ручки. Болеслав Даукшце» [9, л. 133 об.].

«21 декабря 1915 г. Письмо от ваших детей, мы прибыли в Нижний Новгород 26 дня, нас взяли только 29 человек, нам здесь хорошо, мы учимся, и мы здесь нашли товарища

А. Литвина. Вот вам наш адрес: Нижний Новгород, Фабричная слобода, дом Карпова, приют беженцев № 2, получить Александру Кунашку» [9, л. 133 об.].

Следующее письмо от сбежавшего из приюта подростка Николая Саковича: «19-го числа. Здравствует дорогая и многоуважаемая сестричка Стефания. Поздравляю вас с рождеством христовым и желаю вам всего хорошего от господа Бога. Спешу уведомить вас, что я нахожусь на Александровском вокзале, и там нашел себе товарища. Я расспросил, как он удрал с польского комитета, то их отвезли на фабрику, где делают железные кровати, а спать там очень холодно, так как постройка сколочена из досок, а одеяла нет. Затем до свидания, ваш любящий мальчик Николай Сакович. Адрес мой: г. Москва, Московский проезд, Измайловский зверинец» [9, л. 133 об.].

Беглец Франц Войцехович написал: «Здравствуйте дорогая сестричка Стефания. Поздравляю вас с праздником Рождества Христова и желаю вам всего хорошего от господа Бога. Дорогая сестрица, я теперь нахожусь на Александровском вокзале, как Коля удрал с польского комитета, то меня и Виктора отправили на железную фабрику делать кровати, но там было очень плохо, мы спали на кроватях, но ни одеял и подушек, кушать дают три раза в день, утром одну чашку чаю и кусок черного хлеба, на обед супу и каши, а на ужин то, что на обед, потому мы и удрали. Мы на вокзале встретили Колю и вместе приедем назад в Минск. Больше не имею, что писать. До свидания. Ожидайте нас. Франц, Коля, Виктор. Вас любящий мальчик Франц Войцехович» [9, л. 134]. «14 дек. 1915 г. Здравствуйте многоуважаемая и дорогая сестрица Стефания. Мне очень скучно без вас не выпускают во двор, только держат нас как в тюрьме. Дорогая сестрица, я теперь нахожусь в приюте русском вместе с другими мальчиками. Франца и Виктора отослали в польский приют выучиться какому-нибудь ремеслу… До свидания. Мой адрес: Москва, Большой Харитоновский пер, работный дом № 22. Получить Францу Войцеховичу» [9, л. 133 об. – 134].

Судя по письмам конца 1915 – начала 1916 г., дети были знакомы между собой, прибыли в Москву из одной местности – Минска. Среди них были православные, которых отправляли в русские приюты, и католики – их отдавали в приюты польские.

К началу 1917 г. детские приюты в Москве были переполнены. 19 января 1917 г. отдел помощи беженцам доводит до сведения передового врачебно-эвакуационного и питательного отряда комитета Западного фронта ВЗС, что эвакуация в Москву беспризорных детей с фронта признана отделом совершенно невозможной: приюты переполнены, средств особого совещания недостаточно, детей берут из семей, а это не согласовалось с задачами отдела помощи беженцам [9, л. 212].

Оригиналы двух писем, отправленных из Харьковской губернии, были также обнаружены в фонде Собежа. 9 июня 1916 г. из отдела помощи беженцам председателю Волчанской уездной управы В.Г. Колокольцову были доставлены письма от мальчика П. Сахарука (датированные 24 и 26 мая 1916 г.) из Старо-Салтовского приюта [10, л. 44]. «Письмо 1916 года 24 мая. Здравствуйте многоуважаемая Екатерина Яковлевна. Посылаю я вам свой унижающий [нижайший – *Е.К.*] поклон и свое почтение. Я слава Богу жив и здоров, того и вам желаю от Господа Бога всего хорошего и доброго здоровья в жизни вашей на белом свете. Мне здесь плохо и скучно, а здесь мальчиков бьют очень крепко, если что-нибудь сделают, так 30 плеток прямо кровь льется, но я еще не заслужил ни разу. Жду ответа как соловей лета. Затем до свидания Екатерина Яковлевна. Мой адрес: Харьковской губернии Волчанского уезда село Старо-Салтов [Старый Салтов – *Е.К.*] Керяновский приют детей беженцев получить Петру Сахаруку» [10, л. 46–46 об].

«Письмо 1916 года 26 мая. Здравствуй мой многоуважаемый товарищ Александр [Балтич]. Посылаю я тебе свой низкий поклон и свое почтение. Я слава Богу жив и здоров, того и тебе желаю от Господа Бога всего хорошего и доброго здравия в жизни твоей на многие лета. Мне здесь плохо, и мальчиков так бьют, что даже кровь льется по 30 плеток. В лесу у нас водятся ядовитые змеи и очень опасно. Затем до свидания. Мой адрес: Харьковской губернии, Волчанского уезда, село Старо-Салтова [Старый Салтов – *Е.К.*], Керяновский приют, получить Петру Сахаруку» [10, л. 45–45 об.].

Следует отметить, что в Харьковской губернии Волчанская земская управа открыла три приюта – Великобурлуцкий (10 октября 1915 г.), Хатнянский (5 января 1916 г.) и Салтовский (25 марта 1916 г.) [10, л. 5, 17, 18]. Дети-беженцы попадали в эти приюты из распределительного пункта при городском арестном доме в Харькове, при Харьковском работном доме [10, л. 5,

27–28]. Салтовский приют был наибольшим. Там, судя по сохранившимся именным спискам детей, пребывало 60 мальчиков. Пётр Сахарук, 13 лет, писавший письма, 20 ноября 1916 г. был из этого приюта переведен в ремесленные мастерские по распоряжению высшего начальства. В последствие подросток нашёл родных [11, л. 5, 7].

Таким образом, анализ изученных писем дает возможность установить место пребывания и передвижения детей, оценить душевное состояние подростков, попавших в непривычную для них среду. За время, проведённое вместе на распределительных пунктах, во временных приютах дети сближались и очень не хотели расставаться. Частыми были побеги из приютов, особенно распространенные среди старших подростков (14–15 лет), считавших себя достаточно взрослыми и самодостаточными, и пытавшимися самостоятельно вернуться домой. Подростков старше 15 лет, как правило, не отправляли в постоянные приюты по губерниям, исключение составляли только дети из одной семьи, которую старались не разрушать.

Большинство писем было адресовано родственникам. Дети жаловались на плохое питание, неудовлетворительные условия существования в приютах, недостаточное обучение. Письма имеют субъективный, эмоциональный, личностный характер. Обнаружение, систематизация и анализ писем детей-беженцев может служить также важным инструментом в проведении генеалогических исследований.

1. Гатрелл, П. Беженцы в России в период Первой мировой войны / П. Гатрелл // Исторические записки : статьи. – М. : Наука, 2004. – Т. 4(122). – С. 46–72.

2. Жванко, Л. М. Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 рр.) / Л. М. Жванко. – Харків : Віровець А. П. «Апостроф», 2012. – 568 с.

3. Korzeniowski, M. Tułaczy los. Uchodźcy polscy w imperium rosyjskim w latach pierwszej wojny światowej / M. Korzeniowski, M. Mądzik, D. Tarasiuk. – Lublin : Wydawnictwo UMCS, 2007. – 238 s.

4. Кравченко, Е. В. Призрение детей-беженцев в годы Первой мировой войны / Е. В. Кравченко // Великая война. Последние годы империи : материалы XX Царскосельской научной конференции. – СПб. : Серебряный век, 2014. – С. 288–300.

5. Курцев, А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) / А. Н. Курцев // Вопросы истории. – 1999. – № 8. – С. 98–114.

6. Лазанська, Т. І. Становище біженців в роки Першої світової війни / Т. І. Лазанська // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. – Київ, 2009. – Вип. XVI. – С. 196–240.

7. Лапанович, С. Ф. Оказание и помощи беженцам в годы Первой мировой войны (на примере Беларуси) / С. Ф. Лапанович // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918 : материалы Международ. науч. конф., 30 сентября – 3 октября 2014 г., Москва / Институт рос. истории Рос. акад. наук. : – М. : [ИРИ РАН], 2014. – С. 277–283.

8. Лихачова, Т. Польські організації допомоги жертвам війни в системі державної та суспільної опіки над біженцями на Сході (1914–1921 рр.) / Т. Лихачова // Polska dyplomacja na Wschodzie w XX – początkach XXI wieku. Praca zbiorowa pod redakcją H. Strońskiego i G. Seroczyńskiego. – Olsztyn – Charków, 2010. – S. 33–51.

9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 13273. Оп. 1. Д. 340.

10. РГВИА. – Ф. 13273. Оп. 1. Д. 581.

11. РГВИА. – Ф. 13273. Оп. 1. Д. 582.

12. Утгоф, В. С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Утгоф Валентина Сергеевна. – СПб., 2003. – 183 с.

Ключарева А.В.

КОЛЛЕКЦИЯ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ФОНДАХ «МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ Л.Н. ТОЛСТОГО “ЯСНАЯ ПОЛЯНА”»

Одним из самых трагических событий в истории России является Первая мировая война 1914–1918 гг. Гораздо важнее, на наш взгляд, используя имеющиеся источники, показать трагедию на локальном уровне – через призму восприятия конкретных участников военных событий.

Участниками войны осознавало себя все население, несмотря на то, находились ли люди на передовой или в тылу. Представители всех социальных групп российского общества начала XX столетия – дворянство, духовенство, купечество, интеллигенция, крестьянство, рабочие – осознавали себя причастными к военным событиям, независимо от своей личной роли на этой войне. В их числе представители знаменитого дворянского рода Толстых, члены семьи великого русского писателя Л.Н. Толстого. Участниками военных событий были дети Льва Николаевича Толстого: Александра, Михаил, Андрей и Илья; внуки: Андрей Ильич, Михаил Ильич; на войне оказались и другие родственники писателя. Особенно удивительным является пример служения Родине и русскому народу Александры Львовны Толстой, для которой оказалось невозможно просто наблюдать за происходящими событиями со стороны.

В мемориальном и немемориальном фондах музея имеются материалы о событиях Первой мировой войны, непосредственно связанные с жизнью членов семьи Л.Н. Толстого. Все источ-

ники, имеющие отношения к периоду Первой мировой условно можно разделить на несколько групп:

1) документы личного происхождения – открытые письма, письма. В фондах Мемориального Дома Л.Н. Толстого хранятся открытые письма, которые являются чрезвычайно важным историческим источником, большой интерес представляет их изобразительная сторона, но, поскольку открытое письмо – это, прежде всего, вид почтовой корреспонденции, оно является источником для реконструкции отношений между людьми на фоне конкретных исторических событий; 2) документы хозяйственной отчетности – квитанции, счета, расписки и т.д.; 3) фотодокументы; 4) филателия – марки-деньги и казначейские билеты военного времени; 5) книги из мемориальной библиотеки.

Цель статьи – анализ писем, присылавшихся в Ясную Поляну. Особую группу документов представляют собой письма непосредственных участников войны, присланные в Ясную Поляну. В целом, они представляют собой разного рода просьбы и являются выражением огромного доверия, которое испытывали нуждающиеся люди к семье Л.Н. Толстого.

В 1915 г. к С.А. Толстой обратился раненый солдат Дмитрий Миляев, находившийся на лечении в московском городском госпитале №1765, с просьбой оказать помощь [2]. *«Ваше Сиятельство. Я пишущій это письмо жилъ у васъ въ Именіи в Ясной Поляне простымъ рабочимъ. Сейчасъ же нахожусь на военной службе, ранеън, лежу в лазарете и зная Вашу доброту к беднымъ обращаюсь к Вашему сиятельству с просьбой помогите бедному раненому солдату…»*.

В сентябре 1916 г. Андрей Львович Толстой получил письмо с Кавказского фронта «из действующей армии от русского защитника» Алексея Тимофеевича Шибардаева [2, М-842]. Письмо трогает своей простотой и наивностью: *«Здравствуйте Господа Низко я вамъ кланяюсь и желаю отъ Господа Бога доброго здоровья и многія лета пожить вамъ на земли. Будьте настолько любезны. Не будет ли подарочка для русскаго защит. Всемилостивейшее просимъ васъ…белья ножик гимнастерокъ и штановъ пожалуйста»*.

Нередко русские воины обращались за помощью не для себя лично, а за средствами на воспитание собственных детей. В том же 1916 г. Лев Львович получил письмо от Филиппа Полякова с просьбой помочь «Герою русской армии», выслав 200 рублей на воспитание собственных детей [2, М-4091/1-2]. Данное письмо окутано некой таинственностью, указание на то, чтобы обратиться за помощью ко Льву Львовичу Толстому Поляков получил во сне: «*Вижу я сегодня ночью во сне подходит ко мне старичок седенький. Старичок одет как монах и вдруг будто бы у меня на постели стало светло… и старичок подходит ко мне и говорит. Не печалься жив будешь…Молись Богу Бог тебе поможет во всем а сейчас обратись к Графу Толстому Льву Львовичу…*».

Особое место в истории Первой мировой войны занимает тема военного плена. В Доме Л.Н. Толстого хранится 6 открытых писем российских военнопленных, представляющих собой особую группу источников личного происхождения. Вопрос об информативности таких документов является неоднозначным, в связи с тем, что письма пленных проходили через систему многоступенчатой военной цензуры, в результате их содержательная ценность снижалась.

Все открытые письма имели определенную форму, однако внешне различались в зависимости от конкретного места отправления писем. Глубокий анализ писем военнопленных провел Э.Е. Абдрашитов, по-мнению которого, «в письмах военнопленных теоретически можно выделить несколько блоков, отличающихся друг от друга содержащейся информацией, объемом сообщений, словесными оборотами, внутренней логикой». «Условный формуляр письма военнопленного состоит из трех составных частей: начального протокола, составной части и послесловия (конечный протокол)» [1, с. 33].

В 1916 г. С.А Толстая получила письмо от военнопленного К. Трифиленкова из лагеря Сальтау [2, М-4036]. В данном случае формуляр содержал минимум данных, а цензура являлась достаточно лояльной. Пленный сообщал, что находится в плену уже 18 месяцев, затем подробно описывает свое трудное положение: *«… поддержки нетъ никакой издому помощи нетъ надежды были на братіевъ а они служатъ в армии…»* при этом свою просьбу о помощи К. Трифиленков выражает определенно: *«…убедительно прошу окажите помощь вышлите сухари…»*.

Письма, высланные в 1917 г., отличаются от более ранних по внешнему виду и содержат более подробную информацию. Текст бланков таких открытых писем был напечатан на русском и

немецком языках, по верхнему краю указывалось, что это «корреспонденция военнопленных», затем личные данные военнопленного и его местонахождение для возможности обратной связи с ним и отправки посылок.

В 1917 г. на имя С.А. Толстой два открытых письма прислал военнопленный М.С. Музланов, находившийся в лагере Альтдам (Altdamm) [2, М-4029, 4038/1-2]. Одно из этих писем содержит обращение к С.А. Толстой с «*сердечным приветом, пожеланием счастья и здоровья*». Далее автор ссылается на евангельское учение Христа и отмечает, что «*заранее уверен в том, что Вы отъ кликнитесь и съ любовью исполните Геройский долгъ женщины оказать материнскую поддержку…*» Содержание конкретной просьбы Музланова неизвестно, потому что вымарано цензурой. Еще одно письмо, отправленное тем же военнопленным, содержит только адрес Музланова, сторона же, предназначенная для письма является чистой.

Военнопленный И. Нарышкин обратился к С.А. Толстой в январе 1917 г. Письмо отправлено из лагеря Альтен-Грабоу (Alten-Grabow) [2, М-4032]. На адресной стороне слева указаны данные отправителя, справа адресата, на обороте непосредственно текст письма. Интересно, что на этом формуляре слева вверху имеется указание на русском языке: «Ясно и большимъ шрифтомъ писать». Письмо содержит просьбу: *«…не найдете ли возможнымъ сделать распоряжение выс. Что изъ съестного…*», также автор указывает адрес проживания своих родных в Туле.

Два письма на имя Софьи Андреевны было отправлено из лагеря в Вормсе Л. Ивановым [2, М-4039, 4040]. Одно представляет собой бланк с адресом пленного, второе является достаточно кратким, содержит просьбу «послать посылочку съестного…». Интересно, что цензурой вымарана часть даты отправления письма.

Таким образом, можно сделать вывод, что открытые письма военнопленных из фондов Мемориального Дома Л.Н. Толстого представляют большой интерес для исследователей, так как содержат информацию, характеризующую положение русских военнопленных в немецких лагерях Первой мировой войны. Представленные документы позволяют проанализировать тему благотворительности в годы Первой мировой войны, поскольку представители семьи Толстых были вовлечены в процесс помощи разным группам населения в военное время. Кроме оказания материальной и продовольственной помощи военнослужащим, раненым и военнопленным С.А. Толстая заботилась и о беженцах. Так, известно, что Софья Андреевна являлась членом Детского комитета оказания помощи беженцам. В Доме Л.Н. Толстого сохранились квитанции об уплате членских взносов в пользу данной организации [2, М-4043/5].

Случалось, что за помощью обращались члены семей военнослужащих. Среди документов С.А. Толстой сохранилась записка, написанная рукой С.А. Толстой: «*Нат. Алексеевна Виноградова/Тула, Жуковская ул.д.№70/ Тула, Пушкинская, д.№63/Алекс. Андр. Цитович/Жена офицера/Обе просятся ко мне/в компаньонки*» [2, М-4043/20].

Конец 1916 г. – это время, когда военные неудачи сопровождались кризисными явлениями во всех сферах жизни российского общества – экономике, политике, духовной жизни. В конце 1916 г. в 31 губернии была введена хлебная разверстка, которая, как надеялось правительство, должна была дать 711 млн. пудов для армии и города. За поставку установленного количества хлеба отчитывалась вся губерния в целом. В декабре 1916 г. было решено довести продразверстку до каждого крестьянского двора. Иллюстрацией данного мероприятия является имеющееся в Доме Л.Н. Толстого «письмо из Крапивенского земского управления о необходимости поставки для армии по семи пудов озимой ржи с каждой десятины» [2, М-4117]. Данный документ является иллюстрацией деятельности государственных органов по организации снабжения армии, в том числе с помощью крупных землевладельцев.

Таким образом, экспонаты, хранящиеся в музее-усадьбе Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» представляют интерес для исследователей Первой мировой войны, так как позволяют получить дополнительную информацию по разным аспектам проблемы.

1. Абдрашитов, Э. Е. Письма военнопленных Первой мировой войны как канал передачи информации / Э. Е. Абдрашитов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – №3 (19). – С. 30–35.

2. Музей-усадьба «Ясная Поляна». – МФ. М-4151/1-2.

Раздел 5
ИСТОЧНИКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Тетерин В.И.

МЕСТНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ЗЕМСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ (ФЕВРАЛЬ 1917 – МАРТ 1918)

Система взаимоотношений центральной власти и органов местного самоуправления на сегодняшний день остаётся одной из самых актуальных проблем как для России, так и для других стран постсоветского пространства. В регионах по-прежнему существуют многочисленные противоречия между главами местного самоуправления и структурами государственной власти, а значит процесс выработки нового механизма взаимодействия органов государственного управления и самоуправления к ещё не завершён. Таким образом, актуальным становится изучение истории органов местного самоуправления. Существующая обширная историография земства раскрывает многие проблемы. Однако практически неизученным остаётся крайне важный период после февральской революции 1917 г. Вплоть до разгона органов местного самоуправления весной 1918 г. земства играли значительную роль на местах.

При изучении местного самоуправления незаслуженно малое внимание уделяется такому источнику как периодическая печать. Долгое время периодика служила лишь вспомогательным историческим источником. Большую роль в изучении периодической печати сыграли появившиеся в 1970–1980-е гг. работы С.С. Дмитриева, Б.И. Есина, в более поздний период – Л.Д. Дергачёвой [см.: 2, 3, 5]. Благодаря им периодика становится самостоятельной темой исследований [см.: 7, 10]. Тем не менее, в электронной базе данных диссертаций РГБ имеется лишь одна работа, посвящённая периодической печати периода революции и Гражданской войны [см.: 11].

Детальное изучение печатных изданий земства в качестве исторического источника даёт возможность получить уникальную информацию. Так, в газете «Пермская земская неделя» были отражены все направления деятельности земства: сельское хозяйство, промышленность, народное образование, медицина и ветеринария, почта, противопожарные мероприятия. Каждый номер содержал хронику событий, как мировых, так и российских. Интересны аналитические статьи о законодательных инициативах центральной власти. Однако наибольшую ценность «Пермская земская неделя» представляет как источник по политической деятельности земства.

«Пермская земская неделя» издавалась Пермским губернским земством с перерывами с 1907 по 1919 г. (с марта по декабрь 1918 г. газета была закрыта большевиками). Она стала логическим продолжением «Сборника Пермского земства». С первых же номеров и вплоть до закрытия редакция газеты провозглашала, что «на первом плане ставит интересы народа». В 1917 г. газета по-прежнему являлась официальным еженедельным вестником Пермского губернского земства. Однако с этого момента изменилась структура газеты – намного больше внимания, чем раньше, стали уделять политическим вопросам. Это было связано с увеличением политической роли земства. Сохранялся средний объём издания – около 50 страниц. Однако в течение года прослеживаются сбои в работе – публиковались спаренные номера (например, №8–9). [9, 5 марта 1917]. Всего за год было издано 40 номеров, в то время как в дореволюционные годы выходило 52 номера. С апреля 1917 г. в конце каждого номера появляется сообщение «просмотрено военной цензурой» [9, 9 апреля 1917, с. 31].

Помимо официального губернского земского печатного издания в 1917 г. в Пермской губернии выходило множество газет. В каждом уезде издавалась земская пресса, которая также содержит в себе уникальную информацию о политической, хозяйственной и просветительской деятельности уездных органов самоуправления. Однако эти издания отличаются плохой сохранностью и отрывочностью. Ни в местных архивах, ни в газетном фонде Российской государственной библиотеки не сохранилось полных подшивок этих газет. Среди наиболее сохранившихся, и при этом информативных изданий стоит отметить газеты «Кунгурский листок», «Ирбитская жизнь», «Заря народоправства» (Камышлов), «Народная мысль» (Шадринск) и др.

Большое значение сыграла партийная пресса. Во всех крупных городах губернии, прежде всего в Екатеринбурге и Перми издавались газеты всех крупных политических партий. «На-

родная Свобода», «Пролетарское знамя», «Уральский рабочий», «Пермская жизнь», «Вольный Урал» и другие издания позволяют проанализировать предвыборную борьбу, развернувшуюся в ходе избирательных кампаний летом–осенью 1917 г.

Органы местного самоуправления губернии с первых дней Февральской революции выступили в поддержку Временного правительства. Показательной в этом отношении стала 60-я чрезвычайная сессия Пермского губернского земского собрания, которая состоялась 7–9 марта 1917 г. «уже при новых условиях» и была подробно освещена в газете [9, 2 апреля 1917, с. 42–44]. Как видно из публикаций, Пермское губернское земство не подвергало сомнению своё высокое место и ведущую роль в новой системе государственного управления. Во всём оказывая поддержку центральной власти, земцы не без основания рассчитывали на ответные действия Временного правительства. Действительно, при новой власти полномочия органов местного самоуправления значительно расширились, по сравнению с дореволюционным периодом [1, с. 54–56].

На страницах местной печати нашла отражение демократизация городского и земского самоуправления. В газетах публиковались правила проведения выборов [4, 16 июня 1917, с. 1]. Кроме того, в прессе всех направлений публиковались призывы к населению принять участие в выборах. Подчёркивалось, что уклонение от участия в выборах в этот сложный период – «недостойное дезертирство» [8, 9 августа 1917, с.1]. Впервые в печати ставится вопрос о том, что Пермская Городская дума старого состава не отвечает интересам города: на 70 тыс. человек только 500–600 избирателей [8, 12 августа 1917, с. 1]. Как итог – неудовлетворительная деятельность городского самоуправления. Так подчёркивалась необходимость новых выборов. Что характерно, автор не рискнул открыто подписаться, и использовал лишь псевдоним «Прогрессист». Другие статьи в газете «Народная свобода» были подписаны. Как видим, журналисты открыто выражать свои мысли даже после революции не рисковали.

С лета 1917 г. на страницах местной периодической печати начали появляться статьи и заметки об Учредительном собрании. Газеты пытались разъяснить основные положения о выборах, публиковали информацию о деятельности Временного правительства в этом направлении и программы политических партий.

В сентябре–октябре, в условиях общенационального кризиса, земство активно поддержало идею всенародных выборов и созыва Учредительного собрания. В «Пермской земской неделе» все статьи политического раздела были посвящены именно этой теме [9, 28 сентября 1917, с. 3–15]. Масштабная агитационная кампания развернулась в партийной прессе. Эсеры, большевики, кадеты и другие партии имели свои газеты почти во всех уездах Пермской губернии. Газеты, издававшиеся в Перми и Екатеринбурге, – «Народная свобода» (Пермь, кадеты), «Пермская жизнь» (эсеры), «Пролетарское знамя» (Пермь, большевики), «Уральская жизнь» (Екатеринбург, эсеры), «Уральский рабочий» (Екатеринбург, большевики), - распространялись по всем городам и сёлам. Начиная с сентября, в них публиковались статьи, воззвания, лозунги, предвыборные списки партий. Большую роль в предвыборной агитации сыграла и земская пресса. В рамках избирательной кампании земцы придерживались принципа нейтральности и публиковали агитационные материалы всех партий.

События в Петрограде в октябре 1917 г. вызвали крайнее возмущение Пермского земства. На страницах местных газет земцы осудили действия большевиков. Их обещания были названы лживыми. Газета призывала крестьян, солдат и рабочих не верить им. На первых страницах газеты печатается лозунг «Вся власть Учредительному собранию» [9, 5 ноября 1917, с. 1–2.].

Приход к власти большевиков отразился на периодической печати Пермского земства. Качество печати снизилось, сократился объём изданий, упал тираж, увеличился период между выходом в свет номеров еженедельника. Тем не менее, в газетах по-прежнему публиковался материал о деятельности земства, о его отношениях с центральной властью и о политической борьбе.

Земство в конце 1917 – начале 1918 г. являлось одним из центров, объединившим все антибольшевистские силы, решающую роль в котором сыграли эсеры. Это нашло отражение на страницах земской печати. В «Пермской земской неделе» стали публиковаться фрагменты и даже целые статьи из социалистических газет «Народная свобода», «Власть народа», «Воля народа», а эти газеты, в свою очередь, публиковали материалы по деятельности органов местного самоуправления.

В марте 1918 г. в связи с окончательным установлением на территории Пермской губернии власти большевиков «Пермская земская неделя» была переименована в «Трудовую коммуну»,

содержание которой, по мнению редакции газеты, не имело ничего общего с земской газетой [6, с. 67]. Такая же судьба постигла и другие местные земские газеты.

Таким образом, революционная ситуация 1917 г. способствовала высокой политизации периодической печати. Газеты этого времени содержат уникальный материал о политической деятельности земства и политических настроениях его гласных в критический период российской истории, существенно дополняя корпус делопроизводственных источников органов местного самоуправления. Этот материал, в частности, отражает восторженное отношение органов местного самоуправления к событиям Февральской революции 1917 г. Данное обстоятельство объясняется последующим значительным расширением полномочия земства и городских дум. Получив широкие возможности, они активно включились в политическую борьбу на стороне Временного правительства, поддерживая его вплоть до свержения в октябре 1917 г. С приходом к власти большевиков местное самоуправление вступает в противостояние с ними. Эту борьбу земства проиграли.

1. Герасименко, Г. А. Земское самоуправление в России / Г. А. Герасименко. – М. : Наука, 1990. – 262 с.
2. Дергачёва, Л. Д. Источниковедческое исследование периодики и теория управления / Л. Д. Дергачёва // Вестник Московского университета. Серия История. – 1996. – № 4. – С. 79–89.
3. Дмитриев, С. С. Источниковедение русской исторической журналистики: (Постановка темы и проблематика) / С. С. Дмитриев // Источниковедение отечественной истории : сб. ст. за 1975 г. – М. : Наука, 1976. – С. 272–305.
4. Думы Урала. – Екатеринбург, 1917.
5. Есин, Б. И. О методике историко-журналистских исследований / Б. И. Есин // Методика изучения периодической печати. – М., 1977. – С. 3–9.
6. Кашаева, Ю. А. «Пермская земская неделя» как источник по изучению кустарных промыслов крестьян Пермской губернии начала XX века / Ю. А. Кашаева // Периодическая печать Пермской области: история и современность : материалы научно-практической конференции, посвященной 300-летию Российской печати. Пермь, 26 марта 2003 г. – Пермь, 2003. – С. 66–68.
7. Ковтунова, А. В. Частная периодическая печать Таврической губернии как источник по социальной истории России конца XIX – начала XX веков : автореферат дис. … канд. исторических наук / А. В. Ковтунова. – М., 2010. – 26 с.
8. Народная свобода. – Пермь, 1917.
9. Пермская земская неделя. – Пермь, 1917–1918.
10. Рынков, В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников / В. М. Рынков // Отечественные архивы. – 2010. – № 3. – С. 44–51.
11. Черепенчук, В. С. Переворот адмирала А.В. Колчака в Омске 18 ноября 1918 года и его отражение в российской периодической печати ноября-декабря 1918 года : дис. ... канд. ист. наук / В. С. Черепенчук. – СПб, 2010. – 196 с.

Назарова Е.Л.

ГАЗЕТА «KRIEVIJAS CĪŅA» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЛАТВИИ 1918–1920 гг.

«Krievijas cīņa» (далее – КС) – основная «революционная пролетарская» газета латышских коммунистов в Советской России/СССР, издававшаяся с 1918 г., ставившая цель «вести пролетариат к революции» и воспитывать у читателей «пролетарский империализм» [35]. Читательская аудитория газета – латышская община в Советской России, которая к концу Первой мировой войны насчитывала от 700 тыс. до 1 млн. человек [1, с. 49–50 и др.]. Бóльшую часть общины составляли беженцы и эвакуированные с предприятиями и учреждениями в 1915 г. В результате в латышской российской диаспоре выросло число рабочих, инженерно-технического персонала, а также интеллигенции. Тем не менее, как и раньше преобладали крестьяне. Кроме того, в России оказались полки латышских стрелков, сформированные в 1915 г. и ставшие наиболее надежными защитниками Советской власти. Но их преданность объяснялась не столько идейными убеждениями, сколько обещанием В.И.Ленина, что они вернутся домой после установления в Латвии советской власти [2, с. 342].

Большинство латышей хотели вернуться на родину, вне зависимости от политического строя в Латвии, среди латышских беженцев, особенно интеллигенции была весьма популярна идея независимости. Главными врагами для латыша были немецкие помещики, а не латышская буржуазия или крестьяне-землевладельцы. В отличие от них латышские коммунисты связывали возвращение беженцев в Латвию с установлением там советской власти. Газета подробно сообщала о событиях в Латвии, придерживаясь при этом в подаче информации «интересов пролетариата».

В сфере нашего внимания сведения за период с ноября 1918 г. по август 1920 г., когда в Латвии шла борьба за власть между большевиками и сторонниками независимого государства. Основное внимание в газете уделялось борьбе за советскую власть и Латвийской советской республике. Тема советской власти в Латвии в 1919 г. неоднократно рассматривалась в историографии, причем в советское время и в Латвийском государстве – с диаметрально противоположных позиций. Далеко не все аспекты этой темы исследовались обстоятельно и непредвзято,

такая работа еще предстоит. В докладе не ставится задача изучения этого периода латвийской истории. Цель настоящего исследования – рассмотреть КС в качестве источника по идеологическому воспитанию советских латышей. Хотя историки неоднократно обращались к материалам латышской прессы, в таком ракурсе газеты не исследовались.

В основе изложения материала лежал тезис большевиков о перерастании социалистической революции в России в мировую революцию. Ощущению неизбежности такого развития событий способствовали революции в Германии и в распавшейся Австро-Венгрии, а также подъем рабочего движения в крупнейших странах Европы [7; 23; 31]. Советская власть в Латвии считалась важным звеном в едином революционном фронте между Советской Россией и «Германской социалистической республикой» [8; 28]. Из Латвии открывался ближайший путь в революционную Россию, куда стремилась «мировая контрреволюция» в лице Антанты и германского империализма. Сторонниками их в Латвии были латышские «белогвардейцы» и «социал-предатели» меньшевики [12; 18]. То есть, на латышей возлагалась особая ответственность за победу мировой революции. Латыши в России должны были «влить свежую струю своей крови в жилы» «богатыря Лачплесиса» [3]. Перед стрелками, отправившимися осенью 1918 г. в Латвию, стояла задача освободить оккупированные территории и от немцев, и «от контрреволюционных банд» и расчистить путь «между Красной Россией и Красной Латвией». При этом провозглашение в Латвии советской власти 17.12.1918 г. трактовалось как «восстановление» Советской Латвии [8; 25], поскольку начало советской республики отсчитывалось с момента провозглашения ее на II съезде Советов рабочих, стрелковых и безземельных депутатов в Валмиере 16–18.12.1917 г. А во время оккупации всей Латвии германскими войсками в феврале 1918 г. произошло лишь «временное отступление» советской власти. «Власть пролетариата» представлялась законной, в отличие от провозглашенной 18 ноября 1918 г. Латвийской республики и ее Временного правительства. Последнее называется незаконным, недееспособным и антинародным, полностью зависимым от германских империалистов и Антанты. Это правительство «серых баронов», «свинарей», «телятников», «комедиантов» и т.п. Слово «правительство» в КС обычно берется в кавычки, тем самым выражая сомнение в самой правомерности такого термина для данного органа. Точно также в кавычки берутся «общество», «гражданское общество», «так называемая республика», «демократическая» [5; 6; 10; 13; 24; 27].

Идея о независимом национальном государстве называется реакционной и выгодной международному империализму, при социализме оно «ненужно и лишне». Независимость рабочего класса должна быть не по национальному, а по классовому принципу: независимость от эксплуатации. Латвия виделась автономной частью РСФСР; без России невозможно восстановление хозяйства. Основные принципы конституции Советской Латвии была заимствованы из конституции РСФСР. Флаг и герб также в основном повторяли символы Советской России. Идея Конституционного собрания, выдвигаемая правительством Улманиса, характеризовалась как антинародная, как и «антинародный орган серых баронов» – Национальный совет [6; 11; 14; 15; 17; 20; 21; 29]. По образцу РСФСР создавался государственный аппарат, хотя и с учетом конкретной политической обстановки. Так, посчитали ненужным создавать Чрезвычайную комиссию, ибо в Латвии не ожидали такой сильной внутренней контрреволюции, как в Советской России [30]. Вместе с тем, в КС неоднократно упоминается о карательной деятельности Революционного трибунала.

Для латышей очень важна была информация о национализации в Латвии. Если национализация помещичьих земель должна была восприниматься с одобрением, то национализация всех предприятий (включая ремесленные) и всей торговли – с настороженностью, поскольку мелкое предпринимательство было весьма распространено, и популяризировалось латышской интеллектуальной элитой в годы войны [22, с. 210]. Тем более, не мог вдохновить латышей, народ, у которого желание иметь свою землю за много веков закрепилось на генетическом уровне, декрет о «социалистическом сельском хозяйстве». В бывших имениях создавались государственные хозяйства с наемной рабочей силой. Крестьянам-хозяевам государство отказывало в помощи, а если они сами не могли восстановить свое хозяйство, то должны были отдать землю в уезд для обработки специальными бригадами во главе с агрономами [32]. Диссонансом советской реформе звучало упоминание о раздаче земли нуждавшимся крестьянам на территории, подконтрольной правительству К. Улманиса. Данным сообщением КС, вероятно, хотела продемонстрировать лукавство латышской буржуазии, пытавшейся таким образом привлечь крестьян в свою армию. Но практика показала, что для латышей такое решение земельного вопроса оказалось более привлекательным.

Очень болезненным для беженцев был вопрос о возвращении на родину. Советское правительство поставило этот вопрос под жесткий контроль. В первую очередь нужно было пополнение в Красную армию Латвии. Те же стрелки, которые по возвращению в Латвии расходились по домам, объявлялись дезертирами [34]. Для укрепления партии, создания государственного аппарата и восстановления хозяйства из России посылали коммунистов и специалистов [9; 26]. При восстановлении предприятий в Латвии выяснилось, что необходимо хотя бы частичное возвращение эвакуированного оборудования. Но здесь обнаружились противоречия с российским правительством, отказывавшимся возвращать хотя и старые, но еще работавшие предприятия. Кроме технических и практических соображений, нежелание объясняли тем, что «истинные интернационалисты» не должны «делить предприятия между народами» [16; 26]. Вместе с этим откладывались и планы латышских рабочих этих предприятий вернуться домой. После поражения советской власти в Латвии желания латышских беженцев и латышских коммунистов не совпадали. Отступление считалось временным. Беженцы должны были вернуться только в Советскую Латвию. После подписания договора о реэвакуации 12.06.1920 г. в газете появились статьи, направленные на то, чтобы не допустить отъезд беженцев. Говорилось, в какие кабальные условия попадали вернувшиеся домой беженцы, и как они жалеют о своем решении [4; 19; 33].

В рамках доклада нет возможности рассмотреть все примеры «пролетарского» воспитания читателей газетой КС. Но и приведенного достаточно, чтобы оценить методы печатной пропаганды латышских коммунистов, которые по степени агрессивности риторики в отношении противника даже превосходили своих российских однопартийцев. При этом не думали, насколько «правильно» российскими латышами воспринималось толкование печатавшейся информации. Очевидно, что газета КС как источник по истории и коммунистической идеологии требует более детального изучения. Кроме того, исследование газетных материалов побуждает к более глубокому изучению того, как реально коммунистическая пропаганда в латышской прессе влияла на настроения в латышской советской общине, особенно в период оптации и массового возвращения латышей на родину в начале 1920-х гг.

1. Арент, К. П. Особенности миграции национальных трудовых ресурсов / К.П. Арент. – М. : МГУП, 2011. – 254 с.
2. Ленин, В. И. Речь перед латышскими стрелками / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – М. : Политиздат, 1974. – Т. 35.
3. Atgriešanas uz Latviju un starptautiskas socialistiskas revolūcijas fronte // № 200, 21.11.1918.
4. Bēgli griež kažoku uz otru pusi un raud par silķi // № 77, 27.07.1920.
5. Bērziņš, R. Partijas jautajūms Padomju Latvijā //№ 8, 14.01.1919.
6. Cīņa par neatkarību// № 195. 28.09.1919.
7. Cīņa par proletariāta diktatūru Vācijā // № 8, 14.01.1919.
8. Evalds. Latvijas atbrīvošana un latviešu komunistiskas sekcijas Krievijā // № 198, 19.11.1918.
9. Hermanis, J. Latviešu komunistu mobilizacija // № 5, 10.01.1919.
10. Latvijas buržuazijas priekšstavji ārzemēs // № 147, 25.07.1919.
11. Latvijas darba tautai // № 201, 22.11.1918.
12. Latvijas frontē // № 53, 29.03.1919.
13. Latvijas “komedianta” liktenis // № 61, 09.04.1919.
14. Latvijas konstitūcija un karogs // № 12, 18.01.1919.
15. Latvijas Nacionālā Padome // № 218, 12.12.1918.
16. Latvijas rūpniecības jaunradīšanas jautājumā // № 6, 11.01.1919.
17. Latvijas Sociālistiskās Padomju Repūblikas Satversme // № 22, 01.02.1919.
18. Latvijas strādniecības congress //№ 8, 14.01.1919.
19. Latviešu strādnieki un “tautiska” demokrātija // № 237, 19.11.1919.
20. Latvijas un Krievijas attiecības // № 12, 18.01.1919.
21. Latvijas valsts // № 211, 04.1918.
22. Nazarova, J. The First World War and the Latvian National School / J. Nazarova // Sabiedrība, karš un vēsture: Pirmā pasaules kara militārās, politiskās un sociālās norises Baltijas reģionā.1914–1918. (Latvijas Kara muzeja gadagrāmata. XV) / Ju. Ciganovs. Rīga, 2014. – P. 208–220.
23. Nemiera viļņi Anglijā// № 19, 02.1919.
24. Pēdeja “partija” // № 7, 12.01.1919.
25. Rīgas ieņemšana // № 5, 10.01.1919.
26. Sarkanās Latvijas atjaunošana // № 20, 30.01.1919, № 22, 01.02.1919.
27. Soda diena Latvijā // № 222, 17.12.1918.
28. Starptautiskā revolūcija // № 234, 31.12.1918, № 3, 04.01, 1919.
29. Stučka, P. Mūsu uzdevumi pret Latviju // № 203, 24.11.1918.
30. Sudrabs-Lacis. Vai Latvijai vājadzīga arkārtējas komisija cīņa ar kontrrevolūciju? // № 3, 04.01,1919.
31. Ungarijas revolūcija // № 49, 25.03.1919.
32. Valdmanis, R. Par ispostītas saimniecības atjaunošanu // № 39, 09.03.1919.
33. Vēstule no pozīcijam // № 77, 27.07.1920.
34. Vīksne, P. Krievijas komunistiskas partijas Latviešu sekcija un socialistiskā revolūcija // № 7, 12.01.19.
35. Viksne, P. Latviešu proletāriskie laikraksti Krievijā // № 76, 22.7.1920, № 77, 27.07.1920.

Бароўская В.М.

БЕЛАРУСКАЕ ПЫТАННЕ ПАДЧАС ПОЛЬСКА-САВЕЦКАЙ ВАЙНЫ 1919–1920 гг. НА СТАРОНКАХ “KURJER POLSKI”

“Kurjer Polski” – штодзённая газета, якая выдавалася ў Варшаве ў 1898–1939 гг. Па сваёй ідэйна-палітычнай накіраванасці была прыбліжана да лагера прыхільнікаў Ю. Пілсудскага. Рэдакцыйна-адміністрацыйны аддзел газеты знаходзіўся ў Варшаве. Таксама выданне мела філіялы ў Лодзі, Влацкаўцы. Разам з выданнямі Rząd i Wojsko”, “Kurjer Porany”, “Przegląd Wieczorny”, “Wyzwolenie”, “Niedolę Chłopską”, “Robotnik”, “Tribunę”, “Przedświt”, “Sprawę Robotniczą” выступала ў патрымку ідэі федэралізацыі “ўсходняга пытання”, настойвала на рэалізацыі права на самавызначэнне для народаў, што пражывалі на тэрыторыі былой Расійскай імперыі, у першую чаргу літоўска-беларуска-ўкраінскага рэгіёна. Асновай польскай палітыкі да гэтых народаў павінен стаць прынцып “вольны з вольнымі, роўны з роўнымі”. Прадугледжвалася “стварэнне незалежнай Украіны, Беларусі і іншых рэспублік, якія павінны стаць буферам, які забяспечыць Польшчу ад нападу Савецкай Расіі” [5, s. 559–600].

На старонках газеты, акрамя надзённых сталічных навін, знаходзіла свае адлюстраванне і беларускае пытанне. Так, 1 лістапада 1919 г. быў размешчаны артыкул “Беларусь жадае жыць і ваяваць разам з Польшчай”. У цэнтры ўвагі адзначанага матэрыялу пастаўлена праблема стварэння Беларускай Вайсковай камісіі і беларускіх вайсковых фарміраванняў, падпарадкаваных польскаму галоўнаму камандванню [8, s. 4]. Як вядома, Беларуская Вайсковая камісія была створана 2 жніўня 1919 г. і фармальна падпарадкоўвалася Цэнтральнай радзе Віленшчыны і Гродзеншчыны. У артыкуле паведамляецца, што асноўнай задачай камісіі стала распрацоўка праекта арганізацыі беларускіх ўзброеных частак у складзе польскага войска і тэкста звароту да польскіх уладаў. У далейшым камісія павінна была дзейнічаць пры польскім Галоўным камандванні, а таксама мець прадстаўнікоў ва ўсіх галінах вайсковай гаспадаркі, якія б тычыліся беларускіх частак. Камісія павінна была б прапаноўваць кандыдатуры афіцэраў для беларускага войска, зацвярджаць пастановы польскага Галоўнага камандвання аб іх прызначэнні ці звальненні. Аўтар гэтага матэрыялу зварочвае ўвагу чытачоў на дэкрэт Ю. Пілсудскага ад 22 кастрычніка 1919 г., які зацвердзіў склад і паўнамоцтвы камісіі: П. Аляксюк (старшыня), А. Аўсянік, палкоўнікі Г. Канапацкі (камандуючы беларускім войскам) і Д. Якубоўскі, штабс-капітаны Ф. Кушаль і А. Якубецкі, Ю. Мурашка, А. Прушынскі (А. Гарун), С. Рак-Міхайлоўскі, яе пастаяннае месцазнаходжанне (Мінск) і фарміраванне беларускага войска пад назвай “беларускіх нацыянальных аддзелаў” у Слоніме пад камандваннем Г. Канапацкага. Афіцэрам і салдатам беларускай нацыянальнасці было дазволена пераходзіць у беларускія часткі [2].

Ужо 12 лістапада 1919 г. газета зноў зварочвае ўвагу чытачоў на беларускую праблематыку. Было змешчана паведамленне аб накіраванні дыпламатычнага пасольства БНР на Украіну (Камянец), на чале якой знаходзіўся А. Цвікевіч [9, s. 3]. “Kurjer Polski” інфармаваў, што беларускі прадстаўнік сустрэўся з віцэ-міністрам А. Старасельскім і ўручыў адпаведныя пацвярджаючыя паперы. У маі 1919 г. Дыпламатычнае прадстаўніцтва БНР у Берліне пазначыла А. Цвікевіча дыпламатычным прадстаўніком на Украіне. У лістападзе 1919 г. кіраўніцтва БНР звярнулася да ўкраінскіх уладаў з просьбай аказаць матэрыяльную дапамогу. Місія А. Цвікевіча не дала жаданых вынікаў. Раскол Рады Народных Міністраў БНР на Народную і Найвыэйшую Раду ў снежні 1919 г. наогул зрабіў немагчымай справу беларуска-ўкраінскага супрацоўніцтва [3].

Беларускае пытанне з’яўляецца на старонках “Kurjera Polskiego” толькі праз працяглы тэрмін – 8 лютага 1920 г. [12, s. 4]. Менавіта ў гэты час было размешчана паведамленне аб з’яўленні ў англійскім перыядычным друку (газета “Times’is”) артыкула Ч. Рівета. Англійскі журналіст ставіць перад чытачамі праблему далейшага існавання беларускіх зямель. Ч. Рівет дае характарыстыку дзейнасці беларускіх нацыянальных колаў. Аўтар схіляецца да думкі, што палітычныя сілы беларускіх зямель дэманструюць нягнуткую палітыку, якая заключаецца ў адстойванні незалежнай лініі. Яны выступаюць рэзка супраць ўваходжання беларускіх зямель у склад ні Савецкай Расіі, ні будучай манархічнай Расіі. Як падкрэслівае Ч. Рівет, беларускія палітычныя сілы будуць “са зброяй у руках адстойваць ідэі непадзельнасці тэрыторыі Беларусі”. Праўда, як адзначае англійскі журналіст, асобныя беларускія прадстаўнікі маюць паланафільскую накіраванасць, схіляюцца да федэрацыі з Польшчай.

Пытанне лёсу беларускіх зямель неаднаразова ўздымаецца на старонках газеты ў сувязі з хуткім правядзеннем савецка-польскіх перагавораў у Барысаве (снежань 1919 г. – чэрвень 1920 г.). Так, 6 сакавіка 1920 г. выйшла паведамленне аб тым, што прадстаўнікі Цэнтральнай рады Віленшчыны і Гродзеншчыны жадаюць прыняць удзел у плануемых савецка-польскіх перагаворах [13, s. 2]. Свой намер яны аргументавалі тым фактам, што на гэтых сустрэчах будзе закранацца беларускае пытанне. Аналагічнае жаданне ўтрымлівалася ў нотах пратэста Рады Народных Міністраў БНР ад 10 красавіка 1920 г. на адрас РСФСР, Польшчы, краін Антанты з патрабаваннем дапусціць беларускіх прадстаўнікоў на савецка-польскія перагаворы [1, с. 716]. Пратэстныя рашэнні былі прыняты на чарговых пасяджэннях Часовага беларускага нацыяльнага камітэта, створанага ў Мінску ў верасні 1919 г. [4, л. 7–10].

Беларускае пытанне паўставала ў рамках артыкулаў, прысвечаных асвятленню асаблівасцяў "усходняй" палітыкі Польшчы, дзейнасці Генеральнага камісарыята ўсходніх зямель (ГКУЗ). Значнае месца на старонках газеты займае пытанне арганізацыі эканамічна эфектыўнага кіравання на акупіраваных польскімі войскамі тэрыторыях. На думку аўтараў і выдаўцоў "Kurjera Polskiego" дзейнасць ГКУЗ і асабіста Е. Асмалоўскага заслугоўвае выключна крытычных адзнак. Яны заснаваны на фактах адсутнасці патрымкі з боку мясцовага насельніцтва і палітычных сіл, прыкладамі частых рэквізіцый, якія пераходзілі ў рабаванне.

12 лістапада 1919 г. з'явіўся артыкул "Генеральны камісарыят усходніх зямель" [9, s. 4]. У ім справа вырашэння "ўсходняга пытання" ставіцца ў прамую залежнасць ад пазіцыі краін Антанты і ЗША, ад поспехаў польскай ваеннай кампаніі, ад паспяховасці кіравання ГКУС. Пры гэтым далучэнне тэрыторыі Віленшчыны і Гродзеншчыны з'яўляецца больш лёгкай справай з-за прысутнасці ў дадзеным рэгіёне значнай колькасці каталіцкага насельніцтва. Значныя цяжкасці вырашэння "ўсходняга пытання" на карысць Польшчы могуць заўважацца на тэрыторыі Белай Русі, дзе пераважае праваслаўнае насельніцтва. Услед за адзначаным артыкулам 28 лістапада 1919 г. выйшаў матэрыял "Польская палітыка на ўсходніх крэсах" [10, s. 1]. У ім рэзка крытыкуецца польская ўсходняя палітыка, прыводзяцца негатыўныя бакі функцыянавання ГКУЗ. Адзначаюцца яго памылкі ў нармалізацыі сацыяльна-эканамічнага становішча акупіраваных польскімі войскамі зямель, таксама прыводзяцца недахопы ў сферы нацыянальнай і адукацыйнай палітыкі. У канцы артыкула робіцца вывад, што "такая дзейнасць ГКУЗ наносіць значную шкоду, настройвае рэзка супраць Польшчы мясцовае насельніцтва", "ва ўмовах, пакуль лёс гэтай тэрыторыі яшчэ канчаткова не вырашаны, улік волі насельніцтва мае вельмі важнае значэнне" [10, s. 1].

У тым жа русле напісаны артыкул ад 1 снежня 1919 г. "Некампетэнтнасць мясцовых улад на Беларусі" (фатальныя памылкі секцыі асветы Генеральнага камісарыята ўсходніх зямель") [11, s. 2]. У артыкуле зварочваецца ўвага чытачоў на недахопы адукацыйнай палітыкі, якая прыніжае значэнне асветы на беларускай мове. Адзначаная палітыка, у выніку, становіцца прычынай узвышэння рускамоўнай і яўрэйскай адукацыі. Паўсюль насаджаецца прынцып: польскамоўная адукацыя для каталікоў, і рускамоўнай – для праваслаўных жыхароў беларускіх зямель. Такая палітыка ў сваю чаргу прыводзіла да пратэстных настрояў сярод мясцовага насельніцтва, якое "заслугоўвае мець школу на беларускай мове" [11, s. 2]. Аўтар заўважае, што для арганізацыі нармальнага існавання беларускамоўнай адукацыі неабходна ажыццявіць падрыхтоўку настаўніцтва і выпуск адпаведных метадычных дапаможнікаў.

Немалаважнае значэнне надавалася і асвятленню грамадска-палітычнага руху на акупіраваных польскімі войскамі беларускіх землях. 6 верасня 1919 г. на старонках газеты з'явіўся артыкул, у якім асноўная ўвага зварочваецца на працу польскіх грамадскіх арганізацый, якія былі заснаваны яшчэ да ўсталявання савецкай улады [7, s. 5]. Найбольш буйнымі арганізацыямі на акупіраваных тэрыторыях называюцца: Macierz Szkolna і Wydział Oświaty Rady Ziemi Mińskiej. У асноўным яны засяроджвалі сваю дзейнасць на падрымцы польскамоўнай адукацыі. Іх праца знаходзіла фінансавую падрымку з боку польскага ўрада (30 тыс. рублёў) [7, s. 5], фактычна яны былі падпарадкаваны секцыі асветы ГКУЗ. Згодна з інфармацыяй, пададзенай у артыкуле, пад наглядам гэтых грамадскіх арганізацый знаходзіліся 405 народных (пачатковых школ) і 8 прагімназій і 4 гімназіі. Таксама ў артыкуле ўзгадваюцца Таварыства дабрачыннасці, Таварыства апекі над вязнямі, Таварыства сяброў польскага салдата, Кола поляк (Koło Polek). Яны, пасля заняцця польскімі войскамі г. Мінска (8 жніўня 1919 г.), засяродзілі

сваю працу вакол забеспячэння патрэб польскага войска. Яны існавалі за кошт штомесячных выплат членаў і дапамогі мецэнатаў.

Захоп значнай часткі тэрыторыі Беларусі паставіў перад польскім кіраўніцтвам не толькі пытанне арганізацыі дзейснага кіравання. Асабліва востра стала дылема працягу ваенных дзеянняў і пытанне далейшага прасоўвання на ўсход. Так, 20 жніўня 1919 г. выйшаў артыкул "Польскія войскі дасягнулі р. Бярэзіны", прысвечаны адзначаным пытанням [6, s. 2]. На першы план выступае не праблема арганізацыі нармальнага функцыянавання ГКУЗ і кіравання акупіраваннымі тэрыторыямі, а пытанне атрыманне фінансавай і ваеннай дапамогі з боку краін Антанты і ЗША. Польская дзяржава прадстае перад намі як адзіная краіна, якая не спыніла вайну з Савецкай Расіяй. Хоць, як адзначае аўтар, гэтая барацьба выклікала значныя эканамічныя і палітычныя выдаткі. Аўтар артыкула не пагаджаецца з меркаваннямі шматлікіх экспертаў, якія заяўляюць, што кожная краіна, якая пастаўлена перад пагрозай бальшавізма, павінна вырашаць гэтую праблему самастойна ў рамках асобнай дзяржавы. Так як бальшавізм з'яўляецца пагрозай для ўсяго цывілізаванага свету.

Такім чынам беларускае пытанне неаднаразова трапляе ў сферу разгляду аўтараў "Kurjera Polskiego". У асноўным яно разглядаецца ў рэчышчы федэралістычнай канцэпцыі Польскай дзяржавы. Вырашэнне беларускага пытання ставіцца ў прамую залежнасць ад рэалізацыі ў цэлым федэралістычных планаў па ўзнаўленню Рэчы Паспалітай. Беларускія нацыянальныя арганізацыі і палітычныя сілы разглядаюцца ў выглядзе мала ўплывовых і аўтарытэтных. Менавіта таму яны не могуць праводзіць самастойнай палітыкі і вымушаны зварочваецца за падтрымкай да польскага кіраўніцтва. Непаспяховасць "ўсходняй палітыкі" Польшчы цалкам ускладваецца на кіруючыя колы Генеральнага камісарыята ўсходніх зямель і асабіста Е. Асмалоўскага.

1. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі: у 2 кн. : Кн. 1. : 1917–1925 гг. / склад. С. Шупа. − Вільня–Нью-Ёрк–Менск–Прага, 1998. – Ч. 1 : 1917–1920. – 870 с.
2. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 159.
3. Зубко, В. Знешнепалітычная чыннасць Беларускай Народнай Рэспублікі ў 1919–1920 гг. ва ўкраінскай інтэрпрэтацыі / В. Зубко // Гістарычны альманах. – 2003. – № 8. – С. 107–117.
4. Пратакол пасяджэння Цэнтральнай Рады Віленшчыны і Гродзеншчыны 19 верасня 1919 г. // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 368. Воп. 1. Спр. 24.
5. Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich : w 41 t. / pod. red. W. Gostyńską. – 1961. – T. 2 : Listopad 1918 – kwiecień 1920. – 889 s.
6. Kurjer Polski. – 20 sierpnia 1919 r. – № 215.
7. Kurjer Polski. – 6 września 1919 r. – № 232.
8. Kurjer Polski. – 1 listopada 1919 r. – № 287.
9. Kurjer Polski. – 12 listopada 1919 r. – № 297.
10. Kurjer Polski. – 28 listopada 1919 r. – № 313.
11. Kurjer Polski. – 1 grudnia 1919 r. – № 316.
12. Kurjer Polski. – 8 lutego 1920 r. – № 38.
13. Kurjer Polski. – 6 marca 1920 r. – № 65.

Яковлева Г.Н.

РЕКЛАМА И ОБЪЯВЛЕНИЯ В ГАЗЕТАХ г. ВИТЕБСКА КАК ИСТОЧНИК ПО ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ 1920-х гг.

Российский исследователь В. Рынков, говоря о значимости периодической печати как источника, отмечал, что она дает возможность: «во-первых, анализировать многоаспектный комплекс источников, сформировавшихся в процессе жизнедеятельности общества, в рамках определенной политической, идеологической или ведомственной направленности (в силу того, что редакция целенаправленно определяет совокупность и порядок публикаций); во-вторых, включаться в жизненный мир определенной местности, организации, группы людей… В этом уникальность периодики, объясняющая необходимость и целесообразность ее изучения как самостоятельного феномена. Такой подход позволяет глубже анализировать круг источников, которые историки извлекают из газет и журналов, задает совершенно другие параметры источниковедческой критики. «Источниковой» единицей в этом случае должна выступать каждая отдельная публикация, а не издание в целом (газета, журнал), что позволит определить все многообразие опубликованных в прессе материалов и специфику каждого из них» [2].

Газетные объявления и рекламные сообщения не часто являются объектом исследовательского интереса, но они незаменимы при изучении повседневности, т.к. ориентированы на потребности людей, но в тоже время отражают социально-политические реалии времени, в котором они созданы. В 1920-е гг. самой массовой витебской газетой были «Известия Витебского губисполкома и губкома РКП(б)». С 1925 г. она выходила как «Заря Запада» – орган Витебского окружкома КП(б)Б, окрисполкома и окрпрофсовета. Кстати, обращает на себя внимание перестановка партийного органа на первое место во втором случае. По содержанию публиковавшиеся объявления и рекламу можно условно разделить на официально-информационные, культурно- просветительские и развлекательные, социально-бытовые и торгово-коммерческие, а также объявления и предложения частного характера. Рекламе и объявлениям отводилась, как правило, последняя – четвертая – страница (варианты – шестая или восьмая). Партийные и профсоюзные объявления могли размещаться на первой или любой другой странице, причем, они, как правило, занимали верхнюю её часть.

Интересна в связи с этим публикация «Внимание “Отделу извещений “» от 15 марта 1921 г. в витебских «Известиях». Статья стала реакцией на требования организаций к редакции газеты размещать их объявления о собраниях на первой странице «на самом видном месте». Автор статьи, отвергая подобные требования, писал, что советская печать вытравила «раз-навсегда всю коммерческую подоплеку из газет, все их торгашеское начало»,придала газетным полосам вид прокламаций, разместила на «выигрышных местах» призывные передовицы или боевую информацию, «выгнала» объявления и извещенияна четвертую страницу, набранные к тому же мельчайшим шрифтом, без выделений «черными» буквами и всевозможных подчеркиваний [1, л. 14].

Однако идеологическая чистота оказалась бессильна перед нэповскими реалиями. И хотя «первая страница», да ещё и «под самым заголовком», осталось полностью партийно-политической, но на четвертую страницу, и не только на неё, вернулись подчеркивания, «кричащие объявления», а солидные фирмы и торговые дома, теперь советские, делали свою рекламу, как и в дореволюционные времена, максимально «глазастее». По нашим наблюдениям, наибольшее количество рекламы и всевозможных предложений по оказываемым услугам в Витебске приходилось на 1923–1924 гг.

В условиях НЭПа среди газетных объявлений, публикуемых из номера в номер, немалое место занимали сообщения торгово-посреднического характера и предложения об услугах. В данном случае рассматривать мы их будем только в контексте повседневных интересов обычных людей и их проблем.

В разделах «Хроника дня» постоянно публиковались сообщения о динамике эпидемической обстановки в губернии и числе венерических заболеваний. И хотя в витебских газетах совсем немного предложений медицинского характера, но симптоматично, что одним из них было предложение услуг специалиста по венерическим и кожным болезням, врача А.Л. Алявдина [1, л. 8 об.]. Этот факт отражал наличие спроса на подобных специалистов. А проблема эта для Витебска была злободневной. В публикациях на страницах газеты утверждалось, что губерния занимает одно из первых мест по количеству больных венерическими заболеваниями, что официально объяснялось недостатком средств, последствиями Гражданской войны и длительным расположением на территории губернии многочисленных воинских частей [1, д. 93, л. 108 об.]. Возможно, ситуация также усугублялась низким санитарно-гигиеническим и культурным уровнем населения, а также стала отражением своеобразной «сексуальной революции», происходившей тогда в стране. В 1922–1923 гг. на страницах витебских «Известий» в продолжение дореволюционных традиций еще встречались объявления, в которых местные студенты сообщали о даваемых ими частных уроках. Чаще предлагались занятия по иностранным языкам, реже – по другим предметам [1, д. 87, л. 6 об., 19 об]. Предлагал услуги по изучению английского языка и обучению декламации и местный артист [1, л. 8 об.]. В контексте возрождения и активизации экономических связей с зарубежными странами интересно предложение о преподавании курсов английской и немецкой коммерческой корреспонденции для групп. Предлагалось обращаться к корреспонденту НКВТ (внешторга) [1, д. 87, л. 10 об.].

Соблазняли жителей города многочисленные и самые броские по размеру и оформлению предложения махорки, папирос и сигарет. В январских номерах 1924 г. сверху на самом выгодном месте размещались две зазывные рекламы. Первая требовала: «Курите МАХОРКУ Витебской Государств. Махорочной фабрики. Качество лучших ф-к республики». А вторая дополня-

ла: «Витебская махорка дешевле украинской на 30%» [1, д. 93, л. 4 об.]. Однако в феврале началась реклама «Лучших папирос СССР Ленинградского Табтреста», который сделал акцент на то, что Табтрест объединяет всемирно известные фабрики бывш. Лаферм, Шапошникова, Шапшала, таким образом, вызывая знакомые ассоциации у курильщиков. Что очень напоминает современную рекламную стратегию продаж мороженого или колбасы с названиями советских времен и апелляцией к советскому качеству. Затем в борьбу за потребителя включилась Донская Государственная Табачная фабрика (бывш. Асмолова), открывшая в Витебске свои магазины. Её реклама содержала агрессивный приказ и одновременно намек на элитарность: «ТРЕБУЙТЕ: «Для знатоков» «КП» «Наша марка» «АЗА» [1, д. 93, л. 135 об.].

В рекламе книжной продукции и канцелярских принадлежностей, наоборот, наследия прошлого не просматривалось. Здесь идеологическая составляющая была преобладающей. И на самом выигрышном месте можно было встретить рекламу: «ТЕТРАДИ С ПОРТРЕТАМИ ВОЖДЕЙ РЕВОЛЮЦИИ Хорошего качества По дешевым ценам» [1, д. 93, л. 100 об.]. Особенно актуальна была эта продукция в деревне, где и газеты по-прежнему были редкостью. А крестьяне, по наблюдениям местных газетчиков, не могли разъяснить, что такое СССР или СНК, встречающиеся в текстах печатных изданий.

По мере возрождения экономики и наполнения рынка обострялась конкуренция. Составители объявлений еще не владели многообразием рекламных приемов, но интуитивно понимали: потребителя нужно привлекать качеством продукции. Реклама стала все больше внимания уделять качеству товара, обещая, «довоенное», «высочайшее», или, как Витебский Кожтрест – «качество продукции и цены вне конкуренции» [1, д. 93, л. 28 об.]. 13 октября 1923 годаВитебский трест Швейной промышленностидоводил до всеобщего сведения, что для удобства публики Швейтрестом о т к р ы т о с 1 октября еще одно отделение по приему заказов на мужское и дамское платье как из материала треста, так и из материала заказчиков. В объявлении подчеркивалось, что «исполнение весьма аккуратное под руководством закройщика МЕССЕРМАНА» [1, д. 91, л. 16 об.]. Витебская швейная фабрика «ПРОФИНТЕРН» сообщала, что к наступающему весеннему сезону заготовлен большой выбор ГОТОВОГО ПЛАТЬЯ (мужского) и (дамского), белья, спецодежды и проч. И призывала: «НЕ ТРАТЬТЕ ВРЕМЯ!», уверяя, что работа производится под непосредственным руководством лучших закройщиков и превосходит качество специальной заказной работы [1, д. 106, л. 89 об.]. Государственный дрожжево-винокуренный завод (арендатор Н.Б. Кушлянский) призывал обращать внимание на фабричную марку и требовать «только Витебские ДРОЖЖИ во всех лавках города и губернии». Чтобы убедить покупателей в качестве продукции, дополнительно сообщалось, что «завод вновь оборудован новыми машинами и аппаратами и в настоящее время выпускает ежедневно только свежие дрожжи. Самого лучшего качества, выше довоенного» [1, д. 93, л. 19 об.]. Свою фабричную марку имел и минский дрожжевой завод, составлявший витебскому конкуренцию [1, д. 93, л. 17 об.]. Конечно, жизнь стала проще, запросы гораздо скромнее, но, судя по рекламе, жителям города были известны и лезвия фирмы ШВЕДСКИЙ Шилет («особая сталь, можно употреблять 10–15 раз»), и пианино фирмы Беккера и «Шредер», и заграничные парфюмерия и косметика.Броско рекламировались «лучшие виноградные вина, русских и заграничных» производителей [1, д. 93, л. 17 об.].

В борьбе за покупателя актуальной становилась и цена товара. И если сегодняшняя реклама часто нас убеждает, что «цены реальные», то тогда речь шла об умеренных, ценах значительно ниже рыночных. А скидки носили классовый характер. Завод «Левенбрей» обещал к предстоящим праздникам (29 декабря 1922 г.) скидку в 10% от оптовой цены на пиво, баварское и черное, клюквенный квас, ситро и лимонад «рабочим и профсоюзным организациям» [1, д. 87, л. 28 об.]. Рабочим «на льготных условиях с рассрочкой платежей до 3-х месяцев», правда, под гарантии заводоуправлений, отпускались галоши [1, д. 93, л. 132 об.].

После революции повседневную жизнь людей активно изменяли в нужном, проектируемом партией направлении. Активно обсуждались формы нового быта, печаталась информация санитарно-гигиенического характера, ставилось под сомнение все, что связано с религией и культом. Многочисленны объявления о политсудах над новой женщиной, над комсомольцами, совершавшими религиозные обряды, над пьянством и т.д. Газеты середины 1920-х гг. полны сообщений о советских крестинах («октябринах»), на которых новорожденные решением партийно-профсоюзных органов получали имена в честь В. Ленина, Р. Люксембург, событий 9-го января, Октябрьской революции и т.д. Заявления, публикуемые в газетах, показывают, что и

взрослые жители Витебска какбы перепрограммировали свою жизнь, меняя старые имена и фамилии на новые, более звучные (Брюхов – на «Павлов», Стигевич – на «Ленский», Гейде – на «Бронский» [1, д. 87, л. 17 об.]. Приведем одно из объявлений 1929 г. полностью: «Кузнецов Никифор Трофимович, происходящий из граж. г. Витебска, прожив.в Витебске по Старосельской улице, д. 16 меняет фамилию на «Гарольдов», имя на «Николай». Лиц, имеющих препятствия к перемене фамилии и имени, просят сообщить в ЗАГС, Бухаринская, 3» [1, д. 95, л. 30 об]. И в прейскуранте оплаты за объявление о смене фамилии, как, кстати, и о разводе, тариф был самым высоким – 4 рубля (1926 год) [1, д. 106, л. 18 об.].Однако часто получалось, что идеология и политика шли одним путем, а обыденная человеческая жизнь – другим. И эта двойственность находила свое отражение и подтверждение и на страницах газет. На первых страницах апрельских номеров 1922 г. извещали о партийных мероприятиях, направленных на развенчание Пасхи. А на их последних страницах сообщалось, что принимали ПАСХАЛЬНЫЕ ЗАКАЗЫ на торты, бабки, мазурки, куличи, пасхи и прочее кафе-столовая и кондитерская кооперативного объединения работников ВЕПО [1, д. 87, л. 17 об.]. Мелкая бакалейная торговля Д. ШЕРЕСА чуть ниже предлагала к ПАСХЕ краску для яиц, горчицу, уксус, всевозможные пряности и проч. Две недели ранее эти всевозможные пряности подробно перечислялись и подчеркивалось: «Все сорта настоящие (не суррогаты) и высшего качества» [1, д. 87, л. 15 об.]. В 1923 г. размещала свою рекламу кондитерская булочная Губкомпоследгола, которая, принимая к Пасхальным праздникам заказы на ПАСХАЛЬНЫЕ ИЗДЕЛИЯ, упоминала уже не только пасхи, бабки, мазурки, но и В И Н А [1, д. 91, л. 6 об]. Но своеобразным шедевром рекламного мастерства можно назвать следующий текст 1924 г.: «Крымское Южно-Бережное ПАСХАЛЬНОЕ ВИНО наилучших качеств можно получить только в винном магазине М. ШМЕРЛИНГА. К предстоящим праздникам получена крупная партия Южно-Бережных Крымских и др. разрешенных к продаже раввинами мест изготовления и разлива вин, а также местными раввинами. Рекомендуем остерегаться подделок, заказывать из-за большого спроса заблаговременно. Есть весьма дешевые сорта» [1, д. 93, л. 210 об.]. Здесь есть всё: и вина на любой вкус и доход, и прямое обращение к религиозным чувствам значительной части витебских евреев, и скрытое стремление подтолкнуть потребителя к покупке.

Целую дискуссию в местной прессе вызвало открытие клуба с карточными играми и лото при столовой Красного Креста, где рабочие города стали оставлять свои скудные заработки [1, д. 93, л. 19 об., 91 об.]. Рекламировались также конские бега.

Газеты в условиях нэповской экономики призывали публиковать рекламу и рекламировали себя. 4 апреля 1923 г. печатался призыв: «Спешите с подпиской на Витебские «Известия» на апрель месяц»; в ноябре 1926 г. – «ТЫ ПОДПИСАЛСЯ НА “ЗАРЮ ЗАПАДА”?»; а в декабре редакция газеты напоминала: «НЕ ЗАБУДЬ ВОЗОБНОВИТЬ ПОДПИСКУ НА “ЗАРЮ ЗАПАДА”» [1, д. 95, л. 8 об., 15 об]. А 29 мая 1929 г. появился совершенно удивительный текст: «ВНИМАНИЮ УЕЗЖАЮЩИХ НА КУРОРТЫ И В ДОМА ОТДЫХА! Чтобы на время вашего отсутствия быть в курсе всего, что творится в вашем родном городе, ВЫПИШИТЕ в адрес вашего нового местопребывания свою окружную газету “ЗАРЯ ЗАПАДА”» [1, д. 95, л. 32 об.].

Вообще печатная реклама тех лет – это неистощимый кладезь для исследований. Чего стоят только объявления о художественных фильмах, идущих в прокате, или о театральных спектаклях! И хотя в 1920-х гг. в «Известиях» и «Заре Запада» реклама еще оставалась без иллюстраций, модули с яркими крупными заголовками и призывами порой это сполна возмещали. Реклама фильмов была самой постоянной и массовой на страницах витебских газет на протяжении всех 1920-х гг. Авторы рекламы не стеснялись в своих хвалебных отзывах о кинолентах, используя соответствующую лексику: крупный боевик, величайший боевик советского киноискусства, роскошная постановка, незабываемая по грандиозности и простоте (!) постановка и т.д. Жителей Витебска настойчиво «программировали» на посещение очередного фильма. Приведем одну из реклам 1927 г.: «Куда сегодня вечером идти??? Конечно, в кино-театр «Пролеткино», где можно исключительно весело провести два часа в беспрерывном хохоте при просмотре самой веселой комедии «Процесс о 3.000.000» с участием известных артистов И. Ильинского, О. Жизневой, А. Кторова, М. Климова» [1, д. 110, л. 36 об.]. «Все должны видеть Мозжухина», – утверждал рекламодатель «колоссального заграничного боевика» «КИН» по экранизации А. Дюма [1, д. 110, л. 2 об.].

Хорошо характеризуют повседневность 1920-х гг. частные объявления. Жители размещали объявления о покупке «старинных русских редких монет», продаже рояля, покупке каракулевого пальто, поиске хорошей пишущей машинки, работы, квартиры, потере вещей и проч. [1, д. 87, л. 13 об., л. 45 об.]. В декабре 1922 г. при проезде по городу был утерян брезентовый портфель.«Все утерянное никакой ценности для нашедшего не представляет, но весьма ценно для учреждения. Представившему портфель с упомянутыми документами будет выдано мною вознаграждение», – взывал к совести и карману граждан незадачливый автор объявления [1, д. 87, л. 30 об.]. Рассеянным (?) совслужащим в 3,5 дня с извозчика был уронен портфель с деньгами (465 тыс. совзнаками). Их просили вернуть за приличное вознаграждение. В объявлении подчеркивалось крупными буквами, что «ДЕНЬГИ – КАЗЕННЫЕ» [1, д. 93, л. 95 об.]. В 1923 г. нашедшего 1 апреля, вечером, по Смоленской улице дамскую сумочку с документами, убедительно просили «доставить документы в редакцию для В.Г. ЗА ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ» [1, д. 91, л. 6 об.]. Проживали в городе и любители элитных пород собак. 27 февраля 1929 г. в «Заре Запада» было опубликовано следующее объявление: «Пропал молодой понтер. Ноги и грудь белые; голова и спина – темно-коричневые с белым треугольником. Утайку преследую по закону. Просьба сообщить: Песковатинская Набережная, д. 6., Халютин» [1, д. 95, л. 20 об.]. Хозяин явно предполагал кражу, отсюда – «Утайку преследую по закону».

Таким образом, реклама и объявления витебских газет 1920-х гг. показывают, что с окончанием гражданской войны, повседневная жизнь обывателя входила в относительно спокойное русло и потекла своим чередом. Потребность в музыке, потеря любимой собаки, попытки решить проблемы быта, найти работу или снять жилье – эти атрибуты будничной жизни человека были не только отзвуками прошлой эпохи, но и реальностью 1920-х гг. Осталась неистребимой страсть к азарту, с которым тогда еще мирилась власть: конские бега, грандиозные лотереи-аллегри, карточные клубы. Однако усиливалось влияние идеологии на повседневную жизнь людей. Партийные, комсомольские, профсоюзные организации приглашали жителей Витебска на многочисленные политсуды, лекции или дискуссии по новому быту, конференции, собрания и заседания и т.д. Что касается самой рекламы, то самой массированной и агрессивной (в тех формах, какие были доступны) была реклама спиртных и табачных изделий.Такой же была и реклама кино, которое и тогда в основном было зарубежным и развлекательным. Производители в рекламе всегда указывали предыдущее название предприятия или его бывшего владельца, как гарантию качества и узнаваемый, говоря сегодняшним языком, бренд.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 74.
2. Рынков, В. Периодическая печать: место в системе исторических источников // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://polit.ru/article/2010/08/09/periodika/. – Дата доступа: 31.08.2015.

Казак Т.В.

ГАРАДСКАЯ ГАЗЕТА ЯК КРЫНІЦА ПА ВЫВУЧЭННІ ШТОДЗЁННАГА ЖЫЦЦЯ ГАРАДЖАН (НА ПРЫКЛАДЗЕ ПОЛЬСКАГА ПЕРЫЯДЫЧНАГА ДРУКУ ГРОДНА 1919–1939 гг.)

Гродна ў міжваенны час аказаўся ў складзе польскай дзяржавы, дзе самым разпаўсюджаным сродкам масавай інфармацыі заставаўся перыядычны друк. У 1919–1939 гг. у горадзе выдавалася 76 назваў розных выданняў. Друкаваліся яны на польскай, ідыш, беларускай і рускай мовах, з іх 60 выданняў на польскай мове.

У міжваенны час Гродна было досыць вялікім выдавецкім асяродкам у Беластоцкім ваяводстве. Па падліках Анджэя Наткоўскага ў ваяводстве выходзіла 51 штодзённая газета, 29 былі мутацыямі, з іх у Беластоку 20 (14 мутацый), у Гродне – 21 выданне (10 мутацый) [4, с. 146–147]. Калі параўнаем Беласток, які меў на 36 тыс. жыхароў больш чым Гродна [2, с. 76], то прыходзіць выснова пра вялікае значэнне Гродна як выдавецкага асяродка. Гродзенскія выданні, як і ва ўсёй Польшчы, друкавалі матэрыялы агульнапольскага характару. Важным для развіцця правінцыйнай ці рэгіянальнай прэсы* міжваеннага часу з'яўляліся мутацыі, такім тэрмінам па-

* Для вызначэння правінцыйнай ці рэгіянальнай прэсы міжваеннага часа карыстаюся тэрытарыяльным фактарам, паводле якога Наткоўскі разумее выданні, якія выходзілі і рэдагаваліся па-за Варшавай і вялікімі гарадамі (Лодзь, Вільня, Познань, Катавіцы, Кракаў і Львоў) [4, с. 7].

значаюць газеты і часопісы, якія былі копіяй галоўных выданняў з іншых, часцей за ўсё вялікіх, гарадоў. Мутацыі вельмі часта выходзілі ў правінцыі [4, с. 13]. Аднак, такія выданні акрамя перадрукаў агульных навінаў дэманстравалі мясцовыя навіны з "шырокаабсяжнай ваколіцы". Таксама можна дапусціць, што прэса была папулярнай і чыталася, але пра наклады мала вядома (часам пішуць пра некаторыя выданні і тут вельмі розныя лічбы ад 800 экзэмпляраў да 10 тысяч).

Гродзенскія газеты ў 1919–1939 гг. мелі розны характар, найбольш папулярныя былі агульнаінфармацыйныя, але таксама вайсковыя, палітычна-інфармацыйныя, рэлігійныя, моладзевыя, сельска-гаспадарчыя, спецыялізаваныя, педагагічныя і сацыяльна-культурныя. У змесце гэтых выданняў шмат інфармацыі, якая адлюстроўвае штодзённае жыццё гараджан.

Змест гродзенскіх газет не вельмі адрозніўся ад іншых выданняў на тэрыторыі Беластоцкага ваяводства. На першых старонках амаль кожнага выдання размяшчалася інфармацыя агульнадзяржаўнага і сусветнага значэння, асабліва гэта было бачна ў мутацыях. Рэдка тут можна было ўбачыць артыкулы, прысвечаныя мясцовай тэматыцы. Выключэннем была газета *Mały dziennik grodzieński*, якая друкавала навіны з Гродна на першай старонцы.

Жыццё горада на старонках газеты было прадстаўлена ў выглядзе розных рубрык ці раздзелаў. Найбольш папулярнымі былі:

1. Рубрыка рэгіянальных і гарадскіх навінаў, выходзіла пад такімі назвамі як "Kronika" (Хроніка) у газетах *Kurjer Grodzieński, Nowy dziennik kresowy*, "Miejscowe" (Гарадское) у *Przegląd Tygodniowy*, "Życie społeczne" (Грамадскае жыццё) у *Gazeta Polska Ziemi Grodzieńskiej*, „Co słychać w Rzeczypospoltej Grodzieńskiej" (Што чуваць у Гродзенскай Рэчы Паспалітай) у *Czyn młodych*, „Z podwórka grodzieńskiego" (З гродзенскага падворка) у *Czyn młodych*, „Tydzień w życiu Grodna" (Тыдзень у жыцці Гродна) у *Nad Niemnem*. Гэтая рубрыка часта ўключала акрамя навінаў яшчэ прагноз надвор'я, начныя дзяжурствы аптэкаў.

2. Рубрыка навінаў культуры (найбольш інфармацыі пра тэатральнае жыццё): "Z teatru miejskiego" (З гарадскога тэтра), „Widowiska" (Мерапрыемствы); і спорту - "Z ruchu sportowego" (З спартыўнага руху). Культурнае жыццё горада было сканцэнтравана вакол двух тэатраў – Гарадскога тэатра імя Элізы Ажэшкі і гарнізоннага тэатра. Першы меў нават сваё выданне, якое выходзіла ў тэатральным сезоне 1937–1938 гг. пад назвай *Nasza Scena*. Яно выдавалася як дадатак да праграмы спектакля, і ўтрымлівала артыкулы з тэатральнай крытыкай і з гісторыяй тэатраў Гродна. Гарнізоны тэатр быў вайсковым, таму яго папулярызавалі на старонках выдання *Reduta*, якое выдавалася вайскоўцамі у Вільні, а пазней у Гродна.

3. Крымінальныя навіны размяшчаліся ў "Kronika policyjna" (Паліцэйская хроніка), "Z Sali sądowej" (З судовай залі).

4. У асобнай рубрыцы размяшчаліся лісты ад чытачоў, што сведчыць аб важным іх значэнні для рэдакцыі, называліся – "Nadesłane" (Дасланае), "List do Redakcji" (Лісты ў рэдакцыю). Сярод атрыманай пошты вылучаліся лісты з рэгіёна – "Z prowincji" (З правінцыі), "Z Kresów" (З Крэсаў), "Wieści i obrazki z kraju" (Навіны і малюнкі з края), "Odgłosy z prowincji" (Водгукі з правінцыі), а таксама з асобных мястэчак і гарадоў – Крынак, Парэчча, Індуры, Лунна, Ваўкавыска, Супрасля, Саколкі, Гайнаўкі і інш.

5. У нешматлікіх выданнях былі рубрыкі з фельетонамі на гродзенскія тэмы пра праблемы горада пад такімі назвамі як "Obrazki Grodzieńskie" (Гродзенскія малюнкі) у *Nowy dziennik kresowy*, "Z mojego okna" (З майго вакна) у *Trybuna* і інш.

6. У некаторых газетах была асобная рубрыка з рашэннямі Гарадской рады (магістрата) пад назвай "Dział urzędowy" (Урадавы аддзел) у *Kurier Grodzieński, Nadniemeński Kurier Polski.*

Шмат месца на старонках газет ўдзялялася жыццю і творчасці вядомым асобаў ці святкаванню дзяржаўных святаў. Шырока вядомай постацю для міжваеннага Гродна была пісьменніца і грамадскі дзеяч – Эліза Ажэшка, якой прысвячалася шмат увагі на старонках польскіх газет, часцей за ўсё ў сувязі з гадавінамі (нараджэння ці смерці). У кожнай польскай газеце на працягу года выходзіла некалькі артыкулаў пра дзейнасць мясцовага Таварыства імя Э.Ажэшкі. Хаця даследчыкі лічаць, што яна не стала для гродзенцаў сімвалам горада ў міжваенны час [3, с. 464]. Больш важнай асобай для фарміравання вобраза горада, якой надавалася вялікае значэнне, стаў кароль Стэфан Баторы, чаму паспрыяла святкаванне 400-годдзя з дня яго нараджэння і 350-годдзя з дня смерці. Пра падрыхтоўку і ўрачыстасці з нагоды гэтых святаў інфармацыя таксама прадстаўлена на старонках польскіх газет [1].

Тэматыкай артыкулаў былі не толькі навіны, а таксама аналіз дзяржаўных і мясцовых падзей. Вельмі часта друкаваліся краязнаўчыя артыкулы, у якіх можна ўбачыць рэгіянальныя асаблівасці, такія як шматкультурнасць і шматрэлігійнасць. Гэта праявілася ў артыкуле "Гродзенскія яўрэі ў XVIII ст." [6], надрукаваным у каталіцкім выданні *Nowe życie*, што выходзіла пад рэдакцыяй ксяндза Людвік Саванеўскага.

Краязнаўчыя артыкулы на старонках гродзенскіх газет даюць вельмі шырокае ўяўленне пра стан даследаванняў у рэгіёне. Часам менавіта газеты з'яўляюцца адзінай крыніцай інфармацыі з артыкуламі. Так вядомы даследчык Гродна Юзаф Ядкоўскі на працягу 1920–1937 гг. змясціў больш за сорак артыкулаў на старонках такіх газет як *Echo Grodzieńskie, Nowe Życie, Nowy Dzienniky Kresowy* і інш.

Рэдактарамі і аўтарамі артыкулаў былі вядомыя ў Гродне і на Гродзеншчыне асобы: паэт, грамадскі дзеяч і заснавальнік Таварыства ім. Э.Ажэшкі – Станіслаў Земак, дырэктар музея і гісторык – Юзаф Ядкоўскі, ксёндз Людвік Саванеўскі, вайсковец і паэт – Адам Ковальскі, журналісты Антоні Патла і Стэфанія Носціж-Яцкоўская і інш.

Нягледзячы на вялікую колькасць выданняў у горадзе, паўстае пытанне наколькі яны былі запатрабаваныя сярод жыхароў. Пра тое, хто мог чытаць гродзенскую прэсу можна даведацца з лістоў, якія атрымоўвалі рэдакцыі газет і часта змяшчалі на старонках перыядычных выданняў. Лісты дасылалі з усёй Гродзеншчыны, а значыць геаграфічна выданні ахоплівалі досыць шырокія тэрыторыі. Канешне, не можна выключыць, што некаторыя лісты былі напісаны па замове рэдакцыі ці самімі рэдактарамі з мэтай распачаць дыскусію па нейкай праблеме. Пасля прагляду надрукаваных лістоў на старонках газеты *Dziennik Kresowy* за 1923 г. сярод аўтараў знаходзяцца: прозвішча прэзідэнта горада Эдварда Стэпнеўскага, дырэктара тэатра Браніслава Скопскага, уладальніка кнігарні Э. Іберскага, жыхара мястэчка Парэчча Алоіза Незгоды, дырэктара Дзяржаўнага аздараўленчага таварыства Марыяна Рампа і звычайных жыхароў. Лісты, атрыманыя ад апошніх, часцей падпісаны ініцыяламі ці ананімныя. З іх зместу вынікае, што яны былі напісаныя асобамі, якія звязаны з прамысловай дзейнасцю ці з інтэлектуальнымі коламі горада. Самі лісты апісвалі канкрэтныя праблемы – як тэхнічныя так і адміністрацыйныя ў функцыянаванні горада.

Прадпрыемствы Гродна былі зацікаўлены ў развіцці газет, у сувязі з магчымасцю змясціць на іх старонках сваю рэкламу. Таму лагічна, што чытачамі маглі быць і працаўнікі фабрык. У 1923 г. гродзенцы працавалі на чатырох фабрыках тытуневых вырабаў, якія ў 1924 г. былі выкуплены польскім урадам і стварылі адно вялікае прадпрыемства (існуе да сёняшняга дня) – Дзяржаўная фабрыка тытуневых вырабаў. Акрамя яго працу знаходзілі на керамічным прадпрэмстве, на фабрыцы ўпакоўкі, на тартаках, у гарбарні, броварах і паравых млынах, а таксама на вядомай фабрыцы роваraў і матацыклаў „Niemen" і інш. [5, с. 25]. Усе гэтыя вялікія і малыя прадпрыемствы змяшчалі на старонках газет сваю рэкламу.

Інтэлектуальнае жыццё горада было прадстаўлена ва ўласных выданнях таварыстваў. Напрыклад, дзейнасць Яўрэйскага краязнаўчага таварыства прадстаўлена на старонках часопіса *Krajoznawstwo* (выдавалася па-польску і на ідыш), якое выдаваў філіял арганізацыі ў Гродна ў 1930-х гадах. Пры гэтым варта адзначыць, што гэтае выданне было ўнікальным у Польшчы, падобныя выдавецкія ініцыятывы звычайна паўставалі ў межах усёй дзяржавы, а гэта асобнае выданне для канкрэтнага рэгіёна.

У 1920-х гадах паўсталі два музея ў Гродне – Дзяржаўны музей у Гродне і Гарадскі прыродазнаўчы музей, а таксама быў адчынены заапарк. Дзякуючы намаганням іх кіраўніцтва пачалі выдавацца гадавікі, як, напрыклад, *Muzeum w Grodnie*. Розныя справаздачы з іх дзейнасці часта з'яўляліся на старонках штодзённых газет ў форме даступнай для чытачоў. Менавіта, рэцэнзіі, змешчаныя пасля мерапрыемстваў і падзей на старонках штодзённых газет, якія з'яўляюцца незалежнымі ад арганізацый, з'яўляюцца крыніцай пра культурнае жыццё гараджан.

Яшчэ адной крыніцай паўставання новых выдаўнічых ініцыятыў з'яўляліся польскія адукацыйныя ўстановы. Так мужчынская гімназія імя Адама Міцкевіча выдавала часопіс *Znicz* з 1930 г., які рыхтавалі вучні гуртка аматараў літаратуры. У 1925 г. жаночая гімназія імя Эміліі Плятэр выдавала часопіс *Nad poziomy*. Пра гэтую актыўнасць вучняў таксама паведамлялі гарадскія газеты. Вялікае значэнне ў жыцці тагачаснай моладзі адыгрывала дзейнасць польскіх харцэраў, якія часта былі ініцыятарамі выдання аднадзёнак (выданняў у форме газет, якія выходзілі адзін раз), часцей яны друкаваліся ў сувязі з нацыяльнымі святамі.

У Гродне размяшчаўся 81 полк пяхоты імя Стэфана Баторыя, дзейнасць якога была прадстаўлена на старонках гродзенскіх газет. Афіцэры палка таксама прымалі ўдзел у выдавецкай справе. Дзякуючы ім з'явіўся, узгаданы вышэй, часопіс *Reduta.*

Такім чынам, жыхары Гродна ў 1918–1939 гг. стварылі шмат грамадскіх выдавецкіх інцыятыў, якія карысталіся пэўным попытам. Існавала і свая група чытачоў, нягледзячы на тое што агульны ўзровень пісьменнасці ў усходніх ваяводствах Польшчы быў нізкі, часам толькі палова іх жыхароў магла чытаць.

Вялікая колькасць назваў газет сведчыць пра іх папулярнасць, а таксама ўкладаецца ў агульны працэс тагачаснага развіцця польскага перыядычнага друку. Газеты даюць нам магчымасць даследаваць штодзённае жыццё жыхара горада, пачынаючы ад яго звычайных чалавечых патрэбаў заканчваючы інтэлектуальнымі. А невялікая колькасць даследаванняў перыядычнага друку Заходняй Беларусі стварае шырокае поле для гісторыкаў і антраполагаў.

1. Казак, Т. Ушанаванне памяці Стэфана Баторыя ў Гродне ў міжваенны час / Казак Т. // Краязнаўчыя запіскі. – № 9. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2013. – С. 124–131.
2. Historia Białegostoku. – Białystok: Funadacja Sąsiedzi, 2012. – 672 с.
3. Milewski, J. Stefan Batory w tradycji Grodna 1919–1939 / J. Milewski // Наш Радавод. – Гродна, 1999. – Кніга 8. – С. 462–468.
4. Notkowski, A. Polska prasa prowincjonalna Drugiej Rzeczypospolitej (1918–1939) / A. Notkowski. – Warszawa : Państ. Wydaw. Naukowe, 1982. – 638 с.
5. Rennikowa, W. Z dziejów Grodna / W. Rennikowa // Pamięć Grodna 1919–1939 Informator wystawy. – Warszawa 1999. – 99 с.
6. Żydzi grodzieńscy w XVIII wieku // Nowe życie. – Nr 3. – R.VII. – 13 stycznia 1924. – С 4.

Мазур Л.Н., Горбачев О.В.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1922–1924 гг. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЕМЬИ*

Одним из направлений исследования российской семьи в раннесоветский период является изучение влияния идеологических факторов на ее трансформацию, изменение структуры, функций и правовых основ. 1920-е гг. вошли в историю России как время активного реформирования семьи, в основе которого лежали, во-первых, объективные модернизационные факторы, обеспечивающие постепенный и закономерный переход семьи от традиционной к современной ее разновидности; а во-вторых, попытки социального конструирования института семьи в соответствии с коммунистическими идеями и представлениями о роли и месте семейной организации в обществе будущего. В результате комплексного влияния обоих факторов семейные процессы в СССР приобрели специфические черты – это ускоренная и не вполне естественная эмансипация женщин, а также перераспределение функций воспитания детей между семьей и государством на фоне сохранявшейся патриархальной структуры внутрисемейных отношений.

Несмотря на бесспорные достижения в изучении раннесоветской семьи, дискуссии исследователей о возможностях «радикального» преобразования семьи, а также задачах политики советского государства во многом остаются в теоретической плоскости, выводы не верифицируются статистически, тем самым без внимания остаются *реальные* изменения, которые происходили в семье. Справедливость многих положений может быть по дтверждена или оспорена с привлечением массовых источников. Среди них следует выделить Всесоюзную перепись населения 1926 г., но ее возможности в деле реконструкции истории семьи ограничены, поскольку она ориентирована на характеристику ее демографического статуса, а не социальных трансформаций. Кроме того, первичные бланки переписи населения и семейные карты практически не сохранились, исследователям доступны только агрегированные результаты, что затрудняет выделение и анализ конкретно-исторических типов семей.

В результате исследователь семьи вынужден обращаться к нетрадиционным источникам, к которым относятся материалы Всероссийской партийной переписи 1922 г. РКП(б) в то время не была массовой (на начало 1922 г.ее численность составляла 410 тыс. чел. при том, что в европейской части РСФСР по переписи 1920 г. проживало 65 млн. чел.)[7, с. 8]. Значимость источника определяется главным образом тем, что в партийной среде в первую очередь прояви-

* Тема исследования поддержана грантом Российского фонда фундаментальных исследований № 15-06-05611 «Типология раннесоветской семьи по материалам партийных переписей 1920-х гг.».

лись те изменения, которые происходили в поведении и сознании людей, попавших в зону партийного влияния и контроля.

Материалы всероссийской переписи 1922 г. в советской историографии использовались неоднократно для изучения сюжетов по партийному строительству, а также в контексте источниковедения [1; 2; 5; 8; 11]. К.Б. Литвак первым высказал предположение о том, что партийная статистика 1920-х гг. содержит информацию, пригодную не только для анализа социально-классового аспекта. На основе данных о грамотности исследователь изучал культурный уровень коммунистов [6].

До 1990-х гг. историками использовались только сводные данные переписи, содержащие разработки по 8 показателям из 59 (сведения о количестве парторганизаций и коммунистов по губерниям и областям, группировки членов партии по партийному стажу, образованию, социальному происхождению, национальности, полу и возрасту, межпартийной мобильности [4]), первичные материалы практически не привлекались. Среди историков, исследовавших первичные документы переписи, следует отметить Т.П. Теплякову, С.В. Воробьева, И.А. Пашкова и др. [3; 9; 10]. Благодаря их трудам были раскрыты сюжеты о роли переписей в партийном строительстве, в том числе для проведения чисток; проведена реконструкция социального портрета партийных кадров, их карьерных стратегий. Что касается состава семьи членов партии, то он не изучался ни органами статистики, ни историками.

Первичные материалы переписи, сохранившиеся в региональном архиве практически целиком (речь идет о Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) [12]), гораздо более полные по сравнению с аналогичным массивом, доступным в РГАСПИ. Переписные анкеты нередко сопровождаются документами, содержащими дополнительные сведения о коммунисте. Формуляры организованы по алфавитному принципу. Кроме того, С. В. Воробьев обратил внимание на то, что в РГАСПИ из комплекса первичных материалов были изъяты анкеты ответственных работников [3].

Изучение семьи членов партии на основе материалов переписи до сих пор не предпринималось, скорее всего, из-за внешней скудости исходной информации. В индивидуальном переписном бланке выделено всего два прямых вопроса: сколько работников и сколько иждивенцев в семье члена партии. Однако, если соотнести их с другой сопряженной социально-демографической информацией (место жительства, пол, возраст, социальное происхождение, национальность, образование, род занятий и проч.), то возникает уникальная возможность, во-первых, выявить социальные типы семей, а во-вторых, уточнить представления участников переписи о семье. Здесь речь идет о тех ментальных моделях, которые формируются в обществе и в сознании коммунистов к началу 1920-х гг. под влиянием всего комплекса факторов (традиционных представлений о месте и роли семьи в жизни человека, идеологических и пропагандистских штампов, эмансипации и модернизационных процессов). В результате мы можем наблюдать, как быстро и каким образом происходит замена традиционных семейных ценностей новыми коммунистическими идеалами и как это влияет на семейные стратегии.

Перепись была организована по экспедиционному принципу: из Статотдела ЦК ВКП(б) для ее организации на места направлялись инструкторы и уполномоченные, которые занимались отбором и подготовкой переписчиков. Уровень квалификации переписчиков был невысоким. Поэтому при заполнении бланков допускались ошибки, использовались формулировки, которые сложно однозначно интерпретировать. Это касается, например, категорий «работник» и «иждивенец», используемых для характеристики семьи. В большинстве случаев работником считался тот, кто получал заработную плату. Крестьяне, ремесленники, жившие своим трудом, в этом случае нередко попадали в категорию иждивенцев. Все это осложняет оценку достоверности полученной информации. Опрос членов партии проводился в очном режиме, была предусмотрена возможность заочного заполнения бланка. В последнем случае к бланку прилагались выписка из протокола заседания партийной ячейки и личный листок члена партии, а весь пакет передавался в губернский комитет партии. В дополнительных документах была обнаружена более полная информация о семье, поскольку респонденты по своей инициативе давали пояснения, стараясь компенсировать неполноту и неоднозначность прямых ответов.

В ходе переписи заполнялось шесть различных бланков. Наибольший интерес для изучения семьи представляет бланк «А». Он составлялся на каждого члена партии в двух экземплярах, один экземпляр передавался в губком, другой – в Секретариат ЦК.

В бланке «А» содержится 59 пунктов, часть из которых включали многоуровневую информацию, организованную в форме таблиц. Вопросы бланка можно разделить на несколько тематических блоков [см. подробнее: 8]. Первый блок фиксировал данные о партийной ячейке. Вопросы с 4 по 11 относились к личности опрашиваемого: фамилия, имя, отчество, пол, возраст, разговорный язык, религиозные убеждения и т. д. В этот же блок входили вопросы о семье, сформулированные весьма лаконично: сколько работников в семье и сколько иждивенцев (исключая самого опрашиваемого). При составлении базы данных возникает необходимость определить, к какой категории нужно отнести самого опрашиваемого. Мужчина, имея место работы, должность и получая заработную плату, чаще всего причислялся к работникам, женщина – домохозяйка (замужняя) указывалась иждивенкой. Те, кто жил своим хозяйством (крестьяне, ремесленники), также были отнесены к работникам.

Следующий блок вопросов касался грамотности и полученного образования. Далее, в таблице «Социальное и национальное происхождение», в соответствии с распространенными в тогдашнем обществе установками на патриархальную семью, указывались происхождение и занятия деда по отцу, отца и матери. Дополнительно отмечался источник средств их существования (использовали ли наемный труд).

Много внимания в анкете было уделено трудовой деятельности члена партии: в период до 1917 г. и после (табл. III «Рабочий и служебный стаж с 1917 года до настоящего опроса»). Такая структура анкеты дает возможность проследить социальные и профессиональные изменения как в сравнении со статусом родителей, так и с ранними этапами трудовой деятельности члена партии.

Таблицы IV и V позволяют составить представление о партийном и революционном стаже респондента и его статусе. Уделено внимание характеристике культурных потребностей члена партии, его участию в общественной жизни. В отдельной таблице содержатся сведения о военной службе опрашиваемого. Последний блок вопросов уточняет степень и характер связи члена партии с деревней и сельским хозяйством.

Заполнение бланков было частично формализованным. Инструкцией предусматривались короткие, четкие ответы по каждому вопросу, которые вносились регистратором в анкету вручную. Однако отсутствие разработанных классификаторов ответов приводило к тому, что уровень детализации ответов мог быть разным, по усмотрению регистратора. Это касается информации о месте работы и должности, образовании, сословной принадлежности.

Помимо материалов переписи 1922 г. в региональном архиве сохранились бланки дополнительной переписи 1924 г., под которую попали члены партии «ленинского призыва»[13]. Она проводилась по программе 1922 г. и позволяет провести динамический анализ партийного состава, выделить основные тенденции «обновления» партии в условиях централизации власти, превращения ВКП(б) в руководящую силу.

Материалы партийной переписи 1927 г. в региональном архиве не обнаружены, они доступны в фондах РГАСПИ. С сожалением следует отметить, что анкета переписи 1927 г. гораздо менее информативна по сравнению с переписью 1922–1924 гг. (в ней всего 24 вопроса). Среди прочих из формуляра исчезли сведения о религиозности, количестве работников и иждивенцев в семье, занятиях деда, отца и матери, культурных потребностях. Это обстоятельство делает невозможным сравнительный анализ и заставляет прийти к выводу о непригодности материалов партийной переписи 1927 г. для изучения истории семьи.

Итак, информация бланков переписи 1922–1924 гг. позволяет проанализировать состав семьи членов партии на системном уровне. Используя имеющуюся в бланке информацию о семье, мы можем: 1) определить размер семьи члена партии; 2) изучить трудо-потребительский баланс с учетом социальных и профессиональных характеристик респондента; 3) рассмотреть процесс перехода от традиционной семьи к современной и появление новых типов семьи; 4) в совокупности с другими социальными характеристиками (образование, характер занятий, возраст, социальное происхождение, участие в революционной борьбе и проч.), можно проследить брачные стратегии коммунистов и их семейное поведение.

1. Андрухов, Н. Р. Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР. 1917–1937 / Н. Р. Андрухов. – М. : Политиздат, 1977.– 375 с.

2. Варшавчик, М. А. Историко-партийное источниковедение: теория, методология, методика / М. А. Варшавчик. – Киев : Вища школа, 1984. – 320 с.

3. Воробьев, С. В. Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг.: источниковедческое исследование материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / С. В. Воробьев. –Екатеринбург, 2004.– 144 с.
4. Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. – М., 1922–1925. – Вып. 1–5.
5. Кузнецов, И. В. Коммунисты Центрального промышленного района в двадцатые годы, социальный портрет по материалам Всесоюзной партийной переписи 1927 года / И. В. Кузнецов // Круг идей: макро и микроподходы в исторической информатики : труды V конференции Ассоциации «История и компьютер» / под ред.: Л. И. Бородкина, В. Н. Сидорцова, И. Ф. Юшина.– Минск : Издательство БГУ, 1998.– 375 с.
6. Литвак, К. Б. К вопросу о партийных переписях и культурном уровне коммунистов в 20-е годы / К. Б. Литвак // Вопросы истории КПСС.– 1991.– № 2. – С. 79–92.
7. Население Советского Союза. 1922–1991 / под ред.: Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, Т. Л. Харьковой. – М. : Наука, 1993. – 142 с.
8. Наумов, О. В. Материалы Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. / О. В. Наумов, В. Н. Шепелев // Вопросы истории КПСС. –1986.– № 4. – С. 48–62.
9. Пашкова, И. А. Социальный портрет партийной номенклатуры 20-х гг. (опыт создания базы данных) / И. А. Пашкова // Региональный банк данных: Урал в XX веке : тез. раб. совещ. Екатеринбург, нояб. 1993 г. / отв. ред. Т. И. Славко.– Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1993. – 106 с.
10. Теплякова, Т. П. Роль партийных переписей 1922 и 1927 гг. в укреплении рядов партии : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Т. П. Теплякова.– М., 1983. – 207 с.
11. Тяжельникова, В. С. Состав партийных организаций в конце 20-х годов: (Опыт количественного анализа по материалам Всесоюзной партийной переписи 1927 г.) / В. С. Тяжельникова // Вопросы истории КПСС.– 1990.–№ 1. – С. 70–81.
12. Центр документации общественных организаций Свердловской области. (ЦДООСО). – Ф. 76. Оп. 1. Д. 557–645.
13. ЦДООСО. – Ф. 76. Оп. 2. Д. 471–517.

Ерешко А.Е., Ефимова Е.А., Чернышов А.В.

ОБЗОР ФОТОМАТЕРИАЛОВ ПО АРХИТЕКТУРЕ И СТРОИТЕЛЬСТВУ В АРТЕКЕ В ФОНДАХ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ДЕТСКОГО ДВИЖЕНИЯ (1920–1930 гг.)

Международному детскому центру «Артек» в этом году исполняется 90 лет. Это одно из старейших в мире детских санаторно-оздоровительных учреждений. Артек примечателен не только своей воспитательно-педагогической и оздоровительной работой, но и яркой и самобытной архитектурой. В застройке лагеря нашло отражение непростое время его становления – 1920–1930-е гг. На протяжении многих десятилетий облик лагеря неоднократно менялся: строения возводились, ветшали, заменялись на более современные. Визуальный образ Артека у нескольких поколений людей ассоциировался с обстановкой радости, праздника, каникул у моря. Изучение истории архитектуры и строительства Артека важно для воссоздания образа советского детства.

При изучении истории застройки Артека исследователи сталкиваются с недостатком источников, объясняющимся тем, что не велось систематической фотофиксации сооружений. Объекты застройки Артека, как правило, не являлись предметом внимания штатных фотографов, фотокорреспондентов, других авторов фотоматериалов. Редкое исключение составляют фотокарточки, предназначенные впоследствии для использования при производстве сувенирной продукции, где находят отражение как виды Артека, так и элементы его застройки.

Музей истории детского движения хранит документы и материалы по истории детства XX–XXI вв., входящие в фонды: документально-письменных источников, вещевой, фото-аудио-видеоматериалов и другие. Фотоматериалы Музея представлены фотографиями (позитивами), негативами на пленке, негативами на стекле и электронными файлами, содержащимися в базе данных.

В фондах Музея имеются несколько коллекций, где представлены изобразительные материалы по ранней истории Артека. В коллекции материалов по Артеку имеется около пятисот фотографий, относящиеся к 1920–1930-м гг. [4]. Их авторы – Д.Д. Гунин, А.М. Гарусов, Я.Е. Берлин (деятели пионерского движения), М.И. Соловьева (жена основателя Артека З.П. Соловьева). Представлены как редкие фотографии и негативы, так и фотокопии изображений из газет, журналов и книг. В материалах имеются пересъемки более ранних авторских фотографий, фотовыставок, печатной продукции и пр., поэтому авторство переснятых материалов часто сложно установить.

В хронологической негатеке (коллекции негативов) Музея также представлены материалы по теме – как на пленке, так и на стекле [1]. Наиболее интересна коллекция негативов на стекле Я.Е. Берлина [2]. Берлин Яков Ефимович (1902-1983) — один из первых пионерских вожатых, преподаватель лечебной физкультуры, внештатный фотокорреспондент газет «Комсомольская правда» и «Пионерская правда». Я.Е. Берлин еще при жизни передал богатейший фотоархив музею истории Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина Московского городского

Дворца пионеров и школьников, членом совета которого он являлся с 1962 г. В него входят документы, фотографии [3] и порядка 50 тыс. негативов, в том числе более тысячи – на стекле [2]. Отметим, что материалы Я.Е. Берлина хранят также Центральный московский архив-музей личных собраний, Центральный архив аудиовизуальных документов, Центральный архив документальных коллекций Москвы.

Наибольшую ценность и наибольший интерес представляют негативы на стекле, относящиеся к ранней истории Артека. Они были переданы в фонды в коробках фабричного производства с фрагментами упаковочной кальки. Негативы представлены двух форматов 6х9 и 9х12 см (при обработке разделены на две описи). Часть коробок в ветхом состоянии, некоторые переполнены, поэтому при обработке фонда была проведена их реставрация; для части негативов сделаны новые коробки. Материалы разобраны по тематике и упакованы в кальку. В каждой коробке хранится 12–18 негативов. Сохранность стеклянных пластин большей частью удовлетворительна. Разбиты на части всего несколько негативов (не относящихся к застройке Артека), у многие имеются сколы, в том числе и значительные. Эмульсионный слой чаще всего не поврежден, но у части пластин он отслоен (как правило, по краям). У некоторых негативов частично изменился цвет эмульсионного слоя.

Я.Е. Берлин делал много пересъемок, в том числе и на стекло. Особенно это характерно для хранящихся в музее негативов изображений 1920-х гг. Оригиналов видов раннего Артека (1925–1927 гг.) немного, в основном представлена пересъемка. Авторство фотографий в данном случае неизвестно. По умолчанию, негативы считаются авторскими, известны многочисленные пересъемки Я.Е. Берлиным своих собственных работ [2, оп. 1, кор. 3, стекло 14; кор. 30, стекло 11]. Негативы Я.Е. Берлина на стекле хранились в Музее с конца 1970-х гг., но обработку их невозможно было провести за отсутствием необходимого оборудования. С обретением аппарата для сканирования появились возможности для обработки материалов; в 2009–2013 гг. часть негативов была переведена в электронный вид, приблизительно аннотирована.

Я.Е. Берлин выбирал для съемки как моменты повседневной жизни лагеря, так и крупные мероприятия. Среди его фоторабот имеются и изображения зданий и архитектурных сооружений, фрагментов пейзажа и инфраструктуры, часто уже ныне не существующих, что представляет несомненный исторический интерес. На его фотографиях запечатлены виды Нижнего лагеря с разных ракурсов, мероприятиях на Костровых площадках, корпус Верхнего лагеря с разных сторон, интерьеры корпусов Нижнего и Верхнего лагерей.

Негативы на стекле Я.Е. Берлина отражают период с момента основания лагеря (1925 г.) до середины 1930-х гг. Для анализа отобрано 44 изображения 1925–1928 гг., из них 11 фотокопий (определено по тому, что на негативе видны края переснятой фотографии или же негатив является подборкой из нескольких тематически близких кадров [2, оп. 1, кор. 10, стекло 6–9; кор. 29, стекло 2; оп. 2, кор. 1, стекло 2]). Датировка производилась, в основном, на основании этапов застройки территории лагеря, разработанных сотрудниками музея ранее [7].

Детский летний лагерь в урочище «Артек» у подножия горы Аю-Даг был организован по инициативе зам. наркома здравоохранения, председателя ЦК Российского общества Красного креста З.П. Соловьева (1876–1928) с целью лечения детей с легкими формами хронических заболеваний, прежде всего, туберкулёза. В 1925–1937 гг. лагерь действовал в структуре Российского общества Красного Креста (РОКК). Носил название (по разным источникам): *лагерь в Артеке; Артекский санаторный лагерь юных пионеров; санаторный пионерский лагерь РОКК в Крыму*. Лагерь располагался на побережье, недалеко от того места, где речка Артек впадает в море; земля сначала была взята в аренду у местного совхоза, впоследствии (1928) закреплена за лагерем. В 1925–1927 гг. лагерь был палаточным, принимавшим детей только в теплый период года. Также были задействованы несколько построек, уже имевшихся на побережье и в глубине территории. Летом 1925 г. был один ряд палаток (на 20 детей каждая), на следующее лето палатки были установлены в два ряда.

В 1928 г., после знаменитого крымского землетрясения 1927 г., не пощадившего и Артек, для детей на побережье были построены деревянные домики, за которыми артековская традиция сохранила название «палатки». Первое серьезное расширение территории лагеря произошло в 1930 г. [9, с. 37]. Кроме Нижнего лагеря, расположенного на берегу моря и имевшего деревянные корпуса, действовал Верхний, расположенный выше над уровнем моря. Этот лагерь был круглогодичным, там в 1929–1930 гг. был выстроен фундаментальный жилой корпус, со-

хранившийся до сих пор. В 1931 г. лагерю было присвоено имя З.П. Соловьева. На территории лагеря установлена каменная стела с его именем, сохранившаяся до сих пор.

Аннотировать фотоматериалы достаточно сложно. Как правило, в одной коробке находятся негативы разных лет, так что принцип датировки по соседним материалам практически не действует. Не все постройки можно точно определить; сохранившихся же до наших дней мало (например, домик Соловьева, стела Соловьева). Часто неизвестны люди, изображенные на фотографиях, не все строения узнаваемы, сложно идентифицировать названия мероприятий, проходивших на территории лагеря, на его площадках, в его зданиях. Для аннотации и изучения изображений привлекались материалы Музея истории детского движения (фонд Артека [4], фонд Я.Е. Берлина [3]), материалы Музея истории Артека [5], а также фотографии, опубликованные в литературе [6; 8], Интернет.

При проведении датировки и аннотации материалов выявлены интересные и редкие кадры, например, Нижний лагерь в декабре 1928 г. (нехарактерный для фотографий Артека того времени заснеженный пейзаж) [2, оп. 2, кор. 1, стекло 6]; первые капитальные (деревянные) корпуса Артека в процессе их строительства весной 1928 г. [2, оп. 1, кор. 10, стекло 9].

Весьма важное для жизни лагеря сооружение – столовая Нижнего лагеря – представлено на трех негативах. В первую смену 1925 г. были столы с лавками под открытым небом [2, оп. 1, кор. 10, стекло 6], позже установлен тент [2, оп. 1, кор. 10, стекло 8]; датировка проведена сравнением с идентичной фотографией 1925 г. из фотофонда Музея истории Артека, снабженной аннотацией: «Первая столовая Артека» [5, 1925 г., ВС № 38]. Отметим, что на обеих этих фотографиях просматриваются керосиновые фонари на столбах, необходимые для вечернего освещения столовой в последнюю, осеннюю смену. Расширение лагеря повлекло за собой необходимость возведения новой столовой [5, 1928 г., № 2; 8, С. 91]. Фотография столовой со стекла Я.Е. Берлина 1928 г. (год установлен по аналогичному отпечатку из Музея истории Артека [5, 1928 г., № 1]) является наиболее ранней подлинной фотографией столовой в нашем фонде [2, оп. 1, кор. 1, стекло 11]. На ней хорошо видно, что столы составлены в два длинных ряда, что связано с увеличением числа детей каждой смены. На столах новшество – живые цветы в горшках.

Интерес представляет фотография группы детей и взрослых на фоне узорных решетчатых ворот, на которых имеется надпись на иностранном языке [2, оп. 1, кор. 6, стекло 11]. Как можно догадаться по общим корням, надпись гласит: «РСФСР. Пионерский санаторный лагерь «Артек» им. З.П. Соловьева» (имеется также фотография, где есть и аналогичная надпись на русском). Язык, на котором сделана надпись, традиционно считался немецким. Анализ показал, что надпись сделана на крымскотатарском языке, в котором в 1928–1938 гг. употреблялась латиница. Однако в Музее истории Артека отпечаток этого же негатива датируется 1927 годом, что является ошибочным, т.к. имя З.П. Соловьева лагерь получил в 1931 г. [5, 1927 г., № 1]. Также не удалось пока установить, где именно располагались эти ворота с надписью.

Ценным является изображение плана капитального корпуса Верхнего лагеря [2, оп. 1, кор. 4, стекло 8], который был специально отфотографирован Я.Е. Берлиным. Планировка корпуса подтверждает санаторно-лечебный характер постройки: там несколько медицинских кабинетов, палаты для отдыхающих, столовая, кухня, клуб, читальня, библиотека, учительская, изолятор с палатами для заболевших, операционная.

Изучение материалов еще раз подтвердило их огромную ценность. Фотографы, запечатлевшие будни и праздники Артека, как правило, ставили перед собой цель отразить яркие события и повседневную жизнь лагеря. Однако среди фотоматериалов первых лет работы лагеря имеются изображения зданий и архитектурных сооружений, фрагментов пейзажа и инфраструктуры, часто уже ныне не существующие, что представляет несомненный исторический интерес. Материалы уникальной негатеки Я.Е. Берлина, хранящейся в Музее истории детского движения ГБПОУ «Воробьевы горы», представляют значительный интерес для исследования; их дальнейшее изучение будет способствовать написанию полноценной систематической истории Артека.

1. Музей истории детского движения ГБПОУ «Воробьевы горы» (далее – МИДД). Ф. I (Негатека).
2. МИДД. Ф. I (Негатека Я.Е. Берлина).
3. МИДД. Ф. VIII (Я.Е. Берлин).
4. МИДД. Ф. VIII (МДЦ «Артек»).
5. Музей истории Артека МДЦ «Артек». Фотографический фонд.
6. Артек [Фотоальбом] / авт.-сост. А. Ф. Степная. – М. : Наркомздрав СССР, МЕДГИЗ, 1940.

7. Ефимова, Е. А. Периодизация истории Артека в контексте рекреационно-педагогического освоения черноморского побережья от Гурзуфа от Аю-Дага / Е. А. Ефимова, А. В. Чернышов // Политическая культура общества и проблемы сохранения культурного суверенитета России : материалы Всероссийской научно-теоретической конференции, 16–18 декабря 2014 г. / ред.-сост. С. Т. Новикова. – М. : ФГУП Издательство «Известия», 2015. – С. 235–242.

8. Лавров, Д. На берегу моря. Наш Артек / Д. Лавров. – М. : Работник просвещения, 1929. – (Читальня советской школы. Вып. № 39–40).

9. Свистов, В. Т. Артек – за годом год. Летопись Международного Детского Центра / В. Т. Свистов. – Запорожье : МП «Берегиня», 1995.

Валуев Д.В.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СМОЛЕНСКА В ЭПОХУ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

Изучение повседневного существования людей в разных обществах и разных эпохах стало одним из наиболее перспективных направлений в современной исторической науке. Как указывает российский историк И.Б. Орлов: «История общества по существу представляет собой повседневную жизнь человека в её историческом измерении, отражая некие неизменные свойства и качества по мере закрепления новых форм жилья, питания, перемещения, работы и досуга. Именно в анализе повседневной жизни лежит ключ к разгадке часто возникающего при знакомстве с конкретными судьбами вопроса: как могли люди выживать и сохранять человеческое достоинство в экстремальных условиях революций, войн, террора, голода и разрухи? Как люди приспосабливались к жизненным обстоятельствам» [5, с. 4].

В условиях временного отдаления от советской эпохи у историков появляется все больше возможностей «без гнева и пристрастия», отбрасывая в сторону политизированные схемы давать объективные и взвешенные, обоснованные оценки событиям и процессам того времени. Исследователь жизни советского общества Н.Н. Козлова ещё в начале 2000-х годов писала: «История СССР вновь должна стать частью европейской истории хотя бы потому, что тот же сталинизм есть яркое выражение просвещенческой утопии. Это попытка средствами государства рационально упорядочить общество, одновременно преодолевая острые различия, которые возникли в процессе индустриализации российского общества. Она коренилась в традиции социально ориентированного, прежде всего городского общества, которая сделала Просвещение возможным» [2, с. 21]. Как реализовывался на практике «советский проект»? С какими сложностями это было связано? Почему советская система, выдержав жесточайшую экономическую конкуренцию, победив во Второй мировой войне, добившись больших достижений в хозяйственном строительстве, науке и культуре, оказалась в конечном счете нежизнеспособной и перестала существовать. На эти вопросы может помочь ответить более пристальное изучение быта и особенностей повседневного существования советских граждан.

При исследовании повседневной жизни и бытовых практик провинциального городского населения советской эпохи, как правило, объектами внимания большинства историков являются влияние крупных политических процессов на обстоятельства местной жизни, политические репрессии, взаимоотношения государства и церкви, воздействие военных событий на население, проблемы снабжения населения продовольствием и товарами первой необходимости, борьба с преступностью. Но целый ряд сюжетов (например, организация общественного питания, борьба за «здоровый образ жизни», или кампания по «коллективизации быта» в провинциальных городах) остается пока вне поля зрения ученых. Повседневная жизнь изучается, главным образом, на уровне столиц и крупных промышленных центров.

Если же оценивать состояние изученности повседневной жизни Смоленска и Смоленщины в советский период истории, то следует признать почти полное отсутствие серьёзных исследований по этой тематике. Отдельные вопросы структуры управления в Смоленской губернии и Западной области, влияние власти на разные сферы жизни провинциального общества исследовались американскими историками М. Фэйнсодом [9] и Р. Маннинг [3]. Значительное число западных и в первую очередь американских ученых, изучавших Советский Союз, использовали в своих трудах материалы небезызвестного «Смоленского архива». В связи с этим многие из них обращались к сюжетам из повседневной жизни жителей Смоленщины и Смоленска [8]. Но до последнего времени отсутствовали работы, основанные на комплексном сквозном изучении повседневной жизни и бытовых практик провинциального городского населения советской эпохи. Некоторые темы, (например, торговля и товарное снабжение населения Смоленска в со-

циалистические времена) не рассматривались ни в серьёзных исторических работах, ни в популярных очерках, выходивших как в советское, так и в постсоветское время.

Можно констатировать, что все многообразие провинциальной истории не находило полного отражения в уже проведенных исследованиях, и это во многом затрудняет адекватную реконструкцию жизни советского общества. Использование документов региональных архивов, в частности Государственного архива Смоленской области (далее ГАСО) и Государственного архива новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО) позволяет более полно изучить систему принятия административных решений и их воплощение в повседневности. Кроме того, работа над обозначенной темой позволяет исследовать конкретные исторические сюжеты и вводить в научный оборот новые архивные материалы по социально-политической и культурной истории России 1917–1991 гг.

В истории Смоленска, как и любого древнего города, бывали периоды бурного развития, экономического и культурного расцвета, сменявшиеся порой временами упадка и кризиса. Одной из наиболее ярких и интересных страниц его прошлого была короткая эпоха с 1929 г., когда Смоленск стал центром огромной Западной области, просуществовавшей до 1937 г., и предвоенные годы. Гигантские изменения, происходившие в эту пору во всех областях жизни великой страны, прямым образом отразились на его архитектурном ландшафте и социальной структуре.

Важнейшими средоточиями источников для изучения повседневной жизни довоенного Смоленска являются архивные фонды руководящих советских и партийных учреждений – Западного и Смоленского обкомов ВКП(б) и КПСС (ГАНИСО, Ф. Р-5, Ф. Р-6); Западного и Смоленского облисполкомов (ГАСО, Ф. Р-2360, Ф. Р-1544); Смоленского горкома партии (ГАНИСО, Ф. Р-16). В них отложилось большое количество документов напрямую связанных с проблематикой повседневности конца 1920–1930-х гг. С одной стороны, это служебные записки, отчеты, протоколы заседаний различных властных структур, представляющие позицию власти. С другой стороны, это разного рода письма, жалобы, заявления, поступавшие от простых граждан. Они представляют в той или иной мере голос народа. Сопоставление этих двух типов источников помогает нам представить механизм реализации властных решений в конкретных условиях, а также понять, как функционировала система «обратной связи» между населением и властью.

Целый ряд официальных документов содержат упоминания о промышленном и жилищном строительстве, развитии коммунальной сферы и транспорта, Такие документы можно обнаружить в фондах Смоленского городского отделения Западного областного управления строительного контроля (ГАСО, Ф. Р-555), Отдела по делам строительства и архитектуры исполнительного комитета Смоленского областного Совета депутатов трудящихся (ГАСО, Ф. Р-3414), Управления Смоленского городского транспорта Смоленского губернского отдела коммунального хозяйства (ГАСО, Ф. Р-1015), Управления коммунальных предприятий и благоустройства исполкома Смоленского городского совета (ГАСО, Ф. Р-1023).

Об изменениях в материальном благополучии населения, о его покупательной способности в разные годы сообщают документы Отдела финансов Смоленского городского исполнительного комитета Советов депутатов трудящихся (ГАСО, Ф. Р-2224). Здесь же можно найти сведения о кампаниях добровольных займов, регулярно проводившихся в годы первых пятилеток и о реакции на них жителей Смоленска.

Информацию о снабжении смолян продовольствием и промышленными товарами возможно обнаружить в фондах Отдела торговли Западного исполкома (ГАСО, Ф. Р-3316), Западной областной конторы по торговле с иностранцами в СССР «Торгсин» (ГАСО, Ф. Р-1425), Отдела снабжения при Западном облисполкоме (ГАСО, Ф. Р-2665), Отдела снабжения исполкома Смоленского горсовета (ГАСО, Ф. Р-3301). Проблемы социального обеспечения жителей Смоленска в годы предвоенных пятилеток отразились в документах Отдела социального обеспечения Смоленского горисполкома (ГАСО, Ф. Р-1477).

Значимыми источниками являются и публикации официальных документов, таких как отчеты городского совета о своей деятельности. Среди них своей фактической насыщенностью выделяются «Отчет о работе Смоленского городского совета рабочих и красноармейских депутатов за 1931–1934 гг.» [6] и «Итоги 1935 года и план народного хозяйства гор. Смоленска на 1936 г. Материалы к пленуму Смолгорсовета РКД» [1].

Много материалов, содержащих сведения об условиях жизни молодёжи Смоленска и о настроениях, царивших в её среде в годы первых пятилеток хранится в фондах Западного и Смо-

ленского обкомов ВЛКСМ (ГАНИСО, Ф. Р-50, Ф. Р-89), Западной областной конфликтной комиссии ВЛКСМ (ГАНИСО, Ф. Р-219), Смоленского горкома ВЛКСМ (ГАНИСО, Ф. Р-118).

Важным элементом общественной жизни в довоенном СССР была деятельность различных добровольных обществ и объединений. Участие в их работе стало неотъемлемой частью жизни многих смолян. В Государственном архиве Смоленской области хранятся фонды некоторых общественных организаций, существовавших в 1920–1930-х гг. Это, в частности, фонды Смоленского городского совета общества «Друг детей» (Ф. Р-3328), Западного областного совета Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсии «ОПТЭ» (Ф. Р-1427), Смоленского уездно-городского комитета международной организации помощи борцам революции "МОПР" (Ф. Р-2869), Западного областного совета союза воинствующих безбожников (Ф. Р-2998).

Важным и информативным источником являются материалы местной прессы, в первую очередь главной областной газеты «Рабочий путь», которая с самого своего основания в 1917 г. немало места уделяла описанию жизни губернского, а затем областного центра. Несмотря на официозный характер многих публикаций на газетных страницах часто появлялись острые критические материалы, в которых описывались недостатки и проблемы существовавшие, например, в жилищном строительстве, работе транспорта, организации торговли. Кроме того в газетах публиковали постановления органов власти Смоленска, благодаря чему они являются важным источником по местному законодательству. Немало разнообразных свидетельств об обстоятельствах повседневной жизни имеется и в публикациях газет Западного (а затем Смоленского) обкома комсомола «Большевистский молодняк» (с 1 января 1937 г. – «Большевистская молодежь») и «Юный пионер».

С 1921 по 1939 гг. в Смоленске издавалась «ежедневная красноармейская окружная газета, орган Реввоенсовета и Политуправления» сначала Западного, а затем Белорусского военного округа «Красноармейская правда» [7, с. 214]. Несмотря на то, что это издание публиковало в основном материалы, так или иначе связанные с армейской тематикой, на его страницах можно найти немало информации о жизни Смоленска и смолян в предвоенную эпоху. Здесь помещались статьи о деятельности строительного отдела БВО, благодаря которой в городе и его окрестностях появилось немало не только военных объектов, но и общественных зданий и жилых домов. Много статей, заметок и фельетонов было посвящено недостаткам в организации питания военнослужащих и их товарного снабжения. В «Красноармейской правде» регулярно рассказывалось и о военно-патриотической работе, проводившейся с населением Смоленска и о подготовке города и его жителей к грядущей войне.

Большое количество сведений о повседневной жизни Смоленска можно обнаружить в воспоминаниях его жителей, бывших и нынешних. Как справедливо отмечает И.Б. Орлов, документы личного происхождения помогают «понять человека и его поступки в конкретной ситуации, уловить то, что отличает его повседневность от жизни других людей, находившихся в тех же обстоятельствах. Кроме того, документы личного происхождения помогают понять настроения в обществе в переломную эпоху и оценить характер социально-экономических изменений через восприятие простых людей» [5, с. 24].

Среди мемуаров о довоенном Смоленске следует особо выделить воспоминания В.И. Бухтеева, Л.С. Сурковой, Г.Е. Синявского, Е.А. Шмидта, Б.В. Могилевкина, В.А. Звездаевой, Б.Л. Васильева, содержащие богатый и разнообразный фактический материал. Так, в мемуарах Е.А. Шмидта ярко, с интересными деталями описана повседневная жизнь студентов Смоленского государственного педагогического института накануне войны [10, с. 329–350]. В одной из глав записок В.Б. Могилевкина рассказывается о том, как отмечали наступление Нового года в обычном смоленском доме, после официального возвращения в конце 1935 г. ели, как главного атрибута праздника [4, с. 6–7].

Таким образом, мы можем констатировать, что исследования, связанные с тематикой повседневной жизни довоенного Смоленска возможно вести с опорой на богатый фактический материал. Его основными источниками являются фонды Смоленских архивов, публикации в довоенной прессе, официальные издания, а также мемуарная литература.

1. Итоги 1935 года и план народного хозяйства гор. Смоленска на 1936 г. : материалы к пленуму Смолгорсовета РКД / Итоги – Смоленск : Западное областное государственное издательство, 1936. – 95 с.

2. Козлова, Н. Н. Советские люди. Сцены из истории / Н. Н. Козлова – Москва : Европа, 2005. – 544 с.

3. Маннинг, Т. Роберта. Бельский район, 1937 год / Роберта Т. Маннинг – Смоленск : СГПУ, 1998. – 126 с.

4. Могилевкин, В. Б. «Как это было! Как совпало!» / В. Б. Могилевкин – Смоленск : Годы, 2009. – 72 с.; ил. 12 с.

5. Орлов, И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов. – Москва: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. – 317[3] + 8 с. ил.

6. Отчет о работе Смоленского городского совета рабочих и красноармейских депутатов за 1931–1934 гг. // Отчет – Смоленск: Западное областное государственное издательство, 1934. – 180 с.
7. Смоленская область : энциклопедия. Т. 2. Смоленская область. – Смоленск: СГПУ, 2003. – 624 с.
8. Смоленщина на страницах американской исторической литературы / под редакцией проф. Е. В. Кодина и проф. Майкла Хики // Смоленщина – Смоленск : СГПУ, 2000. – 384 с.
9. Фейнсод, М. Смоленск под властью Советов / М. Фейнсод – Смоленск : ТРАСТ – ИМАКОМ, 1995. – 496 с.
10. Шмидт, Евгений Альфредович // Биографическая летопись регионов России : материалы научной конференции (11–12 декабря 2007 г.). – Смоленск : Смоленский государственный университет, 2007. – Т. 2. – 368 с.

Кривчиков В.М.

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ О МАТЕРИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ КРАСНОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Как известно, начало Великой Отечественной войны на территории Беларуси было трагичным. Быстрое продвижение немецко-фашистских войск вглубь страны и последовавшее за этим отступление частей Красной Армии сделало весьма проблематичным эвакуацию документов Белостокской области в июне 1941 г. Основная масса документов была уничтожена или попросту пропала. Поэтому сохранившиеся документы в Государственном архиве Гродненской области, характеризующие сложившуюся ситуацию накануне войны с готовностью организаций и предприятий Белостокской области по материальному обеспечению войск Красной Армии, представляют большой научный интерес.

В Государственном архиве Гродненской области основные документы по материальному обеспечению войск Красной Армии, дислоцировавшихся на территории Беларуси, собраны в фонде 292 «Исполнительный комитет Белостокского городского Совета депутатов трудящихся». В этом фонде хранятся документы переписки руководителей Белостокского горисполкома с различными учреждениями, организациями и воинскими частями по вопросам обеспечения воинских частей топливом [3, л. 11], об обеспечении командно-начальствующего состава Белостокского гарнизона квартирами [3, д. 11, л. 5], состояния здравоохранения и банно-прачечного обслуживания как населения, так и военнослужащих [3, д. 13, л. 9–11].

Представляют определенный интерес документы по предоставлению частям Красной Армии в случае начала боевых действий различных объектов гражданской инфраструктуры под госпитали, склады материальных средств [2, л. 7; 2, д. 13, л. 18].

Вот, например, по г. Белостоку, планировалось передать в угрожаемый период воинским частям следующие складские помещения: 1) Красноармейская № 5 – 2 склада во дворе (занимаемые Главхимснаб); 2) Пролетарская № 19 (занимаемый Горпищепромторгом); 3) В совхозе Дойлиды, Дойлидская ул. – 3 помещения; 4) Мазовецкая № 27 (занимаемый Союзутилем); 5) Советская № 77 и 79 (занимаемый Рыбсбытом); 6) Ленинградская № 12 (занимаемый Текстильсбытом); 7) Артиллерийская № 2 (занимаемый Союзгалантереей); 8) Свердлова № 6 (занимаемый Горпищеторгом); 9) Чистая № 21 (занимаемый Текстильтрестом); 10) Мазовецкая № 16 (бездействующая мельница) [3, д. 18, л. 32].

Можно встретить и в какой-то степени курьезный документ со списком закрепленных ванн по плану в случае мобилизации на 1941 г. по городу Белосток (речь идет о планировании помывки военнослужащих в частных квартирах): «Домоуправление № 21 – 21 ванна; Гражданин Минкес – ул. Красноармейская № 2 кв.5 –1 ванна; гражданка Гданская – ул. Красноармейская № 3 кв.3 – 1 ванна; гражданин Шемберг – ул. Красноармейская № 2\1 кв.1 – 1 ванна» и т.д. [3, д. 18, л. 77].

Изучив документы, собранные в фонде 579 «Слонимское отделение военторга Белорусского особого военного округа», можно составить мнение об организации торгово-бытового обеспечения командно-начальствующего состава и членов их семей накануне Великой Отечественной воны. Вот, например, Приказ по Народному комиссариату торговли Союза ССР № 14/994 от 7 июня 1939 г. (секретный) «Об улучшении обслуживания комначсостава РККА, ВМФ, рабочих и служащих военных строек», которым вводились закрытая система военной торговли и заборные книжки: «1. Перевести с 1.06.1939 г. торговую сеть и сеть общественного питания Главвоенторга на закрытую систему торговли исключительно для обслуживания комначсостава РККА, ВМФ, военно-наемного состава рабочих и служащих Наркомата обороны и Наркомвоенфлота, а также рабочих и служащих строек Главвоенстроя и работников Главвоенторга. … 4. За злоупотребления с заборными книжками (спекуляция, передача другим лицам, а также ли-

цам, не предусмотренным приказом и т.д.) – виновных привлекать к уголовной ответственности, как за преступление, направленное к подрыву организации снабжения» [5, л. 3–4].

В протоколе № 11 партийного собрания партийной организации Слонимского отделения Военторга Белорусского особого военного округа от 5 сентября 1940 г. можно увидеть труктуру военторга накануне войны: «пошивочная и сапожная мастерская, совхоз, контора и промбаза военторга, парикмахерская, гараж, хлебопекарня, две столовых, колбасная мастерская, завод газированных вод, продовольственный склад, подсобное хозяйство» [5, д. 3, л. 25].

Фонд 745 «Исполнительный комитет Белостокского областного Совета депутатов трудящихся, г. Белосток» позволяет проанализировать экономическую ситуацию, сложившуюся на территории Белостокской области к началу 1941 г. и кардинально влиявшую на уровень материального обеспечения войск Красной Армии [4, л. 4–5].

И, конечно же, особую ценность представляют документы личного происхождения. В фонде Р-769 «Коллекция воспоминаний, статей, писем участников революционного движения, гражданской и Великой Отечественной войн, собранная И.А. Борисовым» собраны рукописные воспоминания участников первых боев на Гродненщине: например, бывшего помощника начальника штаба по тылу 3-й армии полковника М.А. Зашибалова, командира 85-й стрелковой дивизии 4-го стрелкового корпуса 3-й армии Западного фронта генерал-майора А.В. Бондовского, оборонявшей г. Гродно в июне 1941 г., и ряд других. На их основе можно воссоздать картину состояния реального тылового обеспечения войск Западного Особого военного округа накануне и в начале Великой Отечественной войны.

М.А. Зашибалов вспоминает: «В 284 стрелковом полку первый стрелковый батальон в октябре 1940 г. построил хорошие землянки и остался зимовать в них. Во втором стрелковом батальоне169 стрелкового полка размещение было неуставное – сплошные нары, притом двухэтажные» [1, д. 4, л. 61].

Воспоминания генерал-майора А.В. Бондовского ярко характеризуют состояние тылового обеспечения 85-й стрелковой дивизии, 4-го стрелкового корпуса, 3-й армии Западного фронта в первый месяц войны: «Рано утром 23.06 дивизия лишилась автобата и ПАХ (полевой автомобильный хлебозавод – В.К.). Хлебозавод затопил печи, начал готовиться к выпечке хлеба и был уничтожен авиацией противника. Погиб и командир ПАХ. С потерей 2-го автобата и ПАХа создалась очень трудная обстановка со всеми видами снабжения. Усугублялась обстановка еще и тем, что ст. Скидель, откуда должна была получать продовольствие и фураж, оказалась очень далеко от района боевых действий дивизии…» [1, л. 10–12].

С 24 июня 1941 г. 85-я стрелковая дивизия вынуждена была перейти на использование носимого НЗ продовольствия, в последующем продовольствие добывалось или путем изъятия из складов, оставленными интендантскими или ушедшими в глубь страны советскими организациями, или иногда части снабжали колхозники через свои молочно-товарные фермы. А.В. Бондовский вспоминает: «Все что добывалось, не составляло набор продуктов хотя бы близких к пайку. Это были отдельные продукты: хлеб, мясо, масло, молоко, крупы и др. Так, в местечке Россь, на молокозаводе было оставлено масло, которое досталось 103-му стрелковому полку. Люди ели масло без хлеба, не могли его использовать для приготовления горячей пищи, т.к. не было круп, картофеля, овощей. Фермы колхозов, как правило, давали молоко, очень редко мясо. В одном селе под Минском нам дали теленка. Люди получили горячую пищу в виде супа с порцией мяса. Такие случаи были очень редки, т.к. достать продуктов не представлялось возможным. Лошади содержались исключительно на подножном корму. Пополнение боеприпасами проходило только за счет собирания патронов, гранат у раненых и убитых бойцов, снарядов за счет оставленных на поле боя другими частями. Горюче-смазочными материалами с армейских складов дивизия ни разу не пополнялась. Горючее добывалось только путем слива его из выбывших из строя или оставленных на поле боя машин» [1, л. 20–21].

Таким образом, изучая материальное обеспечение войск, дислоцировавшихся на территории западной Беларуси накануне Великой Отечественной войны, можно отметить, что фонды Государственного архива Гродненской области представляют определенный интерес по указанной тематике исследований.

1. Государственный архив Гродненской области (ГАГрО). – Ф. Р-769. Оп. 9. Д. 7.
2. ГАГрО. – Ф. 292. Оп. 3. Д. 8.
3. ГАГрО. – Ф. 292. Оп. 1. Д. 2.
4. ГАГрО. – Ф. 745. Оп. 1. Д. 2.
5. ГАГрО. – Ф. 579. Оп. 1. Д. 1.

Дулов А.Н.

ОККУПАЦИОННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГЛАЗАМИ ПОДПОЛЬЩИЦЫ: ВОСПОМИНАНИЯ АННЫ КИТАШЕВОЙ

Многие аспекты истории Беларуси периода нацистской оккупации 1941–1944 гг. подробно исследованы в отечественной историографии, однако остается недостаточно изученной проблема оккупационной повседневности. Интерес к данной теме возник относительно недавно, и, представляется, это направление в белорусской исторической науке имеет серьезные перспективы.

Особую значимость в изучении истории повседневности имеют источники личного происхождения. Причем историк имеет возможность использовать информационный потенциал как источников, впервые вводимых в научный оборот (в частности, применив метод интервью), так и предлагать новое прочтение уже известных источников. В ряду последних воспоминания витебской подпольщицы и партизанской связной Анны Степановны Киташевой, фактическая сторона которых была использована в работах исследователя витебского подполья Н.И. Дорофеенко [3, с. 96–97], а также при создании экспозиции «Памяти патриотов Витебщины» Витебского областного краеведческого музея. Цель работы: раскрыть информационный потенциал воспоминаний А.С. Киташевой как источника о повседневной жизни людей в условиях нацистской оккупации.

А.С. Киташева родилась в 1923 г. в деревне Кривое Село (ныне – Шумилинский район Витебской области). Накануне Великой Отечественной войны Анна закончила фельдшерско-акушерское училище в Витебске. На окраине города – в Клиническом поселке на улице 8-й Клинической, – уже жила семья. Летом 1941 г. девушка попросилась на фронт, но в военкомате сказали: «Ждите повестку». Сидеть без дела комсомолка не могла и вместе с соседом Александром Борботченко стала оказывать помощь раненым красноармейцам [1; 4, с. 1].

Оставшись в оккупированном Витебске, Анна включилась в подпольную борьбу, выполняя задания армейской группы П.С. Буткевича по сбору разведданных, распространению листовок, провозу в город взрывчатки. Позднее через Буткевича состоялось знакомство с начальником разведки партизанской бригады «Алексея» И. Волковым. А.С. Киташева и её соратница К.Н. Цихош стали связными между подпольной группой Т.А. Ломоносенко и партизанами [1; 2; 4, с. 3]. В начале декабря 1942 г. Анна была арестована местной вспомогательной полицией по доносу предательницы. Подпольщице пришлось пережить ужасы тюрьмы СД и концлагеря «Гранки» на Смоленщине (Руднянский район). Однако случилось чудо, и девушка оказалась на свободе. Попав в расположение партизан, заболела тифом, была отправлена в деревню к отцу, оттуда взята гитлеровцами на рытье окопов. Освобождена Красной Армией [2].

По возвращении в Витебск в августе 1944 г. Анна оказалась в госпитале, где три месяца лечилась от туберкулеза. После лечения по направлению райкома комсомола пришла на работу пионервожатой в школу № 13. Поступила в пединститут. Но осенью 1945 г. была задержана по обвинению в связях с немецкой контрразведкой. Следователю не давал покоя факт, что Анне удалось вырваться из СД и концлагеря живой. Подпольщица рассказала ему, с кем была связана в подполье и партизанах, просила опросить людей, но этого сделано не было. Однажды во время допроса доведенная до отчаяния девушка, по её воспоминаниям, даже запустила в следователя чернильницей. Спасла счастливая случайность: новый следователь оказался бывшим партизаном бригады «Алексея» и хорошо знал Анну. Дело было прекращено, обвинения сняты [4, с. 3].

А.С. Киташева на протяжении трех лет работала в газете «Віцебскі рабочы». Но тогдашний редактор однажды вызвал Анну Степановну и предложил написать заявление об увольнении по собственному желанию, сославшись на то, что в ее биографии «не все в порядке». С 1948 г. А.С. Киташева трудилась в Витебской городской санэпидемстанции, с 1954 г. – санэпидемстанции Витебского отделения Белорусской железной дороги. Была награждена орденом Великой Отечественной войны II степени, десятью медалями, отмечена званием «Отличный работник Белорусской железной дороги» [4, с. 3]. Стала депутатом Первомайского райсовета. Часто встречалась с молодежью, рассказывая о пережитом.

Сохранились воспоминания, написанные А.С. Киташевой по просьбе Н.И. Дорофеенко. По словам Нины Ивановны, с А.С. Киташевой они были знакомы с 1950-х гг. Тогда, работая в комиссии обкома КПБ по изучению и признанию витебского подполья, а также над кандидатской диссертацией, Н.И. Дорофеенко собирала воспоминания подпольщиков. Когда выяснилось, что

Киташева попала в тюрьму СД накануне даты расстрела подпольщицы В.З. Хоружей, Нина Ивановна попросила Анну Степановну вспомнить соседей по камере. И услышала, в том числе, описание женщин, похожих на В.З. Хоружую и С.С. Панкову. Тогда она попросила А.С. Киташеву описать все на бумаге. Так свидетельство А.С. Киташевой помогло узнать о последних днях жизни легендарной подпольщицы.

Рукопись воспоминаний представляет собой две тетради. Более ранний текст датирован 4 января 1967 г. [2]. Он посвящен обстоятельствам ареста Анны Степановны полицаями, её нахождению в тюрьме СД и концлагере «Гранки» в 1942–1943 гг. Этот текст объемом в 30 листов был написан первым по просьбе Н.И. Дорофеенко. Тетрадь с воспоминаниями хранилась в личном архиве Нины Ивановны. Историк считала своим долгом передать оригинал воспоминаний детям Героя Советского Союза В.З. Хоружей. 29 июня 2013 г., когда по приглашению Витебского отделения Белорусского фонда мира в городе находилась дочь Веры Захаровны Анна Сергеевна Шляпникова, состоялась их встреча с Н.И. Дорофеенко, которая и передала тетрадь. С оригинала были сделаны копии, одна из которых была передана Ниной Ивановной автору.

Вторая тетрадь хранится в архиве Н.И. Дорофеенко, ушедшей из жизни в марте 2015 г. Текст изложен на 20 листах фиолетовыми чернилами. Он содержит рассказ о начале войны, а также об участии А.С. Киташевой в Сопротивлении [1]. Поскольку речь идет о более ранних событиях, Ниной Ивановной тетради были пронумерованы по хронологии как 1-я и 2-я. Листы в тетрадях не имеют нумерации. После текста указана дата его написания и присутствует подпись мемуаристки. На тетрадях есть надписи, сделанные рукой Нины Ивановны. В частности, на обложке рукописи от 20 февраля красной шариковой ручкой написано: «Воспоминания Киташевой», синей дополнено: «(о подполье», ниже черной помечено: «№ 1 – до ареста». Также имеется надпись печатными буквами синим стержнем «ОСТОРОЖНО!», а также карандашом: «О Кульбеевой». Внутри есть пометка о наличии продолжения в другой тетради. Тетрадь от 4 января подписана на обложке Н.И. Дорофеенко: «Воспоминания Киташевой А.С. партизанской разведчицы (тетрадь № 2)». Очевидно, позже прибавлено «Тут же об “учительнице”, это о Хоружей» [2].

Существует запись воспоминаний А.С. Киташевой, осуществленная журналистом и краеведом А.М. Подлипским, которая была опубликована в областной газете «Народнае слова» в мае 1994 г. [4]. Этот вариант, кроме сведений о военном периоде, содержит рассказ о послевоенной судьбе героини. В то же время, поскольку запись осуществлялась спустя полстолетия после событий, а журналист, видимо, был ограничен размером газетной полосы, многие детали оккупационной повседневности в этом варианте отражения не нашли. Мы будем опираться на рукопись воспоминаний.

Мемуаристке было нелегко вспоминать о периоде войны. В начале рукописи от 4 января 1967 г. Анна Степановна поделилась своими чувствами: «Тяжело мне вспоминать все пережитое и спустя 20 с лишнем лет, все подробно и ясно представлять, когда в то время не думая о жизне, представлял себя мертвым, где было все интересное не интересным и безразличным. <…> Те дикие зверства, издевательство, истезания, вот что только осталось в моей памяти и глазах» [2] (*текст воспоминаний цитируется с сохранением орфографии и пунктуации оригинала – А.Д.*). Эту же мысль Анна Степановна высказывает и в заключении текста от 20 февраля 1967 г.: «Простите больше не могу писать и вспоминать» [1]. Таким образом, написание воспоминаний было для А.С. Киташевой психологическим стрессом. Эмоциональное состояние мемуаристки отразилось на стилистике и грамотности текста. Но Анна Степановна воспринимала написание воспоминаний как моральный долг перед соратниками.

На наш взгляд, описывая события военных лет, А.С. Киташева была достаточно откровенна. Н.И. Дорофеенко вспоминала, что с Анной Степановной у них сложились теплые, доверительные отношения. Женщин сближал возраст и опыт антифашистской борьбы, жизненные ценности. К тому же, записи не предназначались для публикации. Эти факторы ограничивали влияние самоцензуры. В воспоминаниях А.С. Киташевой нашли отражение реалии: 1) обыденной жизни и стратегий выживания и приспособления населения в условиях оккупации; 2) жизни и борьбы участников Сопротивления; 3) существования узников в нацистской тюрьме и концлагере.

Поскольку задачей, поставленной перед автором воспоминаний, был рассказ о подпольной борьбе и подпольщиках, реалии жизни людей в условиях оккупированного Витебска отразились лишь в отдельных деталях. Так в тексте от 20 февраля А.С. Киташева описала начало ок-

купации и стратегии поведения горожан: часть людей пыталась самостоятельно эвакуироваться на восток или догнать отступающие подразделения Красной Армии. Многие, как семья А.С. Киташевой, искали прибежища в сельской местности. Выразительно переданы переживания Анны в это время. После некоторой растерянности и колебаний, она вернулась в город: «Мне вначале казалось, что наши быстро вернуться и не будут знать, где меня найти. Ведь я военнообязанная, причем оставлена до особого вызова. Я со страхом и слезами вернулась в Витебск» [1]. После неудавшейся попытки вместе с А. Борботченко добраться в расположение частей Красной Армии (молодые люди дошли до Лиозно), они возвратились домой. Александр с родителями уехал в родную деревню. Анна пишет: «Я плакала день и ночь, но была твердой уверенности, что наши придут, наши победят. Так я со всеми спорила, так я уверяла себя» [1].

Вскоре состоялось знакомство с Ксенией Никифоровной Цихош, женой офицера Красной Армии, оставшейся без крова в результате бомбежки. Почувствовав, что Ксения Никифоровна разделяет ее взгляды и убеждения, Анна пригласила ту жить в своем доме. «Жизнь наша была очень тяжелой. Кушать нам не было чего, в наймы к врагам не хотели идти, считали что это предательство» [1]. Чтобы прокормиться, Анна с Ксенией Никифоровной вынуждены были ходить по хатам в сельской местности, менять предметы одежды на картофель, очистки, хлеб. Копали на полях мерзлую картошку, собирали ягоды, грибы, щавель, горох, клевер. И ожидали возвращения Красной Армии. Новости же не радовали: начались расстрелы, появились виселицы. Выход из города контролировался. В людных местах проходили облавы. В домах людей в Клиническом поселке ставили на постой немецких солдат. Позднее, вернувшись из лагеря, Анна столкнется с тем, что в ее доме уже живут другие люди. Подобное перераспределение жилого фонда широко практиковалось оккупационными властями.

Отразилось в воспоминаниях А.С. Киташевой и такое явление как коллаборационизм, причем в тексте идет речь о людях, которые по разным причинам пошли на сотрудничество с нацистами. В прошлом передовая работница и коммунистка К. донесла в полицию о связи Анны с партизанами, видимо, преследуя некие корыстные цели. Начальник местной полиции Туровский, психологический портрет которого можно восстановить по деталям поведения, – типичный приспособленец, готовый служить любой власти, садист, издевающийся над соотечественниками, и лизоблюд, кланяющийся немецкому офицеру. Одной из причин предательства бывшего преподавателя пединститута С., ставшего следователем полиции, очевидно, стало то, что вся его семья в конце 1930-х гг. подверглась репрессиям. Молодая красивая девушка, которая сожительствовала с комендантами концлагеря «Гранки», таким образом, вероятно, стремилась выжить, но ее поведение вызывало у узниц злость и отвращение [2].

Ключевое внимание в рукописи от 20 февраля уделено подпольной борьбе. Автор достаточно откровенно передает свои чувства и эмоции. Постоянное психологическое напряжение, риск, преодоление физических трудностей и страха, необходимость проявлять изобретательность и находчивость, чувство локтя и солидарность простых советских людей – вот черты повседневности подпольщиков. «Вся территория начиная Суража, Лиозно, Колышки исхожена нашими ногами разведчиков и связных, а все это нужно было пройти проселочными дорогами и ночью, и днем, и в пургу, и в мороз, лишьбы благополучно пройти не замеченными» [1]. Приходилось много ходить и по городу, подвергаясь риску.

Анна Степановна отмечала, как важно для них было, несмотря ни на что, выполнить задание. Приходилось не только рисковать, но и проявлять смекалку. В этом плане показательны два случая. Первый – когда А.С. Киташевой удалось раздобыть и переправить в бригаду медикаменты. Узнав о главврачe больницы Н.И. Черткове как надежном человеке, подпольщица пришла прямо к нему домой в обеденный перерыв и попросила лекарства и перевязочные материалы. У нее самой при этом дрожали ноги. Нестор Иванович с женой растерялись, ведь появление незнакомого человека с такой просьбой было похоже на провокацию. Тем не менее, врач согласился помочь и попросил прийти завтра. «Назавтра, для меня было еще страшнейшее испытание, но они чувствовали, видимо, также». Наполнив большую корзину Анны лекарствами, бинтами, ватой, йодом, врач с супругой для маскировки насыпали туда картофеля, возможно, последнего, что у них был. Чтобы переправить медикаменты из города, пригодилась подправленная справка о воспалении легких, которая была выдана много лет назад матери Анны, и актерские способности К.Н. Цихош. Запрятав на санках груз в сено, и положив Ксению Никифоровну под видом больной, подпольщицам удалось преодолеть немецкий пост, напугав сол-

дат «тыфусом» [1]. Второй случай – когда с целью распространения листовок среди «власовцев» подпольщицы решили собрать ягод и пойти продавать их к части, которая находилась в военном городке на ул. Фрунзе, сделав кульки не только из газет и бумаги, но и из листовок. Только назавтра гитлеровцы спохватились, задержав всех женщин с ягодами. Таким образом, решительность и находчивость подпольщиц спасали их от провала [1].

В рукописи от 4 января подробно описан опыт узницы тюрьмы СД и концлагеря. Выдающийся австрийский психолог и психотерапевт Виктор Франкл, сам прошедший через нацистские концлагеря и описавший свой опыт заключенного, выделил три фазы в психологических реакциях узников: прибытия в лагерь; пребывания в нем; освобождения [5, с. 20]. Эти фазы прослеживаются и на основе воспоминаний А.С. Киташевой.

Хотя Анна предчувствовала свой арест и была готова к нему морально, мужественно перенесла побои и допросы, попадание в застенки СД вызвало у нее естественную психологическую реакцию – шок. Сначала девушку бросили в пустую темную камеру: «Я в этой камере ничего сразу не видела, кроме писка крыс. Мне было так страшно, что я не находила себе места» [2]. Девушка всю ночь не спала, пугая крыс стуком ног по полу. Появление утром в камере связной Анны – Валентины Кульбеевой, сначала усугубило негативное психологическое состояние, так как та считала Анну предательницей. Правда, девушкам быстро удалось разобраться в ситуации. После очередного допроса потерявшая сознание Анна очнулась на цементном полу уже в другой камере, полной людьми. Большинство заключенных были погружены в себя: «Я увидела много лежавших и сидевших людей разных возрастов и полов. Все они были страшные, незнакомые с сер'езными лицами и каждый думал о себе. И никто не обращал на меня никакого внимания. У меня с носа текла кровь, болела сильна голова, мне хотелось плакать» [2].

Однако были те, кто не терял присутствия духа и поддержал Анну – молодой парень Владимир (или Василий?) с Марковщины и женщина из Старого Села, с которой были две внучки – лет 8–10 и 12–14. «Он (*Владимир – А.Д.*) первый подошел ко мне, когда я сидела на параше и на взрыд плакала. Он меня взял за руку и сказал "идем девочка не бойся, здесь все одинаковые и умирать все будем вместе. Около меня есть еще место". И он меня потащил к себе, где я легла с ним и этой женщиной со Старого Села. Они меня очень хорошо приютили. – Эта женщина даже накрыла меня своим ватнем одеялом» [2]. Придавал Анне сил пример женщины (как выяснилось позднее, это была В.З. Хоружая), лежавшей уже в почти бессознательном состоянии после побоев на допросах. Анна испытывала к этой женщине сострадание и в то же время восхищалась ее стойкостью.

Камера была маленькая, с покатым потолком и двумя рядами нар по бокам, парашей в углу, полутемная и очень сырая. В ней стояло зловоние. Два раза в день заключенных кормили баландой из гнилой капусты, которую разливали в ржавые консервные банки из-под тушенки. На день выдавался кусочек опилочного хлеба размером со спичечный коробок. Иногда утром или вечером давали чай «как помет» [2].

Шок прибытия был усугублен вывозом людей на расстрел на рассвете 4 декабря 1942 г., на третьи сутки пребывания Анны в тюрьме. Когда заключенных выводили из камеры, перед глазами девушки пронеслась вся жизнь: «Я стояла как окоченевшая и ждала свою фамилию. Я в это время вспомнила все свое детство, мать, которую я совсем не знала, школу, учителей и своего единственного любимого отца, которого мне так хотелось поцеловать в последний раз. А также братьев, сестру и даже мачиху. И я не заметила как всех вызвали и что я осталась одна» [2]. Девушка подбежала к двери, стала стучать кулаками и умолять забрать и ее. Она была избита и оставлена в камере. Увидев на стенах надписи, Анна попыталась оставить и свое имя, но под рукой ничего не было, а нацарапать ногтем не удалось. Страх угнетал девушку. Она укуталась в одеяло, оставленное соседкой, и долго плакала, пока не уснула. Когда гитлеровцы заставили Анну с её новым соседом сортировать одежду расстрелянных, девушка потеряла сознание. Потом ей «… чудились голоса этих людей, особенно моих соседей. Я не могла накрываться этим одеялом. Оно всегда лежало в стороне. Мне казалось что и одеяло это тоже мертвое» [2]. Красный цвет одеяла в дальнейшем стал ассоциироваться у А.С. Киташевой с пережитыми событиями.

Фаза первоначального шока после нескольких дней пребывания в тюрьме СД сменилась безразличием и апатией. Допросы с пытками и издевательствами продолжались. Анна ни в чем не сознавалась, свыклась с мыслью о смерти. С соседом по камере они почти не разговаривали, каждый был погружен в себя. Когда их посадили в машину и куда-то повезли, Анна думала, что везут на расстрел. Поскольку дорога оказалась продолжительной, подпольщица стала меч-

тать о спасении, хотя ее не покидали и мысли о смерти: «Я все смотрела если какая-нибудь щель, где мы едим и куда, если бы знали наши партизаны и напали на эту машину и бы вернулись живыми. Обо всем мечтала, но больше думала о смерти» [2].

Узников привезли в концлагерь «Гранки». Попадание в лагерь после тюрьмы вызвало у Анны надежду на побег. Правда, вскоре от этих мыслей пришлось отказаться. В лагере подпольщица провела три месяца. Она отмечала, здесь была лучшая моральная атмосфера, чем в тюрьме, так как женщины в бараке были хорошие, близкие по духу. Они много общались, плакали, иногда даже пели. Это давало возможность хоть на какое-то время отвлечься от ужасной реальности. «Но одновременно и ждали смерть. Домой вернуться никто не мечтал. Мечтали только о побеге, о спасении партизанами и освобождении нашими войсками. А так оттуда никто не мечтал, что отпустят» [2].

Одним из главных испытаний в лагере стал изнурительный труд. Изможденные люди работали на торфоразработках, женщины вынуждены были таскать высокие и тяжелые корзины с торфом. Все старались работать, так как в противном случае заключенных избивали палками охранники. Иногда они более мягко относились к женщинам, но все зависело от конкретного конвоира. Почти ежедневно происходили расстрелы. В случае побега расстреливали каждого пятого заключенного, расстреливали и за непослушание, а также слабых и обессиленных. Больших масштабов достигла заболеваемость сыпным и брюшным тифом [2].

Заключенные постоянно терпели голод и унижения. Однажды женщин под конвоем повели в ближайшую деревню попросить продуктов. У Анны мелькнула мысль о побеге, но она вспомнила, что тогда расстреляют других узников. Сердобольные люди давали картофель и овощи, иногда кусочек хлеба. Анна Степановна рассказала о своих ощущениях: «Я стояла и смотрела, просить я стеснялась, хотя и ести хотела, кажется воз съел» [2]. Когда старушка дала Анне немного еды, у той невольно покатились слезы, и это вызвало смех конвоиров. «Мне была такая обида и зло на этих проклятых фашистов, я со злостью глянула в их сторону и отвернулась. Ко мне подошел один эсовец (*так в тексте – А.Д.*) и повернул мою голову к ним. Я хотела плюнуть ему в глаза, но сдержалась. и опять отвернулась от них, другой подошел и хлестнул меня по голове и плечах плеткой. Я повернулась и стояла и смотрела на их смех, картошка моя посыпалась и я боялась согнуться ее подобрать» [2].

Немцы забрали собранные продукты на кухню. Анне удалось спрятать кусочек хлеба и картофелины, которые в деревне тайком от немцев положила ей в карманы девочка. Из консервной банки женщины смастерили терку, стерли шелуху и картофель, а также хлеб, сделали лепешки и спекли на стенке чугунной печки в бараке. Эти лепешки стали для узниц счастьем: «Мы по лепешке поделили каждому и казалось, что мы наелись на всю жизнь». Вскоре Анна смогла накормить своих подруг еще и рыбой, которая стала для них «большим праздником» [2].

Фаза освобождения для заключенного концлагеря психологически не менее сложна, чем предыдущие [см.: 5, с. 120–126]. Непростой она оказалась и для А.С. Киташевой. Неожиданное освобождение из лагеря не принесло радости. В конце апреля или начале мая Анну Степановну вызвали с вещами. Женщины прощались с ней со слезами, все были уверены, что Анну отправляют на расстрел. Однако девушку привезли в СД, еще раз спросили про партизан, дали подписать протокол допроса и отпустили. Освобождение можно объяснить следующими факторами: во-первых, Анна Степановна мужественно выдержала все допросы, проявив «упрямство духа» (В. Франкл); во-вторых, доносчица призналась, что оговорила соседку, а оккупационные власти в данном случае попытались создать видимость правосудия. Кроме того, выйдя на волю, Анна, все еще не верившая в реальность происходящего, заметила за собой слежку [2].

Таким образом, воспоминания А.С. Киташевой являются ценным источником не только фактических сведений об истории подпольной борьбы и биографии мемуаристки. Обращение к воспоминаниям позволяет увидеть ряд типичных реалий нацистского оккупационного режима сквозь призму индивидуального опыта молодой участницы Сопротивления, ставшей узницей, реконструировать различные аспекты повседневной жизни людей в условиях оккупации. Язык, стиль и характер изложения свидетельствуют, что текст писался на одном дыхании, автор при этом как бы заново переживала ощущения и эмоции четвертьвековой давности. Конечно, некоторые детали, в частности, имена людей, встреченных в застенках, уже успели подзабыться. Но

сильный отпечаток в памяти Анны Степановны оставили сами пережитые события и вызванные ими психологические реакции, которые переданы в источнике с высокой степенью достоверности.

1. Киташева, А. С. Из моих воспоминаний. 20.02.1967. Рукопись на 20 л. / А. С. Киташева // Личный архив Н. И. Дорофеенко.
2. Киташева, А. С. Мои воспоминания [о пребывании] в фашистских застенках «СД» и концлагере «Гранки». 1942–1943 гг. 04.01.1967. Рукопись на 30 л. Копия / А. С. Киташева // Личный архив автора.
3. Пахомов, Н. И. Витебское подполье / Н. И. Пахомов, Н. И. Дорофеенко, Н. В. Дорофеенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Беларусь, 1974. – 223 с.
4. Трудная жизнь и борьба Анны Киташевой / записал А. Подлипский // Народнае слова. – 1994. – 31 мая. – С. 1, 3.
5. Франкл, В. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере / В. Франкл. – М. : Смысл, 2004. – 173 с.

Гребень Е.А.

МАТЕРИАЛЫ ВИТЕБСКОЙ ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ КАК ИСТОЧНИК О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

В Государственном архиве Витебской области содержится значительный объем документов периода нацистской оккупации Беларуси, среди которых несомненный интерес представляют материалы Витебской городской управы. Делопроизводственные документы, в частности, личные дела предпринимателей являются важныи источником по изучению предпринимательской деятельности, которая в условиях нацистского оккупационного режима стала одной из стратегий выживания гражданского населения. Попытемся проиллюстрировать её на примере работы предприятий общественного питания, торговли и бытового обслуживания г. Витебска.

В условиях нехватки продуктов питания и товаров народного потребления в оккупированном Витебске стали открываться частные предприятия, связанные с удовлетворением повседневных нужд граждан: предприятия общественного питания, комиссионные магазины, парикмахерские, сапожные мастерские и т.д.

В Витебске работало не менее 6 чел. кондитеров-китайцев. Некоторые из них носили китайские имена, другие – христианские имена и китайские фамилии (очевидно, второе поколение иммигрантов). Представители старшего поколения приехали в Витебск из Петрограда. Торговцы реализовывали на Смоленском и Полоцком рынках конфеты-леденцы (петушки) [1]. Согласно акту налогового инспектора от 29.04.1943 г., кондитер осуществлял две варки конфет в неделю. Производство набирало обороты, и, по акту от 7.09.1943 г., кондитер осуществлял 8–10 варок в месяц, расходуя 40 стаканов сахара в месяц, 1 флакон уксусной эссенции, 3 л керосина, белой оберточной бумаги, 25 гр фруктового красителя, итого – 4150 руб. производственных расходов [1, д. 1189, л. 1–9]. Китайские кондитеры уклонялись от оплаты патента и рыночного сбора, игнорировали порядок учета товарооборота [1, д. 1188, л. 8].

Производством и продажей продуктов питания занимались и коренные жители города. 28.07.1942 г. инспектор финансового отдела Витебской городской управы выявил не санкционированное производство и продажу на Смоленском рынке печенья «Безе». Предпринимательница была уведомлена о необходимости получения патента. [2, л. 1–4]. Гражданка, изготавливавшая мороженое, за период с 25.06 по 16.07.1942 г. израсходовала сахара на сумму 1000 руб., молока – 580 руб., ягод – 100 руб., яиц – 1640 руб., ванилина – 100 руб., соли – 920 руб., керосина – 100 руб., льда – 120 руб. На приобретение банок ею было затрачено 50 руб., столько же стоил патент. Чистый доход составил 379 руб. [2, д. 155, л. 3–4].

Иногда предпринимательством занимались женщины-домохозяйки, чьи мужья работали в оккупационных и коллаборационных структурах. Такие семьи, на фоне большинства горожан, были обеспечены намного лучше (учитывая тот факт, что женщины занимались только домашним хозяйством), но и них альтернативный источник дохода был актуален. В июне 1943 г. гражданка (муж служил в полиции) уплатила 100 руб. за патент на изготовление и продажу на базаре картофельных пирожков. Согласно акту проверки реализации товара от 31.08.1943 г., изготавливалось 15 пирожков стоимостью 10 руб. за штуку [2, д. 87, л. 1–4]. Другая гражданка до войны работала в Доме младенца санитаркой, в период оккупации являлась домохозяйкой, муж служил в немецкой организации. Согласно акту проверки реализации товара от 30.08.1943 г., выпеченные утром 40 картофельных пирожков были полностью реализованы к 14.35 по цене

10 руб. за штуку. Доход предпринимательницы за 2-ой квартал 1943 г. составил 1310 руб. [2, д.131, л. 1 – 5].

Для социально уязвимых категорий горожан предпринимательство являлось жизненной необходимостью. Например, вдова пенсионного возраста, имевшая инвалидность (сын находился на фронте), 26.06.1943 г. подала заявление в финансовый отдел управы на получение патента на торговлю табаком. В отличие от женщин-домохозяек, чьи мужья работали в оккупационных структурах, для данной гражданки торговля являлась условием выживания. Табак-самосад продавался на Смоленском рынке по 15 – 30 стаканов по цене 35 – 50 руб. за стакан. Интересно, что, как и многие другие торговцы, гражданка подала заявление на получение патента только после уведомления сотрудника финансового отдела [1, д. 1217, л. 1–6].

Имела место тенденция, когда граждане, подававшие заявки на открытие предприятий общественного питания и торговли продуктами и товарами народного потребления, отмечали в заявлениях и автобиографиях факты репрессий со стороны советской власти. В заявлениях на открытие ремесленных мастерских данная тенденция не прослеживается. Очевидно, для получения разрешения на ведение более доходного в условиях дефицита бизнеса, факт советских репрессий служил весомым аргументом. Например, гражданка, подавшая в сентябре 1942 г. заявление в финотдел о разрешении на открытие ларька по продаже продовольственных товаров на Смоленском рынке, указывала наличие судимости при советской власти [2, д. 142, л. 1–2, 4, 26, 26 об.]. Получившая 18.03.1943 г. разрешение на открытие ларька на Полоцком рынке гражданка указывала в автобиографии, что ее муж был арестован НКВД в 1938 г., а сын работает в фельдкомендатуре [2, д. 94, л. 1–3].

В заявлении и автобиографии жительницы города, желавшей открыть буфет, сообщалось, что отец был расстрелян в 1929 г. за агитацию против коллективизации. До войны гражданка работала бухгалтером, муж был мобилизован в армию, на иждивении находились мать и двое малолетних детей, брат работал в Витебской районной управе. В заявлении указывалось, что открытие буфета – единственный источник получения средств для пропитания. Прейскурант цен буфета, отрытого по Краснобригадной улице, 6, выглядел следующим образом: хлеб, порция 100 гр – 10 руб., молоко кипяченое стакан – 4, молоко кислое стакан – 3, яйца отварные, 1 шт. – 10, винегрет с овощей – 8, масло, 50 гр – 20, оладьи картофельные со сметаноц – 20, квас, стакан – 3, творог (100 гр) – 10, бутерброд с маслом – 15. Гражданкой было уплачено 1200 руб. за патент (значительная сумма для одинокой женщины, воспитывающей двоих детей) и произведен ремонт в помещениии буфета. Выходной день был установлен в четверг [2, д. 80, л. 1–22].

Документы показывают, что часто открывали торговые предприятия совладельцы. Очевидно, открыть торговое предприятие одному человеку было проблематично. Так, в июле 1942 г. двое граждан открыли буфет на углу ул. Больничной и Суражской. Уже через месяц после открытия, 25.08.1942 г. один из компаньонов был оштрафован на 4000 руб. за продажу без лицензии спиртных напитков и табака в киоске. 3.09.1942 г. финансовый агент произвел опись вещей в квартире оштрафованного. Вещи на сумму 1260 руб. до погашения штрафа, были оставлены гражданину на хранение. В заявлении в ортскомендатуру гражданин сообщал, что 14.08.1942 г. к нему в буфет явился начальник 2-го отделения охраны г. Витебска проверить патент, и в ходе осмотра обнаружил на кухне 1 литр водки и 146 папирос, после чего составил протокол о привлечении к административной ответственности. Гражданин счел постановление не правомерным, поскольку факт торговли запрещенной продукцией не был доказан, заявив, что водку купил, чтобы приобрести дрова, а папиросы курит он и жена, и выразил надежду на внимательное к нему отношение при определении его вины, так отец и 2 брата были репрессированы большевиками в 1936–1937 гг. В дальнейшем работа буфета возобновилась, но между совладельцами начались споры, и в 1943 г. оба ходатайствовали о получении отдельных патентов. 21.05.1943 г. за неведение учета и сокрытие доходов от налогообложения предприниматель был оштрафован на 100 руб. 8.06.1943 г. бывшая компаньонка подала заявление о получении патента на право торговли самостоятельно, требуя права занять то помещение, в котором ранее находилось совместное предприятие. В заявлении она указывала, что пострадала при бомбежке, 6 месяцев пролежала в госпитале, и не имеет средств к существованию [2, д. 82, л. 1–20]. В декабре 1942 г. в Витебске открылся буфет, принадлежавший двум гражданам. Женщина писала в автобиографии, что его отец до 1929 г. имел ресторан и театр, был сослан в Сибирь до 1934 г., а в 1937 г. арестован вновь, она же, как дочь репрессированного, была исключена из училища. Па-

тентный сбор на буфет-закусочную составил 1200 руб., разрешалась реализация продуктов питания, кроме мяса и мясных изделий. Совокупный доход владельцев за 1-е полугодие 1943 г. составил 1890,5 руб. По распоряжению ортскомендатуры с 16.09.1943 г. буфет был закрыт, но 14.10.1943 г. одна из совладельцев получила разрешение на возобновление работы [2, д. 81, л. 1–24 об.].

В апреле 1943 г. было выдано разрешение двум гражданам на открытие комиссионного магазина на Полоцком рынке. Патентный сбор составил 900 руб. Один из совладельцев, уроженец г. Витебска, 1914 г.р., в автобиографии указал наличие 15-летнего стажа работы в сфере торговли. Его компаньон, уроженец г. Брагина, 1902 г.р., сообщил, что в 1931 г. был на 2 года лишен свободы за антисоветские настроения, с момента прихода германской армии и до настоящего времени работал в городской управе, а теперь желает работать в комиссионном магазине. Согласно акту обследования от 5.06.1943 г., в магазине на комиссии находилось 29 наименований мужской и женской одежды и обуви и других товаров (готовальня, венская гармонь, наручные часы) на сумму 48920 руб. Цены на промышленные товары были очень высокими. Женский костюм стоил 2250 руб., платье – 1500 руб., мужские туфли – 500 руб., брюки – 1000 руб., мужское осеннее пальто – 3000 и 9000 руб. и т.д. В обороте находилось 60050 руб. личных средств владельцев; на стройматериалы было затрачено 3050 руб., на инвентарь – 3000 руб. Чистая прибыль за период с 20.04.1943 г. по 1.07.1943 г. составила 8377 руб. Магазин был закрыт согласно постановлению городской управы от 31.07.1943 г. за то, что один из владельцев купил за 200 марок краденое пальто, перепродав его за 300 марок. Гражданин был оштрафован на 1000 руб. и лишен лицензии [2, д. 90, л. 1–21].

На имя бургомистра г. Витебска 19.04.1943 г. поступило заявление двух граждан, ходатайствовавших об открытии на Смоленском рынке буфета по продаже холодных и горячих закусок. Поскольку помещения для буфета не имелось, граждане просили разрешения на постройку помещения площадью 12 м^2. В автобиографии одного из заявителей (1912 г.р., уроженец Освейского района) сообщал, что имеет образование 2 класса начальной школы, работал на Витебском спиртоводочном заводе, ревизором Полоцкого Окрпотребсоюза до 1937 г. За то, что скрыл факт о судимости отца, был уволен. Далее работал инструктором Витебского Райпотребсоюза до 1941 г., был арестован НКВД, находился в тюрьме в Витебске и Нижнем Новгороде, после освобождения переехал на Северный Кавказ, а после оккупации северокавказского региона вернулся в Витебск. Сообщалось также об аресте и расстреле НКВД его швагера и двух дядей как врагов народа. Его компаньон, 1898 г.р., уроженец Орловской области, до 1917 г. работал письмоводителем, потом служил в российской армии (императорской и Временного правительства), Красной Армии. В 1929 г. был осужден в Витебске за антикоммунистическую агитацию (5 лет тюрьмы), после тюремного заключения работал ревизором Витебской районной Потребкооперации. Как видно, биографии заявителей учтроили администрацию, разрешение было получено, стоимость патентного сбора составила 800 руб. Буфет-столовая открылся 16 мая 1943 г. Буфет был закрыт по распоряжению ортскомендатуры 16.09.1943 г., причина из личного дела предпринимателей не ясна [2, д. 78, л. 1–15].

21.06.1943 г. был открыт ларек по продаже мелких галантерейных товаров, принадлежавший родственникам (брату и сестре). Совместный капитал составлял 2000 руб. По состоянию на 16.09.1943 г. там продавалась краска в пакетах , сапожная мазь, свечи, махорка, бусы, гребни, карты игральные, брошка, всего товара на 480 руб. [2, д. 149, л. 1–4].

Бытовые нужды населения удовлетворяли различные мастерские. Осенью – зимой 1941 г. в Витебске работала игольно-пуговичная мастерская. Изготавливались брючные пуговицы, иглы и иглы для патефонов. Продукция реализовывалась через комиссионный магазин и торговый отдел городской управы [2, д. 178]. В 1941–1942 гг. в Витебске были зарегистрированы мастерские по производству матрацев, слесарная, шорная, сапожная, портняжная мастерские, мастерские по производству галош, валенок, прялок [2, д. 174, 35, 171, 169 и др.; 1, д. 1019]. Помимо частных предприятий, в 1942 г. действовала швейная мастерская при Белорусском народном доме [1, д. 241, л. 1, 2].

Одна из частных портняжных мастерских начала работу 10.07.1942 г. Владелица не привлекала наемных рабочих, осуществляла пошив и ремонт дамских платьев, блузок и юбок из материала заказчика. В среднем в месяц обслуживалось 6–7 человек [2, д. 133, л. 1–5 об.]. В городе действовало несколько частных парикмахерских. Одна из них обслуживала исключительно

немцев. Патент был выдан 21.02.1942 г. На иждивении владелицы находились трое детей и мать. В парикмахерской работали 5 мастеров, уборщица, прачка, бухгалтер и кассир. Парфюмерия закупалась на рынке. Бритье бороды стоило 3 руб., стрижка головы – 5 руб., мытье головы – 4 руб. Обозначенная в финансовых документах низкая прибыль парикмахерской (за 1-е полугодие 1942 г. – 364,95 руб.) объяснялась предпринимательницей несоответствием существующей таксы реальной себестоимости, перерывами в работе на 2 – 3 недели в результате бомбежки, расходами на ремонт помещения, сильными морозами (до 35 С) и тем, что, в целях лучшего обслуживания немецких военнослужащих, были затрачены большие средства на оборудование, белье и инвентарь. Финансовое состояние парикмахерской, действительно, было сложным, за 1942 г. накопилась задолженность по уплате налога в значительную сумму 4600 руб. Владелица ходатайствовала об отсрочке уплаты налога. Не улучшилось оно и в 1943 г., и 29.03.1943 г. налоговый инспектор даже произвел опись имущества парикмахерской. Тем не менее, парикмахерская продолжала работу как минимум до августа 1943 г.; было разрешено оплатить задолженность в два приема по 2300 руб. 5 марта и 5 мая 1943 г. [2, д. 145, л. 1–24 об.].

Таким образом, документы Витебской городской управы являются важным источником по изучению военной повседневности. С одной стороны, они показывают, что в условиях войны удовлетворение потребностей граждан было монополизировано частными предпринимателями. Предприятия открывались в тех отраслях, услуги которых были наиболее востребованы населением. Наиболее доходным занятием являлась торговля. Интересны эти документы и тем, что показывают стратегию поведения граждан в условиях оккупации. Все пытались обмануть власти. Многие для получения желаемого разрешения, особенно в сфере торговли, подчеркивали свои проблемы с советской власти в предвоенный период (судимости в довоенный период или репрессированных советской властью родственников).

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 1186.
2. ГАВО. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 151.

Кулинок С.В.

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ РАЗОБЛАЧЕННЫХ АГЕНТОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА БШПД)

Одним из малоизученных и информативных источников по истории партизанской разведки и Великой Отечественной войны являются протоколы допросов. В процессе оперативной, боевой и контрразведывательной деятельности в партизанские соединения достаточно регулярно попадали захваченные военные и гражданские пленные, а также разоблаченные немецкие агенты и пособники, которые являлись ценнейшим источником получения разведывательных данных. Именно в процессе проведения допросов партизаны получали необходимую им информацию. Контингент допрашиваемых достаточно широк: пленные солдаты и офицеры, представители гражданских и военных оккупационных властей и коллаборационистов, разоблаченные агенты, сотрудники немецких спецслужб, гражданские лица, находящиеся под подозрением и др. Автор изучил более 80 протоколов допросов и исходя из того, кого опрашивают, выделил некоторые виды разведывательных данных:

- военные: состав, структура, вооружение, командный состав, задачи воинских частей и подразделений, а также военных соединений коллаборационистов, состояние гарнизонов и укреплений (как правило, их сообщали солдаты и офицеры, полицейские, военные пособники, захваченные в плен);
- экономические: состояние сельского хозяйства, промышленности, инфраструктуры, налогообложение, деятельность военно-хозяйственных органов и организаций (от пленных старост, бургомистров, сотрудников хозяйственных служб);
- политические: деятельность гражданских коллаборационистских организаций и союзов, пропагандистская и агитационная деятельность на оккупированной территории (от захваченных руководящих сотрудников, гражданской администрации, активистов);
- контрразведывательные: деятельность немецких спецслужб, разведывательно-диверсионных и шпионских школ, выявление изменников, предателей и немецких пособников (от пленных сотрудников немецких разведывательных органов и разоблаченных агентов).

Именно протоколы допросов разоблаченных агентов будут рассмотрены автором в данной работе. Первые разведывательно-диверсионные школы, готовившие агентов для засылки в тыл

Советского Союза, Красной Армии и в партизанские отряды, были открыты уже в 1941 г. В августе – в Борисове [7, с. 149], в конце 1941 г. – в Минске [4, с. 142]. В 1942 г. школы уже действовали в Бобруйске [1, с. 49], Слуцке [6, л. 12–13], Могилеве [3, с. 191] и других городах. После начала освобождения в 1943 г. Красной Армией захваченных территорий разведывательные органы противника вместе со спецшколами перемещаются на восток, в том числе и на территорию Беларуси. В конце октября 1943 г. на имя начальника БШПД П. Калинина пришло сообщение, в котором указывалось, что «из освобожденных Красной Армией районов Орши, Брянска, Смоленска, Рославля, Унечи и др. немцы школы гестапо передислоцируют в районы Белоруссии. Дайте задание установить их местонахождение и перегруппировку. Учитывая исключительную важность этого вопроса, задание просим взять на контроль и немедленно ставить нас в известность» [6, д. 56, л. 4–5].

В декабре 1943 г. из ЦШПД на имя начальника БШПД П. Калинина пришел документ, в котором отмечалось, что «из партизанских отрядов поступают агентурные данные и показания разоблаченных агентов гестапо, что немцы усиленно вербуют и обучают в школах большое количество своей агентуры с целью засылки в наши тылы, проникновения в части Красной Армии и внедрения в партизанские отряда для ведения разведки, совершения диверсий на коммуникациях и террористических актов над видными партийно-советскими работниками и командным составом Красной Армии и партизанских отрядов... Просим дать указания командирам вверенных вам партизанских отрядов и аппарата вашего разведотдела, как от агентуры, так и путем допроса разоблаченных разведчиков гестапо, добиваться получения на переброшенную агентуру или внедренную в партизанские отряды подробных сведений с указанием:

А) полных установочных данных

Б) характеризующих данные агента и его предметы

В) район предполагаемой деятельности агента и его связи»

Копии таких показаний или агентурных донесений необходимо было срочной почтой высылать в ЦШПД [5, л. 341].

Масштабы работы немецких спецслужб по подготовке агентов-диверсантов на территории Беларуси были огромны. Фактически, это была «конвейерная» деятельность. Только за 1942 – первое полугодие 1943 г. по неполным данным было расстреляно 944 агента гестапо. Согласно итоговому отчету разведотдела БШПД, из числа взятых партизанами на учет шпионов, диверсантов и террористов (8584 человек) арестовано и расстреляно 7464, в том числе 5584 немецких шпиона, диверсанта и террориста [2, с. 175]. С каждым разоблаченным агентом проводилась беседа, которая оформлялась в протокол допроса.

Внутренняя структура данного вида документов достаточно стабильна. После заглавия «Протокол допроса №… от (дата)» обычно указывались данные опрашивающего. Например: «Я, начальник Особого отдела НКВД 2-й Минской Красно-партизанской бригады Никитин допросил…» или «Я, оперуполномоченный бригады им. Чкалова Фелько допросил…» [6, д. 57, л. 253; д. 56, л. 17]. Далее следовали краткие автобиографические данные допрашиваемого: ФИО, год и место рождения, происхождение, образование, партийность, род деятельности. В некоторых случаях для уточнения биографических данных могли задаваться отдельные вопросы, такие как «Кто ваши родители?», «Чем занимались до Октябрьской революции?», «В чем заключалась ваша трудовая деятельность до войны?» и т.д. Можно также встретить случаи приложения к протоколу допроса отдельной автобиографии. В этом случае, в допросе биографические данные не приводятся.

Далее, как правило, идут непосредственно вопросы, интересующие допрашивающего. В качестве примера можно привести протокол допроса немецкого агента С., которая закончила шпионскую школу в Гомеле и была разоблачена партизанами в декабре 1943 г. Помимо вопросов биографического характера, допрашиваемой были заданы следующие вопросы: «В течении какого времени Вы учились в школе?», «Под каким названием была эта школа?», «Какой был внутренний распорядок в школе?», «Сколько всего училось курсантов в школе?», «Назовите фамилии и приметы курсантов этой школы», «Назовите фамилии и приметы преподавателей школы?», «Назовите фамилии и приметы обслуживающего персонала?», «Когда был произведен выпуск Вашего набора?», «Куда Вы были направлены после выпуска слушателей школы и с каким заданием?», «Имели ли Вы задание производить вербовки из местного населения?», «Чем Вы были снабжены при направлении на задание?». Результатом данного допроса стало получение сведений о деятельности в Гомеле разведывательно-диверсионной школы, расположенной по

ул. Замковой, 85. Было установлено, что в школе обучалось около 100 агентов, на 74-х из них получены установочные данные. С. сообщила подробные сведения о 8 преподавателях, изучаемых дисциплинах, распорядке дня и выпусках курсантов [6, д. 57, л. 286–297]. В результате допроса агента абвергруппы-315 Ж. были получены установочные данные на 36 агентов по городам Новозыбков и Гомель, а также сведения о руководстве абвергруппы-315 и 325.

Достаточно часто к протоколу прилагались сопроводительные письма (информации). Так, к протоколу допроса Ж. прилагалось сопроводительное письмо на имя Народного комиссара государственной безопасности комиссара госбезопасности 1 ранга В. Меркулова, в котором указывалось: «При этом направляю протокол допроса немецкого тайного агента Ж. и список штатных тайных агентов «Абвертруппе №№ 315 и 325», работающих в немецких отделениях контрразведки. Ж. – расстрелян» [6, д. 57, л. 252].

Объем данного вида документа вариативен и зависит от количества вопросов, осведомленности опрашиваемого, его желания отвечать на вопросы. Наиболее ценные и важные агенты могли допрашиваться несколько раз с целью получения более точных данных, а также проверки полученных сведений. В этом случае в заголовке документа указывалось: «Дополнительный протокол допроса… от…» [6, д. 54, л. 116–134]. На каждой странице протокола ставилась подпись допрашиваемого, удостоверяющая, что полученные ответы соответствуют тому, что он говорил. В конце протокола обязательно присутствует надпись (с разными изменениями): «Протокол с моих слов записан правильно, мне вслух прочитан, в чем и расписываюсь…».

Необходимо отметить, что далеко не всегда протоколы допросов велись корректно и правильно. 22 декабря 1943 г. был издан приказ № 010 по Оперативно-чекистской группе Могилевского подпольного обкома КП/б/Б, в котором отмечалось: «Из поступивших в декабре месяце 1943 г. в Оперативно-чекистскую группу Обкома 37-ми законченных следственных дел большинство из них оформлены плохо, с допущением массы следственных ошибок и неточностей… Как правило, протоколы допросов обвиняемых и свидетелей ведутся неумело и небрежно, на лоскутах бумаги, с массой перечеркиваний, надписываний слов без всяких на это оговорок. Полные демографические данные… в протоколах в большинстве случаев отсутствуют. Есть много случаев, когда в протоколе допроса обвиняемого записана только его фамилия» [6, д. 60, л. 510–511]. В документе указывалось также и на другие нарушения. Для исправления ситуации в этом же документе прописывался ряд мер, которые должны были улучшить работу в этом направлении и устранить недочеты.

Протоколы допросов разоблаченных агентов представлены в фонде № 1450 (БШПД) достаточно широко. К его достоинствам можно отнести, прежде всего, информативность. Часто допрашиваемому грозила смертная казнь, а одним из условий сохранения жизни была передача известных разведданных. Сообщаемые сведения, как правило, весьма подробны и точны, так как допрашиваемый сам был непосредственным участником происходивших событий.

Вместе с тем, необходимо критически относиться к некоторым сведениям, сообщаемым при допросах. Прежде всего, это касается данных, полученных от сотрудников немецких спецслужб и разоблаченных агентов, так как они сознательно могли сообщать ложную информацию, пытаясь сложить с себя вину или выгородиться. Так, в ходе допроса немецкого агента Л. были получены сведения о деятельности в Ганцевичах шпионской школы с установочными данными на некоторых агентов [6, д. 57, л. 541–542]. Однако в ходе проверки этих данных выяснилось, что «что специальной шпионской школы в м. Ганцевичи не имеется» [6, д. 57, л. 550].

1. Белик, И. К. Немецкая разведка является довольно сильным противником / И. К. Белик // Исторический архив. – 2000. – № 5. – С. 27–63.

2. Козак, К. И. Германские и коллаборационистские потери на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944): анализ и итоги / К. И. Козак. – Минск : Логинов И.П., 2012 – 373 с.

3. Коровин, В. В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны / В. В. Коровин. – М. : Русь, 2003. – 310 с.

4. Кулинок, С. В. К вопросу о деятельности немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ в Минске в годы Великой Отечественной войны / С. В. Кулинок // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 11 крас. 2014 г. Вып 13 : у 2 т. Т. 1 / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам.адк.рэд.) [і інш.]. – Мінск: МДЛУ, 2015. – С. 141–148.

5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 15.

6. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 53.

7. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 54.

8. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 56.

9. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57.

10. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60.

11. Чуев, С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Книга 1. / С. Г. Чуев – Спб. : Издательский дом «Нева», 2003. – 383 с.

Ефимова Е.А.

ДОКУМЕНТЫ ЦОА УСО г. МОСКВЫ О РАБОТЕ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ДОМА ПИОНЕРОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

История Великой Отечественной войны, история участия москвичей в защите родного города – тема всегда актуальная для изучения. Представляется интересным узнать о работе Московского городского Дома пионеров в те нелегкие для столицы годы. Источником для написания статьи послужили документы фонда Московского городского Дома пионеров, хранящиеся в Центральном объединённом архиве учреждений системы образования г. Москвы (ЦОА УСО г. Москвы). Архив хранит документы образовательных учреждений по личному составу. Фонд Московского городского Дома пионеров и октябрят носит номер 359, состоит из 63 дел, включенных в одну опись [1]. Нами использованы документы дел №№ 2–17. Это приказы по личному составу за период с 16 июля 1941 г. по май 1945 г. и лицевые счета по зарплате сотрудников за 1941–1945 гг. Приказы – машинопись, подлинники и копии, подписанные руководящими лицами МГДП; лицевые счета – бланки, заполненные от руки сотрудниками бухгалтерии.

В лицевых счетах по зарплате имеются сведения о занимаемой должности сотрудника, о начисленной зарплате и отчислениях (займах), о педагогической нагрузке и ее изменениях, о совмещениях по службе и получении пенсии, об отпусках, отгулах, больничных листах. У некоторых сотрудников – в основном, у мужчин – проставлены года рождения (что связано с отношением к военной обязанности), иногда указаны дети, льготы на иждивенцев. У женщин с 1942 г. проставлялась отметка: «жена призванного в Красную Армию», «жена военнослужащего», «муж находится в действующей армии», «получает пособие», «получает пенсию на детей», а в 1945 г.: «жена демобилизованного». С 1945 г. в делах присутствуют подлинники справок, выданные женщинам на мужей, служащих в рядах Красной Армии, что связано с правом на получение льгот по налогообложению. С 1943 г. года рождения указаны почти у всех сотрудников; есть пометы: «инвалид войны», группа инвалидности и иногда № инвалидной книжки. По лицевым счетам по зарплате можно видеть, что среди сотрудников Дома пионеров были люди, уже воевавшие. В.С. Лихачев, инструктор оборонного отдела, был награжден орденом, что отмечено в его лицевом счете [1, д. 4, л. 69]. В лицевом счете работника пожарной охраны А.В. Щенникова за 1941 год имеется странным образом оказавшаяся здесь запись: «Считать возвратившимся с фронта и приступившим к работе с 15 июля 1940 г.» [1, д. 5, л. 133]. Скорее всего, оба они – участники финской войны.

За 1941 г. сохранились приказы только с 16 июля 1941 г., поэтому изредка встречающиеся в лицевых счетах по зарплате сотрудников номера приказов за более раннюю дату дают возможность фрагментарно восстановить номера, даты и тематику приказов по личному составу за первую половину 1941 г. Приказы по личному составу МГДП посвящены, в основном, кадровым перемещениям: приему сотрудников на работу, их увольнению, переводу с одной ставки на другую. Характерной особенностью приказов военных лет является расширенная по сравнению со стандартом тематика приказов – здесь и благодарности, и порицания, и приказы, содержащие упоминания фамилий сотрудников МГДП, но касающиеся не только личного состава, но и организационных, педагогических, хозяйственных аспектов его деятельности; таким образом, весьма возрастает источниковедческая ценность этих документов. Отметим также тон формулировок приказов: он может быть нестандартно торжественным при объявлении благодарностей, особенно к праздникам, и сурово-эмоциональным с употреблением канцеляризмов – в случаях различных взысканий. Логично предположить, что так проявились как некоторые стороны личности директора МГДП А.А. Ахапкина, моменты взаимоотношений его с коллективом сотрудников Дома пионеров, так и черты обстановки жизни военной Москвы.

В результате анализа материалов выявлено несколько комплексов вопросов, по которым данные документы могут служить источником.

Можно сказать, что в них жизнь Москвы военного времени отразилась, как в капле воды. Эвакуация, светомаскировка, тушение зажигательных бомб, снабжение по карточкам, оборудование бомбо- и газоубежищ, мобилизации сотрудников на трудовой фронт, на дровозаготовки, на лесозаготовки, на торфозаготовки, на спецработы, экономия топлива и электроэнергии, суровая дисциплина прихода-ухода на работу, дежурства групп самозащиты (химзвено, санзвено,

звено общественного порядка, звено газоубежища) – такие реалии встают перед нами при изучении приказов по личному составу за 1941–1943 гг.

Наиболее драматичен материал осени 1941 г. – времени Московской битвы. Далеко не все сотрудники Дома пионеров в еще предвоенные май-июнь 1941 г. успели уйти в отпуск; 38 сотрудникам был оплачен неиспользованный отпуск за 1941 г. С 16 июля по 16 октября 57 сотрудников МГДП были уволены, многие с формулировкой «ввиду выезда семьи из Москвы», «ввиду выезда в деревню». Некоторые брали отгулы «для отправки семьи из Москвы». В лицевых счетах встречаются записи: «уволить в связи с выездом из Москвы» или «восстановить в связи с невыездом из Москвы». 19 июля и 9 августа вышли приказы об увольнениях с формулировкой «в связи с временным сокращением объема работ Городского Дома пионеров» [1, д. 2, л.151, 183].

Московский Дом пионеров не закрывался. Дети не покинули его, педагоги не покинули детей. 24 июля прошел приказ о выплате пианисту-аккомпаниатору В.Б. Шайкевичу «за 20 часов по 10 рублей в час за концертмейстерскую работу в июле в связи с выступлением детей на допризывных участках». В некоторых приказах оживает обстановка тех дней. «Всем сотрудникам Дома 14 августа с 17 по 17.30 проводить работу в противогазах. Проверку исполнения и освобождение от работы в противогазах лиц, не могущих по той или иной причине в них работать, возлагаю на т. Баркунского». В самые тяжелые дни обороны Москвы, с 16 по 25 октября, пятеро сотрудников были призваны в армию. С формулировкой «в связи со свертыванием работы МДП с 25 октября» были уволены 25 человек [1, д. 2, л. 174, 148, 82].

В Доме пионеров был немалый (более 20 чел.) штат пожарной охраны. Считается, что эта служба давали бронь от армии, однако из 20 человек, призванных в РККА с 16 июля 1941 г. по 19 января 1942 г., шестеро – работники пожарной охраны. Эта работа была нелегкой и ответственной. По приказу от 30 августа работники пожарной охраны заступали на дежурство с 19 часов и на всю ночь. С 1 декабря 1941 г. они были переведены на казарменное положение [1, д. 2, л. 132, 58]. Один из приказов следует процитировать дословно. «В ночь с 29 на 30 сентября и с 30 сентября на 1 октября пожарные рабочие тт. Соловьев, Столицкий и Спицын по своей инициативе провели огромную работу по уборке 100 куб. метров дров в штабеля. Отмечая большую работу, объявляю благодарность тт. Соловьеву, Столицкому и Спицыну с занесением в личное дело» [1, д. 2, л. 98]. По крайней мере, один из них – младший пожарник Соловьев Владимир Алексеевич – две ночи подряд грузивший дрова, был 1925 года рождения (т.е. ему было в 1941 г. 16 лет).

Наступил перелом Московской битвы – 5 декабря. Уже с 13 декабря идут приказы о зачислении на работу (о восстановлении на работе). Всего принято 33 человека, среди них – электромонтер М.С. Антохин и машинистка Л.Д. Кузнецова, оба 1924 г. рождения. С 1 по 10 января 1942 г. в МГДП шли праздники новогодней елки для детей Москвы.

С конца 1942 г. начинаются инвентаризации, учет имущества МГДП, усиливается охрана территории, устанавливается режим работы кладовой и выдачи расходных материалов. Это объясняется, видимо, ростом преступности в городе. В 1942–1945 гг. в Доме пионеров были факты хищений (пальто из гардероба, шторы, физкультурный канат, экспонаты с выставки), что повлекло соответствующие приказы в отношении виновных. В приказах по личному составу имеется информация и по истории зданий Дома пионеров, разделивших с людьми тяжелую военную судьбу. Для отопления зданий имелась котельная, в которой работали 2–3 истопника. Работали в отопительный период без выходных, получая после его окончании по полтора месяца отгулов. Окна на зиму были тщательно заклеены, этим занимались не только истопники и уборщицы, но и сотрудники, мобилизованные по указанию коменданта МГДП на эту работу. В холодную зиму 1943 г., в обстановке жесткой экономии топлива, в некоторых помещениях ставили печи-буржуйки. Однако к концу 1943 г. стало легче, и в зданиях Дома пионеров был произведен ремонт, сначала в основном здании (пер. Стопани, д. 6), затем в техническом корпусе (пер. Стопани, д. 5). Для 1944–1945 гг. характерно сочетание жесткой дисциплины, охраны здания и территории с её обустройством. После ремонта корпусов пришла очередь парка. Силами сотрудников были вскопаны и засажены газоны, приведены в порядок сохранившиеся посадки. В режиме парка территория Дома пионеров продолжала функционировать и в послевоенные годы. Яркая черточка, свидетельствующая об окончании войны – снятие светомаскировки («Все маскировочные шторы сдать на склад под ответственность Михалицкого, а дерматиновые шторы заприходовать как материал») [1, д. 15, л. 177].

Реалии быта в дни войны преломляются и в нечасто встречающихся документах, касающихся общежития Дома пионеров. Еще с довоенных лет некоторые помещения обоих корпусов были полуофициально переданы под общежитие сотрудников. Были женское и мужское общежития, комнаты для семейных. Жили там как уборщицы, дворники, истопники, так и педагоги. За право проживания они несли обязанность ночных дежурств. Отказ в прописке в общежитии означал и увольнение с работы.

Важна информация, характерная именно для деятельности детского внешкольного учреждения. Однако вопросы учебной и массовой работы в документах по личному составу освещены недостаточно и односторонне. Приказы начала учебного года по установлению педагогической нагрузки дают картину учебной работы МГДП. Виден объем работы кружков разных направлений; проходит череда блестящих педагогов – специалистов в своей области [1, д. 9, л. 77, 80]. Встречаются распоряжения и приказы о педагогических советах, об организации совета активистов Дома пионеров [1, д. 6, л. 47, 127], впоследствии – порицания в адрес тех педагогов, которые не провели выборы актива в своих кружках, не обеспечили присутствия представителей учеников на заседании самоуправления. Иногда в приказах по личному составу можно видеть и фамилии кружковцев, например, группы юных художников, восстанавливавших довоенную стенную роспись после ремонта [1, д. 9, л. 3].

Дисциплинарные требования касались и детей. Выходили распоряжения о запрещении находиться в здании МГДП в пальто и галошах. В обоих корпусах имелись гардеробы, но кружковцы, видимо, часто игнорировали их. В Доме пионеров все военные годы действовали столовая и бесплатный молочный буфет для кружковцев. По воспоминаниям кружковцев военного времени, булочка и стакан напитка «суфле» были для них чем-то необыкновенно вкусным и неповторимым [2, с. 219, 220]. Летний лагерь актива в 1943 г. проходил в д. Петушки, для работы в нем набирался дополнительный штат педагогов-туристов. В 1944–1945 гг. широко развернулась массовая работа Дома пионеров: праздники, выставки, концерты.

Московский городской Дом пионеров не прекращал свою работу в тяжелые дни Московской битвы. С января 1942 г. ведущее детское учреждение Москвы активно разворачивало свою работу. Картины бедности и суровой экономии встают перед исследователем через фразы документов, касающихся хозяйственных вопросов жизни Дома пионеров, который был для детей военной Москвы оазисом знаний и душевной теплоты. Педагоги и сотрудники Дома пионеров несли тяготы войны, не сворачивая свою работу. Кроме обычных кружковых занятий проходили праздники, в том числе – новогодней елки, выставки, концерты, лагеря пионерского актива.

Для написания истории Дома-Дворца пионеров эти документы дают ценный фактический материал. Из приказов по личному составу и лицевых счетов по зарплате можно извлечь данные о биографиях педагогов и сотрудников (порою даже детали их судеб), о названиях кружков, об эпизодах ремонта зданий и благоустройства территории. Эти сведения могут стать отправной точкой дальнейшего поиска.

1. Центральный объединенный архив учреждений системы образования г. Москвы (ЦОА УСО г. Москвы). Ф. 359. Оп.1.
2. Ефимова, Е.А. От Дома пионеров на Стопани – к Дворцу на Ленинских горах / Е.А.Ефимова, В.С.Мягкова. – М. : МГДД(Ю)Т, 2009. – 384 с.

Ханипова И.И.

БУДНИ ДЕТДОМОВЦЕВ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ В ДОКУМЕНТАХ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА

В последние годы для сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне как специальными студенческими поисковыми группами [см.: 7], так и индивидуальными исследователями активно проводится сбор воспоминаний детей войны. Собранные воспоминания и интервью вводятся в научный оборот, используются в учебно-воспитательном процессе [8]. Среди этих материалов встречаются и свидетельства детдомовцев о повседневности военного времени [5].

Анализ мемуарной литературы показывает, что воспитанники детских домов, мужественно преодолевая трудности, связанные с голодом, холодом, отсутствием нормального жилья, горечью утрат близких и родных, продолжали жить своей детской, хотя и не совсем беззаботной, жизнью.

Интересные сведения о детдомовской повседневности содержатся в письмах ребят, находившихся в годы эвакуации в Татарстане. В фондах Тетюшского краеведческого музея хранится комплекс писем Татьяны Снегиревой, уроженки г. Ленинграда, эвакуированной вместе с другими детьми сотрудников Академии наук СССР в г. Тетюши*. Письма родным Тата (так девочку называли в семье) отправляла на протяжении всего периода эвакуации с августа 1941 до июля 1944 гг. Большинство из них адресованы ее тете – Людмиле Алексеевне Преображенской, эвакуированной в город Казань. «Дорогая тетя Люся! Как ваше здоровье? Вчера получила от вас посылку, очень вам благодарна. А особенно за учебник истории, в первом полугодии я – отличница. Елку мы провели хорошо. Мы долго плясали, пели и играли. Ой, скорее бы кончилась эта ненавистная война. Вчера у нас было холодно, и мы не ходили в школу. 24 января будет большой праздник, меня в интернате примут в пионеры и дадут галстук. И я дам торжественное обещание. Во втором полугодии будет военное дело – это очень важная дисциплина» [4].

Автор письма фиксирует не только собственный опыт, но и опыт взрослых, отражая поступки, отношение старших к происходящему: «Дорогая тетя Люся! Как ваше здоровье? Вместе с вашим письмом получила от папы открытку «В атаку». Папин боевой товарищ у меня был. Я написала с ним папе письмо. Кормят нас хорошо, три раза в день. Я ни в чем не нуждаюсь. Деньги у меня есть, я хожу на базар и покупаю там молоко, яйца, творог, огурцы. До свидания. Целую и обнимаю. Тата» [4].

В письмах детей находит отражение совместный опыт военных будней, доказательством чего служит то, что Татьяна очень часто вместо местоимения «я» использует местоимение «мы». «...Вот как у меня проходит день: я просыпаюсь и лежу, в полвосьмого мы встаем, умываемся, потом у нас линейка, завтракаем, идем в школу. После 4-х уроков идем домой, делаем уроки, идем гулять, ужинаем. В свободное время я читаю книги или же занимаюсь чем-нибудь, потом ложимся спать. Учусь я хорошо, почти всегда получаю отлично. Нет ли у вас в Казани каких-нибудь книг? Мне очень нравятся книги Жюль Верна...» [4]. «... Мы ходим в колхоз. Через неделю поедем в лесопитомник. Там мы будем ворошить сено. У нас есть огород. Выращиваем лук, репу, помидоры, огурцы. Посадили в огороде картошку, но свиньи все съели. В школу хожу с интересом. Читаю интересные книги, я подсчитала, и получилось 48 книг» [4].

Письма, написанные в первые месяцы эвакуации, отражали недостатки организации бытовых вопросов детских учреждений в условиях начавшейся войны. Нина Горюнова, воспитанница железнодорожного интерната г. Скопин Рязанской области, слезно умоляла свою мать, находившуюся в эвакуации в г. Буинске Татарской АССР, забрать ее из интерната: «…Мамуля, у нас белья почти нет, простыней и наволочек тоже, скучаем о вас. Мамуля, у меня плохо с сердцем. Я не могу дышать, потому то плачу. Мамуля, приезжай, а то валенок нет и ничего нет. Я умру без тебя. Мамуленька, приезжай. Жду, прошу от сердца. Жду тебя с 25 августа» [2, с. 53]. Письма передают эмоциональное состояние детей, оторванных от дома и семьи. И как бы они ни понимали всю тяжесть войны, необходимость быть в безопасности – рвались домой, к родным.

М.Н. Потемкина, изучавшая память детей в условиях эвакуации, отмечала меньшую идеологическую окрашенность детских воспоминаний, а также чувственное, эмоциональное восприятие мира через особую – сенсорную память [см.: 10; 11]. Действительно, проанализированные нами нарративы в большей степени содержали личные, эмоционально затронувшие детей эпизоды. Так, вспоминая свое детдомовское детство, В.Е. Цыганова, писала: «Было уже морозно и Волга замерзла. Нас отец на санях повез в детский дом. Хоть жили мы очень бедно и голодно, но мы жили в семье, и нам очень не хотелось в детский дом. Мы с сестрой вцепились в отца и оторвать нас было невозможно. Я до сих пор помню лицо отца, когда нас от него уводили. Чтобы нас утешить, он сказал, что придет завтра еще.

На другой день он пришел и принес нам по кукле. Куклы были в матросской форме, тельняшках, бескозырках. Это было для нас чудо! Кто мог сделать такие куклы в глухой деревне? Только у отца на ногах вместо добротных сапог были тапочки. Он за куклы отдал сапоги и на снегу стоял почти босой. Игрушек у нас вообще не было, тем более кукол. Мы не отводили глаз от кукол, отец быстро ушел, не оглядываясь, пока мы не опомнились. Правда, кукол на другой день у нас уже не было. Простите за прозу жизни. Кто-то из работников д[етского] дома их у нас забрал для своих детей» [9]. Безусловно, утрата куклы очень эмоционально переживается

* После смерти автора писем документы были переданы в дар музею подругой Т. Снегиревой.

ребенком. Эпизод, столь ярко сохранившийся в памяти автора письма, продемонстрировал редкую, но все же имевшую место, непорядочность взрослых.

Заметим, что в основной массе педагоги и воспитатели, работавшие в годы военного лихолетья в детских учреждениях, до последнего отдавали себя детям. С теплотой и любовью они писали о своих воспитанниках. Так, в воспоминаниях К.П. Сучковой (Суворовой), попавшей в с. Монастырское Тетюшского района Республики Татарстан в 1941 году вместе с Зубцовским детским домом Калининской области, описаны трудовые будни детдомовцев. «В селе Монастырское находились дети постарше, самые младшие – в деревне Долгая Поляна. Зимой дети учились, старшие помогали на ферме, младшие по хозяйству. Я работала воспитателем в младших классах и пионервожатой. Было тяжело, особенно в первый год, но все мы жили дружно, знали – идет война. Мои маленькие воспитанники собирали в поле колоски и, однажды, девочка Надя потерялась. Был большой переполох, а она уснула под кустиком на краю пшеничного поля» [3]. Воспитательница Елабужского детского дома Г.С. Беляева поделилась первыми впечатлениями о прибывших в детдом малышах: «В декабре 1942 г. по окончанию десятилетки я пришла работать в детский дом. …Детей привезли на пароходе. Осень в тот год выдалась ранняя и на мороз злая. Пароход вмерз в лед и не мог подойти к пристани. От самого парохода до берега выстроилась цепочка из взрослых и передавала полуживых малышей из рук в руки, изголодавшихся, беспомощных, больных, в глазах страх и боль. Детей было больше, чем мог принять детдом, но каждого помыли, накормили, приласкали… Первое впечатление незабываемо. Дети сидели на стульчиках, раскачиваясь, и все хором повторяли: «Кушать! Кушать!». Играть, заниматься никто не хотел. Кроватей не хватало, спали по 2 ребенка» [5, с. 40].

Подробное описание материально-бытовых условий Бондюжского дома ребенка содержится в воспоминаниях Л.А. Иконниковой, начавшей работу в детском учреждении в 16-летнем возрасте. «Когда дом ребенка приехал (из Калининской области – И.Х.), колхозы дали две лошади, три коровы, было свое молоко для детей. …Воспитательная работа в доме ребенка велась, хотя и недостаточно. А я же в детсад ходила, знала немного как надо. Посажу детей в кружок, начинаю песенки с ними петь, играть… Одежда детей становилась маленькая. В ночь на 18 детей давали 5 пеленок. Дети лежали на холодных клеенках. Отопление печное. У меня в младшей группе было 18 детей. Самым младшим года полтора. Все с бирочками были. Которые рвали бирочки, которые изжевывали. Всего было 6 групп. В старших группах детей было побольше, всего их было больше ста. Старшие младших не обижали… Все дети называли нас «мама» [1].

Судьба эвакуированных детей из Ленинградского интерната дома журналистов №18, прибывших в годы войны в эвакуацию в с. Тихоново Татарской АССР, отражена в публикации М.А. Хадиуллиной [12]. Автор, собравший воедино воспоминания и тихоновцев, и воспитанников и педагогов интерната, рассказывает о вкладе жителей села в дело спасения и воспитания детей-ленинградцев, об учебе и трудовых буднях ребят. Огромный интерес представляют воспоминания воспитательницы Анны Лазаревны Мойжес, проследившей весь путь эвакуации детей от Ленинграда через Ростов, Борисоглебск, Ярославль, Горький, Чебоксары, Набережные Челны, до с. Тихоново.

Таким образом, воспоминания детей войны – уходящий, значимый и уникальный исторический источник. Уходящий, поскольку живых свидетелей войны остается все меньше. Значимый, поскольку способствуют воспитанию патриотизма и преемственности поколений. Уникальный, т.к. сочетает в себе и специфику «детской памяти», и особенности психического состояния взрослого человека, и индивидуальный характер памяти. Верификация детских воспоминаний о войне, эвакуации, детдомовских буднях способствует выявлению наиболее важных проблем и вопросов, сохранившихся в их памяти. Анализ мемуарной литературы, воссоздающей атмосферу военного лихолетья, описывающей повседневную жизнь детей с постоянной нехваткой одежды и обуви, голодом и холодом, позволяет выделить в ее содержании общее и особенное.

1. Воспоминания Л. А. Иконниковой (Смирновой) о работе в Бондюжском доме ребенка (9 июня 1928 г.р.). 19 февраля 2013 г. // Личный архив И. И. Ханиповой.

2. Дети в условиях эвакуации. Татарская АССР. 1941–1945 гг. : сборник документов и материалов / сост.: И. И. Ханипова, Е. Г. Кривоножкина. – Казань : Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан, 2013. – 416 с.

3. Из воспоминаний Каисии Павловны Сучковой (Суворовой) // Фонды Тетюшского краеведческого музея Республики Татарстан.

4. Коллекция писем Т. И. Снегиревой // Фонды Тетюшского краеведческого музея Республики Татарстан.

5. Мельников, В. Г. История Елабужского детского дома / В. Г. Мельников. – Елабуга : [Б.и.], 2013. – 95 с.

6. Морозов И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма). – М. : Индрик, 2011. – 352 с.

7. Мухинова, Н. А. Великая Отечественная война глазами детей (По материалам поискового проекта «Факел») / Н. А. Мухинова // Советское общество и советский человек: мифы и реальность : сборник докладов Междунар. научно-практ. конф. – Казань : КГАСУ, 2012. – С. 143–148.

8. Никонова, С. И. Историческая память о Великой Отечественной войне как моральный ресурс воспитания студенческой молодежи (На примере поискового проекта «Факел») / С. И. Никонова // Великая Победа: история и современность : мат-лы Междунар. научно-практ. конф., посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, Минск, 14–15 мая 2015 г. / ред. кол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : А. Н. Вараксин, 2015. – С. 416–420.

9. Письмо Валентины Егоровны Цыгановой (Токаревой), воспитанницы Долгополянского и Кураловского детских домов, 1934 года рождения (г. Новосибирск, 8 января 2008 г.) // Архив М. Н. Ивановой.

10. Потемкина, М. Н. Отражение войны в памяти эвакуированных детей / М. Н. Потемкина // Вторая мировая война в детских «рамках памяти» : сборник научных статей / под ред. А. Ю. Рожкова. – Краснодар : Экоинвест, 2010. – С. 229–248.

11. Потемкина, М. Н. Эвакуация на Урал в детских воспоминаниях / М. Н. Потемкина // Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : мат-лы междунар. научно-практ. конф., посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне / под общей ред. В. А. Лабузова. – Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2015. – С. 583–586.

12. Хадиуллина, М. А. Невыдуманные истории детей блокады и тихоновцев : сборник воспоминаний / М. А. Хадиуллина. – Менделеевск : [Б.и.], 2009. – 168 с.

Ермацане И.С.

АРХИВНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА НКВД КАК ИСТОЧНИК О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 201-й (43-й ГВАРДЕЙСКОЙ) ЛАТЫШСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ КРАСНОЙ АРМИИ

Исследование истории латышей, которые во время Второй мировой войны (1939–1945) служили в рядах Красной армии, в наши дни является актуальным. Особую важность представляет деятельность жителей Латвии и латышей в 201-й (43-й гвардейской) Латышской стрелковой дивизии (далее – Латышской дивизии), созданной в 1941 г. Её история вызывает споры среди многих жителей Латвии, поскольку солдаты дивизии воевали на стороне страны победительницы, но при этом в СССР был тоталитарный политический режим, и эта страна в июне 1940 г. оккупировала Латвию.

Это достаточно трагическая сторона истории латышского народа. Она побуждает думать, как оценивать участие латышей в составе Красной армии – как подвиг или предательство. Надо отметить, что в последние двадцать лет в обществе создавалось представление, что участие жителей Латвии в войне на стороне Красной армии было предательством, что они воевали против Латвии, помогли установить советскую власть в Латвии и во всей Восточной Европе. Ранее из-за ограниченного доступа к архивному материалу и длительного влияния советской идеологии архивные документы, содержащие сведения о деятельности латышей в Красной армии, использовались односторонне. Вопрос о тех, кто служил в Красной армии, трактовался в русле государственной идеологии, преднамеренно не использовались те документы, которые могли в негативном свете показать и Красную армию, и советскую власть. Например, один из вопросов, который исследовался неохотно, это вопрос о дезертирах из рядов Красной армии, во время войны осужденных военными трибуналами. Информацию о фактах дезертирства или о попытках дезертировать можно найти в Латвийской прессе немецкого времени (1941–1944), в воспоминаниях участников.

Значительной информативностью обладают архивно-следственные дела НКВД, в которых можно найти сведения не только о дезертирах, но и исследовать судьбу всех тех солдат Красной армии – жителей Латвии, которые были осуждены как «предатели родины» за «антисоветскую деятельность». Для исследователей доступны архивно-следственные дела, в основном хранящиеся в Латвийском государственном архиве.

Архивно-следственные дела НКВД, являются комплексом документов, собранных ходе уголовного процесса против военнослужащих, отражают процесс расследования и суда во время войны в Красной армии: решения об аресте, протоколы допросов обвиняемого и свидетелей, предъявления обвинений, протоколы заседания суда, приговоры и т.д. Также присоединены справки об исполнении приговоров, характеристики, анкеты арестованных, вещественные доказательства разного рода. В архивно-следственных делах речь идет о документах, «в которых жертвы рассматриваются преимущественно глазами карателей» [9, с. 14]. Самого осуждённого там будет мало – только его вещи личного происхождения (например, дневники) или заявления государственным органам власти с просьбой о пересмотре дела.

В каждой военной части работали представители НКВД, которые выявляли «предателей родины». Виновных обыкновенно судил военный трибунал НКВД 201-й (43-й гвардейской) Ла-

тышской стрелковой дивизии. Судебные разбирательства начались уже после начала формирования Латышской дивизии. Это значит, что некоторые антисоветские настроения имели место изначально. Надо отметить, что причины, по которым люди попали в дивизию, были различны. На начальном этапе большая часть являлись добровольцами, но не все. Дезертирство, попытка дезертировать или ведение антисоветской агитации распространились, когда дивизия находилась в полуокружении в районе Старой Руссы весной 1942 г.

Вопрос о числе обвинённых и осуждённых солдат в данной ситуации невозможно уточнить, поскольку в Латвийском государственном архиве главным образом хранятся только дела осужденных рядовых. Место нахождения других архивно-следственных дел неизвестно. Приговоры осужденных солдат встречаются и в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (в основном они были присоединены как приложения к приказам командира дивизии по личному составу) [2]. В историографии упомянуто, что в 1941 г. НКВД арестовало 5576 жителей Латвии, в 1942 – 244, а в 1943 – 88. Из этих цифр совершенно неясно, сколько из них было солдат Латышской дивизии [7, с. 971]. В отдельных сообщениях командир Латышской дивизии Янис Вейкинс упоминает приблизительные цифры тех, кого надо «присматривать». Например, 5 октября 1941 г. он сообщает первому секретарю ЦК Компартии Латвии Янису Калнберзиню: «Мы имеем около 100 человек, которых необходимо отчислить из рядов армии по политическим причинам» [5, л. 40–41]. Приблизительные даты имеются только за отдельные периоды и по отдельным военным подразделениям. Например, в 122-м стрелковом полку до 20 октября 1942 г. наказаны 10 человек, с 1 апреля по 12 октября наказание снято с семи персон, шесть этого ждали [1, л. 177]. Не возможно сказать, сколько следственных дел было возбуждено к этому времени против солдат Латышской дивизии.

Архивно-следственные дела НКВД содержат сведения о тех солдатах Латышской дивизии, которые были осуждены за разные преступления, совершенные против Советского государства согласно Уголовному кодексу РСФСР (далее – УК РСФСР). Нами выявлено, что обвинения за «антисоветскую деятельность» против солдат Латышской дивизии были выдвинуты главным образом по следующим частям 58 статьи УК РСФСР: 1б («Измена родине со стороны военного персонала: расстрел с конфискацией имущества»), 10 («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений») и 11 («Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, приравнивается к совершению таковых и преследуется уголовным кодексом по соответствующим статьям») [6].

Архивно-следственные дела достаточно ясно показывают ход уголовного процесса. После решения об аресте следовал арест, обыск арестованного, в результате чего составлялся протокол обыска, где фиксировали изъятые предметы. Иногда во время обыска у солдат находили важные для следствия вещи, например, одним из ценнейших предметов являлись дневники. Нами пока констатированы два случая, когда при обыске найдены у обвиняемого солдата дневники, которые позднее были использованы как отягчающие вину обстоятельства [4, д. Р-5177]. Традиционно находили деньги (и советские, и немецкие), фотографии [3, л. 105]. Далее следовал допрос подозреваемого и свидетелей (часто допрос свидетелей проводился уже до ареста обвиняемого). Потом шло предъявление обвинительного заключения, следовал повторный допрос обвиняемого, и дело передавалось в суд. В деле находится также протокол судебного заседания и приговоры.

Нередко объединяли в одно уголовное дело материалы не только на двух, но и нередко на десять, двенадцать солдат. Это давало возможность усилить обвинения против конкретных солдат, обвиняя их, например, не только в попытке к дезертирству, но и в антисоветской агитации и в создании контрреволюционной группы или в участии в такой. Обычно в групповых делах обвиненные были из одного подразделения [3, д. 28428, 42971, 44115, 44116; 4, д. Р-5487]. Например, Особый отдел рассмотрел дело девяти солдат 201-й Латышской стрелковой дивизии, которые были арестованы в один день – 14 мая 1942 г., и уже 22 мая они были осуждены. Восемь из них судили по 58 статье УК РСФСР, часть 1б, одного по 1г. Двух из них осудили на смертную казнь. Приговор был исполнен через два дня после вынесения – 24 мая [3].

Приходится признать, что следственные дела – это источник очень неоднозначный. Трудно констатировать сфальсифицированные дела. Субъективизм видим в причине возбуждения дела (например, в делах о так называемых антисоветских агитаторах). Так, одним из критериев были

разговоры между солдатами, нередко высказанные после тяжелой работы фразы недовольства, часто вообще неясно говорил ли то, на что указывали свидетели, обвиняемый. Например, критиковал советскую власть или Красную армию, или прославлял к тому времени уже не существующую армию Латвийской Республики. Предвзятость очевидна также при проведении допросов. Допросы нередко проходили при помощи физического и психологического воздействия на подозреваемого. Об этом свидетельствуют многочисленные апелляции, появившиеся после XX съезда КПСС, в которых осуждённые рассказывали о методах выбивания показаний в ходе следствия во время войны [4, д. Р-5177, л. 117; 4, л. 114].

Как правило, допросы велись на русском языке. Согласно нормативным актам в допросах должны были участвовать переводчики, но свидетельства в архивно-следственных делах указывают, что не всегда так было. Об этом свидетельствуют написанные осужденными заявления с просьбой о реабилитации, в которых они описывали ход допросов, и иногда писали: «Допрос проходил на русском языке».

Для следователя важно было, чтобы подозреваемый признал свою вину «не так как было, а так как необходимо» [3, д. 41398, л. 77 об.]. Нередко за признание «так, как надо» обещалось условное наказание или помилование [4, д. Р-5487, л. 77]. В реальности система не допускала помилования, и обычно дело заканчивалось обвинительным заключением. Например, рядовой 6 роты 2 батальона 122-го стрелкового полка Карлис Вагнерс дезертировал из дивизии весной 1942 г., попал в Латвию и осенью 1944 г. после повторной мобилизации в Красную армию был арестован. На допросе в ноябре 1944 г. признал, что дезертировать из дивизии его принудило тяжелое положение с продовольствием, солдатам выдавали очень маленькие порции, в сутки 150 граммов сухарей, а в другой день даже этого не было. И «кроме того, когда я отстал от подразделения, тогда три дня ничего не кушал и испытывал большой голод. Тогда я решил делать всё, чтобы покушать. Это одно. Второе, был огорчен за то, что я был рядовым в подразделении и не мог исполнять все те обязонности, которые выполняли рядовые. Чувствуя голод и в сердце это оскорбление, я решил предать родину и перейти к немцам» [4, д. Р-2961, л. 13]. Но при повторном рассмотрении дела было констатировано, что следователь на него подействовал психологически, угрожая, что в случае непризнания вины, его семья будет выслана из Риги на пять лет. Сам Вагнерс утверждает, что «велели подписаться, что в плен сдался добровольно. Опасаясь за семью, которая состояла из жены и четерыхлетнего сына, я подписал признание» [4, д. Р-2961, л. 50]. Его судили, и в заключении он находился до 1952 г. При повторном рассмотрении дела на вопрос следователя, почему на суде не сказал, что на его показания оказывали давление, ответил, что хотел, чтобы дело скорее закончили и не трогали семью [4, д. Р-2961, л. 53 об.].

Отдельные следственные дела свидетельствуют о разнообразных жизненных путях людей во время войны. Так, солдат мог дезертировать из 201-й латышской стрелковой дивизии весной 1942 г., потом попасть в немецкую армию, в 19-ю Латвийскую гренадерскую дивизию войск СС, потом по стечению разных обстоятельств попадал в Красную армию, где его арестовали и судили как изменника родины за дезертирство. Например, такая судьба сложилась у Станислава Урбана, который успел не только повоевать в двух армиях, но в Красной армии побывал даже два раза. Он в феврале 1942 г. перешел линию фронта на сторону противника, т.е. немецкой армии. Его судили только 3 января 1945 г. в Таллинне. Его дело свидетельствует, что он дезертировал неосознанно. Он во время обстрела спрятался и потерял свою военную часть. Попал в лагерь военнопленных, был освобожден и отправлен в Латвию с условием – должен доложить немцам о деятельности советских партизан. 13 февраля 1944 г. его мобилизовали в немецкую армию, в мае месяце того же года попал в латышский легион. В конце сентября 1944 г. его ранили, и он попал в плен Красной армии [3, д. 44580, л. 38–40]. Во время допроса он объявил, что никогда не давал клятву Гитлеру, а дал клятву Красной армии, которую нарушил. Далее он рассказал: «Я не хотел перейти на сторону врага, но так случилось, что я отставал от своей военной части и неожиданно подошел к немцам, и когда они меня заметили, тогда боялся оказать им сопротивление, так как их было много и я боялся, что они меня убьют, поэтому и сдался в плен без сопротивления» [3, д. 45780, л. 40]. Подобная судьба сложилась и у Яниса Яунземса, который в Красной армии служил от 1941 по мая 1942 г., когда дезертировал. Второй раз в ряды РККА был призван осенью 1944 г. [3, д. 39634, л. 62]. Эти дела показывают, или скорее подтверждают, что во время войны огромное значение имели случайности. Эти два архивно-следственных дела – пример того, что между совершением преступления и арестом могло

пройти несколько лет, как это было с делами тех дезертиров, которые дезертировали из рядов Красной армии, неким путём попали в Латвию, в Латвии были мобилизованы в немецкий легион, оттуда дезертировали и осенью 1944 г. вновь были мобилизованы в Красную армию, а там их арестовали органы СМЕРШа и было возбуждено уголовное дело.

Таким образом, архивно-следственные дела НКВД свидетельствуют о массовых случаях дезертирства из 201-й (43-й гвардейской) Латышской стрелковой дивизии и наличии антисоветских настроений среди части её солдат. Дела также характеризуют стиль работы следователей, методы работы НКВД в Красной армии. Очевидна сложность человеческих судеб в экстремальных условиях войны. Многие латыши, став заложниками политики, воли случая или личных характеристик следователей, которые вели их дела, стремились выжить сами и защитить свои семьи.

1. Центральный архив Министерство Обороны Российской Федерации (ЦАМО). – Ф. 43 гв сд. Оп. 1. Д. 165.
2. ЦАМО. – Ф. 43 гв сд. Оп. 2. Д. 2.
3. Национальный архив Латвии – Государственный архив Латвии (ГАЛ). – Ф. 1986. Оп. 1. Д. 28428.
4. ГАЛ. – Ф. 1986. Оп. 2. Д. 2371-а.
5. ГАЛ. – Ф. ПА-101. Оп. 1. Д. 54.
6. Уголовный кодекс РСФСР, редакция 1926 года. – Москва : Жур. Издат. НКЮ РСФСР, 1927. – 157 с.
7. Vīksne, R., Kangeris, K. (red.). No NKVD līdz KGB. Politiskās prāvas Latvijā: 1940 – 1986. Noziegumos pret Latvijas valsti apsūdzēto Latvijas iedzīvotāju rādītājs. - Rīga: Latvijas Universitātes Latvijas vēstures institūts, 1999. – 975 c.
8. Петухов, Н. История военных судов России / Н. Петухов. – Москва : Норма, 2003. – 345 с.
9. Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / [сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер]. — М. : РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2009. – 927 с.

Николаева И.В.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ВИТЕБЩИНЫ В ПОСЛЕОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ОСЕНЬ 1943 – ВЕСНА 1945 г.)

Одной из тенденций современной историографии является смещение акцентов с освещения событий военной истории к рассмотрению повседневных жизненных практик простых людей, общественных групп, изучению локальной истории различных слоев общества в условиях военной действительности. Тем не менее, необходимо отметить, что количество отечественных исторических исследований, посвященных послеоккупационному периоду Великой Отечественной войны, существенно уступает числу работ, рассматривающих период нацистской оккупации.

В свою, очередь ввведение в научный оборот и анализ источников по истории повседневности Витебщины после освобождения ее территории от оккупации и до окончания войны представляют значительные возможности для всестороннего рассмотрения истории повседневности на региональном уровне и позволяют представить особенности развития послеоккупационных военных процессов в белорусском обществе в целом, проследить влияние военного фактора на его повседневность.

Весь комплекс источников, так или иначе относящихся к интересующей нас теме, для удобства анализа целесообразно разделить по своему характеру и содержанию на два типа: письменные и устные.

Письменные источники включают, прежде всего, архивные материалы, которые находятся в доступных для исследователей фондах Государственного архива Витебской области (ГАВО), Зонального Государственного архива в г. Полоцке (ЗГА в г. Полоцке), Национального архива Республики Беларусь (НАРБ). По своему содержанию и характеру архивные источники можно систематизировать в несколько групп.

Первую группу источников составляют документы высших органов государства и КПБ (НАРБ ф. 4-п), которые содержат информацию по истории Великой Отечественной войны заявленного региона после освобождения его территории от оккупации. Анализ этих документов позволяет проследить эволюцию государственной политики в области отдельных сфер социально-бытовой инфраструктуры, жилищного строительства в изучаемый период. Использование источников, объединённых в эту группу, обусловлено необходимостью соотнесения реалий повседневности Витебщины с широким контекстом жизни белорусского государства.

Вторая группа источников включает документы региональных органов государственной власти и правящей партии. В первую очередь это материалы фондов Витебского и Полоцкого

областных (ГАВО, ф. 1-п, ф. 10060-п), Витебского, Оршанского и Полоцкого городских (ГАВО, ф. 102-п, ф. 50-п, ф. 3717-п) и районных комитетов КПБ(б); а также Витебского и Полоцкого областных комитетов ЛКСМБ (ГАВО, ф. 119-п, ф. 10113-п).

Информационная и отчетная документация, представленная в названных фондах (директивные указания обкомов и райкомов, протоколы заседаний бюро; докладные записки об экономическом состоянии районов, состоянии народного образования, информации о ходе строительно-восстановительных работ, работе торговых организаций, промышленных предприятий и др.), освещает различные аспекты социально-экономической региональной послеоккупационной военной ситуации, даёт возможность проследить деятельность местных партийных организаций и советских органов по реализации государственной политики, направленной на развитие сфер повседневной жизни: жилищно-коммунального хозяйства, благоустройства, сферы услуг, общественного питания, просвещения, культуры, здравоохранения. Этот корпус архивных источников позволяет в определенной степени реконструировать материально-бытовые условия населения области после освобождения (условия проживания, продовольственное и товарное обеспечение, ситуация с оказанием медицинской помощи), а также проанализирована деятельность органов местной власти в отношении различных категорий населения в социальной сфере (мероприятия по учету и трудоустройству инвалидов Отечественной войны, оказанию материальной помощи семьям военнослужащих и партизан; патронированию детей-сирот и устройству их в детские дома, организации детских яслей и площадок).

Материалы данной группы (докладные записки о состоянии политмассовой работы, агитационно-пропагандистской работе партийных и комсомольских органов и организаций) освещают также различные аспекты морально-политической региональной послеоккупационной военной ситуации, особенности общественно-политической ситуации в западных районах созданной в сентябре 1944 г. Полоцкой области (распространенные антиколхозные настроения; имевшие место явления дезертирства и нежелания идти в Красную Армию; деятельность различных антисоветских групп и отрядов, бандформирований; протестные настроения, связанные с проблемой переселения граждан польской национальности в Польшу и т.д.).

Третья группа источников представляет делопроизводственную документацию комсомольских и партийных комитетов учреждений, организаций и предприятий: Витебский ордена Ленина чулочно-трикотажный комбинат им. КИМ (ГАВО, ф. 1144); Витебская швейная фабрика «Знамя индустриализации» (ГАВО, ф. 838). Документы указанной группы позволяет получить информацию о различных сторонах производственной повседневности. В них содержатся также сведения о выпускаемой предприятиями продукции, о жилищно-бытовом положении работников.

Четвёртую группу источников составляют статистические материалы. Среди них отчёты о численном составе населения после освобождения от оккупации по отдельным районам и по области в целом в сравнении с данными переписи 1939 г. (для восточных районов) и данными на 1940 г. (для западных районов), что позволяет изучить изменения в демографическом и социальном составе населения региона (представительство городского и сельского населения, количество мужчин, женщин и детей по возрастным группам, сведения о трудоспособных и т.д.). В этой группе источников также следует отнести обобщенные сведения комиссии о злодеяниях и причиненном ущербе (ЗГА в г. Полоцке ф. 687).

Пятая группа источников – материалы периодической печати (ГАВО, ф. 2290 «Коллекция печатных изданий периода Великой Отечественной войны»). Информация, представленная на страницах газет, отличается многоплановостью, разнообразием содержания и жанров. Важной чертой публикаций в периодических изданиях является оперативность отражения происходящих событий, публицистичность, острота поднимаемых вопросов.

К шестой группе источников относятся документы личного происхождения. Это неопубликованные воспоминания людей, живших в Витебском регионе в послеоккупационное военное время (ГАВО, ф. 1966 «Коллекция воспоминаний»). Свидетельства мемуаристов представляют особенный интерес как с точки зрения содержащихся в них фактов, более нигде не зафиксированных, так и с точки зрения отражения в них рефлексии авторов. Эту группу источников дополняют также содержащиеся в фондах комитетов КПБ(б) письма и обращения граждан в партийные и советские органы власти, средства массовой информации. Эта категория архивных источников позволяет проанализировать общественные настроения, отражающие систему ценностей и жизненных приоритетов населения, круг проблем послевоенной жизни, на которых

фокусируется внимание людей, отношение общества в целом и его отдельных групп к политике властей (политическим кампаниям, внешнеполитическим акциям, способам решения продовольственной, жилищной и других проблем).

Изучение условий жизни простых людей, их быта, нравов, традиций не может быть полным, а значит, не достаточно объективным без обращения к материалам устной истории, тогда как из жизни уходит поколение людей, очевидцев событий исследуемого периода. Привлечение информации, почерпнутой из рассказов очевидцев, позволяет увидеть историю послеоккупационного военного периода глазами обыкновенных людей, отражает специфику их потребностей и мотивы поведения. Рассмотрение общегосударственных процессов сквозь призму повседневной жизни конкретного региона позволяет показать разнообразие общеисторического процесса, обогатить белорусскую военную историю новыми конкретными фактами и событиями. Так как запись воспоминаний проводится спустя 70 лет после произошедших событий, в них, как правило, отсутствуют детали и подробности, однако, благодаря этим устным источникам, есть возможность ознакомиться с наиболее устойчивыми, не исчезнувшими в течение длительного времени впечатлениями людей-современников тех событий. Полученные материалы сочетают в себе индивидуализированную информацию с опытом, разделенным многими. Анализ воспоминаний не претендует на всеохватность и полноту описания, но позволяет в определённой мере отразить субъективное восприятие послеоккупационной повседневности.

Таким образом, имеющиеся архивные источники характеризуются информационной насыщенностью, критическое их осмысление, сопоставление и сравнительный анализ с материалами устной истории представляют возможность создать достаточно полную картину повседневной действительности Витебщины после освобождения ее территории и до окончания Великой Отечественной войны, а также позволяют изучить особенности положения населения в переломный период перехода от состояния войны к мирной жизни, характерные для республики в целом.

Давідоўская В.М.

ВІЦЕБСК У 1945 ГОДЗЕ: АГЛЯД ФОТАДАКУМЕНТАЎ СА ЗБОРУ ВІЦЕБСКАГА АБЛАСНОГА КРАЯЗНАЎЧАГА МУЗЕЯ

Жыццё пасляваеннага Віцебска знайшло адлюстраванне ў шматлікіх працах даследчыкаў, аб'ектам увагі якіх сталі праблемы аднаўлення разбуранай падчас Вялікай Айчыннай вайны гаспадаркі – прамысловасці, жыллёвага фонду, транспарту і камунікацый, сельскай гаспадаркі, а таксама становішча адукацыі, культуры, медыцыны, паўсядзённае жыццё людзей. Пры гэтым прыярытэтнымі для навукоўцаў, краязнаўцаў, як правіла, з'яўляліся пісьмовыя крыніцы. Між тым немалаважнае значэнне ў даследаванні пасляваеннай рэчаіснасці маюць візуальныя крыніцы, у прыватнасці, фотадакументы. Яны не толькі дапаўняюць пісьмовую інфармацыю, але здольны выступаць самастойнымі крыніцамі, якія фіксуюць і перадаюць гістарычныя факты і падзеі зрокавым вобразам і ўздзейнічаюць эмацыянальна.

У дадзеным даследаванні галоўнай мэтай з'яўляецца атрыбуцыя і інтэрпрэтацыя фотадакументаў, якія адлюстроўваюць становішча пасляваеннага Віцебска ў 1945 г. У зборы Віцебскага абласнога краязнаўчага музея (далей ВАКМ) такіх прадметаў выяўлена 298 адзінак – 280 фатаграфіі і 18 негатываў. Адзначым, што ў іх ліку маюцца «хрэстаматыйныя» здымкі, якія выкарыстоўваліся як ілюстрацыйны матэрыял у навуковых і навукова-папулярных працах, апублікаваны ў многіх выданнях, але большасць фатаграфій уводзіцца ў навуковы зварот упершыню.

Здымкі паступалі ў музейны збор на працягу 1945–1946 гг. ад розных арганізацый: аддзела камунальнай гаспадаркі Віцебскага гарадскога выканаўчага камітэта, арцелі «Гігіена», Віцебскага абласнога ваенкамата, Віцебскага абласнога ўпраўлення НКУС, а таксама са збору беларускага мастацтвазнаўцы М. Кацара.

Большасць фотадакументаў (138 фотаздымкаў і 18 негатываў) была перададзена ў музей **з арцелі «Гігіена»**. Гэта вытворчае аб'яднанне працавала ў г. Віцебску яшчэ да Вялікай Айчыннай вайны як цырульня. Пасля вызвалення горада ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў аднавіла дзейнасць 27 чэрвеня 1944 г. у складзе двух падраздзяленняў – цырульні і фотастудыі. Падпарадкоўвалася Віцебскаму абласному шматпрамысловаму саюзу, размяшчалася па адрасе: вул. Ленінская, 19 (будынак не захаваўся). У фотастудыі арцелі «Гігіена» выконваліся

фотаздымкі для пасведчанняў, фотаздымкі-візіткі, фотаздымкі-паштоўкі [3]. Таксама фатографы арцелі выконвалі заказы на выраб фотаздымкаў па дамоўленасці з рознымі арганізацыямі і ўстановамі Віцебска. У прыватнасці, у Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці (далей ДАВВ) захаваўся дагавор, складзены 7 сакавіка 1945 г. паміж Беларускім дзяржаўным музеем гісторыі Вялікай Айчыннай вайны і арцеллю «Гігіена», на выкананне фотаработ у горадзе Віцебску «по тематике и указанию администрации музея по прилагаемому списку» (спіс не захаваўся). Адбіткі з негатываў павінны былі быць памерам не больш 13х14 см у колькасці шасці асобнікаў з кожнага негатыва, якія з'яўляліся ўласнасцю музея [3, спр. 3, арк. 15]. Вядома, што па адным асобніку большасці фотаздымкаў, выкананых у арцелі «Гігіена», было перададзена ў Мінск у музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, па адным-два асобніку – у віцебскі музей.

Па дакументах ДАВВ, у 1945 г. у фотастудыі арцелі «Гігіена» працавалі фатограф М. Мірмовіч, член-фатограф Глінкіна і рэтушор Е. Барвінская [3, спр. 2]. Фотаздымкі з выявамі Віцебска па заказе музея выконваў пераважна М.Д. Мірмовіч (яго прозвішча пазначана на некаторых адбітках, а таксама згадваецца ў некалькіх музейных уліковых дакументах). Асабістая справа М. Мірмовіча ў фондзе ДАВВ адсутнічае, і на дадзены момант падрабязных звестак пра фатографа намі не выяўлена.

Паступленні фотаздымкаў з арцелі «Гігіена» адбываліся на працягу 1945 г., спосаб паступлення – закупка. Памеры здымкаў: найменшы 8,1х10,6 см, найбольшы 11,8х16 см. Першыя фатаграфіі былі перададзены ў музей 28 студзеня 1945 г. – 6 фотаздымкаў з выявамі разбуранага чыгуначнага вакзала (выгляд з боку Прывакзальнай плошчы і з боку перона) і разбуранага моста праз р. Заходнюю Дзвіну. Пазней былі перададзены здымкі з выявамі разбураных віцебскіх прадпрыемстваў (малаказавода, панчошна-трыкатажных фабрык імя КІМ і імя К. Цэткін, алейнага і іголкавага завода, фабрыкі «Сцяг індустрыялізацыі», фабрыкі акуляраў); аб'ектаў камунальнай гаспадаркі (лазні, воданапорных вежаў, рэстарана); будынкаў устаноў і арганізацый (клубаў, дзіцячых дашкольных устаноў, дзіцячага дома, аблвыканкама, пошты, тэатра, бальніц, медыцынскага і педагагічнага інстытутаў); асобных збудаванняў (помніка У. Леніну, мастоў); жылых дамоў. У аб'ектыў фатографа трапілі таксама разбураныя кварталы і вуліцы горада, у тым ліку забудова правага і левага берагоў Зах. Дзвіны, вул. Замкавая, Бібкін завулак (зараз вул. Я. Купалы) і іншыя.

Другая група здымкаў з арцелі «Гігіена» адлюстроўвае ход аднаўленчых работ у Віцебску. На пяці фатаграфіях адлюстравана будаўніцтва моста праз Віцьбу (сучасны Кастрычніцкі мост), якое пачалося яшчэ ў канцы 1944 г. і скончылася ў маі 1945 г. Кіраўніцтва горада лічыла будаўніцтва мастоў у Віцебску «адной з важнейшых задач у справе аднаўлення разбуранай акупантамі гаспадаркі». На гэтую справу мабілізавалася непрацоўнае насельніцтва горада, а таксама супрацоўнікі розных устаноў і арганізацый [2, спр. 18, арк. 6]. Дарэчы, работнікі арцелі «Гігіена» таксама былі задзейнічаны на работах па ўзвядзенні моста праз Віцьбу ў студзені 1945 г. [3, спр. 3, арк. 5].

Некалькі фатаграфій перадаюць знешні выгляд будынкаў, якія адны з першых аднавілі сваю работу пасля вызвалення, – гарадской сталовай, інтэрната педагагічнага інстытута, у якім адбыліся першыя заняткі студэнтаў, будынкаў сярэдняй школы № 10, абкама КП(б)Б (сучасны Мастацкі музей).

Асобна трэба вылучыць здымкі, якія адлюстроўваюць розныя праявы палітыкі фашысцкіх акупацыйных улад у дачыненні да мясцовага насельніцтва. На фатаграфіях – выявы будынкаў, занятых падчас акупацыі нямецкімі або мясцовымі органамі ўлады, у тым ліку фельдкамендатурай (сучасны будынак ветэрынарнага інстытута), гарадской управай (вул. Талстога, 4), службамі СД (вул. Палітэхнічная, 5).

Фатограф арцелі «Гігіена» зрабіў некалькі здымкаў у падвалах былой фашысцкай турмы СД, якая была створана акупантамі ў будынку па вул. Крылова, 7 (зараз тут размяшчаецца Віцебская духоўная семінарыя, у падвалах – музейная экспазіцыя «Памяці патрыётаў Віцебшчыны»). Захавалася 21 фатаграфія (10 выяваў), на якіх чытаюцца надпісы, пакінутыя вязнямі на сценах турэмных камер (арфаграфія захавана – **В.Д.**): «Календарь на февраль 43 / составляли Шулько / расстреляны 12/II 43 г.», «Березкина Лида / 18 лет. – Бомба / 6 сентября / растрел», «Тюрьма, тюрьма, не зарастет к тебе народная тропа / Богданов / Испенков», «Блинов Игорь с Москвы прибыл 9/II–43 г / расстрел 12/II<…>», «Прощай Родина / Пирогов Владимер / приб. 11/II–42 убыл 19/II–42 / Жалко мне жизнь / на вечно», «Рая Шерякова / 1925 г. / Хочу

жить но погибаю / меня расстреля<…>», «Эдуард Гребеньков / растр. 27/II 43 / Кимстач Н.Т. / приб. 2 мая 194<…> партизан». Фотаздымкі сведчаць, што ў ліку вязняў турмы СД былі мірныя жыхары, партызаны, падпольшчыкі. У ліку апошніх – Л. Бярозкіна, З. Васільева, М. Захараў, Э. Грабянькоў, Р. Шаракова.

Чатыры здымкі, выкананыя ў арцелі «Гігіена», змяшчаюць выявы будынка былой люстэркавай фабрыкі, дзе падчас акупацыі размяшчаўся канцэнтрацыйны лагер «Зяркалка» (знаходзіўся ў пачатку сучаснага пр-та Фрунзэ). Гэта быў так званы працоўны лагер, тут утрымлівалася пераважна грамадзянскае насельніцтва – мужчыны, жанчыны, дзеці. Тэрмін утрымання ў лагеры «Зяркалка» быў розны – ад аднаго тыдня да аднаго года, у сярэднім на яго тэрыторыі знаходзілася да 500 чалавек.

Частка здымкаў (21 адзінка, 15 выяваў) была зроблена на тэрыторыі аднаго з буйнейшых у Беларусі канцлагера «5-ы полк», які знаходзіўся на ўскрайку Віцебска (у канцы сённяшняй вул. Цітова). Лагер быў створаны ў хуткім часе пасля акупацыі горада германскімі войскамі і існаваў да мая 1944 г. Ва ўмовах недахопу ежы, цяжкай прымусовай працы, антысанітарыі, здзекавання і катаванняў у лагеры ўтрымліваліся ваеннапалонныя і мірныя жыхары. Людзі паміралі ад захворванняў, голаду, збівання, многія былі расстраляны. Памерлых хавалі тут жа, на тэрыторыі лагера. Праз «5-ы полк» прайшло ўсяго 150 тысяч чалавек, з якіх 80 тысяч загінула [4, с. 11; 1, с. 195].

На фотаздымках зафіксаваны ўнутраны і знешні выгляд баракаў, у якіх утрымліваліся вязні, агульны выгляд тэрыторыі лагера з магіламі да іх раскопвання, раскапаныя магілы з астанкамі памерлых. Ва ўліковай музейнай дакументацыі пазначана, што фатаграфіі з выявамі тэрыторыі канцлагера «5-ы полк» паступілі з арцелі «Гігіена» ў кастрычніку 1945 г. Такая ж дата пазначана на адваротным баку некаторых адбіткаў. Аднак аналізуючы гэтыя здымкі, напрошваецца вывад аб тым, што не ўсе яны былі зроблены ў 1945 г., бо на фатаграфіях – выявы двух розных камісій, якія займаліся даследаваннем месца масавага пахавання савецкіх грамадзян на тэрыторыі лагера «5-ы полк». Першы агляд мясцовасці з раскопваннем магіл быў зроблены ў верасні 1944 г. па даручэнні Абласной камісіі садзейнічання ў рабоце Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі па расследаванні злачынстваў нямецкіх акупантаў, аб чым быў складзены адпаведны акт (захоўваецца ў ДАВВ) [1, с. 193–196]. У акце пазначана, што да яго прыкладаюцца фотаздымкі. На дадзены момант яны адсутнічаюць у архіўным зборы. З вялікай доляй верагоднасці можна сцвярджаць, што здымкі з калекцыі ВАКМ былі зроблены падчас работы вышэйназванай камісіі, а шасцёра яе членаў, якія падпісалі акт абследавання (начальнік УНКУС па Віцебскай вобласці Гогалеў, ваенны пракурор войскаў НКУС Новікаў, аблсудмедэксперт Сілішчаў, супрацоўнік УНКУС Дамашнеў, начальнік аблсанэпідэмстанцыі Дзем’ячонак, аблдзяржсанінспектар Кардаш), – на фотаздымку КП 8266.

Другі агляд мясцовасці на тэрыторыі лагера «5-ы полк» адбыўся ў кастрычніку (?) 1945 г. пры ўдзеле прадстаўнікоў амерыканскай арганізацыі Чырвонага Крыжа і загадчыцы аддзела аховы здароўя Віцебскага аблвыканкама М.У. Дзянісавай. Два здымкі з выявай гэтай камісіі, зробленыя фатографам М. Мірмовічам, захоўваюцца ў музеі. Адзін быў перададзены з арцелі «Гігіена», другі – з **Віцебскага абласнога ўпраўлення НКУС БССР.** На адваротным баку аднаго са здымкаў пазначана, што члены камісіі знаходзяцца каля раскапанай магілы, ў якой пахавана каля 8 тыс. чалавек. Падрабязных звестак пра знаходжанне прадстаўнікоў Чырвонага Крыжа ЗША ў Віцебску на сённяшні дзень не знойдзена [4, с. 20], дадзеныя здымкі – адна з не многіх вядомых захаваўшыхся крыніц, якія паведамляюць пра гэту падзею.

Трэба адзначыць, што ў музеі захоўваюцца таксама 18 негатываў на шкле памерам 12,5х18 см, перададзеных з арцелі «Гігіена» і выкананых фатографам Мірмовічам. Чатырнаццаць з іх маюць выявы тэрыторыі канцлагера «5-ы полк», на чатырох негатывах – выявы будынкаў, занятых падчас акупацыі нямецкімі і мясцовымі ўладамі.

Яшчэ адна крыніца паступлення ў музей фатаграфій з выявамі Віцебска ў 1945 г. – **аддзел камунальнай гаспадаркі Віцебскага гарадскога выканаўчага камітэта (гаркамгас)**. Згодна рашэнню выканкама гарадскога савета дэпутатаў працоўных № 440 ад 27.09.1945 г. «аб састаўленні здымкаў разбурэнняў горада Віцебска», у верасні 1945 г. паміж загадчыкам аддзела добраўпарадкавання тав. Агеевым і архітэктарам Андрэем Рыгоравічам Жарковым, жыхаром г. Масква, было складзена працоўнае пагадненне аб выкананні да 1 лістапада 1945 г. 100 адзінак фотаздымкаў, «месцы якіх будуць указаны аддзелам добраўпарадкавання». З кожнага негатыва

павінна было быць зроблена 4 здымкі [2, спр. 20, арк. 425, 426]. На сённяшні дзень у калекцыі музея захоўваюцца ўсе 100 здымкаў, выкананых А. Жарковым. Яны былі перададзены ў фонды ў 1946 г., кожны здымак у адным экземпляры. Згодна анатацыям, якія зроблены на адваротным баку здымкаў, іх можна ўмоўна падзяліць на дзве групы – разбурэнні і аднаўленне Віцебска. Большасць фатаграфій адлюстроўваюць стан прадпрыемстваў горада ў 1945 г. – станкабудаўнічых заводаў імя Кірава і імя Камінтэрна, фанернага, чарапічнага, заводаў, спіртзавода, завода заточных станкоў, мясакамбіната, хлебазавода, фабрык імя Кагановіча, імя К. Цэткін, імя КІМ, махоркавай (пераважна, знешні выгляд будынкаў). У ліку выяваў – прадпрыемствы, якія адны з першых пасля вызвалення ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў пачалі выпускаць прадукцыю: завод заточных станкоў, цагляны завод, фабрыка «Сцяг індустрыялізацыі», хлебазавод, мясакамбінат, спіртзавод. Асобную ўвагу фатограф надаў аднаўленню фанернага завода (10 здымкаў), на базе якога было распачата ўзвядзенне домабудаўнічага камбіната (зараз ААТ «Віцебскдрэў»), а таксама становішчу буйных прадпрыемстваў, якія былі разбураны падчас вайны і хуткімі тэмпамі аднаўляліся, – заводам імя Кірава (8 здымкаў) і імя Камінтэрна (5 здымкаў), цаглянаму заводу (5 здымкаў).

На здымках А. Жаркова значнае месца займаюць выявы асобных збудаванняў, будынкаў, у якіх месціліся розныя ўстановы і арганізацыі Віцебска, – разбураныя вакзал, вадакачка, млын, Кіраўскі мост, стадыён; пашкоджаныя будынкі музея, тэатра, ветэрынарнага і педагагічнага інстытутаў; распачаўшыя работу кінатэатр «Спартак», сярэдняя школа № 10, будынак абкама КП(б)Б. Фатограф зафіксаваў першыя заняткі ў вышэйшых навучальных установах – лекцыю ў ветэрынарным інстытуце, падрыхтоўку да заняткаў у інтэрнаце педагагічнага інстытута.

Выклікаюць цікавасць здымкі, на якіх адлюстраваны часткі, кварталы горада: панарамы правага і левага берагоў р. Зах. Дзвіны; паром, які дзейнічаў да ўвядзення ў эксплуатацыю новага пабудаванага Кіраўскага моста; цэнтральная частка Віцебска – тэрыторыя былых Ніжняга і Верхняга замкаў; адноўлены мост праз р. Віцьбу ў раёне пл. Свабоды і іншыя.

Два здымкі, перададзеныя з гаркамгасу, змяшчаюць выявы вайсковых могілак на Успенскай горцы ў Віцебску, у канцы вул. Савецкай. На адной фатаграфіі бачны помнік героям Айчыннай вайны 1812 года, на другой – былы гарадскі асабняк, сённяшні Арт-цэнтр М. Шагала ў пачатку вул. Путна. Тэматычна гэтыя здымкі можна аб'яднаць з невялікай групай фатаграфій (6 адзінак), **перададзеных** у музей **з Віцебскага абласнога ваеннага камісарыяту** ў чэрвені 1945 г., якія змяшчаюць выявы могілак і асобных магіл загінуўшых удзельнікаў вызвалення г. Віцебска. Яшчэ ў кастрычніку 1944 г. выканкам Віцебскага гарадскога савета дэпутатаў працоўных прыняў рашэнне «прыступіць да ўліку і абсталявання брацкіх і індывідуальных магіл франтавікоў, якія загінулі ў баях за савецкую радзіму на тэрыторыі Віцебска» [2, арк. 122]. А ў красавіку 1945 г. Віцебскім аблвыканкамам было прынята рашэнне «Аб прывядзенні ў належны парадак брацкіх і індывідуальных магіл воінаў Чырвонай Арміі і партызан», згодна якому прадугледжвалася добраўпарадкаванне магіл, будаўніцтва абеліскаў, вызначэнне асоб пахаваных. Аблваенкамат быў абавязаны «здзейсніць фатаграфаванне брацкіх магіл і навакольнай мясцовасці...» [1, с. 361], што і было зроблена. Імя фатографа на дадзены момант не ўстаноўлена. Частка такіх здымкаў сёння знаходзіцца ў Віцебскім аблваенкамаце, частка – у музеі.

На музейных фатаграфіях памерам 12х8,7 см – агульны выгляд вайсковых могілак на Успенскай горцы на фоне былога палаца губернатара і помніка героям Айчыннай вайны 1812 года, а таксама тры асобныя магілы з помнікамі В. Казлову (загінуў 06.04.1945 г.), І. Сівакову (загінуў 20.07.1944 г.), М. Грамачкову (загінуў у верасні 1944 г.). На помніках В. Казлову і М. Грамачкову месцяцца фотапартрэты загінуўшых.

Варта адзначыць здымак, які змяшчае выяву могілак побач з царквой Узвіжання Крыжа (знаходзіліся ў пачатку Смаленскай шашы, зараз Маскоўскага пр-ту). На фатаграфіі бачны пашкоджаны будынак царквы і даваенныя надмагіллі, на першым плане – некалькі абеліскаў на магілах загінуўшых воінаў Чырвонай Арміі, у тым ліку магіла і помнік П.І. Уласаву (1920–1944) з фатаграфіяй на абеліску. Гэты здымак варта аднесці да катэгорыі ўнікальных і асабліва

каштоўных, бо змяшчае адзіную вядомую на сённяшні дзень выяву храма і могілак (абодва аб'екты не захаваліся).

На вышэйпералічаных шасці здымках маюцца сляды ад праколаў кнопкамі. Хутчэй за ўсё, гэтыя прадметы выкарыстоўваліся на музейнай выставе. Вядома, што першая пасляваенная выстава была адкрыта ў ліпені 1945 г. і мела назву «Віцебская вобласць у гады Вялікай Айчыннай вайны». Супрацоўнікі музея мэтанакіравана збіралі матэрыялы, прысвечаныя партызанскаму руху на Віцебшчыне, перыяду акупацыі на тэрыторыі вобласці, а таксама тэме аднаўлення народнай гаспадаркі [5, с. 16, 17]. Сабраныя матэрыялы, у тым ліку фотаздымкі, сталі экспанатамі выставы.

Трэба засяродзіць увагу на становішчы помнікаў архітэктуры Віцебска пасляваеннага часу. Важнае значэнне для вывучэння гэтага пытання маюць здымкі, якія былі зроблены зімой 1945 г. і змяшчаюць выявы культавых збудаванняў. Храмы розных канфесій былі агледжаны спецыяльнай камісіяй па вызначэнню шкоды, нанесенай нямецка-фашысцкімі захопнікамі будынкам-помнікам, якія знаходзяцца пад дзяржаўнай аховай і змяшчаюцца ў Віцебску. Пасля агляду кожнага храма быў складзены адпаведны акт, у якім падрабязна апісвалася становішча будынка і кошт страт. Намі выяўлены Акт Камісіі па вызначэнні страт, нанесеных нямецка-фашысцкімі акупантамі архітэктурнаму помніку – царкве Ражства Хрыстова г. Віцебска, складзены 24 лютага 1945 г. (захоўваецца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь) [6]. Відавочна, да актаў прыкладаліся фотаздымкі з выявамі будынкаў храмаў. Шаснаццаць такіх фотаздымкаў у 1982 г. былі перададзены ў музей мастацтвазнаўцам М.С. Кацарам, які ў 1945 г. з'яўляўся старшынёй упраўлення па справах архітэктуры пры СНК БССР, начальнікам інспекцыі аховы помнікаў архітэктуры і ўзначальваў вышэйназваную Камісію. На фатаграфіях – выявы Багаяўленскай, Дабравешчанскай цэркваў, касцёлаў Св. Варвары і Св. Антонія, цэркваў Ражства Хрыстова, Пятра і Паўла, Мікалаеўскага сабора, сінагогі (усе, акрамя касцёла Св. Варвары, не захаваліся).

Гарадскія ўлады Віцебска таксама разглядалі пытанні аховы помнікаў архітэктуры. У прыватнасці, на пасяджэнні гарсавета 27 кастрычніка 1945 г. разглядалася пытанне становішча Дабравешчанскай царквы («нет кровли, здание занято посторонними жильцами, портящими ценные фрески и захламливающими здание…»), дамініканскага касцёла («превращен в склад горпищетогра, кровля отсутствует, в результате чего гибнет старинная живопись и архитектура…»), Багаяўленскай царквы («превращена в склад декораций драмтеатра, конюшню и баню частных лиц…»), Петрапаўлаўскай царквы («целиком заселена жильцами, нарушающими архитектурные конструкции…»), царквы Св. Духа («не имеет кровли, здание остается полуразрушенным»). Было прынята рашэнне звярнуцца да аблсавета з просьбай аб прыняцці мер па аднаўленню і захаванню помнікаў архітэктуры [2, спр. 21, арк. 165]. Як паказаў час, далёка не ўсё было зроблена для захавання культавых пабудоў Віцебска, і тое, што не было знішчана ў гады Вялікай Айчыннай вайны, было разбурана ў мірны час.

Такім чынам, фотаздымкі з выявамі Віцебска 1945 года змяшчаюць вялікі аб'ём інфармацыі, звязанай з пасляваеннай рэчаіснасцю. Яны адлюстроўваюць становішча прамысловасці, адукацыі, архітэктуры і горадабудаўніцтва, асобныя моманты паўсядзённага жыцця людзей, ушанаванне памяці аб загінуўшых падчас Вялікай Айчыннай вайны. Візуальныя крыніцы дапамагаюць лепш зразумець інфармацыю, атрыманую з іншых крыніц – тэкстаў дакументаў, успамінаў ці расказаў сведкаў. Фотадакументы з выявамі пасляваеннага Віцебска займаюць важнае месца ў агульным комплексе музейных прадметаў, якія раскрываюць тэму Вялікай Айчыннай вайны.

1. Витебщина освобожденная: октябрь 1943 – декабрь 1945: док. и материалы / сост.: Н. В. Воронова [и др.]. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2009. – 584 с.

2. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 322. Воп. 3. Спр. 5

3. ДАВВ. – Ф. 2298. Воп. 1. Спр. 2, 3.

4. Лагерь смерти «5-й полк» / сост. А. М. Подлипский, В. А. Ризо. – Витебск : Витебская областная типография, 2014. – 80 с.

5. Приказы по Витебскому Государственному историческому музею 1944–1959 гг. – Навуковы архіў Віцебскага абласнога краязнаўчага музея. – Ф. 1353.

6. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов / сост. О.Ю. Васильева [и др.]. – [Электронны рэсурс]. – Москва, 2009. – 364 с. – Рэжым доступу: http://www.istmira.com/istvtmir/russkaya-pravoslavnaya-cerkov-i-velikaya-otechestv/page/152/. – Дата доступу: 27.04.2015 г.

Фридман Александр

ДОКУМЕНТЫ ПОСОЛЬСТВА ВЕЛИКОГО ГЕРЦОГСТВА ЛЮКСЕМБУРГ В СССР КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В декабре 1969 г. министр иностранных дел Великого герцогства Люксембург (ВГЛ) Гастон Торн (Gaston Thorn) посетил с официальным визитом Советский Союз. Во время визита обсуждались возможности расширения экономических и торговых связей между двумя странами и состоялось подписание соглашения о культурном сотрудничестве между СССР и Люксембургом. Советская сторона осталась довольна двухсторонними переговорами.

В начале 1970 г. посольство СССР в Люксембурге считало, что правительство ВГЛ коренным образом заинтересовано в сохранении мира в Европе и выражает готовность углубить отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Советские дипломаты полагали, что при построении отношений с Люксембургом необходимо учитывать специфический исторический опыт этой маленькой западноевропейской страны, которая во время мировых войн подверглась оккупации со стороны Германии и пережила нацистский террор. Стремясь завоевать симпатию населения Люксембурга и расположить к себе руководство страны, Москва делала ставку на сильные антифашистские настроения в Люксембурге и на весьма скептическое и сдержанное отношение местный жителей к соседней ФРГ [6].

Советские дипломаты не ошибались в своей оценке положения дел в ВГЛ. После Второй мировой войны Люксембург активно участвовал в процессах военной, политической и экономической интеграции в Западной Европе, отказался от политики нейтралитета, вошёл в число создателей Североатлантического альянса (НАТО) и поддерживал самые тесные связи с США. Избранный внешнеполитический курс не заставил Люксембург, однако, отказаться от сотрудничества с СССР, с которым ВГЛ и в эпоху холодной войны и противостояния двух блоков желало поддерживать самые добрые отношения.

Важную роль в развитии этих отношений сыграло посольство Люксембурга в Москве. Документы посольства (переписка между МИДом Люксембурга и посольством, переписка посольства с советским МИДом и другими советскими учреждениями) являются интересным источниками для изучения истории Люксембурга и Советского Союза, истории взаимоотношений между двумя странами и международных отношений во второй половине XX в. Дипломатические документы на немецком, английском, русском и прежде всего на французском языках (французский язык был основным языком делопроизводства в МИДе Люксембурга) хранятся в фондах МИД Люксембурга в Национальном архиве ВГЛ (Archives nationales du Grand-Duché du Luxembourg) и находятся в свободном доступе.

В первой части статьи будет дан общий обзор этих источников. Затем на конкретных примерах будут продемонстрированы специфические черты и характерные особенности документов посольства Люксембурга в Москве.

Документы посольства Люксембурга в Москве: общий обзор. Дипломатические отношения между Люксембургом и СССР были установлены в 1935 г. Посольство в Москве принадлежало к числу важнейших дипломатических представительств Люксембурга за рубежом. В советской столице люксембургские дипломаты поддерживали самые тесные отношения с дипломатическими представительствами Бельгии, Нидерландов, Великобритании, США и других западных стран. Послы Люксембурга регулярно отравляли в МИД ВГЛ подробные сообщения по различным вопросам внутренней и внешней политики СССР. В своих сообщениях люксембургские дипломаты не только анализировали актуальные события, но и приводили оценки и соображения, высказанные представителями других западных посольств. Данная особенность значительно увеличивает ценнность люксембургских сообщений для исследователей.

Сообщения посольства Люксембурга в Москве отличаются значительным тематическим разнообразием. Так, в 1956 г. посольство внимательно следило за процессом десталинизации в СССР после XX съезда КПСС [2], а в 1973 г. подробно остановились на развитии диссидентского движения в СССР и его знаковых фигурах – физике Андрее Д. Сахарове и писателе Александре И. Солженицыне [4]. Люксембургские дипломаты полагали в 1973 г., что ближневосточный конфликт, в котором СССР занял проарабскую позицию [2], окажет влияние на развитие отношений между Советским Союзом и странами Запада [4]. С интересом наблюдало

посольство и за потеплением отношений и налаживанием сотрудничества между ФРГ и СССР в первой половине 1970-х гг.[4].

Наибольшее значение для посольства имели вопросы, непосредственно касавшиеся Люксембурга и его граждан. В 1950-е и 1960-е гг. посольство Люксембурга стремилось выяснить судьбу жителей ВГЛ, призванных в годы войны в ряды германского вермахта и попавших в плен на восточном фронте. Люксембургские дипломаты отслеживали деятельность Коммунистической партии Люксембурга (КПЛ) и её контакты в СССР, собирали советские публикации о Люксембурге и оказывали помощь гражданам Люксембурга.

Репатриация военнопленных. Ещё в 1945 г. советское руководство удовлетворило просьбу великой герцогини Шарлотты о репатриации военнопленных люксембургского происхождения, большая часть из которых смогла вернуться в Люксембург непосредственно после окончания войны [7, с. 81–83]. В 1950-е и 1960-е гг. в Люксембурге не исключали, что отдельные граждане ВГЛ продолжают оставаться в СССР. МИД Люксембурга регулярно обращался к советской стороне с запросами о пропавших без вести люксембургских солдатах вермахта. Советский Союз со своей стороны демонстрировал готовность сотрудничать с Люксембургом в этом столь важном для ВГЛ гуманитарном вопросе. Так, в августе 1963 г. МИД СССР предоставил посольству Люксембурга информацию об уроженце Люксембурга Матиасе Николаусе Б. (1914 г.р.), проживавшем на станции Джалтыр Астраханского района Целиноградской области Казахской ССР [5].

Проблемы репатриации активно освещала и люксембургская печать. В качестве примера может быть упомянут еженедельник «Lëtzebuerger Journal», который 28 июня 1963 г. задавался вопросом, могут ли военнопленные из Люксембурга находится в Сибири, а 17 февраля 1965 г. познакомил своих читателей с сенсационной публикацией западногерманской газеты «Rheinische Post». Дюссельдорфское издание рассказало о судьбе немца Томаса Циммермана (Thomas Zimmermann), который якобы провёл почти двадцать лет в советских лагерях и лишь в 1965 г. смог вернуться к жене в город Хильден (Hilden).

Lëtzebuerger Journal заинтересовала не столько судьба немца Циммермана, сколько тот «факт», что в советских лагерях возможно остаются военнопленные вермахта, среди которых могут быть и люксембуржцы. МИД Люксембурга отреагировал на публикацию и поручил посольству ВГЛ в Москве выяснить подробности дела Циммермана. От посольства ФРГ в Москве люксембургские дипломаты узнали, что Циммерманне служил в рядах времахта, являлся гражданином СССР, во время войны сотрудничал с нацистами и за это был выслан в Казахстан [5].

Коммунистическая партия Люксембурга. 30 января 1959 г. посольство Люксембурга сообщило МИДу ВГЛ о визите делегации КПЛ во главе с членом исполнительного комитета партии Жаном Киллем (Jean Kill) в Москву. Делегация КПЛ приняла участие в работе XXI съезда КПСС [2]. Десять лет спустя посольство отмечало, что журнал «Коммунист» и газета «Правда» опубликовали статьи главы КПЛ Доминика Урбани (Dominique Urbany) [3].

Сообщения посольства наглядно демонстрируют тесные связи КПЛ с КПСС. Хоть КПЛ и не принадлежала к числу влиятельных коммунистических партий Западной Европы и не оказывала серьёзного влияния на политическую жизнь страны, но отличалась идеологической стойкостью и преданностью интересам КПСС и СССР. Люксембургских коммунистов, пользовавшихся значительной материальной поддержкой со стороны СССР и ГДР, выступавших с радикальной критикой интеграционных процессов в Западной Европе и ратовавших за выход страны из блока НАТО, посольство считало проводниками интересов Москвы и Восточного Берлина в Люксембурге.

«Правда» о Люксембурге. На страницах газеты «Правда» в конце 1960-х и в первой половине 1970-х гг. периодически появлялись репортажи, знакомившее советских читателей с деятельностью КПЛ и с положением дел в Люксембурге. Автором репортажей был собственный корреспондент «Правды» в Брюсселе Юрий Харланов.

Посольство Люксембурга в Москве собирало и анализировало публикации журналиста «Правды», справедливо полагая, что они отражают официальный советский взгляд на Люксембург. Одна из первых статей Харланова – репортаж под названием «Тысячелетный Люксембург» в номере за 7 января 1969 г. [12], вызвал недоумение и даже недовольство люксембургских дипломатов.

В своей статье Харланов рассказал об истории Люксембурга и прежде всего о периоде фашистского господства в этой стране. Автор подчеркнул, что эта красивая страна с самобытной

культурой испытывает серьёзные экономические трудности в связи с кризисом сталелитейной отрасли, а население Люксембурга озабочено «возрождением неонацизма» в ФРГ, усилением агрессии со стороны «американского империализма» и всё больше склоняется к выходу из блока НАТО и возврату к политике нейтралитета.

Тот факт, что Юрий Харланов весьма уважительно и доброжелательно отозвался о Люксембурге, не повлиял на негативную оценку публикации со стороны люксембургского посольства. Последнее перевело статью на французский язык и отправило её в МИД Люксембурга. Посол Пьер Вюрт (Pierre Wurth) сообщал 13 января 1969 г. министру Пьеру Грегуару (Piere Gregoiré), что статью Харланова, появившуюся после первой поездки нового корреспондента «Правды» в Люксембург (декабрь 1968), следует рассматривать в контексте советской пропаганды против НАТО и ФРГ. Вюрт отмечал, что репортаж хоть и повествует о реальных фактах, но содержит целый ряд ошибочных интерпретаций. Особенно возмутила посла попытка Харланова убедить советских читателей в том, что ввод советских войск в Чехословакию (1968) не повлиял на настроение общественного мнения в Люксембурге. Вюрт полагал, что статья предназначалась исключительно для советской публики и по этой причине не была включена в ежедневный бюллетень, который издавало на иностранных языкахагентство печати «Новости» [3].

Посольство Люксембурга заблуждалось. В декабре 1968 г. Юрий Харланов побывал в Люксембурге отнюдь не в первый раз. Еще в начала апреля 1968 г. «Правда» опубликовала два репортажа о XIX съезде КПЛ. Авторами репортажей были специальные корреспонденты газеты Ю. Харланов и В. Волков [9, 10]. В своей январской статье Харланов упомянул события в Чехословакии вскользь и то лишь главным образом в связи с позицией КПЛ, поддержавшей Москву в чехословацком вопросе, осудившей развёрнутую в Западной Европе «антисоветскую кампанию» и добившейся осенью 1968 г. значительных успехов на муниципальных выборах в южный регионах Люксембурга.

Аргентина, СССР и любители футбола из Люксембурга. Документы посольства Люксембурга в Москве показывают, что МИД страны и дипломатическое представительство в СССР пытались всячески помочь гражданам ВГЛ в контактах с советскими учреждениями. Для аспиранта Жана Х. (Jean H.) посольство постаралось в конце 1950-х гг. раздобыть копию статьи советского химика О.Б. Фальковой «Определение кислорода в стали спектральным методом». Статья была опубликована в 1955 г. в журнале «Известия Академии наук СССР» (серия физическая) [1]. С пониманием отнеслось посольство и к экзотической просьбе Рене Р. (René R.) из города Эттельбрюк (Ettelbrück) в кантоне Дикирх (Diekirch), изъявившего желание вместе с тремя друзьями посетить футбольный матч в Москве. В начале феврале 1957 г. Рене Р. отправил письмо в МИД Люксембурга. В своём письме любитель футбола сообщал, что по сведениям влиятельной люксембургской газеты «Luxemburger Wort» в Москве на 9 июля 1957 г. был запланирован товарищеский матч между национальными сборными СССР и Аргентины. Желая приобрести билеты Р. обратился в Комитет по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР, но не получил ответ. В февраля 1957 г. Рене Р. надеялся, что МИД Люксембурга поможет ему попасть в Москву на футбол. Надежды любителя футбола из Эттельбрюка не оправдались: информация о матче между СССР и Аргентиной не подтвердилась [1]. Первая встреча этих двух команд состоялась лишь 24 июня 1961 г. в Лужниках и закончилась со счётом 0:0.

Выводы. Документы посольства Люксембурга в СССР долго оставались вне поля зрения исследователей. Эти источники открывают новые перспективы для изучения истории взаимоотношений между СССР и Люксембургом во второй половине XX века, а кроме того позволяют глубже проанализировать восприятие внутренней и внешней политики СССР дипломатическими представительствами стран Запада. Документы посольства Люксембурга в Москве имеют важное значение для исследователей репатриации военнопленных вермахта из СССР, коммунистистического движения в Европе, а также научных, культурных и спортивных связей между социалистическими и капиталистическими странами в эпоху холодной войны.

1. ArchivesnationalesduLuxembourg (ANLUX). – AE 8878.
2. ANLUX – AE 13874.
3. ANLUX – AE 14282.
4. ANLUX – AE 15874.
5. ANLUX – AE 17500.
6. Bundesarchiv (BArch). – DY 30 IVA 2/20/488.

7. СССР-Люксембург: страницы истории, 1867–1984 гг. : документы и материалы / ред.: А. А. Громыко [и др.]. – Москва : Политиздат, 1985 – 271 с.
8. Харланов, Ю. Съезд коммунистов Люксембурга / Ю. Харланов, В. Волков // Правда. – 1968. – 8 апреля. – С. 5.
9. Харланов, Ю. Главная задача – сплочение. XIX съезд КПЛ завершил работу / Ю. Харланов, В. Волков // Правда. – 1968. – 9 апр. – С. 5.
10. Харланов, Ю. Тысячелетний Люксембург / Ю. Харланов // Правда. – 1969. – 7 янв. – С. 4.

Суслов А.Ю.

РОССИЙСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В ЭМИГРАЦИИ (1920-1950 гг.): ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ*

Партия социалистов-революционеров являлась одной из ведущих политических сил России первой четверти XX в., о чем свидетельствует количество ее членов и итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание в 1917 г., наиболее свободного и демократичного голосования в истории России. В связи с этим история партии эсеров может рассматриваться как маркер возможности исторической альтернативы России в XX в. [9] Ключевые вопросы – какой характер имели концепции российских социалистов? Почему они не сработали? Что можно извлечь из исторического опыта социалистических партий? – получали и получают самые разные ответы в исторических исследованиях. В связи с этим всесторонний анализ истории исследования идеологии и практики ведущих российских социалистических партий первой трети XX в. является важной научной задачей.

С начала 1920-х гг. деятельность ПСР протекала в эмиграции. За более чем тридцать лет существования эсеровского зарубежья (до середины 1950-х гг.) на свет появилось великое множество изданий, составивших один из самых больших эмигрантских комплексов. Эсеры пытались написать историю своей партии самостоятельно. Работа над историей партии представлялась и как важный элемент объединения имеющихся партийных сил, сплочения эмиграции. Весьма характерно мнение по этому поводу эсеровского ветерана О.С. Минора, подробно высказанное в его переписке с другим известным деятелем ПСР – С.П. Постниковым. 7 января 1930 г. Минор пишет Постникову в Прагу: «На днях получил Ваше письмо о Вашем соглашении с Василием Васильевичем о подготовке истории п[артии] с[оциалистов] р[еволюционеров]. Что до меня, то могу лишь приветствовать принятое вами решение. Необходимость такого труда вытекает, конечно, не только из того, что роль партии извращается историками, непосредственными участниками революции, которые всякий на свой салтык ее излагает, глядя на события только из своего угла, как это сделал Милюков, Мартов в своей истории Общественных движений, и даже Керенский, не говоря уже о Суханове, Теодоровиче и других, но и потому, что, будучи изложена партийными людьми, может быть удастся наметить и то, что надо будет делать в ближайшем будущем нашей партии, если жизнь нас вновь как-нибудь вытолкнет на арену истории. И вот это последнее мое соображение делает меня энтузиастом Вашего предприятия. Но есть и еще одно соображение: может быть создание истории нашей партии СОВМЕСТНЫМИ усилиями всех социалистов-революционеров создаст новую возможность более мирной и толковой между нами жизни и работы» [2, л. 4]. Проект еще обсуждался некоторое время, но не был осуществлен, как и другие попытки написать историю партии.

Современные исследования «первой волны» российской эмиграции, в том числе ее партийного спектра, получили в последние 20 лет значительное развитие, в том числе и в плане документальных публикаций. Существенно продвинулось изучение эмигрантского наследия российской социал-демократии, причем различных ее направлений. Есть ряд публикаций по истории либеральных и монархических организаций Русского Зарубежья. Однако до сих пор отсутствуют как монографии, так и масштабные публикации документального наследия социалистов-революционеров в эмигрантский период их существования. В то же время эмигрантская либеральная и социалистическая литература, педалируя идею «искусственности» прихода большевиков к власти, признавая права на подлинность лишь за революцией Февральской, серьезно воздействовала на послевоенную западную, прежде всего американскую, русистику 1950-х гг. В годы холодной войны именно этот образ – противопоставление двух революций – основанный преимущественно на мемуарной литературе меньшевиков и кадетов, утвердился в академических кругах и общественном сознании Запада.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00264.

В этой связи изучение введение в научный оборот документального наследия эмигрантских эсеровских организаций после Октября 1917 г. служит необходимым условием успешного научного осмысления истории неонародничества и российской эмиграции, которая после окончания гражданской войны стала настоящей лабораторией творческой мысли и хранителями тех идей и традиций своих партий, которые были достаточно быстро уничтожены в Советской России, а их члены, пройдя череду политизоляторов, концлагерей и ссылок – были физически истреблены к концу 30-х годов. Для понимания роли эсеров в общественно-культурной жизни русской эмиграции достаточно указать на общественно-политический журнал «Современные записки», издававшийся группой правых социалистов-революционеров, а также на такие имена, как И.И. Фондаминский, М.В. Вишняк, Е.К. Брешко-Брешковская («бабушка русской революции»), А.Ф. Керенский, В.М. Чернов, Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов, В.В. Руднев, Е.Е. Лазарев, О.С. Минор и многие другие.

В 1952 г. 14 русских социалистов – эсеров и меньшевиков – Р. Абрамович, В. Александрова, П. Берлин, М. Вишняк, С. Волин, Ю. Денике, М. Джемс, В. Зензинов, Б. Николаевский, М. Хиной, В. Чернов, С. Шварц, Д. Шуб, Е. Юрьевский приняли совместное обращение «На пути к единой социалистической партии», в котором говорилось: «Теперь уже не может быть сомнения в том, что «социализм» без свободы означает худший вид рабства и бесчеловечного варварства. Теперь уже потеряли смысл все старые споры о взаимоотношении между социализмом и демократией. Демократия для нас является неотъемлемой частью самого социализма, она входит в самое определение социализма. Как говорил известный лидер бельгийских социалистов Э. Вандервельде: «Социализм будет социализмом свободных людей или его вовсе не будет».

На данный момент в исторической науке имеются лишь отдельные разрозненные публикации документального наследия социалистов-революционеров эмигрантского периода [6, 7, 8]. Однако основная масса документов не только не опубликована, но даже не упоминается в работах по истории социалистической эмиграции. В основном это связано с тем, что значительное количество эсеровских документов отложилось в зарубежных архивохранилищах (главным образом, США и Нидерландов), где они длительное время не были надлежащим образом оформлены и систематизированы. Кроме того, доступ отечественных исследователей к этим материалам был и остается затруднен по организационным и финансовым причинам.

Исследования, затрагивающие наследие эсеровской эмиграции на серьезном научном уровне, стали появляться в мировой науке лишь в последние годы, причем они связаны, главным образом, с деятельностью лидера социалистов-революционеров В.М. Чернова. Опираясь на народнические традиции, но и восприняв идеи европейского социализма, Чернов создал свою оригинальную теорию трансформации России, был автором многих работ по истории, философии, социологии, экономике. Его литературное наследие впечатляет. Им было опубликовано около 1000 работ, включая книги, брошюры, статьи, рецензии и заметки. Отечественная историография в последнее время пополнилась рядом ценных публикаций о жизни и деятельности В.М. Чернова [1, 3, 5], однако немало сделать еще предстоит.

Пражская колония эсеров в ее предвоенный период рассмотрена в книге британского историка Э. Уайт [10]. Основываясь на довольно разнообразных источниках, она сумела дать анализ деятельности ПСР в Чехословакии, реакцию эмигрантских групп на события в Советском Союзе (прежде всего, коллективизацию). По мнению Уайт, взгляды эсеров были реальной альтернативой большевистской политики и программы, основанной на реальных явлениях, наблюдаемых в 1920-е годы (кооперативного движения, поведения крестьян и достижения в области сельскохозяйственных технологий). В тоже время социалисты-революционеры оказались утопистами в плане методов реализации своих планов – в XX веке, отмечает Уайт, трансформация общества проходит через государство, вместо традиционных массовых организаций. Период, в котором они работали, был отмечен растущим культом государственной власти и «огосударствлением мысли». В этом смысле Чернов и эсеры были вне своего времени

Наиболее ценными представляются материалы Заграничной Делегации ПСР, переписка с Советской Россией, отчеты о совещаниях и конференциях эсеровских эмигрантских групп, личные письма и воспоминания В.М. Чернова, Е. Лазарева, В.М. Зензинова и других в архивах России, США и Нидерландов. Эсеры в эмиграции провели два съезда (в 1923 г. в Праге и в 1928 г. в Париже), несколько форумов меньшего масштаба, активно – особенно до начала 1930-х гг. – публиковались в эмигрантской и европейской печати. Частично эти материалы публикуются в настоя-

щее время [4], однако до создания полноценной истории ПСР в эмигрантский период ее существования пока говорить рано.

Особого внимание заслуживает проблема взаимодействия эсеровской эмиграции и международного социалистического движения. Второй Интернационал распался после окончания Первой мировой войны. В марте 1919 г. по инициативе большевиков в Москве создается Коминтерн, претендующий на лидерство в европейском социалистическом движении. Эсеры в эмиграции, наряду с другими социалистическими группами, работали над восстановлением Второго Интернационала (этот процесс завершился в мае 1923 г. созданием объединенного Социалистического Рабочего Интернационала), информировали западных социалистов о положении дел в Советской России. Когда в 1922 г. было объявлено о судебном процессе над лидерами ПСР в Москве, международное социалистическое движение приняло активное участие в протестной кампании и провело уникальную совместную конференцию всех Интернационалов в Берлине в апреле 1922 г. Таким образом, публикация и всесторонний анализ материалов эсеровской эмиграции по целому ряду направлений являются весьма перспективными.

Эсеровская эмиграция оставила большое идейно-теоретическое наследие, в том числе мемуарные и исторические работы (многие из которых не опубликованы), непредвзятое изучение которых представляет немалый научный интерес. Социалистические партии в послеоктябрьской России были в числе тех, кто дал старт попыткам разоблачить антидемократический характер большевизма. Неудача социалистов-революционеров и меньшевиков в этой борьбе, тем не менее, не тождественна их поражению в историческом споре о демократии, социализме и роли политических партий. Современная историческая наука стоит перед глобальной задачей написания истории социализма и социалистических идей в России, начиная с эпохи XIX в. до современности. Исследования по истории социалистических партий являются важной частью этого процесса.

1. Аврус, А. И. От Хвалынска до Нью-Йорка: жизнь и общественно-политическая деятельность В. М. Чернова / А. И. Аврус, А. П. Новиков. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2013. – 300 с.

2. Государственный архив Российской Федерации. – Ф.6065. – Оп.1. – Д.63.

3. Коновалова, О. В. В.М.Чернов о путях развития России / О. В. Коновалова. – М. : РОССПЭН, 2009. – 383 с.

4. Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. / публикацию подготовили А. П. Новиков и А. Ю. Суслов // Вопросы истории. – 2014. – № 8. – С. 3–26; № 9. – С. 3–15; № 10. – С. 3–14; № 11. – С. 3–18; № 12. – С. 3–19; 2015. – № 1. – С. 3–15; № 2. – С. 3–12.

5. «Мы, русские, – другие, мы созданы для испытаний». Письма В. М. Чернова. 1920-1941 / публ., вступ. ст., подгот. текста и коммент. Г. В. Лобачевой, А. П. Новикова ; [науч. ред. проф. И. Р. Плеве]. – Саратов : Сарат. гос. техн. ун-т, 2014. – 412 с.

6. Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П.С.-Р. / собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период Marc Jansen. – Amsterdam : Stichting beheer IISG, 1989. – 772 с.

7. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. – М. : РОССПЭН, 2000. – 1055 с.

8. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / сост.: С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубыкин. – М. : РОССПЭН, 2002. – 1007 с.

9. Суслов, А. Ю. Отечественная историография российских социалистических партий: теоретико-методологические аспекты / А. Ю. Суслов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 6 (27). – С. 187–193.

10. White, E. The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921 – 1939. – Milton Park, Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2010. – 208 p.

Разуванава К.С.

МАТЭРЫЯЛЫ ПА ГІСТОРЫІ ДЗЕЙНАСЦІ БЕЛАРУСКАГА ІНСТЫТУТА ГАСПАДАРКІ І КУЛЬТУРЫ Ў АРХІЎНЫХ ФОНДАХ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

Гісторыя ўзнікнення і дзейнасці Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры (БІГіК) – адной з найбольш значных культурна-асветных і гаспадарчых арганізацый міжваеннага часу – і сёння выклікае інтарэс даследчыкаў як у нашай краіне, так і па-за яе межамі. Дадзеная цікаўнасць выклікана значным масівам крыніц і дакументальных матэрыялаў, якія пакінула арганізацыя, а таксама даволі добрым адлюстраваннем яе дзейнасці ў тагачасных перыядычных выданнях.

На жаль, да сённяшняга дня не была зроблена спроба выдання ў якасці асобнага зборніка адзначаных матэрыялаў, таму бадай што адзінымі крыніцамі, што маюць друкаваны выгляд, з'яўляюцца кнігі-брашуры "Статут Таварыства "Беларускі Інстытут Гаспадаркі і Культуры" ў рэдакцыях 1926 і 1929 гадоў, а таксама "Інструкцыя Беларускага Інстытуту Гаспадаркі і Культуры", якія выйшлі ў свет дзякуючы намаганням творцаў інстытута як праграмныя дакументы

ўстановы, прызначаныя для тлумачэння мэтаў і задач інстытута, асаблівасцяў арганізацыі і функцыянавання яго нізавых суполак [22; 23; 24].

Найбольшая колькасць крыніц, што маюць непасрэднае дачыненне да асвятлення гісторыі інстытута, сярод айчынных архіўных сховішчаў змяшчаецца, безумоўна, у Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Сярод яго фондаў найбольш значным з'яўляецца фонд 880 (Беларускі інстытут гаспадаркі і культуры), аснову якога складаюць арыгінальныя матэрыялы або копіі дакументаў Літоўскага цэнтральнага дзяржаўнага архіва. Названы фонд, змяшчае 22 справы і паслядоўна раскрывае асаблівасці дзейнасці Цэнтральнага ўрада інстытута, яго стуктурных адзінак, аддзелаў і нізавых суполак БІГіК (у тым ліку найбольш буйных гурткоў у Жодзішках Вілейскага павета і Южках Віленска-Троцкага павета), падначаленых установе арганізацый (кшталту Беларускага Народнага Тэатра); ілюструе супрацоўніцтва БІГіК на ніве развіцця адукацыі і асветы з арганізацыямі адпаведнага накірунку, як на тэрыторыі Заходняй Беларусі (напрыклад, з Таварыствам беларусазнаўства Віленскага ўніверсітэта), так і па-за яе межамі (сярод найбольш значных карэспандэнтаў інстытута можна назваць Камісію па вывучэнню Заходняй Беларусі Беларускай акадэміі навук), а таксама з грамадскімі і палітычнымі арганізацыямі краю (у якасці прыклада можна прывесці актыўны ўдзел членаў БІГіК ў працы Беларускага нацыянальнага камітэта ў Вільні). Не меншую цікавасць уяўляюць сабой матэрыялы афіцыйнай перапіскі інстытута з прадстаўнікамі цэнтральнай і мясцовай улады Польшчы па пытаннях адкрыцця беларускіх школ, настаўніцкай семінарыі, а таксама арганізацыі і працы Беларускіх кааператыўна-гандлёвых курсаў [18].

Не менш каштоўны матэрыял прадстаўлены і ў іншых фондах НАРБ. Сярод іх трэба асобна вылучыць 879 (Беларускі нацыянальны камітэт (беларускі буржуазна-нацыяналістычны цэнтр) г. Вільня), 883 (Галоўнае ўпраўленне Таварыства беларускай школы, г. Вільня), 884 (Праўленне Беларускага студэнцкага (буржуазна-нацыяналістычнага) саюза пры ўніверсітэце імя Стэфана Баторыя, г. Вільня), 242 п (Прадстаўніцтва ЦК КПЗБ). Дакументы адзначаных фондаў паслядоўна раскрываюць эвалюцыю ўзаемаадносін устаноў-фондастваральнікаў з БІГіК на ніве развіцця культуры, асветы і гаспадарчай дзейнасці ў Заходняй Беларусі, а таксама дазваляюць уявіць асаблівасці гістарычнага фону стварэння і дзейнасці арганізацый-фондаўтваральнікаў [17; 19; 20; 21].

Не менш значныя матэрыялы змяшчаюцца ў фондах абласных архіваў. Першынства па колькасці крыніц, якія прама ці ўскосна адлюстроўваюць дзейнасць БІГіК, займае Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБр). Асноўная колькасць з адзначаных матэрыялаў захоўваецца ў фондах 1 (Полесское воеводское управление, г. Брест Полесского воеводства) і 59 (Попечительство Брестского школьного округа Министерства вероисповеданий и общественного просвещения Польши, г. Брест Полесского воеводства) [9; 10; 11; 12]. Меншыя па колькасці, аднак ніякім чынам не меншыя па значнасці дакументы аб дзейнасці інстытута захоўваюцца таксама ў фондах Дзяржаўнага архіва Гродненская вобласці (ДАГр). Сярод іх можна вылучыць фонды 200 (Лидская поветовая коменда государственной полиции (Коменды государственной полиции прифронтовых и этаповых территорий) (с 1921 – 15-го Новогрудского округа), г. Лида Лидского повета Новогрудского воеводства), 541 (Несвижское поветовое староство Новогрудского воеводства г. Несвиж), 551 (Новогрудское воеводское управление Министерства Внутренних дел, г. Новогрудок Новогрудского воеводства), 662 (Новогрудская воеводская коменда государственной полиции Новогрудского воеводства г. Новогрудок) [13; 14; 15; 16]. Нарэшце, асобныя матэрыялы па дзейнасці суполак БІГіК на тэрыторыі Віленскага ваяводства змешчаны ў фондах 9 (Молодечненская поветовая комендатура государственной полиции Виленского воеводства, г. Молодечно) і 14 (Воложинская поветовая комендатура государственной полиции Новогрудского воеводства, г. Воложин) Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Маладзечна (ЗДАМал) [7; 8].

Пэўная колькасць дакументальных матэрыялаў, звязаных з гісторыяй дзейнасці інстытута, змяшчаецца ў фондзе 3 (Калекцыя дакументаў аддзела рукапісаў Беларускага музея імя Івана Луцкевіча ў г. Вільні, воп. 3) Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва (БДАМЛіМ). Найбольшую цікавасць сярод іх уяўляюць сабой афіцыйныя дакументы і перапіска інстытута з Беларускім навуковым таварыствам у Вільні, Таварыствам беларускай школы, Таварыствам беларусазнаўства пры Віленскім універсітэце, іншымі беларускімі культурна-асветнымі ўстановамі Вільні і замежжа, а таксама матэрыялы, падрыхтаваныя да друку

на старонках такіх газет, як “Беларуская крыніца”, “Беларускі звон”, “Наперад”, “Хрысьціянская думка” і іншых [6].

Не менш значныя матэрыялы, прысвечаныя пэўным пытанням дзейнасці Беларускага інстытута гаспадарскі і культуры, знаходзяцца ў асабістых фондах Аддзела рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Я. Коласа. Так, важныя звесткі аб найбольш вядомых дзеячах БІГіК, асаблівасцях яго стварэння і дзейнасці змяшчаюцца ў асабістых фондах членаў інстытута – І.І. Шутовіча (Ф. 1), А.В. Станкевіча (Ф. 4), А.Ю. Клімовіча (Ф. 5), М.І. Пецюкевіча (Ф. 60), а таксама ў фондзе Ф. 23 (Калекцыя матэрыялаў па гісторыі, навуцы, культуры), які ўяўляе сабой збор дакументальных матэрыялаў па самых розных пытаннях культурнага і навукова-асветнага жыцця Беларусі [1; 2; 3; 4; 5].

Важнай крыніцай, якая адлюстроўвае гісторыю дзейнасці інстытута, а таксама сацыяльна-эканамічныя, нацыянальна-рэлігійныя і культурна-адукацыйныя абставіны яго ўзнікнення і ліквідацыі, з’яўляюцца беларускія перыядычныя выданні міжваеннага перыяду, што друкаваліся на тэрыторыі Заходняй Беларусі і этнічных польскіх зямель. Сярод такіх выданняў (большасць з іх змяшчаецца ў фондах Нацыянальнай бібліятэкі Рэспублікі Беларусь і Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Я. Коласа) можна назваць газеты і часопісы, што выйшлі ў свет дзякуючы намаганням БІГіК і асобных яго дзеячаў (“Самапомач”, “Калосьсе”, “Шлях моладзі”, “Wiadomości białoruskie”), Беларускай хрысціянскай дэмакратыі (“Беларуская крыніца”, “Хрысьціянская думка”), Беларускага сялянскага саюза (“Сялянская ніва”), Беларускай сялянска-работніцкай грамады (“Народная справа”, “Народны звон”, “Наша справа”, “Наша праўда”, “Голас працы”), Таварыства беларускай школы (“Беларускі летапіс”, “Родныя гоні”), Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі (“Наша воля”, “Бюллетень КПЗБ”), пасольскага клуба “Змаганне” (“Змаганьне”, “На варце”, “Беларуская газета”), Цэнтрасаюза і групы А. Луцкевіча (“Новая варта”, “Беларускі звон”, “Наперад”), а таксама такія значныя выданні, як “Беларускі каляндар”, “Студэнцкая думка”, “Przegląd Wileński”, “Nowy Przegląd”, “Natio”, “Kurjer Wileński” і многія іншыя.

Такім чынам, архіўныя фонды айчынных устаноў утрымліваюць значны масіў дакументальных матэрыялаў, звязаных з абставінамі стварэння і дзейнасці БІГіК, асаблівасцямі яго сувязяў з палітычнымі партыямі, грамадскімі арганізацыямі і ўстановамі як на тэрыторыі Заходняй Беларусі, так і па-за яе межамі, што дазваляе даследчыкам даволі поўна вызначыць ролю і месца дадзенай арганізацыі ў грамадска-палітычным і культурным жыцці беларускіх зямель, якія ў міжваенны час уваходзілі ў склад Польшчы.

1. Аддзел рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Я. Коласа НАН Беларусі. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 24, 383.
2. Аддзел рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Я. Коласа НАН Беларусі. – Ф. 4. Воп. 1. Спр. 45, 58, 67, 93, 127, 143.
3. Аддзел рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Я. Коласа НАН Беларусі. – Ф. 5. Воп. 1. Спр. 1, 7, 18, 70, 71.
4. Аддзел рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Я. Коласа НАН Беларусі. – Ф. 23. Воп. 1. Спр. 453, 629.
5. Аддзел рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Я. Коласа НАН Беларусі. – Ф. 60. Воп. 1. Спр. 73.
6. БДАМЛіМ. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 24, 25, 33, 43, 44, 111, 188, 201, 280.
7. ЗДАМол. – Ф. 9. Воп. 1. Спр. 233, 237.
8. ЗДАМол. – Ф. 14. Воп. 1. Спр. 26.
9. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 9. Спр. 47, 64, 320, 743, 760, 988, 1260, 1374.
10. ДАБр. – Ф. 59. Воп. 1. Спр. 314.
11. ДАБр. – Ф. 59. Воп. 2. Спр. 1131.
12. ДАБр. – Ф. 59. Воп. 3. Спр. 983.
13. ДАГр. – Ф. 200. Воп. 2. Спр. 10, 12.
14. ДАГр. – Ф. 541. Воп. 1. Спр. 156, 178.
15. ДАГр. – Ф. 551. Воп. 1. Спр. 199, 1070, 1137, 1211.
16. ДАГр. – Ф. 662. Воп. 3. Спр. 11.
17. НАРБ. – Ф. 242-П. Воп. 1. Спр. 24, 59, 305, 463, 483.
18. НАРБ. – Ф. 880. Воп. 1. Спр. 1–22.
19. НАРБ. – Ф. 879. Воп. 1. Спр. 32, 47.
20. НАРБ. – Ф. 883. Воп. 1. Спр. 34, 112, 115.
21. НАРБ. – Ф. 884. Воп. 1. Спр. 3, 57.
22. Статут таварыства “Беларускі інстытут гаспадаркі і культуры” / Беларуская друкарня імя Ф. Скарыны. – Вільня, 1926. – 16 с.
23. Статут таварыства “Бедарускі інстытут гаспадаркі і культуры” / Беларуская друкарня імя Ф. Скарыны. – Вільня, 1929. – 16 с.
24. Instrukcyi i rehulamin Biełaruskaha Instytutu Haspadarki i Kultury / Biełaruskaja Drukarnja im. Fr. Skaryny. – Wilnia, 1931. – 46 s.

Косов А.П.

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ОБЗОР РОССИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

При исследовании политики США в отношении постсоветского пространства интерес представляют не только американские источники (хотя, безусловно, они самые важные), но и источники российского происхождения, а также источники из других стран. Ниже хотелось бы более подробно остановиться как-раз-таки на российских источниках по американской политике в отношении постсоветского пространства.

На наш взгляд, российские источники по внешней политике США в отношении постсоветского пространства условно можно разделить на несколько групп: 1) документы и материалы; 2) мемуарная литература, представленная воспоминаниями российских политиков, дипломатов, военных, разведчиков о различных аспектах внешней политики США в отношении постсоветского пространства; 3) периодическая печать; 4) научные публикации.

Из российских источников наибольшую ценность для понимания мотивов, целей и направлений внешнеполитического курса Вашингтона представляют официальные документы, материалы Федерального Собрания России, МИД Российской Федерации, договоры и декларации глав государств, заявления руководителей России. Сегодня достаточная масса этих материалов сосредоточена в периодической печати, сборниках официальных документов и на официальных сайтах.

Нельзя обойти вниманием и современную российскую мемуаристику. Мемуары российских политиков и государственных деятелей несут в себе дух времени их написания – с его, возможно, ошибками и пристрастиями, но часто и с искренним пафосом авторов их написавших. К тому же, мемуарная литература часто помогает лучше понять пути принятия тех или иные решений, представить полную картину событий, дополнив имеющиеся документы воспоминаниями. В частности, интерес представляют мемуары Б.Н. Ельцина, В.С. Черномырдина, Е.М. Примакова и др. [6, 7, 14, 15, 16].

Много аналитических, оперативных и информационных материалов, посвященных внешней политике США в отношении постсоветского пространства, содержится в российских средствах массовой информации. Необходимо отметить, что для большинства печатных изданий характерен целый ряд общих особенностей. К ним можно отнести журналистский стиль подачи материала, что часто приводит к определенной поверхностности и легковесности в освещении той или иной темы, лимитированность печатного пространства при многотемности, что вынуждает ограничивать международную тематику чаще всего одной полосой, а материалы по конкретным темам – заметкой или краткой статьей, а также коммерческий характер изданий, что ведет в сторону чистой информативности и ориентации на вкусы читателей. Поскольку полный охват всего массива российских газет и журналов по ряду причин представляется невозможным, да и не всегда оправданным, учитывая специфику определенных изданий чисто развлекательного, порой «желтого» характера, назовем лишь некоторые из них, где наиболее полно и содержательно освещается внешняя политика США в данном регионе. В первую очередь это ряд федеральных газет – «Известия», «Российская газета», «Независимая газета», «Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты» и др. На их страницах можно найти информацию по внешней политике США, а также комментарии и оценки российских экспертов с устоявшейся репутацией. Можно назвать таких известных ученых-международников, как А.Г. Арбатов, Е.П. Бажанов, Э.Я. Баталов, А.Д. Богатуров, В.А. Кременюк, С.М. Рогов и др.

Информация о действиях Вашингтона на постсоветскомо пространствеа находится на сайтах российских информационных агентств, как национального (ИТАР-ТАСС, Интерфакс, РИА «Новости»), так и специализированного (РосБизнесКонсалтинг, Финмаркет, АиФ-Новости, Регнум, Новости Америки) характера. Информагентства России подают оперативную информацию о внешнеполитических действиях Соединенных Штатов, поэтому использование их данных весьма удобно при исследовании текущей обстановки на постсоветском пространстве. Интересны специализированные сайты, посвященные мировой политике, в том числе и внешнеполитической стратегии США в отношении постсоветского пространства (например, «Фонд стратегической культуры», «Перспективы. Фонд исторической перспективы»). Авторами мате-

риалов на данных сайтах являются многие известные ученые и эксперты по международным отношениям – А.А. Казанцев, Е.А. Нарочницкая, Э.Г. Соловьев, Т.А. Шаклеина и др.

Значительный интерес представляют и российские периодические издания, в которых также содержится огромный материал по данной проблематике. Прежде всего, следует отметить ежемесячный журнал «США – Канада: экономика, политика, культура», известный до 1999 г. под названием «США – экономика, политика, идеология». Журнал издается с 1970 г. и является официальным органом Института США и Канады РАН. На сегодняшний день это единственный научный журнал о Соединенных Штатах в Российской Федерации. В каждом его номере можно найти статьи, комментарии, точки зрения, аналитические обзоры и рецензии книг, посвященные внешней политике США. Таким образом, журнал отличается особой актуальностью. Он быстро откликается на современные политические события в мире, являясь весьма полезным источником, в том числе и по постсоветской политике Соединенных Штатов. Особенно следует отметить статьи Э.Я. Баталова, А.Д. Богатурова, М.В. Братерского, М.А. Гусейновой, С.М. Самуйлова, О.В. Теребова и др.

Из заслуживающих внимание журналов также следует назвать ежемесячный журнал «Международная жизнь» – печатный орган МИД РФ, на страницах которого печатаются статьи многих известных политиков и ученых, посвященные внешней политике США. Нельзя не отметить и журнал «Мировая экономика и международные отношения», на страницах которого можно найти много интересных и актуальных статей исследователей о внешнеполитической стратегии США в отношении стран СНГ.

Высоким профессионализмом отличаются и такие российские издания как «Американский ежегодник», «Полис», «Космополис», «Россия в глобальной политике», «Pro et Contra», «Свободная мысль – XXI», «Вестник аналитики», «Международные процессы», «Обозреватель», «Вестник МГИМО», «Вестник Московского университета», «Мир и политика», «Восток: Афро-азиатские общества: история и современность», «Вестник Томского университета», «Вестник Санкт-Петербургского университета», «Нижегородский журнал международных исследований» и некоторые другие. Основная линия названных журналов сводится к тому, чтобы оправдать практическую внешнеполитическую деятельность российского правительства, поэтому в основном именно с учетом выгоды-невыгоды оцениваются и действия Вашингтона на постсоветском пространстве.

Важную группу источников представляют научные публикации. Большую ценность представляют научные доклады исследовательских центров Института США и Канады РАН, Дипломатической академии МИД РФ, Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России, Института мировой экономики и международных отношений РАН, Московского Центра Карнеги, Совета по внешней и оборонной политике, Центра стратегических оценок и прогнозов, Российского института стратегических исследований, Института стратегических оценок и анализа, Института стран СНГ и др.

Среди специальных монографических исследований по внешней политике США можно выделить две подгруппы. Первая – исследования, анализирующие политику США в целом, так сказать в глобальном масштабе, где обращается внимание на основополагающие принципы, которыми руководствуются в Соединенных Штатах при планировании и проведении своей внешнеполитической стратегии. Вторая – исследования, посвященные отдельным аспектам внешней политики США на региональном уровне, а также двусторонним отношениям Вашингтона с бывшими советскими республиками. Безусловно, особое внимание уделяется отношениям между США и Россией, выявлению как круга конфликтных проблем, так и сферы их совпадающих интересов. Не касаясь огромного массива исследований непосредственно посвященных российско-американским отношениям, поскольку это тема отдельного исследования, можно выделить следующие наиболее актуальные проблемы. В частности, во многих работах М.А. Гусейновой, С.С. Жильцова, И.С. Зонна, В.Н. Матяша, Е.В. Митяевой, А.И. Уткина, А.И. Шумилина обращается внимание на политику Вашингтона в Каспийском регионе и Закавказье [2, 4, 5, 8, 9, 10, 12, 13, 21, 24]. Известно, что выгодное географическое положение, значительные запасы углеводородного сырья, пересечение транспортных коммуникаций определили повышенный интерес к этому региону американских государственных и частных структур. Соединенные Штаты, объявив его жизненно важным для своих интересов, начали реализовывать свои геостратегические и геоэкономические цели.

Не обделена вниманием в российской литературе и внешнеполитическая стратегия США в Центральной Азии – регионе, который также был объявлен зоной американских интересов [1, 11, 18, 19]. В первую очередь авторами акцентируется внимание на геополитической и энергетической стратегии Вашингтона. Главная идея многих работ сводится к необходимости для России и США переходить к рациональному согласованию своих интересов и стратегий в данном регионе, как и на всем постсоветском пространстве [3, 17, 20, 25]. Такой взгляд стал весьма распространенным после того, как стало ясно, что полностью выдавить США с постсоветского пространства и, особенно из Центральной Азии, Закавказья и Каспия, Москве не удастся.

Таким образом, в данных работах содержится огромный фактический материал, весьма полезный для изучающих внешнюю политику Соединенных Штатов. При этом современные исследования по внешнеполитической проблематике так же, как и литература советского периода, несут в себе дух времени их написания – с его, возможно, ошибками и пристрастиями (особенно это характерно для мемуаристики), но часто и с искренним пафосом авторов их написавших.

1. Братерский, М. В. Политика США в Средней Азии: итоги десятилетия / М. В. Братерский // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 9. – С. 55–64.
2. Гаджиев, К. С. «Большая игра» на Кавказе. Вчера, сегодня, завтра / К. С. Гаджиев. – М. : Международные отношения, 2010. – 344 с.
3. Гриневецкий, С. Р. Черноморский узел / С. Р. Гриневецкий И. С. Зонн С. С. Жильцов. – М. : Международные отношения, 2007. – 200 с.
4. Гусейнова, М. А. Политика США в Закавказье и интересы России / М. А. Гусейнова ; Ин-т США и Канады РАН. – М., 1999. – 75 с.
5. Гусейнова, М. А. Современная политика США в Каспийском регионе: планы и реальность. Научно-аналитический доклад / М. А. Гусейнова ; Ин-т США и Канады РАН. – М., 2001. – 62 с.
6. Ельцин, Б. Записки президента / Б. Ельцин. – М. : Изд-во «Огонек», 1994. – 234 с.
7. Ельцин, Б. Президентский марафон. Размышления, воспоминания, впечатления / Б. Ельцин. – М. : АСТ, 2000. – 424 с.
8. Жильцов, С. С. Геополитика Каспийского региона / С. С. Жильцов, И. С. Зонн, А. М. Ушков. – М. : Международные отношения, 2003. – 280 с.
9. Жильцов, С. С. США в погоне за Каспием / С. С. Жильцов, И. С. Зонн. – М. : Международные отношения, 2009. – 200 с.
10. Зонн, И.С. Стратегия США в Каспийском регионе. (Большая игра-2) / И.С. Зонн, С.С. Жильцов. – М.: Эдель, 2003. – 197 с.
11. Малашенко, А. Зачем Америке Центральная Азия? / А. Малашенко // Россия и мусульманский мир. – 2002. – № 5. – С. 74–80.
12. Матяш, В. Н. Россия и США в Каспийском регионе – XXI век: проблемы и перспективы / В. Н. Матяш ; Дип. академия МИД России; Ин-т актуальных междунар. проблем. – М., 2001. – 111 с.
13. Митяева, Е.В. Проблема Каспия в российско-американских отношениях / Е. В. Митяева ; Ин-т США и Канады РАН. – М., 1999. – 44 с.
14. Примаков, Е. М. Восемь месяцев плюс / Е. М. Примаков. – М. : Мысль, 2002. – 240 с.
15. Примаков, Е. М. Встречи на перекрестках / Е. М. Примаков. – М. : Центрполиграф, 2015. – 607 с.
16. Примаков, Е. М. Годы в большой политике / Е. М. Примаков. – М. : Коллекция «Совершенно секретно», 1999. – 448 с.
17. Самуйлов, С. М. Эволюция политики США в отношении СНГ / С. М. Самуйлов. – М. : ИСКРАН, 2005. – 106 с.
18. Теребов, О. В. Россия и США в Центральной Азии / О. В. Теребов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2003. – № 3. – С. 3–16.
19. Троицкий, Е. Ф. Политика США в Центральной Азии (1992–2004 гг.) / Е. Ф. Троицкий ; под ред. А.Г. Тимошенко. – Томск: изд-во Томского ун-та, 2005. – 184 с.
20. Уткин, А. И. Новая империя и постсоветское пространство / А. И. Уткин // Свободная мысль – XXI. – 2002. – № 8. – С. 39–57.
21. Уткин, А. И. США и Каспий / А. И. Уткин // Россия и мусульманский мир. – 2003. – № 8. – С. 54–58.
22. Черномырдин, В. С. Народный премьер. 1990 – 1998: мемуары / В. С. Черномырдин. – М. : АНО «Музей В. С. Черномырдина», 2013. – 496 с.
23. Черномырдин, В. С. Политический тяжеловес. 1998 – 2010: мемуары / В. С. Черномырдин. – М. : АНО «Музей В. С. Черномырдина», 2013. – 296 с.
24. Чернявский, С. И. Кавказская стратегия Вашингтона / С. И. Чернявский // Международная жизнь. – 1999. – № 1. – С. 22–28.
25. Шумилин, А. И. Энергетическая стратегия России и США / А. И. Шумилин. – М. : Международные отношения, 2009. – 168 с.

Вовк О.И.

БЕЛОРУССКИЕ УРБАНОНИМЫ НА КАРТЕ ХАРЬКОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УКРАИНО-БЕЛОРУССКИХ ОТНОШЕНИЙ

Одним из трендов современной гуманитаристики может быть признано усиление интереса к топонимике, которая является важным инструментом сохранения исторической памяти народа, служит средством формирования коллективной идентичности. Как удачно заметил Я. Ассманн, воспоминания, зафиксированные при помощи топонимов, превращаются в островки постоянства в быстротекущей реке времени [11, с. 127]. Особенно это касается городских топонимов, или урбанонимов (названий улиц и площадей, парков и скверов, учреждений и организаций и т.д.), составляющих своеобразную и очень сложную систему [8, с. 72]. Можно согласиться с А.М. Мезенко, которая утверждала, что урбанонимия является наиболее подвижным и изменяющимся пластом топонимической лексики, выступает в роли зеркала национальной культу-

ры, содержит информацию о традициях и устоях, характеризующих то или иное языковое сообщество [7, с. 389].

В современной научной литературе достаточно обширно представлена тема изучения и параметрирования топонимических систем как городов СНГ, так и дальнего зарубежья [см., например: 1; 2; 4; 6; 12 и др.]. Харьковская урбанонимия также неоднократно попадала в поле зрения исследователей начала XXI в.: был издан справочник, обобщающий актуальные сведения о названиях городских объектов [9], публиковались статьи аналитического характера [см., например: 5 и др.]. Вместе с тем, следует отметить, что данная проблематика далеко не является исчерпанной. В частности, интерес вызывают урбанонимы, в которых зафиксированы межкультурные контакты представителей харьковской общины. Это обусловлено тем обстоятельством, что Слободская Украина издавна славилась своей мультинациональностью. В развитие науки, экономики, культуры, духовности этого региона внесли свой вклад представители различных наций и народностей, в том числе и уроженцы Беларуси.

На сегодняшний день существует несколько вариантов классификационных схем, призванных структурировать и упорядочить массив названий городских объектов (Э.М. Мурзаев, А.М. Селищев, А.В. Суперанская и др.). Мы остановимся на схеме, предложенной белорусской исследовательницей А.М. Мезенко, которая включает в себя следующие типы наименований:

- топоморфные – указывают на другой объект (находящийся в черте самого города или же иной населенный пункт, водный, горный, небесный объект и т. д.), относительно которого номинируется внутригородской;
- антропоморфные – подразумевают использование антропонимов (личных имен, отчеств, фамилий, псевдонимов, прозвищ) в качестве названий внутригородских объектов;
- физико-географические – характеризуют внутригородской объект с точки зрения размера, конфигурации, физико-географических особенностей его возникновения;
- флористические (ботанические) – указывают на характер растительного ландшафта или отдельные виды растительности;
- фаунистические – содержат в своей основе наименования фауны, характерной для данной территории;
- эмоционально-характерологические – способны оказывать эмоциональное воздействие, вызываемое особенностями и свойствами деталей внутригородских объектов, ими называемых;
- цветовые – метафорически соотносятся с названиями цветов;
- темпоральные – приблизительно указывают на время существования внутригородского объекта [7, с. 389–391].

С учетом специфики предмета исследования, в поле нашего внимания попали харьковские урбанонимы топоморфного и антропоморфного типов. Наименования топоморфного типа соотносятся с названиями географических объектов (в большинстве своем это населенные пункты, а также водные артерии) на современных или исторических белорусских территориях. Например, на карте Харькова можно обнаружить Беловежскую, Белорусскую, Бобруйскую, Брестскую, Витебскую, Гомельскую, Двинскую, Днепровскую, Минскую, Могилевскую, Неманскую улицы; Брестский, Двинский, Могилевский, Мозырский, Неманский, Оршанский переулки [9].

Круг антропоморфных урбанонимов более разнообразен и может быть подразделен на две подгруппы. К первой целесообразно отнести внутригородские топонимы, названные по именам этнических белорусов либо уроженцев Беларуси; ко второй – те, которые получили свое наименование в честь людей, жизнь и деятельность которых была связана с Беларусью. Отметим, что биографии многих из этих деятелей имеют непосредственное отношение также и к истории Харькова и Украины в целом.

Улица и переулок в Киевском районе Харькова названы в честь Ильи Гаркуши (годы рожд. и см. неизв.) – сподвижника Богдана Хмельницкого*, одного из руководителей борьбы белорусского народа против польских феодалов, которая развернулась в XVII в. одновременно с

* Именем Богдана Хмельницкого, предки которого, по одной из версий, также могли быть выходцами из Беларуси, в Харькове названы улица и бульвар.

национально-освободительной войной в Украине. В честь уроженца с. Боровцы Минской губернии (теперь Брестской области), дважды Героя Советского Союза летчика С.И. Грицевца (1909–1939) названы улица и бульвар в Орджоникидзевском районе города. В Октябрьском административном районе улица и переулок носят имя Героя Советского Союза генерал-майора Л.М. Доватора (1903–1941), который родился в с. Хотино Витебской губернии (сегодня Витебской области) [9]. Именами выдающихся выходцев из Беларуси в Харькове назван также ряд учреждений образования и культуры. В частности, имя известного белорусского поэта Янки Купалы (1882–1942) носит центральная библиотека Орджоникидзевского района. В 2013 г. Харьковскому национальному экономическому университету присвоено имя С. Кузнеца (1901–1985), который родился в Пинске (по другой версии – в Харькове), был воспитанником юридического факультета Харьковского университета, впоследствии выехал в США и в 1971 г. стал Нобелевским лауреатом в области экономики [10, с. 317–319].

Харьковщину и Витебщину тесно связывает личность выдающегося художника И.Е. Репина (1844–1930). Он родился, провел детские и юношеские годы в г. Чугуев Харьковской губернии (сегодня Харьковской области), здесь была похоронена его мать Т.С. Репина. В 1892 г. живописец приобрел имение Здравнево, располагавшееся неподалеку от Витебска. В Беларуси он жил и творил на протяжении нескольких лет, здесь же умер и был похоронен его отец Е.В. Репин. Имя И.Е. Репина увековечено в названии улицы и переулка в Харькове, в его честь также названа Харьковская детская художественная школа [3].

На карте Харькова отмечены имена многочисленных государственных и военных деятелей, чьи жизненные пути так или иначе были связаны с Беларусью. Например, улица в Червонозаводском и переулок во Фрунзенском районах города носят имя Я.Б. Гамарника (1894–1937), члена Харьковского губкома КП(б)У, в 1928–1929 гг. – первого секретаря Компартии Беларуси. Одна из улиц Киевского района названа в честь командарма А.И. Корка (1887–1937), в 1920–1930-х гг. руководившего войсками ряда военных округов, в т.ч. Харьковского и Белорусского. Имя командарма И.П. Уборевича (1896–1937), также командовавшего войсками Белорусского военного округа, присвоено улице в Московском районе города. В 1920-х гг. в Харькове проживал военный инженер, в будущем генерал-лейтенант, Герой Советского Союза Д.М. Карбышев (1880–1945). В 1940-х гг. служил в Гродно, а августе 1941 г. попал в плен на территории Могилевской области. Имя Д.М. Карбышева увековечено в названии переулка в Червонозаводском районе Харькова [9].

Одна из улиц носит имя уроженца Харькова, маршала, Героя Советского Союза П.Ф. Батицкого (1910–1984), в годы Второй мировой войны командовавшего стрелковыми корпусами 1-го и 3-го Белорусских фронтов. В Харькове увековечена также память о Герое Советского Союза П.П. Набойченко (1925–1944), который родился в пос. Ледное под Харьковом. В годы войны служил пулеметчиком 12-го гвардейского стрелкового корпуса 5-й гвардейской стрелковой дивизии 11-й гвардейской армии 3-го Белорусского фронта. Его именем названа улица в Октябрьском районе, а также одна из школ города [9]. Отметим также, что в последние годы в главном городе Слободской Украины создаются граффити серии «Гордость Харькова» с изображениями знаменитых харьковчан. Одним из первых в 2013 г. украсил стену дома по ул. Полтавский Шлях, 1/3 портрет П.П. Набойченко.

В Харьковской губернии начинал свою военную карьеру будущий маршал, четырежды Герой Советского Союза Г.К. Жуков (1896–1974), здесь же он лечился после ранения в годы Первой мировой войны. В 1930-х гг. служил в Белорусском военном округе под руководством И.П. Уборевича. В годы Второй мировой войны военачальник координировал действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов в операции «Багратион», командовал 1-м Белорусским фронтом (1944–1945). Именем Г.К. Жукова в Харькове назван проспект и станция метрополитена. В 1930-х гг. в штабе Белорусского военного округа служил Р.Я. Малиновский (1898–1967) – впоследствии маршал, дважды Герой Советского Союза, в 1943 г. принимавший участие в освобождении Харькова от нацистов. Его имя увековечено в названии улицы и площади в Харькове. Имя генерала армии, дважды Героя Советского Союза И.Д. Черняховского (1906–1945), в

годы Второй мировой войны командовавшего 3-м Белорусским фронтом, присвоено улице и переулку во Фрунзенском районе города [9].

Подводя итог, следует сказать, что Украина и Беларусь имеют тесные многовековые связи, и одним из мостиков, объединяющих наши народы и культуры, являются урбанонимы. Их можно рассматривать в качестве зримого воплощения дружественных украино-белорусских отношений и ценного источника по истории наших государств и народов.

1. Борисова, Т. С. Специфіка лондонської урбанонімії / Т. С. Борисова // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія : Філологічна. – 2013. – Вип. 39. – С. 7–9.

2. Буриева, Х. А. К вопросу об использовании топонимических материалов в историческом краеведении (на примере г. Ташкента) / Х. А. Буриева // «Краєзнавство і учитель – 2015» : Тези доп. Міжнар. наук. конф. (27 лют. 2015 р., Україна, м. Харків) / Харк. нац. пед. ун-т ім. Г. С. Сковороди. – Харків : Колегіум, 2015. – С. 102–104.

3. Вовк, О. І. Духовно-релігійні пошуки І. Ю. Рєпіна у дзеркалі сучасної біографістики / О. І. Вовк. – Харків : САГА, 2012. – 114 с.

4. Гирич, І. Б. Сучасна київська топоніміка як вияв історичної свідомості / І. Б. Гирич // Національна та історична пам'ять. – 2013. – Вип. 8. – С. 133–141.

5. Куделко, С. М. Монархические имена в урбанонимах Харькова / С. М. Куделко, О. И. Вовк // Российская империя в исторической ретроспективе : Выпуск VIII / отв.ред. И. Т. Шатохин. – Белгород : ГиК, 2013. – С. 89–92.

6. Куст, Т. С. Урбанонимия провинциального сибирского города (на примере г. Юрга Кемеровской области) / Т. С. Куст, В. В. Деманова // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 4 (83). – С. 97–99.

7. Мезенко, А. М. Урбанонимия как язык культуры / А. М. Мезенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия : Филология. Социальные коммуникации. – 2011.– Т. 24 (63). – № 2. Ч. 1. – С. 388–392.

8. Суперанская, А. В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1984. – 182 с.

9. Харьков : справочник по названиям : 7000 улиц, площадей, скверов, районов… / сост. : Е. Н. Дмитриева, Е. В. Дьякова, Н. М. Харченко; под общ. ред. С. М. Куделко. – Харьков : САГА, 2011. – 432 с.

10. Шудрик, І. О. Перші кроки в науку майбутнього лауреата Нобелівської премії Саймона Сміта Кузнеця / І. О. Шудрик // Економічна стратегія і перспективи розвитку сфери торгівлі та послуг. – 2013. – Вип. 1. – С. 317–324.

11. Assmann, J. Collective Memory and Cultural Identity / J. Assmann // New German Critique. – 1995. – № 65. – P. 125–133.

12. Urban Place Names : Abstracts of International Symposium (13–16 August 2009, Helsinki) / comp. by Terhi Ainiala, Jani Vuolteenaho. – Helsinki : Research Institute for the Languages of Finland, 2009. – 25 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянов Константин Александрович – доктор исторических наук, руководитель Группы исторической географии Института российской истории РАН (РФ).

Агеенко Татьяна Николаевна – ведущий архивист Национального архива Республики Беларусь, г. Минск.

Алеврас Наталия Николаевна – доктор исторических наук, профессор Челябинского государственного университета (РФ).

Алентьева Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Курского государственного университета (РФ).

Алиева Наргиз Агасалим кызы – доктор исторических наук, заместитель директора по научной части Национального музея истории Азербайджана, г. Баку (Азербайджан).

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, младший редактор отдела научных изданий управления организации научных исследований Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь (РФ).

Анофренко Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Антонович Зинаида Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Архипова Татьяна Григорьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (РФ).

Белецкая Екатерина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент Тверского государственного университета (РФ).

Белявский Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Болотина Марина Олеговна – аспирант Российского государственного гуманитарного университета, специалист 1-й категории Государственного архива Российской Федерации, г. Москва (РФ).

Болотина Наталья Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент Российской академии государственной службы при Президенте РФ, специалист Российского государственного архива древних актов, г. Москва (РФ).

Боровская Ольга Николаевна – научный сотрудник Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Булатый Павел Юрьевич – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, г. Минск.

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Гуманитарного института факультета истории, философии, искусства Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь (РФ).

Бытко Сергей Станиславович – магистрант Нижневартовского государственного университета (РФ).

Валуев Демьян Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета (РФ).

Великая Наталья Николаевна – доктор исторических наук, профессор Армавирской государственной педагогической академии (РФ).

Веремейчик Алина Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Власова Наталья Викторовна – соискатель кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (РФ).

Вовк Ольга Игоревна – аспирантка кафедры историографии, источниковедения и археологии, заместитель директора Центра краеведения имени академика П.Т. Тронько Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Украина).

Гасанов Эльнур Лятиф оглы – научный сотрудник Института краеведения Гянджинского отделения Национальной академии наук Азербайджана, г. Гянджа (Азербайджан).

Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (РФ).

Гребень Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории Белорусского государственного аграрного технического университета, г. Минск.

Гришина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Челябинского государственного университета (РФ).

Давидовская Ольга Николаевна – главный хранитель фондов Витебского областного краеведческого музея.

Дианова Елена Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (РФ).

Довнар Александр Борисович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом источниковедения и археографии Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета (РФ).

Дулов Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Дьякова Елена Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды (Украина).

Евстратьев Олег Игоревич – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, г. Минск.

Емельянова Анна Вячеславовна – соискатель кафедры архивоведения и госуправления департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств, ведущий документовед Управления кадров Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (РФ).

Ерешко Александр Евгеньевич – заведующий кабинетом информатизации фондовой работы Музея истории детского движения города Москвы «Воробьевы горы» (РФ).

Ермакова Ольга Константиновна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург (РФ).

Ермалёнок Витольд Антонович – учитель истории Миорской средней школы № 3, директор исторического музея, г. Миоры, Витебская область.

Ермацане Илзе Станиславовна – Dr. hist., историк Балтийского центра стратегических исследований Академии наук Латвии, г. Рига (Латвия).

Ефимова Елена Алексеевна – кандидат педагогических наук, заведующий кабинетом хранения и обработки фондов Музея истории детского движения города Москвы «Воробьевы горы» (РФ).

Загороднюк Надежда Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории освоения Сибири Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН (РФ).

Захаркевич Степан Артурович – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Иванова Наталья Петровна – доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул (РФ).

Казак Татьяна Витальевна – аспирант Института славистики Польской академии наук, г. Варшава (Польша).

Казаков Роман Борисович – сотрудник факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва (РФ).

Карач Андрей Владимирович – аспирант кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Карпекин Константин Григорьевич – кандидат исторических наук, главный хранитель фондов Государственного архива Витебской области.

Кащенко Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (РФ).

Кепин Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, ученый секретарь Отдела культурного наследия Центра памятниковедения НАН Украины и Украинского общества охраны памятников истории и культуры, г. Киев (Украина).

Киселев Михаил Юрьевич – кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов Архива РАН, г. Москва (РФ).

Киселева Юлия Анатольевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры историографии, источниковедения и археологии исторического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Украина).

Ключарева Антонина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого “Ясная Поляна”», Тульская область (РФ).

Кобринец Валерий Арсеньевич – научный сотрудник Музея Белорусского Полесья, г. Пинск.

Кожевникова Мария Валентиновна – магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва (РФ).

Козлова Мария Игоревна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента сервиса Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (РФ).

Косов Александр Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий аспирантурой Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Костякова Юлия Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова, г. Абакан (РФ).

Кравченко Елена Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Украинского государственного университета железнодорожного транспорта, г. Харьков (Украина).

Краско Геннадий Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент Института национальной безопасности Республики Беларусь, г. Минск.

Кривчиков Владислав Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры тылового обеспечения военного факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Крючек Петр Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета, г. Минск.

Кузнецова Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории гуманитарного факультета Даугавпилсского университета (Латвия).

Кулиева Наргиз Мелик кызы – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку (Азербайджан).

Кулинок Святослав Валентинович – заведующий отделом информации и использования документов Белорусского государственного архива научно-технической документации, г. Минск.

Кухаренко Артур Андреевич – ведущий специалист Главного управления науки, преподаватель Центра системных исследований проблем молодежи Белорусского государственного университета, г. Минск.

Литвинчук Юлия Сергеевна – аспирант Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Лобин Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, руководитель группы научно-методических разработок Государственного комплекса «Дворец Конгрессов» Управления делами Президента Российской Федерации, г. Санкт-Петербург (РФ).

Луговцова Светлана Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Лукьянов Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, (РФ).

Лю Янь – аспирант Белорусского государственного университета культуры и искусств, г. Минск.

Лякишева Светлана Ивановна – кандидат педагогических наук, научный сотрудник сектора учета и хранения фондов Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого “Ясная Поляна”», Тульская область (РФ).

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой документационного и информационного обеспечения управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (РФ).

Макаров Леонид Дмитриевич – доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета, г. Ижевск (РФ).

Маловичко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Московского государственного областного гуманитарного института (РФ).

Мартынюк Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, докторант исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Марфина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом антропологии и экологии Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Меньченя Сергей Викторович – старший преподаватель кафедры философии и истории Белорусского государственного аграрного технического университета, г. Минск.

Мининков Николай Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону (РФ).

Минц Светлана Самуиловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета (РФ).

Моторова Надежда Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Мысливец Галина Михайловна – старший преподаватель кафедры истории и туризма Полоцкого государственного университета.

Назарова Евгения Львовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, г. Москва (РФ).

Некрасова Надежда Владимировна – менеджер Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва (РФ).

Николаева Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Новик Наталия Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Новиков Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, мировой культуры и туризма Минского государственного лингвистического университета.

Новицкая Ольга Васильевна – младший научный сотрудник Музея «Замковый комплекс “Мир”», Гродненская область.

Павлова Елена Яковлевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и музееведения Белорусского государственного университета культуры и искусств, г. Минск.

Папцова Алла Константиновна – кандидат философских наук, старший преподаватель Комратского государственного университета (Молдова).

Пивовар Николай Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Подберезкин Филипп Дмитриевич – магистрант исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Попель Родион Игоревич – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, г. Минск.

Посохов Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Украина).

Преловская Ирина Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела источниковедения новейшей истории Украины Института украинской археографии и источниковедения имени М.С. Грушевского НАН Украины, профессор Киевской православной богословской академии Украинской православной церкви Киевского патриархата, г. Киев.

Разуванова Ксения Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории геополитики Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Редин Дмитрий Алексеевич – доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по науке Института истории и археологии Уральского отделения РАН, заведующий кафедрой истории России Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, г. Екатеринбург (РФ).

Римко Ольга Георгиевна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Полоцкого государственного университета.

Румянцева Марина Федоровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва (РФ).

Святец Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Украины исторического факультета Днепропетровского национального университета (Украина).

Сидоренко Борис Игоревич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общей теории права и гуманитарных дисциплин Могилевского филиала Белорусского института правоведения.

Скворчевский Дмитрий Вячеславович – аспирант кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков Белорусского государственного университета, г. Минск.

Смолик Александр Иванович – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств, г. Минск.

Сокольчик Елена Эдвардовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Солодкин Янкель Гутманович – доктор исторических наук, профессор, заведующий Научно-исследовательской лабораторией региональных исторических исследований Нижневартовского государственного университета (РФ).

Сукина Людмила Борисовна – доктор исторических наук, кандидат культурологии, профессор Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова (РФ).

Суслов Алексей Юрьевич – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета (РФ).

Тараневский Виктор Владимирович – старший преподаватель кафедры литературы Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Тетерин Вадим Игоревич – старший преподаватель кафедры истории, социологии и права Пермской государственной сельскохозяйственной академии (РФ).

Тимохин Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, г. Москва (РФ).

Фельдман Дмитрий Захарович – кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов, г. Москва (РФ).

Фомина Татьяна Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и методики ее преподавания Набережночелнинского института социально-педагогических технологий и ресурсов (РФ).

Французова Екатерина Борисовна – научный сотрудник Группы исторической географии Института российской истории РАН, г. Москва (РФ).

Фридман Александр – доктор философии (PhD), старший научный сотрудник университета Люксембурга.

Ханипова Ильнара Ильдусовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань (РФ).

Черкасов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической истории Белорусского государственного экономического университета, г. Минск.

Чернышов Александр Викторович – кандидат технических наук, программист Музея истории детского движения города Москвы «Воробьевы горы» (РФ).

Чикалова Ирина Ромуальдовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой и новейшей истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, г. Минск.

Чореф Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований Нижневартовского государственного университета (РФ).

Шандра Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Старобельск (Украина).

Юрчак Денис Валерьевич – главный специалист главного управления идеологической работы, культуры и по делам молодежи Витебского областного исполнительного комитета, кандидат исторических наук.

Яковенко Галина Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды (Украина).

Яковлева Галина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Ященко Оксана Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Материалы III Международной научно-практической конференции

Витебск, 8–9 октября 2015 г.

Технический редактор *Г.В. Разбоева*
Компьютерный дизайн *Л.Р. Жигунова*

Подписано в печать 30.09.2015. Формат 60x84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 39,76. Уч.-изд. л. 38,27. Тираж 70 экз. Заказ 121.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.